

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 5 2023

Поздравляем наших читателей с праздником Победы — 9 мая!

Помните!
Через века, через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придёт никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно
достойны!

Хлебом и песней,
Мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достойны!

Люди!
Покуда сердца стучатся, —
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста, помните!

Песню свою отправляя в полёт, —
помните!

О тех,
кто уже никогда не споёт, —
помните!

Детям своим расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена бессмертной Земли
помните!
К мерцающим звёздам ведя
корабли, —
о погибших
помните!

Встречайте трепетную весну,
люди Земли.
Убейте войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт никогда, —
заклинаю, —
помните!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
отрывок из поэмы “Реквием (Вечная слава героям)”
1962 г.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,

А. В. ВОРОНЦОВ,

Т. В. ДОРОНИНА,

С. Г. КАРА-МУРЗА,

В. Н. КРУПИН,

Ю. М. ЛОЩИЦ,

Д. Н. НИКОЛАЕВ,

Ю. М. ПАВЛОВ,

И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,

З. ПРИЛЕПИН,

Е. С. САВЧЕНКО,

В. В. СОРОКИН,

ТИХОН (ШЕВКУНОВ)
митрополит Псковский
и Порховский,

А. Ю. УБОГИЙ,

Р. М. ХАРИС,

М. А. ЧВАНОВ,

С. А. ШАРГУНОВ,

В. А. ШТЫРОВ

Поэзия

- Наталья ЕГОРОВА
Сиянье мира, бьющее за край... 3
- Владимир БЕРЯЗЕВ
У берега белых вод 31
- Александр РУДЕНКО
Равнение на звёзды 92
- Борис ОРЛОВ
От росы и до росы 120
- Игорь ТЮЛЕНЕВ
...Школьник слов
первоначальных 133

Проза

- Александр БУДНИКОВ
Орден Славы. Рассказ 10
- Николай ГЛАЗУНОВ
Райские яблоки. Рассказы 19
- Анатолий САЛУЦКИЙ
От войны до войны 34
- Сергей МУРАШЕВ
Камера обскура. Рассказ 97
- Олег РЯБОВ
Не люблю Париж. Рассказ 106
- Андрей ТУЗНИКОВ
Пылающий закат 122
- Дмитрий ЧУРКИН
День рождения дочери.
Рассказ 126
- Юлия ВЕРБА (АРТЮХОВИЧ)
Без вранья. Рассказ 136
- Пётр КУЗНЕЦОВ
Если б не было
войны. Рассказы 141

Очерк и публицистика

- Вячеслав ШТЫРОВ
Национальная идея: есть ли
у России будущее без неё 150
- Александр СМОЛКО
Что ни делает дурак,
всё он делает не так 174
- Константин ДОЛГОВ
Образование, наука, культура
и будущее России 182

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*генеральный директор,
отдел публицистики* —
(495) 625-01-81

К. К. Сейдаметова —
*первый заместитель
главного редактора,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

отдел критики —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Алексей КОЗЫРЕВ
Когда страшно,
помогут философы 187

Встречи с читателями

Денис БАЛИН
Мы есть друг у друга 193

Дмитрий БОБЫЛЕВ
Аглофабрика. Рассказ 197

Мария ЗАТОНСКАЯ
Не ощущая своего предела 201

Андрей БЕЛОЗЁРОВ
Наташин день 203

Павел СИДЕЛЬНИКОВ
Трёхмерный космос 214

Кирилл РАДЧЕНКО
Близость 217

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожин 219

Мир Аюпова

Ольга ОВЧАРЕНКО
Вор – роман всей жизни 243

Критика

Александр МЕДВЕДЕВ
Бесы: тогда и сейчас 249

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
“Страшный вызов
самодурной силе” 254

Пётр ТКАЧЕНКО
“Красные дни”
Анатолия Знаменского
и наши дни 264

Книжный развал

Владимир ШУЛЬГИН
Он числился по России 272

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 24.04.2023. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 1702-2023. Тираж 3300 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 с1.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

СИЯНЬЕ МИРА, БЬЮЩЕЕ ЗА КРАЙ...

* * *

В простор претворяйся, любви и огня волшебство
С извечною русскою чаркой всемирной печали!
Нас ввергли в пространство — и мы покорили его,
Навеки своими назвав бесконечные дали.

В характере нашем поют “никогда” и “всегда”
Весёлой надеждой, что всюду мы — странники — дома.
И небо горит нам, и русская светит звезда
Огнём навсегда незнакомым и вечно знакомым.

Не всё ли равно, где шагать — между верб и ракии,
Дорогой пылящей, межой, устремившейся в тучи,
Тропинкой у изб, где бродяга-кузнецик скрипит,
Иль звёздной тропой в иван-чаях галактик горячих.

В какую бы даль ни послала причудница-жизнь,
В прекрасном конечном, как мир, бесконечном итоге
Я в пропасть шагну и пространству скажу: “Расступись!” —
И тут же, покорное, ляжет травой под ноги.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве “Современник”, газетах “День”, “Завтра”. Автор поэтических книг “Золотые шары”, “Птицы в городе”, “Тысяча лет — снегопад”, “Русской провинции свет” и подборок в различных периодических изданиях. Лауреат Всероссийской православной премии им. св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры. Член Союза писателей России.

* * *

В том детстве, где ангел случайно
Про жизнь просиял мне и смерть,
Открылась мне вечная тайна —
Не может любовь умереть!

Тот ангел сидел в изголовье,
Бессмертный в бессмертной любви,
А мама горела любовью
И гладила косы мои.

Но ангел исчез белокрылый,
И в маминой тихой, живой
Любви — над холодной могилой
С седую стою головой.

И не понимаю упрямо,
Как жизнь наша быстро прошла.
Твержу своё детское: “Мама,
Зачем нас любовь не спасла?”

Зачем в слабине человеческой
Мы жизни твоей не спасли?..
И смерти ответить нам нечем
По-прежнему, кроме любви.

И горю ответить нам нечем
По-прежнему, кроме забот,
Пока о прощанье и встрече
Тот ангел продрогший поёт.

Тот ангел, как лунь, сизокрылый,
И жизнь повидавший, и смерть,
Поёт над родною могилой:
“Не может любовь умереть!”

ПОЭТ

Возлюбить лопушки и дождями клубящийся мрак,
Свято веровать в Музу, что явно Всевышним ведома,
И за каждую строчку плохую ругать себя так,
Что вскипают все лужи на грязном асфальте у дома.

Обижаться легко. И наивно, легко обижать,
Никого отродясь, кроме собственной лиры, не слыша.
И упорно, уверенно, самоуверенно ждать
Оправдания Неба и экстренной помощи свыше.

И, с друзьями сойдясь, под извечным девизом “Дерзай!”
Вместе с мухами пить за Шекспира в задрипанной чайной.
Ради рыжей лахудры мира открывать невзначай,
А потом закрывать ради сивой лахудры случайной.

И в больницу лететь с дорогушим лекарством чуть свет,
Сокрушаясь до звёзд о дружке, потонувшем в стакане:
“Что ж ты, Ваня, придумал, ведь ты же хороший поэт!
Я ругал тебя зря... Что ж ты шею свернул себе, Ваня!”

И, себя позабыв, вдруг припомнить весь мир до глубин,
И легко умереть в накатившей строке за другого.
И, смеясь, возражать: “Что там с солнцем наделал Навин?
Ну, и что тут за чудо? Подумаешь! Это же слОво!”

И валяться на пляже, уставившись в мокрый песок:
Всё в больничку отнёс — на шашлык и винишко не хватит!
Но и тут отхватить неперменного счастья кусок
На горячем, пурпурном, клонящемся к морю закате.

Да!!! Внезапно!!! Прозреть!!!
— О, какой я великий дурак!
То дерзал, то дерзил, то старался потрафить кому-то.
Я же толком не жил! Все я, Господи, делал не так!
Помоги мне не сдохнуть, нагадив с лихвой и напугав!

И опасную боль осторожно почуять в груди,
Наплевать на неё и подняться навстречу заходу.
Распалённому солнцу устало сказать: “Погоди!” —
И, не видя, шагнуть в помутневшую чёрную воду.

И, себе удивившись, горящим нутром ощутить:
Из тебя изошла непонятная странная сила.
И глядеть, ошалев: передумав с небес уходить,
Над ларьками и пляжем висит неподвижно светило.

* * *

А зверь и птица человека ждут
У чёрных изб — одни на белом свете.
И если люди жить решатся тут,
Они придут, доверчивы, как дети.

Прёт лебеда. Ржавеют провода.
Но ёж и крот о будущем не тужат.
Так в церкви ждут священника: когда
Придёт и службу Господу отслужит?

А ты — то лося ранил наповал,
То птиц стрелял в жестокости незрячей.
Что ж — царь зверей, ты сам себя назвал,
В себе звериный облик обозначив.

Ты видишь мир, как некий страшный сон,
И на живое чёрной прёшь лавиной.
Ты паче зверя зверь во тьме времён —
Царь над зверями в самости звериной.

Но в громе туч, как в грохоте телег,
Ежу с кротом под утро сон приснится,
Что вызревает новый человек
В какой-то залетевшей в рошу птице.

И ей, прошедшей через забытьё,
За вековое кровное сиротство
Всё без возврата отдано твоё —
Людское к человеку не вернётся.

Она поёт над разореньем гнёзд
У хат гниющих в запустенье диком,

Синица — не синица, дрозд — не дрозд,
Неведомая птица с женским ликом.

Вплетает в ночь крапиву и репей,
Слова людей мешая с птичьей речью,
И плачет над жестокостью твоей,
И просит Бога дать ей человечье.

* * *

Сергею Куняеву

Все ушли. И в кладбищенской зыбкой тени
Вновь сирень зацветает соцветьями снов.
Среди древней земли мы остались одни
В обезлюдившей горнице прошлых веков.

Что же, прошлое свято живущим вдвойне.
Каждый знал — на земле ничего не сберечь.
Лишь великие тени сквозят в вышине,
И великих преданий доносится речь.

Мы, пришедшие позже, попали на пир
И остались чужими им. Но всё равно
Их глазами мы долго глядели на мир,
Их речей вдохновенных плескали вино.

Мы живём о своём в духоте дешевизн.
Новый мир постаревшим и мил, и не мил.
И цветёт над могилами новая жизнь —
Жизнь всегда расцветает над прахом могил.

Но украдена памяти главная весть,
Утекает минувшее сквозь решето,
И о жизни, горевшей прозреньями здесь,
Нынче даже случайно не вспомнит никто.

По в пустыне, где каждый к ушедшему глух,
Мы бредём, заплативши с лихвой за мечты,
Понимая, что долго сияющий дух
Не достигнет в потомках былой высоты.

И жалея до слёз молодых и лихих
(Разнесут — только словом случайно затронь!),
Говорим мы: “Манкуртам в беспамятстве их
Недоступен былых вдохновений огонь”.

Что ж — прости и пойми. Так бывает всегда.
Старый друг, ничего в этом нового нет.
Отцветает сирень и цветёт лебеда,
Где когда-то горел несгорающий свет.

СИРЕНЬ — НА СЧАСТЬЕ

Сирень! Сирень! Как мощный взрыв сверхновой,
Сносящий мозг тяжёлою волной, —
Четырёхлепестковый куст лиловый,
Смыкающий объятья за спиной!

В парадных белых фартуках крылатых, —
Учиться лень и думать тоже лень! —
Мы забывали целый мир, когда ты
Цвела, непредставимая сирень!

Но был один секрет: в саду у школы
Найти, нырнув в лиловый окоём,
Цветок особый, пятилепестковый,
И съесть его — ведь счастье скрыто в нём!

Наклонишь ветвь с цветком, судьбе раскрытым,
С грядущим, приходящим навсегда, —
Гори над головой, сияй над бытом,
Лиловая сверхновая звезда!

И мы, зарывшись в душный куст весенний,
С усердием весёлых дикарей
Искали счастье верное в сирени,
Глотали счастье, утопая в ней!

А кто не верил в тот пятиконечный
Сердечный бред, серьёзно хмуря лбы,
Остался навсегда в сомненье вечном
Без радости, без счастья, без судьбы.

Что ж до меня... В серьёзном или в малом,
Не счастья — о судьбе не привирай! —
Но с той поры всегда тебя хватало,
Сиянье мира, бьющее за край!

Всегда ты был — забытый всеми, душный
Любви и детской нежности предел.
Неважно, что Рахманинов подслушал!
Неважно, что там Врубель подсмотрел!

А важно — если чёрное случится
И совладать не сможешь с миром ты,
Лицом в сирень, наплакавшись, зарыться,
Глотать на счастье горькие цветы.

* * *

Рогатые, хвостатые, хмельные,
Валили в ночь. Но кто-то вдруг сказал:
— Снимите маски! Назовите имя!
И, захлебнувшись, сгинул карнавал.

И врассыпную хлынули, чтоб скрыться
Химерами с пожара Нотр-Дам,
Под медицинской маской скрыли лица,
Боясь случайно показать — что́ там.

Но улыбнулся, зная суть сюрприза,
Спасения и света верный сын,
Амбивалентный теоретик низа,
Срыватель масок гибельных — Бахтин.

Что ж, в кривде не терпевшая огласки,
Меня, как наряды, времена,
Европа, ты всегда любила маски,
Всегда, смеясь, скрывала имена.

Блудница и жена хмельного мира,
За мудрость мира в жерле вечной тьмы
Ты поднимала кубок среди пира —
Блажного пира посреди чумы.

И мы привыкли к маскам постепенно,
В Любви Христовой принимая всех.
С всемирною отзывчивостью в генах
Мы позабыли, что заразен грех.

Но, не считая балаган за чудо,
Не жалуя Пьеро и Домино,
Мы любим вас, как прежде. И покуда
В Европу не захлопнули окно.

И снятся нам не рокот струн слепца,
Не бык, везущий деву сквозь потопы,
А вы — черты прекрасного лица
Сорвавшей маску чёрную Европы.

* * *

Разве ты это, родина — царь да обком,
Да шлагбаумом к счастью закрыты пути,
Ну, а в Китеж — ни Ельциным, ни Ермаком,
Хоть рукою подать, да вовек не пройти.

Лучше Бога мы знали, какой ты должна
Быть. А всё же, умеривши гордость и спесь,
Не переть бы нам, знающим, против рожна,
Полюбить бы тебя нам такую, как есть!

Ты — любила. И за руку тихо вела.
И слезу вытирала в назначенный час.
И терпела, когда и терпеть не могла
Безобразно позорящих, судящих нас.

— Всё не так! — каждый век мы пеняли тебе.
Где нам — умным — заботу и нежность понять!
Ты нас, ласковых, гладила по голове
И, слезу вытирая, жалела, как мать.

Наплюю я на злое жульё да ворьё.
— Чист загаженный двор! Бел затоптанный снег!
Я возьму тебя, родина, в сердце своё.
Сохраню тебя, родина, в сердце навек.

Что нам — царь, да октябрь, да банкир, да обком!
Может быть, мы опомнимся, дети твои, —
Наша родина плачет над каждым ростком
И скорбит, и нуждается в нашей любви.

* * *

Не шуба боярская — снежная тьма
Согреет мехов горячей.
Перст в тучи уставивши, смотрит зима
Морозовой грозной с саней.

Заточено солнце в колодец зимы,
Где каждый — спасёт и предаст.
А Суриков пишет лазурью дымы
Печные. И суриком — наст.

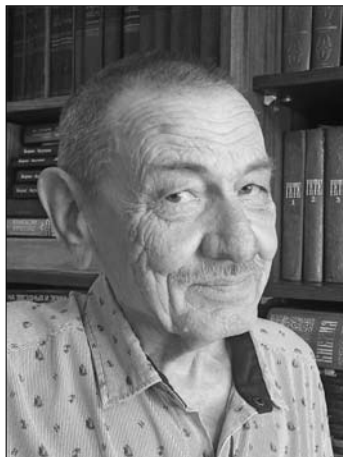
По снегу мазками — хребтины домов
В проулочках. А надо всем, —
Как пятна, плывут подмалёвки миров,
Наброски непознанных тем.

Сиянье проросших сквозь вьюгу Стожар —
Как пир посредине чумы.
И снова сжигающий холод и жар
Сливаются в сердце зимы.

Пляши-хохочи над порубами льда,
Своё пролистнув житиё.
Где жизнь невозможна по сути — всегда
Вступает в права бытиё.

И крикнув, что всё от рождения знал,
А душу не продал зазря,
Юродивый смотрит в морозный провал
Столетий — глазами царя.

АЛЕКСАНДР БУДНИКОВ

ОРДЕН СЛАВЫ

РАССКАЗ

В двухтысячном году, когда телевидение настойчиво упражнялось страшилками о конце света, я снял на окраине под живописную мастерскую пустующую избёнку, на улице со странноватым названием Национальный порядок. Поправил изгородь и, не заботясь особо об одичавшем садике, вскопал немного земли под огуречную лунку, под помидоры и под зелёный лук. Чтоб было чем закусить, если друзья-художники заглянут. Окружение составлял обычный рабочий люд, общавшийся со мной запросто. Национальный порядок до вечера пустел, и на глаза попадался лишь сосед дядя Миша, глубокий пенсионер. Как бы рано ни прибегал я в мастерскую, он уже царственно восседал на скамейке у калитки своего нового особняка и попыхивал папирсой “Беломорканал”. Соседские мужики называли его между собой Остойкоси — по словечку, которое он то и дело употреблял.

— Мёрзнешь, остойкоси, небось, в избёнке-то? — спросил он при начале знакомства. Я и взаправду зяб, весна прохладная выдалась, а печь топить я даже не помышлял, настолько негодная была. — Зови, помогу. А то сижку да бездельничаю. Правда, сбегал с утра за куревом на базар... К восьми за

БУДНИКОВ Александр Михайлович родился в 1947 году в селе Медяна Пильнинского района Горьковской области. Сейчас живёт на другом берегу Суры, в городе Шумерля. Окончил художественно-графический факультет Чебоксарского педагогического института и четверть века преподавал в Шумерлинской школе искусств. В молодости освоил несколько рабочих профессий. Почти семь лет прослужил в гражданской пожарной части. Принят в Союз писателей России в 1997 году и в Союз художников России в 2000 году. Его проза не единожды публиковалась в столичных периодических изданиях, и в нашем журнале в том числе. В 2019 году в Чувашском книжном издательстве вышла его книга рассказов и повестей “Ямщина”.

бутылкой мыкнулся, когда дочка на работу уйдёт... Я тут многим на ульце печи клал, и в банях, и в избах. И ты, это, остойкоси, смело меня зови!

Его вдовая дочь Валентина Михайловна служила по медицинской части и пропала в больнице допоздна. И дядя Миша был сам себе господин. Все улицы на окраине покрывала дикая грязь, я пришёл в резиновых сапогах, а начищенные туфли дяди Миши ярко блестели. На моё удивление он ответил:

— А я сроду не понимал, как это можно на дороге запачкаться или, скажем, споткнуться. Хотя, остойкоси, и быстро пока хожу. Или, там, поскользнуться да упасть... Бывало, и жена изумлялась: на воздухах, что ли, ты, Миша, пролетел?!

На неторопливую возню с печью времени ушло много. Никаких денег дядя Миша не взял, но водку, разумеется, пили. Он пояснил: на кладке печей ни разу не наживался — ну, выставит хозяин для уважения самогонки или квасу, и лады. Один день мы ломали печь и чистили на огороде кирпичи. Материал для кладки добывали тут же, на огороде: песчано-глинистое дно древнего моря сидело под полуметровым слоем земли. На третий день к вечеру возвели трубу и побелили извёсткой печь. Истопили и задержались в тёпльишке допоздна. За мной примчалась обеспокоенная жена, а дядю Мишу увела дочка. А рано утром, как ни в чём ни бывало, дядя Миша восседал на скамейке, дожидаясь ухода Валентины Михайловны. Выдал мне комплимент:

— Ладная у тебя подружка! Где сыскал? Нынче редко такие-то встречаются. Мы, фронтовики, насчёт дамского пола нагловатое после войны себя вели, девок да вдов молоденьких несть числа было. Мы все женились на красавицах. Жёны нас за гульбу-то ревновали, да куда денешься?! Девки сами навстречу шли... природа, брат!

— Дядь Миш! А когда на войну-то взяли?

— Да в августе. Я к тому времени здесь, в городе, жил, год на заводе прослесарил. Видно, здорово, остойкоси, себя показал, директор ни в какую меня не отпускал, бронь давал. А тятя мой уже воевал. Мне как-то не по себе от этого было. Погиб тятя в сорок втором, под Великими Луками. Да я об этом долго не знал, из окружения выбирался.

— Как уцелеть-то удалось?

— Уверен был — не ранят и не убьют. При моей-то силе и ловкости! На колхозе, бывало, мальчишкой за три часа дневную норму по снопам выдавал, рожь и пшеницу тогда серпами жали. Н-да... Но всё-таки меня ранило, и тяжело. Как ни странно, в войну я не курил и не пил, ребятам всё отдавал. А в Запорожье однажды выдул целый котелок виноградного вина, сладкое, остойкоси, было, ароматное, да и пить уж больно хотелось. Единственный раз за всю войну винца отведал! И сразу свалился и уснул. Очнулся в санитарном вагоне, рука перебита ниже локтя — под миномётный обстрел попал. Полгода в госпитале в Тбилиси, руку не отняли, спасли.

— А награды-то есть, дядь Миш?

— Ну, как же без них, сынок... Два ордена “Красная Звезда”, потом серебряная медаль “За боевые заслуги”... И, остойкоси, безномерная — “За взятие Кёнигсберга”.

— А за какие подвиги ордена-то?

— Да хрен их знат... Мне никто не докладывал. Вручили в штабе перед концом войны, при мне вписали номера и названия наград в мою книжку красноармейца, военные билеты тогда ещё не ввели.

— Не просто же так ордена-то выдают!

— Ну, были разные случаи, да ведь сам-то доказывать не станешь. Нужны свидетели, кто-то из командиров, политрук... От них бумага на представление... Помню, отбросил нас немец километра на три-четыре. А до этого мы его гнали целый день, но выдохлись. И тут опять свирепейшая атака, еле мы их остановили. Моему миномётному расчёту тяжко приходилось при отступлении: ствол, плита, несколько ящиков с минами, спасибо, солдаты помогали. Не раз останавливались, собирали миномёт, стреляли по атакующим цепям, от танков их отсекали. Положили человек сто. Затем я сам взялся за

миномёт и сумел разбить осколками гусеницы четырёх танков. Ещё один танк повредили расчёты двух бронебойных ружей. Несколько самоходок сопровождения резко включили задний ход. Расположение роты справа заволочло чёрным дымом: остойкоси, думаю, что такое?! А это к ним сдуру прорвался без пехоты лёгкий танк, и теперь его жгли бутылками. Отступившая дивизия наша под бомбами-снарядами траншеи роет, а мы, как и положено, со своим ротным миномётом как бы в тылу, у своей роты за спиной, метрах в трёхстах. Только-только окоп отрыли, и на миномёте я остался один, заряжающего и подносчика лейтенант в траншею загнал, людей не было, от роты человек пятнадцать осталось. Да и во всей дивизии — стрелков тыщи две. Так что либеральным историкам ты не верь, вовсе не мы противника массой людской давили. У немцев в любых обстоятельствах, всегда если дивизия, то тысяча десять-двенадцать пехотинцев. А в дивизии нашей, например, и в лучшие времена больше пяти-шести тысяч не бывало. На миномётной моей душе несколько сотен мальчиков немецких лежит... И очень возможно, в рай меня не возьмут. Но ведь их мы сюда не звали! И печенегов не звали мы, и хазар, и урянхайца Субудая с его монголами, и Мамаю. И ярла Биргера мы утёрли, и псов-рыцарей, и ляхов в смутные времена, и Карла Двенадцатого... И, остойкоси, Наполеона, и Антанту, и множество белых генералов. Но немцам урок не впрок. Россию завоевать нельзя. И тем же американцам не урок, со всех сторон обложили нас...

— Дядь Миш, остался ты в одиночестве, и что?

— Сознаться честно, равных себе миномётчиков я не знал. Есть же такие ловчачи, которые бьют от бедра из револьвера... и в десятку! Вот и я интуицией наподобие, так сказать, страдал. Короче, немец отполз, а вскоре бешеная артподготовка, весь наш передний край — дыбом. Следом пикировщики каруселью, штук шестьдесят. Один самолёт вдруг отвернул, смотрю — пикирует на меня, заметил, видно, моё гнездо... Тут моя интуиция сработала, повернул прицел, бросил в ствол мину — даже на долю секунды не ошибся. Врезал этому стервятнику в брюхо, да ещё бомбы сдетонировали. Обломки далеко разлетелись. Любоваться на это было некогда, немец густыми цепями шёл в атаку. Впереди ползли два тяжёлых танка “Пантера” и две самоходки “Фердинанд”. И, остойкоси, это лишь на расположение нашей роты. На соседние роты посмотрел — то же самое! Но не мой сектор, там свои люди есть. Двое наших из противотанковых ружей по гусеницам бьют, да всё никак, далековато ещё. Рота из винтовок и единственного уцелевшего “дегтяря” пытается пехоту отсеять от танков. Остойкоси, мыслю я, коль сумею машины задержать, атака у фрицев тормознётся. Тяжёлая наша артиллерия была по атакующим откуда-то с закрытых позиций, но без особого для противника урона. А потом на другой участок огонь перенесла, там, видимо, тяжелее было. Я выпустил по цепям десяток мин, но ряды сомкнулись, и пехота аж на бег перешла. Самоходки и танки приостанавливались и прицельно били по нам из пушек. И тут я понял: не промахнусь! При очередной остановке всадил мины вернёхонько в башенные люки танков, из-за страшной жары открытые. Очередей с воздуха танкисты не опасались, авиация наша была ещё слабовата. По три мины небрежно загвоздил в самоходки. У одной “Пантеры” башню снесло, а в другом танке и в самоходках беззапас взорвался. Картина маслом! Пехота мордами в землю сразу, и затем перебежками — назад. Из наших никто ни хрена не понял, списали на тяжёлую артиллерию, а я потом про самолёт да про танки не хвалился, вряд ли поверили бы мне.

— За это тебе Звезда Героя полагалась бы!

— Но, ты остойкоси, я ведь не за награды воевал. На войну вовсе не за медалями уходят. Однажды я штаб дивизии СС подчистую смёл, со всеми службами и ротой охраны, да тоже об этом умолчал... Подвинули мы немного немцев, а в тыл к нам — дивизия СС, прорвала, видимо, где-то фронт. Ну, об этом начальство нам не докладывало. Нашей роте в каком-то мелколесье приказали окапываться. Ба, остойкоси, думаю. Ведь перед самым наступлением я по этому лесочку стрелял! Указали квадрат, сказали — шевеление там замечено. Пробежался в сумерках по лесочку, смотрю — на поляне стоит

реактивный многозарядный немецкий миномёт, полностью снаряжённый. Мины, надо сказать, огромной разрушительной мощи, они летали с воем и скрежетом и разом накрывали большую площадь. Приказ нам был копнуть оборону молча, всю ночь соблюдать строжайшую тишину — пусть, мол, немец гадает, что за притча такая, отчего это у славян ни звука? Присмотрелся, а в траве мёртвый расчёт валяется, из моего миномёта посечённый. А громадные мины целы все, лишь какой-то проводок от аккумулятора перебит. Я сдуру его и шевельнул. Искра! Я вовремя сумел отбежать и дал дёру к себе в окоп. А миномёт оглушительно, по-адски завыл-запел. От безобразия в роте лейтенант наш пришёл в столбняк. Утром стали искать виновных в нарушении тишины, но вдруг выяснилось: немецкий миномёт накрыл штаб дивизии СС, после чего она оставила мечты о дальнем прорыве и ломанулась восвояси. А до того в том же здании стоял штаб стрелковой нашей дивизии, и реактивные мины должны были обрушиться на него. Да вот, видишь ли, миномёт мой этому помешал... А насчёт орденов — мне в восьмидесятом году завод орден “Знак Почёта” присудил. Вот это приятная награда. А фронтовые ордена, ей-богу, и не знаю, за что...

В нашем военкомате работала знакомая девушка, одна из моих натурщиц. Я сходил к ней, она позвонила в Министерство обороны, и ей продиктовали сведения из наградных листов дяди Миши. И рано утром он читал на скамейке вслух:

— “Наградить медалью “За боевые заслуги”... командира расчёта ротного 82-миллиметрового миномёта, гвардии старшего сержанта... имярек... за то, что он с 23 по 28 февраля 1945 года на линии обороны в Восточной Пруссии, несмотря на сильный пулемётный огонь противника, систематически перевыполнял нормы по отрывке траншей”. На тебе! Да это, остойкоси, обычное дело было. Помнится, мы тогда убитую лошадь съели... А это вот интересно. “Наградить орденом Славы третьей степени...” вот те раз... “за то, что в наступательных боях с 13 по 18 марта 1945 года он своим миномётом подавил миномётную батарею немцев, уничтожил два станковых и два ручных пулемёта вместе с прислугой, а также свыше 15 солдат противника”. Ну, и Бог с ним, с нашим дивизионным штабом, вручили вместо Славы Звезду, я не в обиде... Читаем далее. “Наградить орденом Красной Звезды... ага... гвардии старшего сержанта Михаила Васильевича Медянина за то, что он в боях с 6 по 8 апреля 1945 года за город Кёнигсберг, будучи командиром расчёта, подавил своим миномётом противотанковую пушку с её прислугой и, кроме того, уничтожил 25 немецких солдат”. Ну вот, ещё полсотни мальчишек на душе... Немцы-то до последнего дрались, непрерывно атаковали, упорно, как сумасшедшие... А чего ради?! Россию лишь Саня Македонский не пытался завоевать, а и его бы мы отоварили.

— Дядя Миша! Все твои награды — за последние месяцы войны. А почему прежде-то не отмечали тебя?

— Трудно сказать... Крутом был массовый героизм. Плюс в начальстве неразбериха. Среди кого выделяться-то? Вокруг меня товарищи гибли сотнями... А я вот живой остался. И это основная награда. Оно, конечно, много поводов было — медальку-другую получить... Но вот в отступлении, к примеру, кто тебе орден выпишет? Брёл, помню, в потоке беженцев, это ещё до окружения, детей уставших на руках нёс. Ихние матери — кто лепёшки отломит мне, кто картофельной угостит варёной... А с неба, ежечасно почти, то штурмовики, то пикировщики. Бомбят, из пушек и пулемётов по людям чешут... Потом смотрю, а в канаве за кустами — полуторка вверх колёсами. Мотор и кабина — вдребезги, деревянный кузов с одной стороны разбит, обломки в траве валяются. Нагнулся — мамоньки! Под кузовом груды пулемётов ручных и снаряжённые диски к ним. Нашёл в остатках кабины сапёрную лопату и буксировочный пеньковый канат. Врыл в землю доску, а поперёк, к вершине, другую канатом прикрутил. Канат рубил сапёрной лопатой. “Дегтярей” оказалось семь, новые, в смазке все. Привязал их стволами к поперечине, нашёл ещё один обломок доски, приладил его к прикладам и покрепше в землю упёр. Расплёл часть каната на тонкие верёвочки и привязал их к спусковым крючкам. Пока трудился, два налёта стерпел.

С шоссе люди не успевали разбежаться, кровь с насыпи ручьями текла. Опять налёт! Какая-то сволочь одиночная, штурмовик. Упёрся я ногой в нижнюю доску “митральезы”, рванул обеими руками спусковые верёвочки. Самолёт нарвался на стену пули, весь сделался в решето, у него даже крылья отвалились. Воткнулся в землю невдалеке. Вскоре пикировщики на шоссе зашли, но отбомбились далековато. Пришлось садить по ним при выходе из пики. Сбил три штуки, четвёртый резко в испуге отвернул, пятый тоже хотел, да я сумел ему хвост отсечь. Он камнем вниз, экипаж и выпрыгнуть не успел. Четвёрка оставшихся метнулась в разные стороны. А! Остойкosi! Всё это время я кашлял, на пулемётах смазка дымила. Едва я диски сменил, смотрю, одному из напуганных неймётся, заходит на мою “митральезу” со стороны солнца, по науке. А мне-то хоть ты со стороны луны... Патронов я на него не пожалел. Да ещё и бомба рванула в нём, которая назначалась для меня. Обломки ещё порхали, а гляжу — бегут с дороги ко мне человек десять красноармейцев. Сказали: румынские танки уже рядом, прут сюда по шоссе. Ребята были артиллеристы и остались без боеприпасов. Винтовок у них не имелось, личного оружия артиллеристам не полагалось по уставу. Разобрали мы “митральезу”, рассовали диски по вещмешкам и ломанулись через поле к дальнему лесу. На шоссе показались танки. Головной свернул на обочину и обстрелял нас из пулемёта. Никого, слава Богу, не задело. Из леса потом мы видели: над местом “мамаева побоища” медленно кружит “рама”, трудно сбиваемый самолёт-разведчик. На лесной дороге наткнулись на брошенную трёхтонку — в грязи завязла. Обрадовались сначала-то, а потом едва не заплакали: никто из нас машиной управлять не умел... Под Москвой тоже вот случай произошёл — нелепей некуда. Это через пленного оберста нами потом узналось. Взвод полковой разведки пробрался на лыжах к немцам в глубокий тыл. Вышли ночью к селу, к стоянке отдохавшего немецкого батальона. Сняли часовых, смотрят, а в селе ещё и танковая часть на постое. Шумнули и залегли. Скосили подбежавших по тревоге танкистов. А в избах паника началась, на улицу никто больше не выскакивал, офицеры загнали весь батальон в овраг на окраине села. Наши, быть может, и спаслись бы, но по лесной дороге вымахнул на село полк пехотинцев на громадных грузовиках. Разведчиков мигом обложили. Они аж до полудня сражались — и все погибли. До войны все они были мастерами спорта в различных видах, а вот с техникой дела не имели. Иначе расселись бы по танкам — и такого бы там наворотили! У убитых танкистов-офицеров и ключи-то от люков наверняка уж были в руках... Да хоть и о себе сказать: перед войной автомобили, трактора да комбайны я только в кинокартинах видел...

— Грустно!

— И не калякай! Зимой и генералов-то на санях возили. Тут, на конце порядка, Миколай Агапов живёт. Он аж у генерала армии кучером служил, а до этого ездовым в батальоне связи. Собрали однажды ночью три десятка бывших колхозных конюхов и построили на морозе возле штаба. У коновязи — тридцатка лошадей, рядом — гора саней, поленница оглобель и преогромный бунт хомутов, дуг, гужей, седёлок и прочей упряжи. Через часок вышел на крыльцо пьяный генерал в расстёгнутом мундире и приказал: “Запрягай! Самый быстрый — вставай вот здесь!” Видимо, Суворову подражал. Миколай-то хоть и не больно торопился, а у крыльца оказался первым. Через неделю он в этой должности измаялся. Ни сна, ни роздыха, ни сугреву. То на морозе часами ожидай, то генерала куда-то мчи, то вдатых девок ночью по местам службы развози. А раз под утро генерал указал Агапову направление и место, а сам завернулся в тулуп, да и уснул в санях-то. Перед самым рассветом доставил его Агапов, куда надо, а там немцы! Миколай издали голоса услышал. Растолкал генерала, развернул лошадь — и помчались они назад... Возле штаба генерал отобрал у Агапова ремённый кнут и велел раздеться до пояса. И иссёк грудь до мяса. Агапов в госпитале сказал — осколками полоснуло. А тут, по счастью, весна, генерал на “эмку” пересел, а Миколая из госпиталя — обратно в батальон связи, ездовым... И сейчас вот, выпьем когда, Агапов генерала того без мату не поминает...

— А после, когда вы трёхтонку в лесу нашли, что было?

— Вскоре мы нагнали своих, и ребята доложили начальству, сколько я немецкой авиации понашмякал. А тут сумятица, окружение... Оружия много везде валялось, и на одном оборонительном рубеже, танками немецкими проутюженным, нашёл я неисковерканное противотанковое ружьё. Откопал рядом аж три сумки с патронами. Роту, куда нас зачислили стрелками, поставили в аррьергард прорыва. Командир говорит: “Побудь пока, Мишка, бронбойщиком!” Через час, когда я с пятисот метров взвод мотоциклистов-пулемётчиков сверхметко остановил и роту спас, командир истоково всем орал: “Берегите Мишку, мать вашу, охраняйте его!” Такое отношение дороже иной медали стоит... Ребята и ружьё мне вдвоём таскали, и патроны втроём. А и после, когда я миномётом опять командовал и мы немца от Москвы гнали, лейтенант ружьё наше лишнее от начальников затаил, а потом даже новое мне добыл, пятизарядное, и оно при мне всегда находилось, в миномётном окопе. Учёных снайперов у нас в роте не заводилось, а вот у немцев снайпер вдруг в обороне объявился, и очень меткий. Аж ночью, сволочь, по мелькнувшей сигарке людей снимал. Я вызвался с ним покончить. Зарядил ружьё и ночью залёг на холмике у себя в тылу, метрах в полтораста за траншеей. Ребята помахали над бруствером чинариками на палочках. А поодаль высунули дощечку с двумя стекляшками — вроде бы, тут бинокль при свете ракет блестит. Снайпер сразу — два быстрых выстрела! Я их засёк и врезал по тому месту. Супостат в траншее сидел — против всяких снайперских правил, обнаглел, видно, от безнаказанности. Я аж половину бруствера съёс, и от гада наверняка мало чего осталось. В нашу сторону судорожно загремели два пулемёта. Заткнул и их, да и быстренько подальше от бугорка, в свой окоп. И вовремя: бугорок из миномёта накрыли. В ту же ночь нашу роту, сильно в наступлении поредевшую, отвели на пополнение в тыл. Командир тихо и строго всем сказал: “Про таланты нашего Мишки — никому! Он нас спасал и будет спасать! А вякнете — начальство сразу же себе его заберёт, в охрану штаба! Вспомните про того танкиста! Он с двухсот метров в спичку болванкой попадал! И чем кончилось? Генерал танковой дивизии мигом переселил его в свой танк!” Ну, я и старался ребятам угодить. Попасть из противотанкового ружья в самолёт мне ничего не стоило. Но, остойкости, это... отдача-то неслабая у него, плечо всю дорогу в синяках... Бил по моторам бронбойно-зажигательными, а по кабинам — простыми бронбойными. За несколько дней до наступления свалил на землю аж одиннадцать штук. И до того дошло, что немецкие лётчики выстраивались в “карусель” где угодно, но не над расположением нашей роты. Зато в отместку за это артиллерия противника садила по нам с особой силой... А вот насчёт настоящего снайперского дела — тут был я свидетелем два раза... Помню, перед нашим зимним наступлением под Москвой немец бешено пёр на нас: столица-то — вот она! Рядом! И авиация у него, и артиллерия, и тьма пехоты. Однажды особенно плотно пехота шла. И тут в полупустые наши траншеи роту сибиряков прислали, потомственных промысловиков-охотников. И они прямо с марша — да на бруствер. И враз положили из винтовок все передние цепи. Задние мордой в снег. Танки остались без пехоты и попятились. Едва кто-нибудь из залёгших вскакивал или даже голову подымал, мгновенно становился покойником. Мы ударили в контратаку и взяли немецкую траншею. Почти все вражеские пехотинцы были убиты в глаз и редко кто в лоб. В другой раз, летом, в пятистах километрах от Москвы, когда я уже на миномёте занимался, кинули нам в траншею под вечер школу снайперов, семьсот мальчиков, целый выпуск. Вроде как на экзамен. Все были с самозарядными винтовками Симонова. Где-то в километре от нас немцы стали тучами вываливаться из лесочка. А мы только что отрыли позиции, и ни пушек у нас, ни станкачей, один “дегтарь” с тремя дисками, пять бронбойных ружей без патронов почти, да мой миномёт с десятком мин. Запас гранат и бутылок, правда, богатый был. Но от полка нашего осталось человек двести, и зря мы вперёд-то вырвались — без технического, как говорится, обеспечения... Если бы не мальчишки-снайперы, смяли бы нас. Из леса выползли танки, числом двенадцать. Пятью выстрелами я разбил гусеницы

пяти машин. Три мины выпустил по толпе на опушке леса, две оставил на чёрный случай. Десятизарядные винтовки снайперов гремели так, что отдельные выстрелы я не слышал. До противника было далеко, но солдаты валились, словно били по ним в упор из пулемёта. Попытались залечь, но офицеры подняли их, и лавина плотных цепей в несколько тысяч пошла на нас. И через какую-то сотню метров цепи поредели наполовину. Полкилометра прошли немногие. Лишились всех офицеров, залегли в пыль и поползли обратно. Осиротевшие танки врубили заднюю скорость. Ночью курсантов увезли, а к нам прибыло несколько рот стрелков. И доставили, наконец, боезапас, противодинготный кипяток, хвоей заваренный, водку и горячую шёнку с салом. Придали нашему полку противотанковую батарею на конной тяге, пятнадцать тяжёлых танков ИС, двадцать пять самоходок — и той же ночью полк в наступление пошёл... Ох, что-то рас воспоминался я... Мальчишки-правнуки маловаты ещё, не с кем мне покалякать-то...

— А снайперы часто беспокоили?

— Не вспомню что-то... Да и с нашей-то стороны — после тех сибиряков и курсантов ни одного не видел. На каждую роту снайпера не поновишь. Но, остойкоси, снайпером самому два раза пришлось побывать, правда, не в одиночку. В сентябре, помню, в сорок первом, при отступлении... Остановивается возле колонны колхозный тарантас, спрыгивают с него два командира — один-то наш комполка, другой незнакомый, артиллерист, по знакам различия, сейчас бы сказали — капитан, и за спиной у него винтовка. А я как раз мимо в колонне шёл. Комполка меня подманил и того командира спрашивает: “Одного вам достаточно, товарищ Яковлев?”. Тот запросил двоих. Выдернули ещё одного красноармейца, Василия Наумкина. Скомандовал нам этот Яковлев: “В тарантас!” — и рванули мы от колонны в сторону. Километра через три смотрим — стоит на лугу большая кирпичная хоромина без окошек, забор зелёный, высокий, а на месте ворот воронка от бомбы. Да и луговина в воронках вся. Капитан приказал Наумкину отогнать тарантас подальше и лошадь к дереву привязать вожжами крепче — там одинокая берёза стояла. А мы с капитаном к зданию подбежали. Стальные двери и замчище на них амбарный. Капитан индо застонал и за голову аж схватился. Говорит: “Миша, здесь склад крупнокалиберных снарядов и упаковки пороха, и мне приказано этот склад взорвать, а у меня ни тола, ни бикфордова шнура нету! Замок сбить — и то кувалда с ломом нужны!”. Да тут Василий подбёг и выручил: отомкнул штык и провернул требуху в замке. Открыли двери — а там, остойкоси, штабеля ящиков, много тыщ. В каждом по одному снаряду, килограммов под сотню, чай. Подволокли к дверям несколько штук, вывалили из ящиков, сложили в пирамиду, взрывателями наружу... в смазке, конечно, перепачкались... Капитан умоляет: “Быстрее, ребята, немец каждую минуту нагрнуть может!” Под конец я зачем-то поставил на пирамиду ящик, а на него снаряд вертикально. Капитан сказал, что нам понадобится хоть какое-то прикрытие сверху, и велел снять дверную створку. Подсунули под неё два штыка, приподняли — снялась. Понесли втроем, тяжёлая, остойкоси, оказалась, чуть по силам. Командир говорит — надо, мол, метров хоть на четыреста отойти. И примерно на середине расстояния между складом и лошадьё — как раз воронка. Накрыли мы её дверью наполовину, устроились сами и дали залп по снарядам. Я целился в вертикальный, и он взорвался. Но детонации каким-то чудом не случилось. С третьего залпа чья-то пуля рикошетом взорвала снаряд в глубине склада. Как мы остались живы, я не знаю. Тяжеленная железная дверь улетела куда-то, как бумага. Капитан Яковлев орёт: “Остатки там долго рваться будут, бежим к тарантасу!”. Через часок, под вечер уже, догнали колонну, полк на возвышенности окапывался, поперёк шоссе. Ну, какой полк — осталось нас человек триста, с винтовками да лопатами. Гранат — и тех не было, и патроны почти что кончились. Нам с Васькой ребята рассказали: с самолёта сбросили на колонну футляр с приказом — встретите немецкую мотопехоту и задержать до ночи. Но мы же знали: у фрицев мотопехоты без танков не бывает. На возвышенности у нас, на левом фланге, начинался глубокий овраг, и мы вывели на него траншею. Комполка

приказал: при танковой атаке — моментально оврагом в лес! А мотопехота и не замедлила появиться-то! Мотоциклов полсотни штук, ручной пулемёт на каждом. А вдалеке за ними — танковая колонна. Подпустили мотоциклистов метров на триста так, дали залп, скосили несколько экипажей. Остальные развернулись — и дёру. Мы опять врезали по ним, пока близко-то. И самый задний мотоцикл вдруг взорвался со страшной силой. Видимо, какие-то мины, что ли, вёз. Танки сразу остановились — немцы явно подумали, что у нас пушки есть. А тут небо заволакивать стало, да и сумерки наступили. Танки начали бить по нам осколочными, но — то перелёт, то в кручу. И покуда они не пристрелялись, мы в овраг. Продрались лесом, и на другой день к обеду вышли к нашим. И тут узналось: если бы не мы, передовая танковая колонна немцев сумела бы захватить железнодорожный узел — опоздала на час какой-то. А там эшелоны разгружались, и наша артиллерия успела встать на огневые позиции. И разлохматила эту колонну вдрызг.

— Прямо Фермопилы какие-то на шоссе, дядь Миш, подвиг трёхсот спартанцев.

— Во-во, то же самое и нашему комполка перед строем комдив сказал... А кабы не тот случайный взрыв, танки не встали бы на час. Какие Фермопилы, к хренам...

— Дядь Миш, а другое-то снайперское дело, которое тоже не в одиночку, это где?

— Да в Белоруссии. Фрицы бежали, как нахлыстанные, да временами и огрызались, и жестоко. Оставляли полосы укреплений, и мы брали их с ходу, на "ура". Остатки нашей дивизии вырвались далеко вперёд. А с нами — и танкисты с горельных танков, и даже сбитые лётчики. Комдив большим самодуром был, всех загонял в пехоту. Попался под руку ему отряд разведчиков-диверсантов — он и их в строй. Наша батарея без мин осталась — и нас тоже наладили в стрелки. Я и противотанковое ружьё сдал, заряды кончились. Летим, остойкоси, со всех ног вперёд, никакого подвоза нет, все службы давно отстали. Главное — голодные по вся дни. Помню, рошница липовая попалась, так мы с молодых дерёв всю кору ободрали, настолько есть-то хотелось. Патроны вышли у нас, трёхлинейки многие из нас побросали, вооружились немецкими винтовками — патроны к ним мы находили в избытке. Гранат трофейных тоже навалом было. И иного оружия, кроме этих гранат да винтовок, мы не имели. Не считая лопат сапёрных. А по нам и артиллерия била, и с воздуха чесали по нам из пушек и пулемётов. Народу к этому времени тьма-тьмуца полегла, из пяти тысяч осталось от силы полторы. Раненых отправляли назад на захваченных грузовиках и повозках. Почти что всех командиров рот повыбило. Из остатков пятидесяти рот сколотили на марше пятнадцать новых, а командирами нескольких сержантов поставили. И в одном месте мы встали в пень. Дело-то весной было, все речки разлились, а местность и без того-то — редколесье болотистое. Всю ночь мы шли по шоссеиной насыпи, а впереди колонны отряд разведчиков дорогу шерстил. Вернулись, доложились майору. Тот собрал командиров рот, и после этого они объяснили нам обстановку. Оказалось, шоссеику впереди пересекает насыпь узкоколейки, а за ней шоссеика через каменный мост выходит на сухой лесной полуостров. За мостом стоит двухэтажная и вроде кирпичная хоромина, в темноте-то не рассмотреть, а рядом с ней — то ли танки, то ли самоходки, числом три. Слышатся голоса, мелькают сигаретные огоньки. В общем, очередной заслон — перемолоть нас или хоть задержать, покуда их основные силы драпают. А от леса, разведчики сказали, на наше счастье, в нашу сторону пополз туман. И приказ: успеть, покуда туман, сосредоточиться у насыпи узкоколейки! Успели, устроились за насыпью — в воде по колено. Едва забрезжило, видим: впереди и точно мост каменный, половодьем полузатопленный, с нашей стороны берега в воде не видать. Дальше — метров триста чистой земли, на опушке леса развалины каких-то строений, и одно целое, кирпичное, явно монастырской архитектуры — и без крыши. Пять окон на верхнем этаже, пять на нижнем, все кирпичком заложены, лишь бойницы пулемётные оставлены. И аж три танка сбоку стоят! Майор приказал командирам рот: по пятьдесят стрелков на каждую амбразуру,

пусть бьют беспрерывно, не дают пулемётчикам стрелять. Триста бойцов — по смотровым щелям механиков-водителей. А самое главное, пушки танков наверняка заряжены осколочными, а не болванками и не бронебойными. Поставить по полторы сотни человек на каждый дульный срез и бить залпами. И при первом же залпе снаряды в казённиках взорвались, стволы у двух танков отлетели, у третьего вырвало командирский люк, из башни ударил столб огня, а пушку свернуло в сторону — там, видимо, открыт был замок орудия. Пулемёт одного из танков успел дать длинную очередь поверх рельсов — оказался заранее пристрелян. Двадцать семь человек скошил, пятнадцать ранил. Врезали по смотровой щели стволов в четыреста — достали. Из амбразур в окошках тоже пытались бить, — видно, вторые номера убитых пулемётчиков, но в секунду всё было кончено. Двести пятьдесят стрелков продолжали палить по амбразурам, а мы поротно перебежали мост. Обогнули здание — и лишь тогда наши перестали стрелять. За зданием мы нашли два грузовика, а к ним скорострельные зенитки прицеплены — на случай наших штурмовиков, а обслуга и шофера, видимо, в лес смотались. При осмотре дома нашли несколько буханок хлеба, немного маргарина и десяток бутылок пшаса. Делить всё это на полторы тысячи человек было бессмысленно, отдала раненым. И своих, и чужих убитых прикопала, зенитки возле моста поставили и поручили их нашим пехотинцам-танкистам. Возле одной из амбразур разведчики увидели магнето. Провода от него шли в земле к мосту. Из воды достали ящик взрывчатки. Майор приказал бабахнуть эту мину в сторонке где-нибудь — пусть, мол, немчура думает, что мост взорван: авось, и бомбить не станут нас. В грузовики раненых сложили, дали им два немецких пулемёта, а вместо шоферов лётчиков посадили, да и наладили их назад — с бумагой от майора комдиву, да с вещмешком с документами убитых: и наших, и немцев. А мы без сил повалились вдоль леса спать. Часа через три — танки, самоходки, мотопехота, артиллерия... Накормили нас, напоили... На охрану моста аж четыре зенитных дивизиона встали. Оказывается, комдив-то про нас и не знал, куда мы делись. В штабе армии в изумление пришли: надо же, единственный сильно стратегический мост захвачен! Ну, и ринулись на прорыв... Потом узналось: комдива у нас сместили, майора и всех командиров рот орденами наградили, а полторы сотни красноармейцев — медалями. Танкистов, лётчиков и взвод разведчиков-диверсантов с извинениями увезли в тыл. Ну, и нас тоже, миномётчиков грешных...

Дымя сигаретой, из калитки вышла нарядная, пахнувшая кофе и духами Валентина Михайловна. На ногах у неё, однако, были синие резиновые сапожки, неуместно на ней смотревшиеся. На службе она, конечно же, обувалась в туфли. Раскланялась со мной и заспешила в свою больницу. Выждав немного, дядя Миша полез в карман пиджака.

— Остойкоси... Дуй-ка ты в магазин, бедный, но счастливый художник... Обмоем неполученный орден Славы.

НИКОЛАЙ ГЛАЗУНОВ

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

ДВА РАССКАЗА

ЯНА ВИКТОРОВНА

До отправления поезда оставалось совсем немного.

— Оля, давай прибавим шаг, не хватало ещё опоздать!

Виктор хотел не торопясь покурить на перроне. Впереди — последний бросок, и годы учёбы окончательно останутся позади. Университет, аспирантура и вот теперь — защита диссертации. Осталось совсем немного, месяц побегать по Москве и — здравствуй новая жизнь!

Наконец-то закончится бесконечная гонка — библиотеки, барханы проглоченных книг и журналов, десятки раз переписанный от руки текст, испещрённый на полях красными, зелёными, чёрными вставками, перечёркнутыми кусками и подклеенными страницами. Теперь можно будет от души, не бегая по трём работам, преподавать в одном месте, читать любимые лекции и вести семинары.

Виктор знал, что лекции у него получаются отменные. Вокруг него даже сложился кружок “свидетелей преподобного Виктора”, как студенты сами себя называли. Виктор с упоением обрушивал на студентов цунами своих знаний.

Но самое главное, — Ольга. Пора что-то решать. Они вместе уже шесть лет. Такую девчонку ещё поискать, настоящий соратник! Она первой на курсе

ГЛАЗУНОВ Николай Геннадьевич родился в 1974 году в г. Новокуйбышевске Самарской области. Окончил исторический факультет Самарского государственного педагогического университета и курсы литературного мастерства Литературного института им. М. Горького. Кандидат философских наук. Проректор по учебной работе Московской международной академии. Живёт в Москве.

купила компьютер, который в провинции был ещё такой же редкостью, как яйца Фаберже, и мужественно продиралась сквозь его пухлые рукописи.

— Меня радует, — говорила она, складывая в отдельную папочку набранные листы и потирая покрасневшие глаза, — что у тебя, любимый, такой же ужасающий почерк, как у Наполеона и Карла Маркса.

— Думаешь, и перспективы схожие?

— А это лишь вскрытие покажет, — Ольга задорно глянула на него и прыгнула с кресла ему на руки.

Виктор играючи подхватил её — отзывчивую, горячую, желанную.

И впрямь, чего тянуть-то? Уже двадцать шесть, да и Ольга стала нервничать — то про свадьбу заговорит, то про детей. Дело за малым — проставить штамп в паспорте, и дело с концом. Ну, ничего, ещё совсем чуть-чуть, и всё будет.

— До отправления поезда остаётся пять минут, — донеслось из динамика, когда они выскочили на платформу.

— Вить, подожди минуту, — Ольга резко остановилась.

— Оль, опоздаю же!

— Успеешь. Это важно.

— Ну, что случилось?

Она упорно смотрела на него исподлобья. Виктор заметил, что эту позу она неосознанно принимала, когда хотела сказать что-то действительно важное.

— Ну?! Оля, живее! Опоздаю же! Мне ещё до середины состава бежать!

— Я беременна.

— Мы же...

— Это не твой ребенок.

Виктору вспомнилась боксёрская юность — пропустишь удар в солнечное сплетение и замираешь, согнувшись перед соперником. Руки бессильные, тело деревянное, и лишь натужно пытаешься вдохнуть, судорожно глотая воздух.

— Как?..

— Я изменила тебе. Срок — одиннадцать недель. Ещё один аборт я делать не буду. Теперь беги, потом поговорим.

Все шестнадцать часов в поезде он непрерывно слышал её слова. И укор, понятный лишь ему.

Три года назад, накануне получения диплома, Ольга забеременела. Что греха таить, смалодушничал он тогда. В стране — поздний Ельцин, с работой — сплошной туман, доходы нулевые и, если б не помощь родителей, самим впору зубы на полку класть, а тут — ребёнок! Ольга оттягивала аборт, как могла, но не устояла перед его напором. И не простила.

Виктор мысленно перебирал свою жизнь. Крайне болезненный ребёнок, над которым мать тряслась всё детство, невольно стал центром всей семьи, отеснив старших брата и сестру. Золотая медаль в школе и диплом с отличием в университете, где ему, вчерашнему студенту, поручили читать курсы, которые до него вели признанные звёзды. Он уверенно всходил на кафедру перед студентами, не сомневаясь в своих знаниях и праве преподавать. Лекции получались яркие, вдохновенные, содержательные. Юная звёздочка с несомненным будущим профессора, а то и академика. Почему бы нет?

Нет! Всё это — липа. Виктору неожиданно вспомнилось его подростковая увлечённость романом Уайльда. Как всё просто! Дориан Грей — это он. Смердная гниль под ослепительной маской.

В купе к нему никто не подсел. Уже стемнело, и он видел свой нечёткий силуэт, дрожащий в чёрном окне.

— Сволочь ты, мразь и подлец, — Виктор ткнул пальцем в силуэт. — Пользовался девчонкой, безоглядно влюблённой в тебя, дурака. Удобно же! И секретарша, готовая сутки напролёт разбирать твои каракули, и домработница, и пылкая любовница, и всё это за спасибо да поцелуй. Ты предал Ольгу, убил вашего ребёнка и ещё смеешь обижаться? Рога тебе наставили? Больно? Но не так больно, как ей три года назад.

С отцом ребёнка Ольга рассталась, едва узнав о беременности, — продолжать отношения она изначально не собиралась. До родов она пару раз виделась с Виктором. Он с завистью смотрел на её раздобревшую фигуру и чувствовал навязчивое желание обнять Ольгу, погладить её живот, ощутить этого ребёнка, но держался сухо и отстранённо. Казалось, Ольга тоже чего-то ждала от этих встреч, но говорила только по делу и сразу же уезжала.

В начале декабря она позвонила.

— Вчера я родила дочь.

— Поздравляю. Миллинал получился. Новое столетие, новое тысячелетие, а у тебя — ещё и новорождённая!

— У меня к тебе просьба. Можно?

Виктор заколебался.

— Э-э... конечно.

— В графе “отец” будет стоять прочерк, но я хотела бы дать дочери твоё отчество. Не будешь против?

— Ты уже решила, как её назовешь?

— Да. Яна.

— Что ж... Значит, будет Яна Викторовна.

— Спасибо. Наверное, нелепо сейчас об этом говорить, но знай — любила я только тебя.

Больше они не встречались.

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Учебный год подходил к концу. Над своим столом Аня повесила самодельный календарь с обратным отчётом. Ещё две недели затухающих занятий и впереди — три месяца свободы! Правда, потом ещё целый год терпеть школьное занудство, но уж затем — свобода навсегда. Она предвкушала, как через год соберёт все тетради и учебники в огромный пакет, который уже предусмотрительно купила, опустит его в мусорный бак и уйдёт, ни разу не обернувшись. И после этого начнётся новая жизнь — настоящая.

Дома и на улице ей всё казалось будничным и унылым. Биение подлинной жизни она ощущала, когда перед нею, издав змеиное шипение, расступались двери торговых комплексов, и она с умилением вступала в храм, где она — верховная жрица.

Все торговые комплексы в городе Аня досконально изучила. Её взгляд с ходу выхватывал малейшие изменения в витринах: у этого манекена сменили шляпку, хотя прежняя сидела изящнее и гармоничнее сочеталась с пальто, а здесь убрали горку мужских свитеров, развесив женские жакеты. Не реже раза в неделю Аня обходила свои владения. Все торговые комплексы в городе она воображала своей собственностью и придирчиво рассматривала любые новшества.

Но главное состояло не в этом. “Владения”, как она их называла, были призваны дарить людям радость, хотя, правда, приходилось мириться с отделами, продающими кастрюли, моющие средства и прочую радость затюканных домохозяек.

Презрительно скривив губы, она пропустила мужчину с огромной тележкой, за которым, шуша балетками, бежала женщина. Её глаза были небрежно подведены синим карандашом, румяна на щеках наскоро размазаны в пару взмахов.

— Петь, ну, Петь... Мы же памперсы забыли! И детскую присыпку! Подожди, я в аптеку! — и, ловко развернувшись на скользком полу, нырнула в ближайшую дверь.

Аня остановилась, желая лучше рассмотреть эту пару. Через минуту, суетясь и подпрыгивая на ходу, женщина выпорхнула из аптеки.

— Петя, скорее. Тебе Соню в музыкалку везти, а мне Вовку кормить. Скорее бы отнять его от груди...

Аня резко развернулась и пошла в другую сторону, только бы не слышать разговоров о чужих семейных делах.

— Да чтобы я вот так?!

Она обернулась, выискивая в толпе знакомые фигуры, и, не найдя, топнула ногой.

— Да ни за что! Не приведи, Господи!

Какое оскорбление — ходить в её храм за памперсами! Аня стала глубоко дышать, стараясь вернуть себе весёлое настроение.

Впереди она увидела павильоны, которые считала самыми главными, настоящими алмазами в короне своих владений.

Первыми шли павильоны, отделанные в голубых тонах. Свет от крошечных лампочек словно высекал из стен холодные белые искры, и они начинали струиться по полу морским приливом, отражающим звёзды южной ночи. Минувшим летом Аня отдыхала в Геленджике и, стоя по вечерам на волнорезах, видела в молочном свете нарождающегося месяца это мерцающее свечение волн.

Увидев отскакивающие от пола искорки, она вспомнила свою первую поездку на море и приготовилась увидеть первую часть своего любимого триптиха — ювелирный отдел — и его главное украшение — бриллианты. Это был самый дорогой ювелирный магазин в городе. Однажды зайдя в него, она больше не решалась в него заглядывать. Увиденные цены вызывали слёзы отчаяния. Выбежав из отдела, Аня замерла напротив огромных зеркал — простенькая белая блузка, джинсы с ближайшего рынка.

— Тьфу, школьница! — сказала она, отворачиваясь от зеркал. — Но я всё равно сюда вернусь. И никто не посмеет мне ни в чём отказать!

Она снова повернулась к зеркалам, внимательно оглядывая себя. Стройная фигурка, изящные бёдра, длинные светло-русые волосы, серо-голубые глаза.

— Ничего, у нас тоже козыри имеются!

Мимо ювелирного отдела она всегда проходила нарочито медленно, впитывая каждую деталь витрины, дизайн колец, серёг, кулонов, упругое свечение камней. Продавщицы, у которых униформой были вечерние платья, демонстрируя товар, жеманно прикладывали серьги к ушам, цепочки — к шее и груди. Особенно пристально Аня смотрела на покупательниц. Бриллианты им всегда нравились мужчины. Она вшивалась в них глазами, пытаясь разгадать тайну их успеха, тайну их привлекательности для мужчин. У неё вновь закружилась голова от одного воспоминания о ценах.

— Вот оно, счастье, — с завистью приговаривала Аня, глядя, как круглая бархатная коробочка исчезает в сумочке новой хозяйки.

В следующем отделе можно расслабиться. Парфюмерия более демократична, нежели бриллианты. Правда, и в этом отделе она не могла себе ничего позволить, но ведь можно всласть походить между полок, вдыхая ароматы, открывая пробники с видом ценителя, который знает толк в товаре и придирчиво выбирает самое лучшее. Стопка бумажных полосок с очередными ароматами отправлялась в её сумочку, чтобы дарить свой запах стопке с бельём или благоухать на подушке.

Аня любила, зайдя в парфюмерию, закрыть глаза и медленно идти вдоль полок, пытаясь по запаху определить фирму, чей товар стоял на полке. Этот отдел она любила больше всего, ведь любить бриллианты было бессмысленно. С большей вероятностью можно было слетать на Луну, чем надеть на палец кольцо хотя бы с крошечным бриллиантом.

Парфюмерные отделы являлись главной любовью и других девчонок в классе. Глянцевые журналы, повествующие о новых ароматах, сводящих мужчин с ума, карандашах-подводках, придающих дерзость взгляду, губных помадах, дарящих незабываемость поцелую, постоянно ходили по девичьим рукам, вызывая благоговейный трепет. Аня особо любила эти журналы за изредка попадающиеся пробники новых брендов, их она собирала и использовала очень экономно, растягивая удовольствие.

В одном фильме она услышала разговор двух кушцов про девушку — “дорогой бриллиант дорогой оправы требует”. Конечно! Косметика, драгоценности — это оправы для девушки, которая сама должна быть бриллиантом!

Любить косметику, конечно, проще, чем бриллианты, но не доступнее. Покупки делались непременно с матерью и лишь несколько раз в году, обычно на день рождения, Восьмое марта, Новый год. А так мучительно хотелось не быть связанной этими тремя датами и покупать, не задумываясь о календаре и кошелке.

— Анечка, ну, ты же всё сама знаешь, правда? — вспомнились ей слова матери.

Аня знала. Знала, что любой подарок ей — это что-то оторванное матерью от себя и оторванное с кровью. Но так хотелось...

Она остановилась. Одно воспоминание стыдом ожгло лицо, и её щёки залились густым рубиновым цветом.

Новая туалетная вода свела с ума всех девчонок в классе. Миндалевидный флакончик мелькал то в одних, то в других руках. В классе стоял устойчивый аромат, а учителя ехидно подшучивали над благоухающими ученицами.

— Да, девочки, вы не дадите впасть мировой парфюмерии в кризис.

Ане мучительно хотелось быть, как все, чтобы такой флакончик лежал и в её сумочке, но мать осталась непреклонна.

— Ты с ума сошла! На что мы жить будем?

— Ну, мам...

— И не канючь. Через два месяца все в классе будут сходить с ума по другому аромату, а про этот и не вспомнят.

Миндалевидный флакончик, помаячив перед глазами, исчез, как мираж в пустыне, оставив лишь жажду.

— Знаешь, мам, я не понимаю женщин, которые рожают детей, но не в силах их содержать. На что глядя рожают?

Лицо матери застыло, и она молча ушла в свою комнату, закрыв дверь. Аня бросилась за ней.

— Мама! Мамочка! Ну, прости меня! Прости!

Лицо Ани до сих пор пунцово вспыхивало при этом воспоминании.

Становилось нестерпимо стыдно, когда в классе кто-нибудь дружески предлагал попробовать пудру, тени или помаду, жеманно вскидывая брови:

— Они такие дорогие... Но папа же не может передо мною устоять.

Аня возвращала коробочку не открывая.

— Спасибо, но ты же знаешь про мою аллергию.

— Ой, точно! Бедная Анька! Все радости жизни плывут мимо тебя!

— Судьба-злодейка! — Аня пожимала плечами, принимая сокрушённый вид.

Год назад, взяв тушь и при всех в классе накрасив ресницы, она незаметно выскользнула в туалет и, достав припасённый дезодорант, брызнула им в глаза. От резкой боли даже вскрикнула и, едва засунув баллончик в карман брюк, стала промывать глаза. Мыла долго, тщательно. Через полчаса, вернувшись в класс, испугала девчонок опухшими веками и шальным взглядом бордовых глаз.

— Чёрт, какая-то аллергия! Того и гляди глаза вылезут, — нагоняя страх, она выпучила глаза, обнажая кровавые белки.

Убедив всех в жуткой аллергии на косметику, она могла спокойно ею не пользоваться, избегая насмешек подруг.

Наконец, она дошла до ресторанов. Туда она не заходила вовсе, но на втором этаже находился фудкорт, откуда сквозь стеклянные стены она отчётливо видела официантов в белых форменных пиджаках, услужливо предлагающих посетителям бутылки с вином, небрежно кивающих мужчинам и женщинам с тщательно уложенными волосами, милостиво разрешающих любоваться собою. Вино Аня не любила, но оно казалось ей важнейшей частью магического обряда настоящей жизни — фужер с вином гранатового цвета, её благосклонная улыбка, его рука, ласкающая её ладонь...

— Девушка! Аня! Аня!

Она не сразу поняла, что зовут её.

— Девушка, ваш кофе!

Аня взяла пластиковый стакан со своим именем, написанным чёрным фломастером.

Обычно она садилась так, чтобы сразу видеть и ювелирный павильон, и парфюмерный, и ресторан. Особенно её интересовали пары, которые заходили в два, а то и в три места.

Однажды она подвела свою подругу Марину к перилам, ограждавшим фудкорт.

— Помнишь фильм “Матрица”?

— Помню, — Марина не понимала, к чему клонит Аня.

— В чём там главная идея? Мир не таков, каким кажется.

— Да я не люблю фантастику.

— Да при чём тут фантастика? — вытянутым указательным пальцем Аня обвела весь первый этаж. — Посмотри на этих людей. Кажется, что все они находятся в одном месте и в одно время, правда?

— Да.

— Но это не так.

— Анька, не занудствуй.

— Все они живут в разных реальностях.

— Слушай, не беси меня! — раздражённо прикрикнула Марина. — Ты что сказать-то хочешь?

— А вот что. Кто-то пришёл сюда за макаронами. Кто-то за памперсами. Все они не люди, а призраки. Их жизни им не принадлежат. Они суетятся с насморком детей и покупкой новых сапог, а умрут — о них никто и не вспомнит.

— Вот новость! Анька, ты с видом пророка вещаешь банальности.

— Нет! Посмотри на тех, кто свободен.

— И кто же это?

Аня вновь обвела рукой первый этаж.

— Те, кто никуда не спешит. Кто не знает, как готовится ужин. Посмотри на ту пару в ювелирном. Они уже час серьги примеряют, наверное, думают — подходят они к этому платью или нет. А духи, которые весь день не теряют насыщенности аромата? Эти женщины не знают, что такое рваные колготки, одетые под брюки. Их не интересуют скидки на продукты в супермаркете. И макароны с тушёной им неизвестны. И отдыхают они не в Геленджике, а на Сейшелах! Вот у них — жизнь! Настоящая жизнь, а не имитация, как у нас, понимаешь?

Напор Ани неожиданно расстроил Марину.

— Анька, и как жить? Что делать? — её глаза беспомощно бегали по местам, на которые указывала подруга.

— Не продолбить свою жизнь. Из мира призраков пробиться в мир настоящих, живых людей!

— Если это правда, то... это же... страшно! И впрямь, какая-то матрица...

— А никто и не обещал, что будет легко. Сначала надо ввязаться в бой, а там видно будет. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского!

Татьяна постоянно чувствовала вину перед дочерью. Она часто вспоминала ту летнюю практику на последнем курсе университета. Лениво тянущиеся дни, песни у костра, мимолётные увлечения, разгоняющие ночную скуку. Вернувшись домой, Татьяна поняла, что беременна. Сергей, учившийся на параллельном потоке, к этому известию отнёсся равнодушно.

— Мне семья сейчас не нужна. Ни кола, ни двора, ни работы нормальной. Деньги на аборт дам. И не реви, пожалуйста!

— Серёж, но ведь это наш ребёнок, плод...

— Ну, ты только про любовь-то не говори, — вспылал Сергей. — Ну, переспали, с кем не бывает.

— Как же...

— Таня, давай без поэзии. Я всё сказал.

Больше они не встречались. Сергей избегал встреч, а она их не искала. Недолго поколебавшись, Татьяна решила оставить ребёнка и родила дочь, едва закончив университет.

Мать, встретив Татьяну из роддома, сказала лишь:

— Непросто нам будет, но ты всё правильно сделала. Всё пройдет, а дитё останется.

Едва Ане исполнился год, Татьяна вышла на работу в школу. Часов брала как можно больше, а дочь всё время проводила в детском саду да с бабушкой. Денег постоянно не хватало, но обращаться к Сергею она категорически не хотела. Личная жизнь тоже не складывалась. Недолгие романы как-то незаметно сходили на нет, без скандалов и выяснения отношений — просто встречались всё реже и реже, пока телефон и вовсе не умолкал. Всё возвращалось к привычному — она, дочь, мама.

Летом с деньгами становилось особенно туго. Занятия в школе заканчивались, и Татьяна перебивалась случайными подработками. За вечное безденежье ей было стыдно перед дочерью, особенно в последние годы. Недавние девчонки, бегавшие во дворе в простеньких платьях, стали тщательно следить за собою, за сочетанием цветов обуви, платья и сумочки. Из года в год украшения становились всё дороже, косметика ярче, а ароматы женственнее. Татьяна понимала, как мучается Аня в компании одноклассниц, ощущая себя гадким утёнком. Все деньги, которые можно было оторвать от себя, она тратила на дочь.

Предложение устроить Аню на работу неожиданно пришло от Дарьи, однокурницы Татьяны, некогда застенчивой отличницы, а теперь хозяйки нескольких цветочных магазинов с рокошущим голосом и суетливой жестикующей.

— Что это Анька у тебя дома сидит? Пошла бы работать.

Эта мысль была для Татьяны неожиданной. Она по-прежнему воспринимала дочь как несмышлёного ребёнка.

— Да брось ты, — отмахнулась Татьяна. — Куда ей? Школьница ещё! Успеет спину наломать.

— Эх, вы, мамочки-наседки! Всё бы вам детей у своей юбки держать! Ты пойми, дурёха, ребёнок должен научиться жить самостоятельно. Без этого в нашем мире не прожить. Сейчас не времена наших бабушек. Каждый сам за себя. Всё просто: или ты принимаешь правила жизни в этом мире, или этот мир тебя раздавит!

Тему воспитания детей Дарья очень любила. Своего сына она держала в строгости покруче армейской казармы.

— Да и куда я её устрою? Кому нужен работник на три месяца? Потом всё равно школа, последний класс, к университету готовиться надо.

Татьяна вернулась к этой теме, чтобы прервать педагогические разглагольствования Дарьи.

— Да какие проблемы? Вот, в “Райские яблоки” нужен человек в парфюмерный отдел. Самое место для Аньки. Да и на свои девичьи нужды худо-бедно заработает. Что тут думать-то?

Возвращаясь домой, Татьяна вспоминала свои школьные годы. Забота родителей, достаток, правда, своеобразный, советский, раскрасили её воспоминания в удивительно нежные тона. На неё словно пахнуло беззаботностью детства.

Вспомнив предложение Дарьи, Татьяна недовольно скривилась. Создать беззаботное детство своей дочери она не смогла.

— Ни на что-то ты, Таня, в этой жизни оказалась не способна... — негромко произнесла она.

Но предложение выглядело заманчивым. И не только из-за денег. Татьяна понимала, что дочь всё спустит на безделушки. Последний год стычки с дочерью стали едва ли не ежедневными и отравляли жизнь им обеим. А тут девчонка три месяца при деле будет. Не откладывая, Татьяна вечером заговорила с дочерью.

— Я тётю Дашу видела, помнишь её?

— Как же! Сержант в юбке, упал — отжался. Родной сын в армию сбежал и поди считает, что счастливо отделался.

— Ань, я не про это. Она говорит, что может тебя на лето на работу устроить. Я понимаю, лето, каникулы, но всё-таки... Ты же знаешь, как у нас туго с деньгами... Может быть, ты...

— А куда? Что за работа?

Провести лето в безделье ей и самой не хотелось.

— В “Райских яблоках” есть вакансия в парфюмерии...

— Где?! — Аня подскочила на диване.

— Ну, в этом, как его, торговом... да ты знаешь...

— Да я-то знаю! Ещё бы!

Ане привиделось огромное золотое блюдо, которое плывёт ей в руки, а на нём сияет яблоко... В этом блюде, как в сказке, она увидит весь мир.

— Мам, ты серьёзно? — коготок сомнения царапнул её сердце. Не может быть такой удачи. Она приобщится к своим владениям не только в дурашливой игре с собой, но и в реальности станет их частичкой. Неужели?! — А в чём дело-то? Ты чего вскочила?

— Ты представляешь, что такое “Райские яблоки”?

— Торговый центр. Довольно бестолковый. Зачем их только строят, если люди там ничего купить не могут.

— Это смотря какие люди, мам.

Какой смысл говорить с человеком о музыке небесных сфер, если у него в ушах звон кастрюль и половников?

— Не поняла, ты про что?

— Не парься, мам. Всё хорошо. Я, конечно, согласна.

Татьяна, не ожидавшая такой покладистости, даже прослезилась.

— Спасибо. Даст Бог, по-человечески тебя к школе подготовим.

Ночь перед выходом на работу Аня намеренно не спала. Как можно спать, а не насладиться предвкушением прикосновения к священному?

Мысленно она многократно повторяла придуманную сцену, как она встречает покупателей, ненавязчиво советует им новые помады, тени, духи, безошибочно подбирает то, что подчеркнёт неповторимость каждой женщины, чтобы та чувствовала себя неотразимой. Мужчин она тоже не обойдёт вниманием. Ведь мужчинам, заглянувшим в парфюмерию выбрать что-то для себя, ещё сложнее: редко кто разбирается в ароматах, а уж выбрать что-то — это для них подлинная мука. Для таких покупателей она будет настоящим спасением, Ариадной в парфюмерном лабиринте. Забирая покупки, они, бегло взглянув на бейджик, с признательностью скажут “Спасибо, Анечка”. Она ощущала, как тёплая волна благодарности, льющаяся от покупателей, пробегает по телу, а щёки розовеют от удовольствия.

Первый месяц работы прошмыгнул мимо, как юркий зверёк. С ассортиментом товаров Аня освоилась в первый же день. Она и так практически безошибочно знала всю раскладку товара. Едва скользнув взглядом, определяла, куда нужно доложить раскупленный товар, и не понимала разговоры коллег про ноющие ноги. Подумаешь, весь день на ногах. Ну и что? Как ноги вообще могут ныть или болеть? Любительниц постонать Аня про себя называла старушками, но молчала, очаровательно улыбаясь.

Привыкнув, она стала пристальнее наблюдать за посетителями. Ведь это было самое интересное, самое главное, ради чего она и пошла сюда работать. Наблюдая, Аня пыталась постичь главную тайну успеха, тайну счастья этих женщин, которые сорвали в жизни джек-пот.

— Так уж и джек-пот. Хм, просто подцепила богатого папика, клонувшего на юное тело, вот и всё, — пыталась остудить Анины восторги Марина, втайне завидуя подруге, которая так близко подобралась к тому миру, который мучительно притягивал их обеих.

— Да, и такие есть, — соглашалась Аня, — но их сразу видно. Он либо отдаёт на входе банковскую карту и уходит, либо с тоской стоит в уголке и ждёт, пока она порхает по полкам, выбирая что-нибудь новое и экзотичное, по принципу “чего ещё нет у подруг”.

— Вот я и говорю, — попыталась вставить слово Марина.

— Нет, с этими всё понятно. Как только они надоедят, их выбросят, как увядший букет, и купят свежий. Я о других парах. Ты смотришь на них и понимаешь: вот они, те самые половинки единого целого. Он искренне пытается доставить ей радость. Вместе выбирают, советуются, и в глазах светится: “Ты единственная моя!”, “Ты единственный мой!”...

— Анька, ты скоро стихи для радио “Шансон” начнёшь писать, — презрительно фыркнула Марина. Восторженный напор Ани становился для неё нестерпим. — Старик Фрейд давно объяснил, что и зачем в этой жизни.

— Смейся, смейся! Я вот одну пару заметила. Они у нас едва ли не каждую неделю бывают. Всегда выбирают что-то оригинальное, изящное. Про цены я вообще молчу — берут товары всегда из самой дорогой линейки. Но они того стоят! Нам новые духи завезли. Просто обалденные! Дорогущие — жуть! На них даже пробника нет. Но я умудрилась понюхать! — Аня победно уставилась на Марину.

— Это как же, сквозь флакон, что ли?

— Не-е-е... К заведующей подруга приходила. Они эти духи обсуждали. Подруга купила и сразу открыла. А я недалеко стояла. Аромат, конечно, фантастика! За такой можно и душу дьяволу продать!

— Прям Зюскинд какой-то! — Марина слушала с недоверием и жадным интересом одновременно.

— Ага! — подтвердила Аня, глядя на явную зависть в глазах подруги. — По-любому, моя парочка придёт за этим ароматом!

Выходные Виктор не любил. Не было спасительной возможности ни свет, ни заря уйти на работу. И придти затемно. Уже давно это стало его главной семейной радостью. А суббота с воскресеньем — отдай и не грехи — родному дому.

Он с трудом встал с дивана, заглянул в соседнюю комнату — жена ещё спала. Посмотрел на часы — пять утра. Ольга проснётся часов в девять-десять. Значит, впереди у него отличное утро, принадлежащее только ему.

Виктор налил кофе и снова лёг, нащупал под диваном томик Одена, которого пытался читать в оригинале и который ждал его с минувших выходных. За неделю он к нему ни разу не притронулся.

Неожиданно вспомнился непремный субботний ритуал. Утром к ним в спальню крадучись пробиралась дочь и либо тихонько ложилась между ним и матерью, либо с визгом вскакивала на кровать и падала ему на грудь.

— С добрым утром! Вставайте! Хватит спать! — звенел её голосок.

— О, Боже, Сашка! Я же просила дать мне поспать, — ворчала Ольга.

— Мамочка, ну, прости! Но мне так скучно одной лежать. Мур?..

— Мур, мур, мой котёнок, — подхватывала игру Ольга, обнимая дочь. Губы Виктора расплылись в улыбке.

Дочери исполнилось шестнадцать. Уже год на выходные она уходила к бабушке, Ольгиной матери. Говорила, что жалеет бабушку, которой одиноко после смерти деда. Виктор понимал, что дело не в заботе о бабушке. Он нервно дёрнул плечом. Так и не раскрыв книгу, вновь засунул её под диван и решил спать дальше.

Заснуть мешала муха. Едва лишь сладкое онемение окутывало тело, а перед глазами начинал мелькать разноцветный калейдоскоп, как с режущим слух гулом приближалась муха. Мелькание красок исчезало, тело нехотя сбрасывало безвольное оцепенение.

— Кыш отсюда! — ворчал Виктор, отмахиваясь от мухи. — Лети к Ольге, а то встану — убью.

Муха возвращалась ещё пару раз, но, видимо, вияв угрозам, улетела.

Окончательно проснувшись, Виктор услышал шум телевизора — Ольга уже не спала.

— Доброе утро, — сказал он, входя в её комнату.

— Привет, привет, — бесстрастно отозвалась Ольга.

— Выспалась?

— Да. Правда, меня муха разбудила. Пока я спала, всё над ухом летала,

а проснулась, так эта мерзавка с чувством выполненного долга уселась на стену и больше не желает летать.

— Я ей отомщу. Она мне тоже спать не давала.

Виктор потянулся за журналом, не спуская глаз с жирной мухи, безмятежно сидевшей на обойном цветке и блестящей на солнце изумрудным брюшком.

— Не тронь мушку, — выпалила Ольга.

— Почему?

Виктор уже вплотную подкрался к стенке, изготоясь прихлопнуть надоедливую гостью.

— Я с нею разговариваю.

— С кем, с мухой?

— Да.

— Ну, и как? Она классный собеседник?

— А у меня есть другие?

Виктор отшвырнул журнал и вышел из комнаты. Началось привычное семейное утро.

Парфюмерию Виктор ненавидел. Ею была завалена вся комната Ольги. Флаконы туалетной воды и духов стройными рядами теснились на тумбочке у кровати, на столике, на шкафах и внутри шкафов. Пудра, губная помада, всевозможные карандаши стояли в стаканчиках, лежали в разноцветных лоточках и просто в беспорядке валялись на подоконнике, около телевизора, на гладильной доске, полочках на стене.

Парфюмерия перешла к методичному захвату других комнат, ванной, кухни. По обилию парфюмерии квартиру можно было принять за косметический салон.

Запахи парфюмерных отделов Виктор терпел с трудом. Иногда они его просто бесили. Смотреть на полки, уставленные косметикой, без рези в глазах он уже не мог. А о цене этого парфюмерного рая не хотелось даже вспоминать.

Ругались с Ольгой почти ежедневно. Они и сами не могли бы сказать, почему лишь редкий день обходились без крика и взаимных обвинений в неведомых грехах. С тех пор как дочь всё чаще оставалась ночевать у бабушки, они и вовсе перестали сдерживать себя. Разругавшись в очередной раз, расходились по разным комнатам и спали раздельно. Виктор неоднократно клялся себе: ещё один скандал, и он подаёт на развод. Оставляет всё Ольге и дочери, а сам уходит куда глаза глядят. И каждый раз, когда заветные слова — я ухожу — готовились сорваться с губ, он замирал — память о былом, стыд за свой поступок заставляли его молчать, а чувство долга и вовсе накрывало его могильной плитой.

Гнетущее молчание, повисавшее в доме после очередного скандала, становилось, наконец, невыносимо. Виктор явственно ощущал: такая отчаянная тишина бывает только в доме, где лежит покойник. Первым чаще всего не выдерживал он и приглашал Ольгу прогуляться. Не зная, куда идти, не в силах больше молчать и не зная о чём говорить, они сворачивали в “Райские яблоки”, до которых доходили минут за двадцать. Там, долго выбирая и советуясь, они что-нибудь покупали. Ольга ненадолго теплела, целовала мужа в щёку, и они возвращались домой, поочередно обсуждая то его, то её работу, а чаще всего — дела дочери. Ольга становилась разговорчива, и Виктор расслаблялся. Он получал отсрочку и мог немного спокойно пожить. До следующего скандала.

Сегодняшний поход в парфюмерию был мерой превентивной. Дома вновь повисло напряжение — незримое, но явственное, словно стоишь около гудящего трансформатора, тебя охватывает невольное беспокойство и нестерпимое желание убежать.

Аня, увидев привычных посетителей, заулыбалась. У неё появился достойный товар, которым хотелось порадовать дорогих гостей. Она выждала

длинную паузу, чтобы не быть навязчивой и не мешать знакомиться с новинками, а затем, словно невзначай, обратила внимание Ольги на новые духи.

— Они восхитительные, правда, безумно дорогие.

Ольга решительно взяла коробочку.

— Советуете, Аня?

Аня растерялась.

— Как я могу? На них даже пробника нет. Получается, вы kota в мешке покупаете. А вдруг вам не понравится?

— А откуда вы знаете, что они восхитительные?

Аня неожиданно покраснела.

— Одна женщина купила и сразу открыла. А я рядом стояла.

— И вам понравилось? Себе бы взяли?

Аня опустила глаза. Её щёки стали ярко-вишнёвыми.

— Мне это не по карману. Но я была бы счастлива... безмерно... счастлива, если бы мне... если бы у меня были... эти духи...

— Это аргумент. Беру.

Виктор, отдав жене банковскую карту, вышел из отдела, и Ольга стала расплачиваться.

— Знаете, — робко начала Аня, — я давно вас с мужем приметил. Вы часто у нас бываете.

— Да, нередко, — согласилась Ольга.

— Я думаю, это и есть настоящее женское счастье. Быть такой парой, как вы. Чтобы муж понимал без слов. Мог посоветовать, заботился. И не скупился на то, чтобы порадовать жену.

Ольга растерянно слушала девичьи откровения.

— Аня, вы действительно так думаете?

Протягивая бережно уложенный пакет, Аня светилась от счастья.

— Конечно! А разве может быть иначе?!

Ольга молча рассматривала юную продавщицу.

— Анечка, у меня для вас подарок. Возьмите, пожалуйста.

Ольга протянула пакет обратно.

— Что вы? Я... я... не могу...

— Можете. Ведь это такое счастье — сделать счастливым другого. Будь счастлива, дочка!

Ольга взяла Аню за руку, повесила на неё пакет и, резко развернувшись, пошла к выходу. Аня оторопело смотрела ей вслед и, когда Ольга уже вышла, прошептала:

— Спасибо.

Сначала шли молча.

— Тебе не кажется, что такие подарки продавщицам неуместны?

Ольга молчала.

— Ну, конечно! Наша любимая игра в молчанку!

Ольга не ответила, размеренно шагая.

— Ольга, нам давно нужно серьёзно поговорить. Твои траты на эту чёртову косметику...

Демонстративное молчание жены взорвало Виктора.

— Да чёрт с этой косметикой и этой девчонкой! Ты отлично знаешь, почему мы ходим в эти яблоки, а квартиру превратили в парфюмерный склад! Мы пытаемся хоть чем-то заполнить ту пустоту, которая царит в нашем доме! И когда становится невтерпёж, мы идём закупаться! Только бы не оставаться наедине друг с другом! Но невтерпёж нам уже постоянно!

Виктор бросил взгляд на Ольгу. Она по-прежнему мерно шагала, отрешённо глядя перед собою. Что ж! Пора рубить!

— Мы не можем больше жить вместе. Наш брак давно умер и даже успел сгнить. Наша дочь сбежала от нас. В нашем доме пустота, а мы абсолютно чужие люди. Хватит ехать на моём чувстве вины и долга! За свои грехи я давно расплатился! Давай расстанемся, пока взаимная ненависть нас окончательно не сожрала!

Виктор шумно выдохнул и остановился, глядя на Ольгу. Наконец-то! Прав Александр Македонский — узлы нужно разрубать. И сразу есть, чем дышать. И сразу хочется жить.

Ольга тоже остановилась, непонимающе глядя на него.

— Ой, прости, дорогой!

Она откинула пушистые волосы и вынула наушники.

— Заслушалась. Ты что-то сказал?

Виктор раздавленно молчал.

— Тебе нехорошо? Сердце? — встрепенулась Ольга.

— Нет, — выдавил Виктор. — Подожди...

Он постоял несколько минут, напоминая кладбищенскую статую.

— Давай вернёмся и купим тебе эти духи.

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

У БРЕГА БЕЛЫХ ВОД

* * *

Над гладью залива, зеркально черна,
Стояла осеннего дня тишина.
И серая кряква по влаге
Ладью пернатой зачем-то плыла.
И в соснах клубилась прибрежная мгла,
Как слава о спущенном флаге.

О чём ты молчишь, созерцатель скорбей?
О том ли, что древний завет “не убей”
Господь начертал на скрижали?
Но мера страданий палима огнём,
А кто ею мерял — окажется в нём,
Казнимы, кто днесь угрожали

Рожденью и миру на божьей земле...
Не трожь уголёк в неостывшей золе
Погибельной страсти и злобы.
Свобода, свобода — эхма, без креста!
Мы помним хозяина бойни скота
И кто есть рабы и холопы.

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился в Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг “Окоём”, “Могила Великого Скифа”, а также ещё десятка поэтических сборников, 20-ти поэм и романа в стихах “Могота”. Член Союза писателей СССР. С 1999-го по 2014 год возглавлял старейший литературный журнал России “Сибирские огни”, в эти же годы был председателем Ассоциации писателей Сибири. Свободный художник. Живёт в Новосибирске и имени Абрашино.

За век — не забыли. За проклятый век.
Мы дети наветов, потомки калек,
Что вырвали знамя Победы
Из пасти дракона. А цену Ея
В душе запечатала память моя
Нетленной — над волнами Леты.

За нами и силы, и светы отцов,
И пусть зарывают своих мертвецов
Те мёртвые на пепелище,
Кто вновь утверждает всемирный Содом...
А я всё о главном, а я всё о том,
Об ангелах в мирном жилище.

Пусть кряква зачем-то куда-то плывёт
В какой-то далёкий неведомый год,
Куда не дойдёт похоронка.
Пусть в этой зеркальной немой тишине
Лишь дятел, лишь дятел стучит на сосне
По-прежнему дробно и звонко.

ИЗ ДОПОТОПНОГО. ИНДРИК-ЗВЕРЬ

Был тот рассказ*, как сон, подробен:
У берега Белых вод
Зверь Индрик превелик-огромен
В подземии живёт.

Он ходит-бродит в толще глины
И вдоль, и поперёк,
И недра служат исполину
Во всякий день и срок.

Он прочищает дыхом, шагом
Проточины-ключи,
Чтоб заиграли по оврагам,
Как речь, чисты — ручьи.

Когда на Север повернёт он
Могучий бивень свой,
Звезды золотой полярный холод
Встаёт над головой.

Он всем зверям отец от века
По сердцу и уму,
И звери все у моря берега
Склоняются ему.

Во той святой горе-Сумере
Живёт он сотни лет,
И пьёт, и ест по Божьей мере,
Меняя тел скелет.

Как солнышко по поднебесью,
В подземье бродит зверь,
Нас охраня преданья вестью
От будущих потерь.

* Голубиная книга.

Но горе вам, людей населье,
Никто не будет сыт,
Коль Индрик выйдет из подземья
И грозно затрубит.

Тогда сыны Гипербореи
Восстанут изо льда...
Беги же на гору скорее,
Пока тверда вода!

* * *

Постою у воды, отрицая души отрицанье,
Созерцания ради луча потускневшей зари.
И себе не позволю ни окрика, ни порицанья,
Лишь роптанье на эти оставшиеся октябри.

В том роптании тихом, в роптании самозабвенном,
Где сошлись умиление и нега на грани любви,
Край закатного диска в каком-то моленье заветном
Обозначу надеждой у тёмного берега Оби.

Ничего не закончилось, даже когда отзвучали
И парадные марши, и медь похоронных литавр.
Нет печали в уходе, мы всяк за своё отвечали,
И в конце лабиринта — у каждого свой минотавр.

Только нитью надежды хранима душа молодая,
Как хранимо в сосудах Христа молодое вино.
А душа моя бродит по скифскому злату Алтая
И поёт, и поёт всё, что было допеть суждено...

ВОЛЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

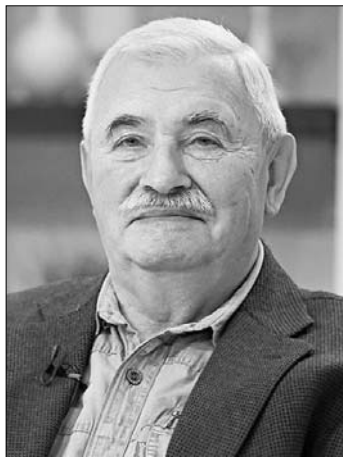
Зачем, зачем на леднике Алтая,
Подъявши морды ввысь,
Небесный свод колеблет волчья стая?
Ужели начались

Те дни и ночи горестной погони
Чрез зим седой замес,
Где луны чёрные, забывши о Законе,
Срываются с небес.

А я гляжу на полную, младую,
Плывущую в ночи.
А я молю погибель золотую:
Навеки обручи

Со стужею, чьи девственны и люты
Лобзания лицу!
Всё жду воззвать со дна великой смуты
К единому венцу...

АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

РОМАН

Часть первая

1

Свадьба!

“Однако же, велик и могуч русский язык”, — подумал Кондрат Егорович Кедров. Эта посторонняя для текущей минуты мысль заставила его мысленно усмехнуться. Прогулочным шагом, заложив руки за спину, он совершал дежурный моцион по маршруту № 4 санатория “Барвиха” и, как обычно, обдумывал маячившие на жизненной стезе проблемы. По давней привычке восклицанием: “Свадьба!” — он иносказательно завершал удачные договорённости, в его восприятии это слово вмещало в себя необъятную гамму эмоций и потаённых смыслов.

Но на сей раз речь шла о настоящей свадьбе: Дмитрий женится.

Впрочем, первую и главную проблему, связанную с этой свадьбой, Кондрат Егорович уже закрыл. Сперва думал переговорить с Воротничком из

САЛУЦКИЙ Анатолий Самуилович родился в 1938 году в Москве. Окончил Красноярский институт цветных металлов и золота. Писатель, публицист. Работал сотрудником газеты “Комсомольская правда”, заведующим отделом редакции газеты “Вечерняя Москва”, первым заместителем ответственного секретаря “Литературной газеты”, спецкорром отдела публицистики журнала “Советский Союз”. Публиковался в различных газетах и журналах. Автор сотен публицистических статей на политические и остросоциальные темы. В качестве эксперта неоднократно был членом российской делегации на Генеральных Ассамблеях ООН. Академик Академии российской словесности. Первый заместитель председателя правления Российского фонда мира. Член Союза писателей России.

КГБ, но потом решил, что ребята с Лубянки не глянут глубже анкетных данных, и позвонил Промыслову, по старой дружбе попросил навести глубокие — глубокие! — справки относительно Василия Ильича Губина, работающего в системе Моссовета, — что за личность? что за семья?

Владимир Фёдорович знает, о чём доискиваться, когда вопрос идёт о том, чтобы через невестку породниться семьями, зубр опытный. Через неделю отзвонил, пошутил о всесторонних изысканиях и дал “добро”. Губины — род достойный, Василий Ильич при Сталине был замом министра. Потом, правда, по обстоятельствам времени ушёл в тень, однако в аппарате Моссовета не последняя сошка. А детали — при встрече, есть там кое-что интересное. В общем, наш брат, свой.

Теперь в голове крутилась вторая, второстепенная проблема: в каком ресторане справить свадьбу? Подул коварный осенний ветерок, и Кондрат Егорович застегнул пальто на верхнюю пуговицу. Дмитрий предлагает “Центральный”, где булочная Филипповская, или “Арагви”. Но вопрос не такой простой, как думает сын. Начинать надо не с выбора ресторана, а с того, на что заманёмся, кого из солидных людей пригласить. Свадьба сына — как юбилей, тоже повод собрать старых знакомых, всем показать, что ты в порядке, что породнился удачно, а значит, оброс новыми связями.

Вспомнил 60-летний юбилей Воротницкого в ресторане “Мир”, считай, рядом с американским посольством. Зал большой, десять круглых столов на восемь персон, удобно. О-о! Там смешно было. Воротницкий пригласил Мазо, известного профессора, который его от простатита лечит. Ну, Мазо и выдал тост: “Я тоже с органами работаю”. Кстати, надо с этим Мазо познакомиться, мало ли...

Но свадьба на восемьдесят человек — это, пожалуй, чересчур. Хотя в основном-то будет молодёжь. Ну, как молодёжь? Дмитрию под тридцать, мужик самостоятельный, кандидат наук. В памяти мелькнул ресторан “Мир”: половину зала можно отвести под оркестр и танцы, для старшего поколения — два почётных стола. Да, свадьба примерно на сорок гостей будет, пожалуй, в самый раз. А ещё... Попросить Промылова, чтобы на полчаса заскочил, председатель Моссовета уровень свадьбы поднимет. Хорошо бы и генерал Язов заглянул. Он Среднеазиатским округом командует, но в Москву прилетает часто и обязательно звонит. Свой человек в армии.

Ну, вот как-то так. Вопрос начинается проясняться...

Кондрат Егорович завершил дежурный моцион, вернувшись к главному корпусу. На заднем лифте поднялся на четвёртый этаж, в двухкомнатный люкс, где всегда поселялись они с женой и где при заезде Кедрова подключали “вертушку”. Но сейчас Зинаида не приехала, сам-то он едва вырвался на несколько праздничных дней. Зайдя в просторную прихожую, скинул пальто и принялся было расшнуровывать полуботинки, но услышал трель “вертушки”. В уличной обуви быстро шагнул в комнату, взял трубку. Звонил Никитенко, помощник.

— Кондрат Егорович... Леонид Ильич...

Кедров сразу всё понял, рывкнул в трубку:

— Машину!

2

В ночь на 11 ноября 1982 года по центру Москвы без охранного сопровождения, без мигалок, словно тайком, металась чёрные “ЗИЛы”, в просторечье именуемые членовозами. Иногда по две-три машины скапливались у зданий, где светились окна служебных апартаментов кого-либо из венценосной партийной верхушки. Но вскоре лимузины снова разлетались по пустынным московским улицам, на которых вдруг появились редкие военные патрули, и увозили пассажиров по другим особым адресам.

Долгое, 18-летнее правление Брежнева завершилось. Началась новая драка за власть.

Разумеется, озаботились своим завтрашним днём не только члены высшего, неподсудного ареопага, но и те, кто сновал у подножия верховной

власти, кто входил в элиту. В те дремучие, застойные брежневские времена элита формировалась исключительно из людей государевых, из номенклатуры, из тех, чьи должности, прежде всего чиновничьи, считались начальственными. Понятно, в элите числились академики и, само собой, культурные знаменитости, но всех их отличали знатные легальные заработки, позволявшие жить на широкую ногу, — в пределах советского шикарного стиля. Подпольным миллионерам вход в элиту был категорически воспрещён, денежных тузов не впускали в круг избранных. Им разрешалось лишь кутить в ресторанах, по благу и с переплатой покупать “Волги”, “убивать” друг друга импортными мебельными гарнитурами.

Кондрат Егорович Кедров входил в элиту по праву: он обитал даже не у подножия, а выше — в предгорьях верховной власти.

Ту ночь он провёл у камина на даче Мартына на Клязьме. Они воевали на разных фронтах, но оба были Героями. Кедров получил “Золотую Звезду” за Висло-Одерскую операцию: закрепился на плацдарме и вызвал огонь на себя. Мартына наградили за штурм Кёнигсберга. Задружились они случайно, шагая рядом — плечо в плечо, — когда шла подготовка к Параду Победы 45-го. И в мирной жизни пошли параллельно. Кондрата позвали в Институт международных отношений, а Глеба, — Мартынов — это фамилия, — тоже вне конкурса взяли в Энергетический. Фронтоников везде брали без конкурса, а уж за Героями так и вовсе охотились.

Для Кондрата Егоровича кончина Брежнева подводила итог и его жизни. Вместе с Леонидом Ильичом уходило в прошлое поколение победителей, к которому принадлежал Кедров, и этот перелом неизбежно отразится на судьбах страны. Не в кремлёвских старцах дело, не в седовласых, омоложение правящего слоя — дело нормальное. Но теперь к власти идут люди, не нюхавшие пороха, штафирки, а это иной коленкор. Да и вообще, с соседями по возрасту, а особенно по историческому времени всегда непросто. Новосёлы, прежде всего, о репутации заботятся — не о деле. А репутация, она что? Сиюминутная пыль... Любой ветерок сдует. Аппаратчик опытный, знающий все партийные расклады, Кондрат Егорович понимал, что эпоха отцветает, а её слом — пора неказистая, тягучая, липкая. Транзитное время, оно по самой сути своей зыбкое. В ближайшие годы на верхах начнётся цирковой галоп, пойдёт кутерьма-чехарда, обновится власть не сразу, через незримые со стороны подвижки. Однако же, как память сказал ему молодой секретарь ЦК Горбачёв, когда подписывал бумаги на новых людей в аграрном отделе, процесс пошёл. “Укороченным шагом”, — мысленно комментировал его слова Кедров.

В одиночестве переживать и обдумывать грядущий перелом жизни Кедров не хотел. В такие минуты, часы и дни нужны людям разговоры душевные и, само собой, безопасные — на этот счёт у Кондрата Егоровича жизненный опыт был. А с кем делиться сокровенным? Только с Глебом.

Рюмкой коньяка они помянули Леонида Ильича. Когда выпили, Кедров задумчиво сказал:

— Брежнев на параде Победы с нами по Красной площади шагал. Прочувствовал, что такое поступь победителей, что такое державный шаг. Свой брат, прошёл войну от звонка до звонка. Думаешь, почему он после Никиты начал потихоньку реабилитировать Сталина? Сколько пересудов было! Тридцать седьмой год, тридцать седьмой год... А я-то знаю, что Леонид Ильич не тридцать седьмой, а сорок пятый возродить хотел. Вместе с памятью о Сталине военный подвиг народа славил.

Мартын хитро усмехнулся:

— Сопли ностальгические утри. В сорок седьмом День Победы отметили...

— Глеб, ну, мы-то с тобой знаем, почему. Нас Сталин испугался, фронтовиков. Потому и большой дембель объявил, вполовину армию сократил. Мы после передовой ни Бога, ни чёрта не боялись, если кого из наших хмурые ребята не по делу тронут, весь батальон мог подняться, кому хошь могли наладить. А что такое батальон военного времени, ты знаешь. Батальоном рейхстаг брали... Фронтоник — что пароль “свой”, все мы из одной

чаши причащались. Ты лучше скажи, почему Никита Сталина клял, а День Победы так и не вернул.

— Думаешь, он не опасался?

— А Леонид Ильич уже в шестьдесят пятом, на первом своём параде Сталина помянул и День Победы объявил праздником. В ту пору он меня по службе изредка вызывал, за “Звезду” отличал особо. Так и сказал однажды: Сталина из истории выкинули, а вместе с ним и подвиг народа. Будем восстанавливать... Но не просто это было, куда как не просто. Ты, Глеб, своими ракетами занимался, наверное, о “Письме двадцати пяти” и не слышал. А в ЦК все на ухах стояли.

— Это почему же не слышал? Оно открытое было, кое-кто из наших академиков подписал, потому я о нём и знал, хотя не читал. У нас все знали, но между собой не обсуждали, приняли к сведению, и всё. Подозреваю, у каждого на этот счёт своя мысль была.

— А я вгрызался. Представляешь, 1966-й год, только-только Брежнев начал Победу поднимать, и на тебе письмо “О недопустимости частичной или косвенной реабилитации Сталина”! И подписи серьёзные — культурная, научная элита. Эрнст Генри то письмо соорудил, это широко было известно... Сложная фигура, неясная. Офицер НКВД, старый разведчик, за рубежом работал, с Коминтерном был связан. Арестовали его за три дня до смерти Сталина, потом отпустили. И по части антисталинизма он стал главным заводилой, Сахарова раскрутил. Я его так и не понял. В том ещё для меня загадка, что он работал в Институте мировой экономики, а это, считай, мозговой штаб Международного отдела ЦК. Понимаешь, Глеб, всё на моих глазах происходило, я же всё видел, всё помню. Помню “андроповских мальчиков”, которых после Хрущёва для дружбы с интеллигенцией набрал в свой отдел соцстран Андропов — Генри с ними завсегда был. Я очень многое понимал, потому что МГИМО закончил. А вот Ростовского, Эрнста Генри так и не понял. Да он и не Ростовский...

Помолчали, потом ударились в воспоминания. Глеб спросил:

— Ты как-то говорил, что на поминках Сталина погорел, самое время припомнить. — Улыбнулся. — Опыт давних дней...

— Погорел, зато потом выиграл. Мы компашкой сели вождя помянуть, наверное, я лишнего и сболтнул, в молодости-то не рюмками пили, сам знаешь, утром перегар на гектар. А кто-то, видать, стукнул. Но после смерти Сталина порядки в один день смягчились, а у меня вдобавок “Звезда”. Ну, и отделался тем, что лишь хвост прищемили, с работы турнули, только и всего, — меня после института в спорткомитет на международные связи кинули. Я ведь, Глеб, в пятьдесят втором году в Хельсинки на Олимпиаду наших ребят-девчат возил. О! Там такое было! Как вспомню, душа поёт. Представляешь, в футбол за двадцать минут до конца матча мы проигрывали 1:5. И кому? Югославам, Глеб, югославам! А Тито — главный враг Сталина. И 1:5! Ну, ты понимаешь, что с нами творилось. И вдруг... Глеб, я же это своими глазами видел! Бобёр один за другим заколотил три мяча! А для четвёртого гола такую подачу выкатил, что ни забить, ни забыть невозможно. Ничья! Какой Пеле! Ему великую славу сделали, а нашего Севу Боброва обделили, не умели мы мировую славу своим героям делать. Ничего подобного на Олимпиадах с тех пор не было, я слежу...

— Ишь, как разошёлся. Ну, хвост прищемили, а дальше что?

— А то, что уволили, и я снова на выданье. Но ворон — не ворона, Герой Советского Союза безработным быть не вправе, вот в ЦК и позвали. Шире шаг! Даже коротковол на какой случай выдали. “Громко сесть или тихо уйти?” там уже закончилось.

— Не понял.

— Это из аппаратных шуточек того времени о сталинских временах. Но я в ту пору думать не думал, что на всю жизнь в ЦК пригнездился.

— А сейчас ты да-а, персона. Тебе ли жить в печали?

— Эх, Глеб, характеры у нас с тобой не те, чтобы выше крыши прыгать. Вот ушёл Брежнев, я же знаю, в ЦК всех трясёт, шkodливой публики у нас много, я их называю “обожателями небожителей”, походке завсектором

подражают, вот до чего чиновничество доходит. Каждый спешит закрыть старые счета, о своём завтрашнем дне печётся. Оберперевёртыши. На верхах фамилии сейчас пойдут другие, а фамиям будет прежний. А я спокоен, я — ничейный, мне всё равно, кто власть перехватит. Потому и членом ЦК не стал, туда ничьих, кто не в команде, не берут. Это у тебя, дорогой мой, можно в одиночку, на характере, опыте и мозгах до директора подняться.

— Мнишь себя стратегом, видя бой со стороны, не будем об этом. Тебе известно: на фронте был слепо храбрым, а на гражданке труса празднует распоследнего, тут другое мужество нужно. Ты что, не знаешь таких?

— Знаю, знаю... А сейчас вот о чём думаю. Всё-таки Сталин мудро ставку на фронтовики сделал. Что широко дверь в институты перед нами распахнул — это одно. Но мы-то с тобой в сержантах ходили. А офицеры, которые через огонь прошли? Для Сталина они были главным кадровым резервом, он им везде дорогу открыл, прежних тыловых крыс к чёрту повыгонял и на их место фронтовики поназначал. Управленцев сменил от Москвы до самых до окраин, до райисполкома, везде фронтовики первыми стали, а уж капитанить-то мы умели. Я на кадрах сижу, какую анкету ни возьмёшь, отец у него фронтовик, и после войны, на гражданке сразу пошёл у него служебный рост.

— Погоди, дай слово молвить. Запечатлеть зады истории и я могу. Заводы тоже фронтовики подняли. Я на производстве с пятьдесят первого, но уже к тому времени мы довоенный уровень переплюнули. Мужики, словно в бой шли, отчаянно вкалывали. Истосковались по мирному делу, радость от него получали. Что хочешь могли изобрести, хоть автобус с вертикальным взлётом. На инженеров заочно доучивались. В то время никаких тебе обманов, приписок. — Весело поиграл лицом. — Помню, мы с казёнными ву-смерть над чертежами дерёмся-ругаемся, а потом в обнимку идём по пивку. Никаких дразг!

— Кагэбэшники?

— Ты что? КБ! Конструкторских бюро пруд пруди было... Давай, Кондрат, ещё по маленькой, прошлое душу берedit. Помню начало мирной жизни. Я ведь позже тебя демобилизовался, уехал в свой Ростов, записался в строители — Ростсельмаш восстанавливать, весь город этой мечтой жил, под баянные басы песни про завод пели. Вдруг читаю в газете: такого-то числа в Москву идёт бесплатный вагон для фронтовики, желающих поступать в институты; кто хочет — милости просим. — Зажёгся: — Кондрат, я же не про эпизод личной жизни говорю. Сталин по всей стране умников собирал, в низах искал. Учись, где хочешь, флаг тебе в руки, барабан на шею! Бесплатный вагон! Это же придумать надо, такое не сразу и в голову придёт. Ну, я приехал, глаза разбежались — куда поступать? Две ночи на Курском вокзале бедовал, пока с Энергетическим не определился. А как документы подал — сразу общежитие. Вот оно как было! Сейчас в эту сторону верховные мозги и не думают. А ты откуда-то с северов?

— Обский, из Колпашева Томской области, в 41-м призвали. Сибирские дивизии до фронта без разъездов мчали, на перепряжке паровозы под парами ждали. Успели! И с ходу в бой. За нами Москва, отступать некуда! Кстати, недавно меня Копанец из отдела соцстран огоршил: что же ты, Кондрат, маршалом не стал? Я отмахнулся, а он говорит, что из десяти маршалов Победы девять были родом из деревни. Я и не знал.

— Выходит, и мне светило. Меня из станицы двух лет вывезли... Мы с тобой, Кондрат, делегаты прошлого. Я начинал под Ельней, первогвардейцем. После тех смоленских боёв в сентябре сорок первого гвардейское звание и ввели. С нашей дивизии начали.

— Из Колпашева помню только главную улицу, которую исстари мостили кедровым торцом, — крепче камня, а для колёс мягче.

— У меня в одном из цехов тоже деревянный торец. Прочно, не скользко.

— А Сухой Лог, деревенька наша, ещё жива. Но я оттуда отца с матерью в Москву забрал, потом их на Ваганьковском приютил.

Глеб хитро прищурился:

— Для себя Ваганьково забронировал?

— Промеж глаз бьёшь, — рассмеялся Кедров. — А почему нет? Сам говоришь, мы теперь иные, не прежние. Когда в бой шли, себя не жалели. Глеб, ты представляешь, что значит вызвать огонь на себя? Мои координаты у пушкарей на ладонях записаны, бьют в точку. Как выжил, только Господь знает. После войны никуда не просился, пошёл, куда Родина позвала. — Наполнил свою рюмку. — После XX съезда я по случаю полез в довоенные подшивки “Крокодила”. Мать твою, журнал забит карикатурами на бюрократов. Или “Волгу-Волгу” возьми. Ильинский такого бюрократа там выдал, что по сей день все помнят. А после войны, до Хрущёва, когда фронтовики в управленческую стихию кинули, слова “чиновник”, “бюрократ” из моды вышли. Не были мы, Глеб, бюрократами, не были! Потому страна и рванула вперёд. Чай, сам всё знаешь.

Пригубили. Мартын задумчиво сказал:

— Ишь, как тебя научили нарядно говорить... Да-а, мы с тобой хвостом не вертели, четыре эпохи отмотали-отмахали. Война, Сталин, Хрущёв, Брежнев. Что будет дальше, поглядим. — Опять хитро прищурился. — Знать-то я много знаю. А вот куда ты сейчас гнёшь, только догадываюсь.

Кондрат чуть-чуть пригубил, слегка покривился от горечи.

— Ты у нас быстроумный, верно догадываешься. Пожалуй, только после Хрущёва я понял замысел Сталина. Он служивых фронтовиков опасался, знал нашу силу. И решил применить нас на гражданке. Новую элиту он из нас создал, вот что, Глеб!.. Трёх зайцев одним махом уложил: угрозу для себя устранил, дал мощнейший импульс развитию страны, а заодно и генеральскую элиту разбавил — после Победы маршалы-генералы в великом почёте были, с точки зрения Верховного, — это тоже опасность, лампасоносных без пригляду оставлять нельзя. Спроста ли Хрущёв Жукова убрал? Сталин таких, как мы с тобой, в разные сферы внедрил, в ранг элиты возвёл и ровень с генеральской гвардией поставил. Гений он и есть гений!

Теперь пригубил Мартын. Кедров сказал о том, о чём Глеб много думал, но не мог с такой ясностью осознать секрет и своей судьбы, и послевоенной судьбы страны. Всё верно говорит Кондрат, так и было. Они вернулись с фронтов и, встав у рычагов власти, — сверху донизу, — не рядясь о чинах, снова пошли в бой. Ну, вообще говоря, об этом сказано много, фильм “Председатель” чего стоит! Там Ульянов бывшего фронтовика сыграл потрясающе. Однако же... О чём-то Кондрат не договаривает. Разговор пошёл крупный, под статью сегодняшнему историческому дню, надо идти на глубину, ставить точки над “и”.

Поддал жару:

— Кондрат, чего кряхтишь вокруг да около? Давай напрямую, ты о чём толкуешь? Или огонь на себя боишься вызвать?

Кедров медлил. Не потому, что раздумывал, как ответить, — не знал, что сказать. Скоро стукнет шестьдесят, опыта с лихвой, взобрался на вершину умений, хворь не накрыла, не высох, не усох, мудрость пришла, память недырявая, не в маразме. Жизнь удалась. В торопливых повседневностях, замороженный аппаратной суетой, он уже давно не размышлял о превращениях своего земного бытия, а ведь есть над чем подумать. Отсчёт этого бытия Кондрат вёл с того предвечернего часа на Висло-Одерском плацдарме, когда его живым-невредимым откопали в полузасыпанной свежим разрывом предыдущей воронке — рыть окопы было некогда, на голый берег высадились. В тот миг он даже не понял, что чудом избежал верной смерти. Отряхнулся, словно пёс, вылезший из воды, чесанул пятернёй волосы, чтобы стряхнуть песок пополам с глиной, и побежал по войне дальше. Когда представили его к Герою, тоже не врубился, фронтовая текучка так заедала, что не до наградных переживаний. Но когда присвоили “Золотую Звезду”, когда вся рота в его сержантскую честь устроила удалой сабантуй, только тогда он начал осознавать, что произошло там, на плацдарме: лейтенанта Кудряшова убило, и он, сержант, подхватив рацию, принял командование, вызвал огонь на себя. Да, с того дня пошёл новый отсчёт бытия. Позвали

в МГИМО, потом на престижную должность в ЦК — в ту пору Кондрат в свою жизнь не вдумывался, места себе не приискивал. Коли позвали, значит, нужен. Звали бы в инженеры, работал бы на заводах, как Мартын. Но после XX съезда кое-что начало меняться — и в стране, и в его жизни. Бывшие фронтовики, ставшие правящим слоем, на фоне новых, хрущёвских назначенцев негласно называли себя сталинской элитой. А вот дальше... Дальнейшее Кедров давно не осмысливал, спокойно плыл по течению. Но смерть Леонида Ильича — да, это рубеж, Мартын неспроста зовёт на глубину. А что там, на глубине? Придётся доискиваться по ходу...

Наконец, заговорил:

— Чтобы невпопад не стрелять, давай разбираться, что с нами произошло. Начинали мы простыми солдатами, нас миллионы с фронта вернулись, и перед каждым Сталин распахнул дверь в большую жизнь. Поступай в институт без конкурса, высшее образование — пропуск в завтра, первым парнем на деревне станешь. Понятное дело, выйдя из боя, фронтовики по реальному делу тосковали, из миллиона только тысячи пошли учиться — дело трудное, в руках сила есть, но мозги-то на войне простыли, не до науки. А мы с тобой пошли, хотя учиться было труднее, чем воевать. — Нажал голосом. — Мы с тобой были нужны Родине, и снова — в бой, каждый с самим собой. Так я говорю?

— Говори, говори. Ты меня знаешь, если что, у меня не заржавеет.

— Выучились. И как на войне, никуда не просились — шагали по приказу. Но Сталин сделал ставку на фронтовиков, и нас с тобой потащили вверх. Я же понимаю, как это делается. Просто, очень просто. Была когда-то разнарядка заталкивать в партию побольше рабочих, и мы им семь вёрст до небес сулили. — Нахмурился. — Прوماхи у власти были, без перекоса не обошлось, беспартийных стали придерживать. Потом поступила команда звать в ЦК людей с производства...

— Ты не представляешь, как на меня жали.

— Глеб, я тебе пить больше не дам. Ты что, забыл, как приезжал ко мне за советом, а я по дружбе разобъяснил, что в аппарат ты уже опоздал, здесь карьерная толчея, много лишней докуки, бесшумно карьеру не сделаешь, и лучше бы на заводе остаться, там тебе рост обеспечен.

— Тьфу! Извини, Кондрат.

— Возвращаюсь к мысли. Сталин на таких, как мы с тобой, сделал ставку, но нам-то надо было соответствовать.

Мартын вдруг громко расхохотался.

— А теперь ты промазал. Мыльницу банную помнишь? Так соответствовал, что зад от стула не отрывал, жиром зашпыл.

— О-о! Да, это история.

История и впрямь была памятная. Примерно к тридцати пяти Кедров, который вёл сидячий, чиновный образ жизни, начал округляться, и Мартын не предложил, нет, жареными словами потребовал, чтобы Кондрат отправился с ним в баню. В Сандуны? Какие Сандуны! Пойдём в самые что ни на есть простецкие бани — в Чернышёвские. Давно уж нет тех бань, снесли, а в ту пору они славились, ибо в самом центре, внутри Бульварного кольца, метров сто от храма Воскресения Слоущего в Брюсовом переулке. В подвалах там топили угольные печи, и свежий пар сразу шёл в общую парилку, где всегда было туманно и горячо. Вспомнив солдатские времена, поскоблились, потом Мартын велел обтереться насухо и поставил лицом к стене. Тепло распаренное, да вдобавок жарко, и с Кондрата полил пот. А Глеб острым краем пластмассовой мыльницы водил по спине от поясицы до плеч. После каждого прогона показывал мыльницу — она наполовину заполнялась чистым, без воды, потом. Три кэга за один банный сеанс снял с него Мартын знаменитым приёмом боксёров для сгонки предбоевого веса.

— Ну, вспомнил, как начал соответствовать? — продолжал смеяться Глеб.

— Сколько раз ты меня в баню таскал?.. По-моему, всего-то раз пять. Но вот что чудно. Помнишь, в прихожей Чернышёвских бочковое пиво наливали? Так мы же с тобой после парной восполнялись кружек по пять на

брата, а вес всё равно с тех пор стабилизировался. Как в “Кубанских казаках”: *каким я был, таким я и остался.*

— Слушай, *казак лихой, орёл степной*, а с мозгами-то как? — в своей манере подначил Мартын. — Неужто тоже прежний?

Это был приказ возвращаться к главной мысли, и Кондрат стал размышлять дальше:

— На чём я остановился?... А, нас с тобой по замыслу Сталина потащили вверх. На высоком галоне шли, как тогда говорили, для скорости огурцы шайбами резали. Я в ЦК партии от души вкальывал, аж дым из ушей валил, в те тощие годы у нас ни квартир, ни хороших зарплат не было, зато рабочий день не нормирован. Нам с Зиной две комнаты в общежитии дали, там Димку и пестовали. Бывали дни, когда на сиротке сидели — гречневая каша без молока-масла. Сейчас самому не верится, а ведь так было, Глеб. А ты первые ракеты делал. Но при Никите у меня жизнь пошла другая, только “Звезда” спасла, потому что явились в аппарате новые люди. Вроде бы разные, но... работают в хору — все орут, и я ору. А песня у этих разговорщиков в строю, этих истинверцев мне не по душе. Виртуозы текущей жизни, никаких обязательств перед прошлым. Скажут, они и на корову хомут надедут, да клешнями сверху. Ну, о чём говорить, — паркетное мышление. Фронтовики стали понемногу оттеснять. Переводили на хорошие должности в разных ведомствах, иной раз с министерским саном, короче, под рублёвый грех грошовую свечу ставили. ЦК — это же инкубатор кадров. Но замысел-то мы понимали: началась чистка партноменклатуры, идёт перехват управляемости, в ЦК готовится аппаратная перестановка. Через три года прояснилось — антисталинская. Вдаваться в эту тему не буду, но, кстати, всё же замечу, что мы, фронтовики, тоже разные. Меня из ЦК знаешь, кто особенно выживал? Черняй. А он, право слово, тоже фронтовик, всю войну прошёл, не отнимешь. Сперва сделал предупредительный выстрел в воздух — впрямую намекнул, чтобы я маршировал подальше от Старой площади. Я не шевельнулся, ну, и началось... Потом при Брежневе расчёсывать старые обиды я не стал, у нас своя, аппаратная этика. Но до сих пор не ручаемся, кивками обходимся. Я ведь понимал, почему он подзуживал, чтоб от меня избавились. Я по базе международник и хорошо понимал его линию. Он в Праге с западными мозговыми центрами задружился, на мой взгляд, чрезмерно оттепельным стал, из коммунистов перекоммуницировался в гуманисты. А я на кадрах сижу, понимаю, кого и куда этот гегельянец тащит, на мякине меня не проведёшь. Мешаю. Я у него был, словно камушек в ботинке.

— Меня с Черняевым на прошлом съезде познакомили. Что за человек, сказать не могу, в ваших партийных делах не силен. Но показалось, что с очень развитым чувством собственного величия. Сгусток интеллекта!.. Кажется, начинаю тебя понимать.

— Я пока сам не знаю, куда рулю... Да, при Никите многое стало иначе, в ЦК появились привилегии, и немалые. Мне квартиру в новостройке дали, некоторые подмосковные санатории мы под себя взяли, да не для путёвочного отдыха, всё лето там семьями жили. У меня была половина домика там, где Паулоса разместили. Условия ему создали, скажу тебе, люкс... О-о-о, Глеб, кажется, кое-что нащупал. В то время в номенклатуре зашелестело новое словцо — элита. Мы — сливки общества, лучшие люди, правящий класс, с нас особый спрос, мы, власть имеющие, взвалили на свои плечи ответственность за судьбу страны. Но, уж будьте добры, оцените наше усердие по полной! Никита им и ответил: да ради Бога, господа хорошие, усаживайтесь поудобнее. У них пламенные восторги, и вместо ветвистой пшеницы Лысенко подсовывают ему кукурузу — что хрен, что редька. Кстати, в пятьдесят шестом Трофима с президента сельхозакадемии сбросили, а в шестьдесят первом снова назначили. Понял, что творилось? Ну, извини, опять с темы соскочил, очень уж горячими у меня были трения с той эластичной публикой. А если по делу, тебя в ту пору тоже обласкали, ты квартиру получил краше моей, до сих пор в сталинском доме живёшь.

— С твоими нынешними апартаментами не сравнивать.

— А я, кстати, к своим апартаментам и подбираюсь.

Мартын снова перебил, режим монолога его не устраивал.

— Не маши языком, дай слово сказать. То гулкое время я помню. Управлять экономикой тоже стали по-новому. И верно, пошли разговоры об элите, причём под элитой министерские подразумевали себя. Ну что ж, элита так элита, эка важность. Однако на заводах-то мы сидим, нас не уберёшь, производство встанет. И ты правду сказал, мы себя стали считать сталинской элитой. А у них даже имени-названия не было, мы их кликали радетелями за народное счастье, зачастую и горбатыми словами честили. Но о чём ты говоришь, я три месяца назад стал думать, когда хоронили академика Пилюгина. Я его хорошо знал. Он на фронт рвался — самый возраст, тридцать три года, — но Сталин не позволил, далеко вперёд глядел. И Пилюгин разработал всю автоматику для наших первых ракет. Да и нынешние — тоже его работа. Не воевал, но мы, фронтовики, считали его своим, из поколения победителей. Когда он ушёл, я и подумал: Брежнев тоже на исходе, а как будет при вождах, не нюхавших пороха, кто знает? Были мы сыновьями эпохи, да как бы не стать пасынками.

Кедров плеснул себе немного коньяка, понюхал, но пить не стал. Время выигрывал для ответа, потому что подошли они к главному. А главное начиналось для Кондрата далеко-далеко от этого уютного дома на Клязьминском водохранилище — и по времени, и по расстоянию, в таёжном Сухом Лого на берегу Оби. Никогда не потускнеет в памяти, как на Масленицу блаженной памяти дед Василий запрягал мухортую кобылу Зорьку и с вскриками: “На саниях кататься, в блинах валяться!” — возил по деревне ребятишек. Зорька в нарядной выездной сбруе, которую дед пошил сам и богато раскрасил пуговками из самоварного золота. Дуга расписная, а под ней неумолчно, гремливо звенит колокольчик “Дар Валдая”, который привезла когда-то в Сухой Лог очкастая Вера Ванна, учительница, присланная в тайгу из Ленинграда. Колокольчик она пожаловала Василию Кедрову на память, и для него это был самый дорогой подарок. После войны дед рассказывал, как с этим колокольчиком он санным обозом возил в Томск пельмени для фронта, вёрст двести. Те ранние годы вспышкой мелькнули перед глазами Кондрата, и он не мог не думать о том, как высоко вознесла его судьба. Был никем, стал всем!

— Понимаешь, Глеб... Нового замзава общим отделом — из молодых да ранний, сверкал довольством, как надраенная бляха, — наградили шикарной квартирой в ведомственном доме. Он со мной сразу на “ты”, панибратски, из него и полезло: Кондрат Егорыч, ты чего ютишься в панельной дешёвке? На кой тебе бытовые неувязки? Раскинь умом. Иди, скажи, что по семейным обстоятельствам хочешь расшириться, соседями будем, об межу. Уж так словами бряцал, что после той рацеи я и подумал: а почему я должен жить хуже, чем этот ушлый прохиндей из плеяды карьеристов, придворный холуй, который во фронт перед начальством тянется, циник отпетый? У которого на уме одно: вкусно есть и сладко спать. Он же сам мне докладывал, что по старому поверью живёт: чьё вино, того и здравьице. Я таких типажей по сей день встречаю. Говоришь с ним — улыбка искренняя, в глазах интерес неподдельный, а на поверку — плевать ему на всё, только свою выгоду блюдёт, из карьеры рысачит. Ну, да бес с ним... Короче, я и подумал: я за Родину кровь проливал, сейчас на совесть жилы рву. Штаны на лямках не носил, всегда в портуpee. В самоволки не ходил. Дурным наклонностям не подвержен. Почему я должен на пустых щах сидеть? Имею право!.. Вот мне и взволилось. Возымел желание въехать в апартаменты, а по крупному счёту — внедриться в премиальный образ жизни, в новую элиту. А сталинская или какая другая, в то время я не задумывался.

— Но потом-то разницу понял?

— Тут так, Глеб. Разница, она в отношении к делу, мы с тобой всегда на совесть пахали и по сей день так пашем. А касаемо устройства жизни... Почему мне, фронтовику, не пользоваться теми благами, какие даёт высокая должность? Заслужил! Не ворую, не мздоимничаю, служу Родине честно, бесперечь. Я, таёжный парень, жизньню смерть поправ, — в буквальном смысле, Глеб, в буквальном! — вырос до элиты. Спасённому — рай! Был

солдатом с блиндажной скаткой, в киржачах-шурупах в гармошку, стал элитой с апартаментами. С кем попало коньяк не пью. В чём проблема, Глеб? Почему я не вправе на веки вечные закрепить новый статус моего рода? Нашему роду нет перевода. О чём говорить, ежели Господь так моей судьбой распорядился? Мы с тобой коммунисты, но знаем, что в окопах атеистов не было.

Теперь молчал Мартын, пережёвывал услышанное. День особый, по-своему исторический, для них с Кондратом тем более, ибо кончина Леонида Ильича подводит черту эпохе великих стараний фронтового поколения. Да и в стране что-то наверняка повернётся, хотя не ясно, в какую сторону. Кондрат для того и приехал, чтобы осмыслить этот жизненный перелом, с пятого на десятое тут не скажешь, не до антимоний. Конечно, у них, в аппаратных структурах предчувствие грядущих перемен острее, в промышленности по Брежневу не особо будут тосковать. А вот что касается элиты... Мартын тоже не остался тем дворовым ростовским казачонком, каким был до войны, стал “первым парнем на районе” — лауреатом Госпремий, директором “бриллианта” оборонки. Самая что ни на есть элита! И всё случилось так, как рассказывал про себя Кондрат, раньше Глеб над своей элитарностью не задумывался, только и всего. Да-а... Кедров вбросил новую тему. Но не для этой ночи, вообще не для этих дней.

— В чём ты прав, Кондрат, стопроцентно, так в том, что мы с тобой, не думая, не гадая, заделались элитой. Но, добавлю от себя, остались солдатами: ты солдат партии, я солдат нашего вундерваффе, супероружия. И по-прежнему, каждый на своём посту, сберегаем Родину. Но есть закавыка: на фронте мы окопной правдой жили, а теперь — штабной. И значит, ответственность на нас особая. Хрущёв фронтовую, сталинскую элиту кем только не разбавлял, а Леонид Ильич сам был военного склада, и нас оберегал. Знал, что мы ребята пороховые, боевого строения у нас головной мозг, портянки у нас всегда сухие, в любой миг готовы “в ружьё!”... Наверное, Кондрат, разговор этот ночной станет новой точкой отсчёта, другие времена стучатся в двери, с прошлым не сообразные. Такие передовизмы теперь могут объяться, что только держись, как бы не приперчило... Ну что, ещё по одной? Как-никак, хороним эпоху.

— Пока только отпеваем... — отмахнулся Кедров.

Он слушал вполуха, был поглощён тем, что добрался-таки до яйца с иглой под дубом на острове Буяне и похоронил Кошечку сомнений, который, та-ясь где-то в глубине души, время от времени портил настроение.

Нет, не напрасно в ту тревожную ночь он примчался на Клязьму, к Глебу!

3

На повороте в Переделкино Геннадий кивком указал на высокий зелёный забор.

— Бывший дом Будённого, может, и нынешний, в смысле родственников, мне неизвестно.

“Волга” мягко катила по извилистой узкой дороге, Балаев, часто притормаживая, неторопливо пояснял:

— Говорят, за Будённым прислали комендантский взвод — хотели арестовать. А он выставил в окна пулемёты и кричит в матюгальник: “Рано петь отходную! Кто в ворота сунется, уложу на месте”. Байка, наверное, но тем не менее Сталин его оставил в покое, потом даже приласкал.

Дмитрий с Варей сидели позади водителя и от самой Москвы с интересом слушали его “вводную” к сегодняшнему субботнему гостеванию. Балаев пригласил их к своим добрым знакомым, скорее, друзьям, которые жили в Переделкине. Само собой, была у них и московская квартира, даже две. “Но однушки”, — уточнил Геннадий. Однако жить за городом, да вдобавок в знаменитом писательском посёлке удобнее, престижнее и целебнее. Хотя ни Юра Степнов, ни его жена Антонина не литераторы, дом куплен. И, видимо, за немалые деньги, потому что, во-первых, он рублёный — брёвна

дышат, воздух внутри всегда свежий; во-вторых, он двухэтажный, а в-третьих, участок большой, на нём просторный гараж с мойкой и даже площадка примерно на пять гостевых машин. По нынешним меркам — шикарно. Но всё по-честному, Степновы никакие не торгашки, не цеховики. Юра — солидный фотокор из правительственного пула, сперва с Хрущёвым, а потом с Брежневым весь мир облетал. Живут они широко, гостей к ним наезжает много — от Москвы близко, двадцать минут, — иностранцев привечать не стесняются.

— А ещё... — Балаев сделал многозначительную паузу. — Вообще-то эта большая переделкинская дача куплена на двоих, на втором этаже, с отдельным входом, живёт Супер.

— Что за Супер?

Геннадий рассмеялся:

— Я этого вопроса ждал, нарочно интриганул. Супер — это дружеское прозвище, зовут его Вячеслав, а Супер он потому, что... — опять сделал картинную паузу — он генерал КГБ. Всё понял, Дима? Интересный, очень интересный дом у Степновых. Рафинированный. Сам почувствуешь.

— Любопытно... Люди нашего возраста?

— Какую нашего! Я же говорю, Юра ещё с Хрущёвым по миру пошёл. — Засмеялся своему каламбуру. — В два раза старше, примерно шестьдесят. Но это не имеет значения, люди лёгкие, с ними все по имени общаются, без отчества.

Подъехав к дому, Геннадий вылез из машины, нажал кнопку на калитке, назвал себя. Вернувшись на водительское место, почтительно сказал:

— Всё по высшему классу, самому высшему. Ворота автоматические, сейчас отъедут. Их по заказу в разобранном виде из ФРГ доставили, а здесь смонтировали. Конечно, и домофон есть. Все пискит технической моды.

Степнов оказался крепким мужиком чуть выше среднего роста, плечистым, с располагающей улыбкой. Как и предупреждал Балаев, представился он запросто — Юрой. Оценочным мужским взглядом посмотрел на Варю и, видимо, остался доволен: украсит компанию. Дмитрий понял, интерес к нему возрос, он знал, что в кругу людей зарубежной “ориентации” успешность мужчины в немалой степени зависит от внешнего вида его жены. А Варя сегодня — впрочем, как обычно, как всегда, — вполне комильфо.

В просторной комнате с большим камином Кедровы застали лишь одного гостя. Он поднялся с углового дивана, обрамлявшего половину массивного круглого стола, шагнул навстречу, протянул руку, сказал с милой улыбкой:

— Феликс Стерх, постоянный посетитель сего гостеприимного жилища. Рад прибавлению нашей замечательной компании.

Из боковой двери вышла поджарая женщина со строгим выражением лица, одетая просто, по-домашнему, но с жемчужной нитью на шее. Юра представил:

— Моя дражайшая супруга Антонина, в просторечье Антон. Смотрите, как вырядилась! А потом будет скорбеть, что у неё жемчуг мелкий.

Антонина мельком взглянула на Дмитрия — Балаев, конечно, заранее “заполнил” объективки на новых гостей, — и обратилась к Варе:

— Мужики не понимают: если жемчуг не носить, он тускнеет. Милая моя, от души рада видеть вас в нашем доме. Но здесь свои порядки, женщин не так много, а потому они сообща обслуживают этих чёртовых мужиков. Айда на кухню, там и сойдёмся поближе.

— Они сейчас приготовят грандиозный обед с нажористым борщом, — засмеялся Степнов. — Выставят на стол вазу с фруктами да несколько пиал орехов, изюма и прочих прикусок.

— А бутылцы и бокалы — это твоя обязанность, — парировала Антонина. — Банки с пивом на веранде. Самопальный спирт не гоним, “Вдову Клико” не держим.

— Где ещё можно сейчас попробовать баночного пива, если не у Степновых! — воскликнул Стерх, вернувшийся на своё место за столом и пригласивший Дмитрия сесть рядом.

Обстановка была непринуждённая, располагавшая к общению, никаких цирлихов-манирлихов. Некая настороженность, с которой Кедров переступал порог этого дома, быстро ушла, тем более беседу начал Феликс.

— Балаев говорил, что вы работаете в Институте международного рабочего движения, но чем сей Институт занимается, ума не приложу. Ах, извините, забыл представиться — переводчик московского отделения агентства “Ассошиэйтед пресс”.

Вопрос об Институте Стерх преподнёс в виде беспечного, невинного замечания, и Дмитрий, прикинувшись Швейком, предпочёл бы пропустить его мимо ушей. Однако Феликс смотрел на него в упор и явно ждал ответа. Но как ответить, если знакомство случайное и мера откровенности не ясна? Если на самом деле Институт занимается чем угодно, только не рабочим движением? Можно, конечно, отделаться формальностями, но вдруг этот переводчик из “Ассошиэйтед пресс” только прикидывается простачком, и неверный ход выставит Дмитрия в дурном свете, а значит, сделает чужаком в этом интересном доме. Кедров осторожно сказал:

— Институт сравнительно молод, ещё двадцатилетний юбилей не справил. Название действительно тяжеловатое на слух. Но исследование классовой борьбы требует основательно изучить современную западную философию, а это весьма интересное занятие, я бы сказал, захватывающе интересное.

Стерх продолжал молчать, и это означало, что он ждёт продолжения. Дмитрий вежливо усмехнулся и то ли в шутку, то ли с сарказмом добавил:

— Превозносим и низвергаем. Приют общественных наук, очаг свободной мысли!

Но Феликс не упустил намёка и сделал встречный шаг. Расплылся в улыбке:

— Ещё бы! Мераб Мамардашвили!

Это был пароль. Дмитрий облегчённо рассмеялся:

— Он у нас уже давно не работает, я его не застал. Однако среда общения в Институте прежняя.

Теперь они прекрасно понимали друг друга, и Феликс протянул Дмитрию ладонь, чтобы тот хлопнул по ней в знак абсолютной взаимности чувств и умозрений.

Понимание было глубоким. Имя Мамардашвили для шестидесятников служило символом прогрессивных перемен. Отец рассказывал, что происходило после изгнания Хрущёва из власти. Первые четыре года при так называемом коллективном руководстве Брежнев нарабатывал авторитет, и умные люди в ЦК посоветовали генсеку “подписать” проект о гуманитарных академических институтах, в том числе “США и Канады”, “Международного рабочего движения”. Пробивал их Черняев. Вернувшись из пражских “Проблем мира и социализма”, он замзавом курировал науку в Международном отделе ЦК. Он же собрал в “Рабдвиже” кое-кого из тех, кто прошёл через “Проблемы”, во главе с известным на западе философом Мамардашвили. Так что для знающих людей “Очаг свободной мысли” было шуткой лишь по форме.

Громко загудел домофон. Степнов снял трубку.

— О! Какой сюрприз! Открываю, открываю. — Оповестил: — Не званный, но приятный гость. Юла Хрущёва.

Дмитрий знал, что Юла Хрущёва — это удочерённая Никитой внучка, завлит театра Вахтангова. Но никак не предполагал, что увидит её здесь, в Переделкине. И когда в дом вошла невысокая, худенькая женщина, Кедров, как и Феликс, почтительно поднялись, шагнули навстречу.

— Я на минутку, ехала мимо и решила на вас глянуть, с Нового года не виделись. — С иронией и с подтекстом сказала Степнову: — Ну, ничего, Юрочка, теперь будем видеться чаще, думаю, ты застрянешь в Москве надолго, зарубежные визиты не предвидятся.

Появилась Антонина, пошли дружеские объятия, щёкоприкладства. Но снова загудел домофон. Степнов оповестил:

— Стюарт и Харли прибыли.

Хрущёва “сделала ручкой”:

— Друзья, адыю! Юра, я действительно на минутку. Подожди, не открывай ворота, сначала я выеду, а потом пусть они въезжают. Со Стюартом мы недавно общались.

И упорхнула.

Степнов объяснил Дмитрию и Варваре:

— Стюарт Хорн — корреспондент “Вашингтон пост”, а Харли Блезер — профессор Джорджтаунского университета, ведёт там Русскую студию, часто бывает в Москве. Оба отлично знают русский.

Американцы ввалились шумно, весело, и Степнов сразу усадил всех за большой круглый стол.

— Кому кофе, кому пива, кому слегка винца, а мне и коньячку можно, мне за руль не садиться. Впрочем, сегодня душа просит классического русского эквивалента.

— Будьте здоровы! — Поднял банку пива Стюарт, шустрый, цыплячьего вида. — Жаль, что Хрущёва уехала. Недавно пригласила меня и Катрин в Вахтанговский, давали “Будьте здоровы” Пьера Шано.

Феликс чокнулся банками, спросил:

— О чём спектакль? Идти стоит?

Стюарт пожамкал губами, пожал плечами:

— Как у вас говорят, на любителя. — Он говорил с лёгким акцентом, и особенно хорошо у него получался звук “у”. — Комедия: мнимая смерть, драка за наследство и узнавание, кто есть кто. Этуш, как всегда, великолепен, Шалевич неплох...

— Стюарт, ты потрясающе разбираешься в русском театре! — весело воскликнул Степнов, создававший своими экспрессивными репликами лёгкое застольное настроение.

— Благодаря Хрущёвой, она показала мне весь репертуар. Если бы она не уехала, я поднял бы в её честь банку пива.

— О-о-о! По поводу банок пива у нас была с Юлой целая история. Мы справляли здесь Новый год, и часа в четыре утра начали разъезжаться. Но все подшофе, а на въезде в Москву пост ГАИ, там часто тормозят, а уж в новогоднюю ночь — тем более.

— Дура лекс сед лекс, — вбросил Стерх.

— Мефистофель, ты можешь не перебивать?

— Не мефистофель, а манифестофель, — Феликс символически, денежно потёр пальцами. — Мани на платье от Армани.

Степнов отмахнулся:

— А ты у нас, оказывается, гедонист. Ладно, слушайте дальше. В Москву решили ехать караваном, три машины. Ну, я-то здесь остался, по рассказам всё знаю. А вот Балаев... Гена, ну-ка расскажи, как там было.

— Анекдот случился, — слегка хохотнул Геннадий. — Юлу мы первой поставили, её и затормозили. Я из машины выскочил, подхожу к гаишникам, их двое, а Юла уже даёт права. Он читает вслух: “Хрущёва Юлия Леонидовна”... И смотрит вопросительно на напарника. Тот берёт права, тоже долго читает, потом отдаёт честь и говорит: “Юлия Леонидовна, с Новым годом. Желаю вам и вашему папе здоровья”. И возвращает права. А Юла показывает на наши машины: “Они со мной”. Мы на Кутузовском остановились и долго рядили, что произошло. Гаишники, конечно, были сильно поддатые — новогодняя ночь! — ну, и поехали рассудком. Трасса правительственная, видимо, они перепутали: Хрущёва — это Хрущёв, а Леонидовна — это Брежнев. Вот у них и ум за разум...

Все расхохотались, а Харли, здоровяк с облезлым черепом, воскликнул:

— Будет о чём рассказать моим студентам!

Тон был задан, начался фестиваль баек. Степнов со смехом живописал ещё одну историю:

— Феликс, а помнишь, Лежнёв привёз к нам сына Вилли Брандта? Он за столом как раз на твоём месте сидел. Ну, болтаем о том о сём, он и говорит: вашему Брежневу челюсть в ФРГ делали, и мы вставили в неё портивный микрофон, теперь знаем всё, о чём вещает ваш генсек.

— Да, в тот раз мы обсмеялись, — подтвердил Стерх.

— Хочу вернуть разговор к театральной теме, — призывно сказала Антон, стоя, двумя руками облокотившись на загибок мужа, сидевшего на мягком табурете. — Когда-то Галя Волчек пригласила Никиту Сергеевича на премьеру “Короля Лира”. И после спектакля Хрущёв невесело пошутил: “Я и без вас знаю, как королей с работы снимают”.

Громко зазвонил телефон, Юра снял трубку, воскликнул:

— Виктор, рад тебя слышать, мы с тобой уже недели две не пересекались. Подскакивай, у нас интересные гости...

Положив трубку, в обычной для него манере, в приподнятом настроении сказал:

— Это Виктор Луи, у него дом рядом, тоже в Переделкине. Через пять минут будет. — Обратился к Дмитрию, полагая, что из гостей только он не знает, кто такой Виктор Луи. — Фигура незаурядная, глобтроттер — путешествующий по глобусу от Израиля до Тайваня, по странам, с которыми у нас нет дипотношений. В качестве корреспондента английской газеты.

Между тем, о Викторе Луи Дмитрию рассказывал отец, называвший его человеком со сложной биографией: от зека до легального советского миллионера с гаражом иномарок. Много легенд ходило о Луи и в “Рабдвиже”. Поговаривали, что он на кормлении у КГБ, выполняя поручения самого Андропова, что он первым кинул в мир весть о смещении Хрущёва, а спустя годы передал на Запад его мемуары, заработав на этом сотни тысяч долларов, что он готовил вызволение из чилийской тюрьмы, а потом обмен Луиса Корвалана. Якобы он же продал в Париже оригинал дневников Светланы Аллилуевой, которая намеревалась издать их в США. В результате французы напечатали знаменитые “20 писем другу” раньше американцев, которые могли без ведома автора понаписать в дневниках чёрт знает что, это в их стиле. Упоминали о какой-то истории с передачей на Запад рукописей Солженицына. Короче говоря, по части выполнения тайных поручений у Виктора Луи была некая “специализация”. Возможно, и в Переделкине он поселился не случайно.

Но, так или иначе, а Кедрову стало ясно: Луи бывает у Степновых именно потому, что хорошо знает загадочного Супера. Было любопытно взглянуть на эту легендарную личность.

Виктор приехал, конечно, не через пять минут, а через полчаса. К этому времени общий стол распался, американцы пересели в кресла, о чём-то весело болтая со Степновым, Стерх и Балаев “дежурили” у большого окна с широким подоконником, глядевшего в сад, и тоже вели свой разговор. Дмитрий с Варей остались вдвоём, и он спросил, чего это она сегодня так молчалива. Ответить Варя не успела, из кухни её поманила Антонина.

Наконец, прибыл жданный гость, и все оживились. Виктор производил приятное впечатление: чуть выше среднего роста, плотного сложения, лицо правильного, можно сказать, идеального славянского типа, тонкие очки, одет просто. Он не стремился “тянуть одеяло на себя”, а, наоборот, старался привлечь к себе меньше внимания. После общего приветствия дружески поздоровался с американцами, сел рядом с ними.

Но минут через пять заводная Антонина снова собрала всех за круглым столом, скопом поставив на него множество разнокалиберных чашек-кружек и стопку чайных блюдец, насылав рядом груду чайных ложек.

— Русский вариант табльдота в отеле “Хилтон”. Берите каждый, кто что хочет. И быстрее, шустрее! Сейчас принесём чай и кофе с тортом. Наливать себе будете сами. Спиртное тоже выбирайте сами, в нашем доме прохлябши нет. Вуаля!

— Стиль “казуал”, повседневность, — откликнулся Стюарт.

Варя подошла с электрическим чайником — новинка, заграничная редкость! — Антонина принесла большой кофейник, нарезанный торт с раздаточной лопаткой, и мужчины с энтузиазмом принялись за дело. В этой относительной тишине вдруг открылась дверь, и в комнату вошёл среднего роста лысоватый мужчина средних лет.

— Сла-ава! — воскликнул Степнов. — Какой сюрприз! За стол, сразу за стол! — Глазами искал свободное место, оно оказалось около Вари. — Вот сюда.

И Супер — конечно, это он, сомнений у Кедрова не было, — сел рядом, представил Вару, услышав ответ, восхитился её прекрасным русским именем, поздравил Дмитрия, обладающего таким прелестным, бесценным сокровищем, и включился в общий застольный разговор, который шёл в прежнем “баечном” духе.

Виктор Луи жаловался на чрезмерное обилие датских поздравлений, на которые надо отвечать, и объяснял недоумевающим, что “датские” — это от слова “дата”, праздники. Стюарт рассказал не очень понятную историю о каких-то вкусняшках, расширяющих сознание, на которые подсел американская молодёжь, а Харли подтвердил, что в Джорджтаунском университете увлечение сахарной пудрой переросло в проблему, не сравнимую по напряжённости с прежними студенческими выпивками.

— Это в СССР табак да кабак, а у нас телега прогресса умчалась далеко вперёд. У нас теперь живут по триаде “секе, наркотики, рок-н-ролл”.

Потом рассказал о новых американских фэшн — “планировании семьи” и желаний женщин выйти замуж за пожилых людей.

— Богатые люди старыми не становятся! — воскликнул Стюарт.

Примерно через полчаса Супер распрощался, на выходе перекинувшись несколькими словами с Луи и Степновым, поднявшимися, чтобы проводить его. За ним уехал Виктор Луи, потом стали собираться американцы. Когда уходили Кедровы и Балаев, хозяин дома дружески похлопал Дмитрия по плечу.

— Дима, ты у нас в первый раз...

— Смотри-ка, стихами зашел, — перебила Антонина.

Юра отмахнулся, договорил вполне серьезно:

— Но не в последний. — С намёком повторил: — Да-алеко не в последний.

Как только “Волга” выехала из ворот, Дмитрий задал вопрос, который клокотал в голове и обжигал кончик языка:

— Гена, что это было?

Балаев рассмеялся:

— А ничего и не было. Просто собралась компания хороших людей со светлыми лицами, они поглядели друг на друга, поболтали ни о чём и разошлись. Пить здесь не пьют, все на машинах. Радость общения, Дима! Сплошной монплеизир.

Кедров понял, что Геннадий шутит, что на самом деле за этой беспечной субботней сходкой у Степновых кроется нечто весьма важное для понимания той круговерти, которая после ухода Брежнева началась не только в верхах, но главное — для него, Кедрова, — в научном мире, точнее, в мире гуманитариев. Он варился в этой среде и, аки зверь в предчувствии землетрясения, ощущал глубинные колебания общественной почвы. Его с детства пришла мысль о том, что во времена разброда и шатаний нельзя пассивно ждать неотвратимых перемен, необходимо... Да, да, необходимо участвовать в этих переменах, быть на передовой. В институте он слыл прогрессистом — это “опознание личности” вошло в обиход несколько лет назад, когда при больном Брежневе власть начала постепенно терять твёрдость, наподобие студия, извлечённого из морозилки. Ну, и что? Как приспособить свою прогрессивность к делу? Как нащупать точку входа в новую игру? Как угадать время для входа? Чтобы не поспешить, людей не насмешить, но и успеть, не опоздать.

В последнее время Кедрова всерьёз беспокоили эти вполне жизненные заботы, и сегодняшнее странное гостевание неуловимо, отчасти загадочно было связано именно с размышлениями о “точке входа”. Он, впрочем, сразу прикинул, что дом Степновых — не его компания. Интересно, даже занимательно, однако в этой среде он будет чувствовать себя неуловимо, дальше Польши не ездил. Балаева в Институте считают середняком, особых умственных заслуг за ним не числится, и теперь ясно, как он компенсирует свою

научную неприметность. А Кедров, — из подающих надежды, с ним приятельствует сам Карякин, суперпрогрессист, прошедший школу в пражских “Проблемах мира и социализма”... Но всё-таки, всё-таки что это было?

Молчали минут пять, пока не выехали на Минское шоссе.

— Понимаешь ли, Дима, — заговорил Балаев, — в доме Степновых действительно ничего не было, в том смысле, что никаких дебатов или дискуссий, никаких тебе хмельных бесед, никаких многотумий. На эту пустоту ты и обратил внимание: зачем собрались? Ни выпить, ни закусить, ни поплясать, ни делишки какие-никакие обделать. Греху не подвержены. Женщины не декольтируют, одеты дежурно. Сейчас во всех интеллигентских компаниях судачат о замахе Андропова на переустройство общества, а наши сегодняшние просветленцы о возможных переменах — ни гу-гу, никаких коротких замыканий. Благополучные апологеты застоя. Идеальный орднунг. Фейерверк банальностей. Даже странно, да?

— Очень странно. Я бы даже сказал, загадочно.

— А всё очень просто. Дом Степновых — это своего рода градусник, измеряющий температуру общества. Какой бы тебе пример привести?.. По части болезней ничего в голову не идёт... А! Вот, скажем, вернулся космонавт из невесомости, ходить не может, ему необходимо время, чтобы восстановить мышечный тонус. Врачи разрешают сначала сесть, потом встать, затем сделать несколько шагов, наконец, совершать прогулки, а потом можно и на пробежку. Так вот, в доме Степновых легко понять, на какой стадии возвращения к нормальной жизни находится космонавт в данный момент времени. Про сталинские времена не говорю, но скажи, возможны ли были такие посиделки при Хрущёве? Полный суповой набор для судебного процесса над диссидентами! Только в конце брежневской эпохи что-то начало поворачиваться, но всё равно с оглядкой люди собирались, узким кругом, без разглашений. Наказаний уже не было, однако карьеру могли подпортить. А сегодня у Степновых открытый дом. Знаешь, кого я у них однажды видел? Беллу Ахмадулину! Кэгэбэшники, инокоры, — выделил голосом, — сын Вилли Брандта, писатели в гостях у фотокорреспондента кремлёвского пула. Разве допустимо было такое смешение языков и народов ещё лет пять назад? А теперь можно! Маркёр времени. Запах времени. Вот что это было, Дима.

— Оч-чень любопытно, — откликнулся Дмитрий.

Наконец, подала голос Варя:

— Геннадий, вот вы привели забавный пример с космонавтом, вернувшимся из невесомости. Скажите, пожалуйста, по вашему мнению, что сегодня разрешают ему врачи? Сидеть, ходить, бегать?

Балаев рассмеялся:

— Варя, прекрасный вопрос, я бы сказал, глубокий! Но отвечает на него каждый по-своему. А я для уяснения общей диспозиции всё же дам наводку. Космонавт не просто из невесомости вернулся, а пребывал под сильнейшим психологическим давлением длительного одиночества. От такого давления люди ведь тоже приходят в себя постепенно. А общество тем более.

“Сидеть, ходить или бегать, что сейчас разрешено врачами?” — думал Кедров, слушая наводку Балаева и понимая, на что тот намекает.

— Гена, пусть так. Сегодня я посмотрел на твой градусник и кое-что понял. Но зачем инокорам, Феликсу, тебе собираться на этот пустой светский раут под крышей генерала КГБ? Все, кто был сегодня у Степновых, — кроме меня и Вари, — прекрасно слышаны о сегодняшних врачебных советах.

— Ди-има, дорогой, а зачем в “Воине и мире” гости собираются в салоне Анны Павловны Шерер? Чтобы удостоверить свою причастность к кругу избранных. — Сказал серьёзно: — У Степновых никто никаких дел не утрясает. По моим предположениям, дела делаются в доме Луи, куда я ни разу не был зван. Но знаю от Юры, что там случаются журфиксы для инокоров. А визит к Степновым — своего рода заявление о готовности прибыть к Луи... Ладно, ребята, у какого метро вас высаждать?

— На “Киевской”. Оттуда мы по кольцевой до “Серпуховки”, а там пару остановок на троллейбусе по Люсиновской.

Но троллейбуса Кедровы ждать не стали, решили прогуляться пешочком. Под руку, тесно прижавшись друг к другу.

— Что-то ты, Варвара Васильевна, была сегодня не очень многословна. Ну-ка, выкладывай свои впечатления.

Варя помедлила, потом ответила:

— Сложные, Димка, впечатления. Во-первых, о любопытных кухонных разговорах с Антониной. Она женщина заводная, сразу достала пару рюмок, налила водочки и: “Давай за знакомство!” Я, понятно, под благовидным медицинским предлогом ушла в кусты, а она — и свою, и мою опрокинула. Меня ни о чём не расспрашивала, зато о себе кое-что, по ассоциации с этими американцами, сказала. Оказывается, в годы войны в Москве, помимо посольства, сидела американская военная миссия, в которой ребята были brave, — это её слова. И даже промурлыкала песенку “Мы парни brave, brave, brave, и чтоб не сглазили подруги нас curly curly...” А то, что те американцы были brave, она знает из личного опыта. Понял?

— Понял, что она на Лубянку работала, а может, и работает. В годы войны крутить с американцами по своей инициативе было невозможно.

— Понимаешь, Дим, среда новая, я предпочла помалкивать, зато очень внимательно слушала застольные реплики, по которым пыталась составить представление об этой публике. Через реплики-то самая суть и вылезает. Кстати, помнишь, разговор зашёл о том, что Москве не так просто будет наладить добрососедство с Западом. А что этот Супер, Вячеслав ответил? Он сказал: “У нас сама природа так распорядилась, что крутые берега рек — западные. Но ничего, взберёмся!” Примечательный ответ. От генерала КГБ!

— Но всё-таки, если итогово, какие впечатления?

Варя снова задумалась, ответила:

— Впечатление одно. Страна вот-вот может пойти вразнос. Если этот Феликс, американцы, сам Степнов позволяют себе такой разброс мнений при генерале КГБ, выходит, космонавту уже дозволено делать пробежки. Хлебают новую свободу полными ложками. Как бы не подавиться, не захлебнуться.

Несколько шагов прошли молча.

— Возможно, ты не права. Генерал КГБ через Степнова и Луи ведёт свою игру с иностранными корреспондентами, только и всего.

— Дай-то Бог. Но я так поняла Балаева, что эта игра идёт в доме Луи. А у Степновых бывает много нашего народу. В общем, мне всё это не по душе, тревожно, Дима.

4

Гонки на лафетах завершились с воцарением Горбачёва. Страна, изнывавшая под застойным гнётом слабоумных старцев, встрепенулась, прильнула к телевизорам, увлеклась надеждами на обновление. Миллионы людей с изумлением наблюдали, как новый начальник государства и его очаровательная супруга — не в пример прежним клушам, по недоразумению именуемым первыми леди, — бесстрашно ныряют в восторженную толпу на ленинградских улицах.

Однако те, кто по долгу службы или роду занятий обитали в предпольях верховной власти — пусть не формально, — те, которые по личному расчёту или по душевному влечению исподволь готовили пришествие молодого генсека, они уже в день коронации Горбачёва понимали, куда отныне покатится жизнь. Считавшие себя лучшими, отборными, избранными, открыто или негласно пребывавшие на особом попечении власти, они отчётливо представляли себе, что необходимо теперь делать, чтобы перехватить руль управления у изживших себя старцев. Это была контрэлита, рвавшаяся сменить прежнюю, брежневскую элиту, которая всё ещё обладала контрольным пакетом власти и влияния.

Для Вари этот перелом в жизни страны совпал с глубокими личными переживаниями — она ушла в декрет. Позади остались жуткие волнения, связанные с первичным анализом, потом множество медицинских консультаций

в клинике 4-го управления Минздрава, куда её определил свёкр и где ей прописали постоянные наблюдения за протеканием беременности. Сейчас визиты к врачам участились и, слава Богу, всё шло по графику.

Привыкшая к каждодневной занятости на работе, она в первые дни декрета чувствовала себя неуютно. Вдобавок Дима на пять дней улетел в Варшаву, на региональную конференцию Международной организации труда. Его не впервые командироват на “сходки” МОТ, но на сей раз он получил особо важное задание: купить изысканное приданое для новорождённой Леночки — в цэковской клинике на новейшем медицинском оборудовании определили, что родится девочка, и после недолгих семейных споров для неё уже приготовили имя. Оставшись в квартире одна, Варя маялась мечтаниями о первом ребёнке, устала от этих бесконечных переживаний и решила развеяться. А как отвлечься, как отдохнуть мозгами? С восьмимесячным животом ни в театр, ни в кино не сунешься. Вариант был один: в гости к Альбине!

С Альбиной Рябовол они близко сошлись в студенческие годы. Это была любопытная история. После школы Варя, конечно же, предстояло поступать в институт, однако никаких предпочтений у неё не проявилось, и за жизнейстройство дочери взялся отец. Для того чтобы всё сделать наверняка, он подыскал надёжных знакомых в Московском авиационно-техническом институте, — кстати, самый центр, у Петровских ворот, сравнительно недалеко от дома, — и Вера с блеском сдала вступительные экзамены. А потом, когда они задружились с Альбиной, выяснилось, что её точно так же пристраивали родители: папа заведовал знаменитой антикварной комиссионкой на Калужской площади и через постоянных клиентов, охотившихся за редкостями с нарочно заниженной ценой, тоже “вышел” на кого-то из МАТИ. И уж совсем смешно стало, когда сокурсник Витька Рябовол, женившийся на Альбине в студенческие годы, раскололся и сказал, что поступил в институт тем же макаром. Его мать заведовала кулинарией в ресторане “Будапешт”, у неё отоваривался кто-то из МАТИ — рядом, рукой подать, — вот она и договорилась о проходном балле для шустрого непоседливого сына. Всё один к одному! Разница обнаружилась только в институте: Варя училась на совесть, а Витькина мама вынуждена была регулярно снабжать кого надо дефицитными продуктами. Да и в комиссионке у папы Альбы раритетов с “интересной” ценой хватило на все пять курсов, включая защиту диплома.

Само собой, всех троих оставили в Москве. Варю, с её идеальной анкетой, распределили в “ящик”, где открылась вакансия материаловеда в одной из групп, работавших над атомным реактором нового типа. Витьку сослали технологом по обслуживанию самолётов в аэропорт Шереметьево, построенный только что, к Олимпийским играм. А Альбину, которая отнюдь не жаждала инженерить, свекровь умыкнула из-под распределения и пристроила ретушёром в журнал “Советский Союз” — тоже рядом, считай, на Петровке. У заведующей кулинарией ресторана “Будапешт” широкие связи.

Конечно, Альбине пришлось срочно поступить на краткосрочные курсы ретушёров, зато она была очень довольна, ибо оказалась, по её словам, среди безумно интересных людей, не в пример узколобым инженерам. Да и на работу ходить всего три раза в неделю.

Сговорившись с Альбиной, Варя прикинула, что домой вернётся на такси, а в ту сторону нужно попросить у Кондрата Егоровича машину — Рябоволы жили на Октябрьском поле, не ближний свет. Но заботливый свёкр, который особо опекал невестку, ушедшую в декрет, твёрдым, не терпящим возражений голосом отрезал:

— Варвара, никаких такси. Будешь полчаса на улице торчать, пока поймашь, а в дороге может растряссти. Позвони, когда начнёшь собираться домой, я за тобой снова пришло машину. А сейчас жди у подъезда через двадцать минут.

Альбина, невысокая, пухленькая, чаще всего пребывавшая в весёлом настроении, встретила накрытым столом и кофе с пирожными.

— Ну, подруга, докладывай, как там Леночка. В порядке?

И удостоверившись, что ход нормальный, принялась щебетать о новых, поразительных слухах, которые она почерпнула от безумно интересных людей, среди которых теперь крутится.

— Ты не представляешь, что сейчас творится! После того, как генсеком сделали Горбачёва, у нас все ждут перемен. Волнение умов чрезвычайное. Журналисты, они народ хваткий, понимающий, что к чему, гадают, куда жизнь повернётся. А повернётся она, Варя, обязательно, даю сто процентов!

Диму тоже волновала эта тема, и он неоднократно допрашивал на сей счёт отца. Жаловался, что Кондрат Егорович в оценках перспектив очень скуп, наверное, занял выжидательную позицию. Да и должность, видимо, не позволяет откровенничать с сыном, в Институте известно, кто у Кедрова отец, если Дмитрий будет шибко много знать, мигом сообразят, от кого утечка.

Шумно втягивая горячий кофе, Альба объясняла про свои сто процентов:

— У нас в журнале кто работает? Ад-жу-бей! Зять Никиты Хрущёва, бывший главный редактор “Известий”. Связи-то у него наверху сохранились, к нему часто солидные люди заглядывают, он мно-ого чего в курсе. А на той неделе пригласил выступить перед коллективом профессора МГУ Гаврилу Харитоновича Попова, мне сказали, это известный экономист. И он говорил, будто вот-вот объявят об ускорении промышленности, а брежневские времена назовут застойными. После его лекции к нам, в комнату художников, зашёл Алексей Иванович — это Аджубей — и рассказал, о чём они с Поповым тет-а-тет общались. Оказывается, среди экономистов много недовольных Госпланом — это, мол, отпавший улей, так и сказал, — он изжил себя, полёг в боях за светлое будущее, и надо переходить на новую систему хозяйствования. Нужна то ли бюджетная терапия, то ли бюджетная хирургия, он, этот Попов, пока сам не знает. Но с Госпланом вроде всё ясно, утилизация, на перегной. Да, да, так, со слов Алексея Иваныча, и сказал. А больше всего, знаешь, Варька, что меня удивило? Попов говорит, что надо переходить к идеологии личного успеха, вот оно как! Представляешь, какие пироги теперь готовятся выпекать?

Схватила помаду, зачем-то лежавшую на столе, быстро, без зеркала, по памяти подкрасила губы.

— Привычка! В журнале каждую минуту надо быть комильфо, манерничать приходится, публика у нас особая. Чекистов немало.

— Чекистов? — вытаращила глаза Варя.

— Ну, у кого щеки в “Берёзку”. — Хихикнула. — А ты что думала? — Снова вернулась к журнальным сплетням:

— Когда Аджубей ушёл, мне объяснили, что он очень тесно с учёными связан, часто ездил в новосибирский Академгородок. А когда сняли Хрущёва, то Сулов сказал: “У нас что, Аджубей — министр иностранных дел на общественных началах?” И его вышибли из газет? Алексей Иванович ведь и в Америке был, с президентом Кеннеди встречался. Он во внешней политике всё соображает. А на той неделе мы, человек десять, ходили обедать в ресторан “Центральный”, на Горького, минут пять ходьбы. Без разносолов, без вышивки — просто пообедать. Очередной номер журнала сдали, ну и пошли отдохнуть после запарки. А у нас есть фотокорреспондент Юрий Васильевич Степнов, который и с Хрущёвым, и с Брежневым по всему миру колесил. Он, говорят, тоже с большими связями и тоже много знает. И оба они, и Аджубей, и Степнов, говорят, что ждут нас большие перемены, очень большие, что фон жизни вот-вот изменится, эпоха уходит стахановскими темпами. Её будут — в щебень! Я была в шоке и ахе. Большой, Варя, переполох готовится. И если бомбанёт, кто под раздачу попадёт, неведомо. Мол, с историческим маскарадом пора кончать. Но я считаю, всё нормуль будет. А ещё они много рассказывают про старые годы. Мы ведь с тобой, Варя, ничегошеньки из прошлых лет не знаем, а я, бел свет, сейчас балдею от интересных узнаваний. Отель “Центральный” раньше “Люксом” назывался, и там жили Есенин и... Стендаль. Да-а, Стендаль! В 1812 году как интендант французской армии. Век живи, век учишь. Э-эх, шоколадно живём, Варька, всё так ошеломительно!

Альба ворковала без удержу, исправно воспроизводя услышанное в новой для неё среде, не вдумываясь в суть происходящего, наслаждаясь невиданным ранее всезнанием. Варя решила не огорчать её тем, что знакома с Юрой Степновым, хотя сама удивилась изрядно. До чего тесен мир! И постаралась кое-что для себя выяснить:

— Ты говоришь, этот Степнов с Хрущёвым и Брежневым ездил? А сейчас, наверное, с Горбачёвым куда-нибудь полетит?

— Ой! В том-то вся проблема. Новый журналистский пул только-только сколачивают, неизвестно, включают ли в него Юрия Васильевича. По идее, должны включить, как-никак журнал “Советский Союз”! Но Степнов всё равно переживает, и что мне, Варя, нравится в нём, этого не скрывает. И знает, что в скором времени у Горбачёва будет много, очень много зарубежных визитов. Говорит, ни у кого не было столько, сколько будет у Горбачёва. Вообще, говорит, международные дела скоро выйдут на первый план. Триумфально.

Исчерпав текущие восторги, Альбина спустилась на грешную землю. Сперва пожаловалась на Витьку, которому работа в Шереметьево не в радость, от чего у него вечно плохое настроение. Потом стали перебирать фамилии сокурсников, обсуждая, кто и как устроился. Под конец надумали, что на пятилетие окончания института обязательно надо собраться всей группой и погудеть в каком-нибудь ресторане. Обзвон Альба взяла на себя.

5

Кедров вспоминал свою командировку в Томск летом 1982 года, ещё при Брежневе. Напряжённых дел в тот раз не набежало, но дельце одно в родных краях всё-таки было, и важное: предстоял разговор с секретарём обкома Лигачёвым. С Кузьмичом они были в дружбе, когда-то в ЦК их аппаратный вес был равным: Егора дважды, в разные сроки, назначали замзавом отдела пропаганды. Но, понятно, в восемьдесят втором Кондрат думать не думал, что уже через год Андропов вызовет Лигачёва в Москву, и Егор станет для Кедрова прямым начальником, а Горбачёв сразу после воцарения сделает его членом Политбюро. Первый случай в партийной иерархии, когда член ПБ перешагнул через должность кандидата да вдобавок сразу стал вторым человеком в партии.

Обычно в Томске Кондрат прежде всего навещал старого знакомого директора “Рассвета” Степана Николаевича Лещеню, по-приятельски просто Степана. Они познакомились ещё в шестидесятых, когда в одну из командировок Кедров по случаю заскочил в Коларово, старинное сибирское село, в прошлом ямщицкое, разбойное, уютно примостившееся на берегу Томи. Редкой красоты здесь места! Последний вздох, последний всплеск Кузнецкого Алатау — за Томью начинается равнина. В тот год коларовский клуб избрали для районного слёта передовиков — обычное занятие, когда народ сидит на зимних квартирах. Но сам слёт был нестандартным, потому и посоветовали московскому гостю наведаться в совхоз.

Никаких трибун. Нет и привычных рядов с деревянными креслами, в которых удобно посапывать во время казённых выступлений. По периметру зала расставлены столы с фруктами и пирожными, с бутербродами, а над ними гордо возвышался, поистине царствовал огромный, начищенный до зеркального блеска сорокавёдерный самовар. Человек тридцать, почти все в тот раз выступили, такого обилия речей не выдержала бы ни одна традиционная аудитория, уморили бы. А тут, прихлёбывая горячий чаёк, неторопливо ошкуривая апельсины, народ заинтересованно делился друг с другом радостями-заботами.

Придумал эту свадьбу Лещеня, с которым Кондрат в тот же вечер сошёлся на “ты” в его доме, за рюмкой горькой. Жизнь показала, что сошёлся навсегда, очень уж по душе был ему этот мощный, забористый земляк с витиеватой судьбой.

Его отец выбрал Среднюю Обь в 1922 году, когда малоземельные белорусские крестьяне во все концы слали ходоков в поисках пригодных для

пахоты угодий. Несколько лет кулижничал, корчуя палами малорослую тайгу, потом сеял на росчистях зерно. И вроде бы начала новая жизнь ладиться, да в 1938-м умерла жена, вскоре, надорвавшись тяготами, помер и сам Лещеня. Восемь детей остались сиротами, а тут — война: четыре старших сына погибли на фронте, в военной суматохе потерялись три сестры, и поскрёбши Степан остался в мире один-одинёшенек. Судьба того поколения... По случаю забросило его в Коломинские гривы, где подрядили сеять вручную. А наука непростая: приставной шаг должен быть мерный, ладонь положено пропеллером поворачивать, чтоб зерно с неё чуть вверх, вразброс летело, а не пятном ложилось. Но тут уж память предков сказалась, да и было Степану у кого сызмальства посевному делу учиться — отец потомственный землепашец. Вот и оценили парня, прижился, там и семью завёл.

А Коломинские гривы всего-то в двадцати верстах от Сухого Лога, выходит, Кедров с Лещеней совсем земляки! Эта удивительная случайность сдружила их ещё крепче, всё было понятно Кондрату: во вдовых сибирских деревнях из мужиков только деды остались, потому Степана уже в двадцать лет назначили председателем колхоза. Но почему он там не остался, почему бросил землеробить, занявшись, как он говорил, живностью, Лещеня умалчивал. Кедров чувствовал, была здесь какая-то тайна, но не спрашивал, у сибиряков расспросы не приняты, нельзя неволить рассказчика.

Зато “по живности” Степан стал великим спецом. После того заседания вокруг сорокавёдерного самовара, после нескольких рюмок с отменной домашней заправкой горячо говорил:

— Помнишь, Артюхов выступал? Чернявый, шепелявил. Смелый парень, громко отчитался. Но посмотрим, что этот болт без нарезки будет через пару лет кукарекать. У нас теперь, как у Гамлета: плюсуем или минусуем? Разок минусуешь, никакие заслуги не спасут — всего вам недоброго. Вот Воскобойников из “Красных зорь” и придумал. Позапрошлый год так сильно посадил хозяйство, что его теперь лет пять поднимать. Молоко! Оно времени требует... И уже ходит в передовиках, устойчиво плюсует. Так-то вот, у каждого чуда своя причуда. Понял, какую кашу наши местные заварил? Ты скажи там своим, на верхах.

Сразу после Хрущёва, когда слегка повеселело, Степан первым порушил стойла и отказался от привязи. У-у, что тогда творилось! Эпопея! Кедров помнил, что в те годы о свободном содержании скота аж на секретариате ЦК говорили — о том, что бурёнка, лишившись привязи и ласковой клички, сразу перешагнёт из прошлого в будущее. В животноводстве спор с “беспривязчиками” был сродни громкой целинной драке между плугом и безответальной вспашкой. А лет через десять Степан — снова одним из первых! — взялся за промышленное свиноводство. Открывал перед Кедровым тогдашние новшества:

— Свинья! Да кто ж это придумал, что она всеядна? Культурная свинья, она в пищу разборчива, несъедобицу не возьмёт. Никогда под себя гадить не станет, где спит, там всегда чисто. А воспроизводство? Три месяца, три недели, три дня — и на тебе десять поросят за один опорос. Ни солнца, ни выгула не требует, в бетонных коробках отлично вес набирает. Хочу “дюрок” завести — отличный бекон. От свиньи всё в дело идёт, кроме визга. Одна беда: не дай Бог, свиную чуму подхватить, пожар эпизоотии, — и весь свиноплекс в настоящий костёр.

Ох, уж этот Лещеня, вечно был впереди всех! В другой раз, как всегда за умеренной приятельской рюмкой, обогащал Кондрата новыми знаниями:

— А цыплёнок? Двадцать один день — и проклонулся. Ещё два с половиной месяца — магазинный бройлер. А держать пять месяцев — курица, яйцо несёт.

Да-а, жаль Степана, хороший был мужик, ему жить да жить, ещё шестидесяти не было, раньше времени умер. Болел-то он долго, Кедров однажды уложил его в московский онкологический центр, однако медицина ещё не умеет эту болезнь исправлять.

А на смену пришёл другой Лещеня — Матвей Степанович, по смерти отца ставший директором совхоза. Пришёл не без руки Кедрова, в 82-м,

Кондрат поручился за него перед Лигачёвым, ради этого он в прошлый раз и отправился в Томск. Тот интересный разговор с Егором он вспоминал в 87-м, когда снова летел на малую родину. Боже мой, как изменилась жизнь за эти годы!

В Томске первым делом отправился к молодому Лещене.

Матвей жил в новом доме. По отцовскому наказу велено ему было оставить коренной дом за матерью — она ещё не старуха, мало ли как свою жизнь дальше устроит. Вот такой был Лещеня, уходя, продолжал заботиться. В тот поминальный вечер с Матвеем Кондрат много нового услышал о старом друге, сын и тайну отцовскую приоткрыл.

Оказывается, в первый год председательства вызрела у Лещени замечательная семенная пшеница, редкость для этих мест. Чистенькая, без васильковой сини и белых ромашковых пятен. Словно изнутри светился наливиственный колос. Степан ходил гордый, и когда хлеба достигли жатной спелости, решил высший класс показать: не стал зажинать потихоньку, как надо бы, пошёл на раздельный способ. Чтобы в валках хлеб дозрел до наилучших кондиций, свалил наземь сразу всё поле. А назавтра пошли злые житогнойные дожди и лили пять суток. Валки стали прорастать, только треть урожая удалось с превеликими трудами наскрести. После того случая Лещеня заболел и вскоре уехал из Грив.

— Вот такая, Кондрат Егорович, с отцом была история. Как говорится, грустная песня в весёлом застолье, — рассказывал Матвей, которого Кедров ещё мальцом знал. — Эта боль до самой смерти его мучила, тайно переживал, только одному человеку по случаю открылся. Вы, Кондрат Егорович, Бедулю знаете?

— Лично не знаком, но кто же о Бедуле не слышал? Дважды Герой Соцтруда! Мне недавно Марков сказал, что к Бедуле даже Белла Ахмадулина приезжала и будто бы стихотворение о нём написала.

— Так вот, отец по приглашению Бедули однажды летал в Белоруссию, в его знаменитый колхоз. Ну, сами понимаете, сошлись два белоруса, два матёрых сельхозника, есть за что рюмку поднять. А потом пошли за жизнь, откровенно. Отец размяк, да и раскололся. Но об этом не жалел, говорил, что очень уж они с Бедулей друг друга поняли.

Когда отпаятовали, Матвей коротко отчитался перед высоким гостем за текущие дела. Жаловался: этот год из-за поздней весны три выплода комаров совпали, и таёжный гнус так заедает, что лоси-зайцы на трассу выскакивают, чтобы очухаться. А жизнь? Встать пораньше да шагнуть подальше — вот она, наша жизнь, больше ничего и нет.

Кедров слушал молча, потом сказал:

— По делам ты отцовское имя не посрамил и меня не подвёл, это я знаю. Но скажи-ка мне, Лещеня-младший, ты всегда такой... без подъёма? Мы с тобой первый раз без отца сидим, из отца энергия ключом била. Породой ты вроде в него, тоже мощный, а вот нравом, характером... Пока я тебя ещё не уразумел.

Матвей невесело улыбнулся, прикусил драпиков — у Лещеней они всегда на столе.

— По части нрава не мне о себе судить. А что без подъёма... Я сам хотел с вами говорить, момента ждал... Отец перед смертью сказал: если что, за советом-помощью иди к Кондрату Егорычу, и — откровенно. Я по правде и скажу... Понимаете, Кондрат Егорович, не очень мне дела сельские нравятся. Перестройка, ускорение... Может, где-то — да. Может, только у нас вместо ускорения замедление? Я газеты читаю, телевизор-радио смотрю-слушаю, там волна за личные подворья. Хорошее дело, да в том засада, что эта мода другим концом по колхозам-совхозам бьёт. Не знаю, где как, а у нас... Такая у меня мысль, будто не нужны мы, будто о нас уже ноги вытирают. На директорском уровне это сразу в глаз-ухо бьёт. Прямоезжие дороги наши замуравели. Одно дело критика, пусть окрик, даже ругань, — тут мы умеем, набычимся и пошли вкалывать. А коли-ежели от объёма никакой инертности, когда он ни рыба ни мясо, когда даже не костерят, не цыкнут, не знаешь, что и думать. Меня по новой моде жить учат, а я-то по старой

вере живу. Вот и вышло: раньше с огнём всё делал, а теперь на сердце тревога. Словно на обочине жизни тлею, двоение мыслей происходит. И неизвестно, чего ждать. Вы знаете, я в партию нытиков не вступал, а всё же не по себе. — Грустно спросил: — Что мы перестраиваем, Кондрат Егорович?

Кедрова словно током ударило. Таёжный парень, кроме аграрного дела, жизни не знает, в государственных делах ребячески наивен, а так ясно сформулировал общие тревоги, что оторопь берёт. “Что мы перестраиваем, Кондрат?” — мысленно, самому себе повторил он вопрос Матвея. А действительно — что? Ускорить экономику? Но тут и перестраиваться не надо: попритькать бюрократов, вдарить по коррупции, планы иначе верстать, да мало ли что ещё надо сделать для ускорения. Спецам виднее. А этот парень прав, на селе везде пробуксовка, не только в Томске. Грандиозный урожай 85-го года не взяли... Внешнюю политику перестраиваем? Это да, тут лихой разворот, но в нашу ли пользу? На этот счёт Кедров сам был спецом и с опаской наблюдал, как братание с Западом сказывается, как ни странно, на быстром упадке оборонки. Цифры не озвучивают, но цэковской номенклатуре всё известно. Верно сказал Матвей — парень-то в отца, толковый, — что теперь обком по колхозам-совхозам ни рыба ни мясо. А ЦК теперь по оборонке ни рыба ни мясо, словно отстранился. А оборонка — столп внешней политики, задачи перед оборонкой дипломатия ставит. Та-ак, что ещё? Господи, да вот же в чём дело! Вдруг с предельной ясностью открылось Кедрову то, о чём полгода зудело в голове. На январском Пленуме ЦК затеяли политическую перестройку, только она теперь на языке. Про ускорение экономики забыли, Пленум по научно-техническому прогрессу — сколько было шуму! — не провели. Да-а, много набегает тяжёлых вопросов... Вспомнил, что он, человек строгого мышления, недавно поймал себя на странном, необычном умствованиях: причудилось ему, будто за спиной власти прячется какой-то неведомый, но коварный недоброжелатель, который только и ждёт момента, чтобы оттолкнуть власть в сторону, скакнуть вперёд и начать крушить всё, что ни попадя. А в руках у него почему-то немецкий пулемёт-автомат шмайсер, который с войны был для Кондрата символом супостата.

Посмотрел внимательно на Матвея. Крепкий красивый парень, уже мужик, спокойное лицо, глаза ясные, взгляд твёрдый. С таких только богатырей писать. Вучетич памятник в Третьяков-парке с такого и лепил, рассказывал, как искал натуру. Кедров решил подбодрить:

— Что мы перестраиваем?.. Это разговор долгий, не сейчасный. Отставить скулёж! В портки-то не пускай... Я тебе хорошее правило напомним, веками проверенное. Глядя в прошлое, сними шляпу, а глядя в будущее, засучи рукава.

— Ясно, что ничего не ясно, Кондрат Егорович, — вздохнул Матвей. — Но я завет отца помню: если что, Кондрат Егорычу в ноги пади.

Понятливый парень. В ноги пади... Кедров смекнул, что Матвей только сотую часть своих тревог выложил, на самом-то деле в воздухе пахнет грозой.

Дурные предчувствия подтвердились в Ново-Кусково, куда, тоже по традиции, завернул Кедров. Там, на родине председателя Союза писателей Маркова установили его прижизненный бюст — по статусу Дважды Героя Соцтруда. С Марковым они сошлись на “почве” томского землячества, и после поездок в Ново-Кусково Кондрат передавал ему приветы. В 1978-м Георгий Мокеев пожертвовал Ленинскую премию на строительство здесь роскошной библиотеки, и земляки держали с ним плотную связь. Директор совхоза Гриневич, “обедавший” почётного гостя, — фронтовик с красной ленточкой тяжёлого ранения, в отличие от Лещени, не дипломатничал, а напрямую изложил о нынешних сельских невзгодах, жаловался:

— Жизнь настала непонятная. На сеновал со свечой велят лезть, а в погреб — без фонаря. А это дело такое, можно и дом сжечь, и ноги переломать. Но здесь свергателей колхозов унять некому. Вы уж доложите о наших сомнениях Дважды Герою. Он на самом верху, пусть знает, что идёт у нас девальвация всего и вся. Глядишь, где-нибудь словечко и молвит. Егору Кузьмичу пусть шепнёт, что пошатнулись мы после него. Лигачёв теперь в большой силе.

Были на томской земле встречи и с другими земляками, не такие радостные, как прежде, — повсюду глухой ропот, люди земледельческого звания в тревоге. В результате в Москву он вернулся не просто в невесёлом настроении, а с сокрушением сердечным. В самолёте снова вспомнил Вучетича. Евгений как-то рассказал примечательную историю. При Хрущёве подняли голову художники-абстракционисты, и Вучетич позвонил ближайшему другу маршалу Чуйкову: “Василий Иванович, наших бьют!” А через месяц на выставке в Манеже Никита эти поднятые головы, можно сказать, отсёк — иносказательно, конечно. Вот как в ту пору дела делались. А сейчас? Лещеня говорит: “Наших бьют”. И чем он, Кедров, может помочь? Ну, передаст томские тревоги Лигачёву. А дальше что? Кузьмич не всесилен, у Горбачёва целая команда политических перестройщиков.

А про девальвацию всего и вся Гриневич интересно сказал.

6

Пятничным вечером позвонил Егор:

— Боря, в воскресенье свободен?

В последние годы Егор звонил редко, и если уж предложил встречу, значит, вопрос серьёзный. Впрочем, для старого друга Грушин был свободен всегда, и они сговорились встретиться на Миусской, в сквере около Дворца пионеров, там спокойно, почти безлюдно.

С Егором Яковлевым они были одноклассниками. За одной партией не сидели, тесную дружбу не водили, но известно, школьные годы всю жизнь в памяти. К тому же ещё в шестидесятых они вместе поселились в “Румянцевской деревне” — по разнарядке ЦК КПСС работали в Праге, в редакции журнала “Проблемы мира и социализма”. И там, взбудораженные пьянящим воздухом свободы мнений и дискуссии, вдобавок сплочённые взаимодоверием юных лет, сошлись очень плотно. Главный редактор академик Румянцев создал в неподцензурном журнале немыслимую для Москвы творческую атмосферу, позволяя обсуждать запретные в ту пору темы, и это априори предполагало единомыслие. Кто и почему назвал здание бывшей духовной семинарии на улице Рабиндраната Тагора, где размещалась редакция, “деревней”, было неизвестно, однако название прижилось. А сама пражская жизнь была восхитительной. Сколько раз в компании с западными друзьями свободомыслящие “советик” устраивали “Эраунд о’клок” по Праге! Когда поздно вечером закрывались последние пивные, уже открывались первые утренние, и приятельское общение можно было продолжить. Побочным итогом этих многочисленных “эраундов” стала книга Грушина с забавным перефразом “Истина в пиве”, в которой через пивной фольклор автор пытался постичь массовое сознание пражан.

В Москве пути Яковлева и Грушина разошлись лишь в том смысле, что историк Яковлев занялся карьерной политикой, жил злобой дня, а философ Грушин с головой нырнул в науку, став главным в стране по части изучения общественного мнения — ещё в конце пятидесятых проводил в “Комсомолке” масштабные соцопросы, придумав неформальный Институт мнений.

Как нередко бывает, импульсом для “учреждения” этого первого в стране центра по изучению общественных настроений послужили случайные и отчасти анекдотические обстоятельства. Кто-то где-то рассказал Грушину притчу о том, как в деревне собирали бочку водки для умиротворения земского начальства, разверстав взносы по ведру с дома. В итоге бочка оказалась наполненной чистой колодезной водой, ибо каждый вноситель посчитал, что его обман безнаказанно утонет в общем котле. Об этом парадоксе социальной психологии Грушин рассказывал с весёлым смехом и то ли в шутку, то ли всерьёз утверждал, что именно эта притча навела его на мысль проводить через газету соцопросы с такими нестандартными вопросами, которые могли бы помочь в понимании массового сознания.

В 1989 году Грушин бешено крутился, создавая первое в стране частное агентство изучения общественного мнения “Vox Populi”. Но бывшие одноклассники оставались единомышленниками, могли позволить себе общение

с высшим уровнем откровенности, мгновенно откликнулись на дружеский зов.

И в мае накануне Первого съезда народных депутатов Егор посчитал полезным кое о чём посоветоваться с Борей, которого ценил за острый ум и нестандартное мышление.

— Старик, есть вопрос. Думаю, ты понимаешь, что для перестройки съезд станет событием решающим. Ситуация на изломе. Задача в том, чтобы перетащить центр тяжести власти из ЦК к Президенту. — Увидев вскинутые брови Грушина, пояснил: — Да, да, будем готовить почву для того, чтобы учредить пост Президента, есть такие планы. Для центроверха, Михаила Сергеевича. Но мы в меньшинстве и, как говорится, протокол с этикетом не путаем, понимаем, что вульгарных возражений будет кратно больше. Однако есть возможность раскачать общественное мнение, через прямые телетрансляции предъявить людям свою точку зрения, завоевать их доверие.

Быстрый, реактивный Грушин всё понимал с полуслова, умел сразу схватывать суть дела.

— Так в чём проблема, Егор?

— В чём проблема! В микрофоне проблема, Боря, в микрофоне.

На сей раз озабоченность Яковлева была не ясна. После выборов народных депутатов к Грушину обращались за консультацией по поводу неформальных опросов: каким способом лучше всего выявить настроения нардепов? Не умозрения — они известны, а именно настроения. Как они намерены вести себя на съезде? И Борис знал, что съезд будет горячим, поднаторев на первых альтернативных выборах, депутаты-горлохваты жаждут высказаться, все рвутся к микрофону. Но понятно, с трибуны выступают единицы. В чём же дело?

— Боря, сюжет съезда уже просматривается. Обсуждать будем практически каждый вопрос, и в дебатах примут участие десятки, сотни делегатов. — Опять вскинутые брови Грушина и очередные пояснения. — Каким образом? Очень просто. В зале установят микрофоны для кратких мнений. Получается так: кто первым к микрофону встал, того и тапки. Но теорию первой информации никто не отменял, это раз. Во-вторых, представь себе, что за какую-то резолюцию десять выступлений от микрофона “за”, а два “против”, или наоборот. Как будет голосовать зал? Между тем, мы в меньшинстве, прорвись-ка к микрофону со своей точкой зрения, которая будет сильно отличаться от позиции депутатов с мест. А в песок гвоздей не заколотись. Короче говоря, безграничные надежды упираются в ограниченные возможности. Ты же про выборы всё понимаешь. Меня, например, избрали от Союза кинематографистов. Большинство наших, в том числе твоя Заславская, прошли от Академии наук, от общественных организаций. Ты же знаешь, сколько усилий потрачено на то, чтобы пробить для нас эту формулу выборов.

— Что дальше, Егор?

— Дальше вот что. Есть главная трудность. Депутаты с мест будут сидеть кучно, делегациями. А прогрессивное меньшинство разбросано по залу, внутри делегаций. И представь себе следующее: вдруг возникает необходимость срочно заявить мнение по острому вопросу. Как быть? Партийные доктринёры, руководители делегаций шепнут своим, каких позиций держаться, а нам как своих оповещать? Головоломка, Боря. А регулировать наши, внутренние процедурные вопросы тихо, без огласки, дирижировать велено мне. И тут, как в первую брачную ночь: надо самому стараться, никому не поручишь. Чувствую, что диктатуре большинства надо противопоставить принцип Парето, что необходим какой-то хитрый приём, что какие-то героические средства понадобятся, но что именно, в толк взять не могу.

— Ну, твоя главная трудность, она как раз вопрос решаемый. И легко. — У Грушина голова светлая, мысль порывистая, это Яковлев знал, потому и решил с ним посоветоваться. — В общем виде выход из твоих затруднений выглядит так. Надо придумать сигнал, по которому твои опорные люди поймут, что надо быстренько выскочить из зала заседаний, чтобы собраться в условленном месте и получить указания. А вот с микрофонами сложнее. Надо понимать конкретную ситуацию, какая возникнет на съезде. Но тут я плаваю, не в теме.

У Яковлева голова тоже работала отменно, к тому же, в отличие от Грушина, он был человеком “прямого действия”, сугубым практиком, и мигом сообразил, что надо делать, чтобы “общие виды” философа наполнить конкретным содержанием. Вдобавок этот вариант позволял решить и вопрос с микрофонами.

Они неторопливо прогуливались по аллеям просторного сквера, и когда Егора осенило, он дружески похлопал друга по спине.

— Не сомневался, что дашь мне подсказку.

Навстречу шла молодая женщина, катившая детскую коляску. Они разминулись, и Яковлев не без патетики сказал:

— Этот младенец будет жить в другой, свободной стране. И никогда не узнает, что в грудном возрасте по случаю встретился с людьми, которые преобразят его жизнь... — И уж совсем с пафосом негромко воскликнул: — Боря, поверь, люди 47-го года становятся интеллектуальной элитой, я знаю, что говорю. Настоящая жара только идёт.

В философских кругах “людьми 47-го года” называли первое послевоенное поколение студентов филфака МГУ. По возрасту это поколение не воевало и со страстью воспользовалось плодами долгожданной мирной жизни. Как раз в тот год, неизвестно, какими путями божьими, вышла в свет книга Александра “История западноевропейской философии”. Именно после знаменитой дискуссии по этой книге Сталин и объявил о пресловутой борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Но для тогдашних первокурсников филфака монография Александра стала “библией”, с неё началась их бурная и опасная студенческая жизнь, полная неуставных “разговорчиков в строю”, а вернее, жизнь на краю пропасти — за три года было четыре ареста. Между тем, на фоне этих “разговорчиков”, отражавших настроения будущих философов, из факультетских коридоров убрали бюсты Платона, Канта, Гегеля, что сигнализировало об отречении от классической философии.

Остроумный, яркий Грушин окрестил своё поколение философов “диалектическими станковистами”. После 1956 года, когда стало дозволенным подшучивать над издержками прошлого, отвечая на недоумённые вопросы по поводу странного самоназвания, Грушин смеялся:

— Вы что, “Золотой телёнок” не читали? Помните, художники-артельщики, назвавшие себя станковистами, рисовали не маслом, а гайками, фасолью и горохом? С точки зрения сталинской философии мы тоже были станковистами.

Как и следовало ожидать, все студенты “47-го года” сразу после защиты дипломов бросились готовить диссертации. Но не тут-то было. Последним, в 1954-м, чудом проскочил Александр Зиновьев, который был старше, воевал. А Грушина провалили без дискуссии, выдав волчий билет, ни в один из академических институтов его не брали. Как жить, как кормить семью? По его шутливым словам, с точки зрения грузчика, он, могучий дистрофик, никуда не годился — ростом не велик, щуплый. Но подвернулся случай и, опять же по “Золотому телёнку”, ему пришлось “переквалифицироваться в управдомы”, временно стать журналистом — возглавил отдел пропаганды в “Комсомолке”, где в литгруппе отдела писем работала жена, красавица Наталья Карцева. И он первым в стране начал через газету проводить опросы общественного мнения.

Но к “людям 47-го года” относили не только сокурсников Грушина, а также тех, кто поступил в МГУ чуть позже. Все они, независимо от возраста, составляли один круг “станковистов”, создав под крышей филфака особую среду, рождавшую яркие имена. И весьма острая загадка истории заключается в том, каким образом “люди 47-го года” впоследствии, через много лет после студенческой скамьи вновь собрались вместе — в редакции журнала “Проблемы мира и социализма”. Как это произошло? Случайно? По воле Божьей? Или же вела их чья-то закулисная рука, наподобие чертовщины Воланда, чётко осознававшая свой замысел?

Загадка очень острая, потому что именно пассионариям “47-го года”, которые в период оттепели, по примеру предков столетней давности, нарекли себя шестидесятниками, спустя сорок лет суждено было стать “прорывным поколением” и сыграть особую роль в истории, пустив ко дну КПСС. А ведь сотрудников пражского журнала “Проблемы мира и социализма” подбирал международный отдел ЦК КПСС, более того, многие из них после “Проблем” работали в ЦК, да на солидных должностях. И куратором, более того, покровителем журнала был Анатолий Черняев, впоследствии главный помощник Горбачёва, который, кстати, учился в МГУ в тот же послевоенный период и через сорок лет оказался среди тех, кто предназначил партию к сносу.

Для случайности здесь переплелось слишком много обстоятельств и судьб. В буквальном смысле загадка XX века.

Разумеется, никто из “станковистов” этой загадкой не маялся, у них были свои судьбы. Но на разных этапах советской истории их чудотворенно спланивало нечто то ли высшее, то ли случайное, а возможно, и рукотворное. Сначала, ещё в пятидесятые прославилась знаменитая “Четвёрка”, под этим названием и вошедшая в историю, — Грушин, Зиновьев, Мамардашвили и Щедровицкий, имена в философском сообществе легендарные. Каждый шёл по жизни со своим девизом. Грушин, работавший над теорией массового сознания, с первых философских лет утверждал, что западная демократия — это защита прав человека, и советская демократия должна обеспечивать соблюдение интересов меньшинства. Мамардашвили говорил: “Мы не воюем на чужих войнах, мы ведём свою”. Зиновьев создал знаменитый логический кружок, который под началом Щедровицкого превратился в методологический и в 1989 году подспудно, без публичного провозглашения цели, готовил распад СССР.

В середине семидесятых первое послевоенное философское поколение возглавило когорту своих учеников, а также смежников из других гуманитарных дисциплин, достигло зрелости и определилось с мировоззренческой позицией в несвободной стране — таким в среде “людей 47-го года” считался Советский Союз. Они отнюдь не были диссидентами и в большинстве своём не разделяли радикальных взглядов профессиональных “борцов с рыжым”. Они даже вопреки этому не были, и уж тем более фрондой. Но они были убеждёнными филантропами. У них было своё понятийное поле, свой карнавал смыслов, свои умозрительные парады достоинств. Они увлечённо занимались любимым делом, получив негласное разрешение на обустройство в обособленном духовном анклав прогрессивной мысли, а возможно, и на плацдарме, предназначенном для высадки основных сил. В “Проблемах” у них был спецпропуск для чтения западной философской литературы. Взлеянные на монографии Александрова, они широко использовали возможность беспрепятственно общаться в Праге с западными сверстниками, которые посвятили их в суть западных философских споров. В прошлом записные марксисты, как на подбор члены КПСС, Маркса они теперь цитировали выборочно, предпочитая: “Мятежный дух погряз в дерьме субстанций”. У них были широкие знакомства в западных интеллектуальных кругах, в частности, Мамардашвили лично знал Сартра и Маркузе, поддерживал связи с еврокоммунистами. Некоторые из них по заданию ЦК КПСС были в Сорбонне 1968 года, где заразились главным девизом студенческих волнений — “Требуйте невозможного!” И вернувшись в Москву, как нечто забавное, рассказывали, что бурные протестанты раскрошили уникальный музейный экспонат — куб знаменитого русского докучаевского чернозёма со стороны в два метра. Они с энтузиазмом восприняли Хельсинкский Акт, прекрасно понимая, что почём, угадывая, что он раскрывает перед ними безграничные возможности для общения с зарубежными коллегами. После пражских штудий они считали, что русская философия невозможна вне западной философии. Они не критично относились к Западу и восторженно оценили теорию конвергенции академика Сахарова.

У них были грандиозные амбиции и своя шкала ценностей. Они были преисполнены верой в своё блестящее, общеевропейское будущее. Они всем

сердцем восприняли концепцию Грамши о “культурном ядре”, о культурной гегемонии малых групп, а вместе с ней впитали в себя и западный культурный код. Они рассчитывали на феерический научный взлёт и жаждали купаться в общественных овациях, их многочисленные статьи в прессе походили на эпистолы, становясь своего рода посланиями обществу. Разумеется, все они были гениями разговорного жанра и чемпионами словесных состязаний. Они считали себя лицом поколения и претендовали на то, чтобы стать интеллектуальной элитой страны.

Это была мощная, сплочённая единомыслием, идейными восторгами, взаимными интересами и личными знакомствами группа пассионариев. В этой группе каждый успешно вспахивал свой научный надел, но вместе, сообща они тяготились бездельем, пребывая в уверенности, что в обозримом завтра и при определённых обстоятельствах будут предназначены для великих дел и исполнят сословный долг передовой интеллигенции.

Эта группа единомышленников не могла оставаться “бесхозной”.

И её оприходовали.

Вскоре она пришлась и ко дню, и ко двору: пассионариям прозападной выделки выдали мандаты боевиков перестройки, которым предстояло, покончив с коммунизмом, наставить историческую Россию на путь истинный, приведя её в райские кущи западной цивилизации.

7

О том, что партию готовят к закланию, Кедров начал догадываться ещё в 1988 году. Опытный аппаратчик, кадровик, он улавливал пёстрые дуновения, исходившие с пятого и шестого этажей Первого подъезда и, повторяя чей-то забавный, но точный каламбур, считал их либо безобразием чрезмерного разнообразия, либо разнообразием нелепых безобразий. В любом случае, этот непривычный разноречивый говорил о большом беспорядке. К тому же начались странные перемены в, казалось, незыблемом цёковском распорядке.

Связь международных отделов ЦК с зарубежными посольствами всегда шла через закрытые шифры, в специальной комнате для чтения, с записями в пронумерованных тетрадах. Но в 88-м дипломатическую шифропереписку запретили, в партаппарат перестала поступать информация по спецканалам. Суперсекретный архив в Институте марксизма-ленинизма стал недоступен абсолютно. Смысл этих нововведений Кондрату был ясен: партийный штаб аккуратно отодвигали на обочину новой, переменчивой жизни.

Вдобавок Кедрову стали чаще называть секретари обкомов, осторожно давая понять: что-то идёт не так. Разумеется, не Кедров рекомендовал их на “царствование”, однако он готовил предварительные документы, запрашивал расширенные объективки из КГБ... Ну, там много чего надо основательно изучить, прежде чем дело дойдёт до утверждения на Секретариате ЦК. По ходу этой канцелярщины Кондрат с некоторыми “абитуриентами” сблизился, и теперь они иносказательно жаловались ему на обнаглевших неформалов, хотя Кедров понимал, что цель звонков иная: получить намёк относительно того, какой линии держаться. В их областном представлении “на столе” у зама главного по кадрам со Старой площади должна лежать дорожная карта грядущих событий.

Но Кедров сам пребывал в смутных чувствах. В какой-то ненастный по новостям день даже шевельнулась мысль пойти к Кузьмичу, дать информацию о звонках с мест. Но тут же осадил себя: во-первых, с пустяками к начальству не ходят, а во-вторых, не след уподобляться областным секретарям: подспудная цель похода не в том, чтобы сказать, а в том, чтобы услышать. Однако Лигачёв ничего не скажет. Доверие между ними абсолютное, но Кузьмич — человек особой выделки, из динозавров. После доноса его семья пострадала от предвоенных репрессий, и у него рот на замке. Глухо! Сверх допустимой меры — ни слова, автоматом срабатывает инстинкт самосохранения. Да и что он теперь знает о глубоких замыслах? По-прежнему сидит в кабинете Сулова, но по секретарскому раскладу пересажен на сельское хозяйство. Предубойная выдержка на мясокомбинате.

А 1989 год внёс ясность. Зимой позвонил Мартын:

— Кондрат, я войну в Кёнигсберге закончил, ты — в Берлине, Прагу мы не брали. Может быть, в воскресенье возьмём?

Поколение фронтовиков друг друга с полуслова понимало. Договорились на пять часов в ресторане “Прага”, и обязательно в японском зале. Они и на восточный фронт не поспели.

Обменялись семейными новостями, не поднимая рюмки, помянули боевых друзей, кто недавно “отбомбился”, о своих болячках вспомнили. Потом Глеб сказал:

— Скоро стану безработным. По собственному желанию.

Кедров не спеша жевал сашими.

— Рассказывай.

— Ты же знаешь, ввели выборы директоров, и отныне меня должны избирать.

— Знаю. В курсе.

— Две Госпремии, три ордена Ленина, четверть века директорства, а теперь — выборы! Понятно, девяносто девять процентов дадут “за”, но выборы альтернативные, кто-то ещё выдвинется. А на производстве сейчас головы подняли самые нерадивые, самые бездари, кого драить приходится. Одного из них и зарядят в конкуренты, как пить дать. У меня, кстати, мысль, что выборы, пусть отчасти, для того придуманы, чтобы раскрутить неформалов. У них вся шваль собирается, одного из горлопанов супротив меня и выставят. И я должен с каким-нибудь проходимцем, чемпионом Сухумской барахолки альтернативничать? Кука с маком! — Достал “Союз-Аполлон”, чиркнул зажигалкой, затянулся. — Унизительная процедура, Кондрат, достоинство не позволяет в этих играх участвовать. Да и вообще, не слишком ли твои, с верхних этажей, начудили? Чтоб директором избрали, чтобы по навету нервы не трепать, надо с крикунами ладить? Пошло оно на хрен. Я возражаю. “По собственному желанию” — мой личный протест. В атаку мне подниматься поздно, да и не могу пока понять, с кем воевать. Но и молчать не имею права. Завтра подам заявление.

Кедров продолжал медленно жевать сашими. Через минуту спросил:

— Говоришь, отчасти для неформалов придуманы? А по другой части? Глеб понял сразу.

— Ты всегда в корень смотришь. В том-то и дело, что это страшный удар по производству, а если взять мой завод, удар по оборонке. Я-то понимаю, что без директорской воли такой сложнейший комплекс технологий, как у меня, разладится. А какая воля, если неформалы начнут твой авторитет поганить?.. Я тебе больше скажу, Кондрат. Бродит в моей башке мыслишка, что кое-кому на руку, если я с завода уйду. Знают мой характер, вот и подначивают. Мне ребята уже шепнули, что в альтернативу готовят особо рьяного крикуна, которого я по своей дурасти и добросердечию в прошлом году не выгнал. А было за что, по его разгильдяйству задержка с изделием случилась. Он пошатнулся, вот в неформалы и полез.

— Говоришь, удар по производству?..

— По оборонке, Кондрат. Мы же сразу сбой чувствуем, дело у нас тонкое. Скверное у меня подозрение, что хотят обнулить тот задел, какой у нас по ракетам есть. Ты меня понял, Кондрат? Знаешь, как у технарей про твои верха теперь говорят? Горбачёв циркулем начал квадраты рисовать. На все руки мастером оказался парень.

Помолчали, уткнувшись в тарелки. Потом Кедров сказал:

— Глеб, я тебе отличную удочку подарю, мне её советник Горбачёва Загладин презентовал, а ему её из Праги доставили, он в журнале “Проблемы мира и социализма” работал, связи с чехами сохранились, вот его и балуют.

— Нет, Кондрат, на берегу сидеть не буду. Меня везде с руками схватят, и я уже присмотрел НИИ, куда замом пойду. Мне машина служебная нужна, вот в чём дело. Мы с тобой только на танках умели ездить, в молодости о личных авто мысли не было. А потом пошли служебные. Вот и остались без водительских прав. Теперь учиться поздно.

Японскую рыбную свежатину они дожёвывали без аппетита, настроение было смутным.

В тот раз Кондрат вернулся домой в невесёлых мыслях. Он утвердился в мрачных прогнозах относительно завтрашнего дня и понял, что перестройка с её новым мышлением — мышлением, как коверкает Горбачёв, — уже сегодня прямой наводкой бьёт по оборонке, а это говорит слишком о многом.

Второй ржавчиной 89-го года стал звонок Лещени. В Москву Матвей прилетел накануне вечером, поселился в гостинице “Россия” и позвонил утром. На вопрос, по каким делам прибыл в столицу, ответил коротко:

— К вам прилетел, Кондрат Егорович.

Это означало, что дело срочное, и Кедров даже с пропуском возиться не стал, сказал секретарше продиктовать фамилию Лещени на вахту первого подъезда.

Внешне Матвей выглядел молодцом, мужик — косяя сажень в плечах. Но выражение лица выдавало душевное беспокойство, взгляд потухший, прежнего куража нет и в помине. На дежурный вопрос о житьё-бытьё отвечать не стал, а сразу предъявил “мандат”:

— Кондрат Егорович, пришло для меня время последнего совета-завета отца, к вам пасть в ноги. За тем и прилетел.

Кедров велел Матвею сесть по одну сторону длинного заседательского стола, стоявшего вдоль окон, сам сел напротив, спиной к свету. В неделовых разговорах тет-а-тет он всегда занимал эту позицию, позволявшую наблюдать за собеседником, сидевшим лицом к свету.

— Ну, глаголь.

Матвей готовился к разговору, предполагая постепенное, аккуратное вползание в большую для него тему. Неожиданный прямой вопрос застал врасплох, заставил начать с того, чем хотел закончить. Пришлось бить с носка:

— Понимаете, Кондрат Егорович... Суть дела можно изложить двумя словами и одним местоимением: у меня отнимают совхоз. — Кедров сидел молча, с каменным лицом, словно не слышал. И Матвей после небольшой паузы пустил в ход домашнюю заготовку. — У вас, в Москве, объявились асфальтовые фермеры, которые на земле не работали, однако поучать взялись со страстью. И показали по телевидению фильм “Архангельский мужик”. Вы, возможно, видели? Шуму вокруг него было много.

Кедров этот скандальный фильм, три года назад вызвавший в столице бурю восторгов, смотрел дважды. Вокруг него кипели споры: вот она, альтернатива колхозам! Уж так о нём газетничали, что глаза-уши намозолили. И Кондрату надо было сформировать свою позицию. Фильм смутил. Крестьянин-одиночка, обосновавшийся в лесной глуши и работающий на себя, в шесть раз (!) производительнее колхозника. Ура! Но почему камера не заглянула в дом? С материнским молоком усвоил Кедров, что для крестьянина дом — главный символ жизнестроительства, а дома-то в фильме и нет. К тому же его зоркий глаз не увидел над шиферной крышей телевизионной антенны, а это и вовсе! Что-то тут не то, глубину толщиной меряют. Выходит, этот справный мужик спит на печке, жрёт при свечке? Стало интересно, как скажет об архангельском мужике Матвей, раз уж он с него начал. Тем более недавно этим фильмом снова принялись размахивать, как дубиной, сокрушая колхозную деревню. Ни с того ни с сего дали ему Госпремию.

И Кедров продолжал хранить каменное молчание, ни вопросом, ни междометиями, ни мимикой не выдавая своего интереса. Матвей дал волю чувствам.

— Когда я тот фильм увидел, то рассмеялся. Уж мы, таёжники, знаем, что в глуши вести хуторское хозяйство, ну, никак нельзя. Дикарём, что ли, жить? Дочь-шестиклассница в школу за двадцать вёрст моторкой мчится по реке. Одна! Да кто ж ему позволил ребёнком рисковать? Изверг. А “скорую” как вызвать? Вдруг аппендицит? О травме, — этого в сельском деле сколько угодно, — уж и не говорю. Вдобавок экономический тип однодворца в наших условиях немислим, это я на пальцах могу доказать. Дитём был, но помню в Коломинских Гривах мужика с памятной фамилией — Неизвестных.

Не в самих Гривах он жил, а на правом берегу. Там, сказывали, когда-то дымил трубами посёлок Петрово, но река подмыла берег, разлив до погребов добрался, полая вода в улицы вошла, несколько домов рухнули, и люди от туда съехали. Остался на правом берегу Оби только Неизвестных. Разобрал дом да перенёс его на высокий бугор. На левый берег лишь зимой выбирался, по ледовой переправе, в однолошадной кошеве, устланной овчиной. — Матвей улыбнулся. — Он в деревне нас навещал, и помню, гордился: у меня на избе табличка “Госстрах. Имущество застраховано”. На всю жизнь врезалась мне в память эта смешная довоенная табличка с Госстрахом. Так вот, Неизвестных говорил, что он дурень набитый, что в одиночку вести хозяйство на правом берегу нельзя, а он, чудака с приветом, вцепился в свой бугор, живут с бабкой дикарями, да там и помрут... Извините, Кондрат Егорович, что ударился в воспоминания, но они к месту. Тот фильм у нас приняли за романтическую сказку, и вдруг из Томска ка-ак пощёрло: вот он, пример, вот как умные люди шестикратно производительность поднимают! И по-ошло. В экстазе бились. Есть у нас одно чучело с такой фамилией, что не выговорить, виртуоз неформального жанра, так он напрямую рубил: дворами живите, наподобие архангельского мужика! Я, конечно, своё слово везде сказал, Лещени никогда не подкакивали, всегда поперёк глушостей стояли, за нами ни одного гектара позора нет. Ну, и начали совхоз прижимать, потихоньку, но с нарастанием, изматывают, как щуку на леске, чтобы потом за жабры вытащить. А этот год “Архангельскому мужику” вдруг Государственную премию дали и, видать, неспроста. Потому что меня в область выдернули, большой правёж устроили и сказали: либо подписывайся, что через два года совхоз ампутирешь, либо пиши заявление. Ну, я им и показал полруки от плеча, извините, Кондрат Егорович. Вот такие дела. Я заявление не написал, но завет отца вспомнил, и сразу к вам.

Кедров молчал. Кукуруза! Уже проходили это с Хрущёвым, сеяли кукурузу за Полярным кругом. И вот снова? Где-то в средней полосе хутора, наверное, возможны, но не в тайге. Не может этого Горбачёв не понимать, сам в селе вырос, аграрник. А если понимает, но даёт “Архангельскому мужику” Госпремию, значит, обозначает новую линию партии? В Томске это мигом смекнули.

В 88-м Кондрат только предполагал, что Горбачёв нацелился списать партию в утиль, а в 89-м уже чётко понимал, к чему клонит дело. Быстро парень чешет, куда быстрее, чем думалось, для того и съезд нардепов сообразил. И вот Лещеня подтвердил: колхозам-совхозам каюк. Сколько у меня времени осталось?

В такие острые моменты в голове у Кедрова словно счётчик срабатывал, мгновенно, интуитивно выдавая решение о том, что надо делать. О том, как делать, он думал во вторую очередь, уже твёрдо зная, какой результат ему нужен. Так было на Висло-Одерском плацдарме, когда убило лейтенанта Кудряшова, и Кондрат вызвал огонь на себя. В ту роковую минуту раздумья о том, что делать, его не посещали, принципиальное решение он принял мгновенно. Но в недолгие минуты, оставшиеся до огненного смерча, не бездействовал, успел здраво, без паники оценить ситуацию и нашёл подходящую воронку, которая спасла ему жизнь. Сейчас, сидя напротив Лещени, Кедров тоже длинно не думал, мгновенно принял принципиальное решение. Не вдаваясь в обоснования, сказал:

— Вот что, Матвей. Наталья сейчас отведёт тебя в буфет на втором этаже, посиди там полчаса, кофейка с пирожными отпробуй. А я тут кое-чем займусь.

И вызвал секретаршу.

Времени у него остаётся в обрез, это Кедров уже понимал. И пока он сидит в этом кабинете, пока во власти, пока не отстранён, надо действовать без промедлений, тихо, чётко, быстро. Ни дня не терять. Что делать, ясно: застигнутому бедой Лещене нужен дорожный посох, в тайге его со свету сживут, умеют, искусники. Могут и какое негласное дознание учинить — с этим вариантом Кондрат тоже знаком. Теперь — как делать? Что ж, подумаем, на то он и кадровик.

Минут через сорок пригласил в кабинет Матвея, велел ему сесть за приставной столик и scomандовал со своего рабочего места:

— Значит, так. Будешь работать в хозяйственной службе ЦК. Как директор совхоза ты к этой работе готов. Через неделю чтобы приступил. Ты семьёй не обременён, холостому, что голому, только подпоясаться. Жильё на первых порах наймёшь сам. Всё ясно, Матвей?

Нажал клавишу внутреннего телефона.

— Наталья, отведи нашего гостя в Управделами. Там его ждут.

И в тот же день в ускоренном режиме зарядил все необходимые для работы в ЦК проверки. Кто такой Лещеня, Кедров и без проверок знал. Однако порядок есть порядок, всё должно идти по процедуре.

Но 89-й год и на этом не успокоился. Тревожило Кедрова, что какой-то странный разлад пошёл у Дмитрия с Варей, похоже, в оценках текущей жизни столкнулись. Дед частенько заезжал к молодым побаловать себя возней с внучкой, и каждый раз, когда разговор заходил о перестройке, — а сегодня без этого никак! — чувствовал, что между ними искрит.

Дмитрий теперь на коне. В его Институте чуть ли не перестроечный штаб, генерируют идеи, никакого отношения к рабочему движению не имеющие. Прежнее название — словно крыша, под которой совсем иные дела проворачивают. “А идеи-то антирабочие, — с тоской думал иногда Кедров. — Какие сейчас “пролетарии всех стран соединяйтесь”? Наоборот, ныне пролетариев — в сторону”.

В добродушные с виду семейные тёрки сына Кедров не вмешивался, однако мысленно волей-неволей принимал участие в спорах — разговоры-то не кухонные, о судьбах страны речь, это вам не финтифлюшки, как говаривал Сталин. И в глубине души каждый раз вставал на сторону Вари. Это его огорчало не потому, что сын проигрывал в матче, — в том дело, что взгляды Дмитрия от месяца к месяцу становились радикальнее, и тревожили не его расхождения с Варей, а с ним самим. Как отца, его всё больше беспокоило их разное понимание прошлого и будущего, было ясно, рано или поздно предстоит серьёзный разговор, который расставит точки над “и”, и он опасался грядущего столкновения мнений. Слишком часто на крутых перекатах истории идейный разлом проходит через семьи, когда брат идёт на брата, сын на отца. В гражданскую такие конфликты были трагическими, сейчас кровью вроде бы не пахнет, однако перспектива душевного разлада с единственным сыном страшила.

С тех пор, как отладилась, прочно устоялась его номенклатурная жизнь, вобравшая в себя максимум доступных честному, элитарному бюрократу административных и материальных удобств, он был уверен в наследном благополучии рода Кедровых, надеясь смежить очи в душевном благолепии.

Теперь уверенность пошатнулась.

8

Карьерные кадровики — люди особого склада. А уж цэковский кадровик, к тому же номенклатурный да вдобавок без малого тридцать пять лет наживающий геморрой в своём кресле, такой кадровик, говоря словами Аркадия Райкина, человек “спицифисский”. Слишком много судеб прошло через него, слишком глубоко приходилось ему тайно и дотошно внедряться в чужие жизни. Сколько карьер он помог сделать и сколько поломал! Но знал заповедь “от многих знаний многие печали” и во всём, что касалось служебных дел, язык проглотил. Никогда нигде ничего лишнего не хрюкнул.

Однако же в плюс к своей кадровой “спицифисности” обладал Кондрат Кедров ещё одним несчастным для номенклатурищика свойством. В ранние годы заняв высокий пост в ЦК, — не в последнюю очередь благодаря “Золотой Звезде” Героя, — он напрочь отказался от дальнейшей карьеры. Это уберегло его от участия в жестоких аппаратных играх, которые неутомимо и затейливо вели обитатели цэковских джунглей. Никогда не суетился он, делая ставку на Первого, каким был Хрущёв, или на Генерального, каким стал Брежнев, ни перед кем не бил чечётку, — а в аппарате уж какие

мастера были этого лихого жанра! — никогда не двоился, не примыкал к негласным партийным кланам, которые раз в десятилетие с неумолимым постоянством нарождались в ЦК. Как шутили аппаратчики, спокойно нёс своё бревно на ленинских субботниках. Потому и усидел в престижном кресле от Сталина до Горбачёва.

Но не исключено, глубже Кондрата Кедрова никто в аппарате ЦК КПСС, даже на уровне секретарей, не понимал замысла изодранных кадровых “ходов”, посредством которых велись подковёрные цэковские войны, а порой и устранялись либо “главковерхи”, либо слишком рьяные претенденты на партийный трон. Кедров помнил, какая закулисная и с виду — с виду! — беспорядочная кадровая возня предшествовала снятию Хрущёва. Помнил, через кого и какой красивой комбинацией с использованием зарубежных вбросов в середине 60-х вывели из игры “железного Шурика”, как прозвали члена Политбюро Шелепина, который считался лидером комсомольской поросли, подсиживал Брежнева и сколачивал в ЦК группу поддержки. Кадровик Кедров быстро распознал аппаратную игру Шелепина, но, разумеется, никому ни гу-гу, рот на пудовом замке, пусть верхние сами разбираются.

Ну, Брежнев и разобрался, отправив Шелепина в командировку в Лондон, где его дискредитировали шумными демонстрациями с лозунгами “Вон!”

Эта бесконечная аппаратная возня стала для Кондрата рутинной, и он не обращал на неё внимания, исправно занимаясь своим делом, уткнув нос в бумаги с грифом “секретно”, а зачастую и с вензелями “хранить вечно”. Однако встречались всё же ситуации, которые побуждали задуматься. Возникали они не в связи с вопросами по конкретным личностям — в таких случаях Кедров выходил на КГБ, только и всего, — а по мере накопления фактов. Например, заметил он за многие годы, что запросы Международного отдела на оформление сотрудников пражского журнала “Проблемы мира и социализма” очень уж однотипны. В анкетах тех, кто прошёл отбор у Черняева, глаз опытного кадровика упал на графу “Образование”. В большинстве случаев это были не профессиональные журналисты, а философы, историки, в общем, публика дистиллированная. А когда Кондрат попросил инструкторов сделать выборку лет за десять, картина и вовсе стала любопытной, а возможно, и требующей повышенного внимания. Почти все забойные должности в журнале занимали люди, которые либо вместе учились на филфаке МГУ, — а то и школьные одноклассники! — либо многократно пересекались по работе в академических гуманитарных институтах. Полез глубже и выяснил, что защита их кандидатских и докторских тоже даёт повод для размышлений — по датам, по научным советам, а особенно — по составу оппонентов. Цирк: кони бегают по кругу! Анкеты — это же увлекательный детектив для того, кто умеет их читать и имеет возможность их сопоставлять.

Кондрат и умел, и имел. А потому сделал неопровержимый вывод: эти ребята держатся очень кучно, сплотка у них тесная, везде тянут друг друга.

Но почему Международный отдел с таким постоянством собирает их в престижном заграничном журнале? Почему некоторых шлют в Прагу по два раза? Как международник по базе, Кедров хорошо понимал особенности журналистской работы за рубежом. А тут в основном не журналисты, а философы, историки, социологи. И круг общения у них наверняка соответствующий.

Разумеется, ответов на возникшие вопросы у Кондрата не было, а доискиваться он ни права не имел, ни желания — холка у него от той проблемы не прела. Просто взял любопытную фактуру на заметку. И со скрытым смыслом вспоминал народное присловье: улетают гуси, да прилетают тож не лебеди.

А ответ на недоумения явился сам собой после смерти Брежнева. Из канадской “ссылки” вернулся бывший начальник Агитпропа Яковлев, возглавивший Институт мировой экономики и международных отношений — именно вокруг ИМЭМО вился особо плотный рой “проблемистов”. И уж кому-кому, а кадровику Кедрову сразу стало ясно, что началось формирование

нового партийного, впрочем, на сей раз околопартийного клана. Впрочем, в 83-м году ещё сохранялась загадка: зачем? какие обозначены цели? кого будет обслуживать группа элитариев, прошедших школу бесцензурного зарубежного журнала ЦК КПСС?

В 85-м стало ясно — Горбачёва.

Окончательно всё прояснилось, когда началась перестройка и бывшие “проблемисты” легализовались публично, став её яркими прорабами. “Ничего нового под луной”, — думал Кедров. В Праге за четверть века вызрела группа оппозиционных идейных боевиков, которую умело приспособил к делу многоопытный на этот счёт Яковлев, выкинувший дешёвый, но громкий лозунг: не от хорошей жизни затеяли мы перестройку, а ради хорошей жизни.

С каждым месяцем разброд политических настроений нарастал, что не могло не тревожить Кондрата. Демократия Горбачёва становилась разнузданной, загадочный феномен гласности обернулся ядрёно-ядерным поношением и оболганием советской истории. И в душе Кедрова начались подвижки.

У бывших фронтовиков своя шкала оценок, свой спрос за подлость. Нарушил закон, украл, взятничал, — что ж, получай срок по людскому суду, боевые заслуги не спасут; у каждого после войны своя жизнь. Но если кто отличился подлостью, над таким в душе прошедших через смертный бой вершится суд Божий — за предательство бескорыстного фронтового братства.

Такой суд Кондрат вершил над Яковлевым, с которым многое было не просто.

Начальник Агитпропа всегда командовал газетами и журналами — по должности. Но раньше жёсткая узда была незримой, безмянной. Однако Яковлев со второй половины 60-х таиться перестал, управлял прессой открыто, порой громко, ссылаясь на журналистскую “разнузданность”, пришедшую на смену слепому послушанию сталинских лет. Теперь за этими борзописцами с их словесной джигитовкой глаз да глаз нужен, того и гляди скатятся к “самовыражению”. О еженедельных выволочках главным редакторам на совещаниях в Агитпропе ходили легенды, каждый раз кого-нибудь песочили. Передавали шутку Яковлева по этому поводу — “Недодой корову портит”, — и его назидательные слова, обращённые к главредам: “Точка вашего сидения зависит от вашей точки зрения”.

Но яковлевский Агитпроп дежурными взнузданиями не ограничился, у него обозначилась своя политика в самом чувствительном вопросе тех лет.

Два десятилетия минуло после войны, маршалы Победы, не страдавшие забывтём, подошли к возрастному рубежу, который обязывал их оставить для истории воспоминания о великом народном подвиге. Потоп маршальских мемуаров затопил книжные прилавки, вызвав небывалый ажиотаж, вокруг них бушевали страсти и споры, их читали под лупой, выискивая микроскопические неточности. Но главный интерес — в другом. Летописцы войны считали, что потомки не должны блуждать в потёмках, выискивая историческую правду, и наперебой, хотя и с разной степенью откровенности, впервые после хрущёвского забвения начали возвеличивать Сталина.

А для Кондрата Кедрова эта тема была особо чувствительной.

Фронтовики, работавших в аппарате ЦК, он причислял к сталинской элите. Хрущёвские разоблачения культа личности никак не соотносились с его представлениями о том, что именно фронтовики, которым Сталин, потеснив тыловых крыс, доверил управление страной, через десять лет после страшной военной разрухи подняли её к звёздам — в буквальном смысле. Космос! Гагарин! И когда в маршальских мемуарах возродился главный боевой лозунг войны, с которым поднимались в атаку, — “За Родину! За Сталина!” — в душе Кондрата зайчик прыгнул. А вскоре и вовсе случилось нечто. По кабинетам Старой площади зашелестело: глава Агитпропа Яковлев на одном из внутренних совещаний с пафосом заявил:

— Надо вернуть народу имя Сталина!

Кедров посчитал поступок Яковлева достойным звания фронтовика и был огорчён, когда Сашу — в ту пору они общались по имени и на “ты” — отправили в Канаду. Та посольская ссылка вызвала девятый вал пересудов, народ несведущий был убеждён, что Яковлев пострадал за громкую статью

в “Литгазете”, на которую гневно пожаловался Брежневу Шолохов. Но Кондрат знал, в чём дело. Яковлев, из карьерных видов любивший играть на две лузы, начал кокетничать с шелепинской мафией, рвавшейся к власти. Однако прокололся, вот и бомбануло, — его предусмотрительно убрали с Агитпропа.

Кондрат, как всегда, оставался над схваткой, партийные интриги его не касались, и он всей душой был расположен к фронтовику Яковлеву, который вдобавок Сталина добром помнил. Но вдруг прозвучал звонок сомнений. И, как часто бывает в таких случаях, — со стороны.

В ту проблему Кондрат окунулся случайно. Ему поручили подыскать кандидатуру на секретаря Ленинградского горкома по идеологии, и было ясно, что вопрос далеко не простой. Над Питером продолжали витать отзвуки “Ленинградского дела”, да и вообще атмосфера там сложная, то и дело диссидентские эксцессы. Глубина кадрового состава у Кедрова была солидная, на списочные должности резерв по два, а то и по три кандидата, колоду кадров можно было и тасовать. Но идеолога в Питер, к тому же срочно?.. Пришлось искать с чистого листа, и после обдумывания Кедров остановил свой выбор на замаве отдела культуры Георгии Куницыне, который одно время был даже и. о. зава. Он курировал кинематографию, и в ту пору кино было на взлёте. “Советский Ренессанс!” — писали газеты. “Летят журавли”, “Баллада о солдате”, “Девять дней одного года”, “Судьба человека” будоражили людей. Прокатная судьба этих фильмов была тяжкой, и все знали, что Чухрай, Худиев, Тарковский, Климов, Панфилов молятся на Куницына, который спасает их картины от умирания на полке. Особенно гулко отозвался в кабинетах ЦК случай с “Андреем Рублёвым”: вопреки сопротивлению лиц вышестоящих, Куницын добился финансирования съёмок. По мнению Кедрова, репутация Куницына очень подходила для ленинградского идеолога. А главное — фронтовик! Четыре ранения, разрывная пуля на Дуклинском перевале! Говорит, повезло, чудом жив остался. Что ж, был везучим, стал везущим, пашет в ЦК в полную силу, с жаром живёт. Пусть теперь в Питере повкальвает. К тому же мужик задорный и “на выданье”, в резерве на карьерный рост.

Короче говоря, Кондрат предложил Куницыну пойти на Ленинград.

Георгий, человек трибунного склада, зажётся, вспыхнул упованиями на интересную работу, однако через несколько дней дал отбой. Кедров хорошо помнил тот частный отказной разговор, потому что уговаривать в таких случаях не положено, а уж как хотелось ему высказать свои недоумения, вразумить.

Дело-то, как ни странно, упёрлось в Яковлева. Они с Куницыным были друзьями закадычными, вместе в 50-е годы учились в аспирантуре Академии общественных наук, вместе писали брежневские речи на бывшей ближней даче Сталина — через овраг от Волынской больницы, — на сталинском билльярде там резались. Карьерный рост у них в ту пору шёл вровень, да и вообще, отделы пропаганды и культуры, они как бы смежные, замавы каждый день на созвоне. Понятное дело, Куницын прежде всего с Яковлевым и посоветовался.

Суть дружеских советов Георгий, человек открытый, в аппаратной казуистике неопытный, излагал довольно путанно, но Кондрат, искушённый в кадровых перипетиях, сразу уловил неискренность Яковлева. Да ведь не поспоришь, нельзя.

Расстались они с чувством обоюдной симпатии. А примерно через год излишне вольнодумного Куницына объявили партийным диссидентом и с треском вышерли из ЦК. Кедров готовил на него документы как на редактора отдела культуры “Правды”, Зимянин дал согласие. Впрочем, и в газете Куницына недолго держали. У партийного диссидента судьба незавидная, вскоре его списали с номенклатурного баланса, вдобавок перекрыв научную карьеру, — дважды пришлось докторскую защищать. А у него четверо детей... Старый дружок Яковлев, по цэковским кабинетным разговорам, с Куницыным больше ни разу не общался, даже по телефону. Сказал секретарям, чтобы не соединяли. В аппарате глухо поговаривали о предательстве фронтового

братства, и репутация Яковлева после того случая с Куницыным стала смердеть.

Поначалу Кондрат часто думал о той истории. Три матёрых фронтовика и три судьбы, три пути-дороги: один карьерно приспособился, другой пошёл в бой за правду, третий — он, Кедров, — остался в сторонке. Было о чём подумать-поразмусьлить. Но жизнь продолжалась. Звоночек по Яковлеву отшумел и затих. И вдруг, на старте перестройки...

Кедров был потрясён: Яковлев рванулся во власть в роли главного обвинителя Сталина.

Это была непростительная подлость, заставившая Кондрата вспомнить историю с Куницыным.

9

К Юрию Фёдоровичу Карякину Дмитрий относился не только с уважением, но и с почтением, даже с пиететом. Душевной близости между ними не возникло, однако взаимопонимание было полным. Внешне не выразительный, Карякин привлекал прямотой суждений и гневно гремел словами по поводу тех, кто пытался притормозить экспресс перестройки, мчавший страну в светлое царство свободы и прав человека. Философ по образованию, большие смыслы перемен он объяснял туманной фразой о том, что пришло время менять сущности и ценности. Он не понимал тех, кто не понимает, что из-за постыдного прошлого сейчас в стране всё хуже любого плохого, а при демократии станет лучше любого хорошего. И костерил тех, кто норовил отстраниться от перестроечной драки, называя их “никакими”. С Карякиным Дмитрий виделся нечасто: Юрий Фёдорович появлялся на Колпачном лишь в зарплатные дни. Однако каждый раз находил время пообщаться с Дмитрием накоротке и с нарастающим возбуждением баловал Кедрова слухами о грядущих перестроечных вывертах, не требуя клятвы на крови о неразглашении. После таких мимолётных, но примечательных встреч Дмитрий становился источником стратегической информации, что поднимало его авторитет среди институтской братии.

При этом Карякин всегда оставался для Кедрова загадкой. Было не ясно, через что прошёл Юрий Фёдорович: через горнило суровых испытаний в пражском партийном журнале, которые принесли ему громкую славу, или же через чистилище, где ему отпустили грехи исправного члена КПСС и обеспечили почётное пребывание в среде светлоликих.

Но однажды случилось нечто неординарное: Карякин позвонил по телефону и пригласил Дмитрия к себе на дачу, в Переделкино. Желательно в будний день, не срочно, однако не затягивая. И анонсировал интересный разговор.

В пражские годы ценному сотруднику журнала “Проблемы мира и социализма” Юрию Карякину выделили в Москве прекрасную трёхкомнатную квартиру у метро “Аэропорт”. Но как нередко бывает с людьми, в солидном возрасте волею событий вознесенными к широкой известности, Карякин, сделавшись популярным, пресыщенный повышенным вниманием интеллигентского сословия, пошёл вразнос по части новых заманчивых знакомств. В итоге он развёлся, опять женился и благородно оставил квартиру бывшей жене.

А где жить с новой женой?

После хлебной пражской работы “двушку” в спальном районе они потянули, не погрузившись в долги. Но к тому времени Юрий Фёдорович серьёзно увлёкся публицистикой, и его приняли в Союз писателей. К тому же в печати, по телевидению замелькали сообщения о том, что яркий прораб перестройки, духовный активист, звезда концептуальной элиты, помимо бурной общественной деятельности работает над потрясающей, архисовременной книгой о Достоевском. Поклонники и соратники трубили, что в ней автор скажет новое слово о великом соотечественнике, чьё творчество, оказывается, созвучно бурным событиям, идущим в стране. Разговоров и пересудов о талантливом, особо одарённом авторе выдающейся книги, которая

уже “на выходе”, было предостаточно, и по совокупности Карякину хватило писательского авторитета на то, чтобы претендовать на часть литфондовой дачи в Переделкино, где он и занялся.

В гости Дмитрий отправился на своей “копейке” — отец упорно сопротивлялся покупке престижной машины. По дороге вспоминал о давнем визите к Степновым и раздумывал, верно ли он когда-то поступил, по совету отца отказавшись от приобщения к кругу избранных, которые кучковались под надзором генерала КГБ. А Гена Балаев в ту пору увещевал настойчиво, несколько раз передавал приглашения из Переделкино. “Интересно, что у Степновых теперь, когда иностранцев охотно приглашают в каждый интеллигентный дом? — думал Дмитрий. — Флёр элитарности поблёк. Или же они придумали что-то ещё? И кстати, что с космонавтом, вернувшимся из невесомости и межпланетного одиночества? По идее, он сейчас уже не кроссы должен бегать, а мировые рекорды бить”.

Дачу Карякину отвели в основной части писательского посёлка, недалеко от Дома творчества, на Тренёва. В условленное время Юрий Фёдорович прогуливался по пешеходной тропке вдоль тенистого участка, и когда Дмитрий притормозил, “копейку” велел припарковать здесь же, на обочине. Провёл на веранду, где был накрыт скромный чайный стол, предложил почаёвничать и к делу приступил сразу, не успели чашки наполнить.

“Аудиенция” длилась недолго, всего-то минут сорок. На сей раз Карякин не вдавался в разговоры о ближайших перспективах перестройки, а начал с комплиментов, пошутив, что с кем попало не пьёт, и он был бы рад как-нибудь в другой раз дружески погудеть с Дмитрием за бокалом армянского, пять звёздочек. Похвала сводилась к высокой оценке аналитического дара, коим Господь Бог наградил гостя, и его, Карякина, личное мнение таково: Дмитрий как нельзя лучше соответствует новым временам, а потому его необходимо пристроить к серьёзному обновленческому делу. Каким образом? В том-то и вопрос, для того он и предложил встретиться. Что касается деревни, то хватит разводить в колхозах овец для пошива генеральских папах, перестройка сделала ставку на фермера, способного накормить страну. Но сейчас лидеры перестройки остро нуждаются в новых идеях по переустройству косных, замшелых порядков на производстве, на заводах, гласность и демократия требуют преобразований и в этой важной сфере. Сейчас никому нельзя “рюки в брюки”, опытному спецу по трудовым отношениям Дмитрию следовало бы подумать о свежих, прорывных идеях на сей счёт, ибо совражество красных директоров — угасающее, но ужасающее в своём неприятии перестройки — мутит воду, мешает искоренять изжившие себя порядки. Коцунники! Злодеи порочной идеи. Надо бы совлечь с них сталинские одежды и основательно их отхунвейбинить, разумеется, правовыми методами. И сегодня мысли на этот счёт могут принести весьма солидные дивиденды.

Слово “дивиденды” Юрий Фёдорович как бы пунктиром выделил по слогам и добавил, по-приятельски подмигнув:

— *Скорбный труд не пропадёт...* Если в вашей светлой голове родятся интересные соображения, звоните. Вместе обмозгуем, покумекаем. — На прощанье скаламбурил: — Будем держать курс на мысль Доброй Надежды.

Возвращаясь в Москву, Дмитрий прокручивал в памяти короткое чаепитие у Карякина. Это что — задание? Нет, по официальному статусу, даже с учётом престижного прорабского ранга, Юрий Фёдорович не вправе давать поручения, потому и назначил встречу в доверительной обстановке. Это дружеская подсказка, дающая шанс прозвучать в перестроечных верхах? Но с чего бы такие милости? За какие коврижки? Отношения у них хорошие, однако не тесные и не деловые. Зачем Карякину нужен Кедров? Гена Балаев делает заходы на близкую дружбу, чтобы на всякий случай заручиться поддержкой отца, это очевидно. Но Карякину такие манёвры ни к чему, для него отец — уходящая натура.

Только на въезде в Москву Дмитрий, наконец, докопался до сути, вычислил интерес Карякина. Высоко стоит, далеко глядит! “Вместе обмозгуем, покумекаем...” — вот в чём дело. Карякин на прямой связи с вожжами

перестройки, и ему позарез нужно предложить прорывную идею, чтобы “углубить” и “усилить”, как говорит Горбачёв. Но если в земельном вопросе они уже определились — ставка на фермера! — то на производстве перестройка буксует. Насоздавали повсюду народных фронтов, намеревались неформалов, а дальше что? Вот Карякин и суетится — излишним рвение не бывает. Если удастся выискать что-то дельное, он наверняка преподнесёт свежую идею как своё гениальное прозрение. Что ж, каждый свою корову доит. Да ради Бога! Зато Дмитрию Кедрову будет обеспечена роль консультанта, работающего в паре с самим Юрием Фёдоровичем Карякиным. Отлично!

Как в своё время сказал Хрущёв? “Цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!” Фраза стала крылатой и насмешливой. А ведь есть в ней, чёрт побери, какая-то энергетика.

Когда Дмитрия осенила идея выборности директоров — именно осенила, ночью, в полусне, — он отнёсся к ней скептически, наутро посчитав её не только нелепой, но и бредовой. Потому Карякина беспокоить не стал, а дождался очередного зарплатного дня. Но к его удивлению, Юрий Фёдорович воспринял идею с неопишуемым восторгом. Он схватил Дмитрия за предплечья и несколько секунд молча смотрел ему в глаза. Потом выдохнул:

— Дружище, я знал, что ты гений. Бомбически! Это как раз то, что нужно.

С того дня он перешёл на “ты”, и всю зиму они плотно общались в институте, а зачастую и по телефону. Карякин посоветовал привлечь в команду двух-трёх коллег, чтобы в деталях расписать политическое обоснование перехода к выборам директоров и процедуру их проведения. Не жалея времени, сам знакомился с черновыми вариантами “бумаги”, иногда вносил правку, но чаще подсказывал, какие тезисы надо уточнить и о чём сказать дополнительно, не забывая при этом разжигать упования “негров” ждущими их карьерными щедротами. Шутил: “Штопаные носки носить не придётся”. Почти полгода длилась муторная, без огонька подготовительная работа, в успех которой не верил ни Кедров, ни Балаев, подключившийся к этому “гиблomu делу”, чтобы законтачить с Карякиным. Но, как ни странно, к весне Юрий Фёдорович сдержанно оповестил, что идея выборности, кажется, “произвела эффект”, а вскоре без уведомительного звонка внезапно прибыл на Колпачный в неурочный день. На восклицательных знаках оповестил:

— Старик, одобрено! А одобрено — значит, удобно, урожай гарантирован. В маргиналиях, на полях, пометки только похвальные. В воскресенье тебе предстоит защита докторской! Готовься основательно, это тебе не канты-гегели. Едем в Раздоры!

Вечером Дмитрий примчался к отцу, который понятия не имел о его “подпольных” научно-политических изысканиях, с вопросом:

— Что такое Раздоры?

Кондрат мгновенно понял, что сын каким-то боком соприкоснулся с Яковлевым, ибо у “архитектора” перестройки в Раздорах служебная дача. Но просто так в свой ближний круг Аня, как за глаза по инициалам называли в ЦК Александра Николаевича, никого не впускает. Видимо, Дмитрий оказался для него полезным, — это его главный критерий при оценке людей. А что значит быть полезным для Яковлева? Он в простоте слова не скажет, дела не сделает. Склад ума у него особый, и на этом складе чего только нет! Надо разбираться...

— Пойдём, сынок, в кабинет, посудачим. Сначала хочу послушать тебя. Растолкуй-ка мне, в связи с чем возник вопрос о Раздорах?

И едва Дмитрий приступил к рассказу, с горечью подумал: “Вот и настал день, какого я страшился, в доме полыхнула гражданская война”. Подлая абсурдность выборов заводских директоров стала ясна с полуслова, и в первый миг он был потрясён самим фактом случившегося: эту гибельную идею изобрёл его сын! Душа восстала, хотелось грохнуть кулаком по письменному столу, воспретить, приказать, наконец, усовестить, разъяснив пагубность перестроечных политических игр. От взрыва чувств ломило в затылке — скакнуло давление. Он вполуха слушал восторженное блеяние Дмитрия о тесной дружбе с Карякиным, чью подноготную слишком хорошо знал.

Когда оформляли этого трескучего деятеля в Прагу, возник повод пригласить его на разговор, тогда и понял: нравственно бездарен, ни стыда, ни таланта. Тот ещё кекс! И впопыхах размышлял, как отвадить сына от соучастия в великих бедах, подстерегающих Отечество. Где-то на периферии сознания подспудно продолжала сверлить мысль о гражданской войне с фронтами, проходящими через семьи. Глупо, нелепо промелькнул Тарас Бульба. Нет, ситуация слишком серьёзная, слишком запутанная, сходу бросаться в бой было бы опрометчиво. Да и вообще, его, Кондрата Кедрова, семья — это частный случай, победа над сыном, если он образумится, никак не повлияет на ход событий, влекущих страну к пропасти. Появилась дурацкая мысль: может быть, эту семейную безысходность обратить в шутку? Тянуть, чья спичка длиннее, и дело с концом.

Но с языка сорвалось серьёзное:

— Я верно понял, что тебе предстоит где-то или перед кем-то обосновать идею выборности?

— Именно что обосновать! А как ещё воспринять намёк на защиту докторской? Но меня другое интересует: что такое Раздоры?

Кондрат не выдержал:

— Неужели ты не понимаешь, что эта публика словами не бросается, каждое выверено? “Защита докторской” — это же скрытый подкуп, тебе дают понять, что будешь вознаграждён. Тридцать серебряников?

Дмитрий сделал стойку.

— Погоди, отец... По наивности я воспринял “докторскую” как иносказание, метафору... А Карякин, он да, мужик непростой. Возможно, ты прав, намекнул. Знает, что я готовлю диссертацию.

И умолк, что-то прикидывая.

Его молчание показалось Кондрату громогласным. Он смотрел на сына и чувствовал, что семейный раскол на глазах перерастает в глубокую пропасть. Как отговорить его от злостного недомыслия, как убедить внять истине и сбавить шаг? Они по-разному понимают главные человеческие сути! В затылке ломило ещё сильнее. Как быть? Всё-таки с озорным жаргоном грохнуть кулаком и вдрызг разругаться, состязаясь в упрёках до обоюдного озверения, когда с языка, как у коровы на ходу, вываливаются пакости? А потом мучиться, бушуя в душе, пока не хватит удар или инфаркт? Они, эти “Ани” на то и рассчитывают, что старая гвардия сама сдаст себя в утиль. Но, во-первых, идея заводских выборов уже вброшена и, судя по всему, принята на ура. А во-вторых, Дмитрий вовлечён в это грязное дело, по сути, случайно. Сволочная идея позарез нужна перестроечным проходимцам, и эти мозгомой всё равно докопались бы до неё. Не Дмитрий, так кто-то другой!

Он словно шёл в гору по гололёду. Но в замешательстве был лишь несколько секунд. Быстро сообразил, что в данный момент не готов к глубокому разговору с сыном. Слишком неожиданным, непредсказуемым оказался повод для выяснения отношений. Как бы не превысить меру усердия! Надо временно отступить, собраться мыслями, лучше разобраться в себе самом. “Евгения Онегина” он наизусть не знал, как иные гордецы-запоминатели с недалёкими умишками, но помнил пушкинский завет о предрассужденьях и следовал ему. Да и чиновничья сноровка взяла своё.

После театральной паузы примирительно сказал:

— Думаю, настало нам время поговорить начистоту. Но не сейчас, мы оба к такому разговору не готовы. Инициативу беру на себя. А что касается Раздоров...

В ту ночь Дмитрий не спал. Ему предстоит защищать идею выборности директоров перед самим Яковлевым! В неформальной дачной обстановке! Это было нечто. Юрий Фёдорович действительно дал шанс сделать быструю научную карьеру. Хорошо известно, с какими запутанными интригами сопряжена сейчас защита докторских, — тайны мадридского двора. Но протекция архитектора перестройки снимет все проблемы, лишь бы не оплошать, не ударить в грязь лицом.

В ближайшее воскресенье он заехал за Карякиным в Переделкино, и они покатали в Раздоры, благо недалеко, тоже минское направление.

— Значит, так... — сказал Юрий Фёдорович, когда они выбрались на Минку. — Мы едем на госдачу к Александру Николаевичу Яковлеву.

Он наверняка рассчитывал, что внезапный, припасённый для последнего момента сюрприз произведёт сильный эффект.

Но Дмитрий спокойно ответил:

— Это мне известно.

— Известно? — опешил Карякин.

— Юрий Фёдорович, вы же знаете, кто мой отец. Между прочим, он в ЦК уже тридцать лет. Вернее сказать, в аппарате ЦК. С Яковлевым они были в одном ранге замзавов. Когда-то “тыкались”.

Карякин замолчал километров на десять. Промашка! Не назвал Яковлеву отчества Дмитрия! Его изощрённый ум лихорадочно прикидывал, как поступить. Он, конечно, знал, кто такой Кондрат Кедров, который когда-то пригласил его на беседу перед Прагой. И не сомневался, что Яковлев знаком с Кондратом. Но фамилия Кедров не особо редкая, Александр Николаевич мог и не сопоставить. И как он отнесётся к тому, что ему подсовывают сына матёрого консерватора? Но назад не спляшешь, придётся рискнуть, идея выборности оказалась заманчивой, на карту поставлена его, Карякина, перестроечная репутация.

Когда вывернули на Рублёвку, сказал:

— Дима, пойми, смысл сегодняшней встречи в том, чтобы обосновать жгучую злободневность нашей идеи. Пора встряхнуть этих красных директоров, этих извечных назначенцев. — Скаламбурил на игре слов: — Сегодня проблема стоит в биологической плоскости. Они расцветут или распустятся? Нам нужно, чтобы они самораспустились. Потому доказывать насущность идеи незачем, её смысл Яковлев понимает лучше нас с тобой. Наша задача — вооружить Александра Николаевича аргументами для вразумления врагов перестройки. Твой отец тут ни при чём.

Суть тирады, конечно, заключалась в последней фразе. Стало ясно, Карякин на всякий случай будет отмазываться от приятельских отношений с сыном врага перестройки. Младший Кедров — лишь нужник.

В Раздорах на большой веранде сидели за столом трое: хозяин дачи и две хорошо узнаваемые телевизионные персоны, виртуозы газетного дела — главред “Московских новостей” Егор Яковлев и журналист “Известий” Отто Лацис. Юрий Фёдорович представил Дмитрия так, что всем всё сразу стало ясно.

— Прошу любить и жаловать. Кедров Дмитрий Кондратович.

Кондратович — слишком редкое отчество, чтобы не понять, чей это сын, и Карякин напряжённо ловил реакцию Яковлева. Судя по секундной задержке, шеф лишь сейчас “раскусил” фамилию Кедров, и нужны были мгновения, чтобы определиться. Но у этого человека в голове счётная машина, она моментально сортирует людей по известному авиационному паролю “свой-чужой”.

Яковлев приветливо улыбнулся:

— Рад приветствовать достойного сына Кондрата Егоровича. Юрий Фёдорович говорил, что вы блестяще обосновали идею выборности руководителей производства, и предложил выслушать аргументы из ваших уст. Присоединяйтесь к нашей тёплой компании, сейчас вам принесут чайку. Люди, умеющие грамотно аргументировать прорывные идеи, сегодня большая редкость. Надеюсь, вы просветите наши кирзовые умы.

Карякин предупредил, что надо уложиться в двадцать минут, а на вопросы отвечать так, чтобы от зубов отскакивало, и Дмитрий был готов к такому регламенту. Говорил почти без запинок, без обилия мусорных слов типа “так сказать”, “как бы” или “дело в том”. Когда поставил точку, Яковлев одобрительно сказал:

— Юрий Фёдорович представил нам суть своей идеи. Но ваш ассортмент аргументов весьма полезен, ибо даёт возможность парировать самые разные возражения, а в них, полагаю, недостатка не будет. С вашей помощью

произошло как бы удвоение сущностей. Конечно, надо дать слово активистам народных фронтов, которых зажимщики критики за версту не подпускают к управлению производством. Да и заводскую политическую шпану пора приструнить, их расхожие мнения отправить в отхожее место. Плонуть бы на неё и забыть. Да нельзя, она сейчас раскалена докрасна, плонешь — зашипит. Надо всё с умом делать. Прошу вас изложить свои соображения в записке. — Обратился ко всем. — Какие вопросы, пожелания?

Словно школьник на уроке, поднял руку Лацис.

— Видимо, будет полезно в дополнение к сказанному разработать тему самоуправления коллективов. Сейчас она на слуху.

Яковлев согласно кивнул.

По молчанию, наступившему за столом, Дмитрий понял: трио бандуристов ждёт его отъезда, чтобы без чужих ушей выступить перед Яковлевым. Глянул на Юрия Фёдоровича, — тот подтвердил едва заметным кивком. Оставалось лишь вежливо откланяться. Мавр сделал своё дело. Поди, принеси, шёл вон.

Но на этом приключения не кончились. Карякин, видимо, чувствовал неловкость и через три дня позвонил, чтобы как-то компенсировать кражу идеи.

— Дима, твой доклад произвёл впечатление. Мнение такое, что ты нам нужен и будешь работать на Съезде народных депутатов. Завтра в три подъезжай в ЦК, подъезд со стороны улицы Куйбышева, пропустят по паспорту. Кабинет сто пятнадцать. Тебе выпишут гостевой пропуск на все заседания съезда. Как будем работать, объясню позже.

С пропуском тоже было интересно. В сто пятнадцатом Дмитрия встретил маленький пухлый человек со скучным лицом, сидевший за большим письменным столом. Перед ним лежал “кресельный” план зала заседаний Дворца съездов размером с ватманский лист. Каждое место пронумеровано, некоторые ряды выделены бледно-красным цветом, остальные бледно-зелёным. Человек, видимо, знал, кто в положенное время явился в его кабинет, потому что сразу вытащил из маленькой настольной картотеки уже заполненный пропуск на Дмитрия Кедрова.

— Товарищ Кедров, вот пропуск, но нам с вами предстоит определить, где вы будете сидеть. Гостевые места только на балконе. — Он подвинул к себе схему рассадки. — В принципе все они распределены, у меня остались несколько кресел вот здесь. Как вы понимаете, места самые лучшие. — Сквозь очки взглянул на Дмитрия. — В резерве я всегда держу лучшие места. Меня предупредили, что надо обеспечить вам хороший обзор зала, причём посадить в кресло рядом с проходом. А это как раз первый ряд балкона. Таак... Место номер двадцать восемь будет в самый раз. — Снова глянул на Дмитрия. — Не зря я его придерживал.

Аккуратно чёрными чернилами вписал в пропуск номер ряда и номер кресла. Дмитрий, ещё не зная, какая процедура с гостевым пропуском его ждёт, задумал вольность: если уж войду в здание ЦК, почему бы не навесить отца? Вот будет сюрприз! А уж когда понял, что его зачислили в разряд приоритетных гостей, и вовсе осмелел. Поблагодарив за пропуск, сказал:

— Вы не подскажете, как пройти к кабинетам замзавов общим отделом?

Человек вскинул на него глаза, и даже сквозь очки было видно, что в них бьётся какая-то посторонняя и тревожная мысль. После короткой паузы ответил:

— Понимаете ли, товарищ Кедров... Простите, как вас по батюшке?

— Кондратович.

После ещё одной паузы пухленький безмянный человек сказал:

— Дело в том, что с вашим пропуском туда не пустят, там промежуточные посты. — Быстро поднялся из-за стола. — К тому же в наших коридорах-переходах немудрено заблудиться. Пойдёмте, я провожу.

Они довольно долго петляли по этажам комплекса эрковских зданий и, наконец, остановились перед высокой двустворчатой дверью, слева от которой чернела табличка с фамилией Кедрова. Войдя в приёмную, безмянный человек обратился к секретарше:

— Доложите, пожалуйста, Кондрату Егоровичу, что с ним хотел бы переговорить Дмитрий Кондратович. — Секретарша удивлённо вскинула брови, а любезный инкогнито, оказавшийся не таким уж скучным, повернулся к Дмитрию. — Я свою миссию выполнил. До свидания.

Отец встретил Дмитрия без улыбок и восклицаний, словно бы только и ждал его, — характер! Жестом пригласил сесть за приставной столик.

— Ну?

Узнав о предстоящей гостевой работе на съезде народных депутатов, Кедров задумался. Было ясно, после смотрин в Раздорах Яковлев приспособил Дмитрия к делу, иначе говоря, включил его в круг своих нукеров. Новая ситуация требовала осмысления и утверждала в мысли, что решающего разговора с сыном не избежать.

Закончил разговор сухо:

— Ладно, некогда мне разводить турысы на колёсах. Привет Варе и поцелуй за меня Алёнку. Думаю, после съезда найдём время и место, чтобы поговорить капитально.

10

К разговору с сыном Кондрат готовился. Разумеется, стратегический замысел отцовского вразумления был ясен изначально. Однако в данном случае особое значение приобретала тактика. Очевидно, что штурмовать в лоб да с напором нельзя, даже опасно, — как бы не нарваться на отпор. Начинать надо не с главной темы. В итоге Кедров пришёл к выводу, что лучше всего зайти с фланга, раскрыв перед сыном свои опасения по части близкого краха КПСС, затем ударить с тыла, по-родственному, душевно обсудив семейные заботы, и только после этой разминки в таком же доверительном тоне поведать о тревогах относительно коварства горбачёвской перестройки.

Тыловыми проблемами Кедров называл житейские беспокойства, которым в последнее время уделял особое внимание, занявшись обеспечением своего семейного клана на перспективу. Молодые ждали второго ребёнка, и предусмотрительный дед, глядя далеко вперёд, задумал подстелить им соломку на случай будущих жизненных затруднений. Всё ли сложится у Дмитрия через двадцать лет, если сегодня страна валится в смуту? Как бы жизнь не ошипала его вползелена. Пока расправит крылья, как бы ноги не переломали. Заглядывая за свои пределы, Кондрат уже не ощущал той уверенности в грядущем благополучии Кедровых, какая жила в душе Героя Советского Союза, жизнью смерть поправшего на фронтах страшной войны. Гавкнул, опорочив великую Победу, цепной пёс перестройки журнал “Огонёк”, а за ним взлаяли собачьим концертом газетные сявки-шавки. До того разнуздано, иступлённо глумились над бывшими фронтовиками, что многие опасались носить боевые награды. Прохвосты! Пошатнулись и хорошо отлаженный номенклатурный мир, в котором десятилетиями пребывал Кедров. В том, что после краха КПСС чиновные привилегии сохранятся при любом ходе событий, Кондрат не сомневался, но в личном плане вопросы появились, и серьёзные. Раньше Кедров знал, что по неписаным цёковским правилам он будет работать в аппарате ЦК до семидесяти, и считал, что у него есть время подтянуть сына на обеспеченный элитарный уровень. Но Горбачёв вот-вот сольёт партию, и кем станет Кедров? Скучным пенсионером, пусть и персональным? Слава Богу, наверху вовремя подсуетились по части Кремлёвки, и цёковской номенклатуре пожизненно гарантирована медицина по высшему разряду.

Последней каплей стал разговор с Лигачёвым. Егор одарил беседой сам, позвал не через секретаря, а в своей решительной манере сказал по телефону два слова:

— Кондрат, зайди.

Не опасался, как было раньше, жучков, которыми предположительно разукрасили лостру, — на прослушку жаловался даже Горбачёв, — не показывал выразительно на неё глазами, как прежде, и удивил откровенностью. Горбачёва по-прежнему не трогал, но по Яковлеву не стеснялся. Говорил, что

дело идёт к расколу партии, уже ясно, избежать его не удастся, и к двухпартийной системе по американскому образцу, этому яковлевскому идеалу, надо переходить с умом. Из межрегионалов, по сути, уже выплилась социал-демократическая партия, и предстоит размежевание. Подошёл к окну, из которого видно здание КГБ на Лубянке, стоя спиной к Кондрату, сказал:

— На той неделе выступал на круглом столе “Правды”. Заявил, что переход к двухпартийности неизбежен и его надо провести цивилизованно, с разделом партийного имущества. Разделить пропорционально численности каждой партии... Вчера подписал гранки, завтра отчёт о круглом столе будет в газете.

Вернувшись в свой кабинет, Кедров долго сидел в задумчивости, велел секретарше ни с кем не соединять. Невесёлые размышления одолевали старого бойца. Егор не врывается в новую реальность. Первым из членов ПБ публично заявил о двухпартийности и наивно думает, что нанёс упреждающий удар. Да нет же, это полигонные стрельбы, а не реальный бой. Делёж партийного имущества! Кто позволит? Дело зашло слишком далеко, ещё чуть-чуть, и от КПСС останутся одни ошмётки.

Мысленно составив опись последних событий, Кондрат пришёл к мысли о том, что слишком уж сильно стало подгорать. Темп событий ускоряется, похоже, грядёт опасный разлад с жизнью, и надо бы поторопиться с устройством земных дел, дабы не укатали клан Кедровых житейские кручи.

Но что он оставит в наследство сыну? Деньжат за многие годы благополучной жизни насундучили немало, на новую “Волгу” с лихвой хватит. Но вот-вот придётся Кедровым съехать со служебной дачи, и где будут внуки летом? Пожалел Кондрат, что в своё время не обзавёлся в достатке имуществом, не озаборил личные сотки, а в теперешней кутерьме уже не восполнить. Стоп! Покупку дачи ему не потянуть, а вот квартира... Варя с животом ходит, почему бы не похлопотать ещё об одной квартирке, однокомнатной? Сунулся в Управделами, а у них как раз целая секция “на сносях”: Моссовет выделил квартиры в панельной девятиэтажке для рядовых сотрудников ЦК, где-то на Мичуринском проспекте, в глубине квартала, дом через три месяца сдадут.

Аппаратный зубр, Кедров такие дела умел делать, однако до окончательного решения вопроса о своих житейских стараниях Дмитрию не докладывал, чтобы не слазить. Как бы между делом брал у него некоторые семейные документы, якобы для копий. Но недавно однушку на Мичуринском закрепили за Варей, и эта приятная семейная новость вполне годится для того, чтобы начать с неё разговор с сыном.

Поехал на пару дней в Барвиху, чтобы вызвать туда Дмитрия и побродить по знакомым лесным маршрутам. Но не успел, Дмитрий позвонил первым:

— Отец, надо поговорить. Расскажу про съезд, кой о чём посоветуемся.

Сын перехватил инициативу, и этот сюрприз заставил Кедрова насторожиться. А Дмитрий без предисловий и разминок — с места в карьер.

— Вынужден тебя огорчить, но обстоятельства требуют полной откровенности. У тебя не должно быть иллюзий, твоей партии жить осталось недолго. — “Твоей партии” означало, что сам Дмитрий уже переобулся в воздухе. — Главные решения приняты, по словам Михаила Сергеевича, процесс пошёл, власть от генсека перейдёт к президенту, от ЦК — к Верховному Совету. Отец, контекст эпохи меняется, вам всем надо признать поражение. Не знаю, как именно будут развиваться события, но тебе предстоит пережить эту потерю потерь и готовиться к пенсии.

Кондрат молча, заложив руки за спину, плёлся рядом с сыном. То есть шёл-то он, как обычно, спокойным ритмичным шагом, с прямой спиной, однако в своём сознании — именно плёлся, подавленный, ненужный, выброшенный на свалку истории. Вот же оно! О какой двухпартийной системе говорил Лигачёв! О каком разделе партийного имущества! Эти ребята сожрут КПСС с потрохами, пуговицы не выплывают, ни одного райкомовского здания не отдадут. А ещё хуже, что никакие Герои Советского Союза им не нужны, они едут на глухом отрицании советской истории. Всплыло в памяти давнее

грустное пророчество Мартына: что не может быть бесконечным, заканчивается само собой. Семь лет тому памятного ночному разговору на Клязьме, когда поминали Брежнева. И вот...

— Отец, дорогой, понимаю, как тебе тяжело. Потому и затеял этот разговор, что хочу перенастроить на другой лад. Прошлое отринуто, однако жизнь-то продолжается, ты у нас в самом соку. Но Барвиха закончится, дача в Лесных далях закончится, служебная “Волга” закончится. В зону личного комфорта вход будет воспрещён. И что остаётся? Куковать с мамой в московской квартире? С Алёнкой нянчиться? У всех сейчас идёт сдвиг сознания, и ты не должен допустить разлада с жизнью, ты у нас ещё свежий, вполне можешь вписаться в новую эпоху.

Кондрат слушал сына вполуха. Его охватило горькое чувство безысходности и обиды, но как ни странно, не от “сенсационных” откровений Дмитрия. Он был готов к краху партии, ждал его. Его уже перестала мучить сквозная бессонница от той окаянной лжи, какая лилась в СМИ на всё советское, иначе говоря, на его жизнь. Прошлое оплевали, судили без адвокатов, не давали слова сказать поперёк беспамятных поветрий. Обнулили великую историю, а заодно честь и совесть прежних поколений. Утихли горечи и от оголтелой травли партийных кадров. Казалось бы, невозможное стало неизбежным, и он смирился с трагизмом новых жизненных обстоятельств. Вот такой он, загадочный феномен горбачёвской гласности, когда на встречное мнение не поступившаяся принципами Нина Андреева права не имеет. Освинесли. Сердце щемило от другого ненастья — от тоскливого расставания с прошлым, от того, что пошёл обратный ток жизни, и вот так, буднично, на лесной тропинке санатория он, Герой великой войны, перестаёт быть главой семейства Кедровых, превращается в потёртую жизнью старую калошу.

Однако уходить надо с честью.

— Спасибо, порадовал. Но и я тебя порадую. Когда ты сказал, что Варя беременна, я решил позаботиться о квартире для внука. Имей в виду, ты же мне внука обещал! Держи слово! Ну, и выбил через наше Управделами однокомнатную квартирку для Вари. Как раз на прошлой неделе проштамповали.

Дмитрий замер, как вкопанный, схватил отца за рукав пиджака.

— Квартиру для Вари?

— Дом обычный, панельный. Сдача через три месяца.

— Дай мне прийти в себя, я потрясён. — Дмитрий аж глаза зажмурил, головой затряс от неожиданности и надолго замолчал. Потом сдавленным голосом сказал: — Отец, а ты говоришь, Бога нет.

— Я этого не говорил.

— Ну, должен сказать, ты же в ЦК. Ты не представляешь, что у меня сейчас на душе творится...

Снова умолк, и Кондрат учуял неладное. Не на такие эмоции он рассчитывал, радости ждал, а тут — не поймёшь что, Господа ни с того ни с сего помянул. Уж не наклонился ли у сына какой секрет? Очень, очень похоже, что он раздумывает, открыться или нет.

— Отец, понимаешь, сейчас такое бурное время, что всё в жизни сплетается-переплетается, политическое и личное в одной упряжке скачут... Ты у нас дома часто бываешь, всё видишь-слышишь.

— И что?

— А то, отец, что... — Замолчал, видимо, обдумывая каждое слово. — Знаю, ты опасался, что между мной и тобой полыхнёт, а на деле-то в моей семье разлад случился. Перестали друг друга понимать.

Было ясно, Дмитрий темнит, лукавит. Конечно, лукавит! Не может того быть, чтобы из-за мимоходно-мимолётных перестроечных несовпадений в семье пошли серьёзные нелады. Быт налажен, житейских трений нет, Алёнке скоро в школу. А Варя, Варя-то беременна! И вдруг — перестали друг друга понимать.

Кондрат жёстко сказал:

— Вот что, парень, окопай меня не корми, выкладывай начистоту, что у вас там стряслось.

Для Дмитрия такой поворот разговора оказался неожиданным, заранее продуманных заготовок не было, а в таких случаях чаще всего выскакивает правда. После нескольких секунд молчания начал весомо, даже выпендренно:

— Я человек взрослый, состоявшийся, таиться от тебя мне незачем, уж кто-кто, а ты прекрасню знаешь, что жизнь — штука сложная. Я варюсь в новой среде, передо мной новые перспективы, у меня новый круг общения, наконец, новое понимание завтрашнего дня. И... новые запросы относительно личной жизни. Как мужчина, я теперь знаю, что мне нужно. Отец, хочу сразу сказать: я знаю, что я делаю...

Вдруг замялся, потерял кураж и пустился в сбивчивые объяснения. В этот полет Кедров не особенно вслушивался. Своим быстрым умом он в момент понял ситуацию и думал о том, как непредсказуемо устроена жизнь. Относительно женщин на своём веку он много разного видел. Навсегда врезалась в память эпопея ППЖ — походно-полевые жёны, с которыми крутили командиры и о которых угрюмо, матерком перекидывались бойцы. Помнил он и послевоенную эпидемию разводов: те, кто уходили на фронт младшими офицерами, а вернулись генералами, очумели от невиданных возможностей новой жизни, жестоко бросали довоенных жён, в молодости скитавшихся с ними по военным городкам с неустроенным бытом, и заводили новые семьи. Господи, да чего только не было в те первые послевоенные годы! Уцелевшие, выжившие в страшной мясорубке брали своё. Сейчас крови нет, но бой кипит яростный, это Кондрат чувствовал по себе. Прежняя стабильная жизнь кончилась, всё сдвинулось с места, перемешалось, людей влекут невиданные новшества, они обрастают новыми знакомствами, обретают новые возможности. “Сколько же в этой буче возникает связей наподобие военно-полевых романов. Похоже, и Димку запретные страсти ошпарили, — подумал он. — И что теперь будет?”

За долгие годы в ЦК он по долгу службы бывал на многих форумах, крупных конференциях, съездах и своим опытным глазом везде приглядывался к людям. Старший возраст его почти не интересовал — все типы человеческие как на ладони. А вот молодые... Среди них типажи встречались любопытные, колоритные. И когда мелькнула мысль о Димкином случае, перед мысленным взором явилась смазливая, увлекательная, вертлявая мамзель с парфюмерными изысками вроде оранжевых теней и пурпурных губ, с хорошо подвешенным языком и умением мастерски исполнять гламурный прищур. Зачастую остепенённая, потратившая молодые годы на карьерный рост. Такие шалавы паркета с манящим барахлом на пальцах и в ушах, с нескромной походкой вечно вьются на всесоюзных сходках разного профиля, а уж в годы перестройки эти прогрессистки, обожающие Горбачёва, наплодилось в несметных количествах. И кого из перспективных, ресурсных мужиков пожелает осчастливить такая любви взыскующая, предприимчивая гуманитарная дамочка, щедрая на дары женской природы, тому спасенья уже нет.

А у Дмитрия самый возраст. Взрыв плоти.

Подумалось Кедрову и о другом. За Сталиным сейчас только репрессии числят, а у него ведь и другое было. Когда среди генералитета пошла эпидемия разводов, случился такой эпизод. Один из маршалов взял с собой на кремлёвский приём новую жену, но в Спасских воротах его машину остановили: “Товарищ маршал, вы проезжайте, а вашу спутницу пропускать не велено”. Маршал с норовом был, развернулся и не побоялся уехать. Но Сталин-то всем сигнал дал, о том случае широко стало известно, многие его приняли к сведению. Сейчас не то, совсем не то, сейчас наверху такие моралисты, что в цене низость непотребная, а вольность нравов — вне государственного интереса.

Теперь молча вышагивал отец, и Дмитрий, вдруг ссутулившись, словно ниже ростом став, неуверенно, туманно сказал:

— Что делать, готов признать собственное несовершенство.

Кондрат понял, что его семейное лидерство полностью восстановлено, и он обязан брать командование на себя. В данный момент развивать личную тему незачем, в перестроечных Димкиных издержках надо разбираться

отдельно. Вернётся ли он к Варя после адюльтерчика, если утомится? Примет ли его Варя после блудного сожития? И как быть с внуками? Много, очень много новых безответных вопросов начало тесниться в голове Кондрата на тенистых аллеях Барвихи. Строго сказал:

— Так ты приехал, чтобы о своих приключениях рассказать? Чего sognулся? Желудок схватило? О клозетной чашке возмечталось?

Выступавший гоголем, но теперь поникший, не готовый к неожиданному повороту разговора, Дмитрий выдавил:

— Отец, ты не понимаешь, что ты меня, как обухом. Говорю же, встретил женщину — красивая, умная, глубоко меня понимающая, не технократ, моего поля ягода. Потому мозги набекрень, только и думаю о том, как дальше жить. И тут ты с квартирой! Тугой узел вмиг развязал. Чудеса! Я потрясён.

— Но ты же хотел мне про съезд рассказать и кое о чём посоветоваться, — Кондрат с подковыркой вернулся к началу разговора.

— Какой съезд! Ты мне сейчас мозги так загрузил, что ни о чём другом думать не могу. — Кисло улыбнулся. — *Шёл в комнату, попал в другую.*

II

Варя посмеивалась сама над собой. Семь лет назад, когда ушла в декрет и временно стала беззаботной, первое, что сделала, — позвонила Альбине Рябовол и помчалась к ней на свидание. Теперь она снова ушла в декрет, и опять в голове крутится встреча с Альбиной, пусть, как прежде, безалаберная, пустомельная. Все годы они на постоянном созвоне, однако видятся нечасто. Однажды были на Витькином дне рождения, но мужа общего языка не нашли, взаимного интереса меж ними не возникло, и семейное общение не срослось. А с Альбой забавно, весело, интересно, она языкатая, любит сплетничать о настроениях журналистской среды, к которой косвенно причастна, чем очень гордится. Сама инженер, но теперь на технарей поглядывает свысока. Однако Варя не обижается, а тоже “посмеивается в усы”. Вдобавок сегодня и повод есть пообщаться.

Альба, в шикарной сиреневой блузе с патами, в ушах прикольные висячие серьги из крупного янтара, ворвалась в квартиру с большим тортом в нарядной коробке: “На Арбате покупала, в “Праге”. Эксклюзив!” — и сходу заверещала:

— Ты не представляешь, какая интересная жизнь пошла. Мы с Витькой туристами летим сначала в Марсель, — представляешь, Марсе-ель! — потом автобусом через всю Францию в Париж. По пути Авиньон, ещё что-то, не помню, а в Париже поглядим всё, от Лувра до Версаля. — Понизила голос. — Ломаю голову, как валюты с собой выше нормы протащить, мы уже прикупили. — Хохотнула. — Ты не представляешь, у кого. У проститутки! Они же теперь валютчицы. Витька говорит, шмоняют туристов строго, но варианты есть. Он из Шереметьева уволился, а кореша-то у него там остались.

Варя знала, что в их институте кое-кто тоже начинает мечтать о зарубежных поездках. Раньше об этом и думать не думали — режимщики! — но жизнь менялась на глазах, невыездной народ засуетился, размечтался, самые продвинутые тоже начали прикупать доллары с рук и впрок. А Селищев, с которым она тесно связана по одному из аспектов закрытой темы, в азарте обуявших его слухов недавно признался: он подумывает, не “сделать ли ноги” из института. Кто-то из его смыслёных приятелей шепнул, что к спецам такого уровня, как он, могут проявить интерес в московском представительстве какой-нибудь инофирмы, через несколько лет их будет в Москве навалом. И пора завязывать с режимным объектом. “Надоело томиться в этой тюряге, — ничуть не стесняясь ещё вчера предосудительной в их кругу крамолы, доверительно открывенничал Селищев. — Очень уж нервно кругом стало. Как бы не пролететь мимо денег”.

Помнится, после того неожиданного разговора Варя медленно шла к проходной и как бы новыми глазами оглядывала территорию института.

Аккуратно, чисто, вокруг кирпичных пятиэтажек устаревшей архитектуры газоны, цветники. А кругом — очень высокий глухой забор из сварных стальных листов. Одной стороной институт вплотную примыкает к железной дороге, и мимо с грохотом мчатся частые электрички. Но особо примечательна проходная. Машины въезжают через высоченные раздвижные ворота и попадают в полон: впереди ещё одни ворота, а по бокам стального коридора, на уровне трёх метров — балкончики для досмотра открытых кузовов. Транспорт проверяют и на въезде, и на выезде. Даже внешне — обстановка, напоминающая кадры из фильмов о тюремных приключениях. Но Селищев, разумеется, имел в виду нечто иное.

В тот раз она задержалась в лаборатории, и микроавтобус, отвозивший сотрудников к ближайшему метро, уже не курсировал — семьдесят лет назад институт заложили хотя и внутри нынешнего Третьего кольца, но в тушке перед железной дорогой, потому местные остроловы и закрепили за ним шифрованное название “Тушк”. Пришлось топтать к автобусной остановке, недалеко, минут десять. Но та неспешная прогулка запомнилась тревожными размышлениями о смутных завтрашних днях, которые, видимо, неотвратимы.

А у Альбины никаких тревог! Наоборот, настроение приподнятое, мечтательных ожиданий невпроворот. За чашкой чая щебетала:

— Витька теперь день-деньской вкалывает, считай, без выходных. Оно, конечно, новая рубаха всегда держит, но обносится, — шёлковой станет. Работёнка у него ломовая, а всё ж лучше, чем скучная пахта в Шереметьеве. Зато мы с ним теперь в значных ресторанах гуляем, где “Чубчик кучерявый”. А на Соколе Рома Попрыгунский, это вообще бенефис с ажиотажем. Ух, весело! Вахханалия. На Новом Арбате уже и металлический шест есть. Но я Витьку туда не одобряю, там женский состав очень уж нецензурный, с притязаниями. А на “мыльницу” щёлкнуть не дают.

Варе было известно, что Рябовол бросил инженерить и устроился... Нет, устроился — не то слово. Альбина по телефону рассказывала, через какие мытарства пришлось пройти Витьке, чтобы где-то в Вешняках арендовать маленькую комнатку с отдельным входом, — теперь везде денежные дорожки приходится стелить, райисполкомовские, которые арендой ведают, без наркоза режут. Зато комнатка не в жилом доме — в жилье нельзя. А в отдельно стоящем павильоне, половину которого занимает магазинчик, а в другой половине — обувная мастерская, часовщик и прочая бытовка. У Витьки там оборудован шиномонтаж, он ворочает колёса с утра до ночи. Понятное дело, платит и приплачивает, кому нужно, есть и другие ерундовые частности, но всё равно счастлив.

Поначалу Варя не поняла и брезгливо фыркнула в трубку:

— Надо было получить диплом о высшем образовании, чтобы работать шиномонтажником.

Но Альба весело ответила:

— Не отставай от жизни, Варя. Сегодня это самый-самый цимес. Как закон об индивидуалах приняли, Витька сразу в шиномонтаж и ломанулся: кто первым встал, того и тапки. Ты не представляешь, какие у ИТД перспективы. Сумасшедшие! Это же новая сцепка с жизнью. Такое сейчас время, что на трамвайный билет можно “Волгу” выиграть.

Теперь, с глазу на глаз, Альба, которую со студенческих лет отличала житейская бывалость, словно заводная канарейка, ворковала об этих сумасшедших перспективах.

— Думаешь, Витька пошёл на шиномонтаж, чтобы просто так горбатиться? Он меня как-то возил в мастерскую — жуть! Грязно, тесно, жарко, душно, покрывек навалом, ступить негде. Сколько там заработать можно, Варя? Ну да, больше, чем в Шереметьево, но разве в этом дело? — В своей заговорщицкой манере невольно перешла на полушёпот. — Витька с утра до ночи вкалывает, а выходит всего-то пару тысяч в месяц. Зато отчитывается... Варя, он на сто тыщ отчитывается! Деньги-то моего отца и свекрови. Усекла?

Варя ещё в студенчестве, с первых дней знакомства с Альбиной и Виктором усвоила, что их родители — зав антикварным магазином и зав кулинарией “Будапешта” — люди, мягко говоря, не бедные. И теперь смекнула, что Витькин шиномонтаж — это примитивная прачечная для отмыва прежних, да и нынешних левых денег. Удивило лишь то, как запросто, свободно, беззастенчиво, не скрываясь и не стесняясь, Альбина раскрывает токсичные семейные секреты. Вспомнились и безбоязненные откровения Селищева — тоже перестал стесняться-опасаться. В голове мелькнуло: люди меняются на глазах, Боже мой, как же незаметно подкрались эти перемены; да-а, времена стали шатки — только и береги шапки... Но, конечно, ей в голову не могло прийти, какова истинная цель Рябоволов.

А Альбину, словно Остапа, понесло.

— Кооперация перевернёт жизнь. Невообразимо! Грядёт время, когда самые умные, самые яркие проявят себя. Хватит в потном утреннем метро на работу тащиться, чтобы киснуть, как ты, во всяких шарашках. Мы, считай, ничего не имели, зато нас имели, как хотели. Пора кончать с теперешним борделем.

— Наш “Тупик” шарашка? — возмутилась Варя.

— Ну, извини, извини, не сердчай на слово. У тебя институт — да, серьёзный. А Витька, хоть в аэропорту работал, всё равно киснул. Но суть-то в чём, Варя? Вот-вот павильон, где шиномонтаж, на торги выставят, по частям, штуками продавать будут. Распродажа-то лакомая, уже драка пошла. А мы с Витькой вождедем купить его весь! Ве-есь! Для того и нужны легальные деньги. Чистые, непосильными кооперативными трудами заработанные. Теперь усекла?

Альбина шумно втянула чай и вопросительно уставилась на Варю, улавливая, какой эффект произвело её сообщение.

В “Тупике” перестроечные новшества обсуждали горячо, однако считали, что к атомной сфере они отношения не имеют. Средмаш всегда оставался в стороне от управленческих перетрясок, его никогда не разукрупняли и ни с кем не сливали, со времён Сталина он жил по своим внутренним правилам, чему способствовал режим особой секретности. Потому Варя была далека от кооперативных смыслов с их фиктивным заработком и вожделениями по части недвижимости, не хотела в них вдаваться и только плечами пожала:

— Суть, конечно, поняла, но для меня твоя конкретика — пустой звук. Это ты занимаешься масштабными проблемами торгов, а мы в нашей шарашке сидим на мелочах вроде атомных реакторов. Но, как говорится, держи в курсе, буду за тебя болеть.

— У тебя раннее осеннее обострение, как всегда, подкальываешь, — добродушно улыбнулась Альба. — Не понимаешь, что народ уже не прежний. Ладно, проехали. Теперь я тебя нашими журнальными сплетнями побалую.

Очень уж ей хотелось власть потреться, в очередной раз самоутвердиться по части того изысканного общества, в каком она варится, хотя Варю, честно говоря, и эта тема мало интересовала. Она договорилась с Альбой о встрече не для того, чтобы убить время, — хотела по-бабы излить подруге душу, смущённую жизненными сомневансами. К месту была бы сейчас рюмочка сливовицы, да нельзя: Альба за рулём, — у них новая “пятёрка”, — да и ей самой уже не до спиртного, в декрете.

Однако подруга распушила хвост и увлечённо зашебетала о потрясающих событиях, которые Варя даже представить себе не может. Оказывается, зять Хрущёва Аджубей написал личное письмо Горбачёву.

— Аджубей-то, он знаешь какой антисталинист, у-у! А сейчас на Сталина охоту объявили. Вот Алексей Иванович и написал, что готов Горбачёву присягнуть и верой-правдой служить перестройке, открывать окно в демократию, а ему даже публиковать статьи под своей фамилией не позволяют. Да, да, Варя, он и в журнале печатается под псевдонимом. Родионов — это и есть Аджубей. Во какие порядки при коммуняхках были! Смех сквозь хохот! А у Горбачёва, оказывается, есть специальный помощник, через которого все бывшие, которые с самых-самых верхов слетели, могут к нему

с просьбой обратиться. Это Алексей Иванович в комнате художников рассказывал, я сама слышала. Ну вот, отдал он письмо и ждёт. А с ответом затягивают, Аджубей нервничает. Потом приходит злой и говорит с пулевым словом: Горбачёв передал письмо Яковлеву, и мне звонил его помощник, сказал, что могу печататься под своей фамилией. И больше ни звука. Короче говоря, Варя, рекомендовали ему пойти подальше. Вот оно как на самых-самых верхах делается!

— Подожди, я не пойму: кто ему мешает за перестройку ратовать, если он хочет.

Пухленькая, резвая Альбина аж руками всплеснула, всхрюкнула:

— Да как ты не понимаешь! Докладаю: он же был главным редактором “Известий”, опыт колоссальный, ум большого калибра, вот и просился на солидную должность, чтобы на виду быть. Ему для этого какое-то политическое алиби нужно. А ему — шиш! Ни звука. Выходит, гайка на резьбу не села. Потом Юрий Васильевич, ну, Степнов, наш фотокор, первач, который всё про верха знает, разобъяснил, что Яковлеву хрущёвский кадр не нужен, вот его и бортанули. Там свои тонкости. Юрий Васильевич сказал, что глушительный антисталинский успех — да, да, так и сказал: не оглушительный, а глушительный, со смыслом! — Яковлев хочет за собой оставить. И вообще, хрущёвские разоблачения культа личности сегодня не совсем к месту, да же вовсе не к месту. Пусть народ думает, что Сталина в первый раз догола раздевают. Политика! Вот оно как, Варя, всё теперь поворачивается. Мутно-путанно всё.

При упоминании Степнова Варя вспомнилось необычное гостевание в Переделкино. Боже, как давно это было, целая вечность! А минуло-то всего лет семь. Что же творится на белом свете, если жизнь меняется так стремительно?..

Альбина ухватила Варину задумчивость, видимо, поняла, что подруга сегодня не расположена к пустому бабскому трёпу, и перекинулась на житейское:

— А вообще-то, Варя, как жизнь?

Это был главный вопрос, понятный каждой женщине, ибо невзрачное, невнятное “вообще-то” на самом деле предполагает, что речь идёт о семейном благополучии, и прежде всего, о душевном самочувствии. Но в ответ Варя не могла, как раньше, весело улыбнуться и воскликнуть что-нибудь вроде “о’кей” или “полный порядок”. По этой части настроение было не очень, она пожала плечами.

— Да всё вроде бы нормально.

Альбине ничего объяснять не надо, она сразу поняла, что в доме Кедровых непорядок, и вцепилась:

— А ну-ка, подруга, давай подробнее, у тебя печаль в глазах. Докладай. Вместе будем думать.

Но Варя после водопада Альбиных восклицаний о сплошных жизненных удачах расхотелось обесуждать семейные сомнения. Да и сказать-то по-крупному было нечего. После съезда нардепов, где Дима пропал днями и ночами, его жизнь перешла на ускоренный галоп. Семь дней в неделю он занят с утра до вечера, домой заявляется предельно усталый и сразу заваливается спать. Раньше всегда рассказывал о политических новостях, а сейчас и времени для бесед у него нет. Скучно, второпях пожует что-нибудь за завтраком, поцелует Алёнку — и помчался куда-то хвост трубой. Правда, зарабатывать стал больше. Но Варю не покидало ощущение, что повышенными авансами и получками он словно бы оправдывает свою сверхзанятость. Что-то неясное, непривычное начало витать между ними, погода в доме изменилась, и от странных домашних перемен настроение было так себе. Потому на фоне Альбиных притязаний на развесёлую жизнь и её предвкушений новых радостей Варя наотрез отказала подруге в желании “думать вместе”.

Сказала, как в былые студенческие времена:

— Альба, докладать-то не о чем, никакой конкретики нет. — Выдавила из себя улыбку. — Если что, ты у меня не открутишься, сразу вызову.

Ровным шагом отмерив знакомый барвихинский маршрут, Кондрат Кедров пологой гранитной лестницей спустился к большому озеру с двумя парами грациозных лебедей. По мосткам прошёл в надводную беседку, облокотился о перила. На противоположном высоком берегу поднимался нарядный замок с башнями и узорчатым фасадом — резиденция для знатных гостей. На аккуратной набережной было пусто, от воды веяло бодрящей свежестью, и думалось ему в тот раз особенно ясно.

С Дмитрием он лишь созванивался, оба не торопили генеральный разговор. Сын, видимо, взял время на то, чтобы определиться со своим личным завтра, а отец просто медлил, оттягивая “час икс”. Впрочем, шевелилась в мозгу и надежда: Варя вот-вот родит мальчика, это уже известно, глядишь, Дмитрий и образумится, семейная встряска обернётся всего лишь лёгкой эскападой. С кем не бывает.

Текущие домашние беспокойства не мешали думать о главном. Кондрат пошёл на последний круг жизни и подводил её предварительные итоги.

В годы перестройки он не изменил присяге молодого бойца, не стал ни правым, ни левым, ни прогрессистом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником. После Висло-Одерского плацдарма, когда Господь Бог подарил ему вторую жизнь, его духовной опорой всегда была забота о благоденствии Отечества. По Солженицыну, он плодоносил в пользу России, и движения общественной мысли в каждом конкретном случае соразмерял с этой доминантой. “Звезда Героя” обеспечила ему карьеру — без личных стараний на сей счёт. Он не надрывался в потугах показать себя перед начальством, не цеплялся судорожно за чиновное кресло. Он шёл по жизни спокойно, с устойчивой крейсерской скоростью, рассчитывая, когда придут сроки, укоренить род Кедровых в той государственной элите, которая, в его понимании, была гвардией, готовящей прорыв страны в благополучное завтра. Человека праведного, его коробило от бюрократического пыла тех, с кем приходилось ежедневно общаться, эту болезненную склонность партийных верхов он по долгу службы знал изнутри и на ощупь и надеялся, что рано или поздно изыдет из государственных штабов эта пагубная зараза. Потому и перестройку воспринял с оптимизмом. Правда, осторожным.

Но надежды лопнули, всё рушилось, жизнь распадалась.

Отстранённость от бурного потока идейных новшеств, захлестнувших страну, позволяла Кондрату зреть в корень. Он судил просто, без туманной конспирологии и умозрительных изысков, потому что лично знал этих людей, одурманенных жаждой власти. В 87-м ему стало известно, что ещё в 85-м Яковлев письменно предложил Горбачёву переход на двухпартийную систему по американскому образцу, и для Кедрова замысел перестройки прояснился окончательно. Впрочем, он не тратил нервные клетки на идейную оценку яковлевского варианта, ибо был абсолютно уверен, что в СССР политической системы с чередованием партий у власти эти люди и близко не допустят. Они, подобно Брежневу, хотят оставаться при своём до физического конца. Но понимают, что их прозападные убеждения в КПСС не пройдут, и блудливо намерены создать свою партию, а КПСС слить в унитаз истории. Сохранив монополию на власть, эти свободолюбые, языки стёршие на обличении тоталитаризма, продолжат рулить привычным приказным порядком, ехать на кнуте, за неповиновение угрожая отлучением от привилегий, — эти навыки у них в крови, храп не лечится. И добьются своего, сольются в объятиях с Западом.

Откровенно говоря, даже при таком историческом переломе катастрофа Кедрову всё-таки не мерещилась, — что ж, лично ему предстоит выйти в тираж, зато наступит настоящий детант, реальная разрядка мировой ситуации. И всё бы ничего, да опасений набегало превеликое множество. Ещё со времён МГИМО, когда изучал историю международных отношений, Кондрат сильно сомневался в бескорыстии Запада. Смущали и события последнего десятилетия.

В 77-м Андропов представил в ЦК закрытый доклад о том, что американская разведка, не считаясь с затратами, ведёт активный поиск людей,

которых в качестве агентов влияния можно продвигать на высокие должности в политике, экономике, даже в науке. Со шпионажем спецслужбы разбираться наловчились, но по части агентов влияния дело было новое, совсем новое, сродни откровению. И КГБ ужаснулся от масштабов “влиятельной” вербовки. Но противостоять не умел, лишь поставил ЦК в известность, ибо речь шла о кадровой политике, а кадры — это прерогатива партии. Когда началась перестроечная чехарда, Кондрат вспомнил о том докладе, с которым когда-то ознакомился под роспись. В то время даже создали группу по подготовке ответных мер, однако дело ушло в песок и забылось. Сегодня ясно, чем аукнулось небрежение к давнему предостережению КГБ. Впрочем, самодеятельными вычислениями, кто есть кто в высоких партийно-советских аппаратах, Кедров заниматься не стал, предоставив это сомнительное удовольствие Крючкову. Зато сразу понял, что вакханалия критиканства, девятый вал компромата, бешеная истерика вокруг истории, поношение всего советского и прочие внезапно постигшие общество недуги — дело рукотворное, намеренное. Из перестроечного бедлама явственно торчали уши агентуры влияния. Спящая, она ждала своего часа. И когда поступила команда, тысячи, а возможно, десятки тысяч интересантов на всех уровнях всех видов власти — от государственной и партийной до медийной и финансовой, — разом взялись за дело. И задачу, которую они выполняли на данном этапе, Кедров вычислил без труда: погрузить общество в хаос! Даёшь разруху в реальной жизни и в головах людей!

Шлюзы для потоков нечисти и свежесжатой лжи о прошлом были открыты. словно из-под земли, повывлазили откуда-то всевозможные религиозные секты, горячо вербовавшие сторонников, анархисты разного толка, звавшие покончить с государством, эволюционеры с голубыми флагами, местечковые остерословы, соблазнявшие детей вредными советами переименовывать хорошее на плохое. Глашатаями новой правды стали фрондёры с фигой абсолютной свободы личности в кармане, неустанно и крикливо обличавшие нынешние порядки. Фанаты похуда на каждом углу неистово славил гербалайф, хватая прохожих за рукав и навязывая им чудо-таблетки. Выжиги и барахольщики, торговавшие с рук всякой всячиной, громко обогащали уличный шум неформальной лексикой. Пресса прославляла светочей экологии, требовавших наложить эмбарго на технический прогресс и вернуться назад, к природе. Объявившиеся вдруг шаловливые СМИ шумели о дурацких, безумных идеях. Кондрату запомнилась заметка о строительстве автономных высотных пивных с туалетами на верхних этажах и турбинами на нижних, что позволило бы обеспечить небоскрёб электричеством. Этот бред будоражил не столько идиотизмом, сколько возможностью публично провозглашать любую чушь, любое постыдство. На улицах кликушествовала крикливая орда карикатурных непризнанных гениев с повышенным гемоглобином. словно пугала огородные, щеголяли в немыслимо пёстрых одеяниях девушки без возраста и личности с пограничным сознанием. В центре города шныряли стайки пацанов, нередко задиравших прохожих, на окраинах безбоязненно, громким матом по ночам будили людей своры подвыпивших собутыльников. На Арбате, привлекая тысячи зевак, грохотали самодеятельные джаз-банды, с барабанным боем шествовали толпы кришнаитов в причудливых восточных одеяниях. Телесеансы внушений Чумака и Кашпировского вводили в экстаз. Чуть ли не в каждом доме появились трёхлитровые банки водопроводной воды, после “зарядки” от телевизионных гуру обладавшей волшебными свойствами. Всё, что вчера было нельзя, вдруг стало “льзя”. Этот хлам с блошиного рынка, это всеобщее безумное грязепомазание безжалостно прославляло телевидение. Всесветный шабаш с разгулом пошлятины обрушился на психику людей, сбивая их с толку, делая беспомощными перед шквалом перемен, угрожая одичанием жизни.

Цирк и зоопарк в одном флаконе. Такого разгула не мог себе представить даже туберкулёзник Оруэлл.

Ещё хуже было с идейными вызовами.

Кондрат, через которого прошли тысячи номенклатурных кадров, умел читать скрытые смыслы и с лёгкостью схватывал суть беспощадной эпидемии

разоблачительства, охватившей общество. Поражал размах дела. Безудержное шельмование, свирепое сведение счётов, скелеты в шкафах, поддельные компроматы, водевильные склоки, сливы порочащих документов, вал подложных обвинений в аферах, в растратах, в пьянстве, даже в двоежёнстве и прочий доносительский шлак — не ушаты, не бочки, а цистерны этой грязи потопом изливались на обывателей. В том числе через мерзкие телеристалища особо отъявленных ненавистников прошлого, собиравшие у экранов миллионы людей, которые очумели от размаха публичной стирки грязного белья. Смерч нелепых обвинений не щадил ни седых, ни лысых, ни бритых, ни усатых. И — да, да, он обрушился на страну вдруг, внезапно, ни с того ни с сего. Под флагом гласности! Сомнений не было: сделано по команде! Кедров хорошо знал, как по команде ворочают общественными настроениями, много таких вбросов было на его, по нынешней терминологии, тоталитарном веку.

Но поражало, что этот компроматный кошмар-шантаж шёл на фоне истерики о сталинских репрессиях. А крутили дьявольскую шарманку всеобщего раздрая именно те, кто громче всех негодовал о тираническом советском прошлом. Между тем тотальный озноб, колотивший общество, очень уж начинал напоминать лихорадку тридцатых годов, когда людей натравливали друг на друга, поощряя взаимную нетерпимость. Жадные до славы перестроечные вдохновители очищения от скверны прошлого на деле стали подстрекателями новой волны репрессий, хотя с виду и не кровавых, — по аппаратному сообществу прокатилась волна самоубийств. “Увы, человеческая природа несовершенна, а правители издревле умеют раздувать раздоры, — думал Кондрат и мысленно ужасался. — Архитекторы и прорабы, они того же поля ягоды, что и те, кого бичуют. Но не должно хромым негодовать на горбатых”.

От этого коллективного сумасшествия, от демократического оголтения прорабов перестройки — при чём здесь демократия? — Кедров, хотя и принял для себя главные решения, всё же пребывал в лёгкой растерянности. Вдобавок, по службе дел почти не стало, и Кондрат упрекал себя за “ковыряние в носу”. С тоской осознал, что запас жизненной активности у него на исходе, ни сил, ни локтей не осталось, и как быть, неизвестно. Пошёл на последний круг, а теории эндшпиля ни в шахматах, ни в жизни нет. Только дебюты разработаны.

В своём сознании Кедров смирился с неизбежным падением КПСС и не испытывал тяжких душевных мук в предверия её распада, возможно, по той причине, что свою партийную песню он вот-вот допoeт до конца. Смущал опасный для Отечества хаос запредельной свободы, чреватый, опять-таки по Солженицыну, новым тоталитаризмом. Классическое нетерпение элитной интеллигенции в очередной раз могло обернуться против неё самой.

В непредсказуемых вариантах.

Впрочем, это удел завтрашних времён. А неспешно размышляя о наставших уродливых днях, мелко философствуя, как подшучивал он сам над собой, Кондрат приходил к выводу, что новая, в бешеном ритме, хаотичная жизнь неизбежно начнёт преподносить неприятные сюрпризы и перестроечным ниспровергателям основ, — как бы им самим не угодить под каток развязанной агентами влияния кампании разоблачений. Да, выиграть у шулера, играя его колодой краплёных карт, невозможно. Однако известно, что именно шулеры нередко становятся жертвой побочных обстоятельств. Старый холостяк волонтерист Шопенгауэр, пожалуй, был прав: живущим в стеклянных домах не следует швыряться камнями.

Стоя на уютной верандочке метрах в десяти от берега, он смотрел в воду в прямом и переносном смыслах.

13

Первый звонок прозвучал, когда пошла кутерьма вокруг академика Заславской, чья история поразила масштабами перестроечной фальши. Впрочем, многие говорили, что это не звонок, а удар колокола, возвестивший

о том, что изначальная вера в благостные демократические времена пресеклась.

Та скандальная свара, получившая широкую огласку, для Дмитрия Кедрова началась внезапно.

В один из дней позвонил Карякин:

— Приезжай и, по возможности, не затягивай.

Теперь их отношения были дружескими. На съезде Кедров не подвёл, отличился, знатно показал себя в деле. Он сидел в первом ряду балкона с прекрасным обзором зала и каждый раз, когда намечалась дискуссия по текущему вопросу, внимательно наблюдал за левым проходом. В крайнем кресле одного из передних рядов сидел человек в пёстром пиджаке — приметная чёрно-белая клетка. Это был Егор Яковлев. Иногда он вставал с места и замедленным шагом вальяжно шествовал к боковой двери. Но ещё не успевал выйти в фойе, как в разных концах огромного зала поднимались несколько депутатов из других делегаций. Некоторые из них семенили к ближайшему выходу, другие исполняли отсечной манёвр — торопились занять два-три первых места в очередях к микрофонам, установленным в проходах, чтобы отсечь от них ораторов из послушного меньшинства. Слово ошпаренный, вскакивал и Кедров, тоже спешил к выходу из амфитеатра балкона, потом эскалаторами спускался с галёрки на минус первый этаж и быстрым шагом стремился к просторной площадке перед туалетами.

Со своей верхотуры он, как правило, прибывал последним — вокруг Яковлева уже теснились человек десять. Зато во время бега по эскалаторам успевал кое-что сообразить по части дискуссионного сюжета, и Егор Александрович почти всегда учитывал его мнение. Мозговым штурмом боевой отряд межрегионалов быстро отработывал тактику полемики, распределял роли, и выступальщики на нерве мчались в зал, сразу вставая к микрофонам, — им уступали место те, кто заранее занял очередь.

И едва начинались дебаты, из пяти-шести стационарных микрофонов напористо била именно их точка зрения, словно конфетти из хлопушек, засыпая зал ворохом цветистых слов. Но время дебатов ограничено, оппоненты зачастую даже не успевали выступить, и голосование складывалось удачно для активного меньшинства.

Этот хитроумный трюк, по словам Карякина, сообразил лично Егор Яковлев, за что надо бы ему в ноги поклониться, — сколько ретроградных резолюций удалось завалить! Потом, собираясь по случаю, участники мозговых штурмов весело вспоминали это съездовское шапито, язвительно насмехаясь над простофилями из консервативного большинства.

Но в этот раз было не до смеха. Вокруг академика Заславской, которая предложила новую схему социального управления обществом, завертелась нешуточная карусель.

Юрий Фёдорович начал без разминки:

— Дима, есть проблема по твоему профилю. Ты читал “Иного не дано”, который открывает статья Заславской?

— Ты же знаешь, какая сейчас горячка. Сборник в очереди на чтение. А что?

— А то, что вокруг Татьяны Ивановны пошла свистопляска, лигачёвская публика возбудилась. — И в своей энергичной манере сразу перешёл к делу. — Значит, так. Немедленно прочитаешь статью, нужны твои компетентные аргументы в поддержку Заславской. Кстати, я знаю, её концепция согласована. Понял?

— В двух словах, о чём речь?

— Татьяна Ивановна — женщина отважная, вызвала огонь на себя. Первой провозгласила, что на смену классам — по Марксу — идут слои населения. — Скаламбурил: — По существу, меняем классовый подход на касовый. Пролетариат давно расслоился, перестал быть движущей силой.

Безусловно, Кедров знал об этой концепции. Заславская, которая часто давала интервью и писала уйму газетных статей, не раз касалась запретной пролетарской темы. Сначала мимоходом, осторожно, туманно, потом смелее, откровеннее. Судя по словам Карякина, в сборнике, где с манифестами

выступила маститая верхушка прорабов перестройки, она, видимо, зашла с козырного туза и поставила крест на “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, обнулив идейную основу ленинизма. Лихо!

Дмитрий понимал, как просто в рамках Института рабочего движения организовать пышные похороны пролетарской диктатуры. Попытался ускользнуть:

— Заславская, как ты наверняка помнишь, как раз перед перестройкой писала, что ослеплена величием Марксовой мысли в “Капитале”.

— Ну и что?

— Мне кажется, сначала надо отработать аргументы для её “квантового скачка”. Задача непростая, представляется, лучше идти от полифоничности мнений и сначала вбросить “слои” Заславской наряду с классами как одну из свежих идей, а потом раскрутить её через СМИ. Может быть, срочно провести научную конференцию?

— Какую конференцию, Дима! Какие аргументы! Не таракхи. Заславская — выдающийся социолог и экономист, почётный доктор Джорджтаунского университета! Великие умы имеют право на прозрение. Не надрывай память, гляди вперёд, а не оглядываясь. Татьяна Ивановна стала научным лидером перестройки. Новые времена — новые песни. Кроме того, надо действовать срочно. А во-вторых... Ты же читал “Преступление и наказание”.

— По Достоевскому ты у нас главный.

— А если я главный, то устами Великого Инквизитора приказываю: “Да сгинет истина, если от этого люди станут счастливее”. Теперь-то ты понял смысл событий? Марксизм одряхлел... И давай-ка без карамазовского бунта разума.

Не понять Карякина было невозможно. Но младший Кедров пока не до конца освоился в новой для него среде идеологов перестройки, где доблестью считались инквизиторское лицемерие и базовая официальная ложь, где цель оправдывала средства. В его душе всё ещё копошились ненужные представления о верховенстве научной истины, правда, уже смутные, поблёкшие. Ещё не угасли в нём шевеления духа, отторгавшие цинизм. Однако Карякин поставил вопрос столь жёстко, что было ясно: на сей раз “или — или”. Или “да сгинет истина” или “бери шинель, иди домой”, “давай, до свидания” и прочие расхожие прощальные приговорки. Чаемые вегетарианские времена свежлой демократии заканчивались, не начавшись.

Дмитрий отшутился:

— Будет, как изволите хотеть... Кстати, ты не забыл, что завтра в институте присутственный день?

Но расставаться с упованиями больно, не каждому дано справиться с умственно-душевной болью без наркоза. И, распрощавшись с Карякиным, Дмитрий припарковался за углом — там, на небольшой площадке у местного магазинчика, торчала блёкло-голубая будка телефона-автомата.

— Уля, еду из Переделкина, жажду пообщаться. Это счастье, что ты дома.

Они договорились встретиться в маленькой кафешке на Маросейке, которую облюбовали для свиданий, и Дмитрий, пока добирался до центра города, сосредоточенно оттачивал суть своих душевных переживаний, чтобы вместе обмозговать карякинское “или-или”, которое на деле звучало, как “быть или не быть”. Откровенно говоря, он не сомневался, что поддержку получит не Гамлет, а Великий Инквизитор, ибо Ульяна страдала аллергией на КПСС, и её мнение Дмитрию было нужно только для самооправдания — тот самый наркоз, снимающий душевную боль. Впрочем, Уля поможет и укрепитесь в решимости, женская ласка вдохновляет.

Однако произошло нечто странное. Выслушав его, Ульяна долго молчала, глядя куда-то мимо Дмитрия, потом погладила его по тыльной стороне ладони, сказала:

— Димка, мы с тобой подошли к развилке, на которой судьбу выбирают. Вопрос много серьёзнее, чем ты думаешь, он не только тебя касается, но и меня. — Помолчала. — Знаешь, не место здесь для таких разговоров. Плешь на все дела, если они у тебя сегодня есть, и давай смотаемся в Кузьминки.

В Кузьминках, где-то в пасмурной глубине старых пятиэтажных кварталов, поодаль от метро, Ульяна сняла для них маленькую квартирку с тощей обстановкой. Улучив время, безопасное с точки зрения семейных подозрений, бывали они там не часто, зато, по известному мужскому присловью, отрывались по полной. Ему тридцать шесть, ей тридцать — самый возраст для лукавых амуров. Именно так Дмитрий поначалу и воспринимал их отношения, стремительно завязавшиеся в бешеной съездовской суете-кутерье.

Стройная, с талией “восьмёрка”, щедрой косметикой на смуглом лице, Ульяна привлекала своей энергией, общительностью и острым языком. Комбинация обстоятельств сложилась так, что межрегионалы самостийно считали её чуть ли не своим негласным пресс-секретарём. Аккредитовали Пименову через “Науку и жизнь”, где она раньше работала, а этот журнал был тесно связан с избиркомом научных обществ, который без всенародных выборов открыл Заславской, Шмелёву, другим прорабам “заднюю калитку” в нардепы. Кто-то из прежних знакомых уведомил Ульяну о первой неформальной сходке боевого костяка оппозиционных депутатов, она почтила её своим присутствием и стала своей.

С этого и началась её бурная съездовская мельтешня. Пропуска в зал у Пименовой не было, она день-деньской крутилась в кулуарах, обрастая десятками новых знакомств в среде людей со светлыми лицами, глубоко внедряясь в журналистскую среду. На правах своего человека иногда прилипала к тайной группе мозгового штурма, которую сколотил Егор Яковлев, и однажды, когда, согласовав позиции, депутаты умчались в зал, Кедров остался с Пименовой наедине. А тут уж понятно, — слово за слово. Причём — это Дмитрий помнил очень хорошо, — не он Улю закадрил, а она его. Сначала задержала каким-то пустым трёпом, потом, продолжая витийствовать, сопровождала по эскалаторам до балкона. Ну, и пошло-поехало: люди взрослые, каждодневные общения быстро переросли в адьюльтер. Она лидировала, а ему-то чего сопротивляться? Женщина красивая, неглупая, с ней, помимо прочего, и поговорить приятно.

Но неуловимо для Кедрова их отношения начали быстро меняться. Съезд завершился, а встречи не стали реже. Теперь уже он звонил ей по нескольку раз на день, а она говорила, что безвылазно сидит дома именно потому, что ждёт его звонков. После съезда Егор Яковлев предложил Ульяне работу в “Московских новостях”, однако, к удивлению Дмитрия, она отказалась, предпочтя остаться фрилансером — новое словечко, только что замелькавшее в продвинутых кругах. Свободного времени у неё было с избытком, жила она не на гонорарах, не надрывалась в поисках заработка. И их встречи стали длительными, превращаясь — опять-таки помимо прочего — в неиссякаемые и привлекательные для Дмитрия обеуждения перестроечных перипетий.

Однажды, когда он вслух высказался об этой странной метаморфозе, Ульяна обняла его, звонко засмеялась:

— Дорогой мой, если душой не зацепишь, телом долго не удержишь.

И она зацепила. Он увлечённо рассказывал ей о своих институтских делах, встречая интерес и полное понимание, удивляясь тому, как мгновенно схватывает и “переваривает” она новые для неё понятия. И вот после трудного разговора с Карякиным настало время посоветоваться с Ульяной о жизненном выборе. По пути из Переделкина в Москву он впервые жаждал её душевных и умственных объятий.

А она предложила Кузьминки.

Впрочем, лёгкое разочарование Дмитрия быстро развеялось, плоть, конечно же, взяла своё, и было у них забытьё всего и вся. Но когда очухались, Ульяна приложила палец к его губам, сказала:

— А теперь, дорогой Димка, молчи и слушай. Карякинское “быть или не быть” не только тебя касается, но и меня. А-а, удивлён? По глазам вижу... Но молчишь, не вопрошаешь попусту. Молодец!

Легла навзничь, глядя в потолок, и стала исповедоваться:

— Что ты обо мне знаешь? Что я закончила журфак и работала в “Науке и жизни”, что я замужем за членкором, что у меня трёхлетний сын. Что

ещё? Ни-че-го. Не знаешь, что до журнала я пять лет пахала в многотиражке “Серпа и молота”. Не знаешь, что замуж вышла не по любви, а из страстного желания родить... Нет, не так. Понимаешь, у мужчин имеют успех женщины либо красивые, либо умные. У красивых дур всегда всё в порядке. А умная, пусть и дурнушка, всегда с претензиями — и языками иностранными владеет, и на фортепьяно играет, и душещипательный романсик исполнит, и жеманиться умеет, и женской дипломатии обучена. Такие тоже не пропадают: перебери жён творческих знаменитостей, частенько у них ни кожи, ни рожи. А жизнь удалась! Но если женщина красивая да вдобавок умная, это сущая беда, мужчины её, как огня, бояться. — Засмеялась невесело. — Когда рот начинала раскрывать, от меня стремглав бежали... И к двадцати семи разуверилась, в голове только и стучало: в девках сидеть, да чёрт со мной, но родить, родить надо, не приведи Господи бездетной остаться. Время-то не идёт, а уходит. Бегут годы! Не до прихотей. Задумала подыскать кого для тайного отцовства. А тут приносит статью автор — вальяжный, с виду ни дать ни взять академик, да глаз на меня положил. И старше всего-то лет на десять. Вывеска приятная, а главное — холостой. Холосто-ой! Ну, тут я свой шанс не упустила, измором не брала, дала ему авансы. Дама некапризная, без озорных глупостей, до загса не успели добраться, как я уж забеременела... Лёня человек приличный, всё и пошло путём, — засмеялась — правда, не академиком он оказался, а только членкором... И после декрета решила в журнал не возвращаться. Тихая радость семейной жизни, включая кухонные изыски. Материальная и творческая свобода. Аркадская идиллия! Прощай базар житейской суеты. Была жизнь безнадежно-беспросветной, стала безмятежно-бестревожной. Была денежная засуха, теперь — половодье, семь вёрст до небес обещано. Живи, не гадай, что будет, береги, что есть.

Оставаясь на спине, больно ущипнула его за бок.

— И вдруг ты! И открылось мне, что всё это тщетное, что без любви жить не могу и не хочу, что до своих тридцати знать не знала, что такое любовь. Почему ты, почему сразу — будто током! — это вопросы к Всевышнему, я на них ответить не могу. Вот так, и всё! В детстве, когда гостила в тамбовской деревне у бабушки Нины, — кстати, крестильное имя у неё было редкое, Неонила, а уж норов такой, что с ухватом хоть на медведя. Ну, она за непоседливость меня травами лечила — крапивой. Да, видать, недолечила. Я тебя встретила, сама на шее у тебя повисла и ни о ком другом думать не желаю, ни о своём муже, ни о твоей жене. Ни о ком! Кроме сына, конечно. Счастья хочу. А счастья много не бывает.

Рывком поднялась, села на тахту, сверху вниз глядя ему в глаза, сказала:

— Вот тебе и весь сказ. А тут твоё “быть или не быть”. Да, да, конечно, быть! Куда ты денешься от этого “быть”? И я никуда от него не денусь. Но! Вскочила, принялась быстро ходить по комнате.

— Но неужели ты не понимаешь, что “да сгинет истина!” — это их кредо, потаённый девиз перестройки, которого они держатся по молчаливой унии? Наш не ахти какой достоевед, не ведая того, просто проговорился. Да сгинет истина!

Кедров ловил взглядом каждое её движение, любовался её идеальной фигурой, и совершенство её форм мешало ему в полной мере осознавать, на какую глубину она вдруг нырнула. Выручало давнее правило, отработанное годами сидений на бесчисленных конференциях, заседаниях: если посторонние мысли не позволяли вникнуть в суть говорений, он включал магнитофон, с рождения встроенный в его башку, и запоминал, запоминал. Что-бы потом воспроизвести услышанное при домашнем анализе.

А она продолжала “погружение”:

— Крест на “пролетариях”! Каково слышать это мне, пять лет не вылезавшей из горячих цехов “Серпа”? Ты представляешь, что такое волочительный стан, какой это ад крошечный? Нет, у меня голова неспрадная, я должна знать, мне обязательно надо знать твоё истинное отношение к ним. Ты с ними по необходимости, от безысходности или по идейному средству?

Это было уже слишком. Понимая неизбежность принятия “быть”, после randеву в Переделкине он решал для себя совсем иную задачу. Его цельная натура ни в чём не принимала раздвоения. Он не мог позволить себе тайное двоежёнство, не такое уж редкое в их среде: хорошие зарплаты и щедрые приработки позволяли кое-кому из его круга не просто иметь любовниц, а исхитриться жить на два дома. И он уже готовился сделать свой мужской выбор, уйти от Вари. Но после разговора с Карякиным ему предстоял совсем-совсем иной выбор: быть или не быть? Он знал, что выберет “быть”, о неизбежности “быть” и Ульяна восклицала. Но для Кедрова этот выбор означал, что он пойдёт с Карякиным до конца, смирится с чуждым ему девизом “Пусть сгинет истина”. Думать одно и делать другое он не приспособлен, и прочь сомнения — что будет, то будет. Пусть сгинет истина! Но, по-хоже, у Ульяны на этот счёт какие-то иные соображения.

Он тоже поднялся с тахты.

— Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать, что не разделяешь идеалов перестройки. Но ты же... Ты рьяно работаешь на межрегиональную группу. Ты двурушничаеть?

Они стояли глаза в глаза, понимая, что осмелились заглянуть друг другу в бездонную глубину души. Такие роковые, но и одухотворённые мгновенья выпадают не часто и да-далеко не всем. В такие мгновенья рушатся или создаются судьбы. Рушатся обвалом, погребая под собой будущее, обрекая на пожизненные раскаяния, или создаются во имя обретения великого счастья.

— Помолчи. Слушай.

И опять начала ходить по комнате, но уже медленным шагом, в такт своим словам.

— Димка, мы же с тобой люди грамотные. Мы знаем, что венгерское восстание пятьдесят шестого года возглавили бывшие коммунистические лидеры. Помнишь Надя?

— Помнить я его не могу, мне было три года. Но изучал.

— А пражскую весну шестьдесят восьмого года кто возглавил? Дубчек, тоже бывший партвождь. — Он хотел ответить, но она резко возразила: — Ты же обещал молчать!.. Да ведь и перестройку, в которой Заславская умаляет пролетариев, кто возглавил? Тоже коммунистические лидеры! А упрекнул за измену идеалам — что за беда! Объяснение проще некуда: оказывается, они всегда были противниками диктатуры пролетариата и делали карьеры в ожидании момента, когда смогут говорить искренне. Я ничего не напутала, Димка?

Это было забавное зрелище. Обнажённые мужчина и женщина, беспорядочно расхаживая по комнате, горячо обсуждали суть мироустройства. Трудно было представить более экзотическую обстановку для столь возвышенных дебатов.

Наконец, Ульяна остановилась и как бы подвела итог:

— Я вовсе не собираюсь сейчас судить-рядить, допустимо такое в политике или нет, приемлемо сие или же отвратительно. Мой вопрос в другой плоскости, и ставлю его в общем виде. Если в недрах компартии могли делать карьеру те, кто готовил её разгром, то почему в недрах перестроенных гонителей истины не могут произрастать могильщики тех, кто плюёт на истину? Ты меня понял?

Кедров выгнул глаза.

— Ты... Ты засланый казачок? Что у тебя на уме?

Она рассмеялась:

— Димка, ну, о чём ты говоришь? Кто меня заслал, кто напутствовал? Я просто изливаю душу. — Воскликнула: — Никогда, ни с кем не была так откровенна, как с тобой! Сама с собой так не откровенничала. А ты мне душу, словно штопором, открыл. Это не я, не я, это Лев Толстой сказал. Понятия не имею, что дальше будет, планов ни малейших. Я просто кричу о своём отношении к нынешней жизни. Димка, это так сладостно — полностью распахнуть душу, ни в чём себя не сдерживать, слов не подбирать. Стою перед тобой голая не только снаружи, но изнутри тоже, и знаешь... Боже, как это упоительно — сбросить шелуху условностей и притворства, быть

самой собой, не опасаясь предательства! Теперь ты понял, как я тебя люблю, как тебе верю?

Дмитрий совсем оторопел. Он с прозрачной ясностью понял, что уже не отпустит от себя Ульяну, что судьба нечаянно наделила его встречей с незаурядной женщиной, с той единственной на белом свете, которая способна одарить его великим и редким счастьем большой любви. Да, с тем, что в обиходе принято называть “чуйствами”, теперь всё предельно ясно, тут антимонии разводиться незачем. Но именно это внезапное озарение тревогой сдавило душу: он не умеет, не может, он не создан для того, чтобы думать одно, а делать другое, он глуп, прямолинеен, примитивен — что угодно! — но её взгляд на жизнь для него неприемлем. Он человек “или — или”. Совместимы ли они?

— Что ж, придётся и мне раздеться перед тобой догола...

— Между прочим, костюм Адама тебе идёт.

— Тут не до шуточек, Уля. Если я выбираю “быть”, а иного в нынешней жизни мне, увы, не дано, ты сама об этом сказала, то служу делу верой, правдой и по совести. Для меня такой выбор — как религия, раздваиваться мыслями не умею. О чём, скажу искренне, порой сожалею. Потому что иногда мечусь мыслями, сам себе свободного хода не даю. Но таким меня мать родная да Господь Бог сотворили, и ничего не поделаешь. — Горько выдохнул: — Мы с тобой по психотипу антиподы. Как быть, как жить? Греческая трагедия...

Ульяна радостно рассмеялась, бросилась ему на шею.

— Ур-ра-а! Это то, что мне нужно, я тебя сразу угадала! Оставайся таким, какой есть, не двойсь. Пойми, Димка, мы с тобой по-разному принимаем элитарную перестроечную кухню. Ту среду, в какой варюсь, я в душе ненавижу. Ненавижу эту демократическую стаю, эту сволочную новогазетчину, этих лицедеёв, этих горбачёвских подвывальщиков, насквозь вижу их политические ужимки и прыжки, большевизм шиворот-навыворот. Замутить народ хотят. Элита предателей! Кроме карьерных чаяний, и нет ничего. Ты же понимаешь, они все на подкормке. Но работаю на них исправно. — Смешно поморщилась. — Вообще-то с ними не так просто, люди пёстрые, книжно-словесные, со следами интеллекта на лицах. Помню, Егор родил очередную идею по части умножения газетного тиража, но она не прошла юридическую экспертизу. Он и говорит: “Наймите других юристов”. Ты всё понял? Чуть что не так — отчаливай, не нужен. Вот я и приспособилась. Чем я хуже того же Егора Яковлева, который Ленина славил, премию за это отхватил?.. Вот и получается, что мы в оценках этой публики разнимся, но в одну сторону будем грести, дело делать общее, да на совесть. — Сказала слегка нарапев: — *Быва-ают странные сближенья...* И какое же это счастье — не таить искренние мысли в глубине сознания, а вот так, откровенно, не опасаясь, не стесняясь наготы душевной, говорить о них с близким человеком. Ур-ра-а!

Вдруг отступилась и с наигранным возмущением воскликнула:

— Димка, да что же это такое? Мы с тобой с ума походили. А ну-ка, в постель!

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР РУДЕНКО

РАВНЕНЬЕ НА ЗВЁЗДЫ

МЕДВЕДЬ

Съезжает месяц на боку
по краю лога...
Печной трубой дымит в снегу
твоя берлога.
Дремучий полусвет в глазах,
и дышишь ровно —
надёжно мох сидит в пазах,
могучи брёвна.
Ты долго силу набирал,
не сдавшись гнусу...
Ты это место выбирал
себе по вкусу,
себе по нраву — для судьбы,
не для браводы.
А шкурники —
то у тропы, то у привады —
тебя пытались подстеречь...
Но был то промах,
то слишком мелкая картель
у них в патронах.

РУДЕНКО Александр Анатольевич родился в 1953 году в Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор ряда книг стихотворений и прозы, а также переводов поэзии. Стихи переводились на болгарский, английский, испанский, французский, немецкий и другие языки. Член Союза писателей России. Почётный член Союза писателей Болгарии. Лауреат болгарской Международной Ботевской премии. Живёт в России и в Болгарии.

Ты шёл, отряхиваясь от
древесной гнили...
И две медведицы с высот
тебя манили.
Но лишь покрылся мёрзлый лог
белёсой шерстью,
ты глубоко в тиши залёг —
не сдвинуть жердью.
И — одинок, невозмутим —
у лампы слабой
листаешь книгу прежних зим
тяжёлой лапой.
Дремучие увидишь сны,
играя в прятки
с самим собою — до весны,
до первой травки,
когда, прищурившись на свет
и зиму прокляв,
ты выйдешь к суете сует,
неповоротлив.
И двинешься в людском кругу,
лишь звёздам веря,
как подобает на веку
большому зверю.

НИКОЛАЮ НИКИШИНУ

Дождь не размочит, и крот не подроет...
Кроет осина листвою рубероид,
веткою гладит по крыше хибары...
Сумки охотничьи сбросим на нары.
Вспыхнет с весны заготовленный ворох
стружек сосновых в печурке, как порох;
дымом протянет трубу жестяную,
свечка проглянет сквозь мглу шерстяную.
Хлеба отрежем, по чарке пропустим,
репчатым луком разборчиво хрустнем.
Выпьём вторую за наше наследство —
землю сырую и лес по соседству.
Скажем “спасибо” за ласку осине,
как говорить мы привыкли в России.
Сладко — по-русски — душой занебудим:
мало нам нужно... да многое сдюжим.
След наш осины листвою укроют...
Дождь не размочит, и крот не подроет...

* * *

Кривая берёза, размокшее поле,
пролётных гусей косяки...
Россия, уроки любви в твоей школе
томительны и высоки.
Для этой ли боли твой пасынок создан:
узнать, как держать на земле
равнень на солнце, равнень на звёзды,
на скрытое в облачной мгле...

Для этой ли воли — идти по разбитым
 дорогам-путям за черту
 и зла, и добра, не попомнив обиды,
 но помня людей доброту.
 Дышать и простором, и гарью тягучей,
 и слушать сквозь сумрак слепой,
 как ветер, гуляющий по свету, учит,
 что мир не исчерпан тобой.
 И думать над тайною жизненных сроков:
 к тебе ли Господня рука
 когда-то вернёт в новой плоти с уроков
 сбежавшего ученика...

* * *

Парил в облаках,
 опускался ко дну...
 Но слишком глубоко однажды нырну,
 но слишком высоко однажды взлечу —
 долги свои старые недоплачу...

Хваля за одно, за другое — вина,
 ищите-свищите
 былого меня:
 хорош или плох я казался вчера —
 уже недоступен для зла и добра...

А жаль!
 Попарить бы ещё, побродить...
 Долги свои новые недоплатить...
 Чтоб дольше сражались
 потёмки и свет
 в том месте, где вдруг
 оборвётся мой след...

* * *

Дымчатый вечер размозит вот-вот
 ельника контур точеный.
 Медленно в воздухе чибис плывет,
 реет над пахотой черной.
 Пьет высоты и весны аромат —
 шире и шире по кругу.
 И над земными кругами утрат
 вольную ищет подругу.
 Где-то ему между явью и сном
 голос напевный ответит;
 и, может быть, ни сейчас, ни потом
 коршун его не заметит.
 Так-то в Господних больших теремах
 по-над закатной тесьмою
 долго бы, долго на птичьих правах
 жить между светом и тьмою.
 Сумерничать у зажженных свечей —
 вдаль от вороньего грая,
 вширь — за развалы холодных ночей
 душу к любви простирая...

РУЧЕЙ

В разбитых сапогах,
покрытый пылью, потный —
раздвинешь ветви... И —
у самых ног — ручей.
Ты жажду утолял не раз водой болотной —
благодари тропу: склонись к ручью. И пей.
Покой и чистота — немалое богатство.
Забвения трава
светлеет над ручьем.
Как холодна вода...
Не можешь оторваться.
Он все тебе отдаст — не спросит ни о чем,
лишь тихо прожурчит:
“Побудь еще немного —
мой берег одиноков... Моя вода — ничья...”
Не замути его.
И не ответь жестоко,
что не построишь дом
у каждого ручья...

* * *

Не нуждаясь ни в ласке, ни в точке опоры,
под дождем и под бурей — от Бога — тверды,
вдоль низины холмы, переросшие в горы,
с двух сторон поднимают над домом хребты.
Тяжелее, темнеет и зимним железом
с каждым днем наливается небо тишком.
И на склон каменистый за тисовым лесом,
на порог, припорошенный первым снежком,
опускаешь ты медленно взгляд иноземца,
принимая, что здесь — ни хозяин, ни гость...
И земные пути бесприютного сердца
в дом ведут и сквозь стены проходят насквозь.
Но иные слова в приоткрытые ставни
неожиданный ветер вдувает в упор:
“Без любви не останется камня на камне
ни от стен, ни от самоуверенных гор.
Рухнут ржавые тучи в безвидных просторах,
с ног собьет тебя длинная снежная плеть.
Пошатнутся, согнутся те люди, которых
все еще ты способен взбодрить и согреть.
И когда холода тебе в грудь задышали,
сколько силы найдешь, сам ты должен как дом —
быть...
И гладить дворового пса за ушами.
И поддерживать низкое небо хребтом”.

* * *

Как зыбок,
как знобок,
как ясен
закат, проясняющий дни...
Как ясень, как ясень, как ясень,
листву изжитого стяхни.

Спокойно смотри на колонны
твой холм облетающих стай.
На склоне, на склоне, на склоне
останься стоять... И узнай,
как медлен, как труден, как верен
порыв к высоте — от корней.
Как ветер, как ветер, как ветер,
прозрачной свободой повеи
на горы, на воды, на годы,
на гребень вечерней зари...
Затворы, засовы, оплоты
в себе отопри, отвори —
раскройся.
Почувствуй, как полны
ладони взошедшей луной.
Как волны, как волны, как волны,
дыханьем — волна за волной —
проникни и в камень,
и в ясьень...
И в шелесте стай сохрани,
как зыбок,
как знобок,
как ясен
закат, проясняющий дни.

* * *

Отяжелели жёлтые сады.
Настало время пожинать плоды.

Так отчего же в белый полдень вдруг
твоя корзина падает из рук?

Зачем стоишь среди увядших трав,
так сиротливо дерево обняв?

Ведь это саженец давнишний твой
к тебе склонился веткой наливной...

Ведь ты весною не жалел труда,
чтоб — не пугаясь — встретить холода.

Неужто жаль сомнений и невзгод,
которых, к счастью, осень не вернёт?

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ

КАМЕРА ОБСКУРА

РАССКАЗ

Андрей ехал в поезде, ехал в свою деревню, домой. Во сне, в мечтах, ездил он туда уже много раз. А наяву давно не бывал — жена не пускала: “Что ты, маленький? Жить без своей деревни не можешь!” Иногда он скандалил из-за этого с женой. По телефону брал отгулы у начальника, который был ему другом, хлопал дверью квартиры, спускался в метро и катил на вокзал. Ему казалось, что от него пылает. И, может, поэтому люди немного сторонятся, смотрят настороженно.

У билетной кассы он вдруг остывал, устраивался где-нибудь в зале ожидания на кресло между спящим мужиком в спортивном костюме и женщиной с книжкой. Долго сидел как бы в беспамятстве. Наконец, его отпускало. Он шёл в туалет, приводил себя в порядок и ехал домой уставший и умиротворённый, как после удачно проведённого эксперимента в главном боксе лаборатории.

Дома жена словно знала, что он приедет именно сейчас, и на столе ждал ужин. Она вообще как-то очень хорошо умела налаживать быт, и чтобы всё было вовремя и удобно. Дети заняты своими делами, им не до отца. А он сидел перед полной тарелкой и ничего не ел. После каждого такого срыва Андрей говорил жене, что он неправ, а она права, хотя знал, что прав именно

МУРАШЕВ Сергей Анатольевич родился в 1979 году в деревне Малая Липовка Архангельской области. Занимался промысловой охотой, был дворником, дорожным рабочим, кладовщиком. В 1999 году опубликовал свой первый рассказ, в 2007 году выпустил сборник рассказов для семейного чтения “Маленькая книжка”. В 2013 году окончил Литературный институт им. М. Горького. Несколько лет работал корреспондентом районной газеты в г. Каргополе Архангельской области. В 2019 году вышла книга “Ленты Мёбиуса”. Женат, четверо детей. Член Союза писателей России.

он, но всё рано говорил. Жена молчала в ответ и делала вид, что ничего не произошло.

А в этот раз она купила билет сама: “Поезжай, поезжай. Это тебе подарок на сорокалетие”. Он долго не верил, что всё получится. Но потом подумал про жену: “Надо ценить”. Эту фразу он усвоил ещё в институте, и всегда, когда кто-нибудь что-нибудь делал ему, говорил себе: “Надо ценить”. Правда, сразу забывал об оказанной услуге или помощи. Зато, если помогал сам, то всегда помнил, что ему должны.

В поезд он надел белую рубаху и светлый костюм. В этом костюме Андрей женился. Теперь он ему немного маловат, зато выглядел, как новенький, в отличие от двух тёмных, в которых он ездил на конференции. Андрей почему-то хотел появиться в деревне именно в костюме. Сам не знал, почему. Может, потому что раньше в костюме всегда ходил учитель химии Иннокентий Павлович, и это казалось солидно. Что уложила в большую дорожную сумку жена, Андрей не знал и пока узнавать не собирался.

Вагон ему попался удачный. Сначала он ехал один на своей боковой полке, мог спокойно проститься с Москвой, хотя уезжал совсем ненадолго. Была у Андрея такая особенность: каждый раз прощаться с городом, из которого уезжал, словно уезжал навсегда. Думал, думал в такие минуты, нагонял на себя тоску, и становилось невыносимо тяжело. Тогда он открывал чекушку, спрятанную в сумочку от видеокамеры, и потихоньку выпивал её. После этого отпускало.

На первой же станции в вагон подседа весёлая компания, и стало ещё лучше. Три женщины и старик. По их разговорам Андрей понял, что познакомились они на вокзале и хотели выпить, но пить в поезде нельзя (с этим сейчас строго). Поэтому они поочередно рассказывали друг другу истории. Вернее, так: хотели выпить женщины, а старик сидел с ними за компанию. Мужики, если бы захотели выпить, то всё равно выпили бы, а женщины стесняются. И вот рассказывали истории. Одна из женщин часто вместо историй пела частушки. Если частушка неприличная, то она пела её тихо-тихо тоненьким голосом. Старик, когда смеялся, весь морщился, а редкие волосы на его голове дрожали.

Андрей тоже смеялся вовсю, круглое его лицо краснело от смеха. Он сидел, расстегнув пиджак, развалившись, упершись в спинку только лопатками и чуть выставляв ноги в проход. Одна женщина была очень похожа на жену Андрея, две другие тоже, но они немного старше.

Андрей слушал истории про медведей, грибы, ягоды, кошку, какую-то старую бабку, про мужика, перепутавшего в общей бане мужское отделение с женским. Сам он ничего не рассказывал. Да и зачем кому-то знать про холеру, про передачу грызунами опасных болезней или про очаги чумы в наше время. Можно было бы, но зачем пугать людей, пусть спокойно живут в стерильном мире и не знают, сколько вокруг всякой заразы, от которой можно умереть.

Наконец, рассказчики устали и не знали, что ещё рассказать. Старик повторялся, частушечница просто поджимала губы и отрицательно качала головой: “Совсем неприличная”, — говорила она и не пела. Но старик, словно заведённый, смеялся даже над этим. Иногда казалось, что он не в себе, а может, просто недослышит. Андрей понял, что женщины всё-таки успели выпить на вокзале, но чуть-чуть не хватило. Речь в компании пошла об алкоголиках, о том, кто, где и чем отравился, кто от этого помер. Стало скучно. Старик, расстелив постель, уже спал, иногда во сне вздрагивал, и казалось, что он смеется. Рассказывала, в основном, та женщина, что похожа на жену. Андрей, прислонившись левым виском к холодному стеклу, уснул на том, что после белой горячки человек может больше вовсе не пить, если его вытащить с какого-то порога, с которого он увидит что-то очень страшное.

Лето в небольших городках и в деревне намного ярче и чувствуется отчётливее, чем в Москве, где есть какое-то своё особое, московское время года, пятое. Оно борется и с весной, и с летом, и с зимой, и с осенью. Отчего всё как-то сглаживается, становится однотипным. В маленьких городках таких сил и амбиций, как в Москве, нет, поэтому они живут по-обычному.

Правда, если лето холодное или дождливое, то это уже и не лето вовсе.

В этом году июль стоял жаркий, немного пыльный, на солнце воздух чуть дрожал от жары и какого-то нетерпения, а в тени железнодорожного вокзала, где стоял Андрей, холодно до ощущения мёрзкого подвала. Около чугунной урны валялось несколько окурков. Посередке вокзальной площади — полосатая, под старину, столбовая верста с цифрой “0” наверху. Наискосок по площади прошла высокая красивая девушка в шортиках. Как-то очень сильно обрадовала Андрея эта девушка. Он глубоко вздохнул и глянул влево, где должен был находиться небольшой деревянный автовокзальчик. Он там был, только не деревянный, а каменный, выложенный из кирпича. И Андрею понравилось, как прямо на его глазах, вернее, где-то в голове, один вокзал перестроился в другой. Около вокзала, прямо на солнцепёке, стояла женщина в серой юбке по колено и сером пиджаке. “Учительница”, — решил Андрей и зашагал в её сторону. Чуть за вокзалом видны машины такси. Одна совсем в тени, а другая уже чуть высунула свой нос на солнце. Из неё вылез высокий мужик и крикнул:

— Куда ехать надо?!

Андрей ничего не ответил, ему показался очень неприятен мужик, и всё потому, что из-за него не удалось вблизи посмотреть на женщину. На такси он, конечно, не поедет. Деньги есть, но неизвестно, как там чего пойдёт. Банкоматов в деревне нет, и карточкой ни с кем не расплатишься. Он вошёл в прохладу автовокзала, не сразу определил, где касса. Пахло чем-то пыльным. Оказалось, что автобуса до деревни сегодня нет.

— Как это нет? — спросил Андрей. — Как это нет? — повторил ещё раз, прислушиваясь к словам, настолько они показались ему неправдоподобными.

— Два раза в неделю ходит: в понедельник и в пятницу. И то невыгодно. Может, вообще отменят, — сказали из-за мутного стекла.

Голос показался каким-то немного дефективным, и захотелось узнать, кто говорит: старушка или молодая девушка. Андрей даже заглянул в маленькое окошко, но так по-хорошему ничего и не рассмотрел.

— Что мне тут, две ночи ночевать?

— Не знаю, — засмеялись в кассе.

Андрей посмотрел в окно. На вокзальную площадь въехала белая машина с фургонном, попала передним колесом в яму, с лязгом подпрыгнула и остановилась, загородив собой нулевую версту. Из машины выскочил водитель в светлой рубашке и чёрных штанах, присел на корточки около колеса. Женщина в костюме стояла к автовокзалу спиной, и на неё можно было смотреть сколько хочешь. Чтобы поправить туфлю, женщина ловко приподняла правую ногу назад. “А мы с ней очень даже подходим друг другу. Она в костюме, и я в костюме”, — подумал Андрей и улыбнулся. Кассирша словно прочитала его мысли:

— Можете на такси поехать. Если четыре человека с разных поездов наберётся, то совсем недорого будет.

Андрей поправил ремень сумки на плече, одёрнул пиджак и пошёл к выходу. Уже около двери кассирша его окликнула:

— Стойте, стойте! Я знаю, знаю, на чём вам уехать. Погодите меня. Я сейчас к вам приду, сейчас закрою.

Андрей решил подождать, ему даже стало интересно посмотреть на кассиршу. Минуты через две она пришла. В тёмной длинной юбке, в серой кофточке, в тёмной косынке, словно у неё траур. И опять: понять её возраст сложно. В руках держала какой-то завязанный верёвочкой пакет. Черноволосая, совсем небольшого роста, глядела на Андрея снизу вверх и хлопала ресницами. Чего-то ждала, словно надеялась, что ей сейчас скажут: “Как вы хорошо выглядите”, — или даже: “Выходи за меня! Я давно тебя искал”. Но Андрей ничего этого не сказал, толкнул дверь: “Прошу!”

Кассирша легко выпрыгнула за порог и глубоко громко вздохнула.

“А может, это знакомая какая-то, с молодости, а я её не узнал”, — подумал Андрей, но развить свою мысль не успел — женщины в костюме не было.

— Тыфу ты! — сказал он.

— Что такое?

— Ничего уже.

— А знаете, на чём вы сможете уехать? Вон на той продуктовой машине, — засмеялась кассирша. — Она через вашу деревню поедет. Пойдёмте, пойдёмте!

Шофёр стоял около открытой дверки, опустив вниз большие тяжёлые руки и чуть откинувшись всем телом и головой назад. У него, наверняка, просто болела спина, но можно подумать, что все ему надоели.

— Привет, Витя! Вот, маме передашь, — она сунула в руки водителя пакет. Тот машинально взял, но всё смотрел на Андрея, чуть приоткрыв рот.

— А я тебе пассажира нашла до Реки. Увезёшь?

— В фургон, — ответил водитель.

— А может, место в кабине есть?

— В фургон. Товаровед поедет.

— Ну, я тогда побегу, — сказала кассирша, она, видимо, боялась водителя.

Тот положил пакет на сиденье и снова отрывисто сказал:

— Пошли. У церкви высажу.

Когда он открыл большие двери фургона, Андрей даже улыбнулся: среди продуктов, как какая-то королева, сидела женщина в сером костюме. Он забрался внутрь. У самого края коробка с водкой, бутылки стоят кверху горлышками.

— На ящик пустой садись, — сказал водитель и захлопнул дверь.

Стало совсем темно. В фургоне пахло хлебом, колбасой, ещё чем-то вкусным. Машина завелась и поехала. Но непонятно, куда везут: когда окон нет и темно, совсем теряешься в пространстве. Запах продуктов стал таким насыщенным, что, кажется, невозможно стало им дышать. Заныло где-то в животе, заболела голова. Андрей не ел с вечера. “Как газовая камера”, — подумал он. Раньше были такие машины: гибкий шланг от выхлопной трубы проводили в фургон, и люди постепенно задыхались от газов. А здесь легко захлебнуться от слюны. Глаза огляделись. Можно стало рассмотреть предметы, наверно, потому, что наверху между дверьми маленькая дырочка, пропускающая свет.

Рядом с Андреем светлели вытянутые ноги женщины. Он долго смотрел на них, зная, что в темноте не видно, куда он смотрит. Вдруг ему показалось, что женщина чего-то ждёт от него. Он повернулся всем телом, она, едва заметная, качалась на трясках из стороны в сторону. Андрей подвинулся ещё ближе и осторожно протянул руку. Когда оставалось только опустить ладонь на коленку, он замер. Решил, что вполне всё видно, если ничего не скажет — значит, можно.

Коленка оказалась гладкой, холодной и неприятной на ощупь.

— Куда?! — сказала женщина. — Вроде в пиджаке, а колбасу ворует.

— Тыфу ты! — Андрей уже отдёрнул руку и даже потряс ей, так ему было неприятно ощущение, которое осталось на ладони.

— Ты смотри, я Вите скажу, — она постучала по железной стенке фургона, но не очень громко.

Он не стал ничего отвечать, повернулся на ящике и стал смотреть в противоположную от дверей сторону. И вдруг был вознаграждён. Он любил это слово “вознаграждён”. И всегда говорил его, когда с ним происходило какое-нибудь чудо. На стенке в светлом пятне появились картинки: деревья, дома, машины. Это камера обскура. Большая, огромная. Свет проникает в фургон через маленькое отверстие, преломляется — и вот видны картинки. Только всё кверху ногами. Настоящий чистый эксперимент. В школе он делал такие камеры обскура из коробки, из пивной банки. А здесь можно сидеть внутри и смотреть. Несколько раз Андрей порывался сказать женщине, но боялся её и ничего не говорил. Наконец, когда дома очередной деревни стали настолько видны, что в подробностях можно было рассмотреть резные наличники, он не утерпел.

— Смотрите, видите картинки? Камера обскура.

— Чего? — спросила женщина.

— Свет преломляется, и мы видим всё, что происходит на улице, только в перевёрнутом виде.

Женщина ничего не ответила. Андрей встал и, сохраняя равновесие, не отрывая ног от пола, подобрался к двери. Он даже намеревался поставить пустой ящик и с него посмотреть в отверстие наружу, а потом закрыть его. Машина резко затормозила, и Андрей повалился навзничь, левая рука его оказалась больно загнута за спину. Попытался перевернуться набок, одно порывало его: что он не упал ни на женщину, ни в продукты.

Водитель открыл двери, а Андрей всё лежал, прижавшись щекой к грязному металлическому полу.

— Витя, проверь всё, а то этот хотел колбасу забрать.

Витя почти не посмотрел на ящики:

— Вылезай!

Яркий свет слепил. Видна грунтовая серая дорога, нагреваемая на солнце. От проехавшей машины всё ещё стоит пыль, она мелкая-мелкая и буквально висит в воздухе. Высокая крапива вдоль обочины тоже вся в пыли или, можно сказать, в песке. Андрей не сразу смог подняться. Наконец, он выпрыгнул, радуясь, что в темноте схватил колбасу, а не ногу, а то бы прославился.

Водитель молча закрыл двери.

— У тебя там камера обскура! — весело сказал Андрей, всё ещё радуясь своему везению.

— Чего?! — спросил водитель.

— Спасибо, говорю!

— Спасибо не булькает.

Андрей расплатился и подождал, пока машина уедет. Потом размял левую руку, пошагал немного на месте и оглядел себя. Костюм мятый, в пыли и муке.

— Как бомж последний, — чихнул от пыли, глядя на высокую крапиву. Охлопал брюки, снял пиджак, встряхнул и повесил на руку. Только после этого поднял глаза. Деревня ничего, жила, много было ярко крашенных домов.

Высокая крапива росла вокруг наполовину развалившейся церкви из красного кирпича. Рядом стояли покосившиеся сарайки и туалет — какое-то время в церкви располагался магазин. Среди крапивы на высоких столбиках красовался щиток с плакатом: “Восстановим храм Николая Угодника общца!” Внизу фотография церкви, какой она была раньше, и телефон человека, собирающего пожертвования. Окна и двери церкви заколочены светлой струганой доской. На крыше несколько заплат нового шифера. “Консервация”, — вспомнил Андрей. Он знал, что сейчас многие храмы консервируют до лучших времён, чтоб совсем не развалились.

Идти было недалеко, и он пошёл. Дома всё добротные, весёлые, трава около них, в отличие от той, что рядом с церковью, выкошена до низкого газона. Огороды ухоженные, почти на каждом из них современная магазинная теплица. Около ягодных кустов похожие на людей пугала. То тут, то там во дворах стояли хорошие дорогие машины. “Ещё говорят, что в деревне плохо живут”, — подумал Андрей. А он-то напялил пиджак, в котором когда-то женился. Какая глупость. Это, наверно, навязчивая идея из того далёкого времени, когда он хотел поехать домой в первый раз, а жена не отпускала.

— Дура! — сказал он, зная, что неправ.

Андрей чувствовал себя чужим, инородным. Он не подходил по костюму ни к деревне, ни к лету. Шёл, чуть склонив голову, но никто бы, наверно, его не узнал: идёт и идёт какой-то, ну, и ладно. Над головой кружились то ли слепни, то ли стрекозы. Правда, в ушах и без них от усталости и жары гудело. Около одного из домов попалась зелёная пальма с коричневым стволом — это из пластиковых бутылок. Около другого дома стояли большие цветные грибы, около третьего — расписные птицы. Наконец, Андрей встретил первого человека. Вернее, трёх. Впереди шла девушка с коляской, а за

ней — пожилая женщина. У обеих большие чёрные очки. Девушка в велосипедках и коротком топике с рисунком двух сочных яблок на груди. И Андрей сразу почувствовал, как сильно хочет есть и пить. На футболке у женщины по-английски большими буквами написано: “Я люблю быть дикой!”

“Кошмар какой-то”, — подумал Андрей. Но, повстречавшись с женщинами, спросил:

— А почему никого людей нет?

— Так жарко, — ответила молодая. — Все по домам отсиживаются.

— А это деревня Река? — спросил он ещё.

— Да, Река.

— Что-то обмелела наша Река? — сказал он весело.

— А вы к кому? — спросила та, что любит быть дикой, и сняла очки.

— А я проездом! — крикнул Андрей зачем-то. От его крика ребёнок заплакал, и он обрадовался, что ребёнок заплакал. Стало как-то легче. Пожилая сразу наклонилась над коляской, а молодая долго и, наверно, пристально смотрела на Андрея. Но тот не мог понять, что выражает её взгляд, — она так и не сняла очки и походила на огромную стрекозу.

Трава около дома скошена, и сено убрано. На месте огорода высокая картошка и красивые цветы. Стояло даже своё пугало: мужик в лыжном костюме, куривший трубку. Правда, пугало это казалось бесполезным. Тощее, пряталось в тени дерева почти у самого ствола. Одним отличался его дом от жилых — окна и двери его заколочены широкими досками. Мать переехала к старшему брату Андрея ещё лет семь назад, с тех пор, наверно, и заколочены. Хотя, когда трава скошена, гряды есть, приезжать, наверно, намного проще. А если картошку разрешат подкапывать, то вообще забот никаких — живи в своё удовольствие. “Это, наверно, дядя Лёня”, — подумал Андрей. Положил сумку на лавочку около дома, отряхнул пиджак, надел его и пошёл к соседу.

Когда-то у дяди Лёни было большое хозяйство, а теперь всё похирело, подрыхлело, краски словно смазал кто. Правда, огород хороший, большой, теплица, хотя и не покупная, но новая.

Андрей со скрипом открыл калитку на пружине и вошёл во двор, не сразу заметив чёрную собаку, прячущуюся в тени. Правда, собака тоже почти не обратила на него внимания: приподняла голову и опустила. Жарко ей, наверно. По огороду бродило несколько рыжих самодовольных кур, которые тоже не испугались. Андрей даже хотел хлопнуть в ладоши, чтоб побежали и закудахтали, но передумал. Поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Ему никто не ответил. Он подождал немного и вошёл внутрь.

Откуда-то из дальних комнат, темноты и прохлады появился дядя Лёня. Медленно-медленно, словно собираясь с мыслями, в накинутаой на голое тело белой рубашке. Постарел, но не сильно, чуть как-то оплыл, на ходу крикнул:

— Здорово!

А когда подошёл, поздоровался ещё раз.

— Ну, первым делом, с приездом! — он протянул руку для пожатия, раскрытой пятернёй вверх.

Андрей пожал приятную теплоту. Руки у соседа всегда были горячими.

— Пойдём-ка, москвич ты наш, покурим. Солнышко, наверно, уже с лавочки ушло.

Как только вышли на крыльцо, собака залаяла и долго не могла утомиться, рвала цепь. Дядя Лёня не пытался утихомирить её, спокойно сидел и курил, видимо, обдумывая, о чём поговорить.

Наконец, Андрей спросил:

— А как тётя Саня?

— А уехала в город. А мне что: баба с возу — коню веселее. Да и хозяйства у меня, Андрюха, больше нет. А куда? Вон всё хозяйство: эти яйценосы да цепная кобелица.

— Как зовут-то её? — спросил зачем-то Андрей.

— гадай-ка, — ответил дядя Лёня и потушил окурок в стоящую на земле большую жестяную банку с землёй и сухим остатком какого-то комнатного растения.

У Андрея отлегло. Наконец-то приехал домой, и можно отдохнуть. А то привыкал, привыкал, тренировался даже, чтобы не отличали от москвичей, а всё равно как-то отличают, определяют. Он прикинул в голове несколько кличек собаки и, зная, что не угадает с первого раза, сказал наугад:

— Стрелка!

— Стрелками теперь не называют. Улетели в космос. Угадай-ка.

Андрей посмотрел на собаку, которая стояла, вытянув морду в его сторону, прищурился, опираясь руками о скамейку, немного поёрзал туда-сюда задом и весело крикнул:

— Чернушка!

— Какая Чернушка? Ты чего? — грубо остановил его дядя Лёня. — Я же сказал: Угадайка. Так её и зовут — Угадайка.

Собака замахала хвостом и даже немного заскулила. Андрей тяжело вздохнул и спросил:

— А как деревня живёт? Я смотрю, богато?

— Чего богато? Это всё отпускники да пенсионеры, на лето приезжают. А зимой поиди поищи кого! Старший сын приезжал — тоже как твои — богатый. Стали скважину бурить. Крутили-крутили. Уже далеко проделали, метров семь. И вдруг дерево. Откуда там дерево, а? — он внимательно посмотрел на Андрея. Тот ничего не ответил, ему почему-то подумалось, что дерево — это не бревно какое-нибудь, а с листьями, например, берёза. Собака с шумом протащила цепь по земле, забралась в свою будку — похоже, она всё это знала. Куры тут же окружили её миску и стали клевать, гоня друг друга. В теньке, где сидели мужики, лениво кружило несколько комаров, настолько лениво, что их даже не хотелось прихлопнуть.

— Ничего, — сказал дядя Лёня, — на другой год сын обещал какую-то специальную пилу привезти, будет этак пилить, — он показал руками что-то непонятное. — Прделаем дыру. Всё одно прделаем.

— А можно посмотреть? — спросил Андрей.

— Чего посмотреть? Скважину? А зачем? Дыра и дыра. Вон, в малиннике. Я её ступицей от колеса закрыл, палку воткнул да флаг повесил, чтоб место не забыть.

В высоких кустах малины и в самом деле висело что-то цветное, но непонятно было, что.

— А я думал - ворон пугать.

— Ворон пугать! — сосед даже как будто обиделся. — Сын хотел сначала пиратский повесить. Но зачем это? Тогда он по интернету посмотрел: нашёл флаг с крестом. “Этот, — говорит, — можно”. Но я сказал: “Не дам!” Богохульство — с крестом-то. У нас, кстати, церковь хотели восстанавливать. Приехал какой-то, заагитировал людей. А денег мало собрали — только заколотили, чтоб не ползали, чтоб хоть чуток чего осталось. А агитатор этот после пропал вовсе. Но у людей зачесалось уже, и зачесалось-то где-то на спине, а хворостинки-то, чтоб почесать, нету. Так и чешется, — дядя Лёня, словно демонстрируя, сам схватился за спину. И стало заметно, что он всё-таки здорово постарел.

Андрей кивнул в знак своей догадки, что сосед постарел. А тот продолжал рассказывать:

— Тогда мы решили наш российский повесить. Только в магазине не оказалось. И купили французский — да и всё. Цвета похожие, только не так расположены. У нашего сверху вниз, — он стал глядеть мечтательно в сторону собачьей будки и медленно, но не до конца, загибать толстые пальцы.

— Бей-си-к — белый, синий, красный. А если снизу вверх, то КГБ — красный, голубой, белый.

Они помолчали немного.

— Не, чего там глядеть, — сказал дядя Лёня, видимо, ему тоже хотелось залезть в малинник и отвернуть ступицу. — Дыра и дыра. Ещё осыпется, потом нам работа лишняя. А про деревню я тебе сейчас расскажу. Чего у нас и осталось всех жителей — ничего. В этом году семь мужиков, почти одного возраста, как скосило. Эпидемия какая-то. Вот я знаю — ты работаешь в этом деле?

Андрей помолчал немного в ответ, чтобы объяснить попроще:

— В Противочумном центре.

— Ну вот, в прошлое лето меня сын на юг возил к своим знакомым. Там у них и коровы есть, и гуси. По десятку коров у хозяина. Пасутся там себе по лесам, по горам. Там у них горы. Ну вот, у соседа поросёнок сдох, ещё не сдох, посинел весь, и успели прирезать. Он стал мясо отдавать. Лето, куда с ним? Мы сначала не хотели брать, а потом взяли. Шашлыки, под пиво, под водку — отлично пошло.

Дядя Лёня сделал паузу и глянул на Андрея. Тот сидел, опершись руками о колени, смотрел на свои запыхлённые ботинки и слушал.

— Ну вот, приехали мы домой, а недели через две оттуда звонят: “У нас в районе дохнут свиньи, синеют и дохнут. Эпидемия. Утилизируем”. У меня аж челюсть отвисла. Я и им, и сыну такого матюга загнул. “Но если у вас до сих пор всё нормально, — значит, ничего страшного. Мясо прошло термическую обработку — и всё нормально”. Вот такая у нас история. Чего ты на это скажешь?

Но Андрей ничего не ответил, всё смотрел на свои ботинки, думать ему не хотелось. После поездки сильно устал и даже слегка подрёмывал теперь. Дядя Лёня решил, что наука на это ничего сказать не может, залихватски выдернул сигарету из пачки и закурил.

— А про деревню я тебе сейчас расскажу. Народу осталось немного. Деревня, она умерла. Нету её больше. А эти дачи, фермеры, это уже всё не то — пародия, одно издевательство. А если умерла, то что это такое вокруг? — он обвёл свой двор рукой. — Это кладбище. А знаешь, Андрюшка, как больно и неприятно живому ходить здесь, жить среди гробов и могил, вдыхать этот запах. Ты знаешь, наверно, трупная палочка. Поэтому все, кто может, сматываются отсюда в город к чёртовой матери. А кто остался — пьёт вино, поминает. А про наших я тебе сейчас всё расскажу, всё до копейки. Поговорить, Андрюшка, с живым человеком хочется. Младший летом со мной, приедет, поест и в телевизор уставится. А мне хочется рассказать о том, что думаю, да никто не слушает.

И начал рассказывать про каждого деревенского в самых мелких подробностях: кто куда ходил, что построил, сломал, сколько заготовил дров, кто что сказал про кого. Если кто-то умер недавно, то дядя Лёня рассказывал, как он умер, угорел ли в бане, запылся ли, погиб при пожаре. Рассказывал, как его хоронили, как копали могилу и как кто-то чуть не упал на гроб. Потом вспоминал, что предвещало смерть, находил какие-то почти незаметные мелочи. И получалось так складно, будто на самом деле можно легко узнать, кто умрёт. Не успокоившись, дядя Лёня начинал искать у живых людей признаки смерти и находил их.

Андрей давно уже его не слушал, всё так и сидел, опершись руками о колени и склонив голову. Дремал, иногда даже храпел довольно громко. Дядя Лёня не обращал на это внимания и говорил с вдохновением, с размахиванием руками, словно руки — это крылья, которые выросли недавно, и ими ещё надо научиться управлять. Сначала он рассказал от середины деревни в одну сторону, потом — в другую.

Время шло, куры убрели куда-то, собака дремала, прилетели комары, они кусали Андрея, но он этого не чувствовал. Солнце клонилось к западу. Стало прохладнее. Тени от дома убежали далеко в сторону, забрались теперь в малину. Солнце слушало дядю Лёню, но не могло видеть его напрямую, а ему хотелось посмотреть на этого человека. Поэтому оно во всю мощь своего глаза ярко глядело в запотевшее плёночное зеркало теплицы.

Наконец Андрей очнулся. Дядя Лёня толкнул его в плечо:

— Ирку-то Алёши-развалёхи помнишь?

Андрей очнулся и с трудом разогнул затёкшую спину, стукнулся затылком о стену дома.

— Помню, конечно. Мы с ней вместе учились.

Посмотрев на стукнувшегося головой Андреем, дядя Лёня загоготал неестественно. Угадайка выскочила из конуры и залаяла. По крыше сверху что-то покатилося и остановилось у самого края.

Дядя Лёня, послушав, как что-то катится по крыше, стал серьёзным:

— Ворона, наверно, на князьке сидела и кость долбила, а тут испугалась и выронила. Гуляет Ирка-то. Пока муж дома, то ничего, всё хорошо. А он вахтами работает. Как уехал — сразу к ней мужики откуда-то приезжают. А так всё Санечка, Санечка, шу-шу, шу-шу, мильи мой. Сама в другой раз в город съездит, билет купит. В городе не знаю, чего, но сюда мужики, как мухи, прут, откуда и берутся.

Андрей резко встал. Наверно, от этого стало нехорошо, а лицо словно загорелось.

— Гуляет? — спросил он.

— Гуляет, пока мужа нету.

— А я тут с женщиной в хлебовозке ехал. В костюме ходит. Ты не знаешь — кто?

— А кто её знает. Приезжая, наверно. Много их тут, женщин.

Андрей посмотрел на соседа, который сидел теперь в старой шляпе с полями и походил на гриб. Собака лаяла, через неё идти не хотелось, и Андрей пошёл напрямую к своему дому через малинник. В конце малинника стояло пугало в пиджаке. Андрей остановился.

— Поздоровайся, поздоровайся! — крикнул дядя Лёня. — А я-то думаю, почему, когда ты пришёл, моя сигнализация на тебя не залаяла. — И опять заготовал.

— А как же скважина? — вспомнил Андрей вдруг.

— А что скважина?

— Так дерево. Археологов вызывали?

— А чего дерево? Старики мне сказали, что тут раньше колодец был, овец поили. Так от него сруб, наверно, попался.

Андрей перелез через забор и прямо по грядкам картошки, назло притаптывавая ботву, добрался до дому. Взял сумку и медленно пошёл к калитке, всё ожидая оклика в спину.

Наконец сосед крикнул:

— Так ты всё, что ли, поехал?

— Да, — ответил Андрей и не знал, что ещё сказать. Повернулся как-то виновато в сторону соседа. Тот стоял около угла своего дома и правой рукой придерживался за стенку, словно у него приступ.

— А то бы сын увёз, у меня сын извозом занимается, пока здесь живёт. Моста-то напрямую нет, вброд придётся. Машины кругом ездят.

— Ничего, надумал уже.

Сосед хотел что-то ещё сказать, но не сумел. Андрей вышел в калитку, осторожно закрыл её, не глядя назад. Солнце толкало в спину. Вокруг от всего длинные-длинные тени. Впереди Андрея его тень в виде вытянутого уродливого человека. Ему вдруг стало очень радостно, что он уходит по прохладе, а не в жару. Со стороны казалось, что Андрей старается наступить на свою тень, поймать её, а она убегает, дразнит его, но убежать не может.

ОЛЕГ РЯБОВ

НЕ ЛЮБЛЮ ПАРИЖ

РАССКАЗ

“Не люблю Париж!” — эту фразу я услышал от моего доброго старого товарища Юры, объехавшего полмира и умеющего отдыхать, которому я похвастался, что впервые побывал в Париже. Он был не только уважаемым, но и достаточно состоятельным человеком; как пример тому могу доложить, что из двух “Майбахов”, которые тогда ходили по нашему городу, один принадлежал ему.

Наблюдая его за рулём, я понимал, как важно научиться вальяжно водить такую машину: мой друг не обращал внимания на светофоры, двойные разделительные полосы, регулировщиков и посты ГАИ. Он никогда не превышал установленной скорости, но если уж какие-то инспекторы задерживали его на этих постах, то он останавливался и подолгу мог с ними беседовать на самые посторонние темы, обязательно спрашивая о здоровье их родственников и с готовностью платил штрафы. Правда, это были не штрафы, а просто он давал им денег с просьбой передать привет начальству в ранге не ниже генерала. А на простой вопрос о том, кто ему выдал такие регистрационные номера, а номера у него были замечательные, мой друг наивно отвечал, что их ему просто-запросто у них в ГАИ и выдали. После чего умные инспекторы денег у него всё же не брали, а уважительно козыряли и желали счастливого пути.

РЯБОВ Олег Алексеевич родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт. В научно-исследовательском радиофизическом институте занимался проблемами внеземных цивилизаций. С 1968 года стал печататься в журналах “Наш современник”, “Нева”, “Север”, “Молодая гвардия” и др. Поэт, публицист, прозаик. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала “Нижний Новгород”, директор издательства “Книги”. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

Но не про него мой рассказ. Просто я хочу сказать, что этот мой товарищ любил и до сих пор любит всё самое качественное, добывается это и на этом строит всю свою жизнь. А в Париже, куда он со своей милой и замечательной супругой Танечкой заехал на несколько дней по пути домой с Лазурного берега, они, не задумываясь, зашли в какое-то центровое кафе и попросили всего-навсего бутылку хорошего шампанского и кисточку винограда.

— Когда мне был выставлен счёт за это удовольствие в восемьсот евро, я просто удивился, — с неприятной гримасой доложил мне друг, — у меня в подвале коробка этого французского шампанского “Поммери” стоит. Мне друзья в подарок прямо из Франции как-то раз по случаю привезли, а тут восемьсот евро. Не люблю я Париж — дорого там всё!

Лично для меня как для обладателя первой формы допуска секретности, которая была неприятным родимым пятном для многих жителей нашего закрытого города, до поры до времени Париж оставался недостижимой мечтой, небесным облаком, миражом. Будучи в командировках в Москве или в Ленинграде, в Риге или в Одессе, мы, носители неизвестных нам самим секретов, должны были сами же и следить, что бы в кафе или в ресторане к нам не подсадили за столик какого-нибудь иностранца. Мой товарищ по перу и носителю этого тяжкого бремени секретности Боря Бейненсон написал ещё в советские годы замечательное стихотворение “Мне никогда не быть в Париже”.

Но как судьба играет: уже в новое время и даже уже после того, как я впервые побывал в Париже, встретил я случайно Борю на Мытном рынке в овощных рядах, где мы с ним оба покупали лук и морковь. Я радостно приветствовал его, напомнил, что он пятнадцать лет назад брал у меня книжку Вересаева “В тупике”, которую до сих пор не вернул, и доложил, что побывал в Париже. Боря посмотрел на меня с обречённостью и печалью:

— Книжку, конечно, я должен разыскать и тебе вернуть, — пробормотал он с некоторым сомнением в реальности исполнения, — а вот в Париже мне всё же так и не побывать. Как поэт, я когда-то этот факт напроорочил сам себе.

— Что так? — спросил я.

— А работаю я сейчас в Федеральной кадастровой палате в Москве и являюсь носителем таких секретных секретов, что, по моему мнению, таких носителей вместе с проводами на пенсию надо сразу же расстреливать. Ведь я же знаю, сколько стоит вся моя Родина, за сколько можно её при желании продать вместе с Волгой и Байкалом. А ещё я знаю, где есть несколько десятков гектаров ничейной земли прямо на границе с Финляндией, и их тоже можно купить, в смысле — продать. А самое главное, и это уже шёпотом и по секрету, все эти знания позволяют мне прогнозировать планы Кремля, о которых в Кремле ещё даже и не предполагают. Вот так!

— А что, вообще-то хочется в Париж, Боря?

— Да, нет, уже и не хочется.

Вот так кончаются поэты!

Не уверен, но иногда кажется мне, что любой художник, поэт, драматург, артист, любой творческий человек хочет попасть в Париж! И не один раз за свою жизнь! Из легенд и сомнительных фактов созданная аура этой художественной, литературной и артистической Мекки заставляет сюда стремиться все творческие души. И не мифические д'Артаньян и капитан Мегрэ, киногерои Жана Марэ и Бельмондо манят со щемящей болью их всех сюда. Не сомнительная слава “родины всех революций” с реками крови, в которых тонули французские обезглавленные короли, дворяне и крестьяне, не развенчанный Наполеон и не разбившаяся принцесса Диана, а Дягилев с Лифарем, Ахматова с Модильяни, уличённые в кратком романе, Хемингуэй и Цветаева, якобы работавшие в одном и том же кафе над своими гениальными текстами, и, конечно, ночная Пляс Пигаль с красными пещерами порока, и вращающиеся крылья “Мулен Ружа”, и мазня сотен бездарных художников, сидящих с мольбертами на Монмартре и продающих тут же за гроши свои “шедевры” — вот тот сомнительный магнит.

Нет — не Лувр!

Не Лувр притягивает в Париж людей с творческой жилкой. Больших музеев с гигантским количеством собранных в них шедевров, с которыми невозможно ознакомиться даже при всем желании ни за день, ни за неделю, ни за месяц, на свете много. Я спрашивал у русскоязычного экскурсовода в Лувре и, скорее всего, представителя третьего поколения первой волны иммиграции: “А есть ли у вас Шишкин и Левитан?” К его глубокому сожалению, он впервые слышал о таких художниках, из русских мастеров живописи он знает только Айвазовского и Коровина, но их тоже нет в Лувре: не доросли. А узнав от меня, что Кандинский, Малевич и Татлин тоже русские, он очень удивился и, по-моему, не поверил.

Не “Джоконда”, к которой я остался абсолютно равнодушен, манит сюда людей искусства. Не на что там смотреть: в бронированном застеклённом кожухе, защищающем картину, всегда вы увидите отражение висящего напротив шедевра Паоло Веронезе “Брак в Кане Галилейской”. А сам портрет Моны Лизы и не рассмотришь толком — на открытках всё выглядит куда симпатичнее.

Вот могила Леонардо, бережно хранимая, на меня произвела хорошее впечатление, настолько она скромна: расположена в маленькой часовенке Сен-Юбер замка Амбуаз на высоком берегу над Луарой, и нет к ней никакой очереди! Я даже подобрал на память камешек с земли, в которой лежит гений, и лежит он на моём стеллаже рядом с моими любимыми книгами.

В первый раз я получил гостевую визу во Францию в качестве гонора за сомнительно выполненную работу. В самом начале 90-х группа “Рено” оформляла своё представительство в Нижнем Новгороде, и какой-то наш местный, но ответственный, а возможно, даже государственный, человек порекомендовал этим французам обратиться за помощью ко мне: хотелось им оформить офис нового представительства в русском национальном стиле. Совершенно не представляя себе серьёзности задания, с которым ко мне подъехали господа из Парижа, я посоветовал французским дизайнерам поставить в приёмной офиса вместо кресел три старых сундука с музыкой и покрыть их медвежьими шкурами. А дальше: донца прялок, хохломские братины и рыбацкие наборы из Семёнова, настенные панно из Городца, домотканые половики и подстилки. Я разошёлся и расфантажировался.

Я даже не мог подумать, что моя болтовня будет принята всерьёз. На следующий день французы встретились со мной и сообщили, что идея моя им понравилась. Они убедительно попросили меня помочь им приобрести три хороших больших сундука, на которых можно было бы сидеть, и три медвежьих шкуры. Я всё нашёл — им повезло. По ходу дела я объяснил французам, зачем в сундуке играет незатейливая, но тревожная мелодия при повороте ключа, — конечно, для того, чтобы хозяин, который после обстоятельного обеда задремал на втором этаже в своей опочивальне, услышав её, сразу же проснулся и забеспокоился.

Договор я с французами не заключал и идею оформления помещения высказал между делом, а отблагодарить моим новым друзьям меня очень хотелось. Я, не задумываясь, сообщил им, что хочу в Париж. Притом я сказал им, что мой брат физик-теоретик по договору читает лекции в Сорбонне и может мне выслать гостевое приглашение. Французы оказались очень ответственными ребятами и, сняв с меня все заботы по оформлению визы, так постарались, что через две недели я уже был в Париже.

Первую пару дней жил я у брата, который снимал небольшую квартирку почти в центре Латинского квартала на улице Паскаля. В день приезда, встретившись с ним вечером, я доложил, что за день выпил в разных кафе на набережной три чашки кофе, и каждый раз платил за него двадцать франков. Брат строго отругал меня, сообщив, что у стойки кофе стоит пять франков. Так я впервые столкнулся с официальной оплатой услуг в сфере торговли, которой у нас в стране ещё не было, и мне это не понравилось — чаевые мне нравились больше.

Потом я на неделю снял угол у старой-престарой старухи в том же доме, где жил брат, но этажом выше: так было нам всем удобнее, потому что

я с неудержимой страстью бросился за впечатлениями и болтался по Парижу и день, и ночь. У этой старухи, так же как и у брата, спал я на полу, на всё том же самом братнином надувном матрасе. Будучи бывшей учительницей русского языка, плату за проживание деньгами моя хозяйка отказалась с меня брать, пожелав заниматься со мной русским: я должен был каждый день по часу разговаривать с ней по-русски. Но на этом выиграл и я сам: старуха согласилась поводить меня по ночному Парижу и показать остатки старинных королевских замков четырнадцатого века в районе Маре.

Ночные прогулки со страшной ведьмой, плохо говорящей по-русски, по тёмному туманному средневековому городу — это мой первый Париж. Мне тогда ещё показалось, что моя хозяйка специально не выходит днём на улицу, чтобы не смущать прохожих, которые будут непременно останавливаться, чтобы посмотреть на безобразное и притягивающее взгляд её лицо: люди любили подсматривать за всякими уродствами. И когда своим скрюченным пальцем она указывала мне на тёмные окна, подсказывая, что вот там жила миледи де Винтер, а в окнах над нею жил Виктор Гюго, то у меня голова начинала кружиться. А старуха уже тянула свою руку куда-то в сторону острова Сите, где во тьме угадывался собор Парижской Богоматери, и вещала: “А вот там — дворец Ротшильдов, наших парижских Ротшильдов. Только сегодня почему-то окна не горят, — наверное, опять уехали к своей родне в Англию”.

Неделю у старухи я не прожил. Мой брат уезжал домой, в Россию, и старуха тоже покинулась важной особой: заявила вдруг, что уезжает куда-то к родственникам.

Несмотря на то, что я всего несколько дней провёл с братом, он успел меня предупредить, чтобы я никогда не ездил в определённые районы, где компактно проживают арабы, и он мне их перечислил, а также, чтобы я не носил мою любимую красивую фланелевую куртку с надписью “СССР” на спине, которую мне подарил знакомый тренер сборной страны по фристайлу, — могут побить.

Я срочно бросился искать себе жильё в гостиницах. Эти грязные и тесные микро-гостиницы Латинского квартала ошеломили меня ещё и несопоставимыми с их убожеством ценами, пока я не понял, что для местных проституток цена не имеет такого уж большого значения.

Мне пришлось выучить по-французски одну фразу, которую я помню до сих пор, — “же шерш ун шамбр пур муа”. Не знаю, как меня понимали служащие этих крошечных странных учреждений, но номер я для себя нашёл. Комната была площадью не больше шести метров с раковиной, тумбочкой и кроватью — всё! Удобства и душ оказались общими и находились в конце коридора. От моего окна до стены соседнего дома — метров пять, не больше. Зато голуби с узких карнизов и с провисающих проводов регулярно слетали на мой широкий подоконник, чтобы проявлять свою галантность по отношению друг к другу, и это радовало.

Во внутреннем дворике моей гостиницы, куда я регулярно попадал, чтобы пройти на соседнюю улочку в продовольственный магазин за булочкой, сосисками и бананами, которыми я питался каждый день, существовало непонятное сообщество, членом которого я бы назвал просто алкашами, но может, это были апаши или клошары — не знаю. Только каждый день они требовали у меня с утра десять франков, один из них просто протягивал мне руку, я клал туда монетку, и он без улыбки, очень серьёзно зажав её в кулак, уходил. Меня предупредили, что в Париже можно пить вино по цене от тридцати франков за бутылку и дороже, но мой подопечный умудрялся обходиться вином за десять.

А почему я выбрал для себя такой режим питания — объясню. Первый и последний раз в своей жизни я зашёл перекусить в “Макдональдс” в Париже, и я отравился какой-то дрянью; больше я никогда в “Макдональдс” не заходил ни в одной стране мира. Личный опыт подарил мне это железное правило. Хотя многие мои друзья считают, что этот вид общепита — настоящая палочка-выручалочка.

Ещё очень любопытную загадку я сам себе загадал, на которую не мог долгое время ответить и которую мне расшифровал снова брат. Первым местом, куда мне хотелось попасть в Париже, было кабаре “Мулен Руж”. Я помнил, что знаменитый американский бандит Аль Капоне пытался заполучить к себе в Чикаго это варьете, чтобы оно украсило его день рождения, предлагал миллионы, но не сумел, — “Мулен Руж” работает только в Париже. И вот после того, как я там побывал и увидел самых шикарных женщин в мире на службе, я стал обращать внимание на парижанок. Увы — глубокое разочарование постигло меня! Но, возможно, это разочарование, вызванное ожиданием, возникло на пустом месте, а истина справедливее и красивее.

Во всех маленьких магазинчиках, тех, что называются “в шаговой доступности”, в которых я обслуживался, — в булочных, овощных, продовольственных — я сталкивался с местными жительницами, домашними хозяйками, которые спустились из своих квартир, чтобы сделать необходимые покупки. И вот они стоят с сигаретами в руках, разговаривают между собой, как и наши русские голубушки-соседки, но... Одна — в бигуди, кое-как заправленных под платок, другая со спущенными наполовину гольфами, третья в расстёгнутом домашнем халатике, и хорошо видны и её синий бюстгальтер и такие же синие трусы...

“Как же так?” — задавал я себе не раз в те дни вопрос. А где же знаменитые и неотразимые своей свежестью, своим очарованием парижанки? Почему они позволяют себе в таком непотребном, неприглядном, неряшливом виде выходить из дома? Тут было не очарование, а полное разочарование. А кто же те красивые женщины на бульварах и на набережных? Я видел, как они выходят из дорогих авто, как им открывают швейцары двери в дорогие отели. Кто они?

Да это туристки и проститутки!

А настоящие парижанки — они вот такие, и они не собираются приукрашивать себя обманчивой ложной красотостью, подводить помадой губы, карандашиком — глаза, припудриваться, специально как-то одеваться — всё это удел и ремесло девушек из “Мулен Ружа”. Парижанка на улице хочет выглядеть так и вести себя так, как она ведёт себя дома. Этим парижанки в корне отличаются от наших русских домашних хозяек, которые два часа готовы потерять перед зеркалом, припудриваясь и подбирая кофточку, чтобы сходить в магазин за картошкой.

Определённый парижский тип мужчины в малиновом или даже жёлтом пиджаке, с шёлковым ярким платком на шее, который я выделил для себя в свой первый приезд, меня тоже не порадовал. Этих мужчин в ярких пиджаках или в “брюках в полосочку” я встречал в парижских жилых кварталах на каждом шагу, и таким своим прикидом они также резко отличаются от наших утренних небритых русских ребят, обречённо стоящих в домашних тапочках, застиранных трениках и выгоревших майках у ближайшей пивной. А вот в последующие свои приезды в Париж я как-то потерял его из виду, этого классического, по моим меркам, парижанина.

В общем-то и некоторые другие картинки, смутившие меня, находили в устах моих оппонентов довольно сомнительное объяснение. Под землёй, на станции метро, прямо рядом с остановкой поезда, лежит пьяный парижанин в своей собственной блевотине, и никого это не смущает. А через несколько дней я вижу такого же спящего пьяницу на тротуаре, в пяти метрах от входа в мою гостиницу, и опять это никого не волнует. Брат объяснил мне, что эти свободные люди живут в свободной стране и ничего не нарушают: они имеют право ходить, сидеть и спать на тротуаре, потому что тротуар — не частная собственность, а муниципальная, общая, а они не шумят, не буянят — им так нравится жить.

Чтобы с этими комментариями к увиденным парижским картинкам покончить, скажу, что “Мулен Руж” меня потряс напором своей эротики безудержной, но безопасной. Я бывал и в Большом театре, и в Мариинском, и видел работу театра Баланчина “Нью-Йорк Сити балет”, но ни разу ещё мне к тому времени не приходилось видеть настоящее эстрадное шоу.

Правда, через несколько дней я уже несколько поостыл. В Тургеневской библиотеке, этом “русском клубе” Парижа, куда я зашёл, чтобы просто отметиться, неожиданно попал на выступление Сергея Сергеевича Аверинцева: он читал свои стихи. После выступления я ещё имел возможность обсудить с ним возможность издания на русском языке книги Жеребцова “История цивилизации в России”, к которой он готов был написать предисловие и быть редактором издания.

Сергей Сергеевич предварительно предупредил нас, слушателей, что цикл стихотворений, который он будет читать, написан им с предполагаемых позиций средневекового монаха-схоластика, его средневекового мировоззрения, и надо этот момент постараться учесть. Психология, информационный багаж, эмоциональный набор, возможности выбора личной позиции у средне-статистического человека в разные века очень сильно отличались, и это надо понимать, когда ты пишешь литературное произведение, связанное с другой исторической эпохой.

На этом же вечере я встретился и познакомился с некой молодой и приятной дамой. Она была по происхождению русской, работала в каком-то парижском издательстве и занималась переводами начинающих поэтов с французского на английский и наоборот. Звали её Лена. Так вот, Лена была в ужасе от состояния современной стихотворной школы Франции:

— Если эхо великой французской поэзии начала двадцатого века от Артюра Рембо через Гийома Аполлинера, Блеза Сандрара и Поля Элюара ещё и докатилось до нашего времени, то это только эхо. Потому что все тексты современных стихоплётов не только на подстрочнике, но и в первобытном естественном авторском состоянии представляют собой набор банальных зарисовок: “Я поехала к бабушке в деревню, она сварила варенье из абрикосов. Это очень вкусно”. Вот такая поэзия. Я понимаю, что мне, современнице Пастернака, Ахматовой, Бродского, носителю их языка, трудно — есть с чем сравнивать.

Ещё интереснее в информационном плане оказалось то, что Лена некоторое время работала в кабаре “Фоли-Бержер”, а вот пять лет назад вышла замуж, родила дочку и живёт с мужем-французом в Париже.

После вечера, уже на улице, по пути к метро, я задал Лене смущавший меня вопрос про обнажённых девушек в кабаре. Моя новая знакомая рас-смеялась:

— На нас было всегда такое количество грима, туши, пудры и прочей косметики, что и клочка чистой кожи не оставалось, мы были, скорее всего, похожи на рыцарей в латах. Ни о каком смущении не могло быть и речи — это были не мы!

Был я после, уже через несколько лет и в другом шикарном кабаре “Лидо”, но никакого восторга и повышенного возбуждающего впечатления у меня не осталось — так, показалось, что всё это я уже видел. Да так оно и было. В этом, наверное, отличие произведения настоящего большого искусства, которым можно наслаждаться много-много раз и всю жизнь, повторяя встречи с ним, от великолепной шикарной поделки, разобрав которую, можно понять, как она сделана.

Может, я не люблю Париж потому, что сразу встретил здесь очень много новых факторов, которые не смог сразу принять. Хотя я, например, сразу понял, почему одни и те же кроссовки, одной и той же фирмы и в одинаковых упаковках стоят в стандартном универмаге “Тати” пятьдесят франков, а на блошином рынке Монтрё я видел их в такой же фабричной упаковке за пять франков. Но мне как брату профессора кроссовки на блошином рынке за пять франков было запрещено покупать — я обязан покупать товары в торговом центре “Тати”. А вот в элитном магазине на Елисейских полях, в который я заглянул случайно, просто гуляя, просто от безделья, где журчат по художественно оформленным домашними растениями желобкам искусственные ручьи и летают попугаи, а меня бросились обслуживать сразу три барышни, предлагая и соки, и кофе, я сразу разглядел в витрине такие же кроссовки, в такой же упаковке, но уже за двести пятьдесят франков, и их уже должен будет покупать господин Березовский.

Так решается поддержка малообеспеченных слоёв населения. И своё место в обществе каждый должен сам для себя уяснить. Если человек с высокими доходами ищет возможность купить товар или услуги так, чтобы сэкономить, то у него ещё пока есть проблемы, и он не готов жить в нормальном буржуазном обществе. Человек с высокими доходами не имеет права покупать товары с социальными скидками, потому что количество их ограничено! Но ещё очень долго наши состоятельные русские граждане будут искать, “где дешевле”, нужно время, чтобы наше социалистическое общество по-настоящему расслоилось. В Париже с этим строго. Брат мне сразу пальцем показал магазин, в котором я должен буду покупать подарки для супруги и для дочерей.

Мне вспомнился случай, когда моя больная мама попросила меня съездить в специальную социальную аптеку и купить ей лекарство, которая она там уже заказала по телефону. Я сел за руль и поехал на другой конец города. Зайдя в ту указанную мне аптеку для больных и нуждающихся пенсионеров, увидел я на скамейке с сидящими и ожидающими своей очереди старухами, мою пожилую знакомую, соседку по дому. Я только что, этим утром, дал ей пятьсот рублей на лекарства: у неё не хватало, и она честно призналась мне в том и попросила.

Она со мной поздоровалась. Как же мне было неудобно! Я развернулся и вышел. Купил я лекарства маме в нормальной аптеке, пусть и значительно дороже.

Раз я заикнулся про блошиный рынок, то хочу сказать, что там я столкнулся ещё с одной моей проблемой, которую мне не удалось исправить при всём желании. На этом блошином рынке Монтрё я, как старый букинист, поинтересовался у одного из торговцев книгами ценой на лежащее у него на раскладке прижизненное издание Дюма “Записки врача” 1852 года в чуденьком сафьяновом переплёте с приятными иллюстрациями. Спросил я по-английски, на что продавец выхватил у меня книгу из рук и засунул её в коробку, отвернувшись демонстративно от меня. Я выругался по-русски матом, предварительно обозвав продавца идиотом. Продавец обрадовался и заулыбался, услышав русскую речь.

— Ты русский? — спросил он у меня по-русски.

— Русский, — ответил я.

— А я армянин, но мы, французы, не любим, когда у нас здесь говорят по-английски. Мы не любим англичан. Ты не говори по-английски, говори по-русски, кто-нибудь да поймёт.

Книжку я не купил, хотя она была очень дешёвая — сорок франков, это восемь долларов.

Посещение кладбища — дело интимное. Я, впервые приезжая в какой-то город, считаю своим долгом посетить местное кладбище и базар. Это точки, в которых живёт правда, они всегда честно расскажут тебе о жителях этого города. На кладбище и дворник, и генерал равны в своих чувствах и возможностях.

Пока я не побывал на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, я не мог понять выражение “Париж — русский город”. И в этом меня не мог убедить ни наш Александр Третий, который подарил Парижу самый красивый мост через Сену, ни наш Александр Первый, который, в 1814 году войдя в Париж, велел своим казакам не трогать шедевры Лувра и, упаси Бог, не растаскивать их по своим деревням. Пусть тут стоят и висят, наши русские люди всегда смогут сюда приехать и полюбоваться.

Так вот — про кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Удивило меня и даже поразило живыми, яркими, сочными красками надгробье Нуреева, выполненное в виде восточного ковра по проекту его друга Энцо Фриджеро, и постоянно меняющиеся фотографии танцора на надгробье, которые приносят поклонники. И ещё многое что! Но ведь я видел и трогал руками и надгробье Тимура в Самарканде, и надгробье Хеопса, а тут что-то заставило меня о нём задуматься, об этом кладбище. Нет! Не огромное количество белогвардейцев, этих русских солдат, оставшихся здесь навсегда: это их судьба, в судьбе любого солдата заложена глубокая возможность

успокоиться навсегда в чужой земле. А вот тысячи моих соотечественников, которые мечтали уехать в родную землю, а нашли последний приют здесь... Вот что меня поразило.

Я сидел на мраморном краешке могилки Ивана Алексеевича Бунина и грустил. Курил и грустил. И Бунин, и Галич, и Мережковский, и Андрей Тарковский — они все мечтали о Родине.

Мимо проходила дородная женщина, эдакая здоровенная колхозница-доярка-мордовка лет тридцати, она тащила за руку десятилетнего сына и грязно ругалась по-русски. Мальчик с кругленькими, близко поставленными глазками, очевидно, был болен — солнечный ребёнок. Женщина ругала ребёнка чуть-чуть нежнее, чем мужчину, который плёлся за ними, рассеянно поглядывая по сторонам. Мужчину она просто поливала! Тот не обращал внимания.

— Ты русский? — внезапно спросила она у меня, остановившись.

— Да, — ответил я, не ожидая этого внимания.

— Понимаешь, я десять лет за ним замужем, и он за это время не выучил ни одного русского слова. Ничего не понимает! — она вновь обернулась на своего мужа и вновь грязно по-русски обругала его.

— Понимаю, — ответил я, хотя и ничего не понял.

Конечно, Сен-Женевьев-де-Буа — это не Париж, а в Париже каждый день восстания, пикеты, забастовки, демонстрации, а то и революции — то против бомбардировок Югославии, то “жёлтые жилеты” требуют убрать камеры-регистраторы с дорог. Когда я уезжал из Парижа, жители города опять протестовали, не помню точно, против чего, — может, против расстрела Белого Дома в Москве, а может, против войны в Алжире, которая закончилась к тому времени уже давным-давно.

В день перед отъездом я снова, по непонятному для меня до сих пор внутреннему зову, забрёл в Лувр. Посетить зал, где висела Джоконда, я даже не смог — мне плохо стало уже при одной мысли об этом. А вот, прилетев в Москву, прямо из аэропорта я поехал к моему другу Юрию Паркаеву в Староконюшенный переулок и, конечно, поделился с ним всеми своими парижскими впечатлениями. Но особое место я уделил своему неудачному общению с известным произведением гениального Леонардо.

Что удивительно — Паркаев вспомнил и рассказал мне, как он тридцать лет назад, выставив многочасовую очередь в Пушкинский музей, попал на просмотр привезённого в Москву шедевра; портрет Моны Лизы он видел. И так же, как и у меня, после встречи с работой великого Леонардо у него долго болела голова. Юра даже попробовал объяснить этот эффект по-научному: мол, картина заряжена отрицательной энергетикой, и никакого чуда больше в ней нет. В тот вечер, который мы с ним удачно провели в ресторане ЦДЛ, он пообещал мне никогда не ездить в Париж. И действительно — после той нашей встречи он почти каждый год стал ездить летом в Италию.

Я как русский человек никаких зарокос давать никому не стал: Чехов не рекомендовал этого делать русским людям. И вот спустя несколько лет, в преддверии какого-то очередного юбилея моя супруга озвучила мне своё единственное желание: в качестве подарка на день рождения она хочет получить поездку в Париж. Желание любимой женщины для нормального мужчины — закон.

И вот мы в Шереметьевском аэропорту стоим в очереди к регистрационной стойке за Аликом Кохом, бывшим председателем комитета по управлению государственным имуществом всей России. Этот когда-то сильно неуважаемый всей страной человек находился к тому моменту незначительного, но довольно тесного нашего общения в очереди уже под следствием, что наводило меня на мысль, что он решил просто слиться навсегда из страны, и, как оказалось впоследствии, был я не прав. Алик довольно экспрессивно разговаривал с кем-то по мобильному телефону, которые только-только начали входить в моду, быстро вытесняя примитивные пейджеры.

А уже после обеда мы заселились в отель “Гран опера” — это в самом центре Парижа, как и хотелось моей супруге. Отельчик плохенький, но хотелось ей в свободное от централизованно запланированных экскурсий время

побродить по старым улочкам и набережным Парижа: у неё уже целый план таких маршрутов и мероприятий был составлен.

Стояла ранняя весна, каштаны ещё не зацвели, но уже всюду зазеленели, и в воздухе этой парижской весной просто пахло. Мы бросили свои вещи в номере и спустились в вестибюль гостиницы, где должны были встретиться с нашим будущим гидом. В ожидании его мы вышли на улицу, чтобы просто всеми лёгкими вдохнуть этот парижский воздух. По проезжей части улицы тёк ручей, я бы даже сказал, что это была небольшая речка: где-то прорвало канализацию, точнее — засорилась она где-то. Это проблема всех старых городов с изношенной системой подземных коммуникаций — вот такие речки из фекалий вдоль тротуаров. В нашем родном городе тоже эти речки регулярно текут, и с ними борется городская “Водоканал”, а может, и ещё какие-то серьёзные службы. Любопытно, что эти канализационные стоки везде пахнут одинаково, и совсем не каштанами.

Но у этого пахучего парижского потока оказался и один небольшой плюс. Прямо на наших глазах, прямо перед нами, выйдя из такси на другой стороне улицы и переходя её, попытался перепрыгнуть этот вонищий ручей (не поверите!) господин Борис Березовский. И не получилось у него — не перепрыгнул. Березовский прыгнул, недопрыгнул, вступил одним ботинком в ручей и выругался. Стоящие возле входа в отель зеваки поаплодировали Березовскому. Через пару минут мы могли его наблюдать сквозь стеклянную витрину уже сидящим в ресторанчике нашей гостиницы. Он оживлённо жестикулировал и даже махал руками, что-то объясняя своему собеседнику.

Чтобы покончить с этим немаловажным аргументом, поясняющим мою нелюбовь к Парижу, надо отметить ещё два мелких штриха, случившихся с нами в тот день и на следующие.

Безумное количество гуляющих с хозяевами собак. Все парижане выводят своих питомцев гулять в одно время, и все собаки гадят в это время прямо на тротуар. Есть хозяева более-менее стыдливые, и тогда они ходят с совочком и с пакетиком, убирая за своими братьями меньшими. А большинству парижан на этот факт наплевать — они платят налог за своих домашних тварей, и власти должны сами заниматься решением этой проблемы. Решают, но не всегда успевают, и иногда так вляпаешься, что приходится возвращаться домой, в смысле — в номер гостиницы, чтобы переобуться.

Злил меня этот фактор сильно. Я даже иногда стал присматриваться к парижанам, гуляющим с собаками: любопытно стало — какие они. Вот идёт крупная негритянка (очевидно, что прислуга!) с огромным псом: то ли кавказец, то ли сенбернар, телёнок какой-то — не разбираюсь я в этих породах, но весу в нём под сто килограммов есть. И в негритянке сто килограммов есть, и даже больше, при росте сто шестьдесят. Это же надо видеть, как они друг друга презирают и даже ненавидят, и смотрят в разные стороны. Она в сандалиях на босу ногу, курит сигарету через длинный мундштук, а пёс батон в пасти несёт, багет этот французский, метровой длины, перераживая им половину тротуара, и картинка вырисовывается совсем комичная. Батон он собирается съесть, и вот они, и пёс, и негритянка, выбирают место поуютнее для такого важного процесса.

Да что же я про собак-то? А то, что вступил я в тот вечер в то, во что вступать не следовало.

А ещё — на следующий день было Вербное воскресенье, и мы с супругой пошли на службу в храм наш православный Александра Невского. Вручил мне во дворе при входе в храм какой-то любезный мальчишка вместо вербы веточку незнакомую. Говорит, что самшит. Стоим мы на службе в храме — народу прилично, но не тесно, не толкаемся. А только всё равно наглец один нашёлся: прёт, раздвигая локтями людей, куда-то прямо к царским воротам, словно чего там забыл. Жену мою толкнул. Я его обозвал шёпотом — уж не буду говорить, как! А он обернулся с извинениями, и я увидел, что это Собчак. Да-да, Анатолий Собчак. И он так же в тот момент находился под следствием.

Все они, что ли, которые под следствием, в Париж едут!

И ещё один любопытный факт я выяснил для себя в тот день. Прямо

напротив нашего православного храма Александра Невского располагается маленький антикварный магазинчик, и о нём надо вспомнить, потому что...

Вечером я спросил у нашего гида по поводу парижских знаменитых антикварных магазинов и лавочек, и получил от него немного смутивший меня ответ, наполненный удивившими меня фактами. В Париже около полутора тысяч антикварных магазинов, причём только два из них торгуют русской стариной: иконами, фарфором, книгами, картинами. То есть все эти легенды про бешеный спрос на русские иконы за границей — голое враньё: русские иконы тут никому не нужны, так же как и русская живопись, и русские матрёшки. А вот африканскими деревянными масками торгуют пятнадцать магазинов, а почтовыми марками — триста!

Конечно, посетили мы и букинистов на набережной Сены, поковырялись в их железных ящиках. Сразу поняли, что это клуб, в котором интересно присутствовать лишь при условии, что ты всех знаешь или тебя все знают и тобой интересуются. А так! Ничего любопытного в этих ящиках металлических нет, кроме наборов полупорнографических открыток и игральные карты. Купил я, смеха ради, на память маленький рекламный буклет, оформленный в стиле “пин-ап”. Есть что-то общее с нашим плакатным стилем “сов-арта” шестидесятых.

От глупой и лёгкой на первый взгляд и ни к чему не обязывающей болтовни с Никитой Струве в магазине русской книги я получил куда большее удовольствие, чем от этих букинистических ящиков.

Потом мы поехали по их французским деревням замки смотреть: есть очень солидные, а некоторые — так себе. Наш Шереметьевский в Юрино на Волге, и даже Воронцовский в Крыму (хотя он и послабее) могут потягаться с этими французскими. Только вот дёрнуло же наших туристов и мою супругу в том числе попить их местного французского домашнего вина, пару кувшинов которого в какой-то деревне щедро выставил на стол хозяин местной харчевни, где мы обедали. Я мудро не стал этого делать, помнил наказ опытных людей — не пить в Париже дешёвых вин, а вот все мои коллеги по этому туру, я думаю, навсегда прокляли французское гостеприимство и французские домашние вина. Хотя кто-то мне сказал, что у них, у французов, просто желудки другие.

Моя супруга зареклась.

Заметил я ещё, что население Парижа меняется очень резко. Если буквально пять или шесть лет назад мой брат перечислил три пригородных района, где компактно обитали арабы и которые посещать не следует, то в этот наш заезд гид предупредил, чтобы мы по вечерам вообще по маленьким улочкам не бродили: бывают случаи, что арабы балуются, и можно остаться без кошелька или без зубов. Агрессивность их повысилась. Так и сказал! Арабы — ладно, но он нам не сказал ничего про забастовки и демонстрации, а Париж бурлил. Несколько дней по центральному улицам нельзя было пройти — парижане возмущались бомбардировками, которым НАТО подвергло Югославию. Я подумал о сознательности парижан и о том, что, если бы вышел у себя в Нижнем Новгороде пикетировать такое событие, то меня бы за сумасшедшего точно приняли.

Опять снился Париж: катаемся на лодочке по озеру мы с моим добрым знакомым, главным библиофилом страны, на вёслах, а мужик какой-то на корме сидит и нами командует. Я этого мужика не знаю, но библиофил мне на ухо сказал, что это московский министр культуры. И вот проплываем мы мимо пристани маленькой, даже дебаркадером не назовёшь, а на пристани вывеска “Париж”. Всё!

Уже потом я сообразил, что мы все трое самым непосредственным образом земляки.

Кто меня сосватал на парижскую книжную ярмарку поехать — не знаю до сих пор. Просто в списках делегации себя увидел, когда мне этот список прислали. А потому ни подготовиться, ни отказаться не имел возможности: непонятно, кто меня туда включил и кому я там нужен, да и уровень делегации такой, что тут не откажешься. Просмотрел список членов делегации:

весь цвет литературы современной России, даже перечислять не буду. Даже стыдно от того, что в такой компании оказался, ни я ни с кем не знаком, ни меня никто не знает. Хотя один земляк есть. Решил я держаться к нему поближе, чтобы какой-то важный момент не упустить.

Поселили нас всех в приличном отеле наконец-то, в центре, рядом с храмом Святой Марии Магдалины. Из окна номера видны красные крыши Парижа, постельное бельё идеальное, бар забит спиртным, замысловатой французской выпечкой, телевизор работает, холодильник тоже.

Я сразу же хотел пойти на выставку севрского фарфора — в планах такое было. Но земляк мой подавил меня своей активной настойчивостью, и, захватив с собой московского писателя Илью, мы пошли в гости к Ване Соллогубу, замечательному молодому, но уже зарекомендовавшему себя как талантливый русскому парижскому художнику. С Ваней была договорённость, и он земляка ждал.

Когда вам исполнится семьдесят, не пытайтесь получить удовольствие от прогулок по городу с молодыми сорокалетними, спортивного склада мужиками — только трата здоровья и никакого удовольствия. Я не рассчитал свои силы, когда согласился на их маршрут. Сначала мы в темпе поднялись от гостиницы к храму Сакре-Кёр по каким-то незнакомым крутым улочкам, выкурили там по сигарете и побежали по ступенькам вниз. Ваня Соллогуб должен был дожидаться нас где-то тут на ступеньках. Я не ожидал от моих друзей такой безалаберности в смысле договорённости о встрече. Но Ваню мы встретили. Он сидел на бетонном парапете в полугоре от храма, с каким-то безразличием обнял нас всех троих и заявил, что ждёт уже час.

Мы купили вина, за полчаса добрались до Ваниной мастерской, где земляк с Ваней стали обсуждать его, земляка, недописанный портрет, Илья — пить вино, а я — их всех фотографировать. Ничего интересного в мастерской этого русско-французского художника я не разглядел и не выяснил, кроме того, что он, оказывается, является прямым наследником Оболенских, Лопухиных, а также писателей Михаила Осоргина и Бориса Зайцева.

А ещё от Вани я с удивлением узнал, что его любимая книга “Война и мир”, но читал он её на французском языке! Разговаривать по-русски всех этих наших бывших русских родители учат, и сами дома все по-русски говорят, а вот читать их учили в школе и только по-французски! Ну, может, ещё по-испански.

В общем — портрет земляка был пока не готов, и ему придётся приезжать в Париж ещё раз. Мы с полчаса вполне серьёзно обсуждали возможность проведения персональной выставки Вани в Нижнем Новгороде, хотя со временем идея эта как-то сама умерла.

На следующий день, уже на книжной ярмарке, я познакомился и с родителями Вани, и с его сестрой, которая приехала на автобусе из Швейцарии, где она работает в каком-то издательстве. Я всем им задавал один вопрос и получал один и тот же ответ: да, разговариваем мы по-русски, а читаем русские книги на французском.

Утром меня очень рано разбудил земляк, он вошёл в номер какой-то помятый, заспанный и озабоченный:

— У тебя ничего нет пожрать? — спросил он.

Я был немножко шокирован, потому что знал о существовании такой болезни, а точнее даже не болезни, а такого врожденного недостатка, как приступы агрессивного голода. Это, как ломка алкогольная, наркотическая или никотиновая — самочувствие паршивое.

— Да нет, — ответил я, — а в кафе, внизу?

— Нет, там до семи закрыто. Я у тебя в баре чуть-чуть пошуршу, а ты давай поднимайся ко мне в номер, я тебя жду.

Он открыл бар и рассовал по своим карманам все шоколадки, печенюшки и пузырьки с водкой, коньяком, пепси-колой и пивом. В общем, вытаскивал из бара всё и ушёл.

Я не торопясь сполоснул холодной водичкой лицо, натянул джинсы, какую-то майку, тапочки и пошёл к земляку: он жил прямо надо мной этажом выше, но номер у него был просторнее, да ещё и с огромным балконом.

А точнее, это был не балкон, а свободный выход на какой-то очень большой участок крыши. С неё хорошо просматривалась значительная часть Парижа, точнее, крыш Парижа.

Кроме меня и земляка, в номере оказалось ещё несколько человек, значит, земляк не болен, а виновником всей суматохи был неряшливо и даже, может, несвеже одетый парень, а точнее — молодой мужчина лет двадцати пяти. Его звали Алик, он сидел и доедал мои шоколадки и кексики, запивая их водкой из маленьких бутылочек. Земляк сидел рядом с ним на кровати, и они вполголоса, но очень агрессивно что-то обсуждали.

Сначала мне показалось, что вся эта компания сидит тут, в номере у земляка, с вечера, но очень быстро понял, что ошибаюсь, потому что он подтолкнул ко мне какую-то маленькую пухленькую дамочку никак не выше полтора метров ростом со словами:

— Девочка, вот у него всё спрашивай, а нам с Аликом не мешай — нам поговорить надо о серьёзных вещах, а не о Славниковой этой твоей. Старик, — это земляк уже ко мне, — это хорошая журналистка из популярного парижского культурного еженедельника, поговори с ней, она хочет у тебя взять интервью.

И эта тридцатилетняя плюшка сразу прилипла ко мне:

— Ох-ох-ох, расскажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к творчеству Ольги Славниковой? Вы действительно считаете её одной из лучших писателей современной России? Где она живёт? Как она работает? Что у неё за семья?

Мне пришлось напрячься: я не знал, что это за журналистка и как с ней себя держать, я ведь мог и земляка подвести своими неразумными сентенциями! Я решил вести себя деликатно и предупредительно.

— Дорогая, — ответил я пухленькой журналистке, взяв покровительственный тон, — я не знаком с Ольгой Славниковой, я ничего не читал у неё, и я не уверен, что она лучший писатель современной России. Я даже не знаю, пишет ли она что-то сейчас. А она ведь в нашей делегации. Ты уже встречалась с ней?

— Да, я уже взяла у неё интервью, и мне хотелось узнать ещё и ваше мнение о ней.

— Дорогая, к сожалению, у меня нет мнения о Славниковой — я не знаком с её творчеством. Я даже не знаю, о чём она пишет.

Выручил меня один солидный прозаик, лауреат самых главных российских премий, который, так же как и я, случайно оказался в номере у земляка. Думаю, земляк у него с утра пораньше тоже из бара вытащил все пузырьки, а потом так же пригласил его в гости. Лауреат за руку буквально вытащил меня на крышу покурить:

— Дружище, перестань с ней общаться — толку от неё никакого. Скажи лучше, ты уже встречался с Мишелем?

— А кто это такой? — удивился я.

— Ты что? Мы все через Мишеля прошли! Это, пожалуй, самый интересный для начинающих русских литературный агент. Издательство “Галлимар” полностью доверяет ему. Тебе надо.

— Познакомь меня с ним, — обрадовался я.

— Завтра. Нет — прямо сегодня, отсюда же мы все едем на салон. Он там обязательно будет.

Мы пожали друг другу руки, рассчитывая, что один из нас, а может, и оба мы пойдём к себе в номера, но мы оба остались. Ушёл незванный гость земляка. Земляк вкратце рассказал нам историю Алика, его фамилию я точно не помню, но она звучала как-то совсем просто, и в корне у неё была Москва: то ли Московкин, то ли Москвичёв — не важно! Важно, что он, член партии национал-большевиков, по заданию “деда” ещё с двумя пацанами совершили когда-то какую-то акцию, и был он впоследствии за эту акцию заочно приговорён нашим российским судом на пять лет и объявлен в федеральный розыск. “Дед” обещал помочь, выручить, спасти его, но, видимо, забыл про пацана, и вот он уже полтора года сидит в этом проклятом вонючем Париже и живёт с клошарами чуть ли не под каким-то мостом.

Документов никаких, денег нет — ни обуться, ни одеться, ни пожрать. Как он попал сюда, в Париж, я не стал спрашивать, но что-то защемило у меня внутри от недобрых предчувствий.

После завтрака вся наша делегация, а это человек пятнадцать (по фамилиям не перечисляю — боюсь кого-то позабыть, а писатели народ ревнивый и мстительный), направилась на заказном автобусе на знаменитую парижскую книжную ярмарку. Тысячи, нет — десятки тысяч квадратных метров под крышей, сотни стендов различных издательств со всех стран мира: Бразилия, Кения, Венесуэла, Вьетнам, Алжир и ещё какие-то страны, о существовании которых я даже не подозревал. А главное — я не представлял, что там тоже кто-то пишет книги и кто-то их там ещё и читает!

У многих стендов идут перманентные автограф-сессии. Причём в очередях за автографами стоят по пятьдесят или по сто человек — и это не предел, и для таких очередей, как в аэропортах, сделаны специальные коридоры из лент, натянутых на невысокие металлические стойки. Но главное, что меня поразило, это очень большое количество писателей — чернокожие женщины в возрасте около сорока лет; именно к ним и выстраивались эти безумные очереди за автографами. Что это за писательницы-негритянки, я так и не понял, и объяснить это явление мне так никто и не смог.

Разыскать что-то или кого-то конкретного в этом безумном столпотворении без квалифицированной помощи невозможно, и я болтался без толку битых пару часов, пока судьба не направилась сама мне навстречу. Я искал необходимого мне позарез литературного агента Мишеля. Он родился в Париже ещё до войны и чувствовал себя в этом муравейнике, как рыба в воде, а потому по-умному надо было мне просто сидеть на нашем родном российском стенде и ожидать.

Между двумя самыми большими выставочными стендами — это стенды Индии и Бразилии — по центральному коридору навстречу мне шёл, улыбаясь, человек с моей книгой “Когиз” в руках. У меня в руках тоже была моя книга “Когиз”, которую я планировал подарить этому великому литературному агенту.

— Я вас ищу, и узнал я вас издавека, господин наш будущий автор, — начал он, на чистом русском языке, но с заметным акцентом, пожимая мне руку, — давайте где-нибудь присядем, выпьем кофе и поговорим о наших делах.

Мишель очень ловко провёл меня между какими-то драпировками или шторами, и мы оказались на территории большого кафетерия, и нам даже удалось усесться за каким-то столиком на два полукожаных топчана. Кофе был паршивый, но не ради кофе мы здесь встретились.

Говорил мне папа, чтобы я никогда не хвастался и даже просто не сообщал малознакомым людям о своих связях, друзьях, близких — забыл! Буквально на первой минуте нашей встречи, только-только мы уселись за стол, я спросил у Мишеля, а не знаком ли он с Рене Гера, знаменитым парижским антикваром и коллекционером русского Серебряного века и русского зарубежья, который заезжал как-то раз ко мне в Нижний Новгород, — его привозил ко мне Серёга Чуянов, наш местный журналист. Мне хотелось бы побывать у него в гостях здесь, в Париже, если Мишель поможет мне с ним встретиться. Я мог заметить, но почему-то не придал значения этому явлению: во время моего краткого спича-вопроса лицо Мишеля наливалось, наливалось и наливалось краской. А когда я замолчал, он встал из-за стола и, отложив мою книгу, заявил:

— Рене Гера — это самый дрянной человек в Париже. Это единственный человек в Париже, которому я не желаю здоровья. А вам, господин автор, я желаю успехов, — с этими словами Мишель развернулся и ушёл.

Так закончилось моё знакомство с великим литературным агентом. К слову сказать, с Рене Гера я вновь встретился лет через пять у нас в Нижнем Новгороде на каком-то книжном форуме, и я спросил у него про великого литературного агента Мишеля, попросив передать ему привет. Реакцию Рене я представлял, но не в таких красках. Рене Гера отозвался о Мишеле в таких терминах, которые я не рискну приводить в этом тексте.

Но главное — по-моему, после этого разговора мои отношения с Рене Гера тоже были навсегда испорчены.

Результаты моей встречи с Мишелем оказались таковы, что я уже мог спокойно ехать к себе домой, в Россию.

Даже приём всей нашей писательской делегации в российском посольстве, — а это хрусталь, мрамор, бронза, барокко и приглашённое высшее русско-парижское общество, — не смягчил мою печаль от этой встречи с Мишелем, на которую я возлагал надежды. Тем более что там, в посольстве, земляк познакомил меня с великим писателем-эмигрантом Витей, который всегда издали мне казался эдаким образцом аристократизма или, по крайней мере, интеллигентности, а на самом деле оказался обычным пьяным русским мужиком, чем очень разочаровал меня. Он плохо себя вёл, а когда он ещё и по-барски пригласил всю писательскую компанию плюнуть на посольство и поехать с ним допивать водку в ресторан, я просто сел в такси и поехал в гостиницу.

Я был не одинок в своём решении, но кафе в гостинице было уже закрыто, а кушать хотелось. И вот мы с Сашей, главным редактором одного из центральных столичных изданий, решили пойти куда-нибудь перекусить или просто попить кофе.

Мы потом пересчитали по пальцам: обойдя наш квартал в поисках кафе, где можно просто попить кофе, что зашли в одиннадцать заведений, и все они оказались забиты под потолок арабами и неграми, которые обращались на нас, как только мы входили. И если мы задерживались даже на минуту, в воздухе просто начинало отчётливо пахнуть агрессией и адреналином, как на молодёжных танцплощадках шестидесятых годов после десяти вечера.

Убив на поиски легендарного парижского кафе час, а может, и чуть больше, мы вынуждены были воспользоваться услугами вьетнамского ресторанчика: варёный рис, грязные, только что выловленные каракатицы, креветки, осьминоги и пепси-кола. Говорят, что все эти морские деликатесы ежедневно на самолётах привозят прямо из Вьетнама — ещё вчера они плавали в Южно-Китайском море.

Приехав домой, в Россию, я тут же слёг на две недели с сальмонеллёзом в больницу; сальмонеллёз — болезнь грязных продуктов.

Не люблю Париж.

Сегодня снова снился Париж — тёплый вечер, я сижу на веранде маленького кафе на набережной Сены и прислушиваюсь, как кто-то вдалеке поёт: то ли Жильбер Беко, то ли Ив Монтан, — знаю, но ничего не слышу.

БОРИС ОРЛОВ

ОТ РОСЫ И ДО РОСЫ

* * *

Октябрь, мы с тобой современники,
Живём у дождей на виду.
На клумбах цветут безвременники
В моём опустевшем саду.

Друзья удалились — не бросили.
Стою на промозглом ветру
И радуюсь жизни и осени,
И, как безвременник, цвету.

* * *

Щетинятся под изморозью кочки,
На юг умчался с ласточками гром.
На ивах — серебристые цепочки,
И вся трава покрыта серебром.

Лёд на реке. Теперь легко без брода
Лезть в воду — всюду стылое стекло.
Предзимье. Вышло золото из моды...
И постепенно входит серебро.

ОРЛОВ Борис Александрович родился в 1955 году в Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского и Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте. Капитан первого ранга. Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат литературных премий, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России.

* * *

Цветут цветы. Гудят басы —
Шмели... Не календарь, а прочерк.
Когда не смотришь на часы,
Жить и спокойнее, и проще.

А от росы и до росы
Приносят радость перемены.
Когда не смотришь на часы,
Жизнь и длинна, и полноценна.

* * *

И кто там, и что там встречает —
Мы мчимся в иные миры.
Планету, как лодку, качает
В потоках космической мглы.

Иная судьба — вземная...
На жизнь не смотрели б глаза!
Качает... Да так, что меняют,
Смещаясь, места полюса.

* * *

Живу среди легенд и сплетен
Мечтой о вечном и святом.
Уже друзей на этом свете
Намного меньше, чем на том.

Я слышу ангельские горны
Сквозь свет небесного огня.
Хотя друзья мои безмолвны,
Они парят вокруг меня.

Молитвы в небеса простёрты,
Как будто всполохи комет.
У Бога нет живых и мёртвых:
В нетленном царстве — вечный свет.

АНДРЕЙ ТУЗНИКОВ

ПЫЛАЮЩИЙ ЗАКАТ

РАССКАЗ

— Где?

И, не услышав ответа, он ещё раз ткнул в спину парламентаря стволом автомата. Парламентар, капитан медицинской службы, оглянулся и посмотрел на него удивлённо и испуганно.

— Там, — показал белым на коротком древке флажком парламентар. — Там, за проволокой, в бомбоубежище.

Теперь они, не сговариваясь, понимали друг друга, и Жорка заметил, что в уголках глаз парламентаря стоят слёзы. Жорка ничего не сказал. И не торопясь, ощущывая взглядом участок, отделявший его от входа в бомбоубежище, медленно пошёл к нему, не оглядываясь на больше не нужного ему капитана медицинской службы.

Он шёл по чёрной от огня земле, среди глубоких воронок, обходя обгоревшие, спёкшиеся от высокой температуры, раздувшиеся, с растопыренными руками и ногами трупы. Перекинув за спину автомат, он перелез через две параллельно идущие трубы теплотрассы.

Подойдя к входу в бомбоубежище, Жорка остановился и, посмотрев по сторонам, на мгновение выхватил взглядом одиноко стоящую среди разрушенных терминалов Луганского аэропорта, на покрытой воронками и выжженной вакуумными снарядами чёрной земле одинокую фигуру капитана медицинской службы, парламентаря, вошедшего вместе с ним на территорию аэропорта, чтобы оказать первую помощь раненым и освидетельствовать убитых. Фигура офицера отбрасывала непомерно длинную тень, которая заострённым клином переползла через ограждения из колючей проволоки

ТУЗНИКОВ Андрей Вячеславович родился в 1963 году. Работал преподавателем истории. С 1995 года проходил службу по контракту в Таджикистане и Чечне, в качестве добровольца участвовал в боевых действиях в Югославии и на Донбассе.

и уходила далеко в степь. И Жорка, прищурившись, посмотрел на огромное, заходящее за спиной офицера солнце, от которого теперь уже не болело в глазах, и стал медленно спускаться по бетонным ступеням вниз, к открытым настежь железным дверям бомбоубежища.

“Если там кто-то будет, я их всех захвачу в плен. Или пристрелю. Как бы они сами не пристрелили тебя”, — подумал Жорка. “Не пристрелят”, — сам себе сказал Жорка, глядя на пятилитровые пластмассовые бутылки, стоящие по краям бетонных ступеней, ведущих вниз к железным дверям.

Бутылки стояли на каждой ступени, вплотную к бетонной стене. Они были наполнены какой-то жидкостью, и тогда он понял, что в бутылках моча и что люди много часов не поднимались на поверхность и только выставляли на ступени новые пластмассовые ёмкости, доверху наполненные мочой.

“Не пристрелят они меня. Даже если кто-то там и есть”, — окончатель-но решил Жорка. И вошёл в незакрытую железную дверь, сделанную из цельного листа металла. В помещении горел свет. Пройдя три-четыре метра по неширокому бетонному коридору, Жорка остановился, привычным движением снял автомат и опустил вниз предохранитель.

Коридор уходил влево, Жорка решительно пошёл дальше и оказался в просторном помещении среди железных коек, стоящих ровными рядами в два яруса. В проходах между койками стояли собранные большие рюкзаки, очень хорошие, новые. Такие обычно покупают туристы, отправляясь в путешествие по горным маршрутам. “Не поместились на броне”, — понял Жорка. И он насчитал двадцать один рюкзак. “Они уехали ночью, когда арт-подготовка не была такой интенсивной. В ней появились окна по тридцать-сорок минут. И к ним пробился бронетранспортёр, и они, побросав рюкзаки и двух умерших от ран товарищей (один из них лежал на стоящих на полу медицинских носилках, другой — на одной из коек нижнего яруса), сели на броню и уехали, — рассуждал про себя Жорка. — Они бросили убитых товарищей и свои личные вещи, но они уже двадцать часов сидели здесь под землёй, и у них не было другого выбора, кроме того, который они сделали, просто всё бросили и уехали на пробившемся к ним сквозь артобстрел бронетранспортёре. Но им всё же удалось спастись. Да, им повезло. О них не забыли. Пошли на риск. Послали бронетранспортёр и вывезли”.

Жорка осторожно прошёл дальше через всё спальное помещение и попал в смежную с ним комнату. Здесь тоже горел свет. Комната была поделена на две равные части металлической сеткой. Получалось нечто вроде железной клетки. Дверь этой клетки тоже была открыта. И Жорка посмотрел себе под ноги, он боялся растяжек. И ничего не заметив, кроме валявшегося на бетонном полу, возле незакрытой двери, металлического замка с торчащим в нём английским ключом, шагнул в клетку.

И тогда он увидел, что сразу за дверью у стены стоят ещё одни носилки, материя которых была очень сильно испачкана и пропитана кровью, а вдоль стены стояли шкафы с лекарствами. Какими-то картонными коробками. Склянками. И упаковками стерильной ваты. Полевой медицинский пункт.

И Жорка, немного постояв, вернулся обратно на другую половину разделённой железной сеткой комнаты. Здесь, в углу возле большого железного сейфа, стоял письменный стол, на нём среди разбросанных бумаг горел монитор компьютера, на заставке экрана надпись: “Я ЗДЕСЬ И ВСЁ ВИЖУ”.

“Ничего ты больше не увидишь”, — вслух сказал Жорка и складным прикладом автомата с размаху ударил по светящемуся экрану. Хлопнув искрами, монитор погас.

— Принтер стоит под столом, его заберёт контрразведка, — опять вслух сказал Жорка. Здесь больше нет ничего интересного, решил он, и пошёл к выходу. Проходя между рядами кроватей, остановился там, где лежал убитый, совсем ещё молодой человек, одетый в шерстяной, военного образца зелёный австрийский свитер, камуфлированные брюки аккуратно заправлены в новые солдатские ботинки с высокими голенищами. Красивый тёмный ша-тен с голубыми глазами и ямочкой на мужественном подбородке.

— Отвоевался, — сказал Жорка. — Не повезло тебе. Жизнь — это путешествие во враждебной среде. Твоё путешествие окончено. Я путешествую

дальше. Во враждебной среде. И я не намерен поддаваться глупым, лишённым мужества или разочаровавшимся. Я никогда не скажу: “Прощай, оружие!” Как бы ни противодействовали мне обстоятельства. У меня нет никаких договорённостей с судьбой, и я не пойду с ней ни на какие компромиссы.

И Жорка посмотрел в незакрытые глаза мёртвого солдата.

— Я не в обиде на то, что ты молчишь. Возможно, ты упрекаешь меня в том, что я тебя совершенно не знаю. И поэтому не имею права так обращаться к тебе. Отнюдь. Мы с тобой в отношениях. Мы бились двое суток не на жизнь. И наш штурмовой батальон взял аэропорт. А ваши ушли. И ты убит. И поэтому молчишь. А я жив, и могу говорить с тобой, и это справедливо. Но не огорчайся, ты убит в честном бою, и это хорошая смерть. Смерть настоящего солдата. Жалко, конечно, что тебя так бросили. Но на броне не было места, а проигравшие войну не думают о своих павших.

И Жорка ещё раз пристально всмотрелся в заострившиеся, тонкие черты лица молодого человека, одетого в шерстяной австрийский свитер. И взгляд его скользнул по кровавой запёкшейся корке, еле различимой в густых волосах убитого, и по лежащей рядом с подушкой надкусанной шоколадной плитке “Алёнка”, аккуратно завернутой в блестящую часть упаковки, и по маленьким лейтенантским звёздочкам на испачканных чернозёмом погонах.

Рация в боковом нагрудном кармане его штурмового горного костюма запищала, и из динамика раздался хриплый голос командира батальона “Дон”.

— Ну, что там?

— Всё чисто. Я нахожусь справа от здания аэропорта в бомбоубежище, — ответил Жорка, поднеся рацию к лицу и нажав тангенту переговорного устройства.

— Выходи наверх! — приказал хриплый голос командира. — К тебе идёт десантура.

— Пойду, — сказал Жорка убитому. — Тебя заберут, не волнуйся. Тебе повезло, ведь ты не разорван снарядами и не превратился в трупную массу, мы не бросим тебя, как бросили тебя твои сослуживцы, мы похороним тебя, как солдата. Мы великодушны. Потому что мы победители.

И он отошёл от убитого лейтенанта и поднялся наверх по разбитым залетевшим снарядами бетонным ступеням, вдоль которых стояли пластмассовые бутылки с нечистотами. И поднявшись, он остановился и стал всматриваться в незнакомую ему местность и в разбитую, сметённую артиллерийским огнём, местами догоравшую технику, и в разрушенное здание аэропорта, и в развороченную снарядами и минами, всю покрытую воронками дорогу, идущую за теплоотрассой, и пытался угадать, с какой стороны подойдут к нему десантники. Но их нигде не было видно.

Он увидел только парламентёра, который сидел на бетонном блоке у центрального терминала аэровокзала. И здание было разбито снарядами, кроме первых двух этажей. А земля и асфальт вокруг него были чёрные от огромной температуры, которая плавилась и пекла здесь всех, и живых, и мёртвых, во время огненного шторма артподготовки. И парламентёр сидел там на бетонном блоке, обхватив голову руками. И непонятно было, то ли он плачет, то ли просто задумался.

И тогда Жорка поднялся на заросший дёрном холм, под которым располагалась основная часть бомбоубежища, и долго стоял там один, и солнце уже наполовину закатилось далеко в степи, и фигура Жорки резко выделялась уверенными контурами на фоне огромного, горящего диска, и тень от неё была очень длинной.

Жорка вдыхал степной, пахнущий пылью воздух, и ноздри его трепетали, и он был возбуждён и счастлив.

Он был рождён для войны и находил в ней то состояние, в котором он только и мог проявить себя во всей полноте. И теперь он стоял на холме над бомбоубежищем и смотрел на запад, и видел раскалённый закат над городом, в котором не было ни света, ни горячей воды, ни телефонной связи. Но именно там родилась стальная воля победы. Там сложились ударные подразделения, где не было старших и младших, где не платили денег, скудно

кормили, но победа была на их стороне, на стороне этих ударных подразделений, в рядах которых были люди с железной волей, волей победителей.

Он смотрел, как уходит за горизонт раскалённый диск огромного солнца, и понимал, что это только начало пути, пути победителей. Здесь, в этих степях, была отлита матрица победы. И Жорка был счастлив, что и он та частица, та монетка, которой Родина расплачивается с врагами.

— Эта война лучшее и самое ценное из того, что подарила мне судьба, — прошептал Жорка. — И этот бой за аэропорт — лучшее доказательство этому. Потому что, есть что-то, что двигало наши ударные батальоны на смерть, и оно было сильнее нас. И это что-то есть в каждом из нас, но не всегда, и не каждому выпадает счастье погибнуть за это что-то.

И тогда он вдруг вспомнил, как в Чечне во вторую кампанию их бригада проходила через Элестанжи, через Октябрьское на Ца-Ведено.

Было пять часов утра, когда бронеколонна, лязгая траками, двигалась через контрольно-пропускной пункт Октябрьского, и часовой, молодой десантник, совсем ещё мальчишка, в бронежилете и каске подбегал к ревушим дизелями БМП и кричал людям, угрюмо сидящим на броне:

— Пацаны! Какие войска?! Пацаны!! Какие войска?!

И они тогда промолчали. И механик-водитель обдал солдата дымом из инжектора и летящей из-под металлических траков грязью так, что часовой успел заметить лишь надпись, сделанную белой краской на корпусе поверх бойниц для десанта: “Бродяга из Сибири.”

Из-за деревьев, которые росли вдоль аллеи центрального въезда в аэропорт, к Жорке шли трое в разгрузочных жилетах и зелёных комбинезонах.

— Ну, как дела? — спросил у Жорки старший. Грузный, небритый, с густыми чёрными бровями.

— Отлично.

И Жорка увидел, что глаза его блестели радостью. И он тоже был рад. Рад той огромной радостью, которая захлёстывает тебя всего, но ты не позволяешь себе утонуть в ней и держишься, подобно скользящему на доске ловцу огромных волн прибою.

“Да, ради этого стоит жить”, — опять подумал Жорка.

— Там внизу компьютер. И сотовая связь у них тоже работает.

— Американский спутник делает им “окно” над аэропортом, — сказал старший.

— В бомбоубежище два “двухсотых”, — сказал Жорка.

И старший ответил ему:

— Хорошо.

“Да, хорошо! — согласился Жорка. — Наши боевые машины в тысячи раз увеличили наши силы и помогли раздавить противника. Но лишь плавающий в наших сердцах огонь был способен подавить их волю к сопротивлению. И, испепелив пёстрый призрачный мир, играющий вокруг нас ложными образами, дал нам волю к победе”.

И Жорка видел этот огонь в горячем степном закате над осаждённым городом. И отблески этого огня сверкали на касках бойцов его батальона и ещё в пламени горящего, взятого штурмом луганского аэропорта.

ДМИТРИЙ ЧУРКИН

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДОЧЕРИ

ДВА РАССКАЗА

23 августа для меня день особый. В этот день родилась дочь, и до войны в этот день вся наша семья всегда собиралась вместе. Взрослые старались придумать сюрпризы позатейливее, дочь проводила день так, что воспоминаний хватало почти до середины октября, потом мы начинали готовиться к Новому году.

Война изменила всё. В июне 2014-го дочь вместе с моими родителями уехала к родственникам в Москву, я с женой и кошкой остался в Донецке. Потом, когда в Горловке стало особенно невыносимо, к нам присоединилась мать жены. Наверное, жене стоило уехать, Донецк был тогда малоподходящим местом для беременной, но она осталась. Ради меня. Это и есть любовь.

Обычно тем летом я старался уйти из квартиры пораньше, пока все ещё спали. Транспорт тогда ходил полупустым, пассажиры обсуждали ночные обстрелы, и времени, чтобы добраться до госпиталя, уходило совсем немного. Последние несколько остановок я обычно проходил пешком. Необыкновенная для центра города тишина и свежий утренний ветер помогали настроиться на предстоящий день.

ЧУРКИН Дмитрий Владимирович родился в 1979 году в городе Коммунарск Ворошиловградской области УССР. В 1980 году семья переехала в город Зугрэг Донецкой области, где в 1996 году он окончил с отличием среднюю школу, после чего поступил на педиатрический факультет Донецкого государственного медицинского университета, который с отличием окончил в 2002 году. С апреля 2014 года участник Русской Весны в составе Первого медицинского отряда ДНР, с июня 2014 года по май 2015-го — в составе Первого военного госпиталя ДНР. С июня 2015 года по настоящее время — на военной службе. В 2017 году защитил кандидатскую, а в 2021-м — докторскую диссертацию по проблемам военной гигиены. Данная публикация — дебют.

Уйти незаметно не получилось. Жена выскользнула из спальни и молча смотрит на меня. Так же молча улыбаюсь ей, смотрю вопросительно.

— Мне её не хватает.

— Мне тоже, — говорю сдержанно. — У неё там всё хорошо. Они сегодня в зоопарк идут, потом на ВДНХ, потом в парк.

— Знаю, и всё равно мне её сегодня особенно не хватает! Ты ей позвонишь?

— Обязательно, — выдыхаю, уже выходя из квартиры, и скатываюсь по лестнице вниз.

На улице охватывает волна уже с утра разогретого воздуха. Дыхание учащается и, чтобы не дать мыслям захватить в свой печальный ход, до госпиталя иду пешком. “Мы не можем позволить себе быть грустными!” — говорит Юрий Юрьевич, и я с ним согласен: уныние заразно, мы же должны излучать оптимизм и надежду, даже если жизнь крутит нас, как белку в мясорубке. Это тоже Юрий Юрьевич.

В госпиталь я прихожу к 7.30. Утро в приёмно-сортировочном отделении начинается не с чашки кофе, а с просмотра журнала дежурной смены. Судя по количеству поступивших, ночь не была ни доброй, ни спокойной.

Мы находимся на первом этаже; прямо перед входом в отделение широкое крыльцо со скамейками для выздоравливающих, где обычно меня первой встречает моя старшая медсестра. Она всегда чем-то занята и куда-то спешит, поэтому спокойное ожидание на пороге есть проявление симпатии и уважения ко мне, что я очень ценю. В кабинете меня ждут свежий чай и булочки. Наша местная чайная церемония отличается от традиционной тем, что позволяет сосредоточиться и включиться в работу, как говорят, с полпинка. Узнаю, что у нас нового за ночь, допиваю чай, начинаю заполнять суточный рапорт заведующего приёмно-сортировочным отделением. Оба молчим, провозжаем вчерашний день, который заканчивается таким вот образом. Госпиталь тем временем начинает наполняться.

Первым к нам заходит заведующий хирургическим отделением Андрей Валерьевич. Он с прищуром улыбается в густые усы и напоминает мне, что жёлтые тропические муравьи обязательно полакомятся сегодня моей печенью, если я буду дёргать его по пустякам. Я знаю, что такие муравьи есть, и они, кажется, даже вырабатывают какую-то особо токсичную кислоту, но ещё лучше я понимаю настоящий смысл его слов: “Будет что-то серьёзное, зови. Не позовёшь — обижусь!” Он мэтр и корифей нашего госпиталя, его сложно чем-то удивить, но держится он всегда просто, поэтому и мне спокойно, — прорвёмся. Традиционно отвечаю, что печень сегодня забыл дома, поэтому муравьям отбой. Он смеётся, всё понимает и уходит, до утреннего совещания нужно успеть ещё сделать обход.

Почти сразу звонит телефон. Слышу Константина Сергеевича Ставинского — заведующего терапевтическим отделением. “Коллега, жду Вас на кофе! И отоскоп с собой захватите!” Обычно кофе бывает с рогаликами или булочками, кофе с отоскопом означает, что ночью привезли пациентов с контузиями. Беру отоскоп и телефон, бегу в терапию, времени до утреннего совещания уже немного, а кофе с Константином Сергеевичем — то самое, что делает любое утро добрым, и дело здесь, конечно, не в самом кофе, хотя, сваренный в котелке на горелке, он наполняет отделение необъяснимым ароматом покоя и благополучия. К кофе всегда прилагаются хорошие новости, даже если им неоткуда взяться, иногда стихи, которые Константин Сергеевич написал ночью. Сегодня стихи о том, что утро редко приносит нам то, чего мы ждём, а вот вечер дарит сюрпризы, если мы их заслужили.

— Кофе роскошный! Как и стихи! — ставлю чашку.

Пора назад, времени совсем в обрез, поэтому снова бегом. Перед корпусом перехожу на шаг для солидности и не торопясь поднимаюсь на третий этаж. Все уже собрались. Настроение приподнятое, утренние новости распространяются быстро, все обсуждают начавшееся успешное наступление.

Утреннее совещание начинается. Докладываю число обращений за медицинской помощью, число госпитализированных в целом и конкретно по отделениям. Обычная утренняя рутина, которая так же дежурно заканчивается

звонком моей старшей сестры: “Доктор, раненые! Шестеро, и анестезиолога возьмите!”

Рутинка закончилась. Вот теперь-то и начинается новый день. С анестезиологом бегу вниз. На ходу подхватываю каталки в коридоре первого этажа, вырливаю на сортировочную площадку. Здесь уже старшая медсестра с журналом записи раненых. Перевязочная, противошоковая, второй этаж, третий этаж, несу сумку с укладками для анестезиолога, звоню Андрею Валерьевичу, есть для него работа. От медлительного спокойствия утра осталось только послевкусие кофе — всё происходит очень быстро. Каталки уходят в противошоковую, носилки — в операционную и перевязочную, водитель уже в реанимобиле — раненого после противошоковой отправляем на следующий этап. Закатываем носилки в реанимобиль, следом туда запрыгивает дежурный фельдшер, захопываю дверь и бегу встречать следующую партию раненых.

Реанимобиль остаётся всего один, второй вернётся минимум через полчаса, поэтому остаётся надеяться, что обойдёмся без следующего этапа. Телефон в кармане противным писком напоминает о дне рождения дочери.

Теперь их восьмеро. Двое контужены, у одного вокруг ушей чёрные корочки запёкшейся крови. Их в терапию, к Константину Сергеевичу, попутно заглядываю им в уши, пишу назначения.

Двух часов не прошло, а у нас уже четырнадцать поступивших. Если так и дальше пойдёт, скоро и в коридорах места не хватит.

Возвращается реанимобиль, Фёдор и водитель моют салон и каталку: война войной, но машина всегда должна быть в чистоте. Приношу им носилки в крови, их тоже помоют, и к обеду они высохнут.

С наступившей паузой возвращаюсь в кабинет. Пора включаться в амбулаторный приём. Вместе со мной в кабинете терапевт и невролог, работа идёт быстро, за два часа принимаем втроем почти тридцать бойцов.

В операционных и перевязочной уже почти закончили с поступившими, начались перевязки. Перевязок много, в коридоре первого этажа перед перевязочной амбулаторного приёма расставляем дополнительные скамейки, опускаем фиксаторы колёс у каталок, пусть народ посидит пока, вдруг не пригодятся. Заглядываю в перевязочную, дежурный хирург сегодня один, значит, амбулаторный приём хирурга и травматолога сможем начать только после обеда. Дежурит сегодня Артём Викторович; в госпиталь он попал с ранением, теперь вот совмещает нужное с важным. Показываю ему стрелки на часах, он сосредоточенно кивает.

Свободную минуту в госпитале лучше использовать с пользой, поэтому бегу к Алиму Анатольевичу. Он ЛОР или оториноларинголог, как правильно называется наша специальность. Спокойно и неторопливо он успеваеет принять за день столько пациентов, сколько обычно принимают минимум двое специалистов. Он много и по-доброму шутит, пытается казаться эдаким поручиком Ржевским, по ошибке попавшим в медицинский институт, но я понимаю, что случайности не случайны, и Алим Анатольевич, наверное, и есть тот самый доктор Айболит, о котором я слышал в детстве, но явно не ожидал встретить. Сегодня у нас аврал сильнее обычного, договариваемся, что часть своих пациентов буду перенаправлять к нему.

Вот и замечательно, иду назад, рука тянется к телефону, останавливаюсь. Понимаю, что не время сейчас для таких разговоров, да и народу кругом много, буду скованно мямлить в трубку, не выдерживаю, набираю номер. Трубку мама снимает.

— Маша с дедушкой на колесе обозрения катаются, мы её поздравили, подарок подарили, потом перезвони! — залпом выдыхает она. Значит, действительно не время.

Раненых привезли. От разведчиков. Бегу на сортировочную площадку. В этот раз нам повезло, все уже обработаны, противошоковые мероприятия выполнены, оформляем бумаги, распределяем по отделениям. В кабинете появляются врач батальона и фельдшер. Врач в подразделениях пока редкость, хороший хирург — редкость вдвойне, к тому же человек замечательный, много уже успел повидать, а не озлобился. Видно, что оба устали крепко,

предлагаю кофе, который пьём на сортировочной площадке. Фельдшер спрашивает у меня количество поступивших с утра, вздыхает, врач уточняет количество свободных мест, тоже вздыхает. Потом они уезжают в реанимобиле, перекрашенном в защитный цвет. Мне очень хочется, чтобы они остались, ещё много не сказано, но последний месяц мы все живём на лету, поэтому остаётся только ждать и надеяться, что с ними, как и с другими, кто мне дорог, всё будет хорошо.

Мест в отделениях осталось меньше, чем в сезон в Крыму на пляже, поэтому иду к заместителю главного врача госпиталя Ольге Николаевне. Удаётся развернуть ещё двадцать коек на надувных матрасах.

Продолжаем амбулаторный приём. Больных и легкораненых привозят начмеды, фельдшеры, санитарструкторы и командиры. Через час к нам присоединяется Артём Викторович, поток людей в коридоре начинает уменьшаться быстрее.

Звонит жена. Твёрдо обещаю позвонить Маше сразу после обеда.

Привезли раненых, прямо с передовой. С ними всегда сложно, они просят обезболить, перевязать и назад к товарищам. Вызываю подкрепление, Андрею Валерьевичу верят все; операционные, перевязочные, противошоковая снова заняты.

Раненого с ожогами после противошоковой загружаем в реанимобиль, везу в ожоговый центр. В городе выраженный дефицит врачей и медикаментов, с собой беру растворы и перевязочные, наверняка пригодятся.

Назад возвращаюсь примерно через час. На скамейке возле входа в госпиталь уже собрались раненые. Их везут в отделение рентген-хирургии, где Юрий Юрьевич будет доставать им осколки. Вместе с ним работают кардиохирурги и сосудистые хирурги. Нагрузка настолько высокая, что периодически перегревается аппаратура, тогда на время всё останавливается. Андрей Валерьевич печально шутит, что скоро мы станем звать Юрия Юрьевича “Ваша Светлость” или “Ваше Сиятельство”.

Амбулаторный приём почти закончен. Иду консультировать по отделениям. Сегодня консультаций мало, поэтому через час я снова в кабинете.

В этот раз раненых привёз Комиссар. По первому впечатлению, грозный человек, но я знаю его уже почти месяц и в очередной раз понимаю, что первое впечатление обманчиво. Комиссар немолод и, наверное, занимался бы сейчас внуками, да война случилась. Он привычно начинает отчитывать мне, куда и кого разместить, я привычно киваю. Смотрю ему в глаза, понимаю, что у нас плюс один, — зрачки разной величины. Говорю тише, слышит плохо, объясняю, что к нам нужно. С первого захода не выходит, зову Константина Сергеевича, вдвоём уговорили.

Звонит жена, честно отвечаю, что ещё не позвонил, пытаюсь отшутиться, что ещё не обедал. Обещаю до 20.00 точно позвонить.

Наступает вечер, прохладой и покоем не пахнет. Наверху продолжают перевязки. У нас в отделении осталась дежурная смена, вместе со мной хирург и старшая медсестра. Константин Сергеевич позвонил, он остаётся на ночь, можем на него рассчитывать.

Наконец темнеет, раненых уже не везут — опасно, к тому же дороги загружены, до утра не проехать. Выбираюсь на свежий воздух, на скамейке меня ждёт Константин Сергеевич с вечерним кофе.

Ухожу в дальний конец аллеи, набираю номер. Денег на счету немного, поэтому разговор получится коротким. С первого гудка отвечает дочь:

— Алле, папа звонит!

— Машенька, с днём рождения! — выпаливаю я. — Здоровья тебе, доченька, счастья! Мы с мамой тебя очень любим и рады, что ты у нас есть!

— И я, и я тоже...

Вот теперь по-настоящему трудно сдерживать эмоции. Выдыхаю.

— Как день провела?

— У меня такого дня рождения никогда ещё не было! — пауза. — Мне тебя с мамой не хватает! Очень!..

В горле ком. Проглатываю. Стараюсь быть весёлым.

— Чем занимаешься?

— “Смешариков” смотрю, про День справедливости. А когда я домой вернусь?

— Скоро, маленькая, скоро, ты приедешь, Ваня с Никитой, Олеся, Лиза — все приедут, пойдёшь в школу и больше уезжать не будешь!

— А с вами всё хорошо, с бабушкой, с Муркой?

— Всё хорошо, маленькая, всё хорошо.

Телефон пискнул и отключился. Я разворачиваюсь и бреду к скамейке. Мою ненависть к тем, из-за кого Маша, как и все её маленькие друзья, уехала из города, можно было сравнить только с тёмным, холодным и бездонным осенним небом. Хочется сидеть, молчать, смотреть на звёзды и надеяться, что скоро всё, наконец, закончится.

Константин Сергеевич с пониманием смотрит на меня.

— Сколько у нас сегодня?

— Сто двадцать два обратились, сорок пять госпитализировали.

— И как вы?

— Как и все, жду и надеюсь...

— И всё равно, коллега, хороший сегодня день был, трудный, но хороший.

Я смотрю в звёздное небо и чувствую, как меня понемногу отпускает.

— Хороший, — выдыхаю я. — День Справедливости.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Горячее лето прошло, наступила тёплая и солнечная осень. Днём солнце припекает, как и раньше, но вечером приходит прохлада, а ночью и холодок, особенно ощутимый у реки. Прибавилось людей, вдоль набережной по вечерам гуляют; кажется, что всё, как раньше, кроме грохота разрывов и комендантского часа, которые заставляют улицы пустеть.

Вернулись мои родители и дочь, и у меня наступил тот период простого человеческого счастья, которое может подарить только семья.

В госпитале каждый из нас нашёл своё место, и работа приобрела выверенный и сглаженный характер, который принято сравнивать с часовым механизмом.

Воскресенье у меня — условный выходной, телефон всегда включён, время прибытия по тревоге — не более тридцати минут. Утром в отделениях проходит осмотр поступивших за ночь, затем перевязки, которые продолжаются до самого вечера, потом генеральная уборка. У нас это называют парково-хозяйственным днём.

В приёмно-сортировочном отделении ПХД начинается после обеда. Амбулаторного приёма почти нет, бывает, что привезут издалека или совсем свежее и острое, но с будним днём никакого сравнения, халат на спине сухой, а это верный признак спокойного дня.

Мы проверяем комплектность укладок, дополняем их необходимым для дальнего выезда — у нас теперь выездная бригада эвакуирует раненых из отдалённых мест. Ко всему, конечно, готов не будешь, но мы справляемся. Гвоздь программы ПХД — полировка “жезла всевластия” — металлического рычага, которым регулируют высоту переносного хирургического стола, с квадратным отверстием и резиновой рукояткой. Нам его заведующий хирургическим отделением Андрей Валерьевич подарил. Связь никудышная, поэтому при необходимости мы стучим этой железкой по трубе отопления, она проходит через его ординаторскую, реагируют быстро. Ещё есть посыльный, но при большом поступлении “жезл всевластия” всё же надёжнее.

Связь на уровнях “врач — отделение — госпиталь” обеспечиваем, как можем.

Мы все понемногу становимся суеверными, я уже не помню, когда слышал слово “последний”, все говорят “крайний”, даже если речь идёт о ложечке сахара или о сигарете. Пожелание спокойной ночи считается диким моветоном и поводом для встречи с жёлтыми тропическими муравьями, которых

по легенде держит у себя в кабинете Андрей Валерьевич. У каждого есть свои приметы, позволяющие сделать прогноз на день. Я потихоньку начинаю верить в то, что если сидеть на скамейке перед входом в отделение дольше десяти минут, обязательно привезут раненых. Константин Сергеевич, заведующий терапевтическим отделением, говорит, что у меня условный рефлекс после августа, и всё равно я стараюсь обходить скамейку стороной.

Моя старшая медсестра, к которой я обращаюсь официально, а Константин Сергеевич просто по имени — Анечка, дежурит уже третьи сутки, поэтому, когда она уснула прямо за столом, где делала салфетки и тупферки для перевязочных, я закрыл кабинет и вышел во двор. В глубине двора — аллея из каштанов по бокам скамейки, я присел.

Сегодня день посещений. Приходят ко всем сразу: старушка, у которой в госпитале внук, угощает яблоками, запах которых растекается по всему зданию; дети приносят рисунки, их потом заботливо развешат в палатах и в коридоре.

На скамейке напротив сидит совсем молодой парнишка с перебинтованной на всём протяжении ногой, положив сбоку костыли. Он жестикулирует, рассказывая о чём-то сидящей рядом девушке, которая смотрит на него особенным долгим взглядом и время от времени прижимается. Он изо всех сил пытается сохранить напускную серьёзность бывалого воина, но я-то знаю, что он долго ждал встречи, выглядывая её с балкона хирургического отделения. Понимаю, что я здесь лишний, поэтому иду назад.

Тихонько заглядываю внутрь, старшая сестра ещё спит, аккуратно беру с подоконника руководство по ЭКГ, которое мне принесла наш терапевт, снова выхожу во двор.

ЭКГ для меня — тёмный лес, линия судьбы и гадание на плёнке. Константин Сергеевич читает ЭКГ, едва развернув плёнку, когда мы зовём его на консультацию, и он всегда делает это очень тактично, — со стороны кажется, что мы на равных обсуждаем сложный случай.

Сегодня я твёрдо решил вспомнить то, чего не знал, и почти настроился на нужный лад.

Константин Сергеевич деликатно обозначил себя кашлем.

— Добрый вечер, коллега! Есть минутка? Нужно поговорить!

— Пока тихо, думаю, есть и больше. Хотите кофе?

— Давайте лучше у меня выпьем, понадобится, вас вызовут, я помогу.

Я отношу книгу в кабинет, старшая медсестра уже проснулась и продолжает делать тупферки.

— Было тихо. Ушёл в терапию. На связи, — бросаю ей. Она согласно кивает.

Мы почти дошли до угла здания, когда стало ясно, что нужно возвращаться.

В хирургии криз, хватаю сумку с переносным аппаратом ЭКГ, бегу наверх. “Каждая женщина знает чёрта!” — повторяю порядок наложения электродов. Константин Сергеевич уже в палате.

Всё просто и крайне сложно одновременно. Погиб мой друг, ещё с детства, с которым жили рядом и вместе ушли воевать. Снайпер в шею. До больницы не довезли. Осталась семья.

— Жизнь — это большой фильм. — Константин Сергеевич внимательно смотрит на окружающих. — Конец у фильма всегда один, но роли у всех разные: кто-то — статист, кто-то — актёр второго плана, а он был герой, которого будут помнить, и потом обязательно захотят быть такими же. А вы в этом поможете. В первую очередь, его детям.

Взгляд лежащего становится осмысленным, он кивает собравшимся, и Константин Сергеевич начинает снимать плёнку.

Через пятнадцать минут вопрос закрыт, я складываю аппарат, и мы идём вниз. Закон парных случаев проявляет себя тем, что второй случай, как правило, хуже первого. В кабинете ждёт женщина, нам показывают фотографию, где юный паренёк позирует на пороге здания.

— Давно снято? — пытаюсь говорить бодро.

— В июне, он техникум закончил и ушёл. У них отряд на Петровке стоял.

Перебираю в голове части и командиров из Петровского района.

— Позывной его знаете? Командира.

Позывной командира не знает, сына по позывному и фамилии найти не можем. Телефон выключен уже три дня.

— Всё будет хорошо, больниц в городе много, обязательно найдётся.

— Они своих раненых всегда к вам возят, он мне рассказывал.

— Бывает, что случай сложный, специализированная помощь нужна, мы тогда дальше отправляем. Хотите, у нас в коридоре стенд специальный, вы там фото оставьте и телефон свой подпишите, к нам много людей приходит, и наши, если узнают, вам позвонят.

Крепим фото на стенде, она пробегает глазами ряды фотографий, даты и телефоны.

— Если они все здесь, — шёпотом начинает она, — значит, их не нашли, их больше нет.

Мы с Константином Сергеевичем успеваем её подхватить, донести и уложить на кушетку.

Через полчаса, перед тем как она уехала вместе с адресами и телефонами городских больниц, мы договорились, что фото я завтра покажу фельдшеру разведчиков, она, вероятно, сможет помочь, мой телефон нижний в записке.

— Я к себе, в отделение, — Константин Сергеевич посмотрел на меня. — Предложение кофе в силе.

— Я вас провожу и назад, по дороге поговорим.

Мы вышли на крыльцо отделения.

— Я сдаю дела и ухожу в батальон. На передовой медиков нет, раненых многих не довозят, моё место там. Многих можно спасти, оказать необходимую помощь, и они выживут. Мне тяжело в тылу.

— Когда вы уходите?

— Завтра утром, я знаю, что вы будете заняты, поэтому зашёл сегодня.

Он, как всегда, внимателен. Я хочу сказать, что он нужен мне, своим больным, нам всем здесь, что он клиницист и умница, что он замечательный друг, что он многому меня научил.

Я молчу, потому что внутренне с ним согласен, и, главное, говорить сейчас означает испортить ему вечер, что будет окончательным и махровым эгоизмом.

— Я сейчас вернусь, — ухожу в кабинет. В шкафу лежит подарок коллег — офицерский планшет, я его не ношу, но душу греет.

Достаю его из коробки, смотрю на старшую медсестру.

— Костя Сергеевич уходит завтра в батальон, это ему, — неожиданно я назвал его просто по имени.

Анечка молча открыла сейф, где хранилась непочатая пачка какого-то особого кофе, на который разрешалось только смотреть.

На крыльцо мы вышли вдвоём.

— Это вам, — протянул я ему планшет. — Берегите себя.

— Береги себя, Костя Сергеевич. — Анечка отдала ему кофе.

Он снял стетоскоп и отдал его мне.

— Это вам — пригодится!

— Я дочке подарю — она рада будет.

Он улыбается и согласно кивает, сбегает в крыльцо и машет нам на прощание.

Константин Сергеевич Ставинский погиб в конце января 2015 года. Снайперша, которая знала, что перед ней медик, выстрелила точно в сердце, не оставив шансов на спасение.

Его стетоскоп мы поместили над кроватью дочери, и я верю, что со временем она станет его достойна.

Жизнь — это потрясающий, яркий фильм, в конце которого не будет: “Стоп, снято!” — и режиссёр не даст актёрам второго дубля. Наградой герою будет дорожка, по которой он поднимется на небо, оставаясь вечным зрителем, всегда живым для тех, кто его помнит и любит.

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

...ШКОЛЬНИК
СЛОВ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ

* * *

Открываю тяжёлые книги —
Между строк пробивается свет,
Слышу, цепи звенят и вериги,
И полки поднимает поэт.

Вижу это великое Слово,
Что орде сшибло голову с плеч.
Без тебя — ни жены и ни крова,
И ни родины, Русская Речь!

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА

Мы поздоровались лишь раз
В дубовом зале ЦДЛа.
Высок поэт и ясноглаз —
Так муза русская хотела.

И позабывши обо всём,
Вздохнули Грозный и Саратов,

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермской области. В 1991 году с отличием закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей России. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми.

Твой стих Кавказом был рождён —
Ты здесь рождён, там жил когда-то.

Земля в России холодна...
Ты впредь друзей не потеряешь.
Стихами русскими заставишь
Хранить родные имена.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

*Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов...*

Ю. Кузнецов

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота, пешком.

Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшом солеварниц смочила
Калёные стрелы слеза.

Хотя угро-финские лица
Подправил крестьянский топор,
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Сошлись они в пермском музее,
И впредь никуда не идут.
Ручьями текут ротозей
И пальцы под гвозди суют.

“Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов”...
А мы возвратили гражданство!
Вернули им память веков!

ШКОЛЬНОЕ ФОТО

На школьном фото, на крыльце тесовом
Спрессовано десятка три судеб.
В сапожках из кирзы, в мундире новом
Я впереди, как на подносе хлеб.

Тогда любой денёк был ярче вспышки,
Которой нас фотограф ослепил.
И сопоставить смотровую вышку
С Олимпом — не хватало детских сил.

Иначе б знали, кто в бою погибнет,
Кто, как Чапай, до нас не доплывёт.
А кто при жизни, словно лист, поникнет
И в никуда однажды забредёт...

Я вырву белый клочок из бороды,
Как омертвелый куст на склонах дальних.
Я до сих пор на фото впереди,
Всё тот же школьник слов первоначальных.

.....
Поздравляем нашего автора с 70-летием!

ЮЛИЯ ВЕРБА

БЕЗ ВРАНЬЯ

РАССКАЗ

Саша опоздала на родительское собрание. И напрасно, потому что собрание было посвящено ей. Точнее, сыну Алёше, ученику 5 “А” класса, который ждал мать в школьном коридоре и выразительно тыкал пальцем в циферблат часов.

Саша птицей взлетела на пятый этаж, рванула на себя тяжёлую дверь и ворвалась в классную комнату. Невнятно пробормотав приветствие, женщина, задыхаясь, плюхнулась на ближайшее свободное место рядом с незнакомым высоким мужчиной в строгом дорогом костюме.

“Проверяющий!” — холодея, поняла Саша. Господи, что же теперь будет?

— Наконец-то все в сборе, — удовлетворённо произнесла классный руководитель Ирина Александровна. — Всем известно, по какому печальному поводу мы сегодня собрались.

Родители неопределённо промолчали, а учительница продолжила:

ВЕРБА (АРТЮХОВИЧ) Юлия Васильевна – доктор философских наук, профессор. Родилась в 1955 году в Грозном. С отличием закончила филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета. Работала редактором, преподавателем техникума, университета. Во время чеченской войны переехала в Ставрополь, где в Северо-Кавказском государственном техническом университете прошла путь от ассистента до профессора. Автор книг: Верба “Я выбираю любовь!” (2005), Верба “Женщина-жизнь” (2009), “Яркие заплаты” (2012), а также — циклов стихотворений “Гудермесский базар” (“Наш современник”), “Женская доля” (“Отчий край”). Лауреат Международных поэтических конкурсов “Союзники-8” и “Поэзия без границ”, XIV Православного конкурса-фестиваля “Святая Русь”. Работает на кафедре философии Волгоградского государственного технического университета. Живёт в Волгограде.

— Вчера Алексея Сырцова застали на школьной крыше, где он бросал вниз камни и обломки черепицы.

— И только по этому поводу мы сегодня собрались? — раздался недовольный возглас мамы Веры Костенко. — Я совещание отменила!

— А я — встречу с партнёрами, — поддержал папа Иры Масликовой.

— Ремня дать пацану — и всё, — предложил папа Васи Стрельникова.

— Нет, не всё! — жёстко отвергла его предложение Ирина Александровна. — Мы должны реагировать. Алексей Сырцов совершил дикий и безнравственный поступок. И как раз в тот момент, когда нас проверяет комиссия из комитета образования.

Мужчина в дорогом костюме расправил плечи и обвёл строгим взглядом притихшую аудиторию.

На Сашу пахло сложным ароматом хорошей кожи и тонкого одеколона. Женщина сразу узнала этот запах уверенности и достатка: так пахло в фирменном отделе “Массимо Дутти” большого торгового центра. Саша нечасто заходила туда, обычно пробегала мимо, стеснялась своей скромной одежды. Ей казалось, что холёные молодые продавщицы будут смеяться над застиранными джинсами и простеньким синим “дутиком”: “дутик” не вписывался в изысканный мир Дутти, где обычный на вид свитер стоил больше Сашиной месячной зарплаты. Поэтому сейчас чужеродный “запах Дутти” от случайного соседа по парте в очередной раз напомнил женщине о её незавидном положении.

В это время родители под напором энергичной Ирины Александровны вяло обсуждали безобразное поведение Алёши и наспех произносили дежурные слова осуждения. Было заметно, что всем хотелось поскорее покончить с этим скучным и неприятным собранием и отправиться домой по своим важным делам. Поэтому усталые мамы и папы вежливо вытерпели и стелания классного руководителя, и долгие нравоучения “проверяющего”:

— Разумеется, необходимо принять самые строгие меры для пресечения деструктивной активности ученика. Такое баловство подростка неестественно, просто социально опасно, не говоря уже о том, что оно глупо и бессмысленно.

Закончив речь, “проверяющий” важно опустился на своё место, и вновь на Сашу повеяло “запахом Дутти”. Женщина почувствовала, что задыхается от этого богатого, лживого запаха. И тут её понесло:

— Да сколько можно врать! Будто вы никогда не баловались глупо и бессмысленно! Вот я в свои десять лет гостила у бабушки. Глухая деревня, развлечений мало. Вечером мы с ребятами у дороги прятались, в бурьянах...

Она так и произнесла это: “в бурьяна́х” — как в деревне говорили, с ударением на последнем слоге, и умолкла.

— И что делали? — строго уточнила Ирина Александровна.

— Комья земли и камни бросали в проезжавшие машины, — закончила Саша упавшим голосом, внутренне ужасаясь внезапно вырвавшейся откровенной и жестокой правде.

— Значит, у Лёшки это наследственное, — догадался папа Иры Масликовой.

Все засмеялись.

— Попадали хоть? — с сомнением пробасил папа Васи Стрельникова, тренер баскетбольной команды.

— Попадали, — созналась Саша. — Как-то даже стекло ветровое разбило.

— А машины часто ездили? — спросила мама Веры Костенко.

— Нет, редко.

— А когда машин не было, что делали? — деловито поинтересовалась мама отличника Валеры Ивлева.

— В велосипедистов бросали, — честно ответила Саша.

— Не били вас? — сочувственно вздохнула мама Нади Велеховой.

— Нет, мы сразу разбегались и прятались.

— Что ж вы, так всей толпой и бежали? — вмешался папа Вити

Шмитко, преподаватель ОБЖ, и снисходительно усмехнулся. — В разные стороны разбежаться нужно было, по одному!

Он покачал головой и недовольно пробурчал себе под нос: “Учишь их, учишь...”

— А прятались где? — прозвучало сразу несколько голосов.

— За магазином. Потом можно было на другую улицу огородами уйти. Или у деда Вити за забором. У него сад такой был, полузаброшенный.

Родители замолчали. Самые молодые из них, мама и папа Серёжи Ледяева, тихо перешёптывались и изредка фыркали от сдерживаемого смеха. Остальные задумчиво и светло улыбались своим мыслям.

Пауза затянулась. Первой не выдержала учительница.

— Что вы такое говорите, Александра Викторовна? Хватит воспоминаний. Не отвлекайтесь, пожалуйста! У нас ЧП. Мы обсуждаем поведение Алексея. Он совершил безобразный поступок, за который должен быть строго наказан.

— И что его, убить теперь? — пожалела Алешу мама Нади Велеховой.

— Камнями забросать — подсказал папа Иры Масликовой.

— Я же говорю: ремня дать — и дело с концом! — повторил своё предложение папа Васи Стрельникова.

— Детей бить нельзя! — решительно возразила мама Валеры Ивлева. — Всегда можно найти правильные слова! Поговорить, объяснить нужно!

Ирина Александровна беспомощно обернулась к “проверяющему”. Тот сидел с отрешённой задумчивой улыбкой, вовсе не отвечающей серьёзности момента.

— Владимир Петрович! — жалобно воскликнула учительница. — Скажите им!

“Проверяющий” поерзал на жёсткой парте и, запнувшись, произнёс:

— Да, поговорить и объяснить нужно мальчику, что он мог попасть камнем в прохожих.

Потом помолчал и неуверенно добавил:

— Или в машину мог попасть.

— Или в велосипедиста, — дополнил папа Иры Масликовой.

Мама и папа Серёжи Ледяева дружно хрюкнули от смеха, но, под осуждающим взглядом классного руководителя неестественно закашляли в унисон.

Вновь повисла тяжёлая пауза.

Ирина Александровна с надеждой взглянула на “проверяющего”, но тот не спешил продолжить речь. Поэтому учительница подвела итоги:

— Обсудив поведение Алексея Сырцова, мы пришли к выводу, что педагоги нашей школы, конечно же, примут необходимые меры, чтобы подобные поступки никогда не повторялись. В свою очередь, Александре Викторовне следует быть с сыном строже и уделять его воспитанию больше внимания.

И мстительно заключила:

— Тем более что она воспитывает сына одна, мальчику не хватает мужского влияния.

Саша всыхнула и выскочила из класса. Алёша бросился к матери, но она оттолкнула его и понеслась вниз по лестнице. Мальчик грустно потрусил следом.

— Подождите!

Саша обернулась.

Её догонял “проверяющий”.

— Вы не расстраивайтесь! Всякое у мальчишек бывает.

— Бывает, — печально согласилась Саша.

— Вам в какую сторону? — поинтересовался “проверяющий”.

— В противоположную, — вдруг разозлилась Саша и резко повернула к скверу. Клеится он, что ли? Ещё этого не хватало! У сына на глазах! Саша обернулась, но мальчика нигде не было видно. Зато “проверяющий” не отставал:

— Не сердитесь! Если не очень торопитесь, давайте здесь на скамейку присядем. Я вот сказать хотел...

— Слушаю, — официально отозвалась Саша, но самой уже стало интересно, что придумал этот красавчик с “запахом Дутти”. Она неохотно опустилась на скамейку и внимательно посмотрела на “проверяющего”. А тот сел рядом, помолчал и, неожиданно смуглившись, выдал:

— Я вам скажу: здорово вы сегодня на собрании выступили. Без вранья. Мы сами такими же были. И баловались сильно. У нас рядом с домом частный сектор был. Жила там бабушка одна. Домик старенький, садик маленький, немудрёный: пара яблонь да груша. Мы к ней даже никогда в сад не лазили. Да и забор там был из ветхих кольшквов. Как-то мы с ребятами со Славкиного балкона увидели, что она намыла много стеклянных банок и по кольшкам на заборе сушиться развесила. Штук двадцать их было, наверное. Как бабушка из дома ушла, стали мы с балкона по этим банкам из рогаток стрелять. Зачем — и сам не понимаю. Помню, так нам весело было, интересно: стекло звенит, банки на кусочки разлетаются. Так и стреляли, пока все не перебили. Скоро бабушка домой вернулась. Мы на балконе стоим, смотрим, а она вошла во двор, у забора остановилась и кольшки пустые трогает. Потом молча в дом ушла. А мне так стыдно стало! До сих пор, как вспомню, — жаром обдаёт.

— И мне стыдно было, — вдруг разоткровенничалась Саша. — Я однажды кукольное платье украла. У своей одноклассницы Нины — она нас, девочек, к себе в гости пригласила. Семья у неё обеспеченная: квартира большая, в престижном доме. У Нины своя комната была, они её “детской” называли. Представляете, в этой “детской” комнате, в углу, специальная кукольная квартира была оборудована, с мебелью! Кровать, диван, шкаф — всё, как настоящее. За столиком красивая кукла сидела. И имя у неё тоже красивое было: Элиза. А платьев кукольных в шкафу — целый набор. Я тихоньку одно и стащила: голубое, с кружевом. В коридор выскочила и в портфель засунула. Домой принесла, а оно помятое всё, подол чем-то запачкался. И ведь совершенно ни к чему мне это платье! У меня и куклы-то такой не было, чтобы в это платье одеть. Я его потом в мусорное ведро выбросила. А мама нашла и ругала меня сильно. Даже собралась платье выстирать и обратно Нине отдать, но потом передумала. Не хотела меня позорить. И так трудно жили: отец болел, мать на двух работах, ещё братишка совсем маленький...

— Знаете, а мы тоже трудно жили, — стал вспоминать “проверяющий”. — Помню, как впервые в “богатый” дом попал. Только не к однокласснице, а к девочке одной. Мы и знакомы с ней толком не были, но она мне очень нравилась. Звали её Наташей. Красивая: волосы чёрные, волнистые. Тоненькая такая, стройная. Балетом и музыкой занималась. Идёт всегда гордо, как королева. Она мимо наших пятиэтажек обычно из музыкальной школы домой возвращалась. Как-то смотрю: Наташа не одна, а с Вовкой Сидоровым из 6 “Б”. Идут и весело о чем-то болтают. Я, конечно, Вовку спрашивать стал, и он мне рассказал, что их с Наташей родители вместе работают. А главное — у девочки скоро день рождения, куда Вовку с ребятами пригласили. Тут мне больше всего на свете захотелось на этот день рождения попасть. Вовка понял, конечно, о чём я мечтаю, и говорит: “Возьму, если будешь вести себя пристойно”. Мол, там все такие крутые да воспитанные будут, не мне чета. Я согласился. Мылся, чистился, лучшую рубашку надел, джинсы новые, как на праздник. Пришли, а там полный дом гостей. Девчонки, ребята незнакомые. Я Наташе букет протянул, а у самого руки дрожат — чуть не выронил. Она улыбнулась, к столу пригласила. А на столе всего полно: такая еда, какой я в жизни не видел. Ну, и стал метать всё подряд... Сажу рядом с Вовкой да ем, в разговоры не вступаю, веду себя пристойно. Только чувствую, требуется мне по неотложной нужде выйти. Я тихонько Вовке на ухо о своей беде шепчу, а он как заорёт возмущённо на всю комнату: “Веди себя пристойно! Какой тебе тут сортир?”

— Я в коридор выскочил. Дверь открыть не могу, дёргаю — без толку. А в комнате хохот стоит. Не помню, как я оттуда выбрался, до дома не добежал. Пришлось под куст завернуть вот в таком скверике.

“Проверяющий” окинул взглядом сквер и засмеялся.

За спиной неожиданно раздался весёлый детский смех. Листья зашуршали, и над низкими кустиками солнышком засияла знакомая рыжая макушка.

— Алёша, ты что, подслушивал? — возмутилась Саша.

— Больно надо! Вы сами на весь сквер орёте.

— Вот ты какой, Алёша! А меня зовут Владимир Петрович. Я в комитете образования работаю. Сегодня у вас в школе на родительском собрании был.

Алёша опустил голову и тихо спросил:

— Сильно ругались? Я не буду больше...

— Правильно, куда уж больше! Больше и не надо. Ты сейчас домой возвращайся. За маму не беспокойся, я её обязательно провожу. У нас ещё с ней здесь дела важные.

Алёша утвердительно кивнул и пошагал к дому. А Саша улыбнулась про себя: надо же — дела важные! Здравьете — и до свидания! Вот и все дела.

Но женщина не угадала. Ещё много раз Владимир с Сашей встречались по важным делам — для разговоров без вранья.

А потом поженились.

ПЁТР КУЗНЕЦОВ

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

РАССКАЗЫ

МЫ ЖЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Директор небольшой мебельной фирмы Игорь Петрович Костин, офицер-отставник лет пятидесяти пяти, решивший попытать счастья в бизнесе, уже с самого утра изрядно устал. Последнее время дела фирмы складывались неудачно: то качество сырья низкое, то перебои с комплектующими, то фурнитура ненадёжная. И, как следствие, выработка готовой продукции снизилась, спрос на мебель упал.

Директор всячески стремился в короткий срок исправить положение. Он вставал чуть свет, вызывал машину. Едва успевал выпить чашку кофе, как “Ауди” уже стояла у подъезда.

— На износ работаете, Игорь Петрович, — предостерегал шефа водитель.

— Ничего, Серёга, на том свете отдохнём, — мрачно шутил Костин, стараясь держаться бодро.

КУЗНЕЦОВ Пётр Петрович родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любесто в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Тверской государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работал учителем в школе, преподавателем в колледже. Живёт в городе Сельцо Брянской области, где руководит литобъединением “Парус”. Публиковался в еженедельниках “Литературная Россия”, “День Литературы”, “Казённый дом”, “Учительская газета”, “Советская Россия”, в журналах “Молодая гвардия”, “Север”, “Дон” и многих других. Автор одиннадцати книг прозы. Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Неоднократный победитель Международного литературного конкурса им. Константина Симонова. Финалист Международного литературного конкурса им. Андрея Платонова “Умное сердце” (2021). Член Союза писателей и Союза журналистов России.

С раннего утра директор обходил все производственные участки, дотошно вникал в производственный процесс, проверял качество продукции, следил за параметрами приборов, за производственной дисциплиной. Нерадивым работникам давал накачку:

— Сам разорюсь и вас по миру пуцую, если не будете отдаваться работе.

Метод закручивания гаек давал определённые результаты. Однако Костин понимал: чтобы кардинально изменить положение дел, надо срочно переходить от дедовских методов к современному производству. А это значит — вкладывать солидные финансовые средства в строительство нового производственного корпуса, в новое автоматическое оборудование. Словом, перевооружать производство, вводить новые мощности и благодаря этому добиваться высокого качества продукции.

Меж тем средств катастрофически не хватало, и директору пришлось взять очередную ссуду в банке под высокие проценты. Теперь необходимо было проследить, чтобы каждый рубль, вложенный в дело, не пропал даром, а окупился сторицей.

Почувствовав усталость, директор решил немного отдохнуть — поработать с документами. Костин прошёл в офис, поднялся в кабинет, предупредив секретаршу:

— Марина! Ко мне пока никого.

— Хорошо, Игорь Петрович. Сейчас принесу кофе и свежую почту.

Костин тяжело опустился в кресло, задумался. Вошла Марина — поставила на стол чашку дымящегося кофе, аккуратно сложила прессу на край стола и тихонько удалилась. Костин сделал несколько глотков и, взглянув на письма, остановился на одном из них. В письме шла речь об оптовой закупке офисной мебели. Настроение мигом поднялось, спал груз усталости.

Напевая лёгкий мотивчик, Костин переключился на областные газеты. Отдельные только полистал, другие пробежал глазами. Добрался до старейшей газеты — патриарха областных СМИ. Он полюбил её ещё с той поры, как молодым лейтенантом был направлен на службу в военный гарнизон неподалёку от областного центра. Уважал за принципиальность, за неизменную нравственную позицию, за близость к простым людям. Костин считал, что настоящая газета должна чувствовать людскую боль. На таких принципах всегда держалась русская журналистика.

Ныне любимая газета переживала нелёгкие времена. На рынок средств массовой информации хлынул поток низкопробной печатной продукции, смакующей всё, что пахнет жареным, играющей на низменных чувствах читателей. Его же избраница, как бедная благородная женщина, знающая себе цену, и в горьком унижении не роняла своего достоинства. Костин как мог, поддерживал газету: давал рекламные объявления, посылал для публикации праздничные поздравления своего коллектива, поощрял лучших работников фирмы подпиской на газету.

Всех журналистов газеты Костин узнавал с первых строк, не заглядывая в конец статьи, где стояла подпись автора. С некоторыми из них был знаком лично, других знал только как читатель, но уважал тех и других.

На второй полосе в глаза бросился очерк Таисии Крестинской “Не разлучайте нас с мамой”. Такие раньше выходили под рубрикой “Письмо позвало в дорогу”. Очерк захватил Костина, и он с головой ушёл в чтение.

В редакцию пришло письмо от молодой женщины из деревеньки Соколя Гора, давно забытой богом. Она жаловалась на бездушных чиновников, которые хотят отнять у неё детей за то, что они живут в нищете. Это был крик погибающего человека: “Муж в бегах — скрывается от алиментов, сама быюсь, как рыба об лёд, но не могу свести концы с концами. Работы в селе нет — колхоз давно распался. Доход от домашнего хозяйства с гулькин нос, пособие на детей мизерное — на хлеб не хватает. Хата прохудилась, одежонка поизносилась, а чиновники вместо того, чтобы оказать помощь, собираются отобрать детей, которым нечего есть. Но разве я виновата, что оказалась в столь плачевной ситуации?! Неужели им неведомо, что ныне так или почти так живёт пол-России?!”

Корреспондент газеты выехала в Соколью Горю и ознакомилась с положением дел на месте. В публикации сообщалось, что факты, изложенные в письме, подтвердились. Женщина не пьёт, ведёт небольшое хозяйство. Бывший муж алименты не платит, местонахождение его не известно. В старой ветхой хибаре поддерживается относительный порядок. Трое детей одеты в латаную, но чистую одежду и худые настолько, что насквозь светятся. Чиновники действительно проверяли положение детей, угрожали матери забрать их и направить в приют.

Зацепила Костина эта статья — чуть слеза не прошибла. Сам он выходец из села, родился в трудную послевоенную пору и не понаслышке знал, что такое нужда. Отец рано скончался от фронтовых ран, и мать в одиночку тянула свой нелёгкий воз — поднимала четверых детей. Игорь был старшим и, едва подрос, стал помогать матери — подрабатывать подпаском. А позднее — пахал, сеял, косил и стоговал сено каждое лето наравне со взрослыми. Когда приходилось неделями голодать — выручали соседи. Кто блинков даст, кто хлеба горбушку, кто картошкой поделится, кто кружку молока нальёт. Особой жалостью отличалась бабка Арина — видя голодные глаза детей, сама не съест, а их накормит. Урожай соберёт — часть выделит соседям за помощь. На всю жизнь запомнил Игорь, как простыл, провалившись в польню, тяжело заболел, и бабка Арина спасла его растирками и сиропом из кускового сахара. Мать, бывало, всплакнёт: “Как я с тобой, Семёновна, рассчитывать буду?” А она в ответ: “Успокойся, Ульяна! Мы же русские люди и должны помогать друг другу. Иначе нам не выжить”.

В военное училище Игоря Костина провожали всей деревней. Бабы плакали, напутствовали парня: “Хотя бы тебе, старшему, повезло выбраться из нищеты. Тогда и других вытащишь”. Повезло. Училище окончил с отличием и всегда добрым словом вспоминал своих душевных земляков. Потом, когда уже крепко встал на ноги, хотел собрать всех за общим столом, сказать им тёплое слово. Но поздно — неперспективная деревенька приказала долго жить: старики померли, а молодёжь покинула отчие дома...

Костин встал, нервно заходил по кабинету, о чём-то напряжённо думая. И вдруг решительно шагнул к столу, нажал кнопку внутренней связи:

— Марина, срочно вызови Сергея.

Не успел Костин как следует обдумать своё решение, на пороге уже стоял водитель.

— Слушаю вас, Игорь Петрович.

— Вот деньги, — протянул ему несколько крупных купюр шеф, — срочно поезжай в универмаг. Купи три комплекта детской одежды на три, семь и девять лет. Двое последних — мальчики, малышка — девочка. Куртки, брюки, рубашки, платица, спортивные костюмы, кроссовки. А ещё — продукты: хлеб, сыр, колбасу, пельмени, тушёнку — всё качественное. И обязательно сладости: конфеты, печенье, пирожное, вафли, лимонад. Возьми себе в помощь Лену Гусакову из планового отдела. Жду тебя через пару часов.

Не прошло и двух часов, как Сергей докладывал шефу:

— Игорь Петрович, задание выполнено. Машина наполнена под завязку. Всё качественное, по моде и со вкусом. Куда прикажете доставить?

— Поехали, — сказал Костин и на ходу бросил секретарше: — Марина, все вопросы к заму. Буду к вечеру.

Стояла ранняя осень. За окном машины пронеслись деревья, одетые в нарядный убор. Проплывали серебристые паутинки бабьего лета, цеплялись за придорожное быльё. “Много паутины — добрый знак. Осень будет ядрёная”, — вспомнил Костин слова матери. На дальнем поле ярко зеленела свежая, молодая озимь. На опустевших лугах виднелись высокие стога. Рядом с дорогой на голой стерне золотились копны пшеничной соломы. Среди них разгуливали стаи журавлей, собирающихся в дальнюю дорогу.

В Соколей Горы гости без труда отыскали старую деревянную хибару: журналист описала деревню так, что ошибиться трудно. Тропинка к избе пролегла через высокий колючий бурьян. Водитель подъехал почти вплотную

к хате, поднялся на крыльцо, постучал в дверь. На стук вышла хозяйка, довольно молодая, но с лёгкой проседью на висках. Озабоченным взглядом широко распахнутых глаз она посмотрела на гостей. На лице мелькнуло удивление, быстро сменившееся страхом. “Наверное, приняла нас за тех, кто грозился отнять детей, — подумал Костин. — На мою мать в молодости похожа — русская статья, гордость, красота, несмотря на невзгоды”.

— Мир вашему дому! Вас, кажется, Людмилой зовут? — шагнул к крыльцу Костин. — Не пугайтесь — мы к вам с добром. Узнали, что вы попали в сложное положение, и хотим вам помочь, если вы, конечно, не против...

Хозяйка удивлённо вскинула брови, некоторое время молчала. Похоже, в горле застрял горячий ком.

— Проходите в дом, — наконец взволнованно произнесла она.

— Сергей, открывай багажник, доставай подарки, — распорядился шеф.

Водитель стал вынимать сумки, пакеты, коробки и осторожно складывать на лавочках у крыльца. Хозяйка стояла на крыльце в окружении ребятни. По впалым щекам текли слёзы. Костин смотрел на её худенькое лицо, на грубые пальцы, то нервно теребящие концы платка, то поглаживающие волосы дочурки, и думал о её нелёгкой доле.

— Ну что же вы стоите? Помогайте, — обратился к детям гость.

Дети посмотрели на мать, и та в знак одобрения кивнула головой. Ребята тотчас несмело подошли к сумкам, стали таскать их в хату.

Подарки сложили на старом проваленном диване, неподалёку от печки. Часть коробок разместили на полу. Прежде чем распаковать их, Костин окинул взглядом внутреннее убранство избы.

Из всех углов на гостя смотрела своими грустными глазами бедность. Несколько табуреток, кровать с панцирной сеткой, старая детская кроватка, источенный сундук, стол в святом углу — вот и вся мебель. На стенах — жёлтые фотографии. На потолке пятна подтёков, половицы прогнулись, подоконники покосились.

Когда вышли на крыльцо, Костин спросил у хозяйки:

— Есть ли поблизости добротный дом на продажу?

— Вы, верно, под дачу ищите? Тогда в посёлке на центральной усадьбе посмотрите кирпичный дом. Там старенькая учительница жила. Дочь забрала её в город. Администрация выкупила его, а теперь задумала продать. Говорят, что дорого просят, но я уверена — покупатель найдётся. Место там красивое — бывшее дворянское поместье, старинный парк с вековыми деревьями, живописное озеро. Думаю, вам понравится.

— Поедем, Сергей, — позвал водителя Костин. И обратился к хозяйке: — Мы не прощаемся. А вы пока продолжайте распаковывать сумки, доставайте продукты и вещи, угощайтесь, примеряйте обновки.

В пути Костин упрекнул водителя:

— Ну что же ты, Серёга, ничего хозяйке в подарок не подобрал?

Тот в недоумении посмотрел на шефа.

— Игорь Петрович, так мы же вели речь только о детях.

— Ладно, — улыбнулся Костин, — будет подарок и хозяйке...

Несколько часов спустя иномарка вновь мчалась в Соколью Гору по просёлочной дороге. В поле было тихо и покойно. От пестроты красок осеннего дня, от бордовой вечерней зари, что догорала далеко на западе, от запаха горькой полыни, что врывался в окно машины с прохладным воздухом, было немного грустно и в то же время легко на душе. Костин поймал себя на том, что давно не испытывал такого приятного состояния. Хотелось остановить машину и остаться здесь на весь вечер и на всю ночь. Но надо было спешить, чтобы успеть в деревню до темноты.

У знакомой избы шофёр нажал на тормоза. Всё семейство высыпало на крыльцо встречать добрых волшебников. Ребята были в обновках.

— Ну вот, какие вы нарядные и ещё более красивые! — сдерживая волнение, восторженно произнёс Костин. — А коль так, собирайте свои пожитки и едем в ваш новый дом. Там уже всё готово для приёма новосёлов.

Людмила сразу ничего не поняла, а когда до неё дошло, что гость интересовался новым жилищем для неё, она решительно отстранила детей и, не помня себя, бросилась Костину в ноги:

— Господи милостивый, уж не с неба ли вы свалились? Назовите же своё имя, чтобы я знала, за кого мне теперь молиться до конца жизни!

— Пусть я останусь инкогнито, — смущенно улыбнулся Игорь Петрович. И зашагал в сторону машины.

По весне, когда дела мебельной фирмы резко пошли в гору, Костин открыл свежий номер любимой газеты, и на развороте ему бросился в глаза заголовок заметки “Мы же русские люди!”

“Уважаемая редакция! Пишет вам женщина, о которой вы написали осенью в статье “Не разлучайте нас с мамой”. Может, моё письмо покажется нескладным, потому что я очень волнуюсь — столько всего на меня свалилось за последний год. Хорошего. У меня теперь есть свой добротный дом. Местного вдовца с ребёнком приняла в семью. Надёжный человек. Не пьёт, работает. О детях заботится. Живём дружно. Недавно родилась доченька — моя прекрасная принцесса. Назвали её Тасей, в честь вашей журналистки Таисии Крестинской, благодаря которой мне помогли приобрести дом, мебель, одежду для детей, продукты на зиму. Хочу через газету донести слова благодарности и низкий поклон до замечательного русского человека большой души, который проявил неравнодушие и принял живое участие в моей нелёгкой судьбе, подарив мне прекрасный дом, а вместе с ним — веру в людей. Я не знаю его имени — он даже не представился. Дай Бог ему и всем моим благодетелям здоровья и благ земных и небесных. Спасибо большое от меня и моих детей вашей замечательной газете. С глубоким уважением, Людмила Ивушкина”.

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Андрею Чернышову посвящается.

*Я ломал это время руками, как сталь,
Целовал его в чёрные губы,
Напиши про любовь, не пиши про печаль,
Напиши, что я взял Мариуполь.*

Дмитрий Мельников

Кольцо вокруг города сжималось день за днём. Украинские войска и боевики нацбатальонов оборонялись ожесточённо, били по окраине города из установок залпового огня, тяжёлых орудий и миномётов, чтобы остановить наступление бойцов Донецкой народной республики. Снаряды разрушали высотные дома, в подвалах которых скрывались люди.

Опасаясь гибели мирного населения, бойцы народной милиции и ополчение ДНР, получив сообщение, что на помощь им спешат российские войска, временно приостановили наступление. Первыми на помощь братьям-славянам подоспели подразделения российских мотострелковых частей, и продвижение к центру города возобновилось. Почувствовав опасность, неонацисты и украинские силовики открыли шквальный огонь. Ответный огонь вести было опасно — разведка доложила, что батареи залпового огня и артиллерия противника установлены среди жилых домов, где могут находиться люди.

БТРы с российскими бойцами из десантно-штурмовой бригады вошли в город в середине марта. Стоял лёгкий морозец. На окраинных улицах города было безлюдно. Передвигаться по улицам и тротуарам трудно: кругом воронки, битое стекло, сгоревшие машины, поваленные деревья, гильзы от снарядов. Мрачную картину дополняли чёрные от копоти коробки полуразрушенных домов, зияющие пустыми глазницами.

Командир разведроты десантников старший лейтенант Роман Гаранин дал команду подчинённым:

— Соблюдая все меры предосторожности, пробираемся к подвалам ближайших домов, осматриваем их. При обнаружении людей, выводим всех наверх и направляем в безопасные места — в тыл нашей боевой техники. Диспозиция ясна?

— Так точно, — чётко ответили бойцы.

Когда группа десантников во главе с командиром подобралась к ближайшему разрушенному дому, из подвала навстречу им вышел седой согбенный старик, с окладистой бородой:

— Слава богу, дождались своих спасителей! — смахнул слезу старик. Он шагнул к Гаранину, протянул руку, потом обнял его, похлопал по спине. — Третью неделю ютимся в подвале без света и тепла. Питаемся тем, что Бог послал. Топим печурку, но дрова уже на исходе. Подвал сырой и холодный. Детей и женщин жалко...

— А где нацики скрываются? — спросил у него Гаранин.

— Прячутся в центре города, в школах и корпусах городской больницы, из которых выгнали людей. А под окнами жилых домов разместили много тяжёлого вооружения. Если точно ударить — можно разом накрыть эту мразь...

— Ударим, когда проведём разведку и убедимся, что рядом нет людей, — ответил Гаранин. — Показывайте дорогу в подвал. Будем эвакуировать вас в безопасное место.

В полутёмном сыром подвале, прямо на полу размещалось более трёх десятков людей, преимущественно женщины и дети, укутанные в пледы и тёплую одежду. Услышав русскую речь, все зашевелились и, как по команде, подняли головы, стараясь рассмотреть гостей. Улыбка радости пробежала по их усталым лицам. Одна из пожилых женщин живо встала, подошла к Роману, обняла, поцеловала и сквозь слёзы проговорила:

— Сыночек, родной, мы вас ждём уже три недели, молимся господу о спасении. Бомбы падают на головы. Осколки летят, нельзя нос высунуть из подвала, чтобы воды набрать и дров. Снайперы бьют по нам прицельно... Разве это люди — хуже фашистов...

— Вставайте, собирайтесь, мы проведём вас в безопасное место, а оттуда отправим в Донецк, — обратился к людям Гаранин. — Временно поживёте там, пока мы освободим ваш город от бандеровской нечисти.

— А водицы у вас не найдётся? — спросила женщина. — Дети пить хотят...

Гаранин дал команду десанникам, стоящим у него за спиной:

— Воду в флягах сюда и сухпайки!

Бойцы принесли воду и продуктовые наборы, разложили на столике в центре подвала.

— Быстро напоите и покормите детей, немного подкрепитесь сами, и будем подниматься наверх, — распорядился Гаранин. — Время дорого...

Старший лейтенант шагнул в дальний угол, где на полу, усталанном картоном, сидели, укутавшись одеялами, женщина средних лет и молодая девушка, похожая на неё. Девушка прижимала к телу малыша лет трёх. Роман, войдя в подвал, обратил внимание на их миловидные бледные лица с широко распахнутыми, настороженными глазами. И даже страдальческая тень, которая легла на эти красивые лица, не портила их, лишь вызвала чувство сострадания и жалости. Гаранин достал свой сухпайк, фляжку с водой и положил перед ними на газету. Девчужку подхватил на руки. Она не противилась. Роман вынул из кармана камуфляжной куртки небольшую шоколадку, протянул малышке. Она взяла, улыбнулась в ответ.

— Кушайте, не стесняйтесь, — сказал он, обращаясь к новым знакомым.

— Вам же ничего не останется, — сочувственно произнесла женщина. — Как же вы воевать-то будете на голодный желудок?

— Не волнуйтесь. Меня ребята накормят, — ответил Гаранин.

Пока они ели, Гаранин поинтересовался:

— У вас в Донецке родственники есть, где бы вы смогли остановиться?

— У мамы, — девушка кивнула головой в сторону женщины, — есть где-то племянница в Донецке, но мы с ней давно утратили связь. Может, её уже нет в живых. Ведь город долгое время подвергался обстрелам.

— Простите, а мужчины ваши где? — спросил Роман.

— Отец всю жизнь работал шахтёром. Когда националисты напали на Донбасс, вступил в ополчение и погиб в самом начале войны, — ответила девушка, глотая слёзы. — А мой муж до войны был учителем. Бандеровцы заподозрили его в симпатиях к тем, кто сражается за Донбасс, хотя он это особенно и не скрывал. Я предостерегала мужа об опасности, зная, как они расправляются с неудобными. Но Саша верил, что людей Донбасса им никогда не покорить — каждый готов сражаться с оружием в руках за свою землю. Бандеровцы арестовали его, пытались запугать, предлагали вступить в нацбатальон, но Саша наотрез отказался, и спустя время его расстреляли. Олеся тогда только родилась. А ей уже скоро четыре годика...

Роман прижал девушку к груди, поцеловал.

— Меня зовут Роман Гаранин. Как вы смотрите на то, если я вас переправлю не в Донецк, а к себе на Родину в Белгородскую область, что на границе с вашей областью. У меня там, на Белгородчине, в небольшом тихом городке живёт мама. Она охотно примет вас, и вы будете в полной безопасности. Ведь Донецк ещё тоже бомбят, и кто знает, как всё обернётся. Да и возвращаться вам сюда уже поздно — ведь вашего жилья нет и всего остального — тоже. Но всё это дело наживное, главное, чтобы сами уцелели...

— Да, — ответила женщина, — ничего нет. В одночасье стали бездомными и нищими. Только документы успели прихватить с собой да вот эти тряпки. Меня зовут Ирина Андреевна. Дочь — Яна Даниленко. Нам всё равно, куда ехать, лишь бы подальше от войны. Выбора нет. Конечно, не хотелось бы стать обузой для вашей мамы, но что поделаешь, коль оказались в такой сложной ситуации.

— Вся ответственность за вас с этой минуты ложится на меня, — заверил новых знакомых Роман. — А мама у меня — сама доброта. Вам не стоит беспокоиться — она примет вас как родных.

— Спасибо, сынок, — сказала в ответ Ирина Андреевна дрогнувшим голосом и слегка прослезилась.

Тем временем десантники стали выводить людей из подвала. Первыми поднялись наверх женщины и дети, за ними потянулись старики. Двух ослабевших женщин бойцы вынесли из подвала на одеялах. Роман вынес на руках Олеся. Следом поднялись Ирина Андреевна и Яна.

Десантники направили спасённых людей в небольшую кирпичную котельную на окраине города, уцелевшую от снарядов. Гаранин тотчас связался с командованием батальона, доложил обстановку и запросил транспорт для эвакуации людей из опасной зоны. Комбат обещал немедленно выслать пару автобусов.

Автобусы прибыли оперативно, и бойцы живо разместили в них людей. Старший лейтенант, увидев, что следом за автобусами прибыла “Газелька”, подошёл к водителю, спросил:

— Куда направляешься, братишка?

— Вот привёз продукты для вас. Разгрузюсь и сразу — назад.

— Тебя как зовут?

— Старший сержант Сергей Алейник.

— Старший лейтенант Гаранин, — протянул руку водителю Роман. — У меня к тебе, Серёга, личная просьба — сделай небольшой крюк — отвези вот этих женщин, что стоят в сторонке, на мою родину в Белгородскую область. Здесь недалеко.

— Родственники нашлись? — заинтересовался водитель.

— Да, надо переправить их к моей матери.

— Будет сделано. Напишите адрес. Сейчас разгрузюсь — и в путь.

Гаранин дал команду бойцам помочь разгрузить продукты. А сам тем временем набросал матери небольшое письмо. Только закончил и направился к женщинам, как сержант уже подкатил к ним.

— Карета подана. Прошу устраиваться поудобнее. И понадежнее. Буду гнать на повышенной скорости.

— Ну что же, в добрый час, — сказал Гаранин и по очереди обнял женщин. — Передавайте маме привет от меня. Я постараюсь с ней связаться.

И, обращаясь к водителю:

— Серёга, вот письмецо матери набросал, на случай, если не удастся дозвониться. Передай, пожалуйста. Теперь вся надежда на тебя. Позвони, когда доставишь моих родственников на место.

— Не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант. Всё будет нормально.

На следующий день вечером, во время передышки между боями, к десанникам заглянул военный корреспондент одной из центральных российских газет. Военкор подготовил репортаж, взял интервью у бойцов и командира роты. Гаранин, уловив момент, обратился к нему с просьбой помочь связаться с матерью.

— Только недолго — сам понимаешь, что это опасно.

Роман слегка разволновался, услышав голос матери.

— Здравствуй, мой дорогой сыночек, — сквозь слёзы сказала Надежда Михайловна. — Как хочется тебя увидеть — кажется, не видела целую вечность. Мне рассказали, как тебе там тяжело приходится. Мы очень волнуемся. Береги себя.

— Mam, у меня всё нормально. Воюем как положено. Как ты себя чувствуешь? Как наши гости устроились? Передавай им привет.

— У нас всё хорошо. Мне стало гораздо легче. Гости всячески поддерживают. А я — их. Настрадались бедные так, что жизнь у нас им кажется раем. Есть так не хотят, как спать. Передают тебе приветы. Обнимаем тебя. Молю бога, чтобы ваша операция скорее закончилось, и ты вернулся домой целым и невредимым...

Следующий сеанс связи с матерью удался только через неделю. Мать обрадовалась, сказала, волнуясь:

— Как ты себя чувствуешь, сынок? Большое спасибо тебе за добрых людей, которых ты направил ко мне. Живём душа в душу. Не дают мне ни за что взяты — всё стараются делать сами. И готовят, и убирают, и стирают. Яна скоро пойдёт работать в детский сад и Олеся с собой заберёт. Сейчас оформляют документы, проходят медкомиссию. Передают тебе приветы. Береги себя. Обнимаем, целуем.

В конце марта десантники выбили бандерлогов из города. Хорошо поработали разведчики-наводчики, обнаружив точки, где затаились оголтелые националисты, зная, что им пощады не будет. По ним и были нанесены точные удары. Часть боевиков бежала, бросая оружие. Солдаты украинской армии, оставшиеся в городе, сдались в плен.

Операция по освобождению города близилась к концу. Подразделению старшего лейтенанта Гаранина была поставлена задача провести тщательную зачистку домов от укрывшихся в них боевиков и двигаться дальше.

Десантники метр за метром на БТРах и пешком прочёсывали местность. Впереди двигалась боевая машина Романа Гаранина. Когда приблизились к зданию школы на окраине города, из цокольного этажа по десанникам открыли огонь — ударили из переносного противотанкового оружия. Старший лейтенант и его подчинённые среагировали мгновенно. Раздался выстрел из гранатомёта, и огневая точка была уничтожена. И только тогда Гаранин заметил, что один из его бойцов ранен. Он поспешил к нему на помощь, но тут прозвучал ещё один выстрел со стороны школы, и Роман Гаранин получил осколочное ранение в ногу. Десантники бросились к раненым, перевязали их, открыли огонь по зданию, где засели боевики. Завязался бой.

На выручку десанникам подоспели другие бронемашинны, но раненый старший лейтенант Гаранин продолжил командовать ротой и прикрывал своих бойцов, пока сопротивление боевиков не было подавлено. Во время боя один из десантников получил тяжёлое ранение. Старший лейтенант под огнём противника вытащил его из опасной зоны, перевязал рану...

После боя Гаранин связался с командованием, доложил, что город зачищен, но в бою он и двое десантников получили ранение. Вскоре прибыла машина скорой помощи и раненых доставили в военный госпиталь в Донецке, а затем переправили в Россию.

Матери Романа Гаранина сообщили, что её сын ранен и находится в военном госпитале в Подмоскowie. Надежда Михайловна разволновалась, стала

готовиться к поездке. Яна и её мать успокаивали хозяйку, поддерживали, убеждали, что ей одной ехать нельзя. Решили, что Олеся останется с бабушкой дома, а Яна поедет с ней.

И тут по телевизору показали, как в подмосковный госпиталь прибыл министр обороны России и вручил награды воинам, отличившимся в спецоперации по освобождению Украины. Среди тех, кого наградила министр, красовался и старший лейтенант Гаранин, которому он лично прикрепил на грудь орден Мужества, поздравил его с наградой, поблагодарил за успешное выполнение боевой задачи и пожелал скорого выздоровления. Надежда Михайловна не могла сдержать слёз...

Они уже приобрели билеты на поезд, когда позвонил Роман.

— Мама, здравствуй, дорогая! Меня слегка зацепило в бою, и я нахожусь на лечении в военном госпитале под Москвой. Мы можем повидаться. У меня к тебе большая просьба — если сможешь приехать, то обязательно вместе с Яной. Я хочу увидеть вас...

— Сыночек, родной, мы с Яной уже купили билеты. Вечером выезжаем, а утром будем у тебя, — сквозь слёзы сказала Надежда Михайловна. — Как ты чувствуешь себя? Ранение не тяжёлое? Была ли операция? Рана заживает?

— Мам, всё в порядке. Скоро поправлюсь. До встречи. Жду вас...

После госпиталя Роману предоставили небольшой отпуск. Всё свободное время он проводил вместе с Яной и её дочкой. Маленькая Олеся так привязалась к Роману, что не отходила ни на шаг. А когда услышала, что он скоро уедет на Украину, заплакала:

— Не хочу, чтобы ты уезжал на войну!

Незадолго перед отъездом Роман признался Яне в любви и предложил стать его женой. Она в ответ сказала:

— Роман, милый, я люблю тебя, но давай не будем торопить время. Тебе предстоит ещё участие в военной операции, и кто знает, как всё может сложиться. Я уже потеряла на войне мужа и не хочу быть дважды вдовой... Но не случись этой войны — мы бы не встретились с тобой, и я бы не испытала вновь давно забытые чувства... Я буду молиться за тебя и ждать...

Провожали Романа всей семьёй. Женщины обнимали его, целовали, напутствовали, роняли слезу.

Вставало солнце. Утренний туман рассеивался под его яркими лучами. Зарождался новый благодатный день. Люди радовались весне, солнцу, ясному небу, погожему дню. Радовались жизни. На привокзальной площади играла музыка, звучали песни. Актриса Ирина Шведова проникновенно пела: "Мой милый! Если б не было войны..."

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

Государственный советник Республики Саха (Якутия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ БУДУЩЕЕ БЕЗ НЕЁ?

Пожалуй, одной из примет нашего времени стала широко развернувшаяся в стране дискуссия по вопросу национальной идеологии России. Она идёт в средствах массовой информации и на всевозможных встречах и мероприятиях общественных деятелей и специалистов, в частных обсуждениях людей и на государственном уровне. Во всяком случае, Президент России Владимир Путин и другие высшие официальные лица Российской Федерации неоднократно высказывали своё отношение к тем или иным идеологическим вопросам или мотивировали ими свои практические решения.

При этом подразумевается, что идеология есть совокупность суждений, идей, теорий о сущности человека и его сознании, о природе и обществе, о прошлом и настоящем. Иными словами, это представление людей о себе и реальности, которая их окружает.

Но в любой идеологии одним из ключевых является вопрос о будущем: каким бы его хотелось видеть, надо ли что-то радикально менять в настоящем ради будущего, должны ли перемены быть постепенными или революционными? В зависимости от ответов на эти вопросы все идеологические построения современности в нынешних дискуссиях делятся на три ветви: консерватизм, либерализм, социализм. Конечно, это деление условно, так как в каждой ветви в той или иной мере присутствует некоторое влияние других, которое вносит значимые коррективы в оформление и развитие этих ветвей, не меняя, впрочем, их главной сути. Не меняет сути дела и то, под каким названием та или иная идеология провозглашается конкретными государствами или не провозглашается вообще. Главное, руководствуясь какой из трёх идеологий строится и государственная, и повседневная людская жизнь.

Формальным поводом для развернувшейся в нашей стране дискуссии стало содержание одной из статей Конституции Российской Федерации, которая устанавливает запрет на принятие той или иной идеологии в качестве государственной или обязательной. По мнению многих государственных и общественных деятелей, политиков, учёных, публицистов, да и в глазах просто достаточно широкого круга соотечественников, именно отсутствие в силу этого запрета государственной идеологии не позволяет выработать для страны привлекательный образ будущего, сформулировать национальную идею и сплотить общество вокруг неё.

А так ли это на самом деле? Действительно ли в стране царит полное разнообразие мнений на уровне отдельных людей и социальных общностей, а на общегосударственном идеологический вакуум и страна болтается без компаса? Нет, это не так. По факту, органы государственной власти России руководствуются идеями либерализма. Конституционным основанием для этого является специальная статья, провозглашающая права и свободы человека высшей ценностью. Ни о каких других ценностях в Конституции и речи нет. Именно на этом, чисто либеральном постулате и строится государственная экономическая и социальная политика. Именно здесь истоки упора на “невидимую руку” рынка и принижение роли государства в экономике сверх всякого здравого смысла; коммерциализации системы образования и здравоохранения; расслоения людей не только имущественного, но и классового и даже сословного; кардинального изменения отношений между людьми от коллективизма к индивидуализму. Значит, в реальности идеология есть, даже если это не провозглашается официально. Тогда надо признать, что причиной развернувшейся в стране дискуссии о необходимости выработки национальной идеологии является не её отсутствие, а кризис её либеральной основы. На современном витке истории она перестала быть востребованной людьми, обществом, стала тормозом развития. Следовательно, речь идёт не о поиске идеологии как таковой, а замене нынешней.

Такая же ситуация складывалась в нашей стране и в начале 1990-х годов. Тогда, после краха Советского Союза была острейшая общественная потребность в осознании новой реальности и каком-то образе будущего. Президентом России Б. Ельциным была даже образована специальная комиссия для подготовки предложений к идеологии государства Российского уже в новом его качестве. Очень быстро выяснилось, что нет нужды в работе этой комиссии. Властно, явочным порядком взяла верх идеология либерализма, поскольку её носителем был победивший в борьбе за власть в ходе событий конца 1980-х – начала 1990-х годов новый класс буржуазии, сформировавшийся из лавочников, полулегальных и криминальных предпринимателей и небольшой части бывшей советской элиты. Важнейшую роль сыграло и мощное идеологическое влияние Запада, установившего почти полный контроль над происходившим в России. Вот и сейчас такая же рубежная эпоха в жизни нашей страны, отсюда и потребность в новой идеологии.

Утрата идеологией либерализма своих позиций в России, её кризис имеют и внешние, и внутренние причины.

Либерализм есть порождение капитализма, его дух, который вместе со своей плотью переживает периоды взлёта и падения. Сейчас всё более широко распространяется убеждение, что современный капитализм переживает глубокий кризис. Причём не только циклический, связанный со сменой очередного технологического уклада, но и общий. Закономерность появления общего кризиса объясняют глубинными изменениями в организации самого общественного производства по мере информатизации, автоматизации и роботизации всех сфер жизни человечества. Ведь развитие этих процессов в своём пределе приводит к исчезновению эксплуатации наёмного труда, прибавочного продукта и прибавочной стоимости, а в конечном итоге прибыли – пищи капитала. Вот почему из уст самых главных его апологетов звучат слова о том, что современный капитализм исчерпал себя, нужны новые его формы, типа “инклюзивного капитализма”. Представления об этом самые смутные, вот и не могут идеологи объяснить с либеральных позиций, куда же движется человечество. Потому и сама либеральная идеология теряет привлекательность. Кроме того, старый капитализм в его новой транснациональной глобальной форме вовсе не собирается сдавать свои позиции, несмотря на предсказания скорой его смерти. Но для выживания ареной его деятельности должна стать вся планета. Проникновение в самые отдалённые её уголки требует разнообразного инструментария, в том числе идеологического. Среди других ветвей идеологии самым подходящим для выполнения роли такого идеологического инструмента является либерализм. Ведь с помощью его постулатов неограниченной свободы рыночных сил легче всего взломать границы государств, поставить под контроль их рынки и финансы. Что, к примеру, произошло и в России три десятилетия назад. Естественно, у многих возникает недоверие к этой идеологии как к элементу неокOLONIALИЗМА.

Что касается наших внутренних причин кризиса либерализма, то надо отметить, что многие его положения изначально противоречили традиционно сложившимся идеологическим представлениям народов России. И дело здесь не только в нравственных установках наших традиционных религий или морального кодекса строителя коммунизма, но в самом образе жизни россиян. Формы его организации в разные исторические периоды и в различных регионах России были разные, но для большинства из них характерны коллективистские начала. От родовых и крестьянских общин, артелей и колхозов до советских государственных предприятий, бывших на самом деле не просто производственными единицами, а социально-экономическими системами, в которых проходила и общественная, и в значительной степени личная жизнь людей.

Преимущественно коллективные формы образа жизни людей складывались как ответ на суровые природно-климатические и сложнейшие экономико-географические условия России. Потому ценность коллективизма в нашей стране имеет естественный и фундаментальный характер. И не могла она не вступить в противоречие с такой же фундаментальной установкой либерализма на крайний индивидуализм человека. Это противоречие глубинное, но имеющее многие выходы на разнообразные поверхностные отношения людей в самых разных сферах от экономики до стандартов повседневного поведения. Внутренние и внешнеполитические потрясения, природные катаклизмы, экономические и социальные кризисы периодически требовали сплочения людей и всего общества, чтобы ответить на возникающие угрозы. Это, в свою очередь, вызывало необходимость возврата к традиционным ценностям, несмотря на их противоречие новым либеральным. Так подспудно проходила эрозия взятого на вооружение в начале 1990-х либерализма. Государственные идеологические установки стали включать в себя и некоторые идеи консерватизма и социализма. В целом, для сегодняшнего дня характерна картина идеологического конгломерата малосвязанных частей, где пока главенствует либерализм, но он уже основательно подточен вкраплениями элементов других идеологий. Это необходимо, чтобы предугадать и попытаться сконструировать будущее.

Потребность в выработке новой национальной идеологии многократно возросла с началом специальной военной операции на Украине. Ведь теперь особое значение приобретают вопросы о смысле нашего бытия и конкретных действий, о месте России в этом мире и ценностях, которые мы защищаем. Однако надо иметь в виду, что в процессе работы над новой нам предстоит слом старой, либеральной идеологии. Пусть не в целом, а уже в основательно разбавленном виде, но она есть и во многом влияет на все сферы нашей жизни.

Национальная идеология не может быть продуктом какой-то серии абстрактных научных трудов или теософских размышлений. Она должна родиться в ходе практической работы, движения общества к определённым целям, преодоления трудностей в ходе этого движения. Тогда результаты и эффективность разных конкретных решений дадут возможность и научного, и обыденно-житейского их осмысления и обобщения в качестве элементов новой идеологии. В этой связи во главу угла можно поставить национальную идею. Достижение поставленных ею целей и будет тем путём, проходя который можно выработать национальную идеологию.

Если поставить вопрос, а была ли у России какая-то национальная идея в постсоветский период, большинство людей, даже специалистов, ответят, что нет, её не было. На самом же деле она была и, хотя не провозглашалась в качестве лозунга, почти во всём определяла общий курс государства во всех значимых сферах жизни. Эта идея заключалась в движении на Запад, стремлении войти в число “цивилизованных” стран “золотого миллиарда” даже ценой потери собственной идентичности, встроиться в “благословенную” Европу, единую от Лиссабона до Владивостока. Именно благодаря так заданному вектору движения и заняла господствующие позиции в России идеология либерализма. Ведь это матрица, на основе которой построен современный западный мир и, соответственно, намеревалась перестроить самое себя Россия.

Изначально эта национальная идея была утопичной и могла осуществиться только при условии полного разрушения Российской государственности.

Если рассматривать историю как закономерный процесс смены общественно-экономических формаций, то при капитализме место России в силу мирового разделения труда не в числе стран развитых, а в строю периферийных сырьевых компрадорского типа. И это объективно предопределяется её природно-климатическими и логистическими условиями. Отсюда корни высказываний Б. Обамы о том, что судьба России быть бензоколонкой, а М. Тэтчер — о том, что нашей стране достаточно пятнадцати миллионов жителей.

Успешно противостоять превратностям “географической судьбы” можно только созданием особой системы хозяйствования. Это доказал опыт Советского Союза. Но мы разрушили эту особую систему в своём стремлении на Запад. На скорую руку сконструировали стандартную ультралиберальную по заданным нам Западом лекалам, обеспечив полную свободу действий капиталу, что закономерно привело Россию к превращению из высокоразвитой индустриальной державы в сырьевой придаток развитых экономик. Всё правильно, капитал не терпит сантиментов в поисках наивыгоднейших мест приложения и ставит всех в своё стойло. Если на каком-то следующем этапе ему уж очень сильно станут мешать наши государственные границы, то и государство Российское перестанет существовать. Это при условии, конечно, что сохранится сама национальная идея движения на Запад.

С точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу, Запад и Россия представляют собой два разных культурно-исторических типа или две разные оригинальные цивилизации, находящиеся каждая в своей стадии развития. Ещё полтора столетия назад один из основателей этого подхода Н. Данилевский предупреждал тогдашних отечественных “еврофилов”, что чрезмерное усердие во встраивании в Запад приведёт не к расцвету, а разрушению Российской цивилизации. А народы её, в лучшем случае, станут просто этнографическим материалом для ассимиляции и поглощения. Не это ли мы наблюдаем сегодня, когда во многих странах Европы ставится запрет на российскую культуру, категорически отвергаются традиционные для России православные и мусульманские ценности?

Основатель теории этногенеза Н. Гумилёв представлял всемирную историю сквозь призму возникновения, развития и закономерного схода с исторической арены суперэтносов. Их взаимодействие может приводить к продуктивному симбиозу. Но попытки слияния всегда заканчиваются полным или частичным в зоне контакта уничтожением одного из них. Разве сегодняшние события на Украине, которая как раз и является зоной контакта романо-германского и российского суперэтносов, не подтверждают это?

В русло теорий геополитиков об извечной борьбе морских и сухопутных держав как движущей силе истории полностью вписываются действия стран Запада по фактически морской блокаде России путём введения всевозможных санкций.

Таким образом, наш поход к идеалам Запада закончился тем, что и должно было случиться, — началом разрушения Российской государственности. К счастью, остановились. Теперь нужна смена вех, новая национальная идея.

Судя по тому, как развиваются события на международной арене, даже после окончания специальной военной операции на Украине предстоит долгий период, когда нам придётся отстаивать, защищать независимость нашего государства, его суверенитет. Потому **нашей национальной идеей в ближайшие десятилетия должно быть сохранение единства и целостности, обеспечение оборонной, экономической и технологической независимости Российской Федерации.** Это не должно оставаться лозунгом. По каждому направлению этой триады — единство, целостность, независимость — должна развернуться конкретная работа.

Магистральная инфраструктура — основа единства России

Материальной основой единства любой страны являются общенациональные инфраструктурные магистрали. А для России с её бескрайними просторами, самым суровым на планете климатом, регулярными природными катаклизмами они имеют исключительное значение для самой целостности государства. Недооценка этого может привести к непоправимым последствиям.

Ярким примером и своеобразным символом таких последствий была ситуация, когда несколько лет назад из-за наводнения на небольшой сибирской

реке в Иркутской области на время фактически прервалось автомобильное сообщение между Западом и Востоком России. Если бы тогда паводок той же реки снёс и мост чуть ниже по её течению, в Тайшете, оборвалась бы и железнодорожная связь. Страна оказалась бы полностью разделённой надвое. Ведь Европейская и Азиатская части России до сих пор связаны одной-единственной нитью Транссибирской железнодорожной магистрали и полуразбитым автомобильным Московским трактом, который на отдельных участках имеет разные названия.

Вот почему задача создания общенациональных инфраструктурных магистралей, связывающих воедино всю страну, должна быть одним из важнейших стержней нашей национальной идеи.

В практическом плане речь идёт о завершении создания Объединённой энергосистемы России; строительстве магистральных нефте- и газопроводов, связывающих воедино основные нефтегазодобывающие провинции всей страны и обеспечивающих их выход к главным нашим портам на Северном Ледовитом и Тихом океанах; восстановлении ещё советской сети аэродромов и авиаплощадок в отдалённых районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока; опережающем развитии космических и наземных систем связи, сбора, обработки и хранения информации. А в качестве особо важных задач необходимо выделить развитие морского транспорта и создание опорного каркаса магистральных железных дорог.

История, в том числе новейшего времени, знает немало примеров, когда ведущие морские державы относительно небольшими экспедиционными силами ставили под контроль всю внешнюю и значительную часть внутренней торговли государств могучих, но не имеющих развитого флота. Изнуряя их экономически, они в конечном итоге добивались и своих военно-политических целей. Но разве не так развиваются сегодня и события вокруг России? Ведь нынешние требования коалиции из полусотни стран Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки об интернационализации нашего Северного морского пути, поддержка претензий Японии на Курильские острова, санкции в отношении морских перевозок российских грузов и идеи превращения Балтийского моря во внутреннее для НАТО и ЕС есть не что иное, как стремление загнать нашу страну исключительно на сушу, парализовать её экономические и оборонные морские возможности. Ответом на эту угрозу может быть только всемерное наращивание морской мощи России во всех её компонентах. Это развитие морских портов и портового хозяйства, мощностей судостроения и связанных с ним отраслей машино- и приборостроения, масштабное строительство военно-морского, рыбооловецкого, наливного флота и сухогрузов. Причём география размещения портов и центров судостроения должна предусматривать возможность выхода флота из них прямо в открытый океан или в наши внутренние моря, связанные с ним. Это означает, что центры роста нашей морской активности в конкретных современных условиях должны быть расположены на Севере и Дальнем Востоке. Другого выхода нет, ведь проливы Чёрного и Балтийского морей могут в любой момент быть закрыты для России. На Севере необходимо развитие Мурманска и создание новых мощных портов: Новоархангельского, в Индиге, на Таймыре. На Дальнем Востоке все удобные заливы и бухты Тихоокеанского побережья от Посыета до Магадана должны быть заняты взаимодополняющими друг друга портами разной специализации, предприятиями судостроения, судоремонта и обслуживания флота.

Согласованно в пространстве и времени с программами развития морской деятельности должно быть развёрнуто строительство новых трансконтинентальных широтных железнодорожных магистралей. Их задача двоякая: обеспечить связь российских макрорегионов между собой и выход глубинных районов страны к главным морским портам. Отсюда и вытекают их возможные трассы.

Необходимо разворачивать сооружение Северосибирской магистрали (Севсиб) от Магадана через Якутск, Усть-Илимск, Лесосибирск, Сургут до Ивделя и Красновишерска на Урале с дальнейшим выходом к глубоководным портам Северо-Запада – Индиге, Новоархангельску, Мурманску. Это станет возможно с реализацией проектов “Белкомур” (Соликамск – Сыктывкар – Архангельск) и “Баренцкомур” (Ивдель – Сосноборск – Индига), обсуждение которых идёт уже с десятков лет, но практических дел пока нет. А через уже

существующую железнодорожную сеть Севсиб с Урала получит выходы к крупнейшим промышленным и логистическим центрам Европейской части страны, портам Балтики, Каспия и Чёрного моря.

Оборонная, экономическая, логистическая активность России в Арктике уже сегодня требует строительства Трансарктической железнодорожной магистрали (Трансарктика) от Мурманска до Анадыря в дополнение и поддержку Севморпути.

Транссиб, Севсиб, Трансарктика послужат и опорным каркасом для развития целой сети выходящих на них железных дорог регионального значения, обеспечивающих логистику и действующих промышленных центров, и новых точек развития.

На первый взгляд кажется, что столь масштабные железнодорожные проекты выполнить в сегодняшних условиях нереально. На самом деле технико-экономические проработки показывают их осуществимость в ближайшие 10–15 лет. Особенно с учётом уже накопленного опыта государственно-частного партнёрства в транспортном строительстве. А самое главное, надо отчётливо понимать, что не может быть в безопасности страна, наскоро сшитая на одну нитку Транссибирской магистрали.

Рациональное размещение производительных сил – основа целостности России

Целостность страны обеспечивается её пространственным развитием, которое понимается как рациональное территориальное размещение производительных сил и населения. С этой точки зрения исторически сложившаяся крайне слабая заселённость восточных, зауральских регионов России всегда совершенно справедливо воспринималась как реальная угроза безопасности нашей страны. С течением времени эта угроза не снята, напротив, она только усилилась. Свидетельством тому являются уже не только закрытые доклады разного рода аналитических центров, но и публичные заявления некоторых западных политических деятелей и обслуживающих их представителей интеллектуального истеблишмента о несправедливости принадлежности России огромных сибирских и дальневосточных земель и природных ресурсов. Пока устами отставных высокопоставленных деятелей, но уже вполне открыто, ставится вопрос о переделе территории нашей страны в пользу “нуждающихся” государств, причём не обязательно с нами сопредельных. Или, на худой конец, предлагается “интернализация” её природных ресурсов. Истинная причина всех этих поползновений заключается в самой природе капитализма. Независимо от формы, которую принимает капитал в конкретные исторические периоды, его постоянное воспроизводство требует не только непрерывного расширения рынков сбыта, но и всё больше, больше и больше всякого рода ресурсов. В ходе глобализации ареной действия западного капитала становится вся планета. И именно в его интересах капитал стремится осуществить передел громадных ресурсов восточных регионов России. Хотя зачастую это прикрывается “заботой” об удовлетворении насущных потребностей всё возрастающего населения планеты. Наивно думать, что автоматизация, роботизация и информатизация производственных процессов резко снизят потребности в ресурсах, особенно энергетических. Ведь законов физики не изменить. Ничто не возникает из ничего. И любая человеческая деятельность – это лишь преобразование вещества и энергии из одной формы в другую. Потому потребность в ресурсах будет вечна. А значит, и угрозы целостности России были, есть и будут, а в ближайшие десятилетия только усилятся. Особенно на востоке нашей страны.

Для противодействия этим угрозам в 2006 году Совет Безопасности Российской Федерации принял решение о необходимости разработки специальной Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Спустя три года она была утверждена Президентом страны, и, во исполнение положений Стратегии, Правительство России утвердило ряд сменявших друг друга программ развития макрорегиона. Прошло полтора десятка лет. Можно подводить итоги выполнения принятых решений.

К сожалению, они неудовлетворительны. Главная цель дальневосточной Стратегии и госпрограмм – обеспечить прирост населения на Дальнем Востоке и в Забайкалье – не достигнута. Люди по-прежнему покидают даже уже

давно обжитые места. Успехом теперь считается любое снижение оттока населения по сравнению с предыдущим годом.

В чём причина неудач современной политики государства Российского на Дальнем Востоке и в Забайкалье? Думается, что изначально неверны заложенные в неё стратегические решения. Во главу угла поставлена задача всемерной интеграции экономики восточных регионов страны с Азиатско-Тихоокеанским зарубежьем. Именно для привлечения в первую очередь иностранного капитала предусмотрены максимально льготные налоговые и организационные условия на создаваемых территориях опережающего развития (ТОСЭР). Вплоть до образования анклавов с исключительно иностранной рабочей силой на нашей территории. Для этого специальным законом разрешено в рамках ТОСЭР строить объекты жилья и соцкультбыта, упрощено пересечение государственной границы для иностранных работников. Справедливости ради, следует сказать, что такие же льготы предусмотрены и для отечественных инвесторов. Однако ничего значимого из новых высокотехнологичных производств ни зарубежными, ни российскими инвесторами не создано. Более-менее крупные проекты реализуют по директивам Правительства России только отечественные компании с государственным участием в их капитале.

На самом деле, итог закономерен. На международных рынках, которые считаются абсолютным приоритетом, наша высокотехнологичная продукция неконкурентоспособна из-за значимых транспортных расходов от логистических узлов востока России до зарубежных центров её потребления. Плюс обусловленные климатом повышенные затраты на энергоресурсы и заработную плату. Вот и интересует инвесторов ограниченное число проектов, связанных с добычей полезных ископаемых или производством потребительских товаров для местного рынка.

Не оправдал сполна ожиданий и комплекс мер по социальной поддержке жителей восточных регионов: “дальневосточный гектар”, “дальневосточная ипотека”, региональные надбавки к материнскому капиталу и другие, законодательно установленные. Да, они помогли уменьшить отток населения, но не стали достаточным стимулом для перенаправления вспять, с Запада на Восток, демографических потоков.

Главная причина в том, что людям, особенно молодёжи, нужна перспектива. Они должны видеть новые масштабные начинания и проекты, с которыми можно связать будущее своё и следующих поколений. А число таких проектов на Дальнем Востоке и в Забайкалье сегодня по пальцам можно пересчитать. И сориентированы они не на местные трудовые ресурсы, а на вахтовиков из западных регионов страны и зарубежья, исходя из интересов бизнеса в экономии затрат на подготовку кадров и заработную плату. Широко рекламируемый и обставленный разными мероприятиями экономического и организационного характера, упор на развитие малого и среднего бизнеса имеет только локальные успехи. И это вполне объяснимо, ведь надо отнестись к пропагандистским мифам утверждения о том, что современная экономика с развитием информационных технологий может быть основана на небольших бизнес-проектах и инициативах. Малый и средний бизнес эффективно и масштабно развивается только при наличии крупного, который выступает для него заказчиком продукции и услуг, источником технических и технологических нововведений, главным генератором платёжеспособного спроса населения.

Исходя из реальных итогов выполнения программ развития Дальнего Востока и Забайкалья, можно сделать вывод, что от нынешней политики “малых добрых дел” надо переходить к крупномасштабной “новой индустриализации”, как сейчас модно говорить, Востока России. Именно вокруг новых крупных проектов общегосударственного значения возможно открыть перспективу молодёжи, привлечь на Восток людей из других макрорегионов страны, поднять существующие и создать новые города.

Конечно, сразу возникает вопрос, а будут ли новые проекты на Востоке страны эффективны с точки зрения экономической? Будут, если использовать некоторые уникальные экономические и природные условия, имеющийся научно-технический и кадровый потенциал восточных регионов для выпуска продукции и услуг, предназначенных прежде всего и главным образом для внутреннего рынка России. Иначе говоря, если вернуться к вопросам организации рационального разделения труда между макрорегионами страны, как

в плане импортозамещения, так и с точки зрения новых для России видов деятельности и товаров. При таком подходе могли бы быть востребованы и традиционные отрасли специализации Дальнего Востока и Забайкалья (оборонная, лесная, рыбная промышленность; добыча полезных ископаемых; транзитные транспортные услуги), и новые (чёрная и цветная металлургия конечных переделов; гражданское авиа- и судостроение; фармацевтика; нефтегазохимия; биохимия; марикультура; производство минеральных и органических удобрений; общее, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение; приборостроение; водородная энергетика; большие базы данных; туризм; некоторые виды медицинских, образовательных и креативных услуг).

Но если ставить вопрос о новой роли Дальнего Востока и Забайкалья в общероссийском народнохозяйственном комплексе, то это означает смену самого вектора их развития. От нынешних программных установок на всемерную интеграцию в Азиатско-Тихоокеанское зарубежье – к курсу на приоритетное развитие экономических связей восточных регионов страны с западными. Речь не идёт о каком-либо сворачивании внешнеэкономических связей, но они должны из приоритета стать дополнением к новому курсу, одним из инструментов его реализации.

Учитывая, что почти для всей территории Дальнего Востока и Забайкалья до сих пор существует очаговый характер размещения производительных сил и населённых пунктов, главным способом организации крупных производств здесь должно стать формирование новых территориально-производственных комплексов (ТПК). Уже есть не только советский опыт, но и в постсоветское время на федеральном уровне были утверждены и начали практически воплощаться на условиях государственно-частного партнёрства проекты кластерного типа: “Комплексное развитие Южной Якутии”, “Комплексное развитие Нижнего Приангарья”, “Урал Промышленный – Урал Полярный”. По сути дела, это и есть современные ТПК.

Но надо отметить, что ни один из этих проектов не завершён полностью. Вместе с тем накоплен опыт и положительный, и негативный. Он может послужить хорошей основой для выработки новых организационных, экономических и финансовых подходов к созданию будущих ТПК.

Уже сегодня возможно и необходимо начинать работу по подготовке и реализации проектов целой цепочки ТПК вдоль всей трассы Байкало-Амурской магистрали от Усть-Кута до Советской Гавани. За исключением Ванинско-Советскогаванского и Комсомольского с их логистической, судо- и авиастроительной специализацией, в остальных комплексах основой послужат разные подотрасли горнодобывающей и металлургической, лесной и деревообрабатывающей, химической промышленности. Они составят мощный сырьевой тыл для цепочки других новых ТПК вдоль Транссибирской магистрали, специализацией которой должны стать отрасли обрабатывающей промышленности и агропром.

По мере строительства новых широтных общенациональных железнодорожных магистралей Севсиба и Трансарктики, появится возможность создания новых промышленных центров и населённых пунктов и вдоль их трасс. На Севсибе базой для них могут послужить Яно-Колымская металлогеническая провинция полезных ископаемых, Восточно-Сибирская и Охотоморская нефтегазовые провинции.

Пространственное же планирование в зоне Трансарктической магистрали должно иметь несколько иной характер. Превалирующим здесь выступает геополитический фактор, и развитие должно сложиться не вокруг ТПК, а на основе опорных зон с центральным поселением. Главной из их задач является выполнение функций военных и гражданских форпостов России в Арктике, организация логистики и социальной жизни разреженных групп поселений Крайнего Севера.

Поворот в развитии восточных регионов страны к приоритету внутрirosсийских хозяйственных связей перед внешнеэкономическими имеет ключевое значение в обеспечении целостности нашего государства. Ведь в экономической географии существует понятие “сжатие пространства”. Имеется в виду, что, по мере развития скоростного транспорта, современных средств связи, снятия в ходе глобализации административных и иных барьеров между регионами мира, люди, их идеи, капиталы и товары перемещаются в пространстве быстрее, что эквивалентно его сокращению, сжатию. Экономическая

интеграция – мощный катализатор такого “сжатия пространства” в экономико-географическом смысле. Если ставилась задача ускоренной интеграции отдельно взятых восточных регионов России в экономику Азиатско-Тихоокеанского зарубежья, то результатом стало сжатие экономического пространства на восток. Но ведь в Европейской части страны оно происходит в другую сторону – на запад. Это означает, что будет только стремительней углубляться уже и так наметившийся разрыв экономических связей между Западом и Востоком России. А синхронно с этим ослабление социальных и чисто человеческих связей между их жителями. А дальше что? Политическое обособление? Конечно, этот крайностный сценарий сегодня трудно даже представить себе. Но ведь и Атлантический океан когда-то образовался из микроскопической трещины в гигантском материке Пангея.

Этот процесс должен быть остановлен. Иначе совсем не за горами то время, когда мы потеряем часть своей территории на Востоке России. Вот почему необходим именно новый вектор его развития. Вектор, направленный на укрепление связей в рамках единого экономического пространства России.

Такой же подход необходим и при разработке стратегий и планов восстановления хозяйства и социально-экономического развития бывших регионов Украины, вошедших в состав Российской Федерации. Абсолютным приоритетом должна быть интеграция их экономики в народнохозяйственный комплекс России.

Новые промышленные предприятия на Дальнем Востоке и в Забайкалье создадут предпосылки для притока сюда населения, развития существующих и возникновения новых городов. Но это не произойдёт само собой. Нужны и специальные меры по закреплению кадров в дополнение к уже установленным для северян и дальневосточников льготам. Ключевыми здесь являются, во-первых, законодательное закрепление приоритета местных кадров при найме рабочей силы и преференций для местных предприятий при распределении подрядов в процессе создания и функционирования новых промышленных комплексов. Во-вторых, нужна самая активная роль государства в строительстве жилья и социальном обеспечении в рамках государственно-частного партнёрства при создании ТПК. Все без исключения федеральные средства, за счёт которых формируются те или иные программы льготного кредитования жилищного строительства, и большая часть предусматриваемых на сооружение инфраструктурных и социальных объектов должны направляться в восточные регионы страны. Да, другим макрорегионам придётся пока рассчитывать только на собственные возможности. Но иначе в ближайшее десятилетие поступать нельзя. Необходимо развернуть миграционные потоки на Восток ради будущего России.

Структурная перестройка экономики – основа безопасности России

Резкое обострение внешнеполитической ситуации вокруг нашей страны, новейшие всевозможные санкции и контрсанкции в ответ обнажили до полной ясности и до того очевидную истину, что невозможно обеспечить суверенитет государства без научно-технической и технологической независимости по меньшей мере базовых отраслей его народного хозяйства. Конечно, нет ни одной страны, которая владела бы полным набором всех современных технологий, но способность создать их или воспроизвести по готовым образцам есть ключевой фактор, обеспечивающий выживаемость государства и народа в самых критических обстоятельствах. Вот почему, **наряду с инфраструктурным и пространственным развитием, выход России на передовые научно-технические рубежи с современной отраслевой структурой экономики должен стать частью нашей национальной идеи.**

Сама по себе такая постановка вопроса не нова даже для нашего времени. Слова о том, что сырьевая экспортоориентированная структура экономики России изжила себя, уже давно стали общим местом в выступлениях учёных и предпринимателей, политиков и публицистов, да и просто в размышлениях людей. При этом внимание, как правило, концентрируется на желательности, минуя промежуточные стадии, шагнуть сразу в мир высоких нано- и биотехнологий, генной инженерии и искусственного интеллекта. В мир шестого технологического уклада и постиндустриальной экономики. Однако суровая реальность

нынешнего мирового экономического кризиса, который, судя по всему, находится только в начальной стадии, уже ставит всё на свои места. Становится совершенно ясным, что если сохнет ствол реальной экономики, то сразу опадают листья постиндустриализма, каким бы креативным этот постиндустриализм ни казался. Ведь в его основе лежат во многом фиктивные ценности и капиталы, паразитирующие на реальных. Это означает, что внимание надо уделять развитию всех базовых отраслей экономики, обеспечивающих жизнь людей и государственные потребности, независимо от их принадлежности к тому или иному технологическому укладу. А достижения и возможности шестого уклада должны использоваться не только для создания новых видов деятельности и отраслей народного хозяйства, но и в целях повышения устойчивости и эффективности традиционных.

Именно с таких позиций необходимо подходить и к природноресурсному комплексу страны, который понимается как совокупность отраслей, осуществляющих изучение, добычу и первичную переработку полезных ископаемых, лесных и водных ресурсов. Сегодня он занимает ведущие позиции в экономике страны, а поскольку некоторые его отрасли относят к старым четвёртому, а то и третьему, и даже ко второму технологическим укладам, это служит основанием для суждений об устаревшей структуре народного хозяйства и технологической отсталости России. Сама по себе такая оценка верна. Но важно понимать, что нынешняя структурная деградация нашей экономики, особенно в сравнении с советской, есть прямое следствие действующей ультралиберальной модели капитализма, которая выстроена в стране в последние три десятка лет. Именно созданный в её рамках механизм включения России в мирохозяйственные связи делает востребованной продукцию природноресурсного комплекса и уничтожает любую обрабатывающую промышленность. Вот что надо ломать и перестраивать — этот механизм. А широко распространяемый целым рядом известных экономистов тезис о “сырьевом проклятье России”, когда наличие богатой и разнообразной ресурсной базы якобы само по себе напрочь заглушает стимулы к технологическому развитию страны, неверен в принципе. Это ложный тезис.

Прежде всего, надо ясно отдавать себе отчёт, что мы живём в самых трудных, а по многим показателям экстремальных природно-климатических и экономико-географических условиях на планете. Иногда, даже на самом высоком уровне можно услышать, что это не так, что есть же ещё и другие северные страны с суровым климатом. На самом деле северные они только на политических картах мира. А физические показатели показывают, что львиная доля населения тех же Канады или Скандинавских стран живёт в климатических и агротехнических условиях, соответствующих южной части России. Например, в Осло и Стокгольме средняя температура января примерно такая же, как на южном берегу Крыма или в Сочи. А кроме того, эти страны тоже далеко не обижены природными ресурсами и используют их на полную катушку для дополнительного прироста национального благосостояния, живя в более-менее комфортных условиях. Мы же в России значительную долю материальных ресурсов и производственных усилий вынуждены направлять на обеспечение самого физического выживания людей, поддержание дееспособности громадной обеспечивающей жизнь инфраструктуры. В наших условиях наличие разнообразных и богатых ресурсов, особенно топливно-энергетических, никак не может быть “проклятием”. Это бесценный дар, компенсация всех природных трудностей. Мы получили его от предков, должны рационально и бережно использовать, передать потомкам.

Надо помнить, что все виды природных ресурсов конечны, и их использование должно быть крайне рачительным. И сегодня настало время законодательными решениями полностью прекратить вывоз из страны тех видов сырья, использование которых будет определять научно-технический прогресс уже в ближайшее время, например, редкоземельных элементов, всех видов цветных металлов. В случае, если такое сырьё не находит пока спроса на внутреннем рынке, его месторождения должны быть законсервированы и зачислены в государственный резерв.

К сожалению, сложившийся в последние три десятилетия механизм вхождения России в систему мирохозяйственных связей пока ещё не позволяет ставить вопрос о количественных ограничениях экспорта и других продуктов отечественной добывающей промышленности. Но необходимо прекратить

хотя бы стимулирование его наращивания. Речь идёт, к примеру, о льготных режимах налогообложения на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), создаваемых сейчас на Дальнем Востоке специально для добычи предназначенных на экспорт угля, руд цветных и чёрных металлов, других полезных ископаемых. Ведь при практически нулевых доходах государства от принадлежащих всему народу природных ресурсов в финале мы получим только снижение цен на них за счёт усиления конкуренции со своими же производителями из других регионов страны на мировых рынках и лунные пейзажи отработанных карьеров. Стоит ли лишать будущие поколения россиян ресурсов ради галочек в отчётах об увеличении физических объёмов валового национального продукта? Нет, конечно. Вот почему минерально-сырьевой потенциал должен использоваться только по мере государственной необходимости или созревания такой мировой рыночной конъюнктуры, когда эксплуатация месторождений частным капиталом обеспечивает выплату в бюджет всех положенных рентных платежей. Как известно, в настоящее время они имеют форму налога на добычу полезных ископаемых. Надо взять за правило, что никто и никогда не может быть освобождён от этого налога без крайней государственной нужды. В этом смысл общенародной собственности на недра.

Бережное и рачительное отношение к нашим водным, лесным и недровым богатствам означает, в том числе, и использование деятельности природноресурсного комплекса не только для материального и финансового обеспечения текущей устойчивости всей социально-экономической системы Российской Федерации, но и как мощнейшего фактора развития страны. Он может и должен стать опорой структурной перестройки нашей экономики, не “проклятием”, а локомотивом технологических новшеств.

Во-первых, выступая в качестве заказчика и потребителя продукции высокотехнологичных отраслей. Причём по мере закономерного перемещения основных центров добычи минерального и органического сырья в труднодоступные регионы Арктической зоны, Крайнего Севера и Дальнего Востока потребность в такой продукции только возрастает. Ведь работа в экстремальных условиях требует новых надёжных средств связи и автоматизации производственных процессов, экономических автономных энергоисточников, подводных и подземных роботов, беспилотных транспортных средств, оборудования для дистанционных методов зондирования разных сред и множества других новейших материалов, приборов, устройств, машин и механизмов. Всё это может быть создано только с использованием возможностей нового, шестого технологического уклада, производства которого получают реальную востребованность и стимулы для развития в целые новые отрасли народного хозяйства.

Во-вторых, генерируя финансовые ресурсы, необходимые для структурной перестройки экономики. Деятельность предприятий природноресурсного комплекса на международных рынках в последние четверть века ежегодно приносит профицит торгового баланса России. Образовавшиеся свободные денежные средства лишь частично тратятся на текущие или экстренные нужды государства. По большей части они откладываются и накапливаются в разных фондах для будущего проедания. Необходимо перенаправить их при помощи давно известных механизмов трансформации накоплений в инвестиции на цели развития, в том числе на структурную перестройку экономики.

Среди всего многообразия задач по структурной перестройке экономики сегодня на первый план выходит необходимость опережающего развития машиностроения. Причём всех его подотраслей, начиная со станкостроения. Хотя их и не относят обычно к ядру формирующегося нового шестого технологического уклада, эти подотрасли лежат в фундаменте любого народнохозяйственного комплекса, от агропромышленного до аэрокосмического. Со всей убедительностью применительно к военно-промышленному комплексу это показали события специальной военной операции на Украине. В начале XXI века Президентом Российской Федерации была сформулирована задача превращения России в “мировую энергетическую сверхдержаву”. Теперь пришло время смены вех. Наша страна должна стать “мировой машиностроительной сверхдержавой”. Конечно, это должно быть новое машиностроение, базирующееся на возможностях шестого технологического уклада.

Под этим укладом специалисты традиционно понимают комплекс производств, использующих современные нано-, био- и информационные технологии.

Понятно, что при таком широком подходе стоит проблема приоритетов, потому что ни одной стране не по силам развернуть работы по всем направлениям сразу. Но с другой стороны, возможности заимствования нововведений будут ограничены. Как из-за всевозможных санкций, так и по вполне прозаическим причинам логики бизнеса. В той фазе экономического цикла, когда новый уклад быстро растёт, он приносит повышенную прибыль. Естественно, никто не станет делиться сверхвыгодными технологиями. Исходя из этих условий необходимо выбрать для развития собственными силами отечественной науки и промышленности при поддержке государства ключевые, наиболее востребованные именно в России направления. К примеру, учитывая огромные расстояния между центрами производства и потребления электроэнергии в нашей стране, к числу одной из самых актуальных задач надо отнести работы в области сверхпроводимости материалов при обычных температурах. И разнообразие, и суровость наших природно-климатических условий делают первоочередными задачами организацию производств на основе нанотехнологий широкой гаммы разных материалов с заранее заданными свойствами, а в агропромышленном секторе – использование достижений геномной инженерии для районирования наиболее продуктивных сортов растений и пород животных.

Кроме направлений, традиционно относимых к шестому технологическому укладу, есть и другие темы для исследовательской и экспериментальной работы, которые могут иметь хорошие перспективы выхода на весомые практические результаты уже в недалёком будущем. Это и термоядерная энергетика, и новая элементная база информационно-вычислительных систем на основе квантовых эффектов, и ряд других.

Понятно, что ограниченность материальных, финансовых и кадровых ресурсов требует тщательного выбора первоочередных направлений вложения средств и организационных усилий в научно-технической тематике. Этот выбор не может осуществляться только на основании интересов отдельных научных школ и структур бизнеса. Слишком высока цена вопроса. И не только в материальном измерении, но с точки зрения технологического суверенитета Российской Федерации. Вот почему действительно необходимо создавать специальный государственный надведомственный орган целеполагания в развитии науки и техники. Это может быть Государственный комитет, как это было в Советском Союзе, или разветвлённая сетевая структура, как в Соединённых Штатах Америки.

Любые серьёзные технические и технологические нововведения базируются на предварительных научных, в том числе фундаментальных исследованиях. В последние годы в их организации взят крен на университетскую науку. Российская Академия наук всё больше теряет свои позиции. Часто можно услышать мнение, что её надо вообще превратить в своеобразный клуб учёных по интересам, как в целом ряде зарубежных стран. Это неверное суждение. Нет никаких доказательств, что университетская форма организации научных исследований более эффективна, чем академическая. Академическая форма организации науки сложилась в России в силу определённых исторических причин и сыграла выдающуюся роль в развитии нашей страны в те периоды времени, когда была востребована государством, обществом, предпринимательством. Надо вернуть эту востребованность деятельности Академии наук. Этого принципиально невозможно добиться, если Академия сама себе ставит научные задачи, как это делается сейчас. Целеполагание для неё должно быть внешним через предлагаемый к созданию Государственный комитет по науке и технике. Более гибкой должна быть и сама структура организации научных исследований, когда при решении разных задач академические институты могут включаться в более крупные целевые структуры. Примером тому могут служить советские ракетный, атомный и другие проекты. Только путём концентрации ресурсов на подобных новых проектах можно добиться научно-технических и технологических прорывов и на их основе сделать передовую структуру российской экономики.

О хозяйственном механизме развития

Масштабные задачи по строительству объектов общенациональной магистральной инфраструктуры, созданию новых территориально-производственных комплексов и городов в восточных районах страны, восстановлению

хозяйства и социальной сферы вошедших в состав России новых субъектов федерации, структурной перестройке экономики, которые необходимо решить в рамках национальной идеи сохранения единства, целостности и независимости нашей страны, потребуют огромных интеллектуальных, трудовых, финансовых и материальных ресурсов. Возможно, в какие-то периоды времени будут необходимы и самоограничения в отношении некоторых направлений социального развития не первой срочности. В этой связи резко возрастает значение стратегического планирования, концентрации ресурсов на главных направлениях, координации усилий государства, бизнеса и каждого человека на выполнении программных задач. Слишком велика цена вопроса как с ресурсной точки зрения, так и для самого существования Российского государства, чтобы полагаться только на действие рыночных стимулов и сил. Нужна твёрдая государственная воля.

Однако такой подход принципиально не может быть реализован в рамках действующей в стране ультралиберальной модели капитализма. В ней просто нет нужных для решения масштабных задач развития встроенных подсистем целеполагания, стратегического и среднесрочного планирования; трансформации сбережений в накопления; целевого финансирования реального сектора экономики, капитальных вложений и инноваций; стимулирования отдельных особо важных видов экономической деятельности. Напротив, она выстроена на основе идеологии отказа от целенаправленного управления социально-экономическими процессами и покорного следования за стихией и результатами действия чисто рыночных сил. Отсюда и единственная технология регулирования экономики: стремление к достижению рыночного равновесия исключительно монетарными методами. В том числе за счёт стерилизации во всевозможных фондах, а то и прямого выталкивания за границу накопленного в стране капитала, который мог бы пойти на инвестиции в реальном секторе экономики. Вот почему на практике это равновесие в нашей стране достигается каждый раз на всё более низком уровне развития производительных сил, занятости и доходов населения. Отсюда и деградация структуры экономики, нарастающая технологическая отсталость. Переломить ситуацию отдельными решениями, например, теми, которые в условиях специальной военной операции на Украине приняты в отношении военно-промышленного комплекса, в целом во всём народном хозяйстве невозможно. Необходимы слом всей основанной на ультралиберальной идеологии модели капитализма, фактически сложившейся в стране в настоящее время, и создание новой.

Следует особо подчеркнуть, что речь пока не идёт о смене общественно-экономической формации, отказе от разнообразия форм собственности и рыночной экономики. Это вопрос будущего, хотя, возможно, и не такого уж далёкого. Но в сегодняшних условиях чрезвычайно сложной геополитической обстановки слишком радикальные решения чреваты серьёзными угрозами устойчивости всего нашего государства. Тогда что же надо менять, оставаясь в рамках капитализма?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что капитализм как общественно-экономическая формация, имеющая строго определённые универсальные черты, является сугубо научной абстракцией и живёт только в головах и трудах политэкономов. В реальной жизни он имеет разные формы. Ведь недаром говорят, что существует англосаксонская, европейская континентальная, северо-восточная и юго-восточная, азиатские и другие модели капитализма. Они отличаются друг от друга хозяйственным механизмом, регулирующим внутреннюю экономическую жизнь и способы включения стран в мирохозяйственные связи. Успешными были те модели, которые в максимальной степени учитывали конкретные особенности своих государств и стадию достигнутого технологического развития.

Примером могут служить страны Северо-Востока Азии – Япония, Южная Корея, Тайвань – общепризнанные эталоны экономического успеха. Их хозяйственные механизмы имеют черты, резко отличные от общепринятых либеральных стандартов, сконструированных по англосаксонским лекалам. Для этих государств характерно наличие развитых систем государственного прогнозирования и планирования, концентрации финансовых ресурсов на приоритетные направления в структуре экономики. Они осуществляют целые комплексы далеко не рыночных мер по поддержке экспорта товаров и услуг, ставят явные или неявные барьеры для вывоза капитала, предъявляют жёсткие

требования к иностранным инвесторам относительно локализации производства и передачи технологий. Когда считали необходимым, проводили национализацию коммерческих банков, создавали крупные государственные корпорации. При этом дипломатично и вежливо выслушивали упрёки и разносы экспертов, советников и контролёров из Соединённых Штатов Америки и международных финансовых организаций, но упорно никогда не следовали их рекомендациям либерального толка. А выстраивали свою экономику скорее на основе консервативных идей немца Ф. Листа и англичанина Д. Кейнса.

Конечно, такое экономическое “диссидентство” пришлось северо-восточным Азиатским странам в силу геополитических причин. Западные опекуны и партнёры этих стран были крайне заинтересованы в их экономическом росте и социальной стабильности, не принципиально важно каким способом. Ведь это главнейшие форпосты Запада в его противостоянии с Китаем и Россией. Но каковы бы ни были на то причины, факт остаётся фактом: хозяйственные механизмы признаваемых наиболее успешными моделями современного капитализма сконструированы на основе подходов, имеющих мало общего с теорией и практикой экономического либерализма.

Значит, путь к успеху начинается с отказа от господствующих в России с начала 1990-х годов ультралиберальных экономических догм и формирования нового хозяйственного механизма.

* * *

Уже на протяжении довольно длительного времени многие отечественные специалисты высказывают точку зрения, что наша страна нуждается в чётко налаженной системе целеполагания, стратегического и среднесрочного планирования. Абсолютно верное суждение. Более того, система планирования должна быть ядром нового хозяйственного механизма, определяющим конкретное содержание других его элементов. Ведь будущее не приходит само, оно сознательно конструируется. Если этим не заниматься, придётся встать в строй подчинённых в новой реальности, которую создадут наши конкуренты, а не мы.

Но надо иметь в виду, что задача определения и чёткого формулирования целей, стратегий и планов развития России чрезвычайно сложна. Тем не менее у нашей страны есть богатый и разнообразный опыт государственного планирования. Первые пятилетние планы строительства железных дорог и развития водных путей Российской империи были разработаны и осуществлялись на деле ещё до Первой мировой войны. Ну, а советская система планирования до сих пор является мировой классикой. Особенно ценен опыт 1930–1950-х годов. Тогда в Советском Союзе были достигнуты до сих пор никем в мире не превзойдённые темпы роста экономики. А ведь, вопреки распространённым предубеждениям, управление социально-экономическими процессами в те годы не было исключительно административно-командным. В нём сочетались плановые и рыночные начала, поскольку в валовом национальном продукте значимую долю занимал негосударственный сектор, который существовал в индивидуально-предпринимательской, кооперативной, колхозной и артельной формах. Опыт именно такого сочетания нам и нужен сегодня.

Опираясь и на отечественный, и на зарубежный опыт, можно сформулировать основные подходы к созданию современной системы государственного целеполагания и планирования в России.

В структурном отношении для выполнения этих функций необходимо создать специальный орган государственного управления. По традиции, можно назвать его Госпланом. Важно, чтобы он был выведен за рамки Правительства и подчинён непосредственно Президенту Российской Федерации. В основу его работы с содержательной точки зрения должны быть положены известные методы ранжирования базовых задач и межотраслевых балансов. С учётом масштабов инвестиционных проектов, которые необходимо осуществить, сложившейся в мировой практике длины жизненных циклов нововведений и скорости оборота активной части основных фондов горизонты планирования возможно определить в пятнадцать лет для стратегического планирования и в пять лет для среднесрочного. В технологическом аспекте работа Госплана должна основываться на уже хорошо отработанных для больших баз данных

способах сбора, обработки и хранения информации. Но очень важно подчеркнуть, что для повышения точности прогнозов и обоснованности планов необходимо реанимировать рассматривавшуюся ещё в Советском Союзе идею создания Общегосударственной автоматизированной системы управления (АСУ). Она позволила бы иметь в режиме реального времени широкий массив данных о тенденциях развития науки и техники, отдельных отраслей народного хозяйства и регионов страны, о фактических итогах выполнения принятых программ и планов.

В условиях рыночной экономики государственные программы и планы могут быть директивой только для органов власти и компаний с государственным участием. Для остальных субъектов рынка они дают только ориентиры на общественно важные цели и индикаторы их достижения. Вот почему важнейшим условием выполнения планов является их тщательное согласование со всеми заинтересованными сторонами уже в процессе разработки.

Это хорошо видно на примере Японии. В ходе переговоров с участием правительства страны японские профсоюзы, как правило, соглашались умерить социальные требования в обмен на обязательства работодателей направлять всю получаемую прибыль на развитие производств в новых отраслях, названных приоритетными в государственных планах. Да и сами частные корпорации, даже флагманы мировой экономики, часто годами терпели низкую норму прибыли на капитал в высокотехнологичных отраслях, считая для себя важным действовать в русле национальных приоритетов. А вот в Южной Корее в период её индустриализации действовали гораздо более жёсткие подходы. Там тогдашние олигархи – хозяева крупнейших корпораций, так называемых чеболей, – могли расстаться со всей своей собственностью по решению президента страны в случае, если отказывались участвовать в выполнении государственных пятилетних планов.

Конечно, кнут всегда должен сочетаться с пряником. И в ходе согласования планов необходимо вырабатывать и набор стимулов, побуждающих и направляющих частный бизнес, да и каждого человека, к участию в выполнении государственных планов. Их набор и конкретное содержание должны прорабатываться как составная и неизменная часть пятилетних планов.

Необходимость планирования настолько стала сейчас актуальной, что за его возврат выступают даже ведущие представители бизнеса. Буквально только что Государственный университет управления провёл опрос. 37 процентов предпринимателей считают, что внедрить государственное планирование необходимо во всех отраслях экономики. Ещё 40 с лишним процентов заявили, что ввести госплан нужно лишь в некоторых сферах. И только 13 процентов говорят о том, что современной экономике это не нужно.

Как говорится, гиря до полу дошла!

* * *

Важнейшей составной частью планов должна быть и тарифная политика в отношении цен на товары и услуги естественных монополий. Речь идёт о первичных энергоносителях, электроэнергии, железнодорожных перевозках. Ведь какие бы ни принимались меры по повышению энергоэффективности промышленности и сельского хозяйства, оптимизации маршрутов перевозок их продукции, сами климатические и географические условия Российской Федерации объективно предопределяют повышенный, по сравнению с другими странами, уровень затрат на них. Причём даже не на десятки процентов, а в разы. Именно поэтому надо добиться их оптимального регулирования, чтобы снять хотя бы часть нагрузки на реальный сектор экономики.

Прежде всего, необходима реформа ценообразования в области производства нефти и газа. Это базовые цены, которые влияют на все остальные, вплоть до товаров конечного потребления. Сегодня господствует подход, предусматривающий поэтапное доведение их внутри страны до мирового уровня за минусом затрат на транспортировку при поставках на экспорт, так называемый принцип равнодоходности при работе на внешнем и внутреннем рынках. Даже при том, что он освящён на самом высшем властном уровне, это принципиально неверный подход, грубейшая ошибка, которая сразу ставит многие отрасли народного хозяйства России в заведомо проигрышные позиции

в конкуренции с иностранными производителями. Цены на первичные энергоносители на внутрироссийском рынке должны быть снижены за счёт максимального приближения к их действительной стоимости. Этого можно добиться либо тотальной монополизацией нефтяной и газовой промышленности, включая трубопроводные системы, и созданием на этой основе рынка с совершенной конкуренцией, либо государственным регулированием цен. Первый путь труднореализуем, да и не нужен, учитывая все негативные последствия для развития имеющего исключительно важное значение для нашей страны нефтегазового комплекса. На втором же пути надо жёстко придерживаться политэкономической формулы “цены производства”, которая требует учёта не индивидуальных, а общественно необходимых затрат на производство продукции монополистов, плюс средняя по народному хозяйству норма прибыли на капитал. Важно подчеркнуть, что под общественно необходимыми затратами при таком подходе понимаются определённым образом рассчитанные нормативные. Причём нормировать необходимо не только чисто производственные издержки, но заработную плату управленцев, накладные расходы, направления использования прибыли. А это означает, что монополисты должны распрощаться с выходящими за все нормы приличия сверхвысокими окладами и бонусами управленческого персонала, карманными медиа, дорогостоящими импортными “звёздами” для подопечных футбольных и хоккейных клубов, персональными самолётами и прочими загульными корпоративами.

Большой резерв для снижения цен на нефть, газ, нефтепродукты на внутреннем рынке России есть в действующей налоговой системе. Необходимо максимально освободить их производство от налогов, включаемых в состав себестоимости, с компенсацией потерь для бюджета за счёт повышения экспортных пошлин. К сожалению, события в этом отношении развиваются в прямо противоположном направлении. Правительство России настояло на так называемом налоговом манёвре, в ходе которого налоги повышены, а пошлины снижены. Это решение, сразу вызвавшее скачок цен и нанёсшее урон всем отечественным товаропроизводителям, ударившее по карману рядовых россиян, принято, исходя из требований ВТО. По сути дела, оно является развитием взяттого на вооружение Правительством России подхода на поэтапное доведение цен на нашем внутреннем рынке до мировых в рамках общего либерального экономического курса. Вред очевиден. Курс надо менять незамедлительно.

Назрела необходимость изменения системы ценообразования и в электроэнергетике. Прошло уже полтора десятилетия с начала реформирования этой фундаментальной для всех сторон жизни нашей страны отрасли. Пора подводить итоги. К сожалению, они неутешительны, главные цели реформы не достигнуты. Предполагалось, что за счёт разделения единой энергосистемы России на отдельные части по технологическому и территориальному признакам, их приватизации и переводу на рыночные принципы работы, во-первых, отрасль станет привлекательной для частных инвестиций, которые выведут её на новый высокоэффективный технико-экономический уровень; во-вторых, произойдёт снижение цен на электроэнергию для конечных потребителей. Ничего этого не состоялось. Частные собственники приватизированных энергетических активов получили от них чистой прибыли на порядок больше, чем вложили или привлекли средств в развитие отрасли. Львиная доля новых электростанций и линий электропередачи в стране в последние полтора десятка лет построена за счёт государственных капитальных вложений. Тарифы же на электроэнергию и для промышленных потребителей, и для населения ежегодно росли темпами более высокими, чем уровень инфляции и цены в целом по народному хозяйству.

Такой итог реформ не случаен. Если разгрести ворох победных реляций о внедрении рыночных отношений в электроэнергетике и кипы якобы подтверждающих это нормативно-правовых документов, методических указаний и всевозможных инструкций, то останется голая суть дела. А она такова, что сложившаяся по факту схема отношений заставляет потребителя электроэнергии покупать её по цене самого дорогого производителя в системе, имеющего, как правило, устаревшее оборудование или дорогое топливо. А наиболее эффективные электростанции получают сверхприбыль за счёт своих более низких издержек по отношению к этой цене. Раньше эта сверхприбыль распределялась по энергосистеме в целом и шла на снижение тарифов для потребителей. Теперь она присваивается собственниками. Никакого механизма заставить их реинвестировать хотя бы часть прибыли нет. Вот и весь рынок.

Повысить не отраслевую, а народнохозяйственную эффективность, придать динамику развитию электроэнергетики, снизить тарифы на её продукцию для потребителей возможно двумя путями. Первый заключается в разработке и внедрении, не меняя сложившуюся после реформирования структуру отрасли, специальной системы рентных платежей. Речь идёт об изъятии части сверхприбыли некоторых электростанций, если она не направляется на обновление или создание новых мощностей. Эта сверхприбыль образуется, как правило, за счёт не зависящих от работы предприятия факторов: либо за счёт более эффективного топлива, либо за счёт местоположения относительно его источников. Потому она и может быть безболезненно и справедливо изъята в случаях использования не в целях развития производства. При достаточно последовательном и жёстком подходе это создаст источник средств для модернизации отрасли и снижения тарифов. Второй путь – это пересмотр всех итогов реформ в электроэнергетике и воссоздание Единой энергосистемы России с собственником в лице государства или в форме акционерного общества, подконтрольного федеральному Правительству. При всём своём радикализме этот путь заслуживает внимания. Ведь обеспечивала же в своё время аналогичная советская структура самые низкие в мире удельные расходы топлива на выработку электроэнергии и тепла и, соответственно, тарифы для потребителей, оставаясь при этом экономически эффективной и технологически сверхнадёжной. В любом случае, необходимы анализ и новые решения, поскольку техническое состояние энергетических мощностей во многих регионах России подходит к критическому, а тарифы – к пределу платёжеспособного спроса населения и предприятий обрабатывающей промышленности.

Выдающийся российский государственный деятель и экономист граф С. Витте считал, что с учётом бескрайних просторов нашей страны для её пространственного развития исключительно важное значение имеют железнодорожные тарифы. Степень их воздействия на ход экономической и социальной жизни регионов России он оценивал как равнозначную влиянию таможенной и налоговой политики. Отсюда и набор инструментов регулирования тарифов, который использовался в период его руководства Правительством Российской империи. Тогда, сочетая интересы железных дорог с общегосударственными, применялось перекрёстное субсидирование перевозок одних грузов за счёт других; уменьшение удельных грузовых и пассажирских тарифов пропорционально расстояниям; их резкий перелом в отдельных точках. Именно эти меры позволили превратить Транссиб в самую эффективную по грузонапряжённости железную дорогу в мире, реализовать переселенческую политику освоения Дальнего Востока. А за счёт одного из тарифных переломов, Челябинского, была ликвидирована конкуренция западных и восточных российских областей на мировом рынке зерна, Сибирь превратилась в одного из крупнейших на планете производителей животноводческой продукции. Сегодня перед нами вновь стоит задача укрепления единства и целостности страны за счёт всестороннего усиления межрегиональных связей. Самое время вспомнить собственный позитивный опыт активизации товарообмена между макрорегионами за счёт рационального регулирования железнодорожных тарифов. Но вернуться к идеям того же С. Витте или соответствующим советским наработкам мешает идеологизированность сегодняшних подходов к решению экономических проблем. Дескать, всё это нерыночно. Значит, надо отставить либеральные догмы и действовать с точки зрения здравого смысла, опираясь на хорошо зарекомендовавший себя опыт.

Следует особо подчеркнуть, что, какие бы меры ни принимались в отношении оптимизации системы ценообразования на продукцию естественных монополий, принятые решения должны быть составной частью среднесрочного плана и действовать на всём протяжении планового периода. Ничто так не дестабилизирует экономику, как бессистемные корректировки этих решений.

* * *

Конечно, даже самый тщательно выверенный и оптимально сбалансированный план не может быть воплощён в жизнь без мобилизации необходимых финансовых ресурсов.

История свидетельствует, что большинству стран мира не удалось решить эту задачу и их мечты об экономическом развитии и социальном процветании так и остались на бумаге. А тем, кто добился успеха, пришлось пройти тяжёлый, а порой и кровавый путь в накоплении капитала. От доведения до крайней нищеты собственных народов в Средние века, через работорговлю и ограбление колоний в новое время, мировые войны в новейшее, до современного изощрённого вытягивания за бесценок всех видов ресурсов из развивающихся государств через манипуляции фиктивным капиталом, политическое и даже военное давление. Можно вспомнить и об огромных трудностях и лишениях, которые пришлось испытать и нашему народу, когда Советский Союз был вынужден направлять последние крохи средств на индустриализацию ввиду назревавшей мировой войны. Даже ценой смерти людей в ряде регионов страны от голода в начале 1930-х годов. Ведь истинной его причиной была вовсе не коллективизация, а требование западных кредиторов советских промышленных проектов вернуть долги зерном.

На фоне этих драматических событий мировой и отечественной истории, связанных с проблемой накопления капитала, тем более нелепой, даже сюрреалистичной видится ситуация в современной России. Страна застыла в инфраструктурном, пространственном, технологическом развитии, имея при этом избыток свободных денежных средств. Их достаточно для решения самых грандиозных инвестиционных задач.

Это убедительно показано в работах и расчётах лучших отечественных и зарубежных экономистов. А практическим подтверждением их выкладок служит тот факт, что Российская Федерация является одним из крупнейших доноров мировой экономики. Уже несколько триллионов долларов (!) перекачано из нашей страны за рубеж, осело там и работает на экономику чужих государств. И отток денег продолжается, несмотря на специальную военную операцию на Украине и связанную с этим реальную опасность ареста средств российских юридических и физических лиц в иностранных банках. Более того, финансовые власти России подталкивают и стимулируют этот процесс. А как же иначе расценить инициированное Минфином снятие ограничений на вывоз валюты из страны? Или отказ Центробанка от покупки золота у отечественных добывающих предприятий при одновременном пополнении золотовалютных резервов приобретением ценных бумаг и валюты государств, ряд из которых, мягко говоря, недружественны для Российской Федерации? Двери открыты настежь, и идёт вывоз капитала в денежной форме. А с принятием предложений всё того же Минфина о разрешении предприятиям-экспортёрам бесконтрольно оставлять валютную выручку за рубежом начался вывоз капитала и в вещественной форме. В самом деле, если оценить происходящее не с позиций бизнеса, а с точки зрения государства, нефть, газ, уголь, руды, металлы, зерно и другое ценнейшее сырьё и полуфабрикаты, говоря высоким стилем, — “хлеб промышленности”, — экспортируется фактически безвозмездно. Да, государство получило причитающиеся ему налоги при производстве экспортных товаров, но из-за невозврата в страну полной выручки от их продажи лишилось источников формирования средств для развития собственной экономики. Теперь этими средствами кредитуются текущая и инвестиционная деятельность предприятий других государств, в основном западных, где оседает львиная доля выручки наших экспортёров. Возможно, именно эти деньги помогают им расширять производство вооружений и боеприпасов, используемых против наших войск в ходе специальной военной операции на Украине. В Болгарии, например, ровно так и происходит. А в это время во всех отраслях промышленности России, за исключением военно-промышленного комплекса, происходит снижение объёмов производства. В первую очередь, это связано с ограниченными возможностями получения доступных по цене кредитов для текущей деятельности, не говоря уже об инвестиционной. Ну что же, таким и должен быть итог проводимой Правительством России денежно-кредитной политики: свои деньги отдаём “дяде”, самим теперь надо идти, известно куда... Официальные правительственные органы такую политику объясняют необходимостью борьбы с инфляцией. Других обоснований нет.

Не используются в целях развития и огромные внутренние финансовые ресурсы: государственные средства, фактически замороженные в различных фондах; деньги на банковских счетах населения; возможности демонетизации

экономики, неоднократно подтверждённые расчётами. Объяснение тоже стандартное – опасение инфляции.

Но ведь давным-давно в разных странах, в том числе у нас, отработано множество механизмов противодействия инфляции в периоды быстрого экономического роста. От принятой в Советском Союзе двухконтурной системы денежного обращения, которая чётко разделяла потоки средств, идущих на текущее потребление, от инвестиций до японской сети специализированных банков финансирования капитальных вложений в заданных отраслях. Есть и банковские технологии, позволяющие установить контроль за целевым использованием инвестиционных средств, не допуская во избежание всплеска инфляции их выброса на потребительские или финансовые рынки. Далеко ходить не надо. Достаточно поднять старые инструкции Промстройбанка СССР, чтобы понять, как довести любую копейку до строго заданных целей. В случае, если уж при реализации крупных проектов возникнет вероятность резкого повышения цен на машины, механизмы, стройматериалы и другие инвестиционные товары на внутреннем рынке, можно, в конце концов, приобрести их на внешнем.

Однако ничего из широкого арсенала возможных механизмов снижения инфляционных рисков при высоких темпах экономического и технологического роста даже не рассматривается к применению в современной России. Выбор сделан в пользу кладбищенской тишины макроэкономической стабильности за счёт отказа от какого-либо развития. Стоит ли удивляться, что с треском провалены с помпой анонсированные планы создания 25 млн новых высокотехнологических рабочих мест, импортозамещения, локализации иностранных технологий и целый ряд других.

Но и макроэкономическая стабильность последних лет носит иллюзорный характер. Она достигается, в основном, за счёт роста мировых цен на российские экспортные сырьевые товары, в то время как обрабатывающие отрасли народного хозяйства в лучшем случае стагнируют. Это во многом является следствием того, что примитивные манипуляции стоимостью денег на внутреннем рынке остаются единственным способом регулирования экономики финансовыми властями страны. Вот совсем недавно один из руководителей Центробанка заявил, что ввиду возможного “перегрева” российской экономики необходимо повысить ставку кредитов. Оставим за скобками вопрос, как можно увидеть “перегрев”, когда уровень загрузки основных производственных мощностей в среднем по стране составляет около 80%. Важнее, что дальше произойдёт следующее. Центробанк повысит базовую стоимость денег, следом за этим в гораздо большей пропорции повысят ставки кредитов коммерческие банки. Для многих предприятий реального сектора экономики, не имеющих собственных оборотных средств, теперь недоступными станут и кредиты. Ведь при процентной ставке выше нормы прибыли предприятий их невозможно вернуть. Многие производства остановятся. Другие сократят выпуск продукции и вынуждены будут повысить на неё цены, поскольку у них увеличатся затраты как за счёт дорогих кредитов, так и из-за снижения объёмов производства. Начнётся новый виток инфляции, но теперь уже не монетарной, а гораздо более опасной – издержек производства. Придётся опять повышать базовую ставку Центробанка, а за этим вновь последует спад производства. Это движение по спирали вниз с потерей на каждом витке всё большего числа производств и рабочих мест, пока завуалировано ростом доходов от экспорта. Но рано или поздно кризис не заставит себя ждать.

Почти столетие назад выдающийся английский экономист Д. Кейнс, говоря о политике борьбы с инфляцией финансовых властей Великобритании и США во времена Великой депрессии 1920–1930-х годов, подобной нашей нынешней, утверждал, что даже египетские фараоны были много умнее их, этих властей. Строительством пирамид они развивали экономику своего древнего царства, стимулируя производство зерна для кормёжки рабов на стройках, речные перевозки и изготовление всевозможных инструментов. Ну что же, и наши финансовые власти заслуживают оценки более глупых в сравнении с фараонами.

Конечно, можно отнести происходящее сегодня в экономике России к недостаточной квалификации руководителей финансово-экономического блока правительства. Направить их на пересдачу экзаменов по политэкономии.

По крайней мере, по темам расширенного воспроизводства, межотраслевых балансов и переливов капитала. Но дело не только и не столько в этом. Глубинная причина хозяйственного, научно-технического и технологического застоя нашей страны кроется в упорном следовании догмам экономического либерализма. Уже даже в его цитадели – Соединённых Штатах Америки – идёт отказ от либеральных постулатов. Невзирая ни на какую инфляцию и дефицит бюджета, там огромные государственные и частные средства вкладываются в инфраструктурные и технологические проекты; субсидируется промышленность; насильно навязывается зарубежным партнёрам продукция американского топливно-энергетического комплекса; стимулируется перевод иностранных производств на территорию США. И близко во всём этом нет экономического либерализма. Это самый махровый протекционизм консервативного толка. А у нас до сих пор господствует ультралиберальная модель на основе принципов Вашингтонского консенсуса. Вот почему, например, выталкиваются деньги из страны за рубеж. Ведь в соответствии с принципами этого консенсуса масса денег во внутреннем обороте России привязывается к нашим золотовалютным резервам, а не к реальным потребностям даже текущей деятельности народного хозяйства, не говоря уже о его развитии. Следование устаревшим догмам тем более удивительно, что в форме Вашингтонского консенсуса они изначально предназначены для экономического подчинения и ограбления западными транснациональными корпорациями развивающихся стран, к числу которых была отнесена и Россия в начале 1990-х годов. Против нас ведутся боевые действия, вводятся невиданные санкции и ограничения, а мы продолжаем позволять себя грабить. В честь чего это? Денежно-кредитная политика правительства России должна быть немедленно изменена.

Прежде всего, необходимо вводить жёсткий валютный контроль, обязательную продажу полного объёма валютной выручки экспортёрами Центробанку, ограничение переводов средств из страны юридическими лицами только текущими торговыми и платёжными по возврату кредитов операциями. Все остальные трансграничные денежные трансферты должны облагаться весомым налогом. Что касается физических лиц, то их переводы средств за границу должны иметь разрешительный характер при наличии деклараций об источниках доходов. Возможно, это и не чисто рыночный подход. Но давайте обратимся к практике других стран. В период послевоенной реиндустриализации в целом ряде европейских государств десятилетиями существовал запрет не только на вывоз валюты, но и на покупку иностранных потребительских товаров длительного пользования. В Южной Корее даже обучающимся за границей студентам родители могли перевести только строго определённую сумму в год. Японцы строго придерживались стратегии: «Мы экспортируем товары и связанные с этим услуги, а не капиталы». Это ли не примеры для нас? Разве это не рыночные страны, а мы разве не нуждаемся остро в реиндустриализации?

Вопрос об ограничении движения капитала из страны имеет и другой аспект. Это находящаяся у всех на слуху деофшоризация. Меры, предпринимаемые правительством в этом направлении, явно недостаточны. К пряникам в виде амнистий возвращающихся капиталов надо добавить и кнут. Либо выход предприятия из офшоров и возврат под отечественную юрисдикцию, либо жёсткое ограничение его деятельности в России. Речь идёт о полном запрете на участие в государственных подрядах, покупках земельных участков, акций и любых других российских активов, лишении доступа к недрам. Понятно, что эти меры затронут интересы многих влиятельных лиц. Но российские деньги должны работать на Россию.

Средства, полученные от внешнеэкономической деятельности, вместе с внутренними резервами должны быть направлены не только на поддержание макроэкономической стабильности, но и на ускоренное развитие страны. Конечно, для этого должны быть созданы специальные инструменты их трансформации в инвестиции. Нет необходимости их описывать. Они хорошо известны и из нашей, и из зарубежной практики. Важно, чтобы эти инструменты были составной частью общего нового хозяйственного механизма, тесно связаны с другими его элементами, прежде всего, с системой планирования. Всё должно быть направлено на достижение целей национальной идеи.

От национальной идеи к национальной идеологии России

Достижение целей национальной идеи России — сохранения единства, целостности, независимости нашего государства — это путь, на котором необходимо решить вполне конкретные задачи инфраструктурного, пространственного, технологического развития страны. Но одновременно это и путь к формированию новой национальной идеологии, потому что само решение этих задач невозможно в тесных рамках де-факто господствующей в стране либеральной.

В экономической сфере, как было показано, следование её догмам не даёт никаких шансов на развитие страны, нужна иная модель капитализма, основанная на новом хозяйственном механизме. Конструирование его элементов требует учёта и использования разнообразного опыта, и зарубежного, и отечественного, в первую очередь, наиболее близкого к нам по времени советского. А чтобы понять, что можно из этого опыта взять ценного для современности, нужно оценить, в каких условиях, как и почему принимались те или иные решения и каковы их результаты.

Совершенно очевидно, что в ходе такой работы, помимо заимствования наиболее удачных конкретных решений для их применения в наше время, скажем, каких-то элементов системы планирования, ценовой или денежно-кредитной политики, неизбежно произойдёт и переоценка всего советского времени. Станет ясно, что это не чёрная дыра в нашей истории, а период пиковых достижений всей Российской цивилизации. А это вопрос уже не чисто экономический, а идеологический. Ведь отношение к прошлому — один из ключевых элементов любой идеологии. Конечно, речь не идёт о том, чтобы закрывать глаза на всё негативное, что было в советское время. Но важно осознавать, что этот период — не какая-то непредвиденная аномалия, как это звучит иногда из уст самых высокопоставленных лиц Российской Федерации, а закономерное продолжение всей предыдущей истории нашей Родины. Много из того, что тогда было сделано, до сих пор лежит в фундаменте нашего современного государства. Связь времён должна быть восстановлена, ведь единство страны имеет не только пространственное, но и временное измерение.

* * *

Есть и третье измерение единства — социальное. В последние три десятилетия стремительно нарастает расслоение россиян по имущественному признаку. Разница в доходах небольшой группы людей и не только беднейшей части населения, но и его основной массы, превышает всё известное в современной мировой практике по любым шкалам измерений. Сытый голодного не разумеет. И превосходящая всякие разумные пределы роскошь на одном полюсе жизни, а повседневные тяготы малообеспеченного существования — на другом не могут не приводить к диаметральной разнице интересов разных слоёв населения, разрушению единства общества. Явным признаком этого разрушения стало отмечаемое многими социологами начало хорошо известного обществоведению явления — формирования в составе многонационального российского народа особой группы. Она, постепенно складывающаяся из представителей отечественной компрадорской и финансовой буржуазии, наиболее обеспеченной части творческой интеллигенции и правящей бюрократии, присвоила себе самоназвание “элиты”. В этой замкнутой почти до кастовости социальной группе на основе общности интересов и образа жизни складываются свои особые жизненные установки и цели, стереотипы поведения и менталитет. Круто замешанные на космополитическом либерализме, они контрастно отличаются от традиционных для народов России поведенческих и этических норм, представлений и ценностей. Вплоть до презрения ко всему национальному и отрицания своей русскости. Причины этому кроются в том, что интересы бизнеса представителей этой “элиты”, а у творческой интеллигенции зачастую и источники основных доходов, находятся за рубежом, в основном в западных странах. Эти люди и материально, и ментально принадлежат Западу, а не России. Со всей очевидностью это показала специальная военная операция на Украине. Часть самоназванной “элиты”, которая успела укрыться вместе со своими капиталами за границей, заняла откровенно

русофобские, антигосударственные позиции, выступая в том числе за раздел Российской Федерации на отдельные части. Другая её часть, оставшаяся в России, может, и не высказывает открыто свою позицию, но это не значит, что не поддерживает своих собратьев.

С таким багажом социального раскола общества принципиально невозможно достичь целей национальной идеи. Ведь они состоят как раз в прямо противоположном – сохранении единства и целостности государства. Значит, нужны специальные меры по устранению самих причин этого раскола. Речь идёт о смягчении имущественного неравенства, сохраняя при этом материальные стимулы для деловой активности и предприимчивости людей. Спектр возможных решений этой задачи многообразен.

В качестве первоочередного необходимо принять решение о запрете предпринимательства в нашей стране людям, выехавшим за границу и ведущим там антироссийскую деятельность в любой форме. Было бы правильным законодательно обязать граждан Российской Федерации вернуть в отечественную юрисдикцию дорогостоящее движимое заграничное имущество, например, яхты, корабли, самолёты, с регулярной выплатой в последующем положенных налогов на него. Что касается недвижимого зарубежного имущества, не связанного с ведением бизнеса, тех же замков, особняков и футбольных клубов, то их владельцев-россиян следовало бы обязать к выплатам в бюджет России сумм, эквивалентных стоимости такого имущества. Нет нужды доказывать обоснованность и справедливость таких мер, если вспомнить новейшую историю первоначального накопления капитала в нашей стране.

Заслуживает внимания и вопрос о системе оплаты труда руководящего персонала компаний с государственным участием в капитале. Сверхвысокий уровень их окладов, премий и бонусов, который стал уже нарицательным синонимом богатства, принято объяснять аналогичным в ведущих фирмах за рубежом и необходимостью выдерживать международную конкуренцию за специалистов. Это заблуждение. Не существует никакой конкуренции за наших управленцев между иностранными и отечественными компаниями. Во всяком случае, не отмечено ни одного примера, чтобы российский менеджер, финансист или бухгалтер занял высокую должность первого-второго уровня в какой-либо западной фирме хотя бы средней руки. Да, технических специалистов иногда приглашают. Но и в России их можно и нужно закреплять индивидуальными контрактами. А что касается управленцев и работников головных офисов даже самых крупных российских государственных предприятий, то за базовый для их служебных окладов надо принять уровень оплаты труда работников соответствующих министерств Российской Федерации. А система премирования сверх этого уровня должна быть нацелена на выполнение особо важных производственных заданий. Риск конкуренции за менеджеров со стороны российских частных компаний невелик. Их хозяева быстро перейдут на подобную государственную схему оплаты труда, поскольку заинтересованы в уменьшении собственных издержек и максимизации прибыли.

На снижение уровня материального неравенства людей должны быть направлены и изменения в налоговой системе. Прежде всего, уже перезрел вопрос о замене плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц на прогрессивную. Необходим и отказ от налога на добавленную стоимость с возмещением выпадающих доходов бюджета за счёт нового налога с оборота. Причём его величина должна быть минимальной для потребительских товаров первой необходимости и максимальной для предметов роскоши.

Все эти, как и другие возможные мероприятия по выравниванию уровня жизни разных слоёв населения, с идеологической точки зрения означают отход от либерального социал-дарвинизма и курс на построение общества солидарности.

* * *

Масштаб и сложность конкретных задач, которые необходимо решить для достижения целей национальной идеи России, потребуют не только коллективных усилий всего общества, но и напряжённого и творческого труда каждого человека. В этой связи особое значение приобретает так называемый человеческий капитал, соответственно, возрастает значение подсистем,

обеспечивающих его качество. Прежде всего, здравоохранение и образование.

В последние годы постепенно всеобщим стало убеждение, что система здравоохранения в России неуклонно деградирует. В самом деле, результатом проведённой оптимизации первичного звена медицинских учреждений стала элементарная недоступность медицины для многих людей, прежде всего, в небольших населённых пунктах. Городские учреждения здравоохранения перегружены, и даже приём к врачу для первичного осмотра пациента откладывается на длительный срок, не говоря уже о лечении. Постоянным стал перевод всё большего числа действий медперсонала и врачебных процедур в разряд платных. Можно привести и ещё огромное число примеров и статистических данных, указывающих на тенденцию к ухудшению ситуации в сфере охраны здоровья для подавляющего числа россиян.

Причины явного ухудшения работы всей системы здравоохранения в стране принято видеть в недоработках государственного и муниципального управления отраслью, недостаточности её финансирования, ошибочности тех или иных конкретных частных решений. Всё это имеет место быть. Но главное не в этом, а в общем либеральном курсе на коммерциализацию и капитализацию медицины, который проявляется в форме обязательного медицинского страхования. Из части особой системы охраны здоровья людей медицина превратилась в бизнес. В своеобразный, со своими особенностями, но бизнес страховых компаний. Именно отсюда вытекают все оптимизации, сокращения и упрощения помощи пациентам, замены бесплатных услуг платными.

А ведь если рассматривать развитие медицины в целом, то в мире оно шло по восходящей. От частной платной, через страховую к государственной бесплатной. Большинство стран проходят этот путь вверх, начиная с первой ступени. Ещё совсем недавно в Соединённых Штатах Америки медицина была только частной, потому и недоступной для огромной части американцев. Только в последние годы там получила развитие страховая, позволившая наименее обеспеченным слоям населения получить хоть элементарное медицинское обслуживание. США поднялись на ступеньку вверх, а Россия, наоборот, опустилась на ту же ступеньку вниз. Ведь наша страна уже находилась наверху, когда в СССР была создана лучшая в мире система бесплатного здравоохранения.

Страховая медицина ничего не дала ни самой отрасли, где многие категории работников имеют буквально нищенскую зарплату, ни широким массам населения. Разбогатели только страховые компании. Надо отказываться от либеральных догм и возвращаться к восстановлению советской системы, начиная с первичного звена.

В сфере образования самые жаркие споры идут вокруг оценки эффективности и целесообразности дальнейшего сохранения ступенчатой Болонской схемы получения высшего образования и единого государственного экзамена. Конечно, это вопросы, заслуживающие внимания. Но гораздо важнее ликвидировать исподволь сложившуюся систему “двух коридоров” в нашем базовом, среднем образовании, когда, начиная с первого класса, ученики фактически делятся на два потока. Отпрыски наиболее обеспеченных родителей в частных школах или за счёт дополнительных платных занятий в государственных получают не только более качественное, но зачастую и иное по содержанию образование, чем остальная масса учащихся. Если в естественных дисциплинах речь идёт о разнице в объёмах знаний, то в гуманитарных детям дают разные оценки событий отечественной истории, произведений литературы, стилей и направлений духовной и материальной культуры, поступков и дел известных личностей. Иными словами, с раннего детства формируется разница в понимании действительности и будущего, которое переходит к разнице в стереотипах поведения, а затем и отчуждению, вплоть до антагонизма, одних слоёв общества от других. Это прямая опасность для единства и целостности нашего государства. Вот почему необходимо отказаться от многообразия школьных программ. Учебные процессы в средних школах, даже частных, и оценка знаний учеников должны идти на основе обязательных для всей страны стандартных государственных программ.

Безусловно, вопросы конкретного содержания школьных программ и методологии обучения должны решаться специалистами. Но принципиально важно отказаться от внедряемого в последние годы тезиса, что целью средней школы является подготовка не творческой личности, а грамотного с точки

зрения выбора товаров и услуг потребителя. Этот тезис есть своеобразное преломление на систему образования либеральных идеологических установок, на вхождение России в Западный мир в качестве зависимой периферии. Он должен быть отброшен и забыт. Страна нуждается во всесторонне подготовленных, творческих людях, способных к саморазвитию, готовых к упорной работе на благо людей и государства.

Подготовка и воспитание таких людей начинается со школьной скамьи. Вот почему необходимо поднять престиж профессии школьного учителя. Это невозможно сделать в рамках нынешней системы, когда организация и материальное обеспечение среднего образования возложены на субъекты федерации. Ведь подавляющее большинство из них дотационны, не имеют и в обозримом будущем не будут иметь финансовой самодостаточности. Отсюда и низкий уровень, и существенная разница в зарплатах учительства в разных регионах страны. Было бы правильным, во-первых, вернуться к единой по всей стране тарифной сетке оплаты труда в системе среднего образования; во-вторых, придать учителям статус федеральных государственных служащих со всеми вытекающими из этого правовыми и социальными последствиями; в-третьих, финансирование заработной платы учителей перевести на федеральный бюджет с соответствующей корректировкой схемы межбюджетных отношений центра и регионов.

* * *

И создание нацеленного на развитие хозяйственного механизма, и существенные коррективы социальной политики, и формирование новой идеологии на пути к достижению целей национальной идеи — само по себе дело непростое с точки зрения наполнения их конкретным содержанием. Но сложность ещё и в том, что всё это, скорее всего, встретит неприятие со стороны многих представителей крупного бизнеса, наиболее состоятельной части так называемого креативного класса и властных структур. И вполне понятно почему: будут затронуты их коренные, материальные интересы и положение в обществе. Недооценивать это нельзя. Ведь место олигархов 1990-х годов занял новый правящий слой. Он имеет сотканную на основе тесного переплетения и взаимной инкорпорации большого бизнеса и власти жёсткую структуру, вплоть до некоторых черт феодализма. Несмотря на государственническую риторику, именно этот слой является главным носителем ставшей путями для развития страны идеологии либерализма. Поэтому либерализмом позиции без крайней нужды сданы не будут. А нужда такая наступает. И по причине почти всеобщего разочарования внутри страны нынешним курсом. И из-за нарастания реальных внешних угроз единству, целостности и независимости страны, а следовательно, и её правящему слою. Потому и перемены неизбежны.

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

ЧТО НИ ДЕЛАЕТ ДУРАК, ВСЁ ОН ДЕЛАЕТ НЕ ТАК

Н. С. Хрущёв дураком, конечно же, не был, но искусством сработать под дурака владел и не без успеха пользовался этим. Многие его поступки и решения, которые другим могли стоить головы или должности как минимум, воспринимались как пробелы в его воспитании и образовании и оставались для него без последствий. В этой связи интересный факт приводит Даниил Гранин в своей книге «Причуды моей памяти»: «Хрущёв не мог забыть, как однажды Сталин стал вглядываться в него и вдруг сказал: «А ты английский шпион». Была это провокация или какие-то основания для этого у Сталина имелись, неизвестно. Можно привести и высказывание о Хрущёве Молотова, сделанное им в 80-е годы: «Хрущёв, он же сапожник в вопросах теории, он же противник марксизма-ленинизма, это же враг коммунистической революции, скрытый и хитрый, очень завуалированный».

Так кем же был Хрущёв на самом деле? Героем анекдотов? Пример одного из них: «Что такое кукуруза? Это растение, если его не посадишь ты, посадят тебя». Невоспитанным хамом, устраивавшим скандалы в ООН, спасителем человечества от ядерной войны или английским шпионом и врагом коммунистической революции? Отметим, что историки, занимающиеся изучением периода, когда руководителем СССР был Хрущёв, приведённое выше мнение о нём Сталина и Молотова по каким-то причинам не комментируют, хотя оно секретом для них не является. Достаточных для этого доказательств, по мнению профессиональных историков, не хватает.

Но историк-математик это сделать может. Профессиональных историков-математиков нет, но есть математики, интересующиеся историей, есть математические приёмы, позволяющие это сделать. В математике есть способ доказательства от противного. Предположим противное: Хрущёв не был верным ленинцем, а был врагом коммунизма. Затем проанализируем его дела и в результате определим, кем был Хрущёв на самом деле. Основания считать, что Хрущёв мог действовать в интересах Запада, появились после смерти Сталина. Хрущёв – «он росту был с аршин, но «славных» дел немало совершил, при нём пахали целину, при нём летали на Луну, при нём достигли мы сияющих вершин». Как говорится, из песни слова не выкинешь. Поговорим о его «славных» делах.

Единственным человеком из окружения Сталина, который по своему потенциалу мог бы продолжить сталинскую политику укрепления государства, был Л. П. Берия. Первое, что сделал Хрущёв после смерти Сталина, инициировал его ликвидацию. По сути, это был государственный переворот, причём

с участием армии, в столицу государства были введены тогда танки. Результатом этого переворота стал раскол Президиума ЦК КПСС на отдельные группы. Интригуя и умело сталкивая эти группы, Н. С. Хрущёв, не самый яркий и не самый влиятельный представитель сталинского окружения, стал главой государства и получил практически неограниченную власть в стране.

Доказательства того, что появление Хрущёва во главе СССР было спецоперацией Запада, если таковые и имеются, остаются неизвестными, хотя полностью исключать такую возможность было бы неправильно. Рокфеллеры, например, всегда проявляли интерес к российской, а затем и к советской, нефти, и хотя это не афишировалось, имели деловые контакты с руководством СССР и могли влиять на появление Хрущёва во главе государства. К тому же, слухи о наличии “крота” в высших эшелонах власти имели место ещё во времена Сталина. И, похоже, не без оснований. “Если бы вы только знали, кто был у нас в агента влияния, тогда бы вы поняли, почему произошло так быстро и так легко для нас”. Так, по словам историка спецслужб Николая Долгополова, говорили американские разведчики своим бывшим советским соперникам по холодной войне, когда они встречались в начале 90-х годов. Так что подозрения Сталина и Молотова оснований не лишены.

Учитывая популярность и авторитет Сталина в мире как человека, сыгравшего выдающуюся роль в победе во Второй мировой войне, Хрущёву было бы выгоднее показать себя его сторонником, и он не мог этого не понимать, тем более что свои политические позиции он к тому времени уже укрепил. Но, начав антисталинскую кампанию, в 1956 году он вложил в руки Запада, может быть, самое мощное оружие для разрушения СССР. Понимал ли он, что выпускает джинна из бутылки? Конца этой кампании не видно даже сейчас, спустя 65 лет, уж больно благодарная тема: именем Сталина ударить по созданному им государству под названием СССР и народу, его населяющему. Сталин уже давно перестал быть просто человеком со своими недостатками и достоинствами, хорошими или плохими делами. Он стал символом веры, кто-то готов на него молиться, кто-то его ненавидит.

Начав антисталинскую кампанию, Хрущёв нанёс удар не только по СССР, но и по мировому коммунистическому движению, скомпрометировав его в глазах мировой общественности. Хрущёв санкционировал расстрел демонстрации в Новочеркасске, чем умело воспользовались идеологические противники СССР. И, что о многом говорит, лично Хрущёва Запад в этом не обвинял ни тогда, ни сейчас, как не обвинял он и Ельцина в расстреле российского парламента.

Антирелигиозная кампания Хрущёва, публично обещавшего показать по телевизору в 1965 году последнего попа, авторитету советской власти в глазах верующих советских граждан и религиозных кругов мирового сообщества не способствовала и, кроме вреда, ничего не принесла. Более того, она противоречила попыткам Сталина выстроить конструктивные отношения между государством и Православной Церковью. Сталин в 1939 году был инициатором отмены указа Ленина о разрушении храмов и расстреле духовенства. По решению Сталина был проведён в 1943 году Архиерейский собор, на котором избрали Патриарха Московского и всея Руси.

Очернителя советской истории Солженицына породил Хрущёв. Он же открыл границы страны для иностранцев, назвав это “оттепелью”, и идеологические диверсанты и диссиденты начали свою разрушительную деятельность по разложению нашего общества. Хрущёв амнистировал врагов советской власти, осуждённых за военные преступления – бандеровцев, власовцев, “лесных братьев” и прочих националистов. Последствия этой хрущёвской амнистии мы наблюдаем сейчас в Украине и Прибалтике.

Хрущёв своими реформами разрушил уникальную двухконтурную модель денежного обращения и тем самым положил начало развалу экономики страны, темпы роста которой остаются непревзойдёнными до сих пор. Хрущёв ликвидировал в 1957 году отраслевые министерства и тем самым разрушил межотраслевые и кооперационные связи предприятий. После отставки Хрущёва эти министерства были восстановлены. Повторно отраслевые министерства были ликвидированы после развала СССР указом президента Ельцина, после чего последовал развал всего народного хозяйства и ликвидация высокотехнологичных отраслей. Но об этом ниже.

Хрущёв ликвидировал потребкооперацию, которая успешно работала в интересах государства. Главным направлением деятельности предприятий потребкооперации было производство товаров для населения. Предприятия потребкооперации производили 6% валовой продукции СССР, товаров ширпотреба значительно больше (40% мебели, 70% металлической посуды, более трети трикотажа). В результате этой ликвидации в стране появился дефицит бытовых товаров и продуктов питания. На смену предприятиям потребкооперации пришли цеховики, которые работали на собственный карман. Именно они начинали развал советской экономики и в полную силу развернулись во времена Горбачёва и Ельцина.

Тема «Хрущёв и реформа вооружённых сил» требует особого рассмотрения. Без всяких расчётов и подготовки в короткие сроки Хрущёв в конце 50-х и начале 60-х годов сократил численность вооружённых сил почти на 3 миллиона человек. В результате Советская армия была сокращена почти на две трети. По сути это был разгром армии. Это было в то время, когда именно наша сухопутная армия была той силой, которая удерживала Запад от атомных бомбардировок территории СССР. После отстранения Хрущёва от власти начинается наращивание численности армии, достигшей в итоге 5 млн человек.

В результате хрущёвской реформы наиболее пострадавшими родами войск оказались авиация и танковые войска. Авиации Сталин уделял особое внимание. Это не была причуда вождя, он, как никто другой, понимал значение авиации, как военной, так и гражданской, для такой огромной страны, как СССР. При всём уважении к другим родам войск главной действующей силой на войне является пехота — царица полей. Пока на землю противника не ступила нога пехотинца, территория эта не считается освобождённой или завоеванной. Артиллерия, танки, авиация, другие рода войск действуют в интересах пехоты.

Авиация как средство поддержания пехоты имеет особое значение. Опыт Второй мировой, как и современный опыт, показывает, что Победа не может быть достигнута без превосходства в воздухе. Военная авиация подверглась в результате хрущёвских реформ тотальному разгрому. В 1959 году были уволены противники её сокращения, маршалы авиации Г. А. Ворожейкин и С. Ф. Жаворонков. Около 250 тыс. лётчиков — часть из них с боевым опытом — были из армии уволены. Многие увольнялись без пенсии, без жилья и оставались практически без средств к существованию. Это был удар по армии, по авиационной промышленности, это была рукотворная трагедия как для людей, так и для государства, которое теряло обороноспособность. Потом Министерство обороны пыталось ситуацию поправить и вернуть в армию демобилизованных лётчиков.

Авиация, как военная, так и гражданская, и авиационная промышленность — близнецы братья. Самолёт можно назвать чудом, рождённым гением человека, в нём сконцентрированы высшие достижения науки и техники, и Сталин это хорошо понимал. Не будет преувеличением сказать, что он делал всё возможное и невозможное для развития авиации. Что касается ракет, то развитие ракетной промышленности в СССР начиналось при Сталине. Наиболее полно и профессионально о том, как создавалась и развивалась советская ракетно-космическая отрасль, написал заместитель С. П. Королёва Б. Е. Черток в четырёх томах своей книги «Ракеты и люди».

По моему субъективному мнению, недостатком этой книги является то, что в ней не в полной мере показана определяющая роль С. П. Королёва как ключевой фигуры в создании советской ракетно-космической отрасли. При нём она зарождалась, при нём она достигла высшей точки своего развития. Самой сильной стороной Королёва были его качества лидера, которые признавали тогда все члены Совета главных конструкторов, председателем которого он был. Можно сказать, что подмосковный город Калининград, ныне Королёв, где находилось тогда королёвское ОКБ-1, был столицей советской ракетно-космической отрасли, инкубатором идей и кадров (одним из выдающихся конструкторов был М. К. Янгель, создатель днепропетровской школы ракетостроения). После безвременной смерти Королёва в 1966 году на шестидесятом году жизни адекватной замены ему не нашлось. «Золотой» период советской космической эры со смертью С. П. Королёва закончился.

По временному совпадению наиболее активно и успешно советская ракетно-космическая отрасль развивалась в то время, когда главой СССР был

Хрущёв. Во время правления Хрущёва ракетам был отдан приоритет над всеми другими видами стратегических вооружённых сил. По этой причине с его именем связывают наши успехи в проектах по освоению и космоса, и боевых ракет. Малоизвестно то, что это было не совсем так, а вернее, совсем не так. Отдавая должное нашим успехам в космосе, в части боевых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных достигать территории США, мы американцам в этом отношении уступали, что для советского правительства секретом не было, и задача ликвидировать это отставание нашей промышленности была поставлена.

Над сокращением этого отставания, можно сказать, монополично работали ОКБ-1 Королёва и ОКБ-586 Янгеля, далее КБЯ, имеющие в ракетостроении успешный опыт. Монополию двух известных конструкторов нарушил главный конструктор ОКБ-52 (далее КБЧ) В. Н. Челомей. Амбициозный по натуре, талантливый конструктор и хороший организатор, В. Н. Челомей был известен как создатель уникальной крылатой ракеты для подводных лодок, но опыта разработки МБР на тот момент он не имел. Подробности войны Янгеля и Челомея и сил, их поддерживающих, за проект создания новой лёгкой массовой МБР, опускаем. Войну эту, к удивлению многих представителей промышленности и Министерства обороны, не без помощи Хрущёва выиграл Челомей.

По решению правительства Янгель передал разработанную в КБЯ документацию на лёгкую МБР Р-37 в КБЧ. Надо отдать должное Челомею, его ракета УР-100 в 1967 году была поставлена на боевое дежурство. Она стала самой массовой и существенным образом повлияла на достижение паритета с США. К большому огорчению Янгеля, разработанная им ракета Р-37, практически ни в чём не уступавшая УР-100, применения не нашла. Кроме документации на ракету и части сотрудников КБЯ, перешедших на работу в КБЧ, Челомею на усиление были переданы 2 из 5 имеющихся в Минавиапроме КБ – Мясищева, Лавочкина, а также построенный немцами авиазавод в Филях, ныне завод имени Хруничева. Не без оснований Челомея называли тогда убийцей авиационной промышленности. Но фактическим убийцей авиапрома был Хрущёв, который своим решением передал этот проект Челомею и остановил производство ракет Р-37 на специально созданном заводе в Днепропетровске.

В упомянутой книге “Ракеты и люди” имеется глава “Исправление ошибок великих”. Великие главные конструкторы Королёв, Янгель и Челомей допустили общую ошибку. Первым понял и попытался её исправить Королёв. Уже в начале 60-х годов в США стали в массовом порядке поступать на вооружение твердотопливные ракеты “Минитмен-1”, более простые, надёжные и дешёвые, чем любые жидкостные. Королёв понимал преимущества твердотопливных ракет для боевого использования и первым в стране начал их разработку. Необходимо отметить, что если вклад С. П. Королёва в создание и развитие советской космической отрасли получил самое высокое признание, то его вклад в создание первой твердотопливной МБР РТ-2 остаётся недооценённым. Ракеты РТ-2 Королёва и УР-100 Челомея разрабатывались практически в одно время. Уже тогда нашим специалистам – справедливости ради отметим, что не всем, – было понятно: для боевых ракет массового производства выбор должен быть сделан в пользу твердотопливных ракет. Это подтверждалось и опытом США.

Первый пуск твердотопливной МБР РТ-2 Королёва состоялся в ноябре 1966 года, через 9 месяцев после его смерти. Модернизированная ракета РТ-2 могла бы стать нашим ответом американской ракете “Минитмен”. Но массовой ракета РТ-2 не стала. Пролоббировав разработку ракеты УР-100 Челомея с двигателями на жидком топливе, Хрущёв замедлил массовое оснащение наших вооружённых сил твердотопливными МБР. Ракеты “Тополь”, “Тополь-М”, “ЯРС” Московского института теплотехники, а также железнодорожные комплексы, оснащённые ракетами РТ-22, созданные в КБ “Южное” под руководством В. Ф. Уткина, ставшего главным конструктором после смерти М. К. Янгеля, спустя 15 лет стали поступать в войска на замену ракет с двигателями на жидком топливе.

Надо отметить, что благодаря наличию ракеты УР-100 паритет с США по количеству ракет был достигнут. Примерно 1000 ракет УР-100 несли боевое дежурство до 1994 года. Ответа на вопрос, какой ценой был достигнут этот паритет, мы не узнаем никогда. В пассив государственного бюджета нужно

отнести расходы на финансирование двух практически одинаковых проектов ракет: РТ-37 Янгеля и УР-100 Челомея. Средства на разработку были потрачены, но ракета РТ-37 оказалась невостребованной. При этом авиационная промышленность лишилась двух КБ и одного из лучших заводов.

Вместо того чтобы в качестве лёгкой МБР выбрать прошедшую испытания твердотопливную ракету РТ-2, что соответствовало бы мировому опыту, выбор был сделан в пользу жидкостных ракет УР-100, которые затем были заменены на твердотопливные. Всё это было результатом “славных” дел Хрущёва. Вопрос, что это было – глупость или измена? – будем считать риторическим. Военные говорили тогда: “Янгель работает на нас, Королёв – на ТАСС, а Челомей – на унитаза”. Узнаем ли мы когда-нибудь, на кого работал Хрущёв, большой вопрос.

Сократив финансирование авиационной промышленности, переориентировав ряд авиационных предприятий на производство ракет, Хрущёв затормозил развитие авиационной отрасли. Отставание нашего самолётостроения от западного в части военных самолётов удалось сократить после отстранения Хрущёва от власти. Через 20 лет после его отставки у нас появился сверхзвуковой стратегический ракетоносец ТУ-160, гордость нашего авиастроения. Соответствуют мировому уровню и самолёты МИГ и СУ.

Наши пассажирские самолёты по некоторым важным параметрам уступают самолётам западного производства, и это отставание преодолеть не удалось до сих пор. На мировом рынке наши военные самолёты всегда были конкурентоспособны, тогда как пассажирские самолёты советского производства спросом у иностранных авиакомпаний не пользовались. Сократив финансирование авиационной отрасли, Хрущёв затормозил развитие гражданского самолётостроения, тогда как наши конкуренты эту отрасль успешно развивали. Так что современному кризису в производстве гражданских самолётов наша авиационная промышленность обязана Хрущёву.

Карибский кризис, организованный Хрущёвым, стоит того, чтобы о нём поговорить подробнее. Самый главный вопрос, на который ответа мы никогда не узнаем: кто был истинным инициатором и организатором этого кризиса? Карибский кризис – это не одна из сумасбродных идей Хрущёва, как это преподносится в нашей исторической литературе. Карибский кризис – это часть операции по разрушению СССР. Хрущёв по причине малограмотности разработать такую операцию не мог, но он мог её реализовать. В пользу такого допущения можно привести следующие соображения.

В начале 60-х годов ракетно-ядерный потенциал США многократно превосходил тогда аналогичный потенциал СССР. Если бы дело дошло до военных действий, победить тогда США в ядерной войне мы не могли в принципе. Во время Карибского кризиса у США было 6000 боеголовок, у СССР – 300. У США было более 1300 бомбардировщиков, способных одновременно доставить на территорию СССР около 3000 ядерных зарядов, из них 150 – стратегических сверхзвуковых бомбардировщиков В-58. Девять атомных подводных лодок несли 144 ракеты “Поларис”. К этим носителям ядерных зарядов надо добавить 183 тяжёлых МБР наземного базирования “Атлас” и “Титан”.

Советские средства доставки ядерных зарядов, способные достигнуть тогда территории США, – это знаменитая королёвская семёрка МБР Р-7 и стратегические бомбардировщики ТУ-95, ЗМ и М-4 в количестве примерно 500 единиц, причём сверхзвуковых бомбардировщиков у нас тогда не было вообще. Ракета Р-7 сыграла выдающуюся роль в советских космических программах. Для боевого применения она имела очень серьёзные ограничения, но была мощным политическим оружием. Подготовка к старту этой ракеты занимала 10 часов, в заправленном топливом состоянии ракета могла находиться не более 30 суток. Для обслуживания стартовой позиции требовалось 1500 человек личного состава.

Во время Карибского кризиса СССР имел 75 МБР, одновременно могло быть запущено не более 25. Для боевых пусков имелось всего 4 стартовых комплекса ракеты Р-7. Более совершенные ракеты Р-16 главного конструктора М. К. Янгеля тогда только начинали поступать на вооружение и на баланс ядерных сил принципиально не влияли. Как недостаток следует отметить и то, что стартовые комплексы МБР Р-7 не были защищены и могли быть разрушены противником четырьмя удачными пусками. Другие средства доставки,

состоявшие на вооружении советских вооружённых сил, такие как ракеты средней дальности Р-12 и Р-14, бомбардировщики ТУ-4 и ТУ-16, крылатые ракеты достигнуть территории США не могли. При таком соотношении сил провоцировать противника начать ядерную войну мог либо враг, либо ненормальный. Но ненормальным Хрущёв точно не был.

Решение об отправке ракет на Кубу было принято на заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая 1962 года. Начальник ГРУ МО СССР генерал армии И. А. Серов события, происходившие во время Карибского кризиса, описывает следующим образом. Министр обороны Р. Я. Малиновский, министр иностранных дел А. А. Громыко, член Президиума ЦК А. И. Микоян высказывали сомнения по поводу соблюдения режима секретности размещения ракет на Кубе. Начальник ГРУ генерал Серов эту позицию поддерживал. Хрущёв сумел навязать членам Президиума свою позицию, решение о размещении ракет на Кубе было принято единогласно. Это было политическое решение Хрущёва.

Советские ракеты были доставлены на Кубу 9 сентября 1962 года. По официальной версии американский самолёт-разведчик зафиксировал позиции советских ракет 14 октября 1962 года. Ещё до окончания операции ЦРУ информировало президента Кеннеди и его советника по национальной безопасности Банди о поставках советской военной техники на Кубу. Президент США эту информацию проигнорировал. Это было его политическое решение. Политические противники — лидеры СССР и США — действовали согласованно.

Вот как о тех событиях пишет генерал И. Серов. “Самый крупный провал был в том, что ядерные головки на ракетах не были смонтированы на Кубе. К бою были готовы только ракеты ПВО”. Заместитель С. П. Королёва Б. Е. Черток это подтверждает в своей книге: “Первую ракету Р-12 подготовили на Кубе к заправке и стыковке с ядерной боеголовкой 4 октября 1962 года. До 10 октября были готовы к установке на стартовые столы ещё 10 ракет, к 20 октября — 20 ракет. В некоторых источниках упоминается, что все ракеты на Кубе были готовы к пуску. Что понимают историки под этим? От Смирницкого я слышал, что ядерные боеголовки ни к одной ракете так и не пристыковали. Но если так, то ни одна ракета фактически ещё не была готова к пуску”. Начальник ГУРВО (Главное управление ракетным вооружением) генерал-лейтенант Н. Н. Смирницкий практически подтверждает слова генерала Серова о том, что ядерные головки на ракеты установлены не были. Но особенно важно то, что команду на запуск ракет Москва дать только Москва, а конкретно — Н. С. Хрущёв. Это значит, что если сговор между Хрущёвым и Кеннеди был, а похоже, что он всё-таки был, обе стороны ничем не рисковали и могли спать спокойно.

Генерал армии Серов планировал написать книгу о своей деятельности на посту начальника ГРУ. Написал он такую книгу или нет, неизвестно. Но известен план этой книги. В главе, посвящённой Карибскому кризису, Серов планировал написать об отрицательном прогнозе разведки по размещению ядерных ракет на Кубе, начале конфликта с Хрущёвым и министром обороны Малиновским, который отправил на Кубу ракеты без боеголовок, интригах руководства КГБ, предательстве Хрущёва. Тайные дневники бывшего руководителя ГРУ генерала Серова были обнаружены через 25 лет после его смерти. Не исключено, что неизвестная сейчас книга, которую он планировал написать, ждёт своего часа и через какое-то время будет найдена. И тогда у историков появится возможность лучше понять, что же происходило на Кубе в те далёкие годы.

Миру о советской ракетно-ядерной угрозе США объявили, когда советские ракеты были установлены на стартовые позиции. Советский Союз, как говорится, поймали за руку и обвинили в разжигании ядерной войны. Отпираться было невозможно. Подготовленная Западом и выполненная с помощью Хрущёва провокация удалась. Существовала ли угроза ядерной войны реально или это была мистификация мирового масштаба? Правдивого ответа на этот вопрос мы не получим никогда. Политикам предпочтительнее представлять себя спасителями человечества от ядерной войны, а не мистификаторами.

Карибский кризис закончился 28 октября 1962 года. Под давлением США СССР свои ракеты был вынужден с Кубы убрать. Решение о выводе с территории Турции 15 устаревших ракет “Юпитер” президент Кеннеди принял задолго до кризиса. Поэтому считать это достижением можно лишь при большом желании. Как ответ на несостоявшуюся советскую угрозу военно-промышленный комплекс – самая влиятельная политическая сила в США – получил дополнительное финансирование. У США появились более мощные и совершенные ракеты нового поколения “Першинг” и “Поларис”. Как объект получения материальных и политических дивидендов Куба интереса для США не представляла. К тому же неудачная попытка вторжения на Кубу показала США, что связываться здесь себе дороже. Прошло время, и Россия от Кубы тоже отказалась, но США вторгаться на Кубу не торопятся.

Как и было задумано организаторами, в результате Карибского кризиса наибольшие – прежде всего политические – потери понёс Советский Союз. Заставив СССР убрать ракеты с Кубы, США показали, кто в мире хозяин. СССР в глазах всего мира потерял тогда свой авторитет и политическое лицо как агрессор, готовый начать ядерную войну, и как предатель кубинского народа, отказавшийся от данных кубинцам обязательств. Можно сказать, что это было началом поражения СССР в “холодной войне”.

Советская ракетно-ядерная угроза давала тогда США формальное право нанести ракетно-ядерный удар по территории СССР. Блеф Хрущёва окончился для СССР тогда в целом благополучно только благодаря мастерству наших дипломатов и разведчиков и мудрости не Хрущёва, а президента США Джона Кеннеди. Отметим, что Хрущёв трижды ставил мир перед угрозой мировой войны. Помимо Карибского кризиса, в 1956 году были кризисы Суэцкий и Берлинский. Но именно Карибский кризис стал началом поражения СССР в “холодной войне”, о чём пишет маршал Язов в своих воспоминаниях. А ведь он служил на Кубе в те времена.

Английская поговорка говорит, что если нечто выглядит, как утка, плавает, как утка, и крикает, как утка, то, вероятно, это и есть утка. Если некто своими делами наносит государству вред один раз, потом ещё и ещё, то есть все основания считать его врагом. “Славные” дела Хрущёва позволяют предполагать, что “кротом” он всё-таки был, и Сталин не без оснований называл его английским шпионом, а Молотов – завуалированным врагом.

Никакой “крот” не мог принести стране вреда больше, чем это сделал Хрущёв. В книге Николаса Хаггера читаем: “На фотографии 1959 года мы видим довольного Нельсона Рокфеллера рядом с сияющим Никитой Хрущёвым. Совершенно ясно, что эти люди достаточно близки. Когда Дэвид Рокфеллер приезжал в Москву, вдоль всего пути его кортежа выстраивались толпы приветствовавших его граждан”. Неслучайно сын Хрущёва с семейством нашёл пристанище в США, там “славные” дела его отца не забыли. По сути, разрушительная деятельность Хрущёва превосходит то, что сделали для развала СССР Горбачёв и Ельцин с компанией. Оценку “славным” делам Хрущёва дал Черчилль, который сказал: “Сейчас имеется человек, который нанёс урон стране Советов в тысячу раз больший, чем я. Это Никита Хрущёв, давайте поаплодируем ему”.

В стране нашлись тогда силы, которые не дали Хрущёву продолжить его разрушительную деятельность, но назвали её не изменой, что было бы правильно, а непонятым народу словом “волюнтаризм” и отправили Хрущёва не на Колыму, а на пенсию. Куда отправил бы Хрущёва товарищ Сталин, объяснять не надо, и был бы прав. То, что либеральная часть российского общества уже многие годы поливает грязью Сталина и не касается разрушительной деятельности Хрущёва, можно объяснить тем, что Хрущёв для них был и остаётся своим, а Сталин – чужим.

Вызывает удивление то, что историков, желающих профессионально, открыто и аргументированно проанализировать разрушительную деятельность Хрущёва и дать ей правовую оценку, у нас в стране до сих пор не находится. Вспоминая Хрущёва, больше говорят о кукурузе, целине и прочих малозначимых его инициативах. Оценку деятельности Хрущёва, данную Черчиллем, наши историки стараются не замечать.

Может быть, книга “Хрущёвская слякоть” Е. Ю. Спицына даст толчок расследованию деятельности не Хрущёва-волюнтариста, а Хрущёва-врага?

В своей книге Е. Ю. Спицын подробно рассказывает о “славных делах” Хрущёва, не объясняя, зачем он это делал. От выводов, чем это было — глупостью или изменой — он воздерживается. Понятно, что информация из интернета доказательной силы не имеет, но задав в поисковике короткий вопрос — “Хрущёв — “крот?” — можно узнать много интересного.

Бесславный конец жизни Хрущёва, когда он фактически под домашним арестом жил на государственной даче в Подмоскowie, изолированный от всех, кроме своей семьи, даёт основания задуматься. Возможно, что руководители страны решили тогда сор из избы не выносить и спустили это дело на тормозах. Может быть, в тот момент это было правильное решение: подорванный антисталинской кампанией Хрущёва авторитет СССР у народов стран социалистической ориентации надо было спасать. Более чем скромные похороны бывшего главы государства Хрущёва в 1971 году прошли на удивление незаметно, власть спешила от него избавиться и поскорее забыть о его “славных” делах.

Если в России когда-нибудь будет создан пантеон антигероев “холодной войны”, Хрущёв должен занять там первое место. Начало развалу СССР положил именно он. Обратив внимания на “славные дела” Хрущёва, ничего нового и не известного ранее я не сказал. По мне, Хрущёв не самодур, не смешной кукурузник, не волюнтарист, как принято его называть, а враг и разрушитель страны.

Таким он и должен войти в историю. Как пели в упомянутой песне о Хрущёве, “а в октябре его маленечко того, и тут всю правду мы узнали про него”. Возможно, что найдутся историки, которые нам эту правду когда-нибудь расскажут. Приход к власти Хрущёва в результате политических интриг, физическое устранение политических противников, смена управленческой элиты с применением насилия, отказ от успешной сталинской государственной политики, как внутренней, так и внешней, как минимум можно назвать государственным переворотом, который организовал Хрущёв. И только за это его можно было бы судить по всей строгости закона.

Но это теоретически. Практически это означало бы уподобиться Хрущёву, судившему мёртвого Сталина. Внук Серёжа, эмигрировавший впоследствии в США и недавно умерший там С. Н. Хрущёв, на вопрос взрослых, чем занимается дедушка, отвечал: “Дедушка плачет”. Жалко дедушку, но закон окончательного возврата есть закон, и отменить его нельзя. Этот закон гласит: “То, как ты поступаешь по отношению к другим людям, вернётся к тебе рано или поздно. Так устроен мир. Ты получаешь то, что посылаешь. Это неизбежно”.

КОНСТАНТИН ДОЛГОВ

*заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник
Института философии РАН,
доктор философских наук, профессор*

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Во все времена вопросы воспитания и образования представляли ядро, фундамент, краеугольный камень существования и развития общества и государства. И по сей день нас восхищает наука и культура древности – Египет, Греция, Рим, Китай, Индия и т. д.

Развитие общества и государства непосредственно связано с тем вниманием, которое уделяется образованию и воспитанию молодёжи. Впечатляющим примером является история Советского Союза: в кратчайшие исторические сроки благодаря хорошо продуманной системе образования и воспитания страна достигла поразительных результатов в решении фундаментальных проблем науки и культуры, вырвалась вперёд почти во всех сферах: в науке, технологиях, культуре и, прежде всего, в воспитании человека будущего, строителя нового, невиданного в истории общества. Неслучайно мы первыми запустили спутник в космос, затем космический корабль с человеком на борту, начали использовать атомную энергию в мирных целях и т. д. Успехам Советского Союза поражались во всём мире, хотя не всегда могли понять причины подобного прогресса, а они не представляли никакой тайны и были очевидными: возникновение нового социального строя – социализма, где нет эксплуатации человека человеком, где установлено подлинное равенство и демократия, где человеку открыты все возможности для получения самого лучшего и универсального образования, где действительно можно раскрыть все свои дарования и таланты.

Я лично испытал это на себе. Начиная с первого класса обычной школы, я чувствовал удивительную заботу и внимание учителей, причём по всем предметам, и поэтому учился с огромным удовольствием и охотой. Окончил школу с серебряной медалью. После работы на заводах и службы на флоте я поступил на философский факультет МГУ и здесь встретил замечательных профессоров и преподавателей, которые не жалели сил для того, чтобы мы стали по-настоящему грамотными и образованными людьми.

А учиться было нелегко, программа философского факультета предусматривала изучение основных фундаментальных наук: математики, физики, химии, биологии и т. д., не говоря уже о науках гуманитарных. Их изучение было серьёзным, мы проводили лабораторные занятия по химии, биологии, физиологии и т. д. Кроме того, мы слушали лекции выдающихся учёных со всего мира, которые приезжали в Москву и читали курсы лекций в МГУ:

Нильс Бор, Норберт Винер и многие другие. Словом, нас учили, и мы учились, не жалея сил. Философский факультет я окончил с отличием, затем поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. Всё это образование, на мой взгляд, основывалось на прочной, хорошо продуманной системе школьного образования и его органической связи с развитием науки и культуры.

Соединённые Штаты и страны Запада, несмотря ни на какие международные соглашения, продолжали активно противодействовать развитию Советского Союза во всех сферах социалистического строительства. Они открыто противостояли всем его начинаниям и одновременно проводили тайную работу по созданию пятой колонны, ибо социализм во всех его видах и формах представлялся им совершенно неприемлемым как наиболее последовательный антагонист капитализма. В обществе насаждалась открытая антисоветская идеология, людей настраивали на враждебное отношение к существующему строю, прославляли тех, кто занимался критикой внутренней и внешней политики нашего государства, а наиболее шумных и рьяных критиков переманивали, приглашали к себе, с тем чтобы они открыто выступали против своей страны. Некоторые из них специализировались на критике нашей системы воспитания и образования, считая её более отсталой по сравнению с американской и западноевропейской. Всё громче стали раздаваться голоса о том, чтобы мы отбросили свою систему и перешли на более современную американскую и европейскую.

Здесь я хочу привести конкретный пример – познакомить читателя с суждениями выдающегося советского математика, академика Владимира Игоревича Арнольда, с которым я был хорошо знаком. Когда его спрашивали, что он думает об американской системе образования, он отвечал, что эта система отсталая и никогда не была и не может быть передовой, ибо она обслуживает общество потребления, которому настоящая высокая наука противопоказана. Он хорошо знал состояние образования и науки в США, странах Европы, постоянно выступая там с докладами и лекциями. И когда однажды его пригласили в США для решения серьёзных научных задач, с которыми не могли справиться учёные США и европейских стран, он решил их за несколько недель. После того как научное сообщество проверило полученные результаты, последовал вопрос: что помогло ему решить эти трудные задачи, может быть, какие-то неведомые силы? На это В. И. Арнольд отвечал, что всё дело в полученном им школьном образовании: “Я учился в обычной московской школе, и нас учили обычные учителя, но учителя умные, талантливые. Они учили нас размышлять, мыслить, а не просто заученно, формально отвечать на вопросы. И поскольку я привык к этому, то мне и удалось решить эти задачи”.

Давая общую характеристику качеству американского образования, В. И. Арнольд отмечал, что в школьных программах даже не были предусмотрены разделы о действиях с дробями, и поэтому даже способные ученики не могут разделить одну треть на три пятых, зато они с успехом нажимают кнопки компьютеров. В то же время классическая наука отодвигалась на второй план и заменялась всякого рода второстепенными, модными предметами. По его мнению, образование и наука США и Европы, по существу, ориентированы на постоянное отставание, а не на прогресс, и противниками подлинного развития являются как раз руководители этих стран, нацеленные, прежде всего, на установление и сохранение своего господства в мире путём вооружения и милитаризации, развязывания войн и вооружённых конфликтов. Этому во многом способствует сознательно созданное общество потребления, которое руководствуется материальными, повседневными интересами, собственным благополучием, у него не возникает потребности в критическом осмыслении ситуации и в необходимости постоянного духовного развития. Как с горечью говорил в одном из своих недавних интервью выдающийся американский учёный Ноам Хомский, правящая элита Соединённых Штатов довела школьное образование до убогого состояния, против чего в конце концов выступили школьные учителя, по стране прокатилась волна протеста против разрушения народного образования, причём учителя выступали не за повышение своей зарплаты, а за создание необходимых и достойных условий для развития народного образования*.

* <https://www.youtube.com/watch?v=JLTdQ4qg1pc>.

В. И. Арнольд считал, что мы ни в коем случае не должны ориентироваться на образовательные программы таких стран, а, наоборот, должны вернуться к системе образования, которая была в нашей стране. То, что мы перешли на Болонскую систему, было огромной ошибкой, за которую мы уже расплачиваемся и будем расплачиваться серьёзным отставанием в науке, технологиях и культуре.

В. И. Арнольд считал, что классическую науку ничем и никогда не следует заменять, напротив, она должна свободно развиваться, любая её замена, подмена или оттеснение на второй план будет наносить огромный вред развитию человечества. Когда классическую науку стараются заменить различными модными предметами, это есть посягательство на святая святых, это попытка принизить, унижить, сковать свободу развития человеческого разума.

Болонская система была призвана готовить механических исполнителей, а не мыслителей, критически, самостоятельно мыслящих людей, она в полной мере отвечает интересам общества потребления, но совершенно не соответствует интересам общества, которое стремится развиваться во всех сферах жизнедеятельности. Когда я однажды был в Болонье и беседовал с профессорами Болонского университета, помню, как они удивлялись и даже смеялись над тем, что мы отказались от своей прекрасной системы образования в пользу их системы, которая, как они сами признавали, давно не соответствует духу времени.

В. И. Арнольд справедливо отмечал враждебное отношение правящих элит к подлинной науке и высокой культуре. Он приводил слова Л. Толстого о том, что сила правительства основана на невежестве народа, что правительство знает об этом и потому будет всегда бороться против просвещения. Подобное отношение в наше время только усиливается: “Расцвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительствами большинства стран мира. Ситуация сходна с историей эллинистической культуры, разрушенной римлянами, которых интересовал лишь конечный результат, полезный для военного дела, мореплавания и архитектуры. Американизация общества в большинстве стран, которую мы наблюдаем, может привести к такому же уничтожению науки и культуры современного человечества”*. В. И. Арнольд особенно был обеспокоен тем, что математика, лежащая в основе современной науки, “сейчас, как и два тысячелетия назад, – первый кандидат на уничтожение. Компьютерная революция позволяет заменить образованных рабов невежественными”**.

Касаясь вопросов развития науки и культуры в нашей стране, В. И. Арнольд отмечал, что у нас ещё не всё потеряно, наука находится на довольно высоком уровне, по сравнению с США и странами Западной Европы: “У нас есть у кого учиться и кого учить, и это очень важно сохранить. Верно, что молодые учёные стараются побыстрее уехать из России, чтобы на Западе лучше жить и лучше кормить своих детей. Нужно, конечно же, больше платить здесь, и тогда уезжать не будут. Однако до сих пор математическая культура в России очень высокая. Причём это настоящая культура, которая во Франции и Америке заменена абстрактным вздором...”. Правда и то, что в нашей стране немало тех, кто подменяет подлинную науку “философской болтовней, и делают это те люди, которые ничего другого не умеют. Но они – на виду, к их мнению прислушиваются, что наносит непоправимый вред как науке в целом, так и математике в частности. Тем не менее у нас ещё не всё потеряно, у нас пока лучше, чем в той же Франции...”***

Уничтожение образования, науки и культуры В. И. Арнольд рассматривал как негативные, разрушительные явления одного порядка наряду с озоновыми дырами, загрязнением атмосферы, парниковым эффектом, радиоактивным заражением и т. д. – всё это составляет единый процесс, ведущий к гибели жизни на Земле, мировой катастрофе.

В. И. Арнольд выступал против формального понимания образования с его постоянными контрольными работами и экзаменами. Он считал, что в институты нужно принимать всех желающих без всяких экзаменов, поскольку нередко талантливые молодые люди не поступают в институты, так как не

* <https://www.nkj.ru/archive/articles/5174/> Наука и жизнь. Академик В. И. Арнольд: Путешествие в хаосе.

** Там же.

*** Там же.

набирают необходимое количество баллов на экзаменах в силу каких-то обстоятельств (нервного перенапряжения, усталости и т. д.). Нужно принимать всех желающих, и лишь в процессе учёбы можно по-настоящему определить способности студентов всерьёз заниматься наукой. В качестве примера В. И. Арнольд приводил факты из жизни своего учителя, академика А. Н. Колмогорова: “Мой учитель Андрей Николаевич Колмогоров двадцатилетним студентом не сдал экзамены ни по одному из 14 предметов, а написал 14 работ на разные темы с блестящими новыми научными результатами, из которых неверным оказался только один, но об этом автор узнал только через несколько лет, а экзамен зачли”^{*}.

Вспоминаю, когда В. И. Арнольд ещё был аспирантом, мы однажды встретились в университете, и я спросил его о том, как обстоят дела с его учёбой в аспирантуре, на что он мне с улыбкой ответил: я бросил аспирантуру, чтобы не терять зря времени, и скоро буду защищать свою диссертацию. Система подготовки научных кадров, с точки зрения В. И. Арнольда, должна быть практичной, динамичной, связанной непосредственно с решением самых актуальных научных проблем. Только такая система может по-настоящему быть эффективной и плодотворной в смысле подготовки научных кадров.

Возвращаясь к проблемам нашего образования, я думаю, что чем быстрее мы расстанемся с ошибочными представлениями о передовых системах образования США и стран Европы и обратимся к отечественным системам образования и традициям, тем успешнее мы будем готовить новые поколения по-настоящему образованных людей. И это касается всех наук – и естественных, и гуманитарных, ибо и те, и другие по-настоящему необходимы для развития современного человека и общества. Больше того, в настоящее время стало очевидным, что естественные науки не могут нормально развиваться без тесной связи с развитием гуманитарных наук, как и гуманитарные науки – без органической связи с естественными науками.

Хочу привести пример разрушения системы философского образования, которая была в Советском Союзе. Тогдашний директор Института философии академик В. С. Степин и он же Учёный секретарь Отделения философии и права не только не противился разрушению советской системы образования и переходу на Болонскую систему, а напротив, вместе с другими такими же “учёными”, как он, всячески способствовал внедрению “Болонки” в наше образование. То прекрасное образование, которое получали студенты философского факультета, основательно изучая математику, физику, биологию, химию, другие естественные науки, заменили кратким курсом, излагавшим банальные сведения о соотношении философии и естествознания, полагая, что столь солидное изучение естественных наук философам не нужно. По существу, философия была кастрирована и лишена тех принципов, которые развивали самостоятельное, критическое мышление, высокий уровень интеллекта, что всегда было присуще фундаментальным наукам.

Всё меньше внимания уделялось изучению логики, в частности, математической логики. Если наше поколение ещё изучало логику по произведениям таких профессоров, как В. Ф. Асмус, П. С. Попов и других, то в последующем интерес к логике стал ослабевать. Из советских философов только А. А. Зиновьев серьёзно занимался логикой, в том числе математической, и угасающий интерес к логике как важному и необходимому обоснованию математики свидетельствовал о снижении общего уровня философии.

К тому же значительно сократили изучение истории философии, как мировой, так и отечественной, что также нанесло непоправимый урон системе философского образования, ибо благодаря изучению истории философии студенты и аспиранты как бы вели постоянный диалог с мыслителями прошлого и настоящего, совершенствуя свои мыслительные способности. В результате выпускники философских факультетов значительно утратили собственно философское понимание и образование. Классические науки стали заменяться различными модными течениями и направлениями наукообразного вида. И по сей день философские факультеты готовят недостаточно образованные в собственно философском отношении кадры, что не лучшим образом сказывается на развитии нашей науки и культуры.

^{*} <https://miit.ru/news/100755>.

Что касается общей ориентации на американское и западноевропейское образование, то вместо обещанного ускоренного развития мы получили ускоренное разрушение и деградацию системы образования и науки, и культуры в целом. Таковы результаты деятельности активных сторонников перестройки М. Горбачёва и реформ Б. Ельцина и их ориентации на Запад.

К этому можно было бы добавить и такую существенную проблему, как ощутимый разрыв между естественными и гуманитарными науками, основанный на ложном, но весьма распространённом утверждении, что гуманитариям не обязательно знать естествознание, а естественникам – гуманитарные науки. Хотя совершенно ясно, что неоспоримая роль и значение гуманитарных наук состоит в том, что они являются мировоззренческой основой человека, необходимым условием развития его сознания и самосознания, осознания себя как личности, гражданина, живущего в органической связи с историей своей страны, национальными интересами и ценностями, осознающего себя представителем своего народа, своего Отечества. Без этого люди неизбежно становятся “Иванами, не помнящими родства”. Для гуманитариев столь же необходимы определённые знания естественных наук, ибо они являются основой развития интеллектуальных способностей человека, его сознательного, критического отношения к существующему миру.

Не может не волновать и такая проблема, как формальный характер экзаменационной системы, которая не выявляет по существу способностей к науке у абитуриентов. Ущербность экзаменационной системы проявляется в том, что в настоящее время сдать экзамены и поступить в желаемый институт почти невозможно без помощи репетиторов, хотя, как известно, в Советском Союзе основная часть абитуриентов поступала в вузы без всякой посторонней помощи.

При всех недостатках нашей системы образования замечу, что не всё так плохо. Мне пришлось заниматься преподаванием философии, эстетики и культуры в ряде зарубежных университетов в США, Канаде, Франции, Италии и других странах, и я всегда отмечал более высокий интеллектуальный уровень нашего студенчества по сравнению с зарубежными студентами, что свидетельствовало о более высоком уровне нашего школьного образования. И нам следовало бы совершенствовать эту систему, а не отменять её и не заменять изначально отсталой зарубежной системой.

К великому сожалению, сторонники европеизма осуществили свою “мечту”, и нам теперь придётся потратить немало времени и сил, чтобы ликвидировать колоссальный ущерб, нанесённый нашему образованию, науке и культуре.

В заключение хотелось бы отметить, что избежать подобной катастрофы можно только в том случае, если мы откажемся не только от Болонской системы, но и от других подобного рода “инновационных” проектов образования и всерьёз обратимся к лучшим достижениям нашего классического образования и науки, которые не просто бы шли в ногу со временем, а опережали бы его по всем основным фундаментальным направлениям развития человеческой мысли и культуры. Если мы примем соответствующие необходимые меры для возрождения своей национальной системы образования, в нашей стране по-прежнему будут рождаться Ломоносовы, Вернадские, Павловы, Королёвы, Курчатовы, Пушкины, Толстые, Достоевские, которые будут развивать науку и культуру и радовать наш народ и всё человечество своими великими прозрениями и открытиями.

АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ

КОГДА СТРАШНО, ПОМОГУТ ФИЛОСОФЫ

Мировая культура выработала разные стратегии выживания в трудное время. Когда окружающая обстановка заставляет задуматься о смысле жизни, о собственном мужестве, о неизбежности смерти, они становятся актуальны особенно. Чем могут помочь человеку перед лицом испытаний философы? Об этом рассказывает исполняющий обязанности декана философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Алексей Павлович Козырев.

– Алексей Павлович, в марте прошлого года в паблике философского факультета ВКонтакте появилась закреплённая запись примерно такого содержания: “Жить стало тревожно, многие переживают за друзей, за родных, за своё будущее. Можно обратиться к факультетскому психологу”. Возникает вопрос. А разве само философское знание не помогает выживать в катастрофическом мире? Философия возникает ведь в так называемое “осевое время”, в период многовековой перековки исторического сознания в разных регионах Земли...

– Философия и психология – занятия близкие, переплетающиеся. В античности душевной жизнью занималась именно философия. У Аристотеля есть работа “О душе”. А выделение психологии как экспериментальной науки происходит довольно поздно, только в XX веке. Философию в Московском университете преподавали такие учёные, как Лев Михайлович Лопатин и Георгий Иванович Челпанов, они же занимались психологией, причём Челпанов был основателем Психологического института на Моховой. Лев Семёнович Выготский, Владимир Петрович Зинченко закончили философский факультет. В современном обществе психолог, пожалуй, тот же философ, только более практико-ориентированный.

Сегодня, к примеру, ко мне приходил выпускник нашей аспирантуры, он практикующий психотерапевт, но поступил к нам на кафедру социальной философии после факультета психологии. У нас ему захотелось углубить свои знания. Это неудивительно. Философия обладает определённым потенциалом коррекции личности, может выполнять терапевтическую функцию. В некоторых ситуациях психолог посоветует обратиться к религиозным практикам, но может и сказать: иди почитай Сенеку – “О блаженной жизни”, Марка Аврелия – “Размышления”, почитай Эпиктета. Однако важно помнить, что только психолог понимает, где заканчивается психологическая помощь и должна начинаться психиатрическая. Философ этого знать не должен. К тому же

среди философов могут быть как люди, условно говоря, стоического типа, так и люди с акцентуированной стратегией демонстративного поведения, как Ницше: им нужно действовать, немедленно проявлять свою волю. Но философия сохраняет за собой статус теоретического знания, сфера практической философии в значительной степени отошла к частным наукам — экономике, юриспруденции, психологии. Но это не означает, что теория бесполезна. Прежде чем заниматься практикой, нужно осмыслить, что ты будешь делать.

— **Что касается древности, тут всё ясно. Знание о человеке тогда в принципе не было дифференцировано. При этом при всей близости психологии и философии на консультации к философам запись не ведётся...**

— В компании Google есть штатный философ, но к философам, конечно, не приходят сегодня за тем, чтоб найти выход, в этом вы правы. Это, однако, не мешает выступающему публично философу реализовывать “помогающую” стратегию. Среди моих бывших однокурсников есть и бизнес-тренеры, и коучи. Они организуют тренинги для корпораций. Учат, к примеру, навыкам логической аргументации, риторике.

— **Но риторика — всё-таки рациональный вид деятельности. В её основе — навык направленного речевого воздействия. А мы говорим об эмоциях.**

— Левым полушарием мозга мы, как известно, мыслим рационально, правым — образно. Тем не менее человек — единое существо, он не разделён на клетки. Вот сейчас я живу чувствами, эмоциями, а вот сейчас — разумом. Так не бывает. Когда человек принимает решения, он соединяет воедино чувства и разум. Поэтому мы предполагаем, что и сегодня человек в ситуациях тревоги, заботы может что-то доказывать себе логически, а может перенастроить свою эмоциональную жизнь. Пойти в концертный зал и послушать музыку... В определённых контекстах мы мыслим чувственно. Включаем эмоциональный интеллект. К примеру, что такое музыка? Это развлечение или, как говорил Шопенгауэр, бессознательное философствование души? Известно, что прослушивание Баха упорядочивает интеллект. Поэтому я бы не сказал, что музыка воздействует только на чувства. Целый человек — идеал, а не данность. Гармония чувств и разума недостижима, но противопоставлять их не стоит.

— **А если поставить вопрос радикально, по-философски. Надо ли помогать человеку в принципе? Что там говорит Ницше? “Падающего — толкни!”**

— Поэтому я и не люблю Ницше, и не считаю, что это какой-то общезначимый философ, чей опыт обогащает. Особенно учитывая судьбу Ницше, его психическую болезнь. Она не в последнюю очередь итог той философской стратегии, которую он для себя избрал. И моралистической, и жестокой одновременно. Можно падающего толкнуть, можно человеку, находящемуся в депрессии, подарить верёвку с мылом и сказать: ну, иди, повесься. На кого-то это подействует исцеляющее, а кто-то пойдёт и повесится. Не стоит думать, что жестокость обязательно исправит человека. Я хорошо помню 90-е годы, это время я пережил, уже став взрослым. Тогда считалось, что нужно отказаться от социального государства, перейти к рыночной экономике, и пусть каждый выживает, как может. Не все выжили, не все смогли адаптироваться, закончили алкоголизмом и смертью, в том числе среди моих знакомых. Я не считаю, что социум должен быть построен на такой волчьей, звериной борьбе за существование.

— **Но ведь существует представление, в том числе религиозное, что жизнь — это испытание. Без духовного напряжения невозможно развитие личности. А современная цивилизация сделала жизнь человека слишком комфортной, и, как только возникает малейшее беспокойство, современный человек склонен впадать в истерику.**

— Я бы не сказал, что беспокойства, которые возникли в последнее время, — малейшие. Мы оказались перед лицом небывалых в жизни нашего поколения угроз. Сначала ковид, опасная болезнь, от которой многие умерли. Плюс — социальные изменения, связанные с новой биополитикой, как теперь это называется. С добровольной самоизоляцией (хотя это и оксюморон), с изменением привычного уклада жизни. Это изменения кардинальные, их последствия мы будем ощущать на протяжении десятилетий. Это первое. Второе — военные действия, мобилизация, с которой столкнулось наше поколение впервые. Как проживается этот опыт, нам было неизвестно.

– **А как же исторический опыт? Человек ведь живёт не в вакууме!**

– Пока ты сам не обожжёшься о горячую конфорку, тебе бесполезно рассказывать, что такое ожог. Вот что такое исторический опыт. Сейчас мы определяем стратегии, в которых будет жить человек, на десятилетия. Поэтому я бы не стал преуменьшать драматизм настоящего. И я хочу вновь подчеркнуть: человек заслуживает помощи, человек имеет право требовать, чтобы ему помогли. Философски, психологически, материально – это другой вопрос.

– **Хорошо, давайте более конкретно поговорим, чем могут помочь философы. Боль потери. Стресс неопределённости. Риск. Страх смерти. Разочарование. Как осмыслиют подобный опыт философы, что рекомендуют для облегчения?**

– Знаете, я обратил внимание, что в издательствах, выпускающих популярную литературу нон-фикшн, стали востребованы такие темы, как философия стоиков. Стоики учили, что ты и смерть – вы не пересекаетесь, так как, когда наступает смерть, тебя уже нет, поэтому бояться смерти нет смысла. Не стоит бояться боли, не стоит бояться болезни, потому что тяжёлая боль непродолжительна, а продолжительная боль нетяжела, её можно переносить. Стоический идеал – идеал, приближённый к человеку, находящемуся в экстремальной ситуации. Логика стоика вполне применима к воину, кшатрию. Но у христианина иные принципы достоинства, он основывает своё мировоззрение на этике любви и сострадания. На представлении, что вообще-то мало что от него зависит. Есть воля Божья, которой он должен подчинить себя. Смерти не стоит бояться не потому, что не тяжело умирать, а потому, что жизнь не кончается со смертью. И самое интересное начнётся дальше: как я буду оправдан перед лицом вечности? Буду ли я спасён? При таком понимании открывается совершенно другая перспектива. И смысл смерти (принято говорить о смысле жизни, но у смерти тоже есть свой смысл) меняется.

Что интересно, сегодняшняя культура, на мой взгляд, отчётливо переключается с поздней Античности, когда старая культура умирала, а новая, христианская, нарождалась. В наши дни, правда, нельзя сказать, что христианство очень пассионарно в мире. Может быть, в Латинской Америке. Но, очевидно, идёт столкновение христианской традиции, в которой веками существовала Европа, и возвращения к античным представлениям о человеке. (Подобным образом выстраивается отношение к определённым ценностям, например, к семье. Не как к таинству, к священному союзу, как в христианстве, а как к экономическому партнёрству, которое заключается на какое-то время. А если оно экономическое, значит, и пол партнёров становится не так уж важен. Понятно, что это вовсе не христианское понимание семьи.)

В такой культурной ситуации мы видим, что люди выбирают для себя разные мировоззренческие стратегии. К тому, что происходит сегодня, по-разному будет относиться верующий человек и атеист, предпочитающий стоическую парадигму. Мы живём в синкретическую эпоху, когда люди свободны и живут вне традиции. Традицию или модерновые, нетрадиционные способы поведения они выбирают для себя сами.

– **Может, это и хорошо?**

– Я хотел подвести к тому, что невозможно порекомендовать универсальные мировоззренческие ориентации в мире, способные помочь человеку в трудный момент. Кому-то поможет философия стоиков, кому-то поможет философия экзистенциалистов. Среди них есть опять-таки христианин Габриэль Марсель, а есть атеист Жан-Поль Сартр. Мне кажется, что Марсель – очень “звучащий” сегодня философ. Марсель – философ надежды. Его мягкая христианская тональность подсказывает: человек даже в самой сложной жизненной ситуации не должен терять надежду, потому что надежда, по Марселю, это амехания. Это попытка выйти из принудительной силы реальности, когда, казалось бы, всё уже определилось. Человек, когда его, казалось бы, уже “посчитали”, не сводит себя к механической необходимости. И мы знаем, случается, что даже тяжелобольные люди не теряют надежду, излечиваются и живут долго и счастливо. Надежда перестает быть просто добродетелью – она становится спасающей силой.

– **Кстати говоря, о пассионарности – Вы упомянули о ней в связи с христианством. Есть мнение, что на данном историческом этапе она угасает. Можно ли пытаться как-то влиять на эту ситуацию в мире через культурные институты?**

– Пока что отнюдь не культурные институты лидируют. Относительно спокойный период развития закончился, мы вступили в период военных столкновений. Будет ли это знаменем того, что Хантингтон называл “столкновением цивилизаций”, или лишь чередой локальных конфликтов, после которых начнётся поиск мирного диалога, мы пока не знаем. Культурные институты в панике, они пытаются объяснить ситуацию из устойчивого, сложившегося мировидения, пытаются найти убежище, надеясь, что шторм скоро пройдёт. Куда устойчивее в этой ситуации мировые религии, действительно, успешно объясняющие историю как периодическое вторжение сил зла и не сулящие оптимистического финала истории.

– **Похоже, мы приходим к пониманию преимущества религии по отношению к культурным институтам и веры – к разуму...**

– Есть еще и философская вера.

– **Расскажите.**

– Философская вера – это вера в то, что мир устроен именно так, как я его себе представляю. И, вообще-то говоря, любая философия основана на вере. В то, что моё мировоззрение признаёт объективность существующего мира или же существуют только я, а всё остальное – моя иллюзия, как считали Шопенгауэр или Макс Штирнер. Или в то, что всё-таки я существую как “мы”, как человек, включённый в некое сообщество. Если сказать, что существует только философский разум, что вера тут ни при чём, то из этого следует, что существует только одна истинная философия. Та, которая сумеет сама себя лучше всех доказать. Я считаю, что это не так.

– **А Вы бы могли сформулировать, каков тот максимум, которым обогащает человека философия? С религией и искусством, мне кажется, это более очевидно.**

– Я приведу пример. Когда я служил в армии в конце 80-х (это было в Азербайджане), у нас в части был рядовой из Краснодара, который всё время ходил с томиком “Метафизики” Аристотеля. Я уже к тому моменту отучился два года на философском факультете. А он никаким студентом не был. Я спрашивал его, для чего он читает Аристотеля; он ничего мне не отвечал. Думаю, он читал Аристотеля просто для того, чтобы как-то сохранить себя. Чтобы уйти от языка повседневности, в который включалась и ненормативная лексика, погружать себя в мир сложности, в мир мысли. Мысль – это вещь не совсем естественная. Для того чтобы мыслить, человек должен пробудить в себе самосознание. Он должен понять, что есть “Я”, а есть мир. И в том числе сам я – это объект для познания. Я могу обратиться свою мысль на самого себя. Чтобы пробудить в себе способность мыслить, нужна философия.

В принципе эту задачу может выполнять и литература. Достоевский, он кто – писатель или философ? После каторги и ссылки он обдумывал философскую систему, просил своего брата Михаила прислать ему сочинения Канта и другие философские книжки. Но Достоевский не создал философскую систему, он написал “Братьев Карамазовых”. По поводу этого романа можно спорить: что в нём идет от Фридриха Шеллинга, что – от Владимира Соловьёва. Но всё-таки перед нами литературное произведение. Чтение художественной литературы тоже пробуждает способность к размышлению. Но художественное произведение включает в себя не только рассуждение о мире, но и изображение мира. А философия – мысль очищенная, но нередкая с использованием художественного слова. Мы знаем, что в истории были философы литературоцентричные, скажем так. Артур Шопенгауэр или Хосе Ортега-и-Гассет, к примеру. Они хорошо писали.

Так вот, если мысль спит, то чтение философского текста может ничего не дать, он не по зубам. Ты смотришь в книгу, но не понимаешь, как связываются слова. А разве это отличается от того, как человек начинает воспринимать серьёзную музыку? Если ребёнку дать послушать симфонию Брукнера, он многое в ней услышит? Точно так, как нужно учиться слушать музыку, нужно учиться осознавать мысль.

– **Получается, философия делает человека сложным.**

– Это косвенный вывод. Но вы, пожалуй, правильно сформулировали. Человек с философией сложнее, чем выросший без философии какой-нибудь абориген.

– **И такой человек будет устойчивее к жизненным испытаниям или наоборот?**

— Есть такое выражение: “простой, как пять копеек”. Возможно, как раз такой человек будет устойчивее к жизненным испытаниям, чем тот, кто начал рефлексировать, начал думать. Но речь ведь не идёт о том, чтобы всё время заниматься философией. Человек на какое-то время уходит в ретрит, берёт паузу. Праздник, к примеру, хорошее время для занятий философией, потому что ты освобождаешься от дел. Очищаешь душу, а потом снова возвращаешься в мир практических занятий. Почему у Платона возникает идея, что философы должны управлять государством? Когда они управляют государством, они уже не занимаются философией. Они занимались философией перед тем, как стать правителями. У Платона была выработана длительная постепенная система воспитания — возрастания в разуме. И философия была необходима в ней как главная составляющая подобного воспитательного процесса. Но потом, пройдя его, философ становился правителем, уходил в социальную практику.

— **Но по Платону, выходит, философия как раз-таки усиливает человека. Делает его...**

— Делает его более подготовленным. Однако мы не можем никому вменить в обязанность быть философом. Достаточно того, чтобы философия была включена в процесс образования. Каждый студент в том или ином объёме должен получить основы философских знаний, иметь представление об общих категориях, таких, как пространство, время, возможность, действительность... Это некие матрицы, с помощью которых человек воспринимает, оценивает мир. Философия показывает, что в нашей европейской культуре существуют структуры восприятия и понимания реальности, применимые и в физике, и в астрономии, и в литературоведении, и в искусствознании, потому что они общие. И этому мы пытаемся научить студентов разных специальностей, разных дисциплин. Поэтому, во всяком случае в нашей системе образования, философия является обязательным предметом. И главное, иметь возможность и умение эти азы философии в доступной форме преподавать и объяснить.

— **Алексей Павлович, в завершение разговора хочется вернуться к его началу. Вот Вы сказали о том, что философия и психология близки, но возникает ещё такое соображение, что по большому счёту есть принципиальное различие в их целях. Для психолога важно решить внутриличностный конфликт, адаптировать, в определённых случаях, человека к особенностям его собственной психической структуры, и мерилом успеха терапии будет эмоциональный комфорт человека. Что само по себе явление относительное. Психолог не скажет, как, стати, и священник: у Вас объективно плохая жизнь, независимо от того, что Вы по этому поводу чувствуете. Есть вероятность, что психолог будет гармонизировать индивида и в ситуации, когда ему надо сказать: “Мобилизуйся, борись, действуй”. Для философа же важным инструментом интерпретации реальности является понятие истины. Конкретно философская истина — итог логических операций, обосновывающих ценность: в основе философии, что и отличает её от любой науки, лежит представление о должном. И в этом смысле философия, скорее, занятие беспощадное, способное, наоборот, дестабилизировать психику.**

— Истина — не только итог логических операций, но и то, что становится темой жизни, тем ориентиром, к которому человек стремится. Не следует забывать то, что в советское время знал каждый, изучавший диалектический материализм: “Практика — критерий истины”. Так что логическое умозаключение должно быть проверено экспериментально, и иногда это эксперимент длиною в жизнь. Понтий Пилат задавал вопрос Христу: “Что есть истина?”. Мы помним, что отвечал Христос: “Я есть путь, истина и жизнь”. Пилат был человеком римского образа мысли. Для него ответ на вопрос об истине — это теоретическое построение, размышление. Для Христа — истина персонифицирована, она личностна, она конкретна. Это не размышление, это само бытие, причём отражённое в личной судьбе. Философ чаще всего с Пилатом, а не с Христом. Для него главное — это правильно поставленный вопрос. Может быть, он не найдёт ответ или найдёт несколько ответов. Для него может быть важнее не найти истину, но искать её, выработывая всё новые и новые стратегии философского поиска. Неслучайно главный профессиональный философский журнал у нас в стране называется “Вопросы философии”, но отнюдь

не “ответы философии”. Кто-то из моих коллег сформулировал даже более радикально: “На всякий ответ у нас найдётся свой вопрос”. Одна из стратегий философского поиска называется “скептицизм”, от слова “скепто” – “я осматриваюсь”. Скептик не спешит с ответом, он осматривается, осторожничает, не склоняясь к одному из возможных вариантов. Причём скептиком в философии может быть и человек, весьма твёрдый в религии. Пример – Мишель Монтень, который был истым католиком, причём в протестантском окружении. Поэтому я не согласен насчёт беспощадности. Философ, даже отстаивая свою точку зрения, если истина уже близка, способен выслушать другую точку зрения, вступить в спор, в котором “рождается истина”. Беспощадность – свойство инквизитора, фанатика или сектанта.

Беседу вела Елена Янушевская

ДЕНИС БАЛИН

МЫ ЕСТЬ ДРУГ У ДРУГА

ДОМ

Дом построен бабушкой с дедушкой.
Я в нём не сгорел едва.
Там теперь фундамент да камушки,
высокая трин-трава.

Я запомнил время — пять вечера.
Запомнил яростный снег.
Наступали — ровно в пять вечера —
солдаты мои на свет.
Я ребёнок. Мне вроде бы весело.
Мне исполнилось шесть годков.
На полу в игрушечном месиве
никто не щадил врагов...

БАЛИН Денис Александрович родился в 1988 году. Окончил Институт телевидения, бизнеса и дизайна. Основатель фестиваля "Мгинские мосты". Стихи публиковались в изданиях "Prosodia", "Полутона", "Литературная газета", "Нижний Новгород", "Литературная Россия", "Север", "День и ночь" и других. Публицистика и статьи: журнал "Maxim", газета "Завтра", портал "LIFE", Пятый канал, "Русская планета" и другие. Проза: "Литература", "Кольцо А", "День литературы". Лауреат премии "Лицей" имени Александра Пушкина (2022 год). Победитель первой Всероссийской мастерской "Мир литературы. Новое поколение" (АСПИР, 2022). Стипендиат 22-го Форума молодых писателей России (Фонд СЭИП). Живёт в Ленинградской области, в посёлке Мга. Публикация осуществляется в рамках проекта "Мастерские" Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Тьма горела огненным факелом,
чердак догорал, бубня,
а сосед, ворвавшийся ангелом,
спасал из огня меня.
Дальше, помню, мальчиком маленьким
стою на морозе, смотрю:
в небе ярком звёздочки-шарики
и дом, где я не сгорю...

Он построен дедушкой с бабушкой
в году не знаю, каком;
там теперь фундамент да камушки,
их мне собирать потом.

* * *

Друзья
Ничего не бойтесь
Кроме дворов
Скучающих
По детским голосам
Ни о чём не жалейте
Только о времени
Потраченном впустую
Никогда не лгите
А главное сами себе

Друзья
Нас не так много
Чтобы иметь роскошь
Пренебрегать друг другом
В этой стране
Самой большой на карте
Где самая протяжённая сухопутная граница
Где самое глубокое озеро
Где самая большая площадь тундры
Где самые большие объёмы питьевой воды
Где самый большой лес
Где самое большое количество
Владельцев кошек
И дипломов
О высшем образовании

Друзья
Мы так сильны
В своих убеждениях
В своих заблуждениях
В своей вере и надежде
Мы так обожаем
Мы так ненавидим
Наши пейзажи
Богатые словно чернозём
Нищие словно пенсии
Грязные словно деньги
Холодные словно родники
Горячие словно любовь
Яркие словно лето
Бледные словно Петербург
Древние словно песнь
Великие словно 9 Мая
Бескрайние словно небо

Друзья
Я чувствую ваши могучие плечи рядом
Ваши крепкие руки
Способные ломать и строить
Я знаю о ваших смелых поступках
Я знаю насколько у вас изобретательные
Оригинальные
Потрясающие
Блестящие умы
Я знаю на что мы с вами способны
Я вижу огонь в ваших глазах
Я вижу тревогу и разочарование
Я вижу страх и недоверие
Я знаю насколько вы бесстрашны
Я так горжусь вами
Я готов быть с вами вместе
И в горе
И в радости
Мне никогда не было и не будет стыдно за это
Для меня честь стоять вместе с вами
В ожидании расстрела
Или в очередях за продуктами

Друзья
Ничего не бойтесь
Особенно
Делиться друг с другом теплом
Счастьем и неудачами
Учиться сочувствию и защищать себя
Быть наивными и ошибаться
Быть искренними и смешными
Быть щедрыми и настоящими

Друзья
Помните что
Люди несовершенны
Словно история
Любые войны
Заканчиваются переговорами
А за победой может стоять трагедия
Словно за поражением мужество
Помните что
Любые испытания не случайны
Помните что
Властители уходят
А Родина остаётся
В биении сердец
Её сыновей и дочерей
Помните что
Только мы есть друг у друга
Что у нас одно на всех бескрайнее небо
Словно прошлое и будущее
Словно многонациональная культура
Словно поэзия на многих языках

К МУЗЕ

1

Можно ли говорить с женщиной
через верлибр
о самом главном;
без рифмы и четырехстопного ямба;
когда ваши горячие рты сами превращаются в рифму,
а судьбы соединяются,
словно слова в стихотворениях;

когда вы молчите в руинах ночи, прижавшись друг к другу,
молодые и пьяные,
а дикие тени настоящего
вгрызаются новостями
в спальные районы городов бывшей империи
от Москвы до Петербурга, Тамбова, Владивостока и так далее?

Я не знаю, какие стихи мы напишем однажды
(этим поэтам только дай повод),
но сейчас твои глаза смотрят в меня
поэзией.

2

Ты знаешь, стихи никого не спасут, ничего не изменят.
Тем более поэзию. Она так и останется небом: то голубым,
то серым, то с видом на Млечный путь. Небом, которое
нельзя полностью проговорить, потому что
у каждого оно своё; небом, о котором все всё знают
из школьных учебников или Википедии, но насколько убедителен
тот факт, что мы сами существуем (тем более оно); небом, где
метафоры облаков, гиперболы далеких звезд и звукопись
ветра; где птичьи стаи слов в самолетно-ракетной строке,
солнечный пушкин, подлунный лермонтов. Что там ещё?
Рифма гравитации, стихотворные размеры горных хребтов и
многоэтажек, мужские и женские лирические субъекты авиалиний...
Нас никто не спасет. Но можно хотя бы попытаться
говорить стихами, чтобы они знали, что мы когда-то жили.

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Вечерняя темнота съела сельских собак,
и они скулят у неё в животе от страха,
пока звёзды плывут в замедленной съёмке
наших глаз, а центр Млечного пути запутался в
рукавах, словно больной в смирительной рубашке.
Жутко пищат комары, потому что у них
внутри человеческая кровь и день, который
уже никогда не вернётся.

* * *

В темноте
не видно
грустных глаз.
Наверное,
поэтому мне
больше
нравится ночь.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

АГЛОФАБРИКА

РАССКАЗ

— Я, честно говоря, пауков боюсь. Ничего не могу с собой поделывать, фобия это, — вздыхает Колямба. Он провожает грустным взглядом коренастого паука, убегающего по доскам. Вообще-то бояться должен паук, ведь парни только что в щелки разломали его дом. Разбитые дощечки рассыпались по земле, а круглую тяжёлую боковину Серый с Лисом, пыхтя, привалили к вертикальной стопке таких же. Всё вместе это называется “разбирать катушки от кабеля”. Катушками завален весь хоздвор, в разобранном виде они занимают меньше места. Хотя какой это разбор — выбить кувалдами поперечные доски, на которые как раз и наматывался кабель, а массивные боковины всё равно остаются целыми, их никаким ломом не возьмёшь. Особенно, если тебе четырнадцать лет.

Искренность Колямбы подкусила Олега, и он сообщил:

— Я пауков не боюсь, но вот мы тут на даче собирали жимолость, и на меня прямо с куста свалился здоровый паук, такой весь лимонно-жёлтый, как тропический прямо, я как заору! Чуть не убежал с огорода.

БОБЫЛЕВ Дмитрий Викторович родился в 1987 году в городе Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, степень магистра, диплом с отличием. С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге. Член Санкт-Петербургского союза литераторов. Выступал со стихами в Совете Федерации, на “Радио России”, публиковался в журналах “Знамя”, “Нева”, “Аврора”, “День и ночь” и других. Редактор и иллюстратор книг. Участник литературной резиденции АСПИР на Урале, а также Первой всероссийской мастерской в Москве и межрегиональной мастерской, организованной Ассоциацией союзов писателей и издателей России в Екатеринбурге. Автор книги стихов “Флажки на карте” (Екатеринбург, 2017). Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

— Нет, Олег, всё-таки ты девчонка, — засмеялся Серый, а с ним и остальные.

Олег насушился и стал отковыривать с боковины блестящую табличку с названием завода. Не больно-то она его интересовала, тем более вся погнётся, пока оторвёшь, но их зачем-то собирал “на память” Колямба. Олегу тоже хотелось что-то на память о летней работе, в особенности — разноцветные пластиковые пружинки, попадавшие внутри катушек. Но собирать такую мишуру было как-то совсем по-детски, вот он и мучил жестяную табличку. Но, не домучив, бросил: пора идти на обед. Саня быстро стогнял в “штаб” и вернулся с бригадиром.

— Сколько разобрали? Чего так мало?

— Тяжёлые они, — оправдывались работники.

— Давайте, после школы к нам, в ПЧ работать, — напутствовал бригадир, расписываясь каждому в половинках тетрадей. Ребята саркастически переглядывались, насмехаясь над кирзовыми ботинками начальника. В школе ждал обед, после обеда пора было по домам, а назавтра тем более выходной, так что свобода ощущалась вполне себе.

Шли через сквер ДК, тополя в котором были спилены на высоте метров трёх, так что голые стволы казались воткнутыми в землю, как столбы, и всё вместе это напоминало стройку.

— Я один раз нашёл труп, — сказал Колямба. — В горпарке, в пруду. Гуляли мы с другом в пятом классе и увидели, что он там лежит в воде, возле берега. Там пруд такой, на окраине, где лес уже почти. Позвали охрану, милиция его вытащила, но это нам не видно было уже, нас оттуда погнали.

Олег позавидовал Колямбе. Позавидовал в очередной раз, хотя познакомился с ним три недели назад.

Наутро небо затянуло тучами смородинового цвета. Они переваливались мучительно и не могли ни на что решиться. Олег слонялся по комнатам, не зная, куда себя приложить. Отец обещал на рыбалку, но лежал с пивом у телевизора.

— Ну, куда уже идти, это надо было раньше вставать, нечего дрыхнуть было.

— Ну, я работал, устал, — каничил Олег.

— Я тоже работал, а встал в семь утра. Куда пойдём, всё дождём зальёт на хрен.

— Так на карьер, тут же недалеко. Вон, смотри, полнеба-то солнце.

— Кого там ловить-то, на карьере?

— Гольянов же!

— Гольян не рыба.

— А в молоке-то хорошо же! Ну, пойдём, чего дома сидеть в выходной! Отец не отвечал, наверное, он просил тучу наконец разродиться. Но к обеду ливень так и не пошёл, и отец достал с балкона сапоги.

— Если промокнем, не ной тогда, сам виноват.

Идти было, в общем, недалеко, не больше часа. Плохо только, что в сапогах. С непривычки сапоги запинались о камни грунтолки, которая начиналась через несколько домов в частном секторе, вела вдоль овощных ям, наполовину сожжённых, и устремлялась дальше, к шлаковым отвалам. Далеко впереди рыбаков по дороге пылила компания “шантрапы” из Олеговой школы, они тащили в сторону ям расплюснутые коробки из магазина.

— Вон, ямы поджигать пошли, — кивнул отец.

— Почему поджигать?

— Коробки несут на растопку.

Подростки и вправду затерялись среди ям, но, сколько ни оборачивался Олег, дыма не увидел. Избавившись от диссонанса шумной компашки, пейзаж снова стал гармоничным.

Свернув с грунтолки, тропинка покатила вниз мимо чьих-то грядок, ничем не огороженных. Слева тянулась жижа канала, затянутая ряской и замусоренная пакетами местных жителей. Казалось, в канале накоплено столько

отходов, что из-за них-то он и разлился, размыв дорогу, зарастающую крапивой.

Карьеры отгородились от города высоченной железнодорожной насыпью, на которую вели торные тропки. Вскрабкались, цепляясь за кусты полыни, и увидели перед собой простор с серебриющимися озёрами, ивовыми кустами, высоковольтной линией. Справа дымили трубы аглофабрики, туда и вела железная дорога. Над простором летела утка.

— Я пока молодой был, вставал в четыре утра, шёл на рыбалку. Перед рассветом самый клёв. А потом уже шёл на работу. Это пока ещё с мамкой не познакомился. У всех соседей рыба была!

— Знаю, ты говорил уже сто раз.

— Так не какие-то там гольяны, а щук, знаешь, каких вытаскивал! Чистишь её, а там блесны в животе!

Спустились с насыпи, прошли по остаткам грунтовки до бетонного забора, проникли в щель. Ветра не было, густел смрад. Слева и справа показались бурые поля, изрезанные глубокими трещинами. В двух-трёх местах из высохших нечистот торчали подсолнухи и даже цвели. Вдалеке лай собак охранял ржавеющие цилиндры очистных сооружений. Здесь надо было идти быстро. За очистными, через лесок, были карьеры.

Карьеры, по сути, были не карьерами, а котлованами для новых корпусов аглофабрики. Но в девяностые стройку забросили, котлованы наполнились водой, по берегам заросли кустами и превратились в большие пруды. Водились в них только гольяны, да ещё перед “настоящей” рыбалкой отец приходил сюда “намыть” ручейников. Водяные гусеницы с лапками строили себе футляры из песка, веток и мелких ракушек. На ручейников хорошо клевали чебак и сорога. Ещё они клевали на каракатиц — жутких существ, к концу лета превращающихся в стрекоз.

Дальние котлованы потихоньку засыпались строительным мусором, да и проезжий люд был не прочь оставить там свои пакеты. Ошметки пакетов при сильном ветре долетали до рыбных мест.

Гольянов можно было ловить на что хочешь — хоть на хлеб, хоть на комара, хоть на голый крючок с мормышкой. Сквозь воду отлично просматривались стайки рыбёшек над каменистым дном. Олег смотрел то на поплавок, то на крючок с опарышем, который почти сразу хватала рыбёшка, едва он опускался в воду. Рыбёшка находила временный приют в бидончике. Отец не пользовался поплавком, он смотрел на кивок на конце удочки, напоминавший ему о большой рыбалке.

— Смотри, какая попалась! — отец держал на ладони рыбёшку тропического вида. Наполовину она была жёлтая, глаз раздуло на полголовы. Широко размахнувшись, отец закинул добычу в середину пруда, где торчала свая.

— Зачем?! Это же, может, чудо природы!

— Какое чудо, это мутант, аглофабрика какую-то гадость сбросила, отравились бы ей на хрен!

Надёргав три десятка гольянов, Олег бросил это дело: рыбалку он не любил.

На рыбалке его привлекал костёр. С самого детства, пока родители удил рыбу, сын отвечал за поддержание огня, любовался, как пламя испепеляет разные предметы, как они по-разному себя ведут. Одни рассыпались с треском, другие долго шипели, испуская пар, а потом съживались в чёрную точку. Третьи истекали сотнями огненных капель, особенно если нанизать на палку. А однажды Олег закинул в костёр какую-то ткань, которая вообще никак не реагировала на огонь, и отец сказал, что это асбест. Особенно любил Олег притащить из дома изношенные кроссовки и смотреть, как они меняют свою природу, очищаясь от суеты городской жизни и тысяч взглядов, из-за которых потеряли цвет.

Пока отец ловил рыбу, сын уселся перед горящими досками. Наверное, он мог бы так просидеть целый день, ни о чём не думая, а просто глядя в огонь. В такие минуты всё вокруг казалось домом — не помещением,

из которого Олег рвался всё утро, а Домом в “большом” смысле. Домом, о котором пелось в песнях о возвращении с войны. Войны с действительностью, в которой толпы орущих и толкающих друг друга людей несутся куда-то и пачкают всё вокруг, источая зловоние, от которого не спасает даже проветривание класса перед каждым уроком. Этим зловонием и шумом, кажется, пропиталась вся школа и весь современный мир. Крушить мир, как катушку от кабеля — вот непонятное и, похоже, единственное хобби сверстников.

Из-за кучи щебня показались две фигуры.

“Припёрлись, — разозлился Олег. — Столько собирались с отцом, и вот кого-то несёт сюда же! Будут орать и музыку слушать, уроды! Неужели никуда нельзя скрыться от людей?”

— Олег, привет! — окликнул его Колямба. Это был он, с удочкой в руке, а с ним, видимо, его мать — в жёлтых сапогах, но подчёркнуто городская и строгая, как школьная учительница. Колямба улыбался, пришельцы поздоровались, и отец предательски отвечал: “Здравствуйте!” Олег встал навстречу.

— Уходите! У нас тут сети поставлены, вам тут негде рыбачить! Тут места нет! — произнёс он срывающимся голосом.

Гости тягостно замерли.

— Пойдём, — сказала мать Колямбы, и они, молча развернувшись, ушли. Олег не видел их лиц, потому что смотрел на щебень, на разноцветные куски шлака.

— Чего, у тебя какой-то конфликт с ним? Он тебя обижает?

— Нет. Нету конфликта.

— Какие сети? Чего ты им наплёл? Какие сети на гольяна? Он тебе так обрадовался, а ты прогнал!

Олег молчал, пытаясь палкой перевернуть перегоревшую доску, но она не поддавалась. Лучше было бы взять вторую, но для этого снова пришлось бы вставать. Западали крупные тяжёлые капли, холодные, несмотря на светившее целый день солнце.

Обратно шли коротким путём, через аглофабрику. Привычную дорогу размесил дождь, но благодаря дождевикам рыбаки почти не промокли. Под навесом на рельсах стояли вагоны. В ближайший вагон сверху обрушилась огненная лава, осветив цех и двор. Сразу стало понятно, что сумерки перетекли в ночь.

Выходной закончился.

МАРИЯ ЗАТОНСКАЯ

НЕ ОЩУЩАЯ СВОЕГО ПРЕДЕЛА

* * *

слева и справа нехоженная земля
темноту разрезают фары автомобиля
изнутри кажется
кроме этой световой дорожки
на краю света нет ничего вообще
но всё едешь и едешь дальше
границу последнюю отодвигая
на глухой стоянке в прорезях сосняка
звёзды как снег хрустят

* * *

Притихло всё, за гранью кислорода
жужжащая осенняя вода,
и свет костра впечатался в веранду,
остановиться можно не всерьёз,

ЗАТОНСКАЯ Мария Романовна родилась в 1991 году в Сарове. Победитель Национальной премии “Русские рифмы” (2019), победитель Международной литературной премии им. Анненского (2021). Публиковалась в журналах “Арион”, “Знамя”, “Новый мир”, “Интерпоэзия”, “Дети Ра”, “Наш современник”, “Зинзивер”, “Звезда”, “Новая юность”, “Урал” и др. Автор книг стихов: “Дом с птицами” (М., “Эксмо”, 2020), “Миниатюры” (М., “СТИХИ”, 2021). Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

не ощущая своего предела,
над садом белокрылка пролетела,
над поздним садом, жизни-смерти сквозь.

* * *

проснёшься утром
как будто не было
и в комнате прохлада дождевая

* * *

Между первой морской волной и второй
не успевает проскочить слово,
пена крадёт окончание,
остаётся долгая гласная тишины,
так и сидишь, вылавливаешь промежутки,
впадины моря, летящего наискосок,
что же там было: тайна, молитва, шутка,
чайки крик, пароходный гудок.

* * *

Так ледяные бабочки не спят
и снег летящий как бы невпопад
маячит продолженьем разговора
закончившимся много лет назад
как будто не бывает в мире так
что всё забыто день пустой и новый
качается деревьями вокруг
и длится в никуда как кинолента
небесная лыжня проложенная кем-то

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

НАТАШИН ДЕНЬ

РАССКАЗ

Квартира была на первом этаже — ближе к земле-матушке. Песок мелко от вечных новостроек напротив — он ввинчивался в щели и ложился на подоконники ровным слоем. В окнах завсегда недостаток света — решётки его скрадывали, и кусты на газоне, и нависший неподъёмной хмурой бровью балкон, что на втором. И вязкий полумрак, словно пыльные застиранные тряпки, развесился по комнатам. Всякая вещь здесь по-особенному быстро ветшала. Ветшала, и ежели рвалась, то рвалась не по шву, а где-то посередине, распадаясь на нити и выпуская клубочки пыли из разрушенных волокон ткани. Лихо, за сезон, выцветали и покрывались катышками футболки и топики — словно сворачивается в кипятке скисшее молоко — так они, эти катышки скоро образовывались, лопались каблук, запятники отходили от подошв и стельки стирались до бумажного задубевшего дна, в которое въедалась пластилинообразная чернота от носков. А уж сами носки во мгновение ока бывали съедены такой обувью, пары их дюжинами регулярно и безвозвратно ухали куда-то в бездну, в параллельные миры, сокрытые в неприступных пыльных норах заживаний и закреслий. И вот пришёл ты, допустим, вечером после работы и разулся, и ходил по полу в тех носках,

БЕЛОЗЁРОВ (БОНДАРЕНКО) Андрей родился в Абакане. Публиковался в журналах "Абакан литературный" (Абакан), "Тверской Бульвар, 25" (Москва), "День и ночь" (Красноярск), "Урал" (Екатеринбург), "Флорида" (Майями), "Бельские просторы" (Уфа), "Волга" (Саратов), "Сибирские огни" (Новосибирск) и др. Участник двух Форумов молодых писателей России в Липках. Лауреат литературной премии им. В. П. Астафьева по прозе (2011). Издано две книги повестей и рассказов "Пост номер один" и "Люди до востребования". Член Союза писателей России. Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

а они непременно к полу липли, даже непонятно от чего больше — ибо они и сами становились липкими от дневного пребывания во влажном измочаленном обувном нутре, и липок был линолеум на полу — то сок прольётся, то ещё что, и кошки непременно повсюду это разнесут.

Трое их было: две трёхцветные и рыжий кот. В народе говорят: трёхцветные приносят счастье, а рыжие — достаток. Но шёл ты, и не было подле ни счастья, ни достатка, а лишь носки твои липли, обрастали кошачьей шерстью.

И хозяйка была в том доме. Говорила, то хозяйкой себя не чувствует, мол, дом её отвергает, то обратное говорила, что родным он ей стал. Придя в этот мир несколько неожиданно для родителей, а тем было уже за тридцать, она получила от них имя Наташа.

Как-то сызмальства не заладилось у Наташи — астма тяжёлой формы. Но маленькая Наташа любила даже капельницы, потому что любила жизнь в природе своей детской, растущей, жадно тянула её, и уж не до жиру, а как пришлось, хотя бы через эти прозрачные трубочки с растворами эуфиллина и преднизолон. Крепка астматическая хватка, дыхание, человеку простому и незаметное, превращается в тяжёлую напряжённую работу, каждую шестерёнку этого механизма ты начинаешь чувствовать отдельно, чувствовать, с каким скрипом и натужностью вращается всё это в твоём нутре, дышишь, свистишь сдавленной трахеей, сжимаешь и разжимаешь с усилием целлофановые пакеты лёгких, и как бы ни старался, ни рвал грудную клетку, воздух никогда не достаёт того заветного донца, и даже если роса утренняя, и ты по ней босиком, и птичья трель в пронзительном небе, не видать тебе счастья, не вдохнуть полной грудью, не хлебать полной ложкой, не плескать через край. И потом, когда засыпаешь, устав от постоянной перекачки воздуха, дыхание берёт и останавливается порой, как испорченные часы, ты выпучиваешь глаза, захлебнувшийся в одеялах, подушках и темноте ночной и, вынырнув наконец, снова берёшься за свою основную работу.

Медсёстры старались обходить Наташеньку стороной, бежали от лица её, наспех исполнив свои обязанности, потому что голодающий без кислорода мозг провоцировал приступы усиленной разговорчивости: попадись шестилетней Наташе на глаза, обмолвись при ней — и всё, она будет говорить с вами, говорить и говорить, о мишках и зайчиках, и котятках, о куколках и кукольных домиках, о том, как они ездили с мамой на море, и о том, кем она хочет стать, когда вырастет, потом она начнёт читать вам стихи и петь песенки, и вы уже, кивая и улыбаясь, бежите прочь, хотя надо бы и присмотреть, как положено, чтобы игла не выскочила из вены, — ребёнок ведь...

Правда, одна толстая, неуклюжая вполне Наташеньку и любила, “зайкой” звала. Вот она простерилизовала иглы, скovyрнула кружочки с оцинкованных пробок на бутылках, навесила капельницы на железную треногу с крюками, и — неуклюже вверх по лестнице, с одышкой. Капельницы бультыхаются, словно насаженные на гарпун медузы, машут длинной лапшой прозрачных щупалец, звякая стерилизованными иглами о ступеньки...

— Ну, как наша зайка? — с выдохом в приотворённую дверь. — Вот и капельница...

Двигаться нельзя — иголка в руке, по лапшине бегут пузырьки — Наташе видятся в них спешащие по улице машины, — капают в просторный гараж овальной стекляшки. Потом взгляд переключается на неровный потолок, отыскивает в неровностях силуэты разных зверушек — всё это с пространными комментариями. Медсестра терпит, не терпит даже — умиляется.

— Эх, зайка...

Впрочем, астма отступила, и Наташа сей факт связывала с запоздалым её крещением и теперь покуривала даже безбоязненно. Бывает так — отступает в детстве астма и больше никогда не вернётся, а бывает, что и вернётся, и тогда до гроба душит она тебя — весело, в полную силу, и ты до гроба жрёшь гормоны, тучнееешь на них, делаешься вечно потрёпанным и одутловатым, выглядишь и чувствуешь себя на дюжину лет старше... И не жизнь это...

И был ещё при Зайке Сергей Викторович, во главах семьи числился. Здравый, рассудительный... но имелась в нём какая-то всё ж червоточина,

вот он и на жену свою будущую в первый раз внимание обратил, и взглядом заинтересованным одарил, когда увидел на руке у неё на левой — бинт из-под рукава на запястье предательски белеет. Правша, подумалось Сергею Викторовичу. А уж выспросив и узнав, что не из-за жалкой какой-нибудь первой любви это, а от чуждых ему непонятных томлений души, то и уважением проникся. На этом запястье-то и отношения у них завязались, хотя Сергей Викторович и раньше на красивое Наташино лицо заглядывался, но боялся он её: истеричка наверняка и стервоза редкостная, думалось. И неприступной она ему сильно казалась. А вот эти пара-тройка чирков по ручке её милой и задельем для разговора первого стали, и как-то неприступной в глазах Сергея Викторовича вычеркнули, родством каким-то, червоточиной навроде его червоточкины показали. Хотя вот сам никогда вен не вскрывал, в петлю не лез и вообще не любил членовредительства никакого. Однажды лишь прижёт окурком руку, и то в пьяном виде, в бесстрашии и безболии пьяном, и из солидарности с друзьями тогдашними, у которых повелось это как дело чести и сакральной избранности. Хотя... хотя в последнее время, когда совсем уж плохо, привилась привычка у Сергея Викторовича шарить глазами поверху в поисках надёжного крюка, на какие вешают люстры, или крепкой двери, через которую можно бы перекинуть гипотетическую верёвку; вот так вот лежит он порой, а теперь всё чаще и чаще, плохо совсем, глаза по верху: и сюда бы можно верёвочку примостить, и сюда, но это мечтам сродни и даже аутотренингу некоему.

Но опять вот о наших трёх кошках. Васенька-Василиса. Самая старшая. Полтора года назад февральским вечером она переминалась на бесснежном выхощенном ветром асфальте. Около остановки. И, широко разинув рот, кричала не по-кошачьи: “А-а-а...”. Наташа обломилась ей ушко, пока везла домой в маршрутке, пахнувшей газом. Не специально, конечно, обломилась, Боже упаси, просто странным было на ощупь замерзшее ухо, как бумажка. Из любопытства отогнула кончик — так и остался, а после по изгибу отвалился. Кошка была совершенно неловкой, отовсюду падала, потому что подушечки лап обмёрзли и потеряли чувствительность, и долго они ещё красные были, будто лакированные, всё облазили и облазили, теряя слои омертвевшей плоти. Впрочем, кошка и вообще была неказистой — мосластой, крупной, с приплюснутой, как у змеюки, головой. Кошка Наташу преданно любила за спасение, в лицо ей всегда умно заглядывала.

У Сергея Викторовича Василиса связана с хорошим, романтическим — стала залогом любви как бы. Ведь кошка эта появилась до того даже, как они с Наташенькой зарегистрировали свой мастный брак. Эти двое появились в его доме практически одновременно. Пылание любви, первая неделя Наташиной жизни здесь. И приносит обмёрзшую, с погнутым ухом, шепчет слегка виновато кошкину историю. Щёки розовеют с мороза, иней бусинами влаги тает на шерстинках зелёного шарфа. И на шерстинках кошки. И славные такие речи...

— Извини. Можно, правда? Поживёт недельку, а потом я её к маме...

— Можно, конечно.

И кошка, хоть и неказистая, но вроде сбита, ладная, и Наташа красивая, и Сергей Викторович — само великодушие и благородство. Всё прекрасно...

А потом, когда Наташа уже в силу в том доме вступила, был рыжий котёнок Венедикт с лицом трудного подростка. Наглый, как все рыжие, но туповатый и добрый. И даже не совсем рыжий, а как хлебушек подрумяненный из печи, и две медовые капли глаз, и нос бело-розовый, как незрелая земляничка. В привычку у него вошло залезть на кровать и обхватить передними лапами Наташину ногу, муркая громко. Её это очень умиляло.

После всех Кузька была, косматая и пискучая. Сама к двери пришла и попросилась жить. Кузька, потому что решили, что кот, за космами не разглядели.

— Это мой сыночка, — сказала Наташа, прижимая котёнка, носом зарываясь в его шубейку, — сыночка пришёл ко мне, простил, теперь я его не отдам.

И не отдала. Но “сыночка” оказался кошкой, трёхцветной, пушистой и красивой, с вечно задранным, как знамя, хвостом. И когда Наташа в делях трёхцветных лохм сделала это открытие, стало ясно, почему Вень пытается на Кузьку вскакнуть. Кузька стала официально Кузиной, а Сергей Викторович, любя, звал её Кусенька, а злится: “Ах ты, шуба с ногами”.

Но и на кошек со временем легла примета того сумрачного места, кошки тоже ветшали. Куся нет, Куся была ещё слишком молода, но Вень вот обрюзг, загучнел, запаршивела у него при этом морда какой-то чёрной не выводящейся паршой, и привычка грустная появилась — опереться спиной на стену и сидеть так, растелешившись, как мужик в предбаннике, разморившийся, с пивным навывлупку животом и одышкой, ещё и парша чёрная, словно недельная небритость. И не было в картине этой ничего забавного, как забавно на фотоприколах с животными, коих тьма в интернете, а только грустное. У Васи и того хуже — стала худой и нервной, шерсть поредела, почти голый крысиный хвост, горячий голый живот. Она истерично беспрестанно лизалась, слизывая последние пушинки с живота, а потом её выташнивало клубками свалывшейся шерсти.

Но однажды кончилось её безумное лизание, кошка начала молодеть на глазах, округляться телом и обростать, как весенний газон; попрятались, запырнули под новую красивую шкурку её мослы. Викторovich снова взял её на руки без брезгливости и жалости.

И позднее открылась причина метаморфоз — кошка беспокойно искала среди тряпок, которых было повсюду в избытке, себе место, гнездилась и туда, и сюда...

— Нет, Наташа, надо топить. Мне не нужен приют. Тут и так кругом шерсть, шерсть... вся жизнь отравлена шерстью. Из-за неё у меня больше нет чёрных пиджаков. Утром в сортир — очередь. В ванную — там из кра-на пьют. Везде кошачий корм, кошачьи туалеты. А ты, кажется, на работу собралась устраиваться. Мы же какашками зарастём!

— Хорошо. Ты сам собираешься топить?

— Ну... а хоть бабушку позову... У-у, моя бабка — киллерша со стажем.

— Что бы ты ни говорил, а одного надо оставить, она же болеть будет, мастит будет. И может, она никогда матерью не была, нельзя её этого лишать.

— Вижу, тебе очередную игрушку понадобилось. Котятки, мамы-кошки, получится, как с Венькой, обещаешь пристроить, а потом приживётся, своим станет.

— Нет, я сама понимаю, больше трёх у нас не будет, точно...

На том вроде и порешили...

Сергей Викторович свою работу почти что и любил. Он ещё сызмальства рисовал на ватманах всякие газеты, доставляли ему удовольствие рубрики и колонки, писал он в них псевдоновости на никаком языке, козябрами, схожими с латиницей. Горячие новости, колонка редактора, рисовал подобию эксклюзивных фотографий. Он и ныне мечтал быть редактором и верстальщиком какой-нибудь своей газеты, а лучше журнала... И, самоучкой натаскавшись в верстальных программах, работал в еженедельнике с очень обстоятельной, подробной телепрограммой. НТВ. ТВЗ. РЕН ТВ... Копируешь-вставляешь. Кегля и интерлиньяж — 8,5. Название фильмов красишь маджентой, сериалов — цианом.

Верстать нравилось, отвлекало это даже и дарило покой, как игра навроде тетриса — сложить друг с дружкой текстовые фреймы, притереть их без зазора, дырки замостить фотками. Нравилось, что за трафиком здесь никто особо не следил, можно было в свободное время играть в какую-нибудь сетевую игрушку. Копить опыт, добывать ресурсы на одежду и оружие, набивать уровни и ранги, качать навыки стрельбы и медицины. Всё это плечом к плечу с тысячами других игроков — таких же офисных бездельников.

Не нравилось ему, правда, что начальство сэкономило на приличном офисе, и в выкупленной и оборудованной однокомнатной квартирке сидели два верстальщика, редакторша, два бухгалтера, один дизайнер и пять менеджеров.

Последние были основным злом, ибо все остальные сидели спокойно, а эти суки с пустыми глазами кружили по офису, поднимая пыль, вечно висли на телефонах или в мессенджерах, вели переписку со своими рекламодателями и требовали интернеты, который постоянно иссякал. Но худшее, что они вообще были не приспособлены к офисной технике, — ксерокс, факс и принтер приводили их в ступор, и они сразу кидались: “Мальчики!..”. И мальчики, по локоть в порошке из картриджа, сдавленно матерясь, выкарабывали из факсов и принтеров застрявшую бумагу.

Здесь, собственно говоря, Сергей Викторович и превратился вдруг в Сергея Викторовича. Не за почтенный возраст и не за солидность, а просто по случайности — оба верстальщика были Сергееми, и начальница не знала, как окликнуть того, кого надо. Сергейслева — Сергейсправа — как-то неуважительно. Вот и сделали различие, и уважительность сделали, хоть и старше был Сергей Викторович всего на полгода Серёги — второго верстальщика, а положили на него вместе с отчеством тяжесть прожитых лет и кризис среднего возраста. И стал он за собой замечать, что всё чаще и чаще покряхтывает, разгибая затёкшую спину и потирая слезящиеся от монитора глаза.

День подходил к завершению, завтра сдача полос с программой, сегодня надо выработать по максимуму, чтобы завтра не запариться, сдачу не задерживать. Верстал он свою программу, вставлял анонсы на сериалы. Анонсы сливались в сценарий одного бесконечного дня... “К Марианне наконец-то возвращается память. Эстебан и Катя вместе едут в Буэнос-Айрес. Юрий признаётся Николаю, что удочерил Катю сразу после её рождения. Ольга говорит Виктору, что любит Мотылька, но не будет его удерживать. А Мотылёк признается Николаше, что больше не любит её сестру, а влюблён в другую. Сурков сообщает Люсии, что Катя её приёмная дочь. Пётр говорит Кириллу, что собирается сдать в руки правосудия. Иван хочет выйти на ринг, чтобы заработать денег на выкуп. Ольга говорит Николаю, что он отец Кати, но категорически против того, чтобы Катя об этом узнала...”.

И, вынырнув к вечеру из той бездны, он шёл в другую, вынимался из ботинок, чтобы лишнуть к полу, голодный и злой.

Благо на этот раз дома ждал ужин. И всё вроде ничего, только...

Едва он треть отъел от яичницы...

— Сергей! Серёжа, иди сюда!

— Господи, неужели надо именно сейчас... — промычал он сквозь яичницу в своём рту.

Василиса упрямо ползла на диван, на светлое покрывало, в кучу скинутых после работы Сергеем Викторовичем вещей, в джинсы и выходную рубашку, пыталась туда зарыться.

— Держи её, не пускай! Что делать!

Он стащил на пол с черепашьим бездумным упорством загибающуюся в вещи кошку и с раздражением отметил, как когти кошачьи вытянули пару петель из покрывала. А Наташа вынула из угла коробку от микроволновки. Она была напичкана разным Наташиным тряпьем, так и не рассортированным после окончательного её переезда, — тряпье, естественно, прочь, к той же куче.

— Что? Что постелить? Ну, помоги мне!

Вася всё пыталась вспрыгнуть на диван. Он прижимал её к полу, стоя в несколько неловкой позе, но поступить проще, взять кошку на руки, не хотелось — с неё уж лилось.

— Только, пожалуйста, не ночнушку, — опередил он Наташино метнувшееся к куче существо.

Почему-то ему так и подумалось, что жена выхватит из этой груды тряпья самое ценное. Ночнушка была мягкая, шуршащая по коже, фланелевая и с глупыми миккимаусами, домашней нежной девочкой была в ней Наташа.

— А почему нет?

Конечно, мягонько, приятно, В самый раз под кошкин бок. Он угадал, и это тоже раздражало... Слишком редко Наташа была домашней мурлыкой последнее время...

— Не смей. Простынь в шкафу возьми, постарее только.

Вот и простыня, почему-то именно белая, Наташа её укладывает в картонку.

— Пойду, вызову киллера, — с облегчением он передал Василису.

— Алё? — глухой бабушкин голос. Она жила через двор в кооперативной квартире, всю жизнь на земле провела, меж грядок, привязывая помидоры к колышкам, поливая их коровяком, гоня червяков из чеснока, мокриц из морковки, гоня похожих на броши из морёного дерева двухвосток, которые любили стричь своим чёрным раздвоенным жалом нежные стебли рассады, а теперь, когда силы оставили, — квартира.

— Хм... Ну слушай, Галина Батьковна, начались уже роды, иди помогай как специалист...

Да, была, конечно, у них заблаговременная договорённость по этому поводу.

— Ой, Боже ты мой... ни раньше ни позже. Тут “Татьянин день”...

— У нас нынче Наташин день, иди быстрее.

— Включи мне телевизор. Сейчас я... Сейчас подойду... — и уже вдалеке, затухая, снова: — Ой, боже ты мой...

Кошка всё пыталась сорваться со скользких белых простыней — туда, в заманчивую кучу, тем более что после опорожнения коробки та заняла полдивана. Сергеем Викторовичу подумалось, что ему бы тоже неплохо сейчас головой вперёд в ту кучу, чтобы занырнуть и по самые пятки что-то, и прикрыло бы эти пятки какой-нибудь тряпицей, какими-нибудь миксимаусами, и не было бы Сергея Викторовича некоторое время вообще, а только куча.

Но вместо этого он набрал ведро воды с выражением абсолютного хладнокровия и зачем-то даже не просто холодной, но разбавленной до приятной прохлады. Поставил утвердительно с глухим стуком посреди комнаты. Наташа обернулась на него со своими глазищами в пол-лица, что-то болезненное в них промелькнуло, словно ещё один чирк тупым ножом для бумаги у неё по запястью прямо сию секунду вот и случился, и потом обратно — успокаивать, гладить кошку. А та лизала себе промежность и крутилась с боку на бок — совсем неловко ей было в коробке. По простыням ползли розовые акварели. А бабушка всё не шла, уже и котёночья рыжая лапка из чёрных чресл пару раз вынырнула и обратно втянулась.

Первое бабушкино было:

— Включай скорее телевизор, всё с вами пропущу.

Из-за пазухи она достала ядрёный овальный камушек и тряпичный мешочек, наживулку только что сшитый. Сергей с Наташей переглянулись, обменялись ухмылочкой болезненной.

— Как ты, однако, основательна... — сказал Сергей Викторович.

Камушек и мешочек внушали спокойствие, значит, человек дело знает, значит, всё будет легко и быстро. А уж как камушек в мешочек вложен был, то Сергей Викторович и совсем успокоился, словно это его грех от него отняли и в мешочек сложили. И даже руки мыть пошёл, две трети яичницы с намерением доест. И доел даже.

Бабушка сидела наизготовку, поставив между ног ведро и теребя мешочек с камнем заскорузлыми толстыми пальцами, привычными в земле рыться, картоху оттуда выкарябывать, не знали те пальцы страха перед огнём и холодом: они и без прихвата кипящую кастрюлю с печи снять, и в зашугованной тягучей воде из обледенелого колодца простыни сполоснуть. И вот эти пятерни, жизнью согнутые в два дачных скрепка, которыми землю рыхлят... и взгляд её выцветших белёсых глаз из-под кустистых седых бровей... и щурится она — в экран смотрит, а там у неё: “Состояние Сергея внушает врачам опасение. Миша хочет отдать письмо Разбежкиной Сергею, как только тот придёт в себя. Узнав об этом, Баринова приходит в бешенство. Гена звонит Баринovu и требует денег за кассету...”

А Наташа кошку гладила по лънущей к ладошке змеиной голове.

— Тужься, Васенька, тужься. Неудобно тебе здесь, да?

И бабушке:

— Надо быстро, как появится и сразу туда, чтобы воздуха не успел глотнуть, а то как вдохнёт, лёгкие расправятся, потом мучиться долго будет. И кошка чтоб не успела его облизать, матерью себя почувствовать.

Опять кошка напряглась, появилась рыжая ножка, и назад. И так много раз, даже забеспокоились, что не разродится, слово чуял мелкий, что тут ему хорошего не светит.

— Давай, тужься, ну же, — умоляла Наташа.

И поглаживая живот Васин, потянула котёночью лапку.

И дело вроде сдвинулось. Бабушка зашевелилась, расправила мешок. Главное быстро — из одной воды, из материнской, и в другую сразу — и сам котёнок ничего не поймёт, и никто не поймёт, не заметит, словно и не было ничего, думалось Сергею Викторовичу.

— Тяни, тяни его, не отпускай, — сказала бабушка.

Кошка заблажила от боли. Наташа сморщилась от ужаса, потянула сильнее.

— Осторожней, — забеспокоился Сергей Викторович.

— Ой, мамочки-и-и! — закричала, отвернувшись, Наташа, лапки, впрочем, не выпустила, и на пике истошного их с Васей вопля вытянулся рыжий с белым носом и пузиком, и за ним вытянулся на сизой с перламутровым блеском пуговине кусок мяса с жёлтым пузырьём — место бывшее котёнкино.

— Что там? — наклонился Сергей Викторович.

— Ну, и ладно... — хныкала Наташа, — он, по-моему, и так уже мёртвый.

Котёнок, и правда, лежал, не шевелясь, был он, конечно, уже не в рубашке, лежал склизкий с этими вытянувшимися вслед потрохами, но не успел Сергей Викторович с облегчением вздохнуть, как вдруг зашевелился, раскрыл розовый на белом рот.

— Ой, мама! Давайте скорей его в ведро! — И, зажав кулачком рыдания, Наташа убежала прочь.

— Так, ну, давай его сюда, Господи, грех с вами на душу опять...

Бабушка устремила свои скрюченные пятерни к котёнку, сгребла его и всё, что от него тянулось, в одно, сложила в кулёк. Погрузила в ведро и сразу же усталилась в телевизор. Мешочек она не завязала, а просто держала за края над водой.

— Ты что же делаешь-то? Специалистка! Он у тебя плавает, что за фигня-то?!

Бабушка прикрыла голову котёнку тряпицей, как заботливая нянька, и приокунула, впрочем, так и не оторвав взгляда от телевизора. Сергей Викторович решил перекурить — его всего трясло. Нашёл сигареты... И опять...

— Да ты посмотри на неё, он же выплыл из мешка, ты прикалываешься, что ли!

Злость сделала движения Сергея Викторовича увереннее.

— Дай сюда.

Ухватив выплывшего из мешка котёнка, он опустил его на дно. Котёнок шевелился в руке, медленно загребал лапами, распахивался рот на белой мордочке, щёлки нераскрывшихся глаз устремляли взор невидящий из глубин на Сергея Викторовича... С чего он показался там, на суше, мелким и недоразвитым? Напротив, крупный и сильный рыжий кот, ещё один Венька. Продолжалось это очень долго, целую сцену отыграли сериальные модельки: Разбежкина успела прийти в палату к Сергею и рассказать ему о своих чувствах. Рука слабела, превратилась в оголённый нерв, ловила каждое шевеление бедного тельца. Шевеление это проходило разрядом по руке и ту-по ударяло куда-то в глубине груди, отнимая силы. Слабела и слабела рука... Но сильнее и сильнее делались чувства Разбежкиной. И одна уверенность переплавилась в другую.

— Ну, раз ты такой сильный — живи!

Даже силу мужскую ощутил в себе Сергей Викторович — спасителя, совершившего бесповоротный выбор, совершившего поступок достойный. Так глава семьи говорит, выслушав аргументы жены и прочих членов семьи:

“Быть по сему, — говорит, — так-то и так-то быть”. И обретшей снова силу рукой и с образовавшейся внутри лёгкостью вынул он котёнка из воды и кошке на простынь положил.

— Давай, мамочка, займись сыном.

Кошка потянула морду, начала жевать пуговину. И, конечно, ожила бабушка, вынырнув из сериального омота.

— Ты что же делаешь? — и потянула злое щипки к кошачьей идилии.

— Пусть живёт, не трожь.

Но бабушка сгребла уже — и обратно. Он перехватил её руки и потянул котёнка к себе.

— Сдурел ты, что ли?!

Сергей Викторович боялся котёнка повредить, — а бабушка больно крепко вцепилась в жертву свою — и выпустил котёнка, и возмущённо воскликнул:

— Отдай! Пусть живёт!

И опять окунулся котёнок в ведро, опять всё по новой. Впрочем, жалкую сцену эту надо было доигрывать.

— Нет, иди давай, ты своё дело сделала.

И Сергей Викторович переправил котёнка из ведра обратно к кошке, а по полу ручьями — вода.

— Да что ж такое! Да хрен с вами тогда! Зачем вы меня вызванивали-то? Спасает он. Спаситель. Мало кошек, что ли?

— Не мучь его, Серёж, — слабо сказала откуда-то справа жена — он не заметил, как она подседа рядом. — Смотри, у него животик от воды уже надулся, он не выживет...

— Чего это он не выживет?.. С чего бы ему не выжить...

— Да я, кажется, ещё и ножку ему раздавила, когда тянула...

— Да ну... тебе померещилось... — Впрочем, пелена медленно спадала с глаз Сергея Викторовича. Он увидел, что котёнок уже едва шевелится и головы почти не поднимает, из-под белого слипшегося сосульками пушка синее раздутое пузко. Там под водой выглядел он гораздо сильнее и живей...

И вся жизнь в Сергее Викторовиче как-то разом угасла. Он молча встал, подобрал недавно брошенные в порыве сигареты и пошёл на балкон.

А утопление продолжилось. Сигарета курится минуты четыре, но и до шести можно в задумчивости растянуть... Картинки крутились в Сергее Викторовиче: белая морда тянется вверх сквозь колеблющуюся воду, загибают, не находя опоры, бело-рыжие лапчонки, и вот курится сигарета, а они там все гребут и гребут, и вот лохматый материнский живот, вибрирующий от мурчания, сейчас бы туда, белой мордой в тепло и темень, и мягкость...

— Шевелится ещё? — спросил он, вернувшись.

До конца доводила дело его бедная Наташа...

— Ага... — побелела, обескровилась, синяки зачернели вокруг глаз.

— Ужас. Как долго... — с состраданием посмотрел на неё.

Но вскоре всё закончилось. И сериал даже закончился.

— И правда, крупный какой, — взглянула на вытянувшийся трушник Наташа.

Мёртвое всегда почему-то крупнее да тяжелее кажется — всегда значительней смотрится, чем то, что осталось жить. Бабушка сложила котёнка в мешочек, мешочек — в целлофановый пакет с жёлтым логотипом гипермаркета, в котором этот пакет когда-то набивала продуктами вспотевшая кассирша...

— Надо было оставить, что ли... а то родится теперь какой-нибудь недоносок, опять топить... Хоть бы не было больше никого... — пробормотал Сергей Викторович. А больше никого и не было... Сергей Викторович выплеснул ведро в унитаз.

“Что ж так тошно, — думалось ему, опрокинувшему воду в белую с жёлтым воронку, — бывает и хуже, бывает их вообще в туалете смоят, а они застрянут в трубах и кричат.

Кулёк снесён был бабушкой на помойку. Супруги остались наедине, ах, ну да — кошка ещё. Вениа с Куськой, надо сказать, в комнату ни разу не зашли за время всей процедуры — выглядывали притихшие из коридора... Наташа всё сидела над Василисой, а у той были влажные, слезящиеся, как у старушки на холоде, глаза, и всё она мурчала утробно, словно кормящая мать — механизм-то был уже запущен, но в коробке рядом — одна белая простынка в разводах.

— Прости, милая... Убили мы твоего сыночку. Вот теперь вместо сыночки... — Наташа покачала в руке тот серый гладкий камень. Вид камня Сергея Викторовича совсем расстроил.

— Ф-фу... есть у нас корвалольчик, что ли? Что-то тяжко... Ну, бабка, ну, киллерша...

Сергей Викторович помассировал ладонь — в ней по-прежнему трепыхался котёнок. “Это надолго теперь”, — подумал он.

— Жалко? Несчастный мой... Там, на кухне, в гарнитуре, где стеклянные двери...

Наташа сидела на полу перед коробкой, немного раскачиваясь, кошка тянула к ней голову, слушала разговор. Сергей Викторович за корвалольчиком не пошёл, присел на край дивана.

— Выпить надо, пожалуй... коньяка...

— Выпей... спрячься от жизни, — тихо, бесцветно сказала жена.

— Почему спрячься-то сразу... Это, типа, обезболивающее.

— Мы у Васеньки сына убили, а ты хочешь, чтоб без боли всё.

Сергей Викторович заглянул в Наташино лицо: напряжённо поджатые губы, нехороший блеск в глазах. Приближалось. Сергей Викторович насто-рожился.

— Ох, пол-одиннадцатого уже, магазины закроются скоро, — говорил он, ища перемен на её лице, — ну, можно и без коньяка... Да? Полторушку сидра возьму, и нормально, пусть другие за котят болят, уж лучше так... Пять минут попырхался, да только — не всю жизнь по помойкам на морозе... разве нет?

Молчала Наташа — перемен не было. И вдруг обернулась, глаза оттаяли, словно вынырнула Наташа из холодных вод каких-то северных, где лежала она обмылком льда, вынырнула и ласково по мужу взглядом пробежалась.

— Ты и ребёнка нашего так... — сказала она, не обвиняя, робко, сама виновато улыбаясь оттаявшими и от того потёкшими в два ручейка глазами. Сергей Викторович хотел было помрачнеть, но оказалось, что и так мрачен дальше некуда, и просто холодно отвечал ей взглядом. Выговорил, наконец:

— Я ждал, что ты так скажешь... Только зачем это...

Приближалось... Год Наташиной тьмы с пауками, вгрызающимися в пах, и кровавыми мальчишками. Тьмы, ставшей общей. И он огляделся. За бего-нней, топлением странное место, в котором он жил, как-то размылось, оказа-лось не в фокусе, но теперь вернулась резкость очертаниям — особая такая резкость. И вот, допустим, кресло стоит, и само оно, как в дымке, а то, что подрано оно кошками, нитки висят и вытерты до бежевых плешей подлокот-ники — очень чётко видно. И столик журнальный, сам по себе — ничто, но вот покосился он, и этот угол, насколько он покосился, видно, и очень вид-но, что из щелей, его перекошенных сочленений — шканти редкими зубами желтеют. А поверх столика — и с обшарпанными краями газетки, и книги такие же, и бутылки с лекарствами и косметическими средствами, и даже пустая коробка от конфет. Все они отдельные и лезут в глаз.

Разруха. Разруха ползла из всех щелей и углов. Уж сколько они бились с ней, выметая, разгребая пяточки для жизни, но разруха забирала своё, раз за разом, как пустыня пожирает незащищённые дамбой оазисы. Наташа всё покупала отчаянно какие-то безделушки, чтобы сдобрить жизнью их дом, их гнёздышко, сделать его под себя. То куклу фарфоровую купит и поставит на полку, а у неё отломится нога, сама она скривится набок, и всё — она уже оборотень, слуга разрухи, с которой боролась Наташа. Или принесёт краси-вых бутылочек, статуэток, ароматическую лампу из глины и рамочку под морёное дерево, вставит туда супружнюю фотку, и вперёд их, на передовую,

как солдат в бой, а к вечеру они уже переметнутся на вражью сторону, став неприступной грудой хлама, пополнив полчища разрухи. Разрухи, однажды изощедшей из Наташиного чрева и основательно здесь осевшей.

Сергей Викторович сказал монотонно, но отчётливо:

— Тысячи людей сделали и сделают это. И проживут долгую счастливую жизнь. Это был не только мой, но и наш выбор. Зачем ты всё время возвращаешься...

А она слегка наклонила голову, прищурилась, только видно и ждала, чтобы выдать:

— Тысячи людей... тысячи людей сожрут своих кошечек. И друг друга. А головы на рынок снесут, для холодца. Если приспичит. А я... я — да. Сделала наш выбор.

Наташа горько усмехнулась. Сергей Викторович посмотрел на жену всё тем же неотвязным зрением: на лице её словно прилепили маску из теста, маску не присущей ей чужеродной мимики, нащёпки на скулы и надбровные дуги. Тесто мялось, хмурилось, горько усмехалось. А Наташи за тестом он не видел и не чувствовал. Горько было ему от этого осознания, потому что Наташа была, где-то была — живая, прежняя, и иногда в душевном отчаянье, истосковавшись по Наташе, словно бы руки он из души своей проращивал и шарил ими словно бы в пустой тёмной комнате, хотел отыскать свою Наташу, но везде была пустота, и оставалось ему только тесто...

В это мгновение лампочка в люстре ярко полыхнула и погасла.

Сергей Викторович закрыл ладонями лицо:

— Всё. Хватит. Я за сидром. Не хочу больше ничего. У меня завтра сложный день, сдача полос. Разговоры ничего не стоят, а конкретный день, за который я зарабатываю тысячу рублей, — стоит. Стоит тысячу рублей.

Но полторушка не дала нужного результата. И вроде жена больше не понимала — лежала лицом в подушку на диване в зале. Опьянения как такового не наступило — распухла только голова, и тупость в голове образовалась окончательная. Думалось: “Зачем всё это? Зачем? Совсем некстати вся эта мелодрама. Завтра сдача телепрограммы. Поиграть даже некогда будет. Но вот где-то к трём дням сдадим, и тогда можно поиграть. Лычка старшего сержанта у меня. Это ещё 150 фрагов надо набить до младшего лейтенанта. А ведь люди есть — до полковников дожили — по две тыщи набили, и все ведь умные, у всех тактика, стратегия, хитрость, попробуй обойди. А сколько я набираю? Пять в день... если где-то четыре раза в неделю играть, то... то почти два месяца мне ещё до новой лычки...”

С такими мыслями и спать лёг — лейтенантом стану, броню куплю модифицированную в статьи... Вот он — замглавы клана, начальник боевого отдела, злостный фразгурб со звёздочкой на погоне... Но снилось ему иное...

Ему снилась комната. Побелённая, но давно — в голубизну известки въелась чернота, и сами стены были неровными, да и побелка никудышная — по всей плоскости выпуклые мазки и комочки. На стене висел осколок зеркала — весь в каплях известки. Сергей Викторович заглянул в него и увидел своё отражение, и что обильно течёт двумя ручейками у него кровь из носа. Плохой сон, подумал Сергей Викторович и резко, с усилием воли проснулся. Сразу метнулся к Наташе — она ведь где-то там, наверное, в зале.

Щёлкнул выключателем да вспомнил, что лампочка сгорела. Но всё и так видно — фонари меж распахнутых штор. Она лежала на паркете возле двери, вытянувшись. Вдоль дивана лежала. Лицом в пол. Сергей Викторович даже не испугался — должна быть живая, не зря я проснулся. Но что было с ней... Он склонился... И не сразу увидел, что тянется от ее шеи к дверной ручке что-то... Это был её любимый домашний лифчик, когда-то розовый, а теперь застиранный, грязно-сизого цвета, как та пуповина. Он довольно долго не мог понять, что с Наташей, ибо лифчик вонзился в кожу на шее, спрятался под скулами, а дальше — под волосами, как будто и не было ничего. А когда заметил из-под гривы волос тянущуюся эту зловещую пуповину, холод прострелил по позвоночнику Сергея Викторовича, и опять возгудела в нём утраченная сила, он схватился за дверную ручку, свернул её и снял петлю, и потом уж стал расслаблять погрузившуюся в плоть ляжку.

— Наташенька, милая, как же ты посмела...

Он перевернул её лицом вверх. И замер на миг, задохнулся от её красоты, благородного её лежания, словно во хрустальном гробу. Потом шлепки по щекам. Она ожила, закашлялась, прямо как в фильмах это бывает с повешенными.

— Зачем ты проснулся... — просипела она, — не могу говорить...

А потом долго сглатывала громко хрустящей, словно испорченный механизм, гортанью и кашляла.

— Как ты могла... Я ведь не смогу без тебя...

Слёзы безболезненно легко излились широкими струями из Сергея Викторовича. Наташа даже слабо улыбнулась, ибо на неё эти струи и пролились. Из мёртвой принцессы она медленно оживала в беззащитного замученного болезнью ребёнка.

— Ты плачешь...

Впереди Сергея Викторовича через пару часов уже ждал полный вёрсткой и круговертью менеджеров рабочий день. Меж содроганий своих и всхлипов он поймал себя на этой мысли, на том, что новый день уже переминается нетерпеливо за спиной и ждёт от Сергея Викторовича обыденного его претворения, словно ничего не произошло, а в общем-то в итоге ничего и не произошло — жизнь не прервалась, и Сергей Викторович, конечно, перешагнёт через это “ничего” и войдёт в новый день доверять программу, ведь программа для телевидения существует и в будни, и в праздники, и в горе, и в радости. И слёзы эти, котята и лифчики в новом дне никакого продолжения не найдут и смысла не имеют. Он обречённо наблюдал, как иссыкли и высохли его слёзы. Глубоко вздохнул. Наташа попробовала приподняться — он помог ей.

ПАВЕЛ СИДЕЛЬНИКОВ

ТРЁХМЕРНЫЙ КОСМОС

* * *

Пределы речи — вдруг ожившие предметы.

На полке книжной — книги долго не стоят,
они играют
и за других хватаются,
как избалованные дети.

И только припугнешь зловестным “аь!”

И сразу прячутся:
кто — за журнальный столик,
кто — под скрипучую кровать,
кто — в деревянный шкаф залезет, как любовник.

СИДЕЛЬНИКОВ Павел родился в 2002 году в Тюмени. Учится на юридическом факультете Российского университета правосудия. Выпускник школы литературного мастерства им. В. Крапивина. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Кольцо А», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Подъём» и др. Председатель регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Участник всероссийских совещаний и семинаров. Стипендиат XX Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Участник Межрегиональной мастерской, организованной Ассоциацией союзов писателей и издателей России в Смоленске. Живёт в Воронеже. В журнале «Наш современник» публикуется впервые. Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

И никого из них не разобрать,
когда начавшаяся речь — не выстроенный ряд,
а — впопыхах,
наощупь,
невпопад...

* * *

Силуэт отчуждения — парусник дальнего следа,
где прошедший сквозь облако, сквозь гипнотический сон,
с ветром мартовским бьётся.

И тлеет моя сигарета...

Сигарета, как память о мире — раскрывшемся, словно бутон.
Одиноко и страшно. Что завтра случится — не знаешь...
И откроешь окно, дабы с прошлым проститься: там двор,
игровая площадка, дитя. Постепенно себя вспоминаешь:
как затейливым мальчиком я забегал в пиццерию “Fagfor”,
где работала тётя Лариса, с которой в машинки играл.
Я любил внедорожник с большими колёсами, стёклами
(как водительских прав не имел, так на них и не сдал).
Это было давно. Дни казались такими простыми и лёгкими.
И пора бы задуматься о настоящем. О жизненном.
Например, мне устроиться бы в дорогой ресторан,
отдавать ползарплаты возлюбленной — безукоризненно.
И забросить курить. Лучше — ранневесенний купить тюльпан.
Своему детству его подарить.

* * *

Не помня детства,
провалы в памяти лечить —
соединить оборванную нить
из старых лоскутков и соответствий.

Мне было три,
когда в трёхмерный космос
вернулся (в тридцать первый раз!)
МТКК “Дискавери”.

Мне было пять,
и будучи ребёнком зорких глаз
ещё не знал, что пустится опять
космический корабль в дальний космос.

И я не знал, что прерванный полёт,
как пешеход без возраста и цели —
идёт,
себе идёт в нешуточном апреле,
в пространство выходя вневременное.

И вот —
стою, отбросив кости,
осмысливая всё пережитое,
и задаю Ему вопрос:

“Когда настанет мой черёд
увидеть звёзды?”

* * *

Небо в Мичуринске кажется невозможным.

Ночью бессонной выходишь с платформы,
начинаешь подкуривать — закурил,
а до этого — говорил-говорил

о том, что любовь — это музыка.
И я предложил ей наушники,
чтобы вместе послушать какой-нибудь чарт.

Она отказалась.

И я пошёл пить чай,
крепкий, чёрный,
с имбирными пряностями
и тульскими пряниками,
смотря на ночное беззвёздное небо,
в котором теперь видел только любовь.

КИРИЛЛ РАДЧЕНКО

БЛИЗОСТЬ

ОТЦОВСКАЯ ПАРА

1

Батя заходит домой.
Вносит огромные коробки.

Первый — бесцветный, пустой
(взят под картошку, наверное).

Ну а второй — разрисованный.
Чьим-то биеньем наполненный.

Чьим? Начинаем загадывать,
сидя в потёмках угла.

Я бы хотел настоящего
мудрого чёрного ворона.

Что мне твой серый котёночек?
Что мне до зелени глаз?

РАДЧЕНКО Кирилл Александрович родился в г. Улан-Удэ. Окончил филфак БГУ им. Д. Банзарова. В разное время работал помощником кладовщика, книготорговцем, учителем русского языка и литературы, пресс-секретарём Иркутского областного кинофонда. Участник межрегиональных литературных мастерских в Екатеринбурге, Орле и Новосибирске, организованных Ассоциацией союзов писателей и издателей России. Живёт в Иркутске. В журнале публикуется впервые. Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Батя отправился к пращурам
через январские всполохи,
жизни бесцветье оставивши,
света желая для нас.

2

Когда у бати выходной,
он вновь снимает книгу с полки:
любимый “Баязет” без корки.
И — в красный угол, на покой.

А ты да я да мы с тобой
присядем рядом по-турецки.
Мы — воплощенье силы детской.
Капкан двойной.

А что такое выходной,
когда простаивают горы,
и некому рулить землёй?

Скрипят тяжёлые затворы.
Молчит магнитофон соседа.
Застынет в меди электрон.

В подполье затихает мышь
И вот уже шопен кругом.

Весь двор молчит, ведь ты молчишь.

БЛИЗОСТЬ

Чудеса совершают
не ангелы, не колдуны.
Чудеса совершают
простые уставшие люди,
в переполненной
грязной маршрутке
огибая друг друга,
проходя друг через друга.

Не думая друг о друге.
Думая друг о друге.

* * *

Питер. Декабрь. Ветер.
Крепость. У Невских ворот
Колет мальчишка лёд.
Яростно колет лёд.
Лютый инстинкт не даёт
парню покончить с этим.
Питер. Декабрь. Вечер.
Где-то на Невском проспекте
женщина сына ждёт.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 17

КЛАССИКА И МЫ

(окончание)

В 1970-годы, наверное, самым читаемым “толстым” журналом в Советском Союзе стал “Наш современник”.

Здесь самое время привести записи великого Георгия Свиридова:

“Читаю журнал “Наш современник” № 3 1974 г. (на самом деле – 1973-й. – С. К.)

Валентин Волков. “Три деревни, два села”. Записки библиотекаря. Дивная, прекрасная повесть.

За последнее время появилась целая новая Русская литература. “Деревенщики” (почти все из провинции). Но это совсем не “деревенщики”. Это очень образованные, тонкие, высокоинтеллигентные, талантливые как на подбор люди. Читаю – часто плачу, до того хорошо.

Правда, свободная речь, дивный русский язык. Это лучше, чем Паустовский, Казаков и др., которые идут от Бунина. А в Бунине уже совсем слишком много от “литературы”. Больше, чем надо. Это скорее от Чехова, но не похоже, да и по духу – другое. Как и у Чехова – **гармонично**, т. е. и жизнь, и искусство слиты, соединены, не выпирает ни одно, ни другое. Дай Бог, чтобы я не ошибался, так сердцу дорого, что есть подлинная, истинно русская, народная литература в настоящем смысле этого слова.

Василевский “Ратниковы”.

Виктор Астафьев.

Вас. Белов.

Евг. Носов (курянин! Дай ему Бог здоровья!)

Ф. Абрамов – Ленинградец!

Распутин, не читал, но все его хвалят.

Чудесный, лиричный Лихоносов.

1) “Люблю тебя светло”. 2) “Чистые глаза”.

В. Солоухин, прекрасный рассказ про И. С. Козловского, как он пел в пустом храме. Наверное, есть и ещё.

Господи! Я счастлив!

Главное, что это настоящая литература, т. е. знания жизни – много, а то сбивалось на “беллетристику” у Паустовского, Нагибина, Казакова или вовсе противное – у других авторов. . .”

Такое же счастье испытывали многие и многие читатели, запоем глотавшие страницы “Последнего поклона” Астафьева, рассказов Носова, абрамовской “Альки”, распутинских повестей “Живи и помни” и “Прощание с Матёрой”, повестей Виктора Лихоносова. А впереди их ждал ещё и “Лад” Василия Белова.

У Кожинова с “Нашим современником”, точнее, с его главным редактором Сергеем Васильевичем Викуловым, отношения складывались весьма непростые.

Первой его публикацией в этом издании стала рецензия на книгу Фёдора Сухова “Былина о неизвестном солдате” (Кожинов чрезвычайно высоко оценил его поэзию, как и поэзию ещё одного русского фронтовика Виктора Кочеткова). Следующая статья, посвящённая поэзии Владимира Соколова “Стихи должны быть, как открытое окно...”, напечатанная в 1974 году, стала лучшей из написанных статей о поэте. А уже публикацией статьи о Рубцове “Самородность слова” Вадим Валерианович остался крайне недоволен, о чём написал в письме Василию Белову, приславшему свои замечания:

“Милый Вася!

Был очень рад получить от тебя весточку – и вовсе не потому, что ты написал лестные слова о моих статейках. Просто очень высоко ценю тебя как художника, возлагаю на тебя самые большие надежды сейчас (хотя и прекрасно понимаю, как бесконечно трудно тебе исполнить свой высший долг) и очень чувствую твоё человеческое обаяние.

Два слова о Николае и моей статье. Ты как-то рассказывал о телефильме по “Привычному делу”. Статья – это нечто вроде фильма. По просьбе журнала я дал главу из моей книжки, которая набирается сейчас в “Советской> России” (когда выйдет – неясно). Когда я прочитал гранки (журнальные), я хотел отказаться печатать статью (ведь они – заметил ли ты? – вырезали даже рассказ о смерти Коли, и из <текста> статьи можно подумать, что он ещё жив...). Вырезали они и упоминание о том, что Коля имел “роковое пристрастие” – тогда яснее был бы смысл “неуравновешенности”. Ну, и многое другое.

Короче говоря, мне всё же очень жаль, что эта статья вышла, – я просто не решился на ссору с журналом. В своё время буду очень просить тебя прочитать книжку (в ней всего 4 листа). Ещё не могу не сказать, что в твоём письме сквозит мысль: мол, ты знаешь о Коле лишь понаслышке. Это, прости, не так. Я познакомился с ним ещё до его поступления в Литературный институт, по Питеру (то есть раньше тебя), много было с ним выпито и prosporeно – особенно в 1962–1967 годах. Мне приятно теперь вспомнить, что я первый написал о нём как о замечательном поэте (ещё в 1965 году). Это, кстати, было вообще чуть ли не первое моё выступление как критика (до этого я лет пятнадцать писал только о классической литературе). Кстати, в следующем моём выступлении есть о тебе – см. “Вопросы литературы”, 1966, № 10.

О “здоровье” можно спорить. Я был вместе с Колей в драках; мне казалось, что он не очень силён, хотя и рьян (обычно старался вцепиться мёртвой хваткой в противника).

Но, конечно, я обо всём, о чём ты написал, буду думать.

Всего тебе самого доброго, от души.

Очень хотел бы почитать то, что ты сейчас пишешь.

Поклон семейству”.

Следующее из известных нам на сегодняшний день писем к Белову Кожинов написал два года спустя – речь шла о романе “Кануны”, отвергнутом Викуловым и опубликованном в “Севере”:

“3 января 1977.

Дорогой, любимый Вася!

Спасибо тебе за поздравление. И прости, что сам я не послал тебе оно-го, – взялся даже начертать нечто, но задумался – то ли ты в Вологде, то ли в Тимонихе, – да так и не написал. Всё равно я тебя всегда помню и люблю. Вот с год собираюсь что-то написать, – хотя, наверное, ничего путного не получится.

Мой замечательный друг (увы, погибший) – рыбинспектор с Плещеева озера в Переяславле (звали его Адольф Яковлев. – С. К.), человек предельно простой (2 класса школы, ни одной книги в жизни не прочитал), но очень мудрый, сказал как-то (сильно выпимши; трезвый он стеснялся рассуждать):

– Вот, Дима, мы с тобой друзья. Да. Но почему нельзя так сделать, чтобы хоть на минуту я стал бы ты, а ты – я. Чтоб я узнал всё, что ты мыслишь, а ты – что я мыслю...

Да, этого нельзя. Я хочу сказать только, что зря ты сомневаешься в безусловной ценности “Канунов”. Я бы мог объяснить суть дела сам, но для авторитетности приведу слова Блока, написанные им за 4 месяца до смерти: “Так же, как не разлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, не отлучимы от них и друг от друга философия, религия, общественность, даже политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несёт на себе драгоценную ношу национальной культуры... Это признаки силы и юности”.

К тебе всё это применимо больше, чем к кому-либо. А то, что ты сомневаешься, – тоже хорошо. Только продолжай сомневаться, не переходи за какую-либо грань. Мой учитель – великий русский философ и филолог Бахтин – часто повторял, что единственно достойная жизнь – даже, более того, единственно живая жизнь – это жизнь на грани (т. к. мы ведь всегда находимся на грани – жизни и смерти).

А вообще-то ты, Василий Иванович, гораздо больше своих книг (я это неопровержимо знаю). Про кого это ещё можно сегодня сказать – не ведаю. Даже те, кого я очень ценю, пишут на пределе.

Тебе же нужна только воля да чисто бытовые условия, и ты невероятно многое сделаешь.

А кроме того, я люблю тебя безотносительно к твоим написанным и ещё не написанным книгам, в чём и подписуюсь. Сердечные приветствия от Лены.

Дима Кожин”.

Белов чрезвычайно ценил мнение Кожина о своих произведениях. И в следующий раз послал ему свою пьесу в стихах “Бессмертный Кощей”. И получил весьма обстоятельный и нелицеприятный ответ:

“9 декабря 1978.

Дорогой Вася!

“Сказка” твоя произвела на меня двойственное впечатление. С одной стороны, ты создал великолепную поэтическую ткань. Я даже не ожидал, что тебе и это доступно. Но вместе с тем “платье” из этой ткани, по-моему, не сшито. Какие-то разрозненные выкройки. Невольно вспоминаешь нечто близкое (и в этой близости нет греха) – “Снегурочку” Островского (хотя там – драма, а здесь – гротеск, что ли). В “Снегурочке” цельное, единое и ясное действие. Каждая реплика любого героя – звено в этом действии. А у тебя реплики большей частью призваны (хотел ты этого или нет – неважно) создать некую атмосферу, состояние мира. Но без определённого, отчётливого действия, внутреннего действия, драматургия (пусть даже драматическая поэма-сказка) теряет сценичность – как в буквальном смысле – <для> постановки, – так и в чтении.

Если бы это было повествование, всё скреплялось бы воедино волей повествователя, рассказчика. Здесь же как-то всё распадается. Мелкие, дробные реплики в стихе как-то даже раздражают, мешают (и это раздражение – внешний показатель художественной неправомерности). Если бы каждая из этих реплик выражала сдвиг в едином драматическом действии – другое дело. А так – впечатление своего рода хаоса: кто-то возникает, исчезает, вновь появляется, испытывает какие-то чувства...

Ты, быть может, возразишь, что как раз и хотел изобразить хаос. Но в искусстве и хаос должен быть воплощён, если угодно, в своеобразной художественной гармонии (ярчайший образец – пушкинские “Бесы”).

При теперешнем строении твоей сказки придумается напряжённо угадывать, что ты хочешь сказать (я имею в виду не мысль, но мироощущение).

Образы Бабы-Яги, Солдата, Смерти, Русалки, Кикимор (Леший, Водяной как-то бледнее) очерчены превосходно, но между ними нет достойной их (я имею в виду очерченные тобой характеры) драмы. Их взаимодействие как-то неопределённо, они больше мельтешат, чем действуют.

Образ же Кощея (главный, как явствует из названия), по-моему, недостаточно глубок. Ведь это русский вариант вечного жида. Мне представляется, что он никак не может быть Ивановичем. Он затесался, прижился на Руси, но он не русского корня. Кстати, ведь само имя от пакость, от глагола

(еще сохранившегося в диалектах — псковских, например): кастить (костить) — “гадить, грязнить, испражняться, *лакостить*”. А это значит, что он не из русского семени.

Своеобразие русского *вечного жида* в том, что смерть на него всё-таки вроде можно сыскать... Авось сыщем... Ничего... народ русский доверчив.

Но это я уже с тобой спорю, — а не этого ты, вероятно, ждешь.

Вот мой ответ: если писать эту вещь, то заново, как драму с рельефным действием. Нельзя, по-моему, возвращать народу замысленные им “характеры” в таком хаотическом, невнятном воплощении.

Прекрасны у тебя частности (особенно меня обаял образ Русалки), но не целое (пусть даже целого ты ещё и не создал, оно как-то намечается).

Прости, если огорчил тебя резкостью или тем, что может показаться тебе непониманием.

Помни, что ты всегда во мне — как человеческая мера, которой я пове-рен, — правильно ли я думаю и решаю.

Обнимаю тебя.

Дима”.

...Кожинов высоко ценил работу Викулова в “Нашем современнике” и был очень рад, видя, что Сергей Васильевич привлёк в журнал лучших прозаиков и очеркистов из “Нового мира”, выстраивая совершенно иной, не похожий на другие издания журнал, в основе которого были произведения авторов из русской провинции — маститые и молодые. Открывалась совершенно новая страница в истории русской журналистики, русской литературы.

В то же время он часто выражал недовольство избыточной (как ему, да и не только ему, казалось) осторожностью главного редактора и его неспровоцированными вмешательствами в тексты собственных работ критика.

(Пройдут годы. История “Нашего современника” во многих сочинениях станет намеренно уродоваться и извращаться, вплоть до того, что один из его бывших работников издаст мемуары, в которых будет написано буквально следующее:

“Викулов настойчиво проводит исключительно деревенско-некрасовскую тему, о других и слышать не хочет: вот уныло бредут из номера в номер одни и те же авторы — Ольга Фокина да Станислав Куняев, иногда прорвётся кто-нибудь из молодых или найдут неизданного Рубцова... Вот, пожалуй, и всё поэтическое меню...”

Между прочим, в “Нашем современнике” постоянно — большими подборками — печатался Владимир Соколов. Находилось там место и для Евгения Евтушенко. Ольга Фокина печаталась часто, но не чаще раза в год. Что же касается Станислава Куняева, то в журнале время от времени печатались его статьи, получавшие широкий отклик, но до 1980 года к этому времени мемуарист уже давно не работал в этом издании — Викулов не напечатал ни одной его поэтической строки).

История и современность сплетались у Кожинова в единое неразрывное целое.

Он работал над книгой о русской лирической поэзии, используя все прежние наработки и подготовительные материалы, публиковавшиеся ранее отдельными статьями. Думается, неожиданным для многих читателей стало выявление лирико-поэтического характера таких памятников древнерусской литературы, как “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, “Слово” Кирилла Туровского или “Слово” Даниила Заточника. И эти творения, и творения Серапиона Владимирского, Епифания Премудрого, послания и письма Аввакума (не говоря уже о “Слове о полку Игореве”) Кожинов безусловно отнёс к лирической поэзии, определив их как “стихотворения, хотя и очень ещё далёкие от современной стиховой культуры”, обозначив прямую связь между ними и одами Ломоносова и Державина, “которые, в свою очередь, непосредственно подготовили рождение таких великих лирических стихотворений, как пушкинский “Пророк” или тючевские “Два голоса”...” Вернувшись к своей излюбленной теме “русского Ренессанса”, он отдельно выделил “ренессансную лирику” в конце XVII — начале XIX века, отдельно остановившись на вопросе так называемого “отставания” русской культуры от культуры европейских стран, подчеркнув, что “речь должна идти не об “отставании”, но о *неравномерности* развития различных народов, обусловленной

сложнейшими географическими, историческими и иными факторами”. И, наконец, сказал о лирике XVIII века (не читаемой практически никем, кроме специалистов), что она “открывает чуткому и упорному читателю настоящие сокровища”, приведя в пример никому не известные строки Ивана Баркова, “поражающие своим раблезианским размахом”, и Петра Словцова.

Он совершенно по-новому написал о поэзии пушкинской эпохи, в частности, о лирике самого Пушкина, где “искусность и естественность неразделимы”. И самое главное: “... создание национального классического стиля в лирике — это менее всего *формальное*, так сказать, техническое достижение. Речь идёт об *осуществлении* зрелого поэтического самосознания нации и личности в их органическом единстве... в ренессансном искусстве воплощается необъятная и многосторонняя полнота бытия и даже в зрелище безысходной трагедии, в образе духовного отчаяния проступает бездонность и неисчерпаемость жизни, ибо ренессансный художник видит её в целом”.

Настоящим открытием стала для читателя “тютчевская школа”, контуры которой были намечены, как справедливо заметил Кожин, ещё у Тынянова, но это наблюдение было, по сути, обесценено “чисто “опоязовским” толкованием самой закономерности рождения новой школы” и совершенно непропорциональным противопоставлением Пушкина и Тютчева, о чём Кожин писал ещё ранее. Он заново открывал здесь позднюю поэзию Фёдора Глинки, Степана Шевырёва, Алексея Хомякова, Петра Вяземского. А в главе, посвящённой лирике Некрасова и Фета, читателя ждало ещё одно открытие: “лирическая поэзия 1850-х годов сыграла огромную и необходимую роль в становлении романа... Русские романы эпохи величайшего расцвета этого жанра предстают как своего рода романы-поэмы, в основе которых лежит принципиально поэтический замысел”... И далее пошла речь об очевидной непропорциональности “разделения” лирики Некрасова и Фета, о противопоставлении одного поэта другому, о совершенной несостоятельности попыток отнести поэтическое творчество Фета к “чистому искусству”: “... воплощённый в ней (поэзии Фета. — С. К.) размах личностной мысли, чувства воли, без сомнения, обусловлен характером социально-исторической эпохи — точно так же, как обусловлены ею грандиозные художественные “личности” Пьера Безухова или Ивана Карамазова”...

Впрочем, о собственно поэзии Некрасова и главу “Лирика “безвременья” (конец века) написала супруга Вадима Валериановича Елена Владимировна Ермилова (она изучала поэзию конца XIX века более пристально, чем её муж, и написала подробно, вдохновенно, вдумчиво и стилистически абсолютно гармонично вплела эту главу в книгу). Кожин же перешёл к разделу “Поэтический стиль как освоение мира”. Этот раздел “обнимал” развитие русской поэзии за семь десятилетий XX века.

Именно этот раздел и был изъят из книги, готовящейся к выходу в издательстве “Современник”. Изъят не цензурой, а редакторами. В первую очередь, собственно назначенным редактором Леонидом Асановым.

Думается, что Леонид Николаевич (поддержанный главным редактором Валентином Сорокиным и директором издательства Юрием Прокушевым) сделал это по принципиальному несогласию со многими утверждениями Кожина. “Для поэзии авангардистского склада революция нередко представляла как своего рода геологический катаклизм, всецело уничтожающий самую почву, нарастившую тысячелетним бытием русского народа.”... “Пафос всеобщего тотального разрушения для А. Белого — не просто поэтический приём; он составляет основу самого отношения к миру, самого поведения поэта...” “В зрелом своём творчестве почти все большие поэты эпохи так или иначе, раньше или позже преодолевают авангардистские тенденции в сфере поэтической формы... Одно дело — просто выразить, дать мгновенный отпечаток катастрофического облика мира, другое — действительно освоить его поэтически, т. е., в частности, эстетически, преодолеть хаос и распад...” “Объект” ранней поэзии Заболоцкого — не “косный” быт, а быт взорванный, быт накануне и в момент его крушения... Стихи Тихонова, Прокофьева, Луговского, написанные в это время, несут на себе печать взорванного быта, новой ломки самих основ жизни...” “Неожиданное “воскресение” поэзии Анны Ахматовой в 1940 году говорит о многом. И дело даже не в ценностном уровне её поэзии (я лично полагаю, что ценность творчества Ахматовой сильно преувеличена за последнее десятилетие), но в стилевой тенденции... Для меня несомненно,

что в канун войны зрелая поэзия Ахматовой — пусть она звучала в ином регистре — встала по сути дела в тот же стилиевой ряд, что и поэзия Твардовского и Исаковского, в известном смысле “отрицающая” поэзию 20-х годов”. . . “Коренная эволюция в поэтическом стиле Пастернака сплошь и рядом истолковывается как результат давления догматизма. На самом же деле была внутренняя и органическая эволюция”. . . “К середине 30-х годов разрушение старого было доведено до конца, и на первый план в самых разнообразных формах выдвигается проблема созидания, которое немислимо без определённой преемственности, традиции, почвы” (далее следовала цитата из выступления Ивана Катаева, поминавшего в 1936 году людей, которые упоминание о русском искусстве, живущем в своих национальных формах, “заклеймили бы как проявление народничества, славянофильства, русофобства или пустили бы в ход ещё более крепкие слова”). . . По-своему замечательно прозвучала цитата из письма Михаила Кульчицкого, опубликованного десятилетиями ранее: “Тихие лирики ополчились. Но перевес пока на нашей стороне. . .” с последующим комментарием: “Для Кульчицкого и его соратников выход книги Ахматовой, конечно, не был событием, и они не могли восторженно отнестись к перелому в творчестве Пастернака”. . .

Можно и далее приводить не менее “вызывающие” по тем временам фразы из заключительной части кожиновской книги. Всё это вместе взятое представлялось совершенно неприемлемым ни для редактора, имевшего свой взгляд на развитие русской поэзии двадцатого века и эволюцию её отдельных представителей, ни для издательского начальства, потребовавшего у Кожина кардинальных изменений текста. Вадим Валерианович категорически отказался что-либо менять, в результате его сочинение вышло в свет без последнего раздела под общим названием “Книга о русской лирической поэзии XIX века”.

“Наш современник” откликнулся на неё содержательной рецензией Анатолия Пикача “Второе рождение слова”.

Книга эта, писал критик, “о поэзии минувшей, но держит в уме и сиюминутные её заботы. Ведь в нынешних жарких дискуссиях о ней голос Кожина — один из самых ведущих. Он любит спорить. И спорить любит с ним. В этих спорах, если взглянуть объективно, как-то уж очень смешиваются вещи принципиальные и обоюдомелочные. Когда в ходе одного из них молодой поэт и критик, поклонник Вознесенского, стал навязывать Кожину свои вкусы, мне стало неловко. Стоит ли отбирать друг у друга право на самостоятельное суждение? Стоит позаботиться о другом. О глубинной основательности и обоснованности собственной эстетической позиции. Здесь и соглашаться, и спорить интереснее. Новая книга Кожина и ведёт к объяснению этой глубинности. Если в оценке современной поэзии он неизменно возвращается к проблеме традиций, то здесь разговор пошёл с другого конца — от корней.

Главная и принципиальная мысль — о русском Ренессансе, в Пушкине и его эпохе запечатлённом. Мысль для многих спорная, а на мой взгляд, глубоко верная и плодотворная. . .”

А раздел “Поэтический стиль как освоение мира” вошёл в изданную через два года в издательстве “Советская Россия” книгу “Стихи и поэзия” (у редакторов этого издательства не возникло к разделу никаких вопросов), которая, по сути, стала немного сокращённым переизданием книги “Как пишут стихи” с добавлением совершенноного в своём роде разбора стихотворения Пушкина “Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы”, где Кожин сформулировал свою главную мысль, варьируя им в различных работах:

“Возвышаясь до творчества, поэт создаёт мир своего произведения как суверенный организм, который обладает собственной жизненной силой. Этот поэтический мир есть как бы мельчайшее подобие объективного мира жизни и природы. Любое слово, выражающее мысль и чувство, есть только сообщение о чём-то отдельном и ограниченном. А истинно поэтический мир устремлён к безграничному, бесконечному; он есть художественное инобытие всей цельности бытия”.

Эту же мысль он внушал, опираясь на русскую поэтическую классику, ребятам из поэтической студии “Красная Пресня”, с которыми начал заниматься в это же время. Читал им “нехрестоматийные” стихи Пушкина и Тютчева и убеждался в том, что ребята, неплохо знающие современную поэзию, совершенно не знают классиков и путают поэтов не только одной эпохи,

но и различных временных слоёв. А ведь писал и неоднократно повторял устно: "...Овладение классикой является, по моему убеждению, одним из необходимых и существеннейших условий рождения поэта... Читатель, не переживший всем существом классическую поэзию, никогда не сможет действительно понять и оценить поэтов своего времени". И, отмечая появляющиеся талантливые стихи совсем молодых – Владимира Урусова, Петра Кошеля, Галины Умывакиной – не мог, говоря о современной молодой поэзии в целом, не отметить прискорбного факта: "Сейчас сплошным потоком публикуются "добротные" стихи "классического" склада, слегка усложнённого теми или иными приметам поэзии XX века, но стихи явно пустые и безжизненные... Стихи современных молодых поэтов сплошь и рядом почти лишены жизненных корней, почти целиком исходят из поэзии предшественников... Речь идёт об эпигонстве по отношению к предшествующей поэзии вообще, в целом".

Тогда же в печати стали появляться статьи, авторы которых предъясняли Кожинovu весьма своеобразные претензии. В "Литературном обозрении" Кожинova упрекали в том, что у него "обо всём существует мнение, суждение, представление, не совпадающие с традиционными и, как правило, призванные их опровергнуть; всё увидеть заново, по-новому, на особицу". То, что могло звучать только похвалой, изображалось как порок. И Вадим Валерианович дал свой весьма тактичный, но твёрдый ответ: "Если литературовед не способен сказать нечто новое, ему просто не следует заниматься литературоведением, ибо в противном случае он вообще может научиться отличать чужое от своего".

Этот упрёк в открытой печати был ещё весьма дипломатичен. За спиной раздавались реплики, далёкие от всякой дипломатии. В 1976 году в "Литературной газете" появился диалог Кожинova с Давидом Самойловым под характерным заголовком "Парадоксы традиции". В этом диалоге Кожинov говорил, что "настоящее продолжение традиций чаще всего неразрывно связано с воскрешением как раз того, что, казалось бы, безвозвратно ушло в прошлое. Начало XX века, например, – эпоха несомненного "новаторства". Но стоит взглядеться, и мы ясно увидим, что одновременно происходит активнейшее воскрешение стихии древнерусской культуры... Я думаю, что для любого плодотворного рывка вперёд художник должен оглянуться, чтобы увидеть и понять само **направление** развития культуры и правильно продолжить его. Иначе он не будет знать истинного направления развития культуры".

Самойлов не пожелал согласиться с подобным пониманием традиции, квалифицировав её как стилизацию и переводя разговор в другую плоскость и на рельсы своей терминологии: "Я убеждён: если художник самостоятелен – эта самостоятельность снимает любой вопрос о похожести... Не лучше ли поэтому говорить не о традиции, а о **преемственности**?"

"Нисколько не лучше! – парировал Кожинov. – Во-первых, зачем же следование традиции понимать как подражание, как стилизацию? А во-вторых, термин "преемственность" предполагает, что поэт берёт, так сказать, лиру непосредственно из рук предшественника. Но так бывает далеко не всегда. И та же живопись начала XX века воплощала в себе не "преемственность", а творческое возрождение древней культуры... В этом смысле очень точно замечание Ахматовой: традиция – это прошлое, переходящее в будущее".

Диалог был весьма эмоциональный, но вполне культурный и взаимоуважительный по сути. И каково же было Вадиму Валериановичу через много лет прочесть дневниковую запись Самойлова того же года:

"Диалог в "Литгазете" с Кожиновым. Он энергичный, честолюбивый, ненавистник не по натуре, а по убеждению. Всегда ощущение от его высказываний, что за ними таится ещё что-то – грубое, корыстное, тревожное и непрошибаемое. Всё та же банальная палиевщина: чтобы идти вперёд, надо оглянуться назад..."

Естественная мысль, многократно озвученная на протяжении отечественной истории, объявлялась "банальной палиевщиной" (Палиевского после его статей о Шолохове и Булгакове не задеть "приличному человеку либеральных убеждений" было уже невозможно!). И – устойчивое подозрение, что Кожинov говорит на самом деле не то, что думает, – к этому времени начавшаяся активно распространяться в соответствующем кругу...

В это время в отечественной печати появилось произведение, всколыхнувшее всю читательскую публику.

Это была повесть Юрия Трифонова “Дом на набережной”, опубликованная в 1-м номере журнала “Дружба народов” за 1976 год. Время – конец 1940-х. Место действия – педагогический институт. Сюжет – изгнание из университета профессора Ганчука, ярого бойца за чистоту марксизма, в судьбе которого определяющую роль под воздействием страха и с непреходящим ощущением собственной подлости играет студент Вадим Глебов.

Эта повесть о событиях тридцатилетней давности тут же стала культовой среди отечественной интеллигенции – как художественное воплощение “подлинной правды” о том времени, которому ещё оставались многие и многие живые свидетели. Публикация её мгновенно стала сенсацией. Как всегда бывает в подобных случаях, это событие сопровождалось разными рода слухами. Говорили, что “добро” дал “сам” Михаил Суслов. Тут же начались разговоры о том, что номер журнала в библиотеках “не рекомендовано выдавать” (ни одного подобного подтверждённого факта не было, хотя получить журнал на руки было непросто – его читали нарасхват).

Внимание Кожина на сие произведение обратил Пётр Палиевский, присокупив к своей рекомендации “непрерменно прочесть” бросившееся ему в глаза совпадение многочисленных коллизий с коллизиями давно забытого трифоновского романа “Студенты”. Невозможно было “зацепить” Кожина глубже. Статья “Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова)” была написана в считанные дни и была отослана в петрозаводский журнал “Север”.

Почему не в один из московских журналов? Очевидно, эта статья обошла не одну редакцию, но нигде не решились её взять. И из “Севера” Кожин получил письмо от высоко ценимого им критика Ивана Рогощенкова, заведующего отделом литературной критики:

“Дорогой Вадим Валерианович!

Стало быть, как я уже говорил Вам по телефону, надо дать в статье оценку – кратко – лучших вещей Ю. Трифонова (написать “о достоинствах творчества Ю. Трифонова – для объективности и справедливости” – как сказано в одной из рецензий на Вашу статью (очевидно, “внутренних” рецензий. – С. К.); ещё надо снять резкости и выпады, относящиеся к личности самого писателя (или кажущиеся таковыми); что-то надо сделать с “автобиографическим” пластом статьи – не знаю, что, но так – не хорошо (доцент Б. и другое); как-то отзовитесь на разговор о “Доме на набережной” в “Литературном обозрении” и, может, в других изданиях; хорошо бы покороче о “Студентах”... Замечания частные – на полях рукописи – высылаю Вам.

Счастья Вам и успехов – Вам и семье Вашей, хорошей работы над Тютчевым”.

По этому письму можно понять, что редакторы опасались резковатого тона статьи и старались “не задеть” маститого прозаика, тем более что кожиновское “возвращение” в конец 1940-х годов представлялось многим неоправданным и не вполне безопасным.

...Через год статья в своём изначальном виде появилась в академическом литературно-теоретическом сборнике ИМЛИ “Контекст”.

Опираясь на труды Бахтина, Кожин сосредоточил своё внимание на анализе голоса автора в обеих повестях Трифонова.

“... Голос автора так или иначе всегда выражается в произведении (нередко даже помимо воли самого автора), ибо он представляет собою необходимую художественную объективацию автора, без которого вообще невозможно произведение.

В чём отличие “художественного” автора от реального? Прежде всего, в высшей ответственности суждений и оценок. Предельная ответственность как бы диктуется той исключительной свободой, которую предоставляет сфера художественного творчества. Во всех сферах реальной жизни уникальная свобода требует величайшей ответственности; иначе она теряет свой смысл.

Даже небольшая доза лжи, фальши, легкомыслия здесь нетерпима, автор, как и всякий человек, ограничен сетью практической необходимости. Его высказывания неизбежно подчиняются созданной не им жизненной ситуации.

Между тем художественный мир произведения создаёт он сам, по своей свободной воле. Но именно эта дарованная искусством уникальная свобода требует величайшей ответственности, иначе она теряет свой смысл. Даже небольшая доза лжи, фальши, легкомыслия здесь нетерпима”.

Руководствуясь этим критерием, Кожинов и приступил к рассмотрению трифоновских повестей, положив в основу своего анализа “проблему изменения, развития автора (и, конечно, воплощающего его голоса автора) на протяжении творческого пути писателя и, соответственно, “изменения его отношений к создаваемым им образам”.

Эта проблема не была для Кожинова сугубо теоретической. Слишком живы до сих пор в его памяти были события конца 1940-х в Московском университете. Слишком памятен восторженный шум той поры вокруг трифоновских “Студентов”, которые ныне воскрешены (с обратным авторским знаком) в сопровождаемом не меньшим шумом “Доме на набережной”.

И разбирая эти произведения, прослеживая эволюцию и образа, и голоса автора за три десятилетия, Кожинов приходит к непреложному выводу: “давняя повесть с несомненностью присутствует в теперешней”. Притом, что деяние Вадима Белова (героя “Студентов”) автором целиком и полностью одобрялась, тогда как деяние Глебова (героя “Дома на набережной”), без всякого сомнения, порицается. . . Но в том-то и суть, что в кульминационные моменты повести образ автора “устраняется” из неё, а голос исподволь заглушается – определяющим становится голос героя, Вадима Глебова, который воспринимает обращение к нему Марины Красниковой с требованием защиты изгоняемого преподавателя как “террор”.

“Голос автора существует здесь в конце концов как бы только для того, чтобы со всей полнотой воплотить позицию Глебова и донести его слова и интонации. Так именно и только Глебов создаёт образ Красниковой. И этот малоприятный образ никак не корректируется голосом автора, хотя в остальном повествовании голос этот достаточно внятен”.

Окарикатуривание (пусть даже в восприятии главного героя) защитников изгоняемого преподавателя не могло не возмутить Кожинова до глубины души. В памяти сама собой всплывала сцена похода в учебную часть с целью защитить увольняемого Абрама Белкина. . .

Против него (тут Кожинов перешёл к личным воспоминаниям) “ополчились люди, весьма похожие на героев “Дома на набережной” – Дороднова, Друзяева и аспирант Ширейко. Впоследствии “наши” Дороднов и Друзяев – как и герои повести – куда-то “исчезли”, но “наш” аспирант Ширейко в конце концов выплыл и даже издал невежественную и, более того, нелепую книжку об одном забытом русском мыслителе прошлого века, ставшую на некоторое время очень модной в среде “интеллектуалов” (имеется в виду книга Александра Лебедева о Чаадаеве. – С. К.).

Но если гонители Ганчука очень похожи на своих реальных прототипов, то Марина Красникова ничем не напоминает защитников доцента Б. Даже если отвлечься от иронической или, вернее, издевательской интонации глебовского голоса, изображающего Красникову, всё равно её образ недостоверен. Защитники критикуемых в те годы преподавателей отнюдь не принадлежали к заядлым “активистам”; это были люди, прежде всего, всерьёз увлечённые литературной наукой, а не всплесками “общественного темперамента” . . .”

Не говоря уже о том, как отметил Кожинов, что “в повести нет и намёка на то, что рядом с друзяевыми и ганчуками на филологических факультетах преподавали тогда и уже названные выше выдающиеся литературоведы – и, скажем, М. М. Бахтин, С. М. Бонди, Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачёв, М. М. Морозов, А. Г. Скафтымов, А. А. Смирнов, А. В. Чичерин и многие другие. Они не имеют ровно никакого отношения к друзяевым и ганчукам. . . Нельзя не заметить, что в повести, по сути дела, искажено реальное положение тогдашнего литературоведения. . . Если бы в “Доме на набережной” – хотя бы даже на втором плане – возник образ литературоведа того типа, о котором я говорю, еклезиастическая тональность голоса автора была бы полностью подорвана”.

“Екклезиастическая тональность” возникает опять же в голосе постаревшего Глебова, слышащего от состарившегося Ганчука сожаление, что он сам когда-то “не успел добить” изгнанного его Дороднова. “Значит, всё, что делалось, всё было правильно”. Таков результат четвертьвековой эволюции голоса автора, заключает Кожинов. “Для того чтобы эта “эволюция” стала

по-настоящему плодотворной, необходимо было сознательно и открыто... не щадя самолюбия, преодолеть прежний голос, расщепиться с ним... Искусство требует от автора и, конкретной, от голоса автора в произведении величайшей ответственности. Недопустимо, в частности, хоть в какой-то мере забывать обо всём пути писательской деятельности, об его вехах и поворотах. В деятельности писателя, как и в самой жизни, ничто не проходит бесследно. И в голосе автора — как и в голосе жизни — неизбежно остаются отпечатки всего испытанного”.

В голос Кожина, обычно сдержанный, спокойный, Кожина, не позволяющего себе в письменной речи никаких повышенных эмоций, вплелась непривычная жёсткая нота. Это вполне объяснимо, если учесть, насколько близко коснулась его выбранная писателем тема и сам по себе трифоновский “поворот” в её воплощении (“Студенты” и “Дом на набережной”) — это как бы две партии в одной и той же “игре”, но, так сказать, с разными козырями”).

Любопытно, что сразу после появления статьи в “Контексте”, “за бугром” в журнале “Континент” также появились достаточно симптоматичные отклики на трифоновскую повесть, в том числе и со ссылками на кожиновское сочинение:

“За институтскую дипломную работу сыну врага народа присуждена Сталинская премия! По-моему, незаурядное событие. И повесть, общий тираж которой — только на русском языке — достиг миллиона экземпляров, не зря была так высоко оценена... Четверть века спустя Трифонов “переписал” этот сюжет, получился “Дом на набережной”. Однако “Студенты” ведь никуда не исчезли. Вадим Кожин, первым, насколько мне известно, параллельно разобравший “Студентов” и “Дом на набережной”, пишет: “Повесть — (“Студенты”. — М. Jl.) — сама стала чрезвычайно весомым фактором в той самой “литературной ситуации”, которая воссоздана в “Доме на набережной”, и играла роль довольно сильного оружия в руках друзей и ширейко. Доктора, о котором я рассказывал выше, изгоняли из университета уже после выхода “Студентов”, и “наши” друзья и ширейко называли его “Козельским”...” Злорадно Кожин отмечает и почти абсолютное тождество гонимых и гонителей в “Доме на набережной”. Цитируя фразу Ганчука: “А знаете, в чём ошибка? В том, что в двадцать восемь лет мы Дороднова пожалели. Надо было добить”, Кожин пишет: “Ганчук и Дороднов — всего лишь пауки в банке”. “Таков результат четвертьвековой эволюции... — резюмирует Кожин. — Это в “Студентах” он по молодой ещё наивности был на чьей-то стороне... а теперь неизмеримо выше всех этих пустых страстей”. Кожин пытается уличить Трифонов, дискредитировать его — у Вадима Кожина и компании свои заботы, мы не будем сейчас этих дел касаться, — но наблюдения его, по существу, верны. Речь, правда, только не о “пустых страстях”, а об остервенении, с которым рвут друг друга эти человекообразные существа — “пауки в банке”, — терзают друг друга, но одновременно и втягивают с безразличной жестокостью в эту оргию людей...”

Именно как “дискредитация Трифонова” была воспринята кожиновская статья “приличным сообществом” и в отечественных пенатах. Наталья Иванова в книге о Юрии Трифонове заявила, что Кожин, вопреки Бахтину, смешивает автора-творца и автора-человека, судя по всему, просто не вчитавшись в кожиновские рассуждения о голосе автора и его эволюции. Раздавались и вовсе анекдотические утверждения, что Кожин вообще отрицает возможную эволюцию взглядов писателя. Дальше — больше. В недавней статье, опубликованной в журнале “Звезда”, автор задавался вопросом — почему же сам Кожин не вспоминал о своей собственной эволюции? — и приводил, как ему казалось, “убойный аргумент” в подтверждение своей мысли о ненависти Кожина к “рефлексирующему интеллигенту”:

“К ситуации с “Домом на набережной” Кожин подошёл, чётко просчитав, на какие конкретные болевые точки сознания интеллектуальной среды надо надавить, чтобы достичь своей цели. Обоснованное отторжение у интеллигенции 1970-х годов вызывал конформизм — вот и попытался автор статьи о Трифонове с помощью своих манипуляций и подтасовок представить склонность писателя к рефлексии как... проявление полярно противоположного её духу приспособленческого сознания”. Дошло до того, что один автор заявил, что прототипом Глебова в “Доме на набережной” явился как раз... Кожин.

Совершенно иначе через много лет оценил выступление Кожинова “спровоцировавший” его тогда Пётр Палиевский:

“Например, его статья о Трифонове. Когда она явилась, один молодой человек, ныне известный профессор, печально произнёс: “Ну вот, ещё один хороший русский писатель уничтожен...” Уничтожен Трифонов, конечно, не был, но статья дала матрицу, модель для распознавания “хороших русских писателей” самого широкого спектра. Вы можете приложить её к какому-нибудь установившемуся мэтру и вдруг разглядеть те же изумительные черты... Выступление Кожинова позволило увидеть всю подобную деятельность, расплывшуюся в верхних слоях общества, как некую людскую модель, по которой удалось извернуть “развитый социализм” в недоразвитый когда-то капитализм. Неопровержимые свидетельства статьи Кожинова будут служить всякому желающему разобраться в проблеме ещё очень надолго”.

Это оценки поздних времён. А тогда многие и многие восприняли статью “Проблема автора и путь писателя” как покушение на “священную корову” отечественной интеллигенции. И такого рода покушений на кожиновском веку будет ещё более чем достаточно.

Одно из них было связано, опять же, с Юрием Трифоновым. В 1978 году вышла его новая повесть “Старик”, где фактически совершенно по-иному были оценены события, прежде описанные им в повести “Отблеск костра”. И с голосом автора происходит примерно то же, что и в “Доме на набережной”. При этом авторский голос вплетается в голос героя – Павла Евграфовича Летунова, вспоминающего и 1917 год, и красный террор в донских станицах, и расстрелянного Мигулина, прототипом которого стал Филипп Миронов. “И от мрака, и от бесов, и от ангелов в каждом... Кто я такой в августе семнадцатого? Сейчас, вспоминая, не могу ни понять, ни представить себе отчётливо... Я был мальчишка, опьянённый могучим временем. Нет, не хочу врать, как другие старики, путь подсказан потоком – радостно быть в потоке – и случаем, и чутьём, но вовсе не суровой математической волей. Пусть не врут! С каждым могло быть иначе”... В этих рассуждениях, казалось бы, героя влечёт к пресловутой “середине”, уничтожавшейся как “красными”, так и “белыми”.

Позднее Кожинов подметил, что в “Старике” была своеобразно переписана ранняя вещь Трифонова – “Отблеск костра”. Об этом же, по сути, писали, опять же, в зарубежном “Континенте”:

“Подобный пример этой аморальной “забывчивости” был и в романе Трифонова “Старик”. На склоне жизни Павел Евграфович Летунов озабочен спасением памяти командарма Мигулина, мучается воспоминаниями о несправедливости, которая была в отношении него допущена, собирает папку “Всё о Мигулине” и не понимает, не помнит начисто, что сам был одной из сил, погубивших Мигулина. “. . . добрейший Павел Евграфович в двадцать первом на вопрос следователя, допускает ли он возможность участия Мигулина в контрреволюционном восстании, ответил искренно: „Допускаю“, – но, конечно, забыл об этом; ничего удивительного: тогда так думали все или почти все; бывают времена, когда истина и вера сплавляются нерасторжимо, слитком, трудно разобраться, где что...” Прототип Мигулина – Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921) – упоминается Трифоновым ещё в романе “Отблеск костра”. Этот незаурядный человек, командарм 2-й Конной, доблестно сражался, был награждён, а затем репрессирован и “ликвидирован” ещё при Ленине. Чтобы восстановить доброе имя командарма, историю его боев, десятилетиями бились многие оставшиеся в живых мироновцы. Все сохранившиеся, тщательно собранные материалы они вручили писателю Трифонову, сыну Валентина Трифонова, бывшего при Миронове политическим комиссаром. Они надеялись, что сын, в отличие от отца, сумеет подняться над обстоятельствами времени, высветит трагическую судьбу Миронова, скажет всю правду. И что же? С одинаковой размытой “беспристрастностью” говорит автор и о расстреле юного грабителя Сашки Бедемеллера, и о гибели вожака донского казачества, легендарного Миронова. “Я не хочу ничего разжёвывать или объявлять моральный приговор, – так объяснял свою позицию Трифонов. – Эту работу должен сделать читатель. И потом, мы ведь о людях в жизни выносим обычно неоднозначное мнение. Одни оценивают человека так, другие иначе...” Но авторское отношение существует всегда, от него не уйдёшь. Авторское сочувствие или неприязнь неизбежно проявятся – в сюжете, диалогах,

интонациях. Так и Трифонов не может скрыть от нас явной ностальгии по ушедшему, отодвинутому революционному “истеблишменту”, к которому сам принадлежал по рождению. Симпатии его неизменно на стороне революционеров-ленинцев, пострадавших в 1937-м. Все страдавшие и погибавшие до этого — не в счёт: “бывают времена, когда истина и вера сплавляются нерасторжимо, слитком, трудно разобраться, где что...” Трифонов против наглых, вторгающихся в жизнь, нахрапистых флоринских, и ему очень не хочется, чтоб их путали с чистыми идейными “комиссарами в пыльных шлемах”. Признаться, современный читатель не слишком разделяет авторскую боль и горечь; существеннее, однако, другое: на чьей стороне был бы автор в конфликте безупречного комиссара В. Трифонова и “анархистствующего” самородка Миронова? Похоже, пиши Ю. Трифонов “Тихий Дон”, для него главным героем, предметом сострадания и любви был бы не Мелехов, а Кошевой... Начал он свой литературный путь романом “Студенты”, удостоенным Сталинской премии за 1950 год, когда кампания борьбы с космополитами достигла апогея. Роман вышел в “Новом мире”, сопровождаемый эскортом статей, — “Оруженосцы космополитизма”, “Эпоха в кривом зеркале” (о романе К. Гамсахурдиа “Давид-Строитель”), “Проповедник космополитизма. Нечистый смысл чистого искусства Александра Грина” и т. п., — да и сам дебютант не уклонился от схватки: его отрицательный персонаж, профессор Козельский, “формалист” и “низкопоклонник” (определения автора. — **Н. К.**), изгоняется из института за апологетику Достоевского; герой положительный, будущий писатель, а пока студент Вадим Белов подкладывает в костёр, к ногам учителя свою охапку хвороста: “Этот Достоевский, которого народ не понимал и не поймёт никогда”... Много лет спустя, в беседе с критиком А. Бочаровым, зрелый мастер признался: “...теперь я такой книги бы не написал”. А теперь такого и не требовалось, теперь были в цене “ленинские нормы жизни”, “преимущество поколений”, “священные традиции отцов”, “комиссары в пыльных шлемах”... Обогадив на заре своего писательства русскую литературу борьбой с инакомыслием, Юрий Трифонов целиком отдался революционной ностальгии. И эта ностальгия, владевшая им до последнего дыхания, обозначила потолок, выше которого большой талантливый писатель так и не смог подняться...”

Совершенно иначе, со своей колокольни, оценил появление “Старика” Сергей Семанов. В дневнике 1978 года он записал:

“Странную вещь издал Ю. Трифонов: “Старик”. В чистом виде контрреволюционное сочинение. Даже антисемитизм очевиден, т. е. изображение злых евреев-комиссаров, которые проводят расказачивание. Это он с опасным заигрывает. Ну, и полное разочарование в революции как в образе положительной жизни вообще. Обычное забегание вперёд: да, революция ужасна, да, были плохие еврей-комиссары, не нужно насилия, вы же видите, к чему это приводит?!... Иначе: не трогайте нас. Опасаются, и думаю, что не напрасно”.

И снова заглянем в “Дневник” Давида Самойлова. И прочтём в записи, датированной 3 июля 1978 года:

“Бестселлер — “Старик” Трифонова. Допущен: ввиду бездарности. Там сказано только то, что сказано.

Другая сенсация — “Венец” Катаева. Апология подлости.

В Москве, говорят, давят на выставке Глазунова. Это одна из самых гнусных мафий”.

“Алмазный мой венец” Катаева стал новой литературной сенсацией — беллетризованные воспоминания о литературной жизни 1920-х, где каждый из известных писателей фигурировал под придуманной кличкой (“Ключик”, “Королевич”, “Птицелов” и т. д.) опубликовал “Новый мир”. Многие начитанные люди приходили в ярость при чтении, видя нарочитое искажение писателем исторических фактов и изображённых личностей, другие говорили, что имеет право, — это же не собственно мемуары, а художественное произведение (тут волей-неволей вспоминались “Петербургские зимы” Георгия Иванова и “Роман без вранья” Мариенгофа).

Любопытно сопоставить самоеловские записи с записями Семанова на те же темы:

“Был на выставке Ильи. Цели он достиг, может любоваться хвостом вокруг Манежа, такое нечасто увидишь, это точно. И всё же... Пошлостью это отдаёт всё, наглой пошлостью. Изобразил “семейный портрет”, например: он

молодой юноша-красавчик, супруга – тоже юная красавица, детки – ангелочки, и всё на роскошной зелёной полянке, а вдали, натурально, церковь. Жуков – молодой витязь с нахмуренным челом, не гнётся под грозой, а вдали – разумеется! – одинокая церковь... Есть для увлечения публики и “русская Венера” – голая фигуристая девица с мордашкой типичной новоарбатской шлюхи... И потом этот антисоветский, точнее, антикоммунистический душок так не нужен сегодня. “Наша лифтёрша” – тупая русская старуха злобно косятся на зрителя (КГБ!), а из ящика торчат чёрные шрифты “Правды”, “Известий” и т. п. (КПСС!). Есть та же двусмысленность и в “За ваше здоровье”. А вот “Блудный сын”, вызывающий наибольший интерес, хорош: не просто к Христу возвращается патлатый, а к русскому православному прошлому, где на первом плане всё же Суворов, а там и Пётр есть. Они-то “христианства” вообще ничуть не боятся. А вообще-то пусть привлекает внимание. В любом случае Глазунов лучше Шагала...

...Далеко рассчитанная провокацией являются новые воспоминания, где Катаев хочет повенчать Есенина и Булгакова с собой, Багрицким и пр., обязательно подмазав чужих (Есенин – забулдыга и дурачок, Булгаков – явный сатанист). А для приманки играет в контру (Москву разрушили... как хорошо было при нэпе, а до революции ещё лучше!..) Это наперсник мемуаров Эренбурга, но те были важнее, ибо наступательнее, решительнее и смелее; здесь же явное отступление, попытка обороны с выпадами...

Надо сказать, что дневник Семанова изобилует весьма размашистыми характеристиками своих современников (он сам потом писал, что “время было горячее, а автор тогда был весьма крут. Перечитывая четверть века спустя, с болью вижу резкости в оценках людей и событий, несправедливости и даже напраслину. Скорблю об этом, “но строк печальных не смываю” – не мною сказано”). При этом важно учесть: дневник этот вёлся в период главного редакторства Сергея Николаевича Семанова в журнале “Человек и закон”, учреждённом Министерством юстиции СССР и выходившем тиражом 3 миллиона 300 тысяч экземпляров. Семанов был (и ощущал себя) государственным человеком, находящимся в переднем окопе идеологической борьбы.

“Моим “оптимизмом” наши оголтелые были недовольны... но я попал правильно: нельзя ныть и скандалить, нужно мягко уговаривать и склонять на свою сторону власть. Скандал здесь худший метод. И петь: “Россия погибла!” – тоже ни к чему, ибо народ любит сказки с хорошим концом...”

Говорили с Олегом (Михайловым), я сказал (и он согласился), что мы делаем сейчас то, что должны делать десять лет назад, сказал: мы всё время догоняем самих себя и всё не можем догнать...

Раньше “Н<овый> м<ир>” пытался свалить власть с помощью “общественности” слева; прежняя “М<олодая> г<вардия>” попыталась воздействовать справа. Теперь обе стороны одновременно поняли, что нужно попытаться говорить от имени власти... И это наша центральная задача, она только проявляется, мало кто понимает, многих по-прежнему заносит в оппозицию...

Был у Ганичева (В. Н. Ганичев тогда возглавлял издательство “Молодая гвардия”. – С. К.)... Он с восторгом принял идею об издании “ТД” <“Тихого Дона”> с фотографиями... Высказал верную идею: пока в начале 70-х шла война отдела пропаганды с “русофильством”, тут-то и выросли Максимовы, Галичи и К⁰, к-е теперь, так облив нас грязью, позволили американскому империализму обелить себя, став в позу защитников “прав человека”, а в итоге создать нейтронную и крылатые ракеты. Вот чего стоила нашей стране спровоцированная сионистами “борьба с русофильством”.

Прочёл “Из-под глыб”. Какое претенциозное убожество! Для Солженицына светоч – это “Вехи”. Боже, то, чем мы увлекались ровно 10 лет назад! Робкое отрицание, то есть мягче – невяная восторженность в отношении “западной демократии”. Ростки просветления. И при том лишь изредка намёки на центральную проблему, а вообще-то потакание ей...

В пасхальный вечер показывали жуткий сатанизм – “Бенефис” спившейся пятидесятилетней Гурченко, постановщик – некий Гинзбург (?), жид на жиде, стишки Кима Рыжова, Уфлянда и проч., наглая бесстыжая и прямая похабщина – и это на миллионы людей. Да, сегодня весь сатанизм, всё антирусское, антихристианское есть и антисоветское, вот суть. Кто этого не понимает, тот объективно работает на Сион.

Вышел номер “Контекста”. Нет слов! Есть даже сноска на “Обонятельное и осязательное” (книга В. В. Розанова “Обонятельное и осязательное ощущение крови у евреев. — С. К.). Да, сейчас нет власти, каждый решительный человек делает всё, что угодно. Развал всего начал последние годы проникать даже в идеологию, наиболее ревнивую область сов. власти. Гончаров ставит откровенно антисоветские спектакли (смотрел тут “Уроки Сократа” — некультурный капуста). Да только ли он! А с др. стороны, Святослав Котенко засадил в сборнике о рус<ско>-тур<ецкой> войне “Дневник писателя” Ф. М. Достоевского, тираж 50 000. Мыслимое ли дело?! И ещё все видят, все понимают (люди сейчас грамотные), а ничего поправить нельзя — дух XXV съезда, т. е. всеобщая умильность и доброта. Никого не наказывают. Процветает продажность, всё покупается, культ рубля. Молодёжь растёт страшная, либо алкаши, либо облучены Сионом (кто поумнее и поразвитее). Это всё грозные признаки, глубоко проникшие в тело опухли, удалили их будет непросто, даже при наилучшем исходе событий. К тому же паралич власти порождает у людей неуверенность в гос<удар>стве, сов<етском> строе, желание “запастись”. Если раньше жидкая власть была нам полезна, ибо нам же позволила вылезти из марксистской (консервативной или прогрессивной) куколки, то теперь предел допустимой слабости уже превзойдён или около того. Опасно.

Прочёл “Протоколы <сионских мудрецов>”, изданные в 1916 году, с приложениями. В самих “Протоколах...” что-то есть, уж очень трудно такое подделать, то есть некоторые места бесспорно подлинные, значит... А рассуждения самого Нилуса наивны, поверхностны и проч., но как верны многие догадки и как точно направление мысли! Беда в том, что их никто не слушал. Вот опять: нельзя переделать мир статьями, даже самыми талантливыми. Что же касается до тайных центров и нитей, то мы и по собственному опыту знаем, что они проявляются...”

Своё дело, как видно из дневника, Семанов считал гораздо более важным, чем делом, которым занимались его многие товарищи и соратники. И в эмоциональном запале он временами не жалел красок.

“Мне противопоказано общаться с истериками Жуковым, Ивановым, Агаршевым, Кожинным, отчасти Селезнёвым...”

Олег (Михайлов. — С. К.) устроил капуста, этакий русофильский междусобойчик, где громыхали страшные речи. И всё те же: Жуков, Кольченко. Ничему дураки не научились. А шуму уже много...”

В записях о Юрии Селезнёве временами звучат предельно жёсткие ноты: “Он очень слаб в деловом смысле, а главное — не растёт. Он думает, как и многие, что статейками можно изменить мир. Можно, если статейки подкрепляются широким общим делом. Вот гениальнее статей, чем в “Дневнике писателя”, уже не создать, но ведь эти статьи не возымели никакого действия на ход русской истории. А статьи в сб. “Вопросы ленинизма” — изменили громадно. По той самой причине: слово и дело должны быть нерасторжыми...”

Проходит несколько месяцев — и о тех же людях Семанов пишет уже в совершенно другой тональности: “...Какие люди! И как выросли за последние лет пять! Олег, Чалмаев, Лобанов, Селезнёв, Лощиц, Агаршев”.

Семанов, судя по всему не ощущал, насколько слово Селезнёва было сопряжено с конкретным делом. Юрий Иванович, продолжив семановскую линию на посту главного редактора серии ЖЗЛ, во многом видоизменил её, улучшив качество выпущенных книг. “Гончаров” и “Дмитрий Донской” Юрия Лощица, “Гоголь” Игоря Золотусского, “Пуанкаре” Тяпкина и Шибанова, “Островский” Михаила Лобанова, “Плутарх” и “Эпикур” Татьяны Гончаровой расхватывались и зачитывались до дыр.

— Что голая информация? — говорил Селезнёв Виктору Лихоносову. — Надо воздействовать на душу. Страшно подумать, сколько людей воспринимают личности Пушкина, Достоевского, Толстого через книги, затмевающие подлинное величие этих писателей... Дело же не в том, чтобы выпустить книгу о Жуковском или Аполлоне Григорьеве, какую — неважно. Нет, чтоб это была такая книга, которая оставила бы глубокий след в сердцах, стала частью чьей-то жизни...

Удавалось Селезнёву, увы, далеко не всё. Он не смог заключить договор с Дмитрием Урновым на биографию Фенимора Купера — издательское начальство отвергло эту позицию с порога. А когда пришёл Анатолий Передреев

и принёс заявку на биографию Сергея Есенина – Селезнёва просто не стали слушать.

... Он не только работал над Достоевским, не только издавал книги. Он (в отличие от Кожина, Ланщикова, Лобанова) налаживал связи в узких кругах людей, примыкавших к властным структурам. Он хотел выйти на управленческие рычаги с целью изменить положение дел в отечественной культуре. И едва ли не отдавал себе отчёт в том, чем это может лично для него закончиться.

Самое запомнившееся его публичное выступление пришлось на конец 1977 года. Выступление на ставшей тут же знаменитой дискуссии “Классика и мы”.

* * *

Эта дискуссия, состоявшаяся 21 декабря в Большом зале Центрального дома литераторов, была заявлена как сугубо литературная, и по изначальному замыслу Вадима Валериановича Кожина, её главного организатора, на открытый разговор были приглашены как его друзья – Палиевский Куняев, Селезнёв, – так и те, кто мог вступить в спор и предьявить свои встречные аргументы. Имена были нерядовые: Анатолий Эфрос, Евгений Евтушенко, Александр Борщаговский, Ирина Роднянская, Андрей Битов, Серго Ломинадзе, Пётр Николаев.

В переполненном зале большая часть публики была настроена именно против Кожина, Селезнёва и их товарищей.

И разговор тогда – в 1977 году – шёл о вещах, не утративших своё значение и сегодня.

“Мне кажется, что классика, её фронт современности, тот активный интерес, который она вызывает сейчас, непонятна вне ближайшей истории нашей – нашего государства, нашей страны, нашей культуры с момента её возникновения, – говорил Пётр Палиевский. – Каждому из нас придётся всё-таки вернуться... в тот момент исторического перехода и перевала, когда возникло новое общество и встал вопрос о строительстве новой культуры, новой социалистической культуры в нашей стране... Всё-таки те предположения, которые были высказаны классиками, те высокие образцы культуры, искусства, человеческого поведения и образа человеческого, которые были ими созданы, вовсе не так просто, как это многим казалось по наивности, могли быть усвоены сразу народом и войти в толщу поднявшегося им навстречу народного движения. Дело в том, что у них появился могучий противник, достаточно серьёзно претендовавший на своё понимание тех путей, которыми должны пойти культура, искусство и даже, если хотите, человеческий образ. Это было искусство авангарда – левое искусство, сложившее свои нормы и понятия и попытавшееся в этот момент, когда культура находилась в состоянии жесточайшего потрясения, когда выдающиеся представители этой культуры, будучи выразителями этой народной культуры высоких образцов, не поняли всё-таки многое из того, что происходило в стране, и покинули её пределы, когда в результате действительно очень серьёзного исторического, политического сдвига культура потерпела очень серьёзный и материальный урон, – в этот момент в образовавшееся пространство вошли в качестве активно действующих сил представители левых авангардных течений, попытавшиеся занять руководящее положение в культуре нашей страны. Дело в том, что эта культура, культура авангарда и эстетика авангарда по своему строению, по своему качеству и основному эстетическому направлению, безусловно, была резко, полярно противоположна классической культуре. Самый метод, самый способ её строения противостоял этому классическому наследию”.

И ведь сами тогдашние представители авангарда не отрицали этого. Но основополагающий тезис дискуссии, который оставалось лишь подкрепить примерами (и они не замедлили воспоследовать), остался, по сути, без ответа. Возразить было нечего, осталось лишь придаться к тем или иным примерам.

Палиевский говорил о вещах, многие из которых стали открытием для переполненного зала. В частности, о невозможности для Михаила Лифшица опубликовать статью с возражениями апологетической статье Константина

Симонова о Татлине. Об издевательском отрывке Тынянова о Римском-Корсакове, только-только напечатанном “Литературной газетой”.

“Чем не нравится им Римский-Корсаков? А это отношение очень давнишнее, очень прочное и упорное. Это вы можете прочесть в сочинениях Стравинского и где угодно. Он не нравится им, прежде всего, потому, что это был представитель того самого классического уравновешенного гения, который не имел формы гения, не обладал никакой внешностью гения, не обладал повадками гения, — и, однако, был гением. Им были созданы величайшие художественные произведения, определяющие духовную жизнь народа на многие десятилетия или столетия вперед. . .

Посмотрите на Большой театр. Что там идёт из Римского-Корсакова? “Садко” появился на сцене Кремлёвского театра, совсем недавно возобновлённый. Хотя возобновлять оперу на сцене Кремлёвского театра — это всё равно, что ставить трагедию Софокла в цирке. Это совершенно не звучит, это не искусство. “Царской невесты” нет, “Снегурочки” нет. Ничего нет основного из Римского-Корсакова. (С места: “Китеж-град”.)

Да, “Китеж-град”. Он снят. Совершенно невозможно его увидеть. Я полгода мечтаю повести одного старого профессора на “Китеж”. Конечно, “Китеж” мало приятен ещё и тем, что в нём Римский-Корсаков попытался сильнейшим образом предсказать то, что произойдёт в будущем нашей культуры. И очень точно даже назвал некоторые адреса в лице своего Кутерьмы и его дальнейшей судьбы и так далее. Это очень серьёзное произведение, которое во многом показывает перспективу тех проблем, о которых мы с вами сегодня рассуждаем. Поэтому его не существует, его нет. Каждый год когда-то Большой театр открывался “Иваном Сусаниным”. Где эта опера? Где это начало русской оперы, начало русской классики? Её нет”.

Вспомнил Палиевский о публикации писем Мейерхольда к Булгакову и обозначил, что “Мейерхольд не нужен Булгакову, зато Булгаков очень нужен Мейерхольду”. Полемицировать можно было, лишь приведя неоспоримые доказательства противоположного. Но их не могло быть. Оставалось брать на голос, апеллируя к единомышленникам в зале, как и поступил Анатолий Эфрос: “Зачем их сравнивать в том смысле, что один нуждался в одном, а другой — в другом? Ну, а, допустим, Вишневский нуждался в Мейерхольде. Ну и что? А Мейерхольд нуждался в Вишневском. . . В данном случае Булгаков был воспитанник совсем другой школы. . .” Сквозь эту истерику до зрителей уже в уродливо изложении Эфроса доходил смысл слов Палиевского. И замена имени Булгакова именем Вишневского (братишки с револьвером), и утверждение, что “Булгаков был воспитанник совсем другой школы”, доказывало опять же правоту Палиевского.

И отчаянный вопль Эфроса в зал: “Ре-тро-град-ство!!!” — ничего не мог по сути изменить.

Либералы проиграли уже после его выступления. Требовалась с их стороны речь огненная, отчаянная, с железной аргументацией, чтобы выправить положение. Такой не прозвучало.

Более того, всё усугубил Евтушенко своими демагогическими обвинениями оппонентов в “ретроспективной склочности”, в “нападах на линию Маяковского”, упоминанием о “ссорах, на которые часто их (деятели культуры прошлого. — С. К.) натравливали мелкие околотитературные людишки”. Но, восклицая: “Как это мелко для такой дискуссии!” — он сам придавал ей мелочные интонации, за что получил достойную отповедь от Игоря Золотусского: “Классика, давая нам вот это идеальное представление о человеке, о мире, даёт нам какой-то высокий нравственный уровень, который не позволяет опускаться до такого понимания себя и человека. Понимаете, нельзя суету быта вносить в то, что оставили нам люди, которые заплатили жизнью за выстраданные ими идеи”.

Через тринадцать лет после дискуссии и сразу после публикации её текста либералы начали вступаться за своих единомышленников, битых тогда по всем статьям. Михаил Гефтер сразу после выхода “Москвы” с первой частью текста дискуссии напечатал в “Октябре” статью, в основу которой легли старые записи отдельных выступлений, до неузнаваемости перекорёженных, снабжённых репликами, которые ораторы и не произносили. И всё для того, чтобы сделать свой глобальный вывод: “Запах смущает. Чем-то смрадным,

дурным потянуло. У обоняния своя память. И она нынче лихорадочно перелистывает календари назад. 1963-й? Эрнст Неизвестный, Манеж и Хрущёв? Нет, пожалуй, страница не та, она сама не своим отпрыгивает. Ещё назад... 1952-й? 1949-й? 1946-й? Да, здесь. Мы на месте. Мимо не пройдёшь. Чересчур много примет. Меньше, правда, много меньше крестов и безымянных могил, чем в 30-м, 37-м. Но скованных уст, но раздавленных душ, но сызмальства совращённых – меньше ли?” (“Октябрь”, № 5, 1990). В общем, “шил политику”, даже забыв о том, что в 1977-м никто никому из участников дискуссии уста не “сковывал”.

Мало того, что не сковывал. В панических рассуждениях Гефтера таилось, как это ни парадоксально, одно рациональное зёрнышко. Среди выступивших на дискуссии вне всякой заявки вышел на сцену один из активнейших участников баталии 1949 года – кампании против “космополитов” – Александр Борщаговский. Он получил “право на реванш”. И как же он им воспользовался?

А никак. Он ничего толком не смог сказать в защиту своей позиции, лишь оказался в состоянии усомниться в том, что “Тихий Дон” – лучший роман XX века, и вспомнил ненапечатанные романы “Кремль” и “У”. И этим фактически исчерпались все аргументы “баловня судьбы” (так, если кто помнит, называлась книга его мемуаров).

Настоящая буря поднялась в зале во время выступления Станислава Куняева, посвящённого разбору поэзии Эдуарда Багрицкого. Куняев зачитывал текст статьи, которую он уже почти три года не мог опубликовать ни в одном журнале, – при прочтении первых же страниц редакторы отдёргивали руку от рукописи, как от куска раскалённого железа. Казалось бы, дела давно минувших дней. Но выяснилось, что дела сугубо сегодняшних. Незадолго до того в “Советском писателе” вышла книга воспоминаний об Эдуарде Багрицком, в которой, в частности, было напечатано следующее:

“По пути к тому, чтобы стать членом коммунистического общества, Багрицкий прошёл дальше многих других. Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого, из верных, умных, весёлых товарищей, лишённых корысти.

Какими лёгкими соседями будем тогда мы окружены, как не утомительна и плодотворна будет жизнь” (из воспоминаний Бабеля).

Это была не история. Это целилось в нынешний день.

И Куняев отвечал этому вызову:

“Вот в центре поэмы “Человек предместья”, которая, по словам одного из мемуаристов, была запущена, как ракета, в историю советской и мировой литературы, маленький обыватель, заурядный человек, не значительнее чиновника Евгения из “Медного всадника”, “станционного смотрителя” или какого-нибудь мещанина из рассказов Бунина, а то и Андрея Платонова, или Ивана Африкановича из повести Белова. Но наши классики могли увидеть в этой заурядной человеческой особи всегда что-то значительное. И в этом – одна из гуманистических традиций русской литературы. Багрицкий же, как говорится, всеми фибрами души не принимал вчерашнего крестьянина за то, что тот, ушедший от земли, служа стрелочником на железной дороге, умудряется ещё по старой памяти и пчёл развести, и плотничать, и сено накосить корове, и молоко продать: “Жена расставляет отряды крынок: туда – в больницу, сюда – на рынок”. Сами естественные и необходимые для жизни дела воспринимаются поэтом как нечто, требующее поголовного осуждения, гонения, уничтожения...”

Поэт беседует в доме человека предместья со своими друзьями, у которых “пылью мира (но не пылью работы) покрылись походные сапоги”. Прямо конквистадоры какие-то!

Вокруг них на пепелище, где когда-то жили обычные, безгрешные люди, в поту добывающие хлеб насущный, вуют романтические ветры, “в блеск половиц, в промьютую содой и щёлоком горницу (цитирую) врывается время сутуловатое, как я, презревшее отдых и вдохновением потрясено”. Дальше начинаются совершенно апокалиптические картины разрушения жизни: “вперёд ногами, мало-помалу, сползает на пол твоя жена!”

Человек предместья, как некая нечисть под крик петуха из гоголевского “Вия”, бросается в окно. Лоб его “сиянием окровавит востока студёная полоса”, и он слышит, “как время славит наши солдатские голоса”.

Вот что написано в одна тысяча девятьсот тридцать втором году одним из талантливых советских поэтов тех лет. Читая эти стихи сейчас, я думаю о том, как всё-таки изменилась жизнь за три десятилетия или четыре. Как много надо переоценить, поставить в связь с сегодняшним днём. Поистине — “большое видится на расстоянии”...

Натуралистическая точность, в которую поэт облакает эти формулы, неотделима от жестокости. И в этом также сказался его полный разлад с русской поэзией. Рассуждения поэта о врагах больше похожи на речи обвинителя, чем на слова поэта.

Их нежные кости сосала грязь,
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струёй из простреленной головы.

Странно, что эти строки написаны, как мне кажется, чуть ли не с каким-то садистским удовольствием. Странно думать, что человек, приводящий приговор в исполнение, может ощущать плодотворную радость расправы и что более всего странно — поэт вроде бы почти разделяет эту радость...”

Прочитывая строки поэта:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем, подобно башне,
Над летящими фарами и штыками, —

оратор завершил кинжальным выводом:

“Это поистине авангардизм, но уже в его нравственной сфере... Ни в одном из главных планов — гуманистический пафос, проблемы совести, героическое начало, осмысление русского национального характера, связь души человеческой со звеньями родословных, историей, природой, — поэзия этого поэта не есть продолжение классической традиции”.

Это был своего рода ответ на слова Бабея об “одесситах”, из которых будет состоять “коммунистический рай”.

Естественно, речь зашла и о театральных постановках классики. Принципиальный спор о пределах её интерпретации шёл на протяжении всего XX века и в достаточно острой тональности развивался в 1970-е годы.

За год до действия в ЦДЛ на страницах “Литературной газеты” развернулась дискуссия под рубрикой “Классика: границы и безграничность”, где уважительно и интеллигентно, но притом достаточно резко многие авторы отзывались о спектаклях того времени, поставленных по Гоголю и Чехову.

“В театре Плучека уже не первый сезон идёт “Ревизор” Гоголя в постановке В. Плучека... Здесь есть Гоголь странный, Гоголь фантастический, Гоголь гротесковый, Гоголь таинственный. Но здесь нет Гоголя, смеющегося гомеически, смешающего до упаду. В эфросовской “Женитьбе”, как и плучековском “Ревизоре”, нет смеющегося Гоголя, а значит нет и... смеющегося зрителя...” (Инна Вишневская).

“Попробую показать, как изменяются в процессе работы над спектаклем мысли и образы пьесы. Для этого обратимся в “Вишнёвому саду”, поставленному А. Эфросом в Театре на Таганке.

Думаю, что в спектакле появились тенденции, к которым Чехов решительно не имел склонности... Как с обиходными предметами, актёры обращаются с памятниками и надгробиями... Характеры разъедаемы отрицанием их жизненности, и они как будто сами себя высмеивают... Когда Петя Трофимов говорит в споре с Лопахиним о пути человечества к высшему счастью, то актёр встаёт на четвереньки и лезет таким способом на кладбище.

Лопахин его спрашивает:

— Дойдёшь?

Петя отвечает:

– Дойду.

И вместе с этой фразой падает на могилу, подкладывает себе под голову бутьль. И спит” (Нина Велехова).

Эфрос в той же дискуссии отвечал. И отвечал отнюдь не смиренно:

“Ромашка, допустим, не похожа на мак. Но что же ей, бедной, делать?! Маком при всём желании она никогда не будет. Жалко? Может быть, жалко, а может быть, нет, ибо лишиться ромашки тоже не хочется...”

Я, как ни странно, всегда убеждён, что верен писателю... Я изучаю пьесу годами и репетирую скрупулёзно... Я, как, впрочем, всякий другой, не могу, к сожалению, думать и чувствовать точно так же, как Чехов или Шекспир. Я трактую, во многом невольно, ибо вступает в силу что-то, что отличает меня от них”.

Читаешь эти демагогические рассуждения – и понимаешь, что год спустя Эфрос отнюдь не “потрясённым и неподготовленным” (как позже об этом писали) выступил на дискуссии “Классика и мы”. Другое дело, что сорвался на истерику, которая, впрочем, вполне объяснима.

Борщаговский в своём выступлении откровенно лгал, говоря о том, что в речи Палиевского предстал “мир мёртвых”, что Станиславский в “Горячем сердце” “сотворил много такого, что, вероятно, могло бы быть зачислено в авангард”, тем самым давая понять, что его оппоненты вообще представления не имеют о том, что такое интерпретация. Палиевский в своём вступительном докладе сказал то, что возмущавшиеся его словами предпочли вообще не услышать:

“Даже люди нашего поколения были когда-то в настоящем театре и видели настоящие классические произведения, поставленные классическими режиссёрами. Мы знали, что такое Качалов, что такое Хмелёв, что такое Москвин, Тарханов, что такое спектакль, поставленный Станиславским, что такое Чехов в Художественном театре, что такое Островский в Малом театре. Мы это и видели... Пусть нам не говорят, что здесь не было новаторства, исходящего из самой природы этих произведений”.

Они сделали вид, что не услышали сказанное Селезнёвым:

“Можно ли и нужно ли интерпретировать сегодня классику? Безусловно, и можно, и нужно, и даже необходимо... Интерпретация интерпретации, как мы понимаем, рознь. Одно дело, когда мы восстанавливаем истинное значение классики, когда мы сегодня по-новому понимаем себя через эту классику, и этим самым даём как бы новую жизнь... этому произведению и этому писателю, и другое дело, когда мы пляшем на классике, когда мы превращаем великие, подлинно национальные шедевры... в сырьевой материал для наших плясок над прахом наших великих предков”.

Примеров подобных “плясок” в то время было более чем достаточно. Это сейчас может показаться, что демонстрация в спектаклях по классическим пьесам сексуальных ужимок персонажей – примета нашего разнузданного времени. Нет, это тянется с давних времён, с того самого “застоя”, который был якобы невыносим для “смелых новаторов”. Тогда в “Горячем сердце” на сцене Театра комедии “Наркис... опрокидывал на широкую плаху Матрёну... и делал на ней стойку... Вслед за Наркисом Матрёну подминал под себя Курослепов... Режиссёр В. С. Головков не оставлял никаких сомнений по поводу его властного успеха – истерзанная Матрёна поднималась и шла, пошатываясь, перебирая руками по забору... Параша... в сцене в лесу становилась соучастницей разнузданной оргии. Полураздетую, в одной нижней рубашке, её перебрасывали из рук в руки пьяные молодчики. В финале разгорячённая Параша лихорадочно натаскивала листьев, устраивая любовное ложе, на которое тащила Гаврилу... На сцене действовали не люди, но маски пороков...”

Это яркое описание творящегося на сцене блуда, творившегося в 1973 году под маской “нового прочтения Островского”, оставил Марк Любомудров в книге “Размышления после встречи”. Не меньшее впечатление оставляет и описание “Ревизских сказок” (по Гоголю) в Театре на Таганке (1977 год): “... Возникал образ адского чрева, мрачного застенка, куда попадали жертвы петербургского казённо-бюрократического механизма, где властвовали прислужники бытия, управляемого демоническими законами. Кривлялись в хороваде обитатели сумасшедшего дома, лязгала железом и шуршала бумагой чиновничья машина, совершалась пьяная оргия... Один из персонажей запевал

вдруг современную песню “Поле, русское поле, я твой тонкий колосок...”, с остервенением отплёвываясь. А Чичиков тут же глубокомысленно и с намерениями произнесил фразу, обращая её к зрителям: “Вы сейчас в целом свете не сыщете человека, который бы не плевался”. Знаменитую “Тройку” читали загробным голосом в почти полной темноте, которую не в силах рассеять зажатый в ладони сальный огарок. Посреди этого кошмара, почти не выделяясь из массы персонажей-фантомов, бродили фигуры, изображавшие писателя в двух лицах...” И это было не единичное мнение об издевательствах Юрия Любимова над Гоголем: “Ревизская сказка” – это “Шинель”, “Мёртвые души”, “Записки сумасшедшего” и ещё многое другое, это претензия прочитать за три часа всего Гоголя и одновременно соотнести образ и судьбу писателя с образом и судьбой всея Руси, – писала Галина Кожухова. – Выдёргивая отовсюду по фразе, по мотиву, по мысли, театр строит спектакль по принципу: была бы концепция, а Гоголь приложится. Текст и столь свойственный писателю второй план здесь не в почёте. Натужно ищут подтекст, третий план. Фантазии нет конца. Все персонажи из драматических превратились в оперных. Почему?.. А потом вдруг затянули “Песню о рушнике” современного украинского композитора. Зачем?.. Правда, несколько человек в зале захлопали, должно быть, увидев пятый план. Может быть, так и рождается взаимообман: артисты, позволяя себе пошлость и неправду, потакают плохому вкусу иного зрителя, а этот иной зритель, одобряя пошлость и неправду, потакает нетребовательности артистов к самим себе...” Видимо, вдохновлённый любимовским примером, В. Салюк, поставивший в тогдашнем МХАТе “Горячее сердце” (представленное как возобновление “авангардистской” постановки К. С. Станиславского), заставил Градобоева и Хлынова исполнять дуэтом “Прощай, любимый город...”

(Весьма своеобразно подошёл тогда к “Мёртвым душам” и Анатолий Эфрос, ставивший в Театре на Малой Бронной спектакль под названием “Дорога”. Мне довелось быть на одной из “открытых репетиций” – была у Эфроса такая практика, обоснованная им “теоретически” в книге “Репетиция – любовь моя”. Спектакль был абсолютно провальным – и этот грядущий провал невозможно было не предугадать, видя истерическую суету, в которую режиссёр погружал артистов. Он не давал им ни мгновения передышки, уничтожая саму возможность поразмыслить над тем, что они произносят. До сих пор помню ошарашенное лицо Михаила Козакова – будучи в полном отчаянии от невозможности найти более или менее верную интонацию в роли Автора, он почти умоляюще произнёс: “Дайте мне подумать...” Ответный вопль Эфроса должен войти в театральные анналы. Согнувшись, устремив корпус вперёд, приняв позу быка, рвущегося на матadora, он заорал: “Не надо думать!!!”).

“Канон должен быть разрушен, и его разрушили, как некогда Карфаген”, – ликовала критика, певшая гимн эфросовской постановке “Вишнёвого сада” в Театре на Таганке, подчёркивая “историческую исчерпанность... идеала вишнёвого сада”, объясняя эту “исчерпанность” “невольным сравнением нас с ними”...

Вот в какой обстановке, в какой атмосфере состоялась дискуссия о классике и о “нас”. И в данной ситуации вполне объяснима реплика, брошенная блестящим критиком и литературоведом Сергеем Ломинадзе в адрес Эфроса: “Зачем посредничество?” “Без посредничества сидите дома и читайте!!!” – завопил Эфрос. Чем был вызван этот “диалог”, Ломинадзе пояснил в своём выступлении:

“Что я имел в виду, когда сказал “без посредников”? Я могу пояснить. Я считаю, что “Герой нашего времени” Лермонтова дойдёт до каждого с гораздо большей проникновенностью, нежели дошёл тот же спектакль, поставленный Анатолием Васильевичем Эфросом, “Страницы журнала Печорина”. Вот это как раз тот спектакль, который все видели, который я видел. Там есть существенное, хотя отнюдь не самое такое серьёзное из всех попадающих к нам нарушений текста. А вот такая, например, вещь. Ну, дальше я не буду вдаваться в подробности. Но если вы помните, там, в конце этого спектакля, Печорин... Олег Даль... начинает читать стихотворение Лермонтова “И скучно, и грустно, и некому руку подать...” Вы понимаете... Лермонтов специально сделал строение романа таким, что там офицер-повествователь отделён от Печорина, Печорин, в свою очередь, отделён от Грушницкого. Это проблемная для Лермонтова ситуация – отделение его от этого демонического, так

сказать, печоринского начала. И когда Печорин начинает, не сняв своей фуражки, декламировать стихотворение, в котором лирическим “я” выступает сам Лермонтов, он перечёркивает весь этот замысел поэта. Вот вам одно из мелких, просто попадающихся на глаза нарушений текста. Но довольно в данном случае существенное.

А что делается вообще? Ну... если бы кто-то это проанализировал! Я, кстати говоря, не против трактовок. Но трактовок нынче, вообще-то говоря, и нет. Потому что, ...например, так сказать... Вот, скажем, что пишется о Любимове. Что пишет о нём Юрий Трифонов в журнале “Театр”. Это в юбилейной статье. *“Посадить его в клетку кем-то придуманного сюжета, удерживать в руках, надеть на него корсет, пускай даже классический, невозможно. Когда он ставит Шекспира, он убирает в “Гамлете” сцену с Фортинбрасом. Когда хочет поставить Островского, берёт сразу все его пьесы и перемешивает их, как белок с желтком, прежде чем зажарить. Вопрос: а можно ли так? Другим нельзя, ему – можно. Талант обладает мощью доказательства, не смотря ни на что”*.

Так вот, я хочу, чтобы этого самого Островского нам дали не как белок с желтком, не в виде гоголя-моголя, а в виде хотя бы той самой пьесы, текст которой написал Островский, но чтобы её интерпретировали в пределах, тех объективных пределах, которые позволяет эта пьеса, как угодно, но именно в этих пределах. Но этого же нет! Вообще надо сказать, что сама метафорика трифоновская – “классический корсет”, “белок с желтком” – это напоминает сюрреалистический пейзаж: швейная машина тут же рядом с трупом в виде какой-то яичницы. А чем это, оказывается, объясняется? Это объясняется тем, что Любимова мучит комплекс демиурга, – он должен создавать, творить, быть исполнителем ему не по нутру, подчиняться он не умеет. Но если он творец-режиссёр, то он обязан подчиняться! А если он просто творец – пусть пишет сам”.

К этому времени истерический накал зала достиг своего предела. Выкрики, шум не прекращались. Время от времени кто-то вскакивал и пытался перебить очередного оратора (я собственными глазами видел, как буквально бесновался Лев Копелев). Масла в огонь подлила записка, полученная из зала и вслух зачитанная Эфросом: “Вы ничего не можете интерпретировать в русской классике. Организуйте свой национальный театр – и валяйте!”

Это была очевидная провокация. Но её автор добился своего – он “соединил” в глазах публики свою реплику с выступлениями Палиевского, Куняева, Ломинадзе... И уже не обращая внимания на суть происходящего, многие начали шептаться (а кое-кто и громко кричать) об “антисемитах”, собравшихся на сцене. Одна женщина, сидевшая рядом со мной, вздымала руки: “Вы что, не слышите, как они призывают к погрому?!”

Кто “они” – пояснять не требовалось.

Эту истерику попытался прекратить в своём выступлении Кожин. “Мне, например, по ходу дела, нужно высказать своё отношение к Мейерхольду, но я боюсь, что по этому поводу могут возникнуть страсти. Вот, скажем, Палиевский сказал что-то не совсем такое восторженное о Мейерхольде, потом Куняев сказал что-то о Багрицком, и тут же почему-то закричали – давайте уж говорить... называть вещи своими именами! – об антисемитизме. Я заранее хочу сказать, что я с презрением отвергаю ту истерику, которая здесь по этому поводу совершилась. Да, кстати, ведь при этом как-то не обращается внимание даже на то, что, скажем, Куняев здесь же вполне положительно отзывался о Мандельштаме. Да и вообще, что это за манера?! Откуда, так сказать, это идёт?!.. Вот я скажу, например, что Мейерхольд совершенно открыто, без всякого, так сказать, забрала выступал против русской классики. Он стремился абсолютно её в своих постановках... до такой степени переиначить, что, естественно, никакой классики там, в его “Лесе”, например, никакого “Леса”, естественно, не оставалось...”

Ведущий Евгений Сидоров пытался прервать Кожина, совершенно игнорируя происходящее: “Вадим Валерьянович!.. Никто в этом зале истерики по поводу антисемитизма не поднимал! Этого не было!” Но Кожин уже невозможно было остановить.

“Нет, было! ... Более того, я прямо должен сказать, я склонен думать, что та записка, которая была здесь получена и зачем-то зачитана, написана в совершенно провокационных целях... Ну, допустим, допустим, можно спорить

со Станиславом Куняевым, можно представить какую-то другую точку зрения на поэзию Багрицкого... Я хорошо знаю Куняева, я много лет его знаю, и я не вижу оснований подозревать его в тех мелких страстях, которые ему были инкриминированы!.. Я не позволю никому подозревать меня в этих страстях. Я ничем... пока это не заслужил... А я просто хочу очистить атмосферу действительно от безобразной истерики, которая мешает настоящему серьёзному разговору...”

Кожинова несколько раз перебивал Феликс Кузнецов, буквально терзая его своими репликами. И вообще кожиновскую речь было трудно услышать. Зал ревел, бесновался, выбрасывал из себя дурные эмоции. Председатель Московской писательской организации Кузнецов не знал, что ему делать, и казалось, они вдвоём с Евгением Сидоровым только и мечтали, чтобы эта дискуссия, наконец, закончилась.

Кожинов говорил ещё много более серьёзных вещей, в частности, что “представляется в высшей степени недопустимо вообще это стремление что-то добавлять и что-то переиначивать... Я убеждён, что любой классик гораздо более жив сегодня, чем подавляющее большинство современных писателей... Дай Бог нам в какой-то мере донести то, что нам оставлено, то, что нам завещано... И я не вижу высшей задачи для режиссёров... как действительно на своей сцене заставить ожить классику, оживить её в другом искусстве. Почему нужно к этому что-то добавлять, я совершенно не понимаю... И как бы меня ни убеждали в обратном, я вижу в этом либо стремление к рекламе, либо уж какие-то совсем... нехорошие цели, то есть попытку переиначивать классику, заставить его звучать так, как он никогда не собирался прозвучать...” Но его уже мало кто слушал.

По-хорошему говоря, выступление Кожинова трудно назвать полностью удачным. Он не позволил себе погрузиться в антикультурную “кашу”, которая кипела в зале и которую преднамеренно раздували некоторые из выступавших. Но вынужденный выход на открытую перепалку, в которой было уже не до аргументов (а именно в их обстоятельном подборе Кожинов был наиболее силён), не позволил сделать выступление полностью убедительным. В подобной перепалке часто мелькает лишнее слово и иной раз начинает подводить память Сила Кожинова была именно в спокойном углублённом споре, в котором без каких-либо опасений можно было убедительно ответить на самые “убойные” аргументы противника. Собственно, в этом и состоит сама суть русского спора, в котором на протяжении столетий выковывалась и обретала свои зримые очертания русская мысль.

Совершенно иначе подошёл к своему выступлению Юрий Селезнёв.

Он говорил спокойно, убедительно и бескомпромиссно. И зал поневоле затих. Более того, оледенел при заключительных словах его речи:

“Сегодня не столь уже часты рецидивы вот тех интерпретаций, о которых я только что говорил. Но и сегодня можно прочесть нечто совершенно замечательное. Тысячными тиражами для чтения, для юношеского чтения и для просвещения юношей утверждается – недавно такая книга вышла в “Молодой гвардии” – утверждается, что Гоголь творил все свои так называемые великие произведения, будучи психопатом (имелась в виду статья некоего А. Личко “Как умер Гоголь” в сборнике “Мир человека”. – С. К.). Миллионный тираж “Литературной газеты” тоже в не столь далёком прошлом – и года не прошло с того времени! – изумил читателя своего буквально тем, что, оказывается, тайна Пушкина не более не менее, как в том, что он был некрофилом (это была статья Владимира Соловьёва “Статус истины”, опубликованная 26 февраля 1977 года, в которой автор неявно сослался на книгу Абрама Терца (А. Д. Синявского) “Прогулки с Пушкиным”. – С. К.). Ну, и так далее, и так далее.

Но я ещё раз хочу сказать, что не это сегодня главное. Сегодня формы вот такой борьбы против классики (а классика, не будем забывать, это наше сознание сегодняшнее или, по крайней мере, часть его, основание нравственное, духовное основание его), что эта борьба – не просто рецидивы чего-то старого, что это явление или показатели, или отголоски той борьбы, той войны, которая идёт сегодня во всём мире. Мы вот говорим, что нынче время мирное, что сегодня нужно бы нам объединяться, что сегодня хватит бы нам воевать...

Это так, время мирное. На нас действительно не летят сегодня бомбы и ракеты. Но мы не должны забывать, что сегодня идёт война. Мы все ждём, когда... будет или не будет Третья мировая война, ведём борьбу за мир...

Но Третья мировая война идёт давно, и мы это все знаем хорошо, и мы не должны на это закрывать глаза. Третья мировая война идёт при помощи гораздо более страшного оружия, чем атомная или водородная, или даже нейтронная бомба. Здесь есть свои идеологические нейтронные бомбы, своё химическое и бактериологическое оружие. И эти микробы, которые проникают к нам, те микробы, которые разрушают наше сознание, эти микробы гораздо более опасны, чем те ... против которых мы боремся в открытую.

Так вот, я хочу сказать, что классическая, в том числе и русская классическая, литература сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта Третья мировая идеологическая война. И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе, и я думаю, не будет до тех пор, пока эта борьба... пока мы не осознаем, что эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной — за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, пока в этой войне мы не победим”.

Потом эту речь вспоминали часто. И пытались за неё уже посмертно дискредитировать Селезнёва, обнаружив в его словах “параноидальный мотив”. Но Юрий Иванович не открывал здесь никаких америк. Он лишь ответил на выступления, полногласно к этому времени звучавшие, в частности, в зарубежной печати. Ещё в 1960-х годах западногерманский журнал “Верскунде” вещал:

“Психологическая война не знает границ между войной и миром. Она ведётся непрерывно, как в военной, так и в гражданской областях... Современная война проходит не только в воздухе, на суше и на воде, но она охватывает и четвёртую сферу — духовный мир человека. Третья мировая война в этой сфере уже началась...”

Не менее, думается, чем присутствие многих лиц на той памятной дискуссии, значимо было отсутствие на ней одного человека, также специально приглашённого, — Виктора Борисовича Шкловского. Он предпочёл не появляться, ибо знал, что ему обязательно напомнят его выступление на Первом съезде писателей СССР, где он предлагал судить Достоевского как изменника (это напоминание и прозвучало в речи Селезнёва), что непременно зайдёт разговор о теории формального метода, причём с критическим подходом (этот разговор завёл Палиевский). Так или иначе, престарелый литературный боец, прототип Шполянского в булгаковской “Белой гвардии”, от открытого боя уклонился.

Но из этого совершенно не следует, что он не подал своей реплики.

Через семь лет после события в ЦДЛ в “Литературной газете” появился “Монолог о времени и о себе” старого формалиста под многозначительным заголовком “Ветер наполняет наши паруса...” (“ЛГ”, № 7, 1984).

Заочно... А приглашался Шкловский, как и другие, для открытого разговора. Вадим Кожин вызвал на дискуссию самых сильных идеологических и эстетических противников — по принципу “Иду на вы!”. Побеждать — так в открытом бою. Готовился интеллектуальный спор высокого уровня. И итог этого ристалища не мог предсказать никто. Сам сюжет дискуссии складывался независимо от его организаторов, и события в Центральном доме литераторов 21 декабря 1977 года, поведение иных участников спора, реакция зала — всё это развивалось уже стихийно и не подвластно никакому сценарию. Традиционалисты выигрывали в честном поединке, и многие нейтральные зрители в зале были покорены их аргументацией и интеллектуальным напором.

Дискуссия началась в 4 часа дня, а закончилась далеко за полночь. После неё последовала “Информация отдела культуры ЦК КПСС о заседании творческого объединения критиков и литературоведов Московской писательской организации” за подписью заведомо культуры В. Шауро со следующим пассажем: “В некоторых выступлениях (поэты С. Куняев, В. Куприянов, режиссёр А. Эфрос, критик В. Кожин) содержались субъективистские оценки творчества крупных деятелей советской культуры, допускался отход от интернационалистских позиций. Объективный анализ традиций советской литературы подменялся в ряде случаев бездоказательными суждениями, эмоциональными крайностями...”

В ЦК КПСС у т. Зимянина М. В. состоялась беседа с секретарём МГК КПСС т. Макеевым В. Н., в ходе которой обращалось внимание на необходимость более тщательной подготовки мероприятий в Московской писательской организации, усиления политико-воспитательной работы среди литераторов”.

Перепуганный Феликс Кузнецов по горячим следам созвал секретариат Правления Московской писательской организации и последующий пленум,

на котором собравшиеся обстоятельно выясняли, по каким причинам на дискуссию собралось столько народу, в том числе и не имевшего никакого отношения к Союзу писателей. Выступление Станислава Куняева (который был тогда рабочим секретарём) подверглось отдельному разбору, на который Куняев ответил своей короткой речью:

“То, что этот разговор и мои мысли были не фельетонны, не поверхностны, а серьёзны, подтверждается тем, что никто из моих оппонентов — ни Евтушенко, ни Эфрос, ни Борщаговский — по существу вопроса не возразили мне, да и не могли этого, на мой взгляд, сделать и ограничились только эмоциями. А эмоции, если они идут под аплодисменты, — дело дешёвое... Мы должны при организации подобных дискуссий учитывать, что и в зале, и в президиуме могут быть уважаемые нами, талантливые, но истеричные деятели, каким показал себя Эфрос. Что он сделал? Он прямо дал понять залу, что выступления Палиевского и Куняева и провокационная записка, которую он получил, — явления одного ряда. То есть сыграл на низменных чувствах зала... Я ведь тоже получил немало записок самого разного толка и характера, и если бы хотел разжечь страсти, мог бы их зачитать. Но, выступив как поэт и критик, я счёл свою миссию выполненной... я не стал уподобляться Эфросу и лезть на трибуну с тем, чтобы прочесть оскорбления в свой адрес, в адрес своей концепции... Я упрекаю Сидорова, что он пытался прервать меня, хотя я говорил на тему дискуссии. Да и сам характер ведения её (“Стасик, ты говоришь не на тему...” “...Вадим, перестань!”), неуместная инфантильность, реплики и шуточки, порой чрезмерный либерализм по отношению к тому, что вытворяет Эфрос, а в других случаях излишний диктат, жёсткость, неожиданно сменяющаяся амикошонством, неумелое заигрыванье с аудиторией — всё это не могло, конечно, способствовать нормальному течению дискуссии...”

Как потом вспоминал Игорь Золотусский, “дискуссию использовали в провокационных целях. Сразу после неё в главных западных газетах появились публикации, в которых её участники обвинялись в русском шовинизме и антисемитизме. При этом никаких иностранных корреспондентов, разумеется, на этой дискуссии не было. Значит, кто-то специально инспирировал эти публикации. Кому-то хотелось дискредитировать неославянофильское движение. Здесь, конечно, не обошлось без провокаторов. Одним из них мог быть Борщаговский. И вот почему. На следующий день после дискуссии мне позвонил Каверин и возмущённым тоном объявил, что в связи с моим “непозволительным” выступлением он рвёт со мной всякие отношения. Причём было видно, что говорит он с чужих слов, и 21 декабря его в ЦДЛ не было. Помню, я успел ему сказать: “Вы мужик или баба? Если мужик, тогда прочитайте стенограмму и извинитесь передо мной”. И он потом действительно извинился и признался, что меня оклеветал Борщаговский. Надо сказать, что Кожинову и Палиевскому (ему особенно) досталось тогда ещё больше. Их подозревали в том, что они являются руководителями подпольной русско-фашистской организации. Дело доходило до смешного. Когда я был в Югославии, там меня всерьёз спрашивали: а что будет, если к власти придёт Палиевский?”

Всевозможные сплетни, которые уже в 1977 году пошли гулять по Москве, что, дескать, “патриоты” опираются на “некие силы” во власти, были лишены всякого основания. Эти слухи распространяли те, кто так и не смог смириться со своим позорным поражением. Власть отреагировала сразу после события, и отреагировала весьма жёстко.

Материалы дискуссии не только не появились в печати — было запрещено любое упоминание о ней. Когда я в 1989 году, помня о том, как В. Н. Турбин привёл на дискуссию весь свой семинар с филологического факультета МГУ, что многие были с магнитофонами, что всё произносимое со сцены писалось для архива факультета, пришёл к заведующему фонографическим кабинетом Ю. Н. Чекрыжову и попросил сделать для меня копию записи в целях подготовки её к публикации, заведующий тихо произнёс:

— Все записи были немедленно уничтожены по распоряжению декана факультета.

Деканом был тогда Леонид Григорьевич Андреев, и я абсолютно убеждён, что эта акция была произведена не по его личной инициативе.

(Продолжение следует)

ОЛЬГА ОВЧАРЕНКО

“ВОР” – РОМАН ВСЕЙ ЖИЗНИ

В творчестве Л. М. Леонова роман “Вор” занимает особое место. Впервые он был издан в 1928 году (закончен в 1927 году). Более чем тридцать лет спустя автор захотел его “перечитать”: “Автор с пером в руке перечитал книгу, написанную свыше тридцати лет назад. Вмешаться в произведение такой давности не легче, чем вторично вступить в один и тот же ручей. Тем не менее можно пройти по его обмелевшему руслу, слушая скрежет гальки под ногами и без опаски заглядывая в омуты, откуда ушла вода”. Эти написанные в 1959 году слова предваряют 2-ую редакцию романа Леонова. Писатель возвращался к “Вору” ещё несколько раз: в 1982-м, 1990-м и 1993 годах. В 1990 году был абсолютно заново написан эпилог, который, по мнению некоторых исследователей, даже вступил в противоречие с текстом романа. Такое неоднократное возвращение к уже законченному произведению вообще-то свойственно таланту Леонова. Вспомним пьесы “Нашествие” и “Золотая карета”. Однако доработка “Вора” была кардинальной и имела более глубокие причины.

А. Г. Лысов считал, что “Вор” в названии своём заключал аббревиатуру Великой Октябрьской революции [4, с. 30]. О возможности подобной расшифровки названия романа задумывалась и Л. П. Якимова [7, с. 88].

Так или иначе, Октябрьская революция является смысловой доминантой, на фоне которой разворачивается действие романа. Писателю довелось прожить долгую жизнь, на протяжении которой менялось его отношение к революции: от подозрительного (1-я редакция “Вора”) до сочувственного (“Скутаревский”, “Дорога на Океан”), утверждающего (“Нашествие”, “Русский лес”) и приемлющего (“Вор” с эпилогом 1990 года, “Пирамида”).

Трудно согласиться с тем, что в первой редакции романа “главным в герое было бунтарство, обида за революционные идеалы, растоптанные действительностью” [6, с. 397]. Между тем, не только Митя Векшин, но и другие герои романа прекрасно понимают, что именно революция привела к криминализации русского народа. Так, Маша говорит Мите: “Вот и тебя на песне твоей возьму! Я тебе честно говорю: ползать заставлю, а потом прогоню. Останешься – Агем сделаю. Ползай скорей, чтобы сократилось твоё мученье” [2, с. 496].

Здесь уже показана деградация Маши и превращение её в Маньку Вьюгу, но оно ещё как бы не является окончательным и бесповоротным. И Донька Кудрявый ещё может сказать Маше: “Великую силу носишь в себе, Маша... как Кудема, которая мчит и мечет в половодье страстную и неутешную волну” [2, с. 491]... “Твои волосы густы, как дремучий лес; листва его отликает лиловым... В лице твоём бежит молния, даже когда спишь. Твои глаза видят ночью то, чего никто не видит и при солнце”.

Между тем, в отличие от других героинь романа – Зины, Ксении, Тани, – Маша не способна привнести добро в жизнь окружающих. В первой редакции романа Зина говорит ей: “А ты махонькая, у тебя сердце слишком близко к голове: оттого ты и злая... Злые – сильные. Они, когда им не хватает собственной радости, за чужую цепляются. А ведь я бы была счастлива малой долькой твоей радости... понимаешь меня?” [2, с. 532].

Постепенно читатель видит, как Маша Доломанова становится Манькой Вьюгой или Ягой, как называет её Зина во второй редакции романа.

Но в первой и второй редакциях “Вора” ещё есть надежда на то, что Маша способна разорвать порочный круг и вырваться со дна жизни, хотя В. А. Ковалёв мыслил иначе. Он говорил о Доломановой: “Была в первой редакции романа Маша – прекрасная, сохранявшая в глубине души чистоту, с глубоко запрятанной любовью к Мите, таинственная, метельная, блоковская, а стала во второй редакции циничная, с исковерканной душой, злая и мстительная, готовая нанести вероломные, жестокие, бессердечные удары” [1, с. 253].

Дмитрий Векшин также постепенно деградирует. 1 февраля 1990 года Леонов говорил в интервью В. И. Хрулёву: “В первом варианте Векшин был представлен романтическим героем” [6, с. 409]. Первая редакция романа “Вор” давала возможность трактовки Векшина как человека, тревожащегося в условиях нэпа за идеалы революции, которые он когда-то защищал на гражданской войне.

Но ещё в первой редакции романа Пчхов называет Векшина “самохотенно убивающий себя Димитрий” [2, с. 453].

“Что могли они, люди вроде Векшина, сделать в короткий срок?... Но я не ясно выразил основное стремление героя. Поэтому замысел романа не был понят читателем и критикой” [5, с. 32].

Во второй редакции Леонов усилил те черты нравственного облика Векшина, которые превратили его, говоря словами писателя, в “барыгу и паука” [6, с. 414]. Однако здесь ещё остаётся надежда на нравственное возрождение героя и возвращение его к честной трудовой жизни. “Остальное, – сказано во втором варианте романа, – как Векшин трудом возвращал себе людскую дружбу и утраченное имя, как принимал участие в стройке завода, работал на нём и даже был отправлен на учёбу куда-то, потому что вся страна садилась тогда за школьную парту... – всё это следует оставить на совести всеведущего Фирсова. Однако наряду с великими переменами последующих лет любое преображение Векшина представляется возможным”.

Весь текст второй редакции развенчивает Векшина из борца за поруганные результаты революции в обыкновенного преступника, закосневшего в своей зловещей сущности. Эти акценты усиливаются в правке 1982 года, так что В. И. Хрулёв опасается, что развенчание героя “доведено до предельно допустимой черты, за которой может начаться крушение художественного образа” [6, с. 397].

В 1990 году Леонов предпринял очередную правку романа. Был переписан его эпилог и намечена новая стыковка с ним основного текста. Если во второй редакции говорилось о фирсовской повести “Злоключения Мити Смурова” и реакции на неё современной ей критики, то в последней, третьей редакции “Вора” этот эпизод опущен. Сказано о неожиданном приходе Маньки Вьюги к Фирсову и приведены её слова о Векшине: “Год назад слух прошёл, будто молодые урки за одну его надменность едва не зарезали старика у него на хазе... Так за какую же в точности провинность разжаловал ты своего комиссара в барыгу и паука... не в отместку ли за то, что он бессовестно, как и отчизну, отдал любимое создание твоё, меня, на поругание Агею, которого ты же, по хозяйской прихоти, ввёл в игру? Вишь, какая умненькая стала я под влиянием жизни!” [3, с. 607].

Об эпилоге второй редакции теперь сказано: “Весь этот покаянный вояж был изготовлен Фирсовым ввиду тогдашней обязательности благополучного финала, а на деле совсем иная перековка предстояла его павшему герою впереди”.

Теперь уже трудно поверить, что когда-то (в первой редакции романа) Маша написала на полях повести “Злоключения Мити Смурова”: “Митька длится нескончаемо. Он есть лучшее, что несёт в себе человечество. Он не счастье, предвечно сопутствующее великим бурям. Его не возлюбят никогда,

но какое оскотение наступило бы, если бы он перестал быть. Нет, волна существует вечно, даже и при полном спокойствии, ибо всегда живёт то, из чего она возникает” [2, с. 513-514].

Но, судя по всему, писатель размышлял и о ещё более суровом конце Векшина. Он говорил В. И. Хрулёву: “А он дошёл до того, что молодые урки у него же на квартире зарезали его – барыгу и паука. Вот концовка Векшина. Жестокая концовка! Но по всему, что исторически содеяно им, он этого заслуживает... я не вижу возможности оставить Векшина в живых. Для чего? Что он будет делать?” [6, с. 414]. “Векшин принадлежит к числу азартных честолюбцев, проигравших Россию у зелёного стола мирового господства” [6, с. 411].

“Такое низвержение персонажа, – полагал В. И. Хрулёв, – рождало опасность упрощения, вызывало противоречие между текстом романа и эпилогом” [6, с. 398].

Думается, что низвержен персонаж был ещё раньше, начиная с первой редакции романа, и большую роль в этом низвержении играет история бывшего ординарца Векшина Саньки Бабкина, прозванного Велосипедом, и его жены Ксении. Сенаторская дочь Ксения Аркадьевна была вынуждена “пойти на бульвар”, где и встретила Саньку. Они повенчались, и Ксения стала склонять мужа бросить воровское ремесло и уехать куда-нибудь в глубину России, чтобы жить честным трудом. Начать новую жизнь супруги решили на честные, чистые деньги, и Ксения стала делать вышивку для магазина. Векшин отнимает у Саньки заработанные Ксенией деньги, переживания усугубляют чахотку героини, она пытается покончить с собой и умирает в больнице.

Это вмешательство Векшина в судьбу четы Бабкиных, как и его презрительное отношение к любящей его Зине Балуховой и полное безразличие к проблемам разбивающейся в цирке сестры Тани, подписывает ему приговор. Ещё в первой редакции Санька Бабкин говорил Векшину: “У Саньки не было Бога... ты был мне Бог! Даже когда пьяного вязал я тебя на фронте, хозяин, я молился тебе. И не теперь, а много раньше, я на Бога своего восстал и погубил возжелал тебе, хозяин” [2, с. 528].

Эти черты Векшина только заостряются в последующих редакциях “Вора”. И уже не важно, убили ли его молодые урки у него “на хазе” (в напечатанном варианте романа они едва не убивают Митьку, а в записях друга Леонова В. А. Десятникова “Дневник русского” всё-таки убивают), важно, что никакие “лесорубы” не могли ему помочь выбраться с воровского дна.

Так же трагичен оказывается и путь Маши Доломановой, претерпевшей трансформацию “под влиянием жизни”. Если в эпилоге второй редакции перед читателем была восходящая кинозвезда, “дышавшая духами и туманами”, то теперь, в 3-й редакции, “на пороге стояла немолодая и мучительно незнакомая женщина в фетровой бывшей шляпке, залихватски сдвинутой на бочок, в короткой, с буфами на рукавах, старомодной жакетке и в длинной, из жёсткой казенной ткани юбке полутюремного образца” [3, с. 607]. По воровской моде, довершает портрет Доломановой “золотой зубок во рту”.

Думается, что третья редакция романа и, прежде всего, её эпилог выражают глубинную сущность его героев и вполне соответствуют его реалистической поэтике. Но так считают не все.

В. И. Хрулёв полагает, что “наибольшую пристрастность автор проявил по отношению к Доломановой. Завершённый тридцать лет назад образ подвергся деформации, чужеродной сути героини и её роли в романе. Писатель утрачивает чувство меры и вкуса, наслаивает одно эмоционально-негативное определение на другое”. Исследователь упрекает писателя “в желании поставить последнюю точку в долгих раздумьях об истоках и природе русской революции и в условиях девяностых годов отмежеваться от своих прошлых увлечений и надежды на социалистические идеалы, заявить об этом публично через ключевую правку эпилога. Но эта правка оказалась вторжением писателя в роман” [6, с. 404].

Здесь можно возразить, что Леонид Леонов не писал на потребу двадцатых, пятидесятых или девяностых годов. Он писал для вечности. Если что-то и отличает произведения девяностых годов, то это понимание писателем конца своих земных сроков и отсюда – стремление к максимальному совершенству своих произведений. Никакого диссонанса с созданными в первых двух редакциях образами эпилог 1990 года не содержит. Он, наоборот, укрепляет эти образы и показывает их проекцию в будущее. Да и смерть Мити Смурова

была намечена ещё в первом варианте романа, за что Фирсова и бранил “виднейший” критик.

Может быть, начиная со второй редакции, Леонов излишне заострил судьбу Николки Заварихина. В первой редакции его старость виделась писателю таким образом: “Тогда закрывал глаза и вытягивался в кресле, глава фирмы и хозяин льна, и сидел в неподвижности трупa, бережно блюдя час горького своего молчания” [2, с. 14].

Во второй редакции Николка “после тяжкого лагерного дня” вспоминает на всю жизнь поразившую его Маньку Вьюгу.

В романе не уточняется, что именно привело Заварихина в лагерь: нэпманское прошлое или же слияние с криминальным миром Благуши – для писателя просто важно, что Благуша едва ли не поглощает всю Россию.

Ещё один герой, прошедший через все переделки романа, – это Фирсов, литератор, который изначально пишет повесть “Злоключения Мити Смурова” (в последнем варианте её название не упоминается). Благодаря введению в систему персонажей образа автора повести, Леонов смог расширить возможности “второй композиции” и подтекста. Фирсов говорит о своей писательской миссии (вторая редакция): “...о потайных корнях человека любопытствую, об отходах истории и о тех ещё сокровищах, что хранятся не в показных витринах, а в потайных запасниках культуры. Для меня каждый человек с заветным пупырышком, коим он отличается от ближнего, не сливаясь в единое, так сказать, мерцающее тесто... и именно о пупырышках этих любопытствую я. А так как лучше всего видны они на голом человеке, то как раз им-то, голым человеком, и занимаюсь я”...

В VI главе II части рассказывается о том, как Фирсов расстаётся с некоторыми персонажами повести, и говорится, что “многим Фирсов не нравится потому, что ему нравилось кое-что из того, что не должно нравиться тем, кто сам желает нравиться. Ведущим пороком его прозы считалась нехватка в ней прямолинейных выводов и нравочений, которых он избегал вовсе не из отвращения, – просто введение полезных идей в сознание читателя через неподдельное душевное волнение, доставляемое искусством, казалось ему куда надёжней и естественней”.

В романе фигурирует и записная книжка Фирсова; неоднократно, приводя текст какого-нибудь разговора (и порой очень важного, например, беседы Векшина с Пчховым, уговаривающим его уехать в глубину России и зажить честной жизнью), автор списывает его на фантазию Фирсова и говорит, что в действительности такого разговора не было (часть I, глава XVII; часть II, глава XVIII). Рассерженный на Чикилёва литератор вычёркивает сцену с ним из повествования (часть III, глава V). С лёгкой руки Маньки Вьюги Фирсов участвует в воровской правилке, да так, что сам едва не попадает под арест. Ему завещает свой дневник бывший помещик Манюкин – также один из повествователей “Вора”.

“...писатель свои молодые надежды и разочарования, – писал О. Михайлов, – безусловное восхищение размахом событий и страх перед выявившимися противоречиями воплотил в форме экспериментального, “умственного” романа” [5, с. 29].

В качестве примеров таких романов исследователь приводит “Фальшивомонетчиков” А. Жида и “Контрапункт” О. Хаксли.

Думается, что роман А. Жида Леонов действительно успел прочитать ещё до выхода в свет “Вора” (роман был опубликован во Франции в 1925 году, в России – в 1926 году).

В произведении А. Жида в самом деле есть структура “роман в романе”, и автор его говорит: “Он боится, как бы я не впал в искусственность и не подменил подлинный сюжет тенью этого сюжета у меня в мозгу”. Герой его Эдуард делится с Софроничкой: “Я желал бы написать роман, который был бы одновременно таким же правдивым и таким же далёким от действительности, таким же глубоко человеческим и таким же вымышленным, который содержал бы в себе столько частных подробностей и являлся бы в то же время таким обобщающим, как “Гофолия”, “Тартюф” или “Цинна”.

“Я создаю персонаж романиста, которого делаю центральной фигурой романа, и сюжетом книги, если угодно, как раз и является борьба между тем, что преподносит ему действительность, и тем, что он мечтает из этой действительности сделать”.

И, наконец, очень леоновское рассуждение из дневника писателя Эдуарда: “Я начинаю уяснять себе то, что я называю “глубинным сюжетом” моей книжки. Сюжет этот, несомненно, борьба реального мира и нашего представления о нём”.

Что касается романа О. Хаксли “Контрапункт”, то он вышел в свет в 1928 году, то есть в один год с “Вором”. Вряд ли к моменту публикации первого издания “Вора” его автор, не знавший английского языка, мог с ним ознакомиться. Но возможно, что Леонов прочитал роман позже, во всяком случае, во второй редакции “Вора” есть явная перекличка с “Контрапунктом”. В своём “романе идей” Хаксли ставит следующий вопрос: “Но зачем ограничиваться одним романистом внутри моего романа? Почему не ввести второго – внутри его романа? Или третьего – внутри романа второго? И так до бесконечности”. . . . Во второй редакции “Вора” (часть I, глава XV) – в первой редакции эти слова отсутствуют – сказано, что “одновременно с фирсовским вторжением на дне столичной жизни в повести у него на Благошу приходил другой такой же сочинитель под его же фамилией и с той же самой целью – написать повесть из уголовной жизни. Но что в особенности возмущало вышеупомянутых служебных лиц, – в повести у вымышленного фирсовского двойника, в свою очередь, действовал точно такой же сочинитель и так далее, причём все они, сколько их там поместилось, являлись однофамильцами и носили одинаковые по рисунку и покрою демисезоны”.

Перекликаются с размышлениями Леопова и такие слова из записной книжки Филипа Куорлза: “Литература должна быть, как музыка. Не так, как у символистов, подчинявших звуку смысл. . . . Но в большем масштабе, в композиции. < . . . > Перемены настроений, резкие переходы. . . . Ещё интересней модуляции, переходы из одной тональности в другую, а из одного настроения – в другое. Тему формулируют, затем развивают, изменяют её форму, незаметно искажают, и в конце концов она становится совсем другой, хотя всё же в ней можно узнать прежнюю тему. . . . Не должен ли автор всегда стужеёвывать? Боюсь, что мы теперь чересчур деликатничаем, стараясь, чтобы личность автора как можно меньше проглядывала в романе”.

Таким образом, литературные искания Леонида Леопова находились в русле творческих поисков всей мировой литературы, хотя и были полностью самостоятельными. Жанр “романа в романе” был выношен вне зависимости от его европейских собратий по перу и представлен значительно глубже, чем в их творчестве.

Заслуживает внимания и отношение Леопова к своему герою-литератору Фирсову. Писатель вспомнил, что в подражание ему купил себе за границей клетчатый демисезон. Во многих местах романа показано величие Фирсова, его всемогущество по отношению к своим персонажам. Фирсов мысленно обращается к Митьке: “Вот даю тебе жизнь, даже в падении своём надменный человек, – думал он, вознаграждая себя за двойную усталость минувшей ночи, – потому что это я вывел тебя на свет из твоих потёмков, приняв на себя часть кары за твои ошибки. Всё в тебе моё: кровь и мысли, и эта дорогая шуба, какой никогда не будет у меня, и пугающее ханжей лицо твоё, и всё вокруг тебя – в том числе эти скользкие в голубом морозе птицы, на которых ты глядишь сейчас, – всё это из меня и я сам!”

Маньке Вьюге Фирсов говорит: “Я строю города, которых не развеешь по ветру, творю людей, которых не расстреляешь, миры воздвигаю в человеческой пустоте. . . . и, кто знает, может, со временем косноязычные свидетельства мои станут важней протоколов казённого летописца?”

Когда на Фирсова как на персонажа повести “Злоключения Мити Смурова” восстаёт разгневанный Чикилёв, писатель грозит его “отменить”: “. . . я отменяю и этот вечер, и больную девочку, и ваш собачий танец перед ней, гражданин Чикилёв < . . . > отменяю начисто. С моей лёгкой руки отныне именем вашим всякую тварь мещанскую называть станут!”

Есть в романе ещё одна попытка отражения реалий воровского дна – фирсовский сценарий фильма, в котором играет Доломанова. “В нём роскошная, подозрительного социального происхождения дама губила одарённого, чрезмерно пылкого поэта, посредством которого мстила главному герою, поскользнувшемуся изобретателю какой-то машины механического счастья; всех их стремился вовлечь в пропасть старого мира подыхавший с приплясом

разнузданный толстяк-помещик, своевременно разоблачаемый прозорливым преддомкомом”.

Во второй главе эпилога 2-й редакции Фирсов “дочитывает приговор себе” – критическую статью о своей повести. “Нет, у него не имелось существенных возражений на прочитанное, тем более что и критика такого не бывало в действительности. Приведённая статья находилась в самой повести, написанная Фирсовым же на своего зеркального двойника. Таким образом, косвенно признавался он в полной своей неудаче”.

Между тем, на самом деле, “Вор” стал несомненно одной из творческих удач писателя, и его, как говорил Горький, “архитектоника” является бесспорным творческим достижением Леонова.

Представляется, что писатель был прав, и когда решил “перечитать” роман через тридцать лет после его написания, и когда в 1990 году переписал его эпилог. Таким образом он раскрыл перед читателем жизнь во всей её сложности, без прикрас и романтических иллюзий.

Можно вспомнить, что русская литература знала ещё, по крайней мере, один гениальный роман в романе – “Мастера и Маргариту” Булгакова, где автор романа также одновременно является его действующим лицом. Вопрос о влиянии Леонова на Булгакова никогда не ставился в нашем литературоведении, но определённая переключка двух романов видна даже на первый взгляд. Например, это изображение цирковой стихии как единственной сферы советской жизни, где ещё допускалось чудо, и показ оборотной стороны этого чуда. Думается, что концовка романа Булгакова ближе к концовке второй редакции романа Леонова, где для героев остается надежда на обретение покоя.

Остаётся только пожалеть, что найденная в “Воре” “архитектоника” имела очень незначительное продолжение в творчестве Леонова. В “Дороге на Океан” автор путешествует вместе с Куриловым в город будущего, названный им Океаном, но его образ не развит и носит номинальный характер. В “Пирамиде” задумано участие реального автора Леонида Максимовича Леонова во многих ключевых эпизодах романа – описании старо-федосеевского некрополя, посещении Института, которым руководит Шатаницкий, прощании со старо-федосеевской обителью. Но если в “Воре” участие Фирсова в романе было сюжетообразующим, то в “Пирамиде” оно не стало столь всеобъемлющим.

Роман “Вор” оставался с автором до последних его дней. От него протягиваются нити и к “Дороге на Океан” (“Буду роман делать из жизни освобождённых марсиан”, – говорит Фирсов в первой редакции “Вора”), и к “Пирамиде” (в эпилоге к третьей редакции Доломанова спрашивает Фирсова, кто теперь состоит у него на примете в качестве героини романа. “Так... простенькая одна девчущка... поповна. Но тоже с разными завихрениями вокруг неё”, – неохотно признаётся писатель”).

“Вор” – одна из основных вех в творчестве Леонова, знак того, что он безусловно состоялся как писатель, и залог его дальнейших достижений на литературном поприще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалёв В. А. Творчество Леонида Леонова. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1962. 319 с.
2. Леонов Л. М. Вор. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 539 с.
3. Леонид Леонов. Вор. – М: Профиздат, 1991. 607 с.
4. Лысов А. Г. “Берёзовый меридиан”. Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: тип. УлГТУ, 2005. 139 с.
5. Михайлов О. Н. Леонид Леонов. – М.: Советская Россия, 1986. 124 с.
6. Хрулёв В. И. Художественное мышление Леонида Леонова. – Уфа: Гилем, 2005. 534 с.
7. Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 248 с.

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

БЕСЫ: ТОГДА И СЕЙЧАС

Люди так просты и так подвержены насущным нуждам, что тот, кто обманывает их таким образом, всегда будет находить тех, кто позволяет себе быть обманутым.

Макиавелли. “Государь”

В патриотической прессе уже не одно десятилетие время от времени появляются тексты, авторы которых, размышляя о крушении Советского Союза, одной из его причин, едва ли не основной, называют реализацию так называемого “Плана Даллеса”. Он свидетельствует о существовании программы морального разложения советских людей, разработанной США в 1940-х годах. Якобы в несколько десятилетий в СССР должны появиться поколения, уверовавшие, что потребление и развлечения важнее родины, традиции, патриотизма, и эта вера в итоге позволит разрушиться государству изнутри.

Напомним, о чём речь:

“Окончится война, всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, – всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего, вражда и ненависть к русскому

народу — всё это расцветёт махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов”.

Аллен Даллес, 1945 г.

Опровергая подлинность данного документа, до сих пор так и не предъявленного на английском языке, либеральные историки заявляют, что материалы того времени давно рассекречены и доступны исследователям американских архивов, но доктрину Даллеса в них никто не находил. Мнимый план, по их убеждению, сфабриковали в самом Советском Союзе по причине внутренних проблем, связанных в том числе с “болезнями, которые всё ещё переживает российское сознание”.

Отрицающие достоверность “Плана Даллеса” считают, что программа, излагаемая в нём, фигурирует в патриотической среде в качестве некоего жупела, она удобна, потому как позволяет всем желающим переложить ответственность за распад СССР полностью на “враждебные силы Запада” и не искать проблему внутри.

В то же время несмотря на то, что подлинность плана многократно опровергалась, вера в его достоверность держится и по сей день. В самом деле, нет причин усомниться, что так или иначе с началом хрущёвской “оттепели” действительно обнаружались признаки морального разложения населения СССР. По зарубежному ли плану, либо по сугубо внутренним причинам, но усиливающиеся процессы смены морально-нравственных и эстетических ориентиров части советских людей — неопровержимая реальность. Падение СССР явилось, помимо прочего, и результатом методичного расшатывания моральных основ советского общества и попрания ослабленных, но всё же подспудно существующих христианских скреп. Признавая очевидность этого факта, трудно не усомниться в непричастности “враждебных сил Запада” к произошедшей с Советским Союзом поистине планетарной катастрофе.

Уверенность в извечном коварстве Запада зачастую мешает взглянуть на реально враждебные силы, возросшие на отечественной почве. А присмотреться к ним следовало бы, обозревая их в протяжённости исторической перспективы, со времён, когда Аллена Даллеса и возглавляемого им ЦРУ не было и в помине. Сделать это следует не для того, чтобы тревожить старые национальные раны, но чтобы ещё раз уяснить непрерывность исторических явлений и факторов, способствующих, в конечном счёте, подрыву государственной власти изнутри. В частности, необходимо сфокусировать взгляд на потенциальных и реальных силах, способных вредоносно влиять на изменение общественного сознания.

Методы успешной борьбы с соперником путём его морального разложения были известны и применялись с незапамятных времён. Не стоит слишком углубляться в того же Макиавелли или Платона, чтобы привести примеры соответствующих методов и их исполнителей, достаточно обратиться к русской классической литературе и раскрыть роман “Бесы” Достоевского.

Пётр Верховенский, персонаж “Бесов”, выдаёт методические рекомендации морального разложения российского общества, действенные во все времена. Они словно предназначены для использования всевозможными ныне существующими и будущими “даллесами”:

“— Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостаёт: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе”.

И далее:

“— Слушайте, мы сначала пустим смуту (...) мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые

режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются. (...) Я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с жёлчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмём? Я поехал – свирепствовал тезис, что преступление есть помешательство; приезжаю – и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере, благородный протест. “Ну, как развитому убийце не убить, если ему денег надо!”

Попутно словам Верховенского заметим, что для “развитого убийцы” мотив к преступлению необязательно деньги. Он может руководствоваться культивируемой им вседозволенностью: он-де не какая-то тварь дрожащая, а по сему праву имеет прервать чью-либо жизнь. Это доказывает, к примеру, чудовищное убийство и расчленение 62-летним доцентом СПбГУ Соколовым своей любовницы-аспирантки в 2019 году. Историк Соколов именно “развитой убийца” – реконструктор периода наполеоновских войн, кавалер Ордена Почётного легиона степени кавалера (2003), он не шутя требовал обращаться к нему не иначе, как “сир”, – чем не Наполеон? Типичный “герой” Достоевского в изводе современной бесовщины.

Россия XXI века столкнулась и с не менее чудовищной разновидностью “развитого убийцы” иного рода – с молодым человеком, подвергшимся информационно-психологической обработке. Отформатированный до состояния “зомби”, он идёт в учебное заведение и совершает массовое убийство сверстников. До такой степени его “развили” компьютерные “стрелялки” и российское телевидение, сутками демонстрирующее кровь и насилие. Вот до чего его сознание изменилось, в том числе под агрессивным воздействием всевозможных извращений, царящих в программах шоу-бизнеса и на театральных подмостках. Безбожное, искажённое, подлинно сатанинское сознание ведёт к беспамятству и вседозволенности.

Роман “Бесы” начал публиковаться в 1871 году в журнале “Русский вестник”. Уже тогда слой западников и либералов представлял значительные силы и открыто влиял на российское общественное мнение. Этот слой формулировал свои взгляды не только в частной переписке и в литературных салонах, но смело выражал их в ряде газет и журналов на широкую публику.

Приведённые выше слова Петра Верховенского – декларация разложения, – впрочем, как и весь роман “Бесы”, были, по мнению либеральных литераторов, не чем иным, как пасквилем на здоровые силы общества, на силы, жаждущие перемен для отсталой и погрязшей в косности России. Либералы XIX века объявили роман в определённом смысле фальшивкой, ибо в достоверность и действенность человеконенавистнической программы, излагаемой на его страницах, они не хотели верить.

Вот лишь некоторые отзывы либералов XIX века о “Бесах”:

“Писатель создаёт целую галерею помешанных юношей... ни в одном из них не увидите ни образа, ни подобия живого человека, это какие-то манекены, и к каждому манекену нашит ярлык с означением характера бреда, которым он одержим”.

Таково мнение о романе критика Петра Ткачёва. О “помешанных юношах” Ткачёв знал не понаслышке: во время студенческих волнений в Петербурге в 1868–1869 годах он вместе с Сергеем Нечаевым – тем самым лидером “Народной расправы”, убившим студента Иванова, – возглавлял радикальное меньшинство. После освобождения из годичного заключения совершил побег за границу.

“Фактически подробности “истории” и некоторые рассуждения отчасти заимствованы из одного недавнего процесса, отчасти созданы собственной фантазией г. Достоевского, иногда разыгрывающейся с целью усилить гнусность поведения и убеждений негодяя, полунегодяев и полудиотов, иногда без всякой цели, единственно ради болезненно-мистических капризов и бредней автора”.

А это мнение Виктора Буренина, птенца герценовского “Колокола”, позднее известного критика-обозревателя “Петербургских ведомостей”. По свидетельству А. Г. Достоевской, Фёдор Михайлович утверждал, что Буренин, как ни странно, “наиболее понимал его мысли и намерения” “из всех писавших о нём”. Понимание критика уживалось с грубостью и переходом на личности с включением разного рода домыслов, и это со временем стало стилистической приметой Буренина. Не исключено, что приводимая ниже анонимная цитата из “Санкт-Петербургских ведомостей” также продукт Буренина:

“Фантастические призраки с нечеловеческой подлостью, глупостью и дикостью, им выведенные, ни в каком обществе не могли бы играть такой роли, какая им предоставлена в романе, не могли бы быть выразителями и представителями известного движения, носящего в себе нравственно-политическую подкладку”.

“Король рифмы”, мастер эпиграммы, пародии, фельетона в стихах и особенно каламбура, Дмитрий Минаев, поэт-сатирик, в свойственной ему манере хлётко выдал оценку творению Достоевского:

“Каждая глава романа есть новая мерзость, новый ужас, идущие crescendo (по нарастающей. — А. М.); к счастью для читателей, эти ужасы отличаются таким пересолом, таким уродованием действительности, что под конец становятся смешны по своей карикатурности”.

Вероятно, обида на арест за сотрудничество в журналах, “известных своим вредным социалистическим направлением”, в особенности “Современнике” и “Русском слове”, в 1866 году после выстрела Дмитрия Каракозова в Александра II позволила господину Минаеву разразиться подобной бранью.

Приведённые отзывы некоторых деятелей о пророческом романе Достоевского имели под собой прочное идеологическое основание. Писатель облекал в художественную форму действительные взгляды людей, знакомых ему с юности, когда он примыкал к революционному кружку Петрашевского. Поэтому он имел основание через своих героев вызвать радикальное крыло либерального русского общества на откровенные высказывания. Разумеется, литераторам — представителям данного многочисленного сообщества — это не могло понравиться. Они поспешили нелицеприятно отозваться об авторе, который с беспощадной точностью вывел на публику портреты их ярчайших представителей. Но и Достоевский не менял своей позиции и продолжал последовательно обличать их идеологию, разрушительную для России.

Уже не в прозе, а в публицистике, в единственном выпуске “Дневника писателя” за 1880 год, он в который раз страстно и метко обозначил давнее, ещё с петровских времён стремление наших либералов обособиться от русского народа. Более того, показал полную непереносимость ими народного духа и неприятие “всякого действия нашего правительства в этом духе”. Довольно убедительно в этом смысле выглядит “прямая речь” либералов-западников, обращённая к их оппонентам-славянофилам, записанная Достоевским:

“В народе русском, так как уж пришло время высказаться вполне откровенно, мы по-прежнему видим лишь косную массу, у которой нам нечему учиться, тормозящую, напротив, развитие России к прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и переделать, — если уж невозможно и нельзя органически, то, по крайней мере, механически, то есть попросту заставив её раз навсегда нас слушаться, во веки веков. А чтобы достигнуть сего послушания, вот и необходимо усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь как в европейских землях, о котором именно теперь пошла речь.”

Собственно же народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд, из которого вы (славянофилы. — А. М.) до сих пор чёрт знает что выводили, а смотрели только мы трезво. Надобно, чтоб такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком. Надобно, чтоб имело историю лишь одно наше интеллигентное общество, которому народ наш должен служить лишь своим трудом и своими силами.

(...) мы намерены образовать наш народ помаленьку, в порядке, и увенчать наше звание, вознеся народ до себя и переделав его национальность уже в иную, какая там сама наступит после образования его. Образование же его мы оснуем и начнём, с чего сами начали, то есть на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать своё прошлое.

Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же начнём оболыщать его Европой, ну, хотя бы утончённостью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, — словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен, и хотя из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы всё-таки заставим его петь рифмованный водевиль, сколь бы вы там ни сердились на это.

Одним словом, для доброй цели мы, многочисленнейшими и всякими средствами, подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ — наш. Он застыдится своего прежнего и проклянёт его”.

Во множестве восклицаний либеральной части российского общества “Нам стыдно, что мы русские!”, появившихся с 24 февраля 2022 года, трудно не узнать действие давней закваски русофобии, помрачающей сознание, а именно о ней идёт речь в “Дневнике писателя”. О русофобии, инспирированной не какими-то зарубежными “даллесами”, а самыми настоящими русскими людьми, на что указывал Достоевский. Среди них и тогда, и сейчас находились такие, кому чужд народный дух, кто презирает отечественную историю, не видит какого-либо цивилизованного будущего России, а потому они сеют семена неверия и проклятия ко всему, что было, есть и будет живым и действенным в нашем Отечестве.

“Кто проклянёт своё прежнее, тот уже наш, — вот наша формула! Мы её всецело приложим, когда примемся возносить народ до себя. Если же народ окажется неспособным к образованию, то — “устранить народ”. Ибо тогда выставится уже ясно, что народ наш есть только недостойная, варварская масса, которую надо заставить лишь слушаться.

Вот всегдашний наш вывод, только теперь уж во всей наготе, и мы остаёмся при нём”.

Достоевский замечал, что этот вывод — очевидную декларацию русофобии, предъявленную им читателям в “Дневнике писателя” 1880 года, — он не осмеливается вложить в уста всех без исключения российских западников, несмотря на их приверженность либеральным идеям. Однако с горечью восклицает: *“Но зато масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцев, масса-то вашего западничества (а их как песку морского) непременно насажут в этом роде”.*

Пророчество Достоевского — *“непременно насажут в этом роде”* — не было зряшным. История не один раз в XX и XXI веках давала примеры, когда российское общество подвергалось влиянию “бесовских” голосов, призывающих его к уничтожению своей идентичности. Поэтому даже в случае согласия, что “План Даллеса” — это мистификация “русопятов”, приведённые здесь наблюдения Достоевского за намерениями и действиями внутренних “либеральных” сил не отменяет, а только подтверждает умозрительное существование подобных планов у *“массы оторвавшихся и отщепенцев”.*

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

“СТРАШНЫЙ ВЫЗОВ САМОДУРНОЙ СИЛЕ”

Александр Николаевич Островский (1823–1886) – прославленный драматург, создатель русского национального театра. “Русский Шекспир” – так называли Островского современники, подчёркивая мировой масштаб его таланта.

Ранее драматургия в России была представлена таким небольшим числом талантливых пьес, что их буквально можно пересчитать по пальцам. Среди них великие “Недоросль” (1782) Д. И. Фонвизина, “Горе от ума” (1825) А. С. Грибоедова, “Борис Годунов” (1825), “Маленькие трагедии” (1830) А. С. Пушкина, “Ревизор” (1835) Н. В. Гоголя...

Островский выступил как яркий самобытный писатель, поразил современников новизной открытых им для литературы персонажей и типов. “На покинутое Гоголем добровольно вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве”, – справедливо утверждал писатель и этнограф С. В. Максимов (1831–1901).

“Русского Шекспира” ещё называли “купеческим Шекспиром”. Он также хрестоматийно известен как “Колумб Замоскворечья”, то есть первооткрыватель в отечественной драматургии особого уклада жизни этой части Москвы, которую населяли зажиточные купцы, мелкий торговый люд, приказчики, ремесленники-кустари, мещане, небогатые чиновники, стряпчие. И сам Островский родился в Замоскворечье, в семье чиновника – выходца из священнической среды, впоследствии дослужившегося до дворянства. Здесь будущий писатель провёл детство и юность. Так что жизнь замоскворецких обитателей, которых драматург впервые вывел на русскую сцену, он знал доподлинно: “Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и будни, в горе и радости, знаю, что творится и деется по твоим широким улицам и мелким частным переулочкам”.

В орбите внимания писателя не только купечество, но и все социальные слои и сословия России второй половины XIX столетия. Пьесы Островского населяют мелкие торговцы и крупные капиталисты, мелкотравчатые и высокопоставленные чиновники, дворяне и простолюдины, мещане и разночинцы, труженики-интеллигенты, учителя и студенты, актёры и странники, свахи и приживалки, военные, ростовщики, люди без определённых занятий – “вольнопрактикующие” и “праздношатающиеся”. Вся эта многоликая, пёстрая, объёмная, художественно и исторически достоверная картина русской

жизни — целый мир, созданный творческим гением замечательного русского драматурга.

Его деятельность — это колоссальный труд, поистине подвижническое служение русской литературе, национальному театру, народу, России. Драматург создал 47 оригинальных пьес. Подсчитано, что в драмах Островского действуют 728 героев. Причём это не схематичные, условные персонажи, а живые, яркие, полнокровные личности. Каждый образ психологически точно и социально выверен, раскрыт через его персональную речевую характеристику. В сюжетах и драматургических конфликтах нашли верное отражение самые важные события и явления русской духовной и общественной жизни, особенности национального характера, индивидуальное своеобразие человеческих натур. Это настоящий литературный подвиг писателя.

Островский всецело посвятил себя драматургии и театру, ни на что другое времени и сил не оставалось. Однако даже такой самоотверженный труд не приносил прочного материального достатка.

В письме от 25 августа 1879 года Островский, отвечая на предложение, поступившее от редактора журнала “Русская старина” М. И. Семевского, об издании литературных и театральных мемуаров, признавался: “Я очень хорошо чувствую и всегда помню, что на мне лежит долг сказать всю правду, какую я знаю, о многих лицах, принадлежащих уже истории: о литераторах, артистах, художниках... Их я знал хорошо, с другими был близок, а с некоторыми был в самой короткой дружбе.

Я сам уже давно мечтаю, что “вот я буду писать свои воспоминания”, как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!

С лишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и всё-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделываю сюжеты вперёд, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьёй, — так уж до воспоминаний ли тут! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаил Иванович, воспоминания — для меня роскошь не по средствам”.

Только в конце жизни Островскому был назначен пенсия: “Дали белке за её верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у неё уже зубов не стало”, — не без горечи замечал писатель.

Он так и не оставил собственных мемуаров. Зато о нём самом сохранилось множество сердечных, уважительных воспоминаний современников — писателей, журналистов, редакторов, актёров, друзей, знакомых. Личность “патриарха русской драмы” предстаёт здесь в полный рост, светится громадным талантом, воодушевлением, благородством, человеческим обаянием. “Он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нём со скромностью, нежностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромного влияния на окружающих. Он действовал, вдохновлял, оживлял <...> Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства, — свидетельствовал С. В. Максимов. — <...> Такова была и та притягательная сила богатства даров, какими обладал этот отечественный писатель и истинно русский человек и какие с избытком были отпущены на его долю”. М. И. Семевский с душевной теплотой вспоминал: “Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведённых мною у А. Н. Островского. Там я видел истинно русское гостеприимство, добродушие, открытость и нечопорных гостей”.

Драматург работал буквально до последнего мгновения жизни и умер за письменным столом, не успев завершить своего заключительного труда.

В “Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время” (1881) Островский размышлял: “История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец, и для всего света”.

Островский родился 12 апреля (31 марта по старому стилю). К собственному 50-летию юбилею писатель преподнёс самому себе необычный подарок: прямо в день своего рождения завершил работу над новой пьесой. Это была **“Снегурочка”** (1873) – *“весенняя сказка”*, как сам автор определил её жанр.

Неожиданно для всех Островский – реалист и сатирик – сочинил новаторскую, совершенно необычную для своего творчества пьесу – красивую, светлую, поэтическую. По всей видимости, рано пробудилась и долгие годы жила в душе писателя мечта о неизбежном обновлении – на началах правды и справедливости – человеческой природы и общественной жизни, которое обязательно должно наступить, как неминуемо происходит после зимнего оцепенения весеннее возрождение природы.

Уникальная в русской литературе, философско-символическая пьеса-феерия создаёт картину радостной, счастливой, свободной жизни в сказочной стране берендеев, которую населяет *“народ честной и добрый”, “народ великодушный”*. В идеальном государстве верховенствуют нравственные законы справедливости, миролюбия, благоразумия, добра, красоты и правды:

Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

И главный смысл жизни и мироустройства – самоотверженная любовь: *“На свете всё живое / Должно любить”* и *“всё, что есть на свете дорогого, / Живёт в одном лишь слове. Это слово: Любовь”* –

Благое чувство,
Великий дар природы,
Счастье жизни,
Весенний цвет её.

Прославление Солнца, Правды, Любви, душевного огня, возвышенная жизнь творческого духа в **“Снегурочке”** резко контрастируют в других пьесах писателя с реалистическими картинами *“тёмного царства”*, в основе которого – неистовая страсть к наживе, обман и одурачивание, произвол и угнетение, подавление личности.

Тема всевластия денег как *“двигателя жизни”*, материальной выгоды, барышей; маниакальная идея несправедливого обогащения и её разрушительное воздействие на человеческую душу, личность, судьбу в самодержавно-капиталистической России занимают центральное место в драматургии Островского. Это наглядно подчёркнуто уже самими названиями многих произведений: **“Свои люди – сочтёмся”** (**“Банкрот”**) (1849), **“Бедная невеста”** (1851), **“Бедность не порок”** (1853), **“Доходное место”** (1857), **“Бешеные деньги”** (1870), **“Не было ни гроша, да вдруг алтын”** (1872), **“Бесприданница”** (1878).

Одна из первых социально-критических пьес Островского – **“Свои люди – сочтёмся”** (**“Банкрот”**) (1849) – принесла молодому автору широкую известность и признание, несмотря даже на то, что была запрещена царской цензурой к изданию и постановке на сцене. Драматург открыто озвучил здесь преступные установки сильных мира сего устами купца с говорящим именем, отчеством и фамилией Самсон Силыч Большов. Этот якобы исполин, *“хозяин жизни”*, заявляет: *“Иуда ведь тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаём”*. Продажность, предательство, отречение от Христа и Его идеалов любви к Богу и ближнему становятся главными директивами в деятельности таких Большовых и им подобных.

В дебютной пьесе Островского **“Семейная картина”** (**“Картина семейного счастья”**) (1847) купец Антип Антипыч Пузатов не видит греха в том, чтобы обманывать не только посторонних, но даже знакомых и приятелей: *“Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдёт. Ничего. Можно”*. Собеседница Пузатова, его мать, вторит сыну: *“А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: “не обмануть – не продать”*”.

Даже такие понятия, как доброе имя и деловая репутация, необходимые для успешного ведения дел, – пустой звук для алчных торгашей. У них свои, извращённые представления о порядочности, добродетели, чести. Эти искажённые аморальные установки самодовольно раскрывает именитый купец Павлин Павлович Курослепов, беседуя с градоначальником, носящим имя-характеристику Серапион Мардарыч Градобоев (его даже в глаза называют Скорпион: “Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имён надавали! Как ни выворачивай язык-то, всё тот же скорпион выйдет”) в драме **“Горячее сердце”** (1869):

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы, точно корой, обросли. И кору эту пушкой не пробьёшь.

Курослепов. Ну, и пуцай!”

В сатирической комедии **“В чужом пиру похмелье”** (1856) богатый купец Тит Титыч Брусков за ненасытную, гигантскую алчность получил прозвище Кит Китыч: “Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите”. Этот чудовищный “кит” готов проглотить любого, кто посмеет стать у него на пути. В этом случае всегда к услугам продажных судейские чиновники. Вот характерный фрагмент диалога Брускова и стряпчего Захара Захарыча:

Тит Титыч. <...> Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе всё равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Всё равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу”.

Островский в этой пьесе впервые открыл и описал тип человека-самодура и такое понятие, как *самодурство*; дал определение этому характерному явлению в сферах социальной и семейной жизни в России. Губернская секретарша, вдова Аграфена Платоновна беседует со своим постояльцем учителем Иваном Ксенофонтычем:

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это чёрт знает, что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур – это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он всё своё. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...”

“Моё слово – закон <...>, – безапелляционно изрекает Кит Китыч. – Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово – закон!”

Подобен Брускову и купец Большой в пьесе **“Свои люди – сочтёмся”**. Выдавая замуж за приказчика Подхалюзина дочь, мечтавшую о женихе “из благородных”, самодур категорично заявляет: “За кого велю, за того и пойдёт. Моё детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю”.

Тирания самодуров держится на власти денег. Особенно страдают от неё материально зависимые от деспотов-старших младшие члены семей, подневольные молодые люди: “Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем” (**“В чужом пиру похмелье”**).

Курослепов в пьесе **“Горячее сердце”** до того измучил собственную дочь, что она отважилась убежать из дома, подальше от тирании тупого отца и развратной мачехи. Прасковья – честная, искренняя, отзывчивая девушка с *горячим сердцем*, по типу характера схожая с Катериной в **“Грозе”**, – “безспросу” решила пойти на богомолье. “Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы ещё. Дома её заели совсем; вырвалась она кой-как, <...> пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить...” – заступается за героиню её сердобольный крёстный.

Но Курослепов организует погоню за дочерью, словно за беглой крепостной: “Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить её да на верёвке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут её на полгода, а то и на год”. “Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...” — заявляет самодур-отец.

Патриархальный купеческий уклад ушёл в прошлое. Сейчас все эти длиннобородые “купчины толстопузые” в подпоясанных широкими кушаками кафтанах, стёганных поддёвках и смазных сапогах, представленные в живописных картинах стародавнего быта за непрменным ведёрным самоваром, кажутся слишком диковинными, причудливыми, архаичными. Однако истовое служение не Богу, а мамоне делает их узнаваемыми и сегодня. Смысл коммерческой деятельности этих лавочников и лабазников заключался в том, чтобы смошенничать, обмерить, обвесить, обсчитать, обмануть покупателя, пусть даже в мелочах. Такие нечистые на руку, мелочные плуты-торгаши до сих пор встречаются на каждом шагу.

Но особенно выделяются в наши дни типы буржуа и капиталистов, которых вывел Островский на смену своим ранним героям — старозаветным, невежественным, “диким” купцам. Новое поколение предпринимателей обрело иной размах. Капиталисты, “которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми”, уже не озабочены копеечной выгодой, они ворушают миллионы.

Для промышленника Василькова в пьесе “**Бешеные деньги**” (1870) полмиллиона рублей — “это ничего”. Промотавший состояние дворянин-бездельник Телятев с удивлением готов признать российского коммерсанта чуть ли не родней банкирского клана Ротшильдов:

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то, как грибы, растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего”.

Эти новые хозяева жизни получили образование, обрели европейский лоск. Таковы коммерсанты в знаменитом шедевре Островского “**Бесприданница**” (1878):

“Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец”; “Мокий Пармёныч Кнуров, из крупных делцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием”. Неважно, что пожилой “денежный мешок” носит стародавнее имя, напоминающее о “диких” купцах в прежних пьесах драматурга. Здесь — иной уровень: “Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклонны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает”. Кнуров и Вожеватов на протяжении пьесы несколько раз осуждают предстоящую поездку в Париж, на выставку, где их давно ждут.

Сродни Кнурову “Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причёсан и одет очень чисто” — в драме “**Последняя жертва**” (1878). Этот торговец с совсем не светским именем имеет абонемент в ложах самых блистательных театров, посещает дорогие представления с участием иностранных знаменитостей. “Росси изволили видеть? <...> Хороший актёр-с”... — так Прибытков аттестует итальянского корифея Эрнесто Росси, который часто гастролировал в России. Кроме того, Прибытков — ценитель живописи, коллекционер дорогостоящих полотен:

Ирина. <...> это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с”.

В то же время сей расчётливый делец (фамилия характеризует его как нельзя лучше) никогда не станет бросать деньги на ветер, ничего не сделает без выгоды. Он беспощаден к должникам, отправляя их в долговую тюрьму: “Угодно вам будет деньги заплатить или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и друтому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию?”

Когда приглянувшаяся ему молодая вдова Юлия Тугина умоляет богатея дать ей денег взаймы, он отвечает категорическим отказом:

“Юлия. Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с”.

Точно так же делец ценит своё время. Приглашая Юлию на обед, Прибытков обозначает строгие временные рамки: “Милости прошу откушать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с”.

Он готов раскошелиться, но исключительно в своих интересах. Старый сластолюбец, равнодушный к женскому полу (“очаровательность женскую понимаем”), хочет просто купить расположение Юлии. И она это отчётливо понимает: “Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание”.

Таков же Кнуров в **“Бесприданнице”**. Пользуясь отчаянным положением, в котором очутилась Лариса, женатый старик предлагает девушке стать его содержанкой: “Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? <...> И полное обеспечение на всю жизнь? <...> Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления”.

Кнуров не скупится, потому что для него Лариса, её молодость, красота, душа, честь, жизнь и судьба – тот же товар, только дорогостоящий: “Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> И хорошего ювелира”.

“Всякому товару цена есть”, – таково убеждение денежных воротил, уверенных в том, что всё на свете – даже нематериальное, духовное – продаётся и покупается.

Дельцы лишены души, не знают любви. Сердечные чувства заменил чёрствый, холодный расчёт.

Таковы они и в семейных отношениях. Продают самих себя без любви “миллионным невестам”, как, например, “Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из সুодохозяев, лет за 30” в **“Бесприданнице”**:

“Паратов. Что такое “жаль”, этого я не знаю. У меня, Мокий Пармёныч, ничего заветного нет; найду выгоду, так всё продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчёты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достаётся оно мне недёшево: я должен проститься с моей свободой, с моей весёлой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни. <...> Отец моей невесты – важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и *parlez français!* {Говорите по-французски!}”;

В пьесе **“Последняя жертва”** красавчик-дворянин Дульчин, обещавший жениться на безумно влюблённой в него Юлии Тугиной, бросил молодую вдовушку, когда выудил и проиграл в карты всё её состояние. Этот азартный игрок и мошенник собирается поправить своё финансовое положение женитьбой на внучке Прибыткова Ирине, ошибочно принимая её за богатую наследницу. Однако, узнав, что большого приданого за Ириной не дадут, немедленно оставляет невесту. Промотавшийся вконец, Дульчин готов продать себя в мужья молодой купчихе-миллионерше и обращается за содействием к свахе:

“Дульчин. <...> Попробую ещё пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову”.

Мужем-игрушкой для стареющей дородной купчихи Белотеловой с состоянием “сверх границ” становится молодой человек Бальзаминов, мечтающий выбиться из бедности женитьбой на богатой невесте: “Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон”.

Мелкому чиновнику из мешанской среды Островский посвятил целых три пьесы: **“Праздничный сон – до обеда”** (1857), **“Свои собаки грызутся – чужая не приставай”** (1861), **“За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)”** (1861).

Водевильный герой — совсем не хищник, не расчётливый хладнокровный охотник за большим приданым. Этот скудоумный “младой вьюнош”, даже по оценке его матери, “умом-то недостаточен”, “разумом-то он у меня больно плох”. Он настолько наивен, простодушен, доверчив, что по временам вызывает жалость. Его обманывают, оскорбляют, даже травят собаками, чтобы не маячил под окнами барышень на выданье. Зажиточная купеческая родня приглянувшихся ему девиц с насмешками и оскорблениями изгоняет незадачливого жениха.

В качестве мужа “дурашливый” Бальзаминов становится собственностью обладательницы торговых лавок в Китай-городе, скупающей в своём вдовстве, купчихи Белотеловой по её прихоти, для потехи.

Так и дельцы, если не продаются сами (как барин, хозяин парохода Паратов), то покупают себе жён, особенно когда в этом есть коммерческие зоны. Таков в пьесе **“Бешеные деньги”** Савва Геннадьевич Васильков — “провинциал, лет 35. Говорит слегка на “о”, употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги <...> Провинциальность заметна и в платье”.

Не имеющему столичной хватки купцу из глубинки выгодно жениться на красавице-аристократке Лидии Чебоксаровой. Пусть её семейство обеднело, зато высокий дворянский титул, светские знакомства, изысканные манеры, образованность такой жены должны, по расчёту Василькова, помочь ему в деловых отношениях. Разорившиеся, но всё ещё высокомерные, неприступные аристократки Лидия и её мать Надежда Антоновна быстро меняют презрение на благосклонность в отношении неотёсанного купца, когда узнают о его несметных богатствах от своего знакомого дворянина Глумова.

Впервые Егор Дмитрич Глумов появился в комедии Островского **“На всякого мудреца довольно простоты”** (1868). Это тип “злого гения”, глумящегося над слабостями и пороками людей, выкидывающего над ними злые шутки. В пьесе **“Бешеные деньги”** Глумов распускает молву о мнимых золотых приисках Василькова, и надменная мать Лидии на глазах меняет своё отношение к Василькову, несмотря на нарочитую несуровость этих издевательских глумовских измышлений. Комический эффект достигается сочетанием нелепости непроверенных слухов и мгновенного результата их воздействия на горделивую светскую даму, которой мысль о неисчислимом состоянии потенциального жениха для дочери совсем затмевает разум:

“Глумов (Надежде Антоновне). У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намыивают.

Надежда Антоновна (взглядывает на Василькова). Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что всё в тайге живёт, с братьями.

Надежда Антоновна (ласково смотрит на Василькова). Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку даёт горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (очень ласково смотрит на Василькова). А он ведь и собой недурён...”

Васильков, не имеющий огромных капиталов, живёт по принципу: “Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет”. Даже понастоящему влюбившись в Лидию, он продолжает оставаться экономным и расчётливым: “Я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо ещё, что у меня воля твёрдая, и я, как бы ни увлеклся, из бюджета не выйду. Ни Боже мой! Эта строгая подчинённость однажды определённого бюджету не раз спасала меня в жизни. <...> Хорошо ещё, что у меня довольно расчёта, и я никогда не выйду из бюджета”.

Продав себя в замужество мнимому золотопромышленнику, Лидия жестоко просчиталась в своих надеждах на роскошную беспечную жизнь. Васильков не позволяет жене бездельничать, принуждает трудиться: “Я даром денег не бросаю”. Она обязана отрабатывать свой хлеб и своё содержание: “Подите

ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год”. Для начала муж-купец собирается запереть Лидию в глуши и сделать из чопорной аристократки деревенскую хозяйку-домоседку: “А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде”.

Услышав в очередной раз от Василькова: “Но знайте, что я из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета”, — потрясённая Лидия окончательно прозревает: “Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моём унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на её место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет”.

Материальное и моральное оскудение дворянства становится в драматургии Островского отдельной темой. В пьесе **“Бешеные деньги”** она воплощается не только в образах Лидии Чебоксаровой и её матери, но и других дворян разных поколений. Это и старик Кучумов — “лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене, и по матери много титулованной родни”; и Телятев — “неслужащий дворянин, лет 40”; и “молодой человек” насмешливый Глумов. Все они лентяи, бездельники, прожигатели жизни, давно живут взаимы и не привыкли отдавать долги, платить по счетам.

Некоторые промотавшиеся дворяне попадают в долговые тюрьмы. Но многие всё же умудряются выживать за чужой счёт — особенно за счёт безродных, но спесивых купцов, которые считают для себя честью яхтаться со знатью.

Это общественное явление также глубоко исследовал современник Островского Лесков. Так, он отмечал в очерке **“Пресыщение знатностью”** (1888), что обогатившиеся в “сфере плутней и обмана” купцы-“пупцы”, “прибыльщики и компанейщики” становятся “самыми мелочными и ненасытными честолюбцами”. На “ярмарке тщеславия” они лезут во власть и в знать: “купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперёд прёт”.

В пьесе Островского **“Не всё коту масленица”** (1871) героиня справедливо недоумевает по поводу закоренелой привычки оказывать почёт и уважение “денежным мешкам” в человеческом облике, которые как личности не стоят ломаного гроша: “Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а всё-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай — деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почёт, и не то что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный”.

Нередко эти “ненасытные честолюбцы”, теща свой купеческий норов, держали при себе промотавшихся “их благородий” из дворян в качестве угодливых шутов и приживальщиков, зависимых от прихотей хозяев-толстосумов.

Их причуды зачастую принимали самые дикие и безобразные формы, выливались в настоящие оргии безудержного разгула. В пьесе **“Горячее сердце”** таков подрядчик Хлынов. Каждый день этот ошалевший самодур выкидывает новые “дикины”, не переставая куролесить и куражиться.

“Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. <...> По его капиталу необходимая это вещь. Как пьёт стакан, сейчас стреляют, пьёт другой — стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми”.

Такие частные артиллерийские залпы и салюты были обычным делом среди разгулявшихся дельцов. В драме **“Бесприданница”** беспрестанно слышатся пушечные выстрелы: “Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют”. “Парадный” дворянин Паратов также не чужд этого дорогостоящего кичливого купеческого обычая, тешащего самолюбие: “Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палая. <...> С шиком живёт Паратов. <...> Уж чего другого, а шиком довольно”.

Этим “шиком” “блестящий барин” ослепил, обманул и увлёк Ларису. Для неё “Сергей Сергеич... это идеал мужчины”. Но именно он оказывается

наиболее жестоким, бесчестным и бездушным, приводя девушку к гибели. “Безбожно, безбожно!” – последние слова запоздало прозревшей Ларисы, обращённые к Паратову.

Этой своей юбилейной пьесе, созданной Островским в его 55 лет, драматург придавал особое значение: “постараюсь отделать самым тщательным образом, потому что это будет сороковое моё оригинальное произведение”. **“Бесприданница”**, которую отличают не теряющий актуальности драматический конфликт, особенная психологическая глубина в разработке характеров, была несколько раз экранизирована и до сих пор не сходит с театральных подмостков.

В драматургии Островского представлена современная модель жестокого, несправедливо устроенного общества. Вершина этого социального обобщения явлена в пьесе **“Волки и овцы”** (1875): “Да разве кругом нас люди живут? <...> Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать”; “Да, на свете волки да овцы, волки да овцы”.

Указывая на “психологию насилия и обмана”, разработанную в пьесах Островского, литературный критик Н. К. Михайловский (1842–1904) подчеркнул зоологические черты персонажей-хищников: “Восстанавливая в своей памяти длинный-длинный ряд героев и героинь Островского, невольно представляешь их себе снабжёнными либо волчьим ртом, либо лисьим хвостом, либо тем и другим вместе. <...> волчья пасть, раз уж она обезобразила лик человеческий, пополняется лисьим хвостом как своим логически необходимым спутником”.

Плотоядные хищники в человеческом обличье населяют и остросатирическую пьесу Островского **“Лес”** (1870). Тёмный дремучий лес, где господствуют звериные законы, становится ещё одним обобщающим образом, символизирующим неблагоприятное, античеловеческое устройство жизни.

В своём заключительном монологе странствующий актёр-трагик с соответствующим сценическим псевдонимом Несчастливцев страстно обличает этот “лес” и его хищных обитателей: “И в самом деле <...> зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут всё в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя от горького житья у своих родных: лес, братец”. Разоблачения обретают высокий трагический накал, когда Несчастливцев цитирует пьесу Фридриха Шиллера (1759–1805) **“Разбойники”**: “Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слёзы – вода! Ваши сердца – твёрдый булат! Поцелуй – кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные вороны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!”

Недоучившиеся дворяне, не знакомые с творчеством немецкого романтика и гуманиста, воспринимают эту литературную цитату не просто как оскорбление в свой адрес, но как “бунт”, подрывание “основ”:

“Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев (Милонову). Меня? Ошибаешься. (Вынимает пьесу Шиллера **“Разбойники”**.) Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты – как подьячий! Ну, довольно! В дорогу”.

Трудовой хлеб нелёгок, даже горек. Он не предоставляет честному труженику никаких возможностей выбиться из беспросветной нужды, не спасает от насмешек и издевательств со стороны богатых лентяев и бездельников.

Вести такую жизнь изо дня в день равносильно аскетизму, подвижничеству. Нужна большая внутренняя сила, духовная стойкость “мучеников правды” в борьбе с искушениями. “Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь”, – таковы опасения героя пьесы **“Доходное место”** Жадова. Под натиском жизненных трудностей – “Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат. <...> Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю...”, – он чуть не предал своих пылких юношеских идеалов, “чувства справедливости, чувства долга”. Молодой человек, намеревавшийся служить честно, едва не оступился, когда скрепя

сердце, сгорая от стыда, пришёл просить у чиновника высокого ранга, своего дядюшки Вышневого “доходного места” с возможностью получать взятки.

Высокопоставленный государственный сановник – старый коррупционер, сколотивший на взятках громадное состояние, купивший себе молодую жену, – готов торжествовать победу. Он с презрением обращается к Жадову и в его лице ко всему молодому поколению, желающему очищения общества: “Не ты ли говорил, что растёт какое-то новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой!”

Этих упреков достаточно, чтобы молодой человек опомнился и снова стал на путь истинный: “...Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. <...> Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного”.

Островский с искренней симпатией и большим сочувствием относится к тем своим персонажам – бесхитростным и простосердечным людям, которые стремятся к простому семейному счастью, хотя и имеют свой кусок хлеба – пусть без излишеств, но позволяющий сохранить честь, порядочность, человеческое достоинство: “честнее труда ничего на свете нет <...> живите трудом, работайте”. Такой завет оставила в письме дочери её умирающая мать в пьесе **“Трудовой хлеб”** (1874). Такого же принципа на протяжении всей своей жизни придерживался и сам драматург.

Для высоконаравственных, порядочных людей-тружеников деньги не фетиш, “золотой телец” не божество, которому поклоняются одурманенные маниакальным преумножением богатств обезумевшие существа, утратившие в душе истинного Бога и Его благодать. Эти безумцы, помешанные на деньгах, когда их теряют, оскудевают не только материально. Они полностью опустошаются внутренне, утрачивают смысл, цель и радость жизни. Закономерный итог разорённых поклонников не Бога, а мамоны – постыдная смерть самоубийц. Об одном из таких персонаж-учитель с говорящей фамилией Корпелов рассказывает: “Ведь какой глупый человек-то! Плутуoval, плутовал, да концов-то схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незваные гости явились. Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из револьвера. Хвать-похватъ – денег никаких, одна только записка на конторке: “Без денег, мол, мне жить на свете незачем”. Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поёт – чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живёт. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь – и бедная, и горькая – всё радость. Озяб, да согрелся – вот и радость. Голоден, да накормили – вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду – разве это не радость!”

Добра и радости для всех честных людей, коренного обновления русской жизни на началах добра, красоты и правды жаждал Островский. Борец за правду Христову, за социальную справедливость, за восстановление растоптанной человеческой души, попорченного достоинства личности, он всем своим творчеством, по точному выражению Добролюбова о драме **“Гроза”**, бросил “страшный вызов самодурной силе” – кабальному игу несправедливого социально-политического устройства, порождающего угнетателей, тиранов, деспотов, самодуров всех мастей.

ПЁТР ТКАЧЕНКО

“КРАСНЫЕ ДНИ” АНАТОЛИЯ ЗНАМЕНСКОГО И НАШИ ДНИ

Писателя Анатолия Дмитриевича Знаменского (1923–1997) я знал, прежде всего, как автора романа-хроники о гражданской войне “Красные дни” ещё до её выхода в Краснодарском книжном издательстве в 1987–1988 годах. Более того, волею судьбы оказался в эпицентре общественных противоборств за этот роман, а значит, и за правду о гражданской войне, о происходившем у нас в России в революционном XX веке, да и о происходящем ныне.

Человек масштабного мышления, большого писательского дарования и жизненного опыта, Знаменский притягивал к себе и своей непростой и трудной судьбой. Ровесник моих родителей, он всей своей жизнью явил прекрасный пример того, как нечеловеческие испытания, выпавшие на долю его поколения, могут не только безжалостно ломать людей, отравляя их душу и разум, но и того, как эти испытания устоявших в них делали ещё более сильными и неуязвимыми.

Родился он на Дону, в казачьей семье на хуторе Ежовском, близ станицы Слащёвской Сталинградской, ныне Волгоградской области. Сразу же после десятого класса, в семнадцать лет был осуждён по политической 58-й статье. Восемнадцать лет, с 1940-го по 1958 год, провёл в лагерях и на поселении, на стройках Крайнего Севера. Был разнорабочим, десятником на каменном карьере, начальником отдела труда и зарплаты Верхне-Ижевского разведывательного района, заведующим отделом промышленности районной газеты “Ухта”.

Отец Анатолия Дмитриевича Д. М. Знаменский, закончив военно-ремесленное училище, служил в Петербурге в лейб-гвардии Атаманском полку (1910–1914). В 1918 году, как и многие хопёрцы, попал в отряд Ф. К. Миронова – будущего командарма Второй конной. Был писарем в штабе его 23-й дивизии. С 1927 года жил в своей родной станице Слащёвской. Дважды был осуждён: в 1936 году – три года лагерей, в 1940-м – восемь лет лагерей на Колыме. Умер в 1958 году на 69-м году жизни.

Свой первый роман “Неиссякаемый пласт” А. Д. Знаменский опубликовал в журнале “Север” (тогда – “На рубеже”) в 1950 году. В 1957 году был реабилитирован. По рукописи романа “Ухтинская прорва” был принят в Союз писателей СССР. В 1960 году закончил Высшие литературные курсы в Москве и переехал на постоянное место жительства в Краснодарский край.

Далеко не каждый человек находит в себе духовные силы для преодоления таких испытаний, падая под их бременем. А. Д. Знаменский не только преодолел всё выпавшее ему, но развил в себе творческую личность, сохранил живую душу. Именно этим стоицизмом, прежде всего, он и привлекал меня.

Иные писатели из своей гонимости, из своего лагерного прошлого делали репутации. Лагерное же прошлое А. Д. Знаменского, осуждённого именно по политической статье, как-то мало соотносилось с его личностью и творчеством, его человеческой позицией. Он не то, что не помнил его, но не апеллировал к нему так, как это назойливо делали другие писатели. Но таких, устоявших, было совсем немного. Вспоминается поразительная судьба Ярослава Смелякова, да вот ещё — Анатолий Знаменский...

Потом уже, со временем я убедился в том, что те писатели, которые исключительно из своего лагерного прошлого “делали” биографии, тем самым свидетельствовали о том, что они так и не смогли преодолеть тюремную психологию, теперь уже отравляя ею души других. Это не позволило им постичь истинный смысл происходящего. Об этом, кстати, писал М. А. Шолохов в рецензии на “Пир победителей” и “В круге первом” А. И. Солженицына 8 сентября 1967 года. *Жалкий лепет оправданья*, что они делают это для того, чтобы подобное “не повторилось”, — это уж для самых наивных и доверчивых людей. История не знает повторений, и каждое поколение несёт свой крест. А. Д. Знаменский, имевший более, чем кто-либо, основания обижаться на несправедливость, вроде бы и не обижался. А его здравомыслие, умение различать смысл происходящего либеральничаящими собратями по перу выставлялось как “советскость” в негативном и осуждающем значении. Для них, людей с революционным типом сознания, он представлялся слишком “красным”.

Видя шумный, но эфемерный успех диссидентствующих писателей, выплёскивающих тюремную “баланду” в сознание и души людей новых поколений, Анатолий Дмитриевич как будто с некоторой обидой говорил, что всё это и раньше других он уже описал в повести “Без покаяния”. И вроде бы недоумевал, хотя и знал, почему его лагерная повесть оставалась незамеченной ниспровергателями советского периода истории, в то время как писания других авторов об этом же превозносились непомерно. Поразителен роковой пример — А. И. Солженицына, о чём справедливо писал В. И. Лихоносов: “Всё-таки он какой-то... советский писатель. Писатель-математик. Он единственный в русской литературе классик, которому льстят из-за политики и из-за этой же политики скрывают друг от друга, что романы его читать невозможно — там никого нет, кроме него, стреляющего в большевиков публицистикой, и такого же однобокого, как они... “Красное колесо” невозможно читать; боимся признаться, что читать эту “телемахиду” невозможно. Эпопея о России, а ни одна русская струна не звучит” (“Тоска-кручина”, Краснодар, 1996).

Меня с Анатолием Дмитриевичем Знаменским свёл его роман “Красные дни”. Роман этот посвящён непривычному для того времени аспекту гражданской войны — Второй конной и её командарму Филиппу Козьмичу Миронову. Редактором отдела художественной литературы, критики и библиографии журнала “Пограничник”, где я проработал пять лет, был писатель, капитан первого ранга Александр Михайлович Золототрубов. Мой земляк, родом из станции Кущёвской, он в своё время был порученцем у Маршала Советского Союза Семёна Михайловича Будённого, помогал ему писать воспоминания. И поскольку этот период его жизни был самым значительным для него, он постоянно к нему возвращался. Так или иначе, мы говорили с ним и о Второй конной, и о командарме Ф. К. Миронове. Правда, как знаток Первой конной Александр Михайлович исповедовал представление господствующее, которое можно было выразить словами самого С. М. Будённого; “Ф. К. Миронов, будучи человеком политически незрелым (что он сам признавал), далеко не всегда умел правильно определить своё отношение к мероприятиям Советской власти, понять необходимость для казачества пойти на известное ограничение своих привилегий и на материальные жертвы во имя революции” (“Вопросы истории КПСС”, № 2, 1970). Но это только разжигало моё любопытство. Вскоре открылось, что говорить о какой-то политической “незрелости” Ф. К. Миронова невозможно, так как он изначально участвовал в “мероприятиях” Советской власти. Но он категорически выступал против геноцида казачества, развязанного после известной директивы Оргбюро ЦК РКП(б)

24 января 1919 года о поголовном истреблении казаков, подписанной Я. М. Свердловым...

Из журнала "Пограничник" я перешёл в отдел литературы и искусств центральной военной газеты "Красная звезда". Это было непросто, так как возвращение в Вооружённые силы из грозного ведомства, к которому принадлежали пограничные войска, требовало серьёзной мотивации. Но редактору отдела литературы и искусств "Красной звезды", замечательному поэту и глубокому литератору Юрию Николаевичу Беличенко удалось добиться моего перевода.

В газете мы стремились к тому, чтобы на её страницах выступали известные авторы, писатели, так сказать, первого ряда. И не просто привлекали их, но и широко представляли их новые произведения. Зная о том, что А. Д. Знаменский завершил работу над "Красными днями", и только что вышла первая книга романа в Краснодарском книжном издательстве, я и предложил дать главы из романа-хроники в газете. Предложение было одобрено Ю. Н. Беличенко, и я позвонил Анатолию Дмитриевичу и сообщил ему об этом. Вскоре он, будучи в Москве, завёз в редакцию на Хорошевское шоссе рукопись отобранных глав. И мы запустили публикацию "Красных дней" в газете. Первый отрывок вышел 19 декабря 1987 года с небольшим предварительным словом о личности Ф. К. Миронова.

Ничто вроде бы не предвещало никаких неожиданностей. Но гром грянул нешуточный. Кто-то, видимо, из бдительных ветеранов Первой конной армии написал возмущённое письмо в Отдел пропаганды ЦК КПСС, усмотрев в нашей публикации о Второй конной и её командире Ф. К. Миронове умаление заслуг С. М. Будённого... Тут сказалось известное, ни на чём не основанное противопоставление двух конных армий, в равной мере сражавшихся за установление Советской власти. Но противопоставление это, в конечном счёте, имело идеологическую и мировоззренческую подоплёку.

— Кто готовил материал? — сурово спросил главный редактор газеты, генерал-лейтенант Иван Митрофанович Панов Юрия Беличенко.

— Подполковник Ткаченко.

— Завтра ему быть с утра для объяснений на Старой площади, в Отделе пропаганды ЦК КПСС...

И я пошёл объясняться. Надо сказать, что такой уж сильной "порки" не было. Мне показали папку с документами по Второй конной и спросили, известны ли они мне. Просмотрев их, я ответил, что это мне в общем-то знакомо. Тогда высокопоставленный сотрудник отдела пропаганды (не помню уж, кто именно это был), сказал мне, что ситуация сложилась неловкая. Мы не должны допустить противопоставления ветеранов той и другой армии, даже если кто-либо из них и не прав. Словом, надо в публикации последнего отрывка романа дать послесловие "От редакции". Ничего не оставалось, как написать такое, по возможности обтекаемое послесловие. Я, конечно, понимал, что это будет некоторым отступлением от исторической объективности и возвращением к ортодоксальному толкованию событий гражданской войны, а потому и пришлось отметить нечто неопределённое — о "субъективности" автора и что герой романа Ф. К. Миронов "авантюризм отдельных руководителей, их "перегибы" принимал порой за политику Советской власти..."

Главным же для меня и для автора романа было то, что первая публикация отрывков "Красных дней" в Москве состоялась. Отрывки прошли в одиннадцати номерах "Красной звезды" (19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 30 декабря 1987 года, 3, 7, 8 января 1988 года).

Удивительно единодушной оказалась читательская реакция на нашу публикацию. Люди благодарили газету за неё. Причём это были отзывы читателей, знающих историю гражданской войны. "Потихоньку, но всё становится на свои места. Отдаётся дань справедливости, хотя с величайшим опозданием для тех людей", — писал Н. А. Конников из Челябинска. Участник Великой Отечественной войны из Ставрополя А. Д. Казьмин также благодарил за публикацию, но и отметил, что "совершенным диссонансом к предельно правдивому тексту романа прозвучала заключительная реплика "От редакции"... Такая острота понятна. Но ведь и читающая публика у нас — не Кочубей с двумя классами грамоты". Прислала письмо в редакцию на имя главного редактора и группа ростовчан во главе с Евгением Васильевичем Лыковым: "Мы рады, что замечательный писатель А. Д. Знаменский создал о Ф. К. Миронове

прекрасный роман “Красные дни”. Мы с большим интересом прочитали первую книгу этого романа и теперь ждём с нетерпением 2-ю книгу. Очень хорошо, что ваша газета представила широкому читателю фрагменты этого прекрасного произведения о жизни и деятельности славного командарма. И нам кажется каким-то неотроцкистским анахронизмом приписка к роману “От редакции”. Как это понимать? Или кому-то не хочется возвращать Ф. К. Миронову заслуженную им всенародную славу и доброе имя, и надо как-нибудь подпортить теперь уже посмертную славу великого человека?” “Ложкой дёгтя в бочку меда” назвал нашу редакционную приписку и Иван Георгиевич Войтов, ветеран из Ростова-на-Дону, знаток истории гражданской войны, глубоко изучающий биографии Ф. К. Миронова и Б. М. Думенко.

Казалось, вопрос был исчерпан. И мы не предполагали, что редакции придётся ещё раз общаться с Отделом пропаганды ЦК КПСС в связи с публикацией глав из “Красных дней”. Но на имя главного редактора и одновременно – в ЦК КПСС написал обстоятельные письма ветеран войны, кандидат исторических наук, полковник в отставке Сбойчаков Максим Иванович. Военный журналист, после демобилизации около десяти лет проработавший в Институте марксизма-ленинизма. Был он человеком, действительно знающим и глубоко понимавшим трагедию Ф. К. Миронова, точнее – ту борьбу, которая велась вокруг его имени. Он писал, что “пора покончить с троцкистской версией и с предвзятым мнением, искажающим деятельность полководца”. И предлагал вернуться к публикации и исправить слово “От редакции”. Максиму Ивановичу ответил заместитель главного редактора генерал-майор Б. В. Пендюр. Я же вёл с автором писем переговоры по телефону. А главному редактору пришлось ещё раз объясняться с Отделом пропаганды ЦК КПСС.

“Центральный Комитет КПСС

Отдел пропаганды

На ваш № 040529/02 от 23 февраля с. г. сообщаем, что, принимая решение на публикацию глав из романа А. Знаменского “Красные дни”, редакция газеты “Красная звезда” исходила из стремления рассказать читателям о малоизвестных страницах истории гражданской войны. При этом учитывалось различие между художественным произведением и историческим исследованием. Публикация вызвала разноречивые отклики читателей. Обратился в редакцию с письмом и тов. Сбойчаков М. И., который подверг критике редакционный комментарий. С ним вёл телефонный разговор сотрудник отдела литературы и искусства Ткаченко П. И., готовивший материал к публикации. Автору письма было сказано, что художественные образы романа, изображаемые в нём события вряд ли можно воспринимать как однозначную и окончательную оценку командарма Ф. К. Миронова. Этим и была вызвана необходимость редакционного комментария к опубликованным главам. На это решение редколлегии и ссылался наш сотрудник в разговоре с автором письма.

Ответ, направленный из редакции тов. Сбойчакову М. И., прилагается.

Главный редактор

И. Панов”.

Разумеется, редакция не могла вновь вернуться к публикации, опровергая собственное же редакционное мнение, что я и пытался объяснить Максиму Ивановичу. Но ситуация, возникшая вокруг публикации, всё-таки была поразительной. Роман А. Д. Знаменского был талантлив, открывал малоизвестные страницы гражданской войны, представлял поистине народную личность командарма Ф. К. Миронова, читательские отклики были положительными, как и отзывы историка, – и всё же возник скандал, импульс которого приходил из Отдела пропаганды ЦК КПСС. О “разноречивых” откликах читателей главный редактор упоминал, видимо, понимая всю потаённую подоплёку сложившейся ситуации. Среди историков ведь мнения были действительно “противоречивыми”.

Из “Красной звезды” я никуда уходить не намеревался. Но тут свершилась давняя мечта военных писателей – была образована Военно-художественная студия, куда меня пригласили начальником отдела. Предложение было заманчивым – оставаясь в погонах, быть “свободным художником”. Кроме того, это была более высокая должность. И я, проработав в газете пять лет, перешёл в Студию. Начальником Военно-художественной студии был замечательный поэт, бард, автор многих популярных песен об афганской войне Виктор Глебович Верстаков, а художественным руководителем – известный писатель-фронтовик Иван Фотиевич Стаднюк.

К этому времени вышли обе книги романа-хроники А. Д. Знаменского “Красные дни”, и я предложил выдвинуть роман на соискание Государственной премии России в области литературы. Решение студицев было единогласным. Я написал представление, запросил у автора четыре экземпляра книги и всё это представил в комиссию по Государственным премиям. Особой надежды на успех не было. Но, видимо, сыграло свою роль то обстоятельство, что к этому времени получило широкую огласку в обществе предпринятое нами, немногими потомками казаков в Москве, “возрождение казачества”. И Государственная премия России по литературе за 1989 год А. Д. Знаменскому за роман-хронику “Красные дни” была присуждена.

“В Комиссию Президиума Совета Министров
РСФСР по Государственным премиям РСФСР
в области литературы, искусства и архитектуры
Представление

Военно-художественная студия писателей выдвигает на соискание Государственной премии РСФСР им. М. Горького в области литературы роман-хронику “Красные дни” писателя Знаменского Анатолия Дмитриевича.

Роман А. Знаменского публиковался в альманахе “Кубань”, отдельным изданием вышел в Краснодарском книжном издательстве (книга первая в 1987 г.; книга вторая в 1988 г.), переиздан в “Роман-газете” (№№ 1, 2, 1989 г.).

Произведение посвящено сложному, драматическому периоду нашей истории — гражданской войне на Дону, замечательному человеку, командарму 2-й Конной армии Филиппу Козьмичу Миронову. На огромном историческом материале писатель, по сути, впервые художественными средствами воссоздаёт трагедию донского казачества, полную противоречий борьбу периода гражданской войны на юге России, изображает облик удивительного человека, подлинного народного героя Ф. К. Миронова.

Роман ценен как высоким художественным уровнем, так и приводимыми в нём историческими документами, убеждающими читателей, что казачий вопрос — это тот же крестьянский вопрос, но в более трудном, трагическом варианте. Неслучайно роман А. Знаменского отмечен большим читательским вниманием (список литературно-критических отзывов прилагается).

Думается, что присуждение Государственной премии РСФСР им. М. Горького писателю Анатолию Знаменскому за итог его многолетнего труда — роман-хронику “Красные дни” — будет заслуженной оценкой одного из значительных произведений современной литературы. А вместе с тем и подтверждением его социальной значимости и широкой читательской популярности.

Работа А. Знаменского помогает читателям разобраться в сложном противоборстве сил периода гражданской войны.

Начальник Военно-художественной студии писателей В. Г. Верстаков.
Художественный руководитель И. Ф. Стаднюк”.

Как и следовало ожидать, присуждение Государственной премии А. Д. Знаменскому за роман-хронику “Красные дни” не осталось незамеченным. В газете “Книжное обозрение” за 2 марта 1990 года, № 9 были опубликованы мнения читателя и историка под общим заголовком “Премия присуждена... За что?”. Публикация была удивительной в том смысле, что к этому времени сложилась хорошая традиция наиболее заметные явления в литературе обсуждать “с двух точек зрения”. А тут — оба отзыва были резко отрицательными...

Дело в том, что и писатели, и наиболее проницательные читатели прекрасно понимали, что за этой удачно найденной формой — “с двух точек зрения” — таилась извечная расколотость общественного сознания, свойственная русской жизни всегда. Пожалуй, со “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона (1049). Вполне определившаяся со времён преподобного Иосифа Волоцкого и пресловутого противопоставления “иосифлян” и “нестяжателей”. Кстати, толкуемого за редким исключением и до сих пор превратно... Далее эта расколотость общественного сознания проявилась в известных полемиках А. С. Пушкина с П. Я. Чаадаевым, Н. В. Гоголя с В. Г. Белинским. До наших дней она дошла в форме не просто противопоставления, но непримиримой борьбы “либералов”, которые у нас всегда были “западниками”, и “патриотов”, а точнее — людей с традиционным типом сознания.

В форме же “с двух точек зрения” наконец-то было найдено относительное равновесие, когда высказаться могли все. Хотя это равновесие и нарушалось. Некто Р. Эрин из Новошахтинска обнаружил в “Красных днях” ряд неточностей, от которых не застрахован никакой писатель. Но вместе с тем усмотрел в романе “охоту на ведьм”. На самом же деле автор письма, несколько этого не скрывая, вознегодовал на “необъективное” изображение в романе Л. Д. Троцкого. То есть не положительное его изображение. В связи с этим он неуместно и неловко язвил: “Ждать объективного освещения Троцкого в романе, где в числе положительных героев, за редким исключением второстепенных участников гражданской войны, фигурируют лишь персонажи “Краткого курса”, конечно, не приходится”.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР А. Г. Кавтарадзе в том же номере “Книжного обозрения” попытался опять-таки неловко отвести ответственность от конкретных исторических лиц за людоедскую политику по “рассказыванию”: “Причины серьезных колебаний казачества в гражданской войне, “рассказывания” и других процессов имели глубокие социально-политические и экономические корни и поэтому не могут сводиться к ошибочным действиям отдельных представителей Советской власти, какое бы высокое положение они ни занимали”.

Авторы публикации оспаривали справедливое присуждение Государственной премии А. Д. Знаменскому за роман-хронику “Красные дни”. Но использовали столь хлипкие, демагогические доводы, что промолчать было невозможно. И я выступил в газете столичных писателей “Московский литератор” со статьёй “Дело не в неточностях...” (30 марта 1990, № 15).

Но на этом наши отношения с А. Д. Знаменским не закончились. Я, конечно, знал о неблагоприятном в Краснодарской писательской организации, но не думал, что это доставляет Анатолию Дмитриевичу столь глубокие переживания и что это может закончиться для него трагическим исходом... Краснодарская писательская организация, в отличие от других, всегда отличалась ярко выраженным расколом по духовно-мировоззренческому признаку. Теперь же, когда у нас в России произошло, казалось, немислимое и невозможное, по сути, упразднение русской литературы, вытеснение её из общественного сознания и изгнание из образования, писательские организации перестали быть собственно писательскими. Сложившаяся ситуация приводила к умопомрачительным эксцессам.

Был у нас на Кубани поразительный персонаж – Виталий Канашкин. Доктор филологических наук, окололитературный критик. Писал он не о литературе, а о окололитературных “писательских отношениях”, точнее, о всевозможных скандалах. И как всякий человек такого склада – хваткий и предприимчивый. Он “приватизировал”, а точнее – увёл у писательской организации журнал “Кубань”, со страниц которого изгалялся над всеми и вся. Кажется, он и был предназначен для того, чтобы создавать в творческой среде атмосферу скандала и хаоса. Впрочем, такие личности всегда появлялись тогда, когда “ещё закон не отвердел” (С. Есенин).

В “приватизированном” им журнале “Кубань” (№ 1, 1994) он опубликовал статью “Крылья фраера. Парадоксы слабоумия”, перепечатанную временной газетёнкой “Кубанский курьер” за 18 мая 1994 года. Статья эта не просто унижала писателя А. Д. Знаменского, но была запредельно хулиганской. Хотя до этого, в бытность, когда А. Д. Знаменский был главным редактором альманаха “Кубань”, В. Канашкин писал о нём до неприличия славословные и хвалебные статьи...

Попутно надо сказать об этом странном и в определённом смысле загадочном персонаже периода беззакония. Смотреть равнодушно на этот *литературный терроризм* В. Канашкина я, разумеется, не мог и регулярно откликнулся: “На ватерлинии эстетического нуля...” (“Литературное обозрение” № 9, 1989), “Куда пропала национально-патриотическая “искра”?” (“Литературная Россия”, № 36, 9.09.1994). Статью “Чей рассольник съел Канашкин?” опубликовал в нескольких изданиях (“Советская Россия”, 3 сентября 1996 № 102, “Казачьи вести”, № 26, 1996, в журнале “Дон”, № 8-9, 1996), “Сон Канашкина” (“Литературная Россия”, 1.08.1997, № 31), “Стремленной, или Парение в мутной глубине подсознательных вожделиний” (“Читающий патриот” № 1, 2002).

Буйство литературного хулигана никогда бы не состоялось, если бы оно не находило отклика и поддержки в интеллектуальной среде и, как ни странно, среди патриотов. В рецензии на книгу “На пути к себе” журнал “Москва” вполне серьёзно писал: “Книга В. Канашкина – весомое обобщение двухвекового опыта развития народности в русской литературе, и этим она внесёт несомненный вклад в освоение главнейших проблем современного литературного процесса” (Николай Зуев). Не внесла никакого “вклада”. Пройдут считанные годы, и исчезнет и сам литературный процесс...

Совершенно очевидна утрата смыслов и значения вещей этого мира. Что значит, к примеру, праведный гнев писателя Э. Скобелева в статье “Воспитание патриотизма: зомбированный холуй или сознательный продолжатель национальных традиций”, если декларативные обличения В. Канашкина являются для него последним откровением? “Это положение ярко живописал один из выдающихся русских мыслителей современности – Виталий Канашкин”. А “живописал” он “положение народа, ввергнутого в очередное страдание действиями жуликов, величающих себя “профессорами” и “либералами” (“Русский вестник”, № 16-17, 2011). Если мы пытаемся бороться с “жуликам” демагогией, то страдания народа будут бесконечными...

Статья В. Канашкина повергла Анатолия Дмитриевича, человека с большим сердцем, в растерянность и окончательно подорвала его здоровье. Ища защиты от литературного террориста, Анатолий Дмитриевич написал обстоятельное письмо “Председателю правления Союза писателей РФ Ганичеву В. Н.” и “Комментарий к статье В. Канашкина “Крылья фраера” (копии их он передал мне). Защиты в Союзе писателей России он не нашёл.

Более того, московский Союз одобрил избрание ответственным секретарём Краснодарской писательской организации человека не пишущего, не работающего в литературе. Никогда не написавшего даже газетной заметки. Как литератора не состоявшегося. (“Не скучно, но грустно”, “Литературная Россия”, 28.08.1998, № 35). Виктор Ротов описал последние минуты жизни писателя в пересказе его супруги Нины Сергеевны: “Если Вас не затруднит, расскажите подробнее о последних минутах жизни Анатолия Дмитриевича. Кроме Вас, этого никто никогда не расскажет.

Она вздохнула, видно, ожидала этого вопроса и страшилась его. Не очень охотно стала рассказывать:

– В тот день он встал в хорошем настроении. Сказал: “...Ты знаешь, мне сегодня хорошо, как никогда. Схожу в поликлинику, выпишу лекарства. А то мои заканчиваются”. Мы позавтракали, и он отправился. Взял с собой пару книг своих, мол, подарю врачу и сестричке.

Пришёл домой довольный результатом, выложил на стол рецепты. Я стала собирать обедать. Он вдруг говорит: “Давай выпьем по рюмочке” (у нас своё, домашнее). Выпили по чуть-чуть, пообедали, и он пошёл к себе в кабинет. Слышу, разговаривает с кем-то по телефону. И на повышенных тонах. А ему ни в коем случае нельзя волноваться. Я бросила глажку и к нему. Говорю – заканчивай. Ещё и руку положила на плечо... Он закрыл ладонью трубку, говорит мне: “Михаил Ткаченко...”. По лицу вижу – у них неприятный разговор. Даю ему знак – заканчивай! Но его разве остановишь?! Говорили они долго – минут, наверное, пятнадцать. О чём, я не знаю. Слышу только, он говорит: “Мы их не прогоняли, сами откололись. Теперь пусть попросят к нам, если хотят воссоединиться...” Я вышла, занялась своим делом. Слышу – положил трубку. И тишина. У меня больно сжалось сердце. Я снова к нему. Он сидит на диване, глубоко откинувшись на спинку. Бледный-бледный, говорит глухим голосом: “Нина, мне плохо”. Обычно он называл меня Ниночка. А это... Значит, тяжело ему. Достаяю и подаю ему таблетку. Он говорит каким-то неузнаваемым голосом: “Я уже принял”. И: “Позови Наташу (соседка), пусть давление померит”. Я вышла за Наташей, а сама дрожу вся: умрёт, пока я хожу! Пришли мы с Наташей. Она померила ему давление и смотрит на меня растерянно. Как потом оказалось – оно было смертельно низким. Я по глазам поняла – беда! Она говорит: “Вызывайте “скорую” (“Советская Кубань”, 2000).

Год спустя после его кончины газета “Казачьи вести” писала: “Слишком близко к сердцу принимал он всё, что происходило в России и с Россией, и сердце не выдержало. Он умер – точнее, погиб, словно боец на поле брани самой страшной войны, какая только может быть: в столкновении, смертельной

схватке двух идеологий – православной, одухотворённой соборностью, человеколюбием и милосердием, и пошлой прозападной, сатанинской, развращающей и хищнической, убивающей в человеке Человека”.

Повторилось то, о чём писал А. Блок в дневнике 19 октября 1911 года: “Кроме “бюрократии” как таковой, есть и “бюрократия” общественная”, которая определяет “ценности” в обществе и которая побеспощаднее всякой узаконенной и регламентированной цензуры...”

А. Д. Знаменский так и не смирился с упразднением русской литературы в России. В газете “Литературная Кубань” перед кончиной он опубликовал, по сути, своё завещание “Слово и мысль в резервации, или Монолог в наморднике...” (16–31 января 1997 г., 1–15 февраля 1997 г.): “Мы пережили труднейшие времена культа и застоя, но тогда оставалась надежда и был внутренний смысл писательского подвига. Сейчас же наступило более тёмное безвременье, когда наряду со всеобщим развалом и всеобщей деградацией общества писательство как профессия упразднено, возможно, без возврата. Невежество правит бал, а прошлая “закулиса” ничуть не потеряла силы...”

В последние годы жизни он каждое лето приезжал в Москву, в Дом творчества. Обязательно звонил мне, и мы иногда встречались. Как он объяснял, у него была аллергия на цветущую амброзию. Но теперь, думается, это была не только забота о здоровье. Как большому писателю, ему было необходимо отрываться от провинциальной писательской “амброзии”, от ядовитой “амброзии” писательских отношений.

Он больше не убежит от амброзии в столицу. Не потому, что на Кубани нет уже этой “амброзии”, а потому, что нет больше его – настоящего писателя и замечательного человека – Анатолия Дмитриевича Знаменского.

ВЛАДИМИР ШУЛЬГИН

доктор исторических наук

ОН ЧИСЛИЛСЯ ПО РОССИИ

Два с лишним года тому назад умер Игорь Яковлевич Фроянов, выдающийся историк-русист, “великий князь” исторической науки, как называли его студенты-историки. Поклонники мэтра, прежде всего ученики, почтили его память изданием мемориального сборника.

Эта работа — я уверен — лишь первая из грядущего цикла сочинений, посвящённых И. Я. Фроянову. Ибо он был “зеркалом” нашей эпохи и, беря шире, — выразителем коренной отечественной Традиции духовности и культуры с возрождённой ею в XVIII–XIX вв. *Русской идеей*, нацеленной на поиск путей возвращения Руси на собственный бытийный путь. Поэтому И. Я. Фроянов стремился, подобно предшественникам, к торжеству *Русской альтернативы* западному безбожному модерну. В этом качестве И. Я. Фроянов продолжил и дело своего учителя, В. В. Мавродина, многолетнего декана истфака Санкт-Петербургского университета.

В 1982 году И. Я. Фроянов был избран деканом истфака. В 1997 году по его инициативе была создана объединённая кафедра русской истории, которой он и заведовал. У него были и другие плодотворные инициативы. Так, он настоял на создании кафедры западноевропейской и русской культуры. Мэтр был против отвлечённого “культурологического” философствования, часто по-софистски уклоняющегося от постижения духа национальных культур. Благодаря И. Я. Фроянову “российская” историческая кафедра обрела своё законное русское имя (кафедра русской истории), позднее, впрочем, изъятое в связи с её расчленением на две для отрешения учёного-патриота от заведования. Впрочем, академический и гражданский “вес” мэтра был столь велик, что пойти дальше, исключив его из состава профессоров вуза, не смогло даже тогдашнее прозападное университетское руководство.

Время моего студенчества, первая половина 1970-х годов, давало многим возможность учиться у такого рода “мощных” учителей, честно и со знанием дела стремившихся к *русскому возрождению*. Мне самому довелось быть учеником проф. Г. П. Жидкова, декана истфака в Калининграде и заведующего кафедрой дореволюционной отечественной истории, близкого И. Я. Фроянову по духу и дерзновению в стоянии за правду во всех её изводах. То есть за истину историческую и обществоведческую, за правду педагогическую и кадрово-управленческую, без которых на Руси невозможно успешное руководство учёными коллективами. Ещё эти настоящие герои советского и последующего времени умели идти на жертвы “за други своя”.

Лично я был признателен Игорю Яковлевичу за его поддержку в 2005 году. Он подписал открытое письмо в мою защиту¹. Тогда пришлось отбиваться от судебного иска, поданного калининградским ректором “соросовского”

извода. Тот потребовал от меня выплаты 100 тыс. рублей... за сообщение публике суждений ряда русских мыслителей о либеральном глобализме И. Канта². Тогда “западо-ориентированные” верхи университета “боролись” за присвоение вузу имени И. Канта, замалчивая сепаратистскую подоплёку этого плана. Эти личные обстоятельства дополнительно побудили меня отозваться на мемориальный сборник, посвящённый наследию И. Я. Фроянова.

1. Вклад мастера в историческую науку

Обозреваемый сборник – это почётная дань *огромной личности, ярчайшему представителю русской национальной науки, русскому патриоту, человеку огромной притягательной силы и непреклонной воли, мыслителю, повлиявшему на раскрепощение... народного духа, бойцу, человеку выдающегося ума, безстрашия, научной честности, обладавшему обострённым чувством справедливости, историку-классику, историку-воину, национальному достоянию, великому князю исторической науки...* Так его аттестовали авторы сборного труда, – учёные, политики и общественные деятели³.

Можно добавить, что И. Я. Фроянов был “железно” последователен в суждениях при опоре на рецепцию духа коренных русско-патриотических и государственно-имперских устоев. Это помогало ему преодолевать неизбежные заблуждения человеческого ума, свойственные в разной степени всем людям, что обусловило как священное определение “всяк человек ложь” (Пс. 115:2), так и, вослед, тютчевскую формулу “мысль изреченная есть ложь” (“Silentium”). Мэтр, сознавая суть этой “методологической” максимы, никогда не был в плену “окончательных истин”, несмотря ни на какие “революционно-контрреволюционные” перемены. Неизменной его константой была лишь духовная Правда *Вечной России*. Поэтому он честно отказывался от некоторых ошибочных подходов, навеянных временем. Так, им была преодолена первоначальная “социологизированная” оценка Крещения Руси с присутствием ей отрицанием духовных опор национального бытия. Он честно перешёл на классические “карамзинско-пушкинские” позиции цивилизационного подхода, сознавая диалектическое единство всех элементов Русской Триады (*Народа, Церкви, Царства*). Это был назревший отказ от сдерживающих нашу мысль XX века “классовых” установок⁴.

Подобно В. В. Розанову, И. Я. Фроянов осознал суть пагубной измены нашей Церкви Русскому Царству с воспоследовавшим оттого духовным вакуумом, который по-своему стал заполняться “богоборчеством” радикалов⁵. Другими словами, духовное могло быть заменено лишь чем-то бездуховным или лжедуховным. В 1917 году произошёл назревавший целый век распад единства элементов цивилизующей Русской Триады по образу крыловских Лебедя, Рака и Шуки. Тысячелетнюю (с лишним) Триаду заменила ущербная двоица, состоящая из “передовой партии интернационалистов” и измышленного “советского народа”, в основе своей буквально сконструированного из “примученных” русских, “взятых на заманку всемирного братства” (так метко заметил Л. М. Леонов в последнем своём романе “Пирамида”).

Обречённость вызревавшей новой “социально-демократической” системы, бывшей в том числе следствием постепенного отказа онемечено-опояченных российских верхов XIX века от Русской Триады и скреплявшей её Симфонии властных христианско-народных начал, была осознана русской классикой задолго до революционного взрыва 1917 года. Революция была в значительной мере итогом всего “петровского” исторического цикла с его ставкой на подражательность и поруху духа самобытности. Это классическое воззрение русской мысли, характерное для Святителя Филарета и Пушкина, св. Феофана Затворника и св. Иоанна Кронштадтского с Леонтьевым, Достоевским и Розановым, отстаивал и И. Я. Фроянов, идя собственным исследовательским путём⁶. Мэтр шёл к этому естественному внутреннему “поправлению” стезёй объективного исследователя, уже в “кандидатско-докторантской” молодости 1960-х годов отказавшись от отождествления феноменов “социального” и “классового” при изучении складывания государственности в Новгородско-Киевской Руси, на что указал целый ряд авторов разбираемого сборника, например, проф. С. А. Никонов.

Предельная полнота освоения исторических источников и литературы при изначально патриотической внутренней “закваске” И. Я. Фроянова приводила

его к неизбежному отказу от односторонне-классового марксистского подхода при изучении складывания Русской государственности. Историк, по сути, учил всех нас тому, что объём понятия *социального* шире и масштабнее *классового* (одну из первых его главных книг, о “социально-экономическом” строе Древней Руси я, студент-историк, приобрёл в первой половине 1970-х годов).

В конечном счёте, мэтр пришёл к воззрению, разделявшемуся представителями коренной Русской традиции словесности, от Илариона Киевского до св. Серафима Саровского, Пушкина и Достоевского, а далее, — до Шолохова и Шукшина с Беловым, — о первичности феномена русской народности в союзе с *духовностью*. Именно её модус, “заквашенный” *русизмом*, а не *норманизмом-германизмом* или *польщиизмом*, лежит в основе российской цивилизующей самобытности, своеобытности, самородности, как об этих началах Руси-России говорили “почвенные” мыслители и художники, обладатели *русского воззрения* в нашем “золотом” и “серебряном” веке. Так и у И. Я. Фроянова, шедшего абсолютно своим путём, духовное, культурное, социальное и классовое сливаются в единое неразложимое целое при доминанте духовного. Это единство, в итоге, всё и определяло на исторической Руси, долго бывшей сплочённой базовым своим настроем — от “нищего слепца” до Царя. Вспомним, кстати, эту мысль Пушкина, высказанную в “Борисе Годунове”.

Вернёмся, однако, к ещё одной важной мысли, объединившей авторов сборника, по-своему убедившихся в масштабе личности мэтра... Люди подобны звёздам, планетам и более мелким телам, частицам, вплоть до космической пыли. У всех своя сила притяжения. И. Я. Фроянов — это большая и яркая притягательная “звезда”, взошедшая на отечественном нравственно-интеллектуальном небосклоне 1960-х–1970-х гг., пополнив славный ряд русских светил ранга Ломоносова, Татищева, Карамзина, Ключевского, Платонова и их продолжателей советского периода — Черепнина, Тихомирова, Мавродина. Это объективное свидетельство его поклонников (не только историков), подпавших под мощную силу благотворного влияния мастера, поднятых на его, фрояновскую орбиту. Так, политик, доктор юриспруденции проф. С. Н. Бабурин свидетельствует, что уже первые монографии И. Я. Фроянова помогли ему стать убеждённым сторонником русского воззрения. Они его уверили в “существовании самобытной русско-славянской цивилизации”. С. Н. Бабурин, в прошлом член Государственной Думы, ныне президент Славянской Академии, по сути, обратил внимание на жизненное целомудрие И. Я. Фроянова, для которого наука, гражданственность и личная жизнь были слиты в неразрывное целое. Мэтр стоял за единство *русизма* в науке и жизни. Этот подход, кстати говоря, помогает понять природу вражды “полунощной Европы” по отношению к России с извечным её “натиском на Восток”.

Дело в том, что Запад под давлением папизма давно отказался от христианского целомудрия, противопоставив воспетый там эгоистический разум любовному сердцу, а Россия мешает окончательному торжеству этого духа “полунощной” цивилизации⁷. Она стоит молчаливым укором, предлагая общаться “не железом и кровью”, а “любовью”, как метко заметил Ф. И. Тютчев. Поэтому всеми силами “просвещённые европейцы” стремились покорить Русь, начиная с XIII века, а наших собратьев — балтийских славян — безжалостно уничтожали как самобытную общность с IX века под знамёнами сепаратных императоров Запада, начиная с Карла, соучаствовавшего в расколе единого христианского мира в 800 году⁸.

Да и учёные, далёкие от истории, как математик В. Г. Халин, бывший соседом И. Я. Фроянова в их “университетском” доме, свидетельствуют о том же “гуманитарном” притяжении цельной и честной фигуры нашего героя. В. Г. Халин признаётся, что “именно благодаря ему я понял, что история — это настоящая наука...”. Что уж говорить об историках и филологах! Они, представители разных ответвлений нашей словесности, аттестуют своего учителя или старшего коллегу “великим учёным”, как его ученики проф. Ю. В. Кривошеев и доц. Т. В. Беликова, по сути, свидетельствуя наряду с другими авторами о принадлежности учителя к пушкинской традиции постижения исторической Руси — изначально *нефеодалной* народной общности с большей, чем на Западе, степенью свободы “массы общинников”. Эта цивилизующая особенность Руси, как показал И. Я. Фроянов, и учитывалась “древнерусской элитой”, нравственно не оторванной от народной массы

в “домонгольский” период. Об этом главном “концептуальном” вкладе И. Я. Фроянова в историческую науку высказались многие авторы воспоминаний, излагая суть нового воззрения, возрождающего классические подходы академического русизма XVIII – начала XX века. Так, профессор В. И. Фокин обратил внимание на единственно верный – синтезирующий – исторический подход мэтра, отвергающий противопоставление “хороших” и “плохих” периодов и эпох. Для И. Я. Фроянова “...и Древнерусская государственность, и Московское царство, и Российская империя, и Советская держава <...> были формой российской цивилизации”.

Авторы воспоминаний (В. И. Фокин и ряд других) подчёркивают, что И. Я. Фроянову, поборнику цивилизационного подхода, удалось доказать неприменимость к истории Руси “марксистской схемы, созданной для Западной Европы”. Богатая землёй Русь позволила долго сохраняться устоям общинного быта и самоуправления. Их учитывал и властный царь Иоанн Грозный (И. Г. Фроянов, кстати говоря, называет его Иваном I, подчёркивая его новый царско-имперский, а не великокняжеский статус). Земельное обилие вело к длительному безразличию княжеско-боярских верхов к землевладению. Их властвование было детерминировано не столько экономическими интересами, сколько напрямую – соображениями национально-государственными, стремлением к славе *Русской Земли*, включая оборону от врагов.

Отсюда проистёк вывод И. Я. Фроянова об отсутствии на Руси классического феодализма западноевропейского типа, на что обратил внимание ряд авторов. И это не свидетельствует о пресловутой “отсталости” Руси, на чём ошибочно настаивали западники, по какому-то инстинкту или непониманию отвергавшие главнейшую цивилизационную категорию *самобытности и русизма*. Тем более что, как показывал И. Я. Фроянов, “люди в древней Руси были свободны и независимы, обладали практической грамотностью, а общество – культурными традициями”, тогда как в Западной Европе того же времени “господствовали самые дикие, варварские проявления крепостничества, а общество напрочь забыло выдающиеся культурные достижения Античности”.

Об этом *духе народности*, исповедуемом И. Я. Фрояновым, ярко сказал профессор А. В. Петров. Национально-ориентированный настрой стал альфой и омегой русской классической традиции, вылившейся в воззрения Сергея Радонежского, Филарета Московского, Карамзина, Пушкина, славянофилов и почвенников, то есть всей главной народной духовной полноты. И. Я. Фроянов также исходил из “почвеннического” постулата, утверждающего императивность бытия и долженствования *русской национальной исторической науки и словесности*. Мэтр, подобно предшествующим носителям Русской Традиции, в частности И. А. Ильину, полагал, что подлинная гуманитарная наука “национальна”. Она такова “в укладе познающей души” народа, породившего её⁹.

Прибавлю, что отмеченное авторами сборника новое *открытие* И. Я. Фрояновым “нефеодализма” Новгородско-Киевской Руси полностью совпадает с воззрениями зрелого А. С. Пушкина, который был уверен, что “феодализма в России не было”. Поэтому Русская история, в отличие от западной, “требует другой мысли, другой формулы”¹⁰. “Сумма” же исторических воззрений Пушкина, высказанная в письме к П. Я. Чаадаеву, сводится к следующему. Поэт “ни за что на свете... не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал” (со всем её величием и славой)¹¹.

Профессор-философ Н. А. Беркович отмечает, что И. Я. Фроянов (друг с юных лет) был близок по своим качествам героям Ф. М. Достоевского, обладая “неимоверной работоспособностью”, “гражданской неуспокоенностью” и “правдоискательством”, отвращаясь от “двойных стандартов”.

Этими качествами, вообще характерными для “русской ментальности”, И. Я. Фроянов был отмечен, стремясь к национальному возрождению и мобилизации народных сил для возвращения России на свой цивилизационный путь “из бездны социально-экономического неравенства”. Высоким целям служил и его последний фундаментальный труд “Нашествие на русскую историю” (2020), направленный против извратителей прошлого. По сути, Н. А. Беркович обратил внимание на интерес мэтра к малоизвестному современному феномену так называемого “политического золотоордынства”.

И. Я. Фроянов занимался этой проблемой, мобилизуя и данные единомышленников, например, проф. А. Г. Кузьмина и других авторов¹².

“Перестроечное” безвременье способствовало явлению на свет современного “казанского” сепаратизма. Носители этой “идеи”, “обосновывая” своё устремление к просепаратистским политическим переменам в России, принялись извращать прошлое древней и средневековой Руси, выбрасывая из него *Русское начало*. Ими *Золотая Орда* не только эстетизируется с забвением её грабительской сути, но объявляется “цивилизацией” — наследницей Империи Второго Рима (Византии) и главной субъектной составляющей “так называемых” Русского Царства и Российской Империи. Новоявленные “золотоордынцы” стремились при содействии западной агентуры влияния и академических структур Казани вычеркнуть русское имя из Истории, называя Россию “Евразийской империей”.

И. Я. Фроянов, и это его заслуга, обратил внимание на это патологическое явление, нацеленное, в частности, на “дегероизацию русской истории”¹³. Как отметил проф. Н. А. Беркович, отрицатели ига бросились извращать “историографию и общественное сознание России”, “переписывая русскую средневековую историю”.

“Эврика” положительной концептуальной академической революции И. Я. Фроянова была весьма сильна и притягательна. Его почитатели почти единогласно об этом свидетельствуют. Так, проф. С. С. Пашин заметил: “По прошествии 40 лет могу с полной уверенностью сказать, что “Очерки социально-политической истории” — это самая важная книга в моей жизни”. И поэтому “дело его [Фроянова] жизни — концепция дофеодального характера социально-экономического и политического строя домонгольской Руси — переживёт всех нас”.

Проф. В. В. Василик также подчёркивает, что общинно-вечевая концепция Руси — “это то новое, что внёс Игорь Яковлевич в изучение истории”. Историк-славист говорит о поразительной широте исследовательских интересов и диапазоне трудов И. Я. Фроянова, и о его жертвенном стоянии за историческую и политическую правду: “Из-за резкого расхождения его концепции с официальными марксистскими представлениями его докторская [диссертация] была утверждена ВАКом только через три года”. Видим, что дерзновение мастера в отстаивании правды Руси-России — это его главная характеристика.

2. Стояние просветителя за народную правду

Многие свидетельствуют, что И. Я. Фроянов как гражданин-патриот негодовал, видя “сознательное уничтожение верхушкой КПСС <...> Союза Советских Социалистических Республик”. Сама жизнь, таким образом, потребовала расширения его “исследовательского поля”. Декан истфака СПбГУ решил изучить вызревание краха по имени “революционная перестройка”, противостоя тем, кто выдавал и выдаёт даже сегодня эту рукотворную “геополитическую катастрофу” за нечто фатально-неизбежное. Опытнейший исследователь стал честным следователем и, как отметил проф. В. В. Василик, “на основании открытых источников и наблюдавшихся им исторических событий Игорь Яковлевич смог правдиво отразить суть исторического процесса в конце XX века и вскрыть причины крушения Советского Союза”, опубликовав в 1999 году нашумевшую книгу “Россия. Погружение в бездну”. За неё он, по сути, и подвергся преследованию, завершившемуся снятием с должности декана, а затем, в 2004 году — и с должности заведующего кафедрой, что было предварено “артподготовкой” в виде серии клеветнических статей и лживых радиопередач.

Многие авторы описывают кампанию травли И. Я. Фроянова начала 2000-х годов, развёрнутую космополитическим “обществом” (это отдельное достоинство сборника по обилию приводимых фактов). В частности, Р. Н. Росенко, тогда заместительница мэтра по деканату, сообщает, что в травле участвовали и немногие внутренние отщепенцы университета, такие как проф. Б. Н. Комисаров, противопоставивший себя коллективу историков, обзывая И. Я. Фроянова “национал-коммунистом”. Подобным образом действовали и “морально мобильные” деятели со стороны, в числе которых были и журналисты. Одна за другой следовали шельмующие публикации в “демократической печати” (“Новая газета”, “Коммерсант”, “Демократический

выбор” и др.). Состоялась и “целевая” передача на ЦРУ-ориентированном “Радио Свобода”. Это свидетельствовало о стремлении Запада “переформатировать” нашу высшую школу с вытравлением из неё русского духа для облегчения насаждения в сердца молодёжи самоубийственной тяги к измене.

Таким образом, агентура влияния Запада играла ведущую роль в шельмовании И. Я. Фроянова. Проф. Ю. К. Руденко проанализировал содержание названной передачи, выданной “Свободой” 1 января 2000 г. (“Петербургский университет в борьбе за историю”). С неё, по мнению автора, и началась “охота на ведьм”. “Запевалой” выступил упомянутый Б. Н. Комиссаров. Ему же принадлежало и заключительное слово, в котором звучал призыв к прозападной “всеобщей мобилизации” граждан с целью изгнания декана. Для этого предлагалось повсеместно “будить тревогу”, включая призыв на помощь “мировой общественности”. Главную же “партию соло” энергично исполнил некий А. Эткинд. Ведущая представила его “писателем, историком литературы, доктором философии Университета Хельсинки, преподавателем Европейского Университета в Петербурге”¹⁴.

А. Эткинд стал “белое называть чёрным”, лживо обвинив декана И. Я. Фроянова в вершимоим “погружении в бездну” университета (СПбГУ), обеляя любимый им Запад и его слуг. А. Эткинд предельно раскрылся, говоря, что теперь уже люди его круга, а не И. Я. Фроянов сотоварищи должны решать, “какую версию истории мы хотим, чтобы учили наших детей”¹⁵. Становится понятно, на какие силы опиралась ректор Л. А. Вербицкая, “по-менеджерски” умело свергая И. Я. Фроянова с занимаемых им должностей. Проф. Ю. К. Руденко прямо подчёркивает, что целью процесса, кроме внедрения прозападных исторических извращений, был “слом традиционно русской (она же “советская”) образовательной системы, ориентированной на фундаментально-гуманитарные педагогические начала. Разрушительное дело было нацелено, в частности, на насаждение “болонской системы” образования”, противной духу Руси, устремлённому к воспитанию у юношества “творческого мышления”.

Многие авторы сборника подобным же образом характеризуют цели ополчившихся на И. Я. Фроянова и в его лице – на всю систему отечественного Просвещения. Так, С. Н. Бабурин замечает, что на мэтра обрушилась “клевета и злоба” в том числе и со стороны “весьма умных агентов влияния Запада” и прочих выразителей “антирусских интересов”. Русофобская “Общая газета” пугала 31.08.2000 г.: “Призрак коммунизма прописан на Менделеевской” (имелся в виду “Фрояновский” истфак университета, расположенный в корпусе по ул. Менделеевской напротив здания 12 коллегий). “Западнисты” вознамерились свалить И. Г. Фроянова с руководящих должностей, поскольку “исторический факультет СПбГУ был в тот момент оплотом Русского мира, а И. Я. Фроянов – его глашатаем”, став “лидером отечественного исторического образования”, увлекая критической “самостоятельностью убеждений”.

Ю. П. Белов также отметил, что противникам И. Г. Фроянова был ненавистен его патриотизм и статус “защитника Государства Российского”, поскольку он был “одним из великих представителей государственнической... исторической школы, родоначальником которой являлся Карамзин”. Подобно предшественникам-гениям (так стихами завершил свой сюжет Ю. П. Белов), мэтр “был полон веры в правды торжество”, “к предательству <...> был беспощаден”.

Проф. Л. В. Выскочков подтверждает, что именно книги И. Я. Фроянова по “современной” истории (“Октябрь семнадцатого...” и “Погружение в бездну...”) вызвали “антифрояновскую” кампанию в среде псевдолиберальной интеллигенции”. Их публикацию прозападные круги, лживо уравнившие себя с “гражданским обществом”, использовали как повод для свержения мэтра с заслуженных им академических постов. Играли роль и “последовательные” выступления декана-историка “против Болонской системы” с раздроблением высшего образования на бакалавриат и магистратуру. Все эти антифрояновские мотивы “прогрессивной общественности” совпали, и началась буквально “травля” с клеветническими обвинениями историка “в ксенофобии и антисемитизме”. Мэтр показал и здесь пример стойкости и победного смирения, продолжив “научно-педагогическую и общественную деятельность” как рядовой профессор.

Многие авторы мемориального сборника обратили внимание на указанную выше “западнистскую” подоплёку травли И. Я. Фроянова. Д. и. н. А. Я. Дегтярёв вспомнил показательную фразу мэтра, сказанную им в личной беседе ещё в середине 1990-х. Проводников *чужеземного идеологизма*, “колебавшихся вместе с курсом партии” в диапазоне от марксизма до либерализма, не устраивало русское постоянство декана. И. Я. Фроянов иронизировал на сей счёт: “В детстве я слыл сыном врага народа, в молодые <...> годы был зачислен в антимарксисты, а теперь я консерватор, ретроград, сталинист и адвокат кровавого большевистского режима”.

Доц. Р. Н. Росенко подчёркивает, что травля вместе со свержением с академических должностей И. Я. Фроянова были проявлением борьбы прозападных сил (под флагом “Болонской системы”) против университетских начал и “русского национального самосознания”, ненавистного “клиентам Сороса”. Этот курс на “американизацию” образования был явной “угрозой национальным интересам России”. Проф. В. Г. Халин также усматривает связь между устремлением ряда влиятельных лиц к торжеству Болонской системы с выгодной Западу “потерей фундаментальности высшего профессионального образования” в России. Против всего этого выступал И. Я. Фроянов, за что и подвергся гонениям.

Проф. Ю. В. Кривошеев вторит коллегам, уточняя, что “травля” И. Я. Фроянова фактически началась ещё в позднесоветское время; тогда — по несогласию с его “антифеодальной” концепцией. Оппоненты прибегали к бесчестным приёмам. Нечто типологически близкое было позднее повторено “демократами” в конце 1990-х–2000-х годах. при свержении мэтра с университетского Олимпа. В начале 1980-х против И. Я. Фроянова в московских академических кругах была инспирирована журнальная кампания. Неблаговидную роль сыграли и подключившиеся к ней два известных ленинградских историка, сотрудники Исторического института Академии наук. В большинстве статей, помещённых в ведущих исторических журналах, антифрояновские “обвинения были беспочвенными и натянутыми”. Чаще это были “пасквили”, целившие в “идеолого-политическую составляющую”. Цель была очевидна: “устранить... неуступчивого конкурента, подрывающего, как считали они, основу основ их научной деятельности — феодальные отношения в Древней Руси, а следовательно, и марксистскую теорию...”.

Тогда, в позднесоветские время это был “забальзамированный” марксизм, а затем — в нео-“демократическое” — породивший это “пролетарское учение” западный либерализм (с лживой многопартийностью и стремлением пошлых людей “вошью вскочить на царское место”). Фроянов прорубался с “уверенностью и твёрдостью” сквозь торосы западнизма, раннего и позднего, чураясь “чужеземного идеологизма” в духе Пушкина¹⁶.

Как метко замечает проф. А. И. Молчанов, мэтр был непобедим как “боец, создатель и творец науки”, противостоял накидыванию “уздечки лжи” на историю. Учёная и гражданская честность И. Я. Фроянова вызывали сочувственный отклик, стремление поддержать его в твёрдом стоянии за Правду. А. И. Молчанов приводит открытое письмо протеста общественности Юга России, опубликованное газетой “Завтра” (2001. № 31). Была поддержана научная и гражданская позиция историка — критика лживого курса “перестройки и реформ” М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина. Речь шла о фундаментальном исследовании, за которое на Фроянова ополчились прозападные круги. Одновременно обличалась Л. А. Вербицкая, саморазоблачительно совмещавшая ректорство с членством в “американском Центре стратегических исследований” Г. Киссинджера и поддержкой русофобской издательской деятельности Дж. Сороса.

Доц. Р. Н. Росенко указала и на показательное президентство ректора Л. А. Вербицкой в Петербургском отделении *Союза англоговорящих*. Всё это красноречиво показывало, каким “тёмным силам” служила антифрояновская кампания. Р. Н. Росенко обратила внимание и на другие, в защиту мэтра, протесты учёных и патриотической общественности, в частности на письмо А. Н. Петрова, директора московского завода “Компрессор”. Тот указывал, что “Вербицкая и её приспешники явно действуют по указке иностранцев”, стремящиеся “разрушить систему образования” России. Далее цитировались “Обращение пятидесяти” к Учёному совету СПбГУ. Писатели В. Распутин, В. Карпов, академик РАН Г. Куманёв, депутат Госдумы космонавт В. Севастьянов и другие призвали к отмене прежнего решения по И. Я. Фроянову,

побуждая “требовать отставки столь беспринципного... прозападного ректора как госпожа Вербицкая”.

Авторы сборника сообщают и об обрушившихся на историка семейных трагедиях, подтверждавших житейскую истину, что беда одна не приходит. Безвременно умерла жена историка, и был убит его сын, руководитель Управления образования Калининского района Петербурга. В. В. Василик заметил, что мэтр “стоически вынес эти удары судьбы”, продолжив спасаться работой, в частности, исследуя политику Иоанна Грозного. Историк пришёл к оригинальному заключению, что важнейшим фактором, вызвавшим к жизни причину, явилась, говоря современным языком, подрывная активность Запада и его агентуры внутри Руси Московской по насаждению ереси жидовствующих. И. Я. Фроянов выдвинул оригинальную версию объяснения ключевых событий важнейшего периода нашей истории, нуждающуюся в дальнейшей разработке. Систематизировались данные о враждебной работе Запада, создавшего “сеть измены” внутри страны. Шёл подрыв устоев христианского государства, что приводило к “разбалансировке” управления.

Отмеченные авторами мемориального сборника особенности исторических воззрений И. Я. Фроянова и его гражданско-патриотических позиций позволяют аттестовать его “числящимся по России”. Остро чувствуя нерешённость ряда научно-исторических проблем, а иногда и бытование целенаправленно вершимой исторической лжи, мэтр основательно обследовал ряд ключевых вопросов отечественной истории буквально всех её периодов. Горевшая в его душе неугасимая “русская свеча” заставляла тонко чувствовать главные узловые точки русской истории, побуждая к выявлению природы главных наших перемен, включая последнюю – великий перелом конца XX века. Отсюда интерес историка к Руси первоначальной с обретением цивилизующей самобытности по всему диапазону жизни – от духовной и культурной “закваски”, обернувшейся высокой требовательностью к себе (об этом говорит наш национальный идеал с “самоопределением” – *Святая Русь, устремлённая к Русской Правде*), до её социального и экономического порядка. И далее – от оценки ключевого в нашей Новой истории царствования Иоанна Грозного (и предшествовавшего ему периода золотоордынского гнёта) до революции 1917 года с новым переломом конца XX века. Всем этим проблемам отечественной истории, по сути, наиболее важным в ней, посвящены объёмные исследования И. Я. Фроянова, которые попутно обсуждаются большинством авторов мемориального сборника.

В отзыве, даже пространном, невозможно обозреть все нюансы и детали, связанные с трудами и личностью мэтра, на которые обратили внимание авторы сборника. Значение творчества этого большого историка-мыслителя доказывается его убеждением в бытийной правде не только *социальной справедливости*, но и русского *национального единства и соборности*. Это две опоры высшей справедливости, опирающейся на духовные устои нашего природного и религиозно-православного русизма. По-моему, невозможно не разделять этой руководящей мысли. Её исповедовал и мой учитель, проф. Г. П. Жидков (1928–1993), основатель исторического факультета Калининградского университета, принадлежавший к тому же “почвенному” направлению вершителей послевоенной исторической науки, отвечавших и за подготовку исторических кадров высшей квалификации.

И. Я. Фроянов обладал замечательными организаторскими способностями руководителя высшей школы, ибо был не новомодным “менеджером”, а настоящим большим учёным, пестуном юношества и одновременно организатором исследовательской деятельности историков. Многие авторы воспоминаний отмечают это единство. Проф. Ю. К. Руденко замечает, какими качествами должен обладать руководитель – и это портрет И. Я. Фроянова: “К власти <...> должны быть допускаемы только люди, совмещающие в своём характере энергию лидерства <...> и постоянное <...> недовольство собой; несокрушимую волю – и стратегически масштабную осмотрительность; беззаветную готовность брать на себя всю полноту ответственности за происходящее <...> и жёсткую (а то и прямо жестокую!) требовательность ко всем и особенно к ближайшим подчинённым; ясное, бескомпромиссно трезвое сознание собственных способностей <...> – и радостное (буквально эстетическое!) любование бурлящими вокруг тебя всевозможными иными <...> талантами и дарованиями друзей, единомышленников, оппонентов, критиков <...>

их противостояние тебе можно использовать, обернуть на пользу общую, во благо всех!” Об этом же редком диалектическом единстве различных даров мэтра сказал и проф. В. Г. Халин: И. Я. Фроянов сочетал “трудолюбие и ответственность”, умел “быть одновременно требовательным и по-настоящему добрым”; обладал “мужеством, честью, смелостью”, сочетавшимися с “удивительной скромностью и деликатностью”.

Мой учитель, проф. Г. П. Жидков, любил цитировать строки Ст. Куняева, любимого им поэта (видного деятеля современного русского возрождения), что “добро должно быть с кулаками”. И. Я. Фроянов также обладал этим бойцовским даром. Умея вести “дипломатию”, он, когда это было необходимо, проводил интеллектуальную “атаку”, добиваясь победы даже в противостоянии с, казалось бы, господствующим большинством. Сознвая правду своего дела, он не унывал, находясь в меньшинстве, побуждая вспомнить справедливость нравственных максим Сократа. На этот дар И. Я. Фроянова, учёного и руководителя, обратили внимание авторы сборника, в частности, проф. В. Г. Халин.

Материалы обозреваемой книги дают понять, что И. Я. Фроянов принадлежал к лучшему и главному “синтетическому” течению современной отечественной словесности и историографии. Оно было отмечено такими признанными именами, как А. Г. Кузьмин (1928–2004), С. Н. Семанов (1934–2011), В. В. Кожин (1930–2001)¹⁷. Все они стремились вместе с первейшими представителями национальной культуры, такими как писатели Л. М. Леонов (1899–1994) и М. А. Шолохов (1905–1984), композитор Г. В. Свиридов (1915–1998), математик-академик И. Р. Шафаревич (1923–2017), поэт Ю. П. Кузнецов (1941–2003), к завершению “красно-белого” интеллектуального и культурного гражданского противостояния на честной патриотической основе, по-пушкински объединяя все патриотические фланги духом *русизма*, скрепляющим всё честное в Отечестве, с отбрасыванием прочь *чужеземного идеологизма*.

В этой связи согласимся с журналистом П. П. Петуховым, аттестовавшим И. Я. Фроянова представителем *патриотического синтеза*. По сути, это был именно *русский синтез!* Ибо сегодня как божий день ясно, что в русской истории XIX–XX веков, сначала интеллектуальной, а затем – и в политической, вершился (волью или неволью) погром *Руси национальной, вечной*. На недопустимость подмены, навеянной атеистической верой (безбожием), обручённой с “чужеземным идеологизмом”, указывали ещё Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин, а затем и вся “русская полнота” деятелей культуры. Все они, от В. А. Жуковского и И. В. Киреевского до К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского и В. В. Розанова, а затем – до В. М. Шукшина, В. И. Белова и академика И. Р. Шафаревича, стремились к *самобытности, своеобытности, самородности*.

Сегодня этот подход ещё более актуален из-за череды состоявшихся в интервале 1905–1917 годов национальных потерь Руси, неизбежно чреватых конечным крахом восторжествовавшей было искусственной “социальной” государственности. Этот крах точно предсказали Достоевский, Леонтьев и Розанов ещё до революции, но ни интеллигенция, ни бюрократические верхи России пророческого гласа гениев не услышали. Крах и состоялся в 1991 году. Мы впали в цивилизационную дисгармонию ценой самопогрома России национальной, вечной, “взятые на заманку всемирного братства” (Л. М. Леонов в “Пирамиде”). Верховная власть, включая “советскую”, так и не села на “Русского коня”, о чём печалился ещё А. С. Суворин при Николае II¹⁷. Неудивительно поэтому попытки Запада – нашего цивилизационного противника с 800 года¹⁸ – воспользоваться “идеологическими” иллюзиями русских, способствуя превращению “самозабвения” Руси в её “самопогром”, а затем – в “окончательный” разгром извне с исключением из числа субъектов мировой жизни.

Обозреваемый мемориальный сборник помогает уяснить суть миссии И. Я. Фроянова – одного из деятелей эпохи назревшего “право-левого” *Русского синтеза*, то есть объединения всех честных носителей *Русской Традиции*. Это необходимо для окончательного преодоления новой Смуты с излечением Отечества от бед прозападного радикализма, воплотившегося в “переломы” 1917-го и 1991 годов. Можно смело заключить, что мэтр был “чистым” зеркалом нашего новейшего времени, одухотворённого поиском и новым

обретением основ-опор подлинного народного единства. Идя своим путём, он преодолел более чем столетнюю эпоху идеологических разделений, “опиравшихся” на ложные “партийные основы”, то коммунистические, то либеральные.

Впрочем, не все авторы мемориального сборника одушевлены современной насущной идеей борьбы за *национальный синтез* с прекращением идеологических и внутрирусских разделений. Так, украинский академик А. Б. Головки (родом из русского Харькова) печалится, что в советский период 1970-х годов на Украине “было запрещено” что-либо “говорить о существовании собственной истории Украины в древние и средние века”. Интересно, давно ли уважаемый доктор открывал “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона Киевского? Иларион как раз в период первой половины XI века славил лишь единую Русь и единый народ “русский”, от Новгорода до Киева и от Полоцка до Рязани. Он не ведал никакой “украины”, как все тогда, включая князя Ярослава Мудрого, прибывшего княжить в Киев из Новгорода. Да её и быть тогда не могло, ибо Киев был *центром*, а не *окраиной Русской Земли*.

Лживый дух “украинства” вместо общего для нас и истинного *русизма* зашкаливает у А. Б. Головки и в следующем высказывании о тех же якобы проклятых “советских” годах: “В Украине выживали и продолжали работать только те историки, которые <...> говорили о многовековой дружбе и братстве украинского и российского народов, о счастье, которое пришло для украинцев после воссоединения с Российским государством, о предателе украинского народа Иване Мазепе...” Тут комментарии излишни. Как в эпоху прежней порухи Отечества, после XIII века дух *польщизны* и *литвинства* требовал от малоросса забыть о своей русской душе в угоду Варшаве, так и сегодня столь же чуждый, но властный дух *западнизма* заставляет иных специалистов подстраиваться под требования “вашингтонского обкома”. Вот осторожный А. Б. Головки и отвращается от общерусской основы Великороссии и Малороссии, да ещё попутно Русских переименовывает в “россиян” и облагораживает мерзешего Мазепу.

3. Уроки борца за русизм, “кадровые” и иные

Дела и дни И. Я. Фроянова, как и его великих соратников по русскому стоянию за Правду, отразили совершающийся на наших глазах тектонический перелом с переходом от национального раскола к единению. И пусть сторонники продолжения гражданского разделения продолжают твердить о И. Я. Фроянове с его “гласом вопиющего в пустыне” как об историке, не вписавшемся в “обязательные” рамки “либерального глобализма”, ведшего якобы безуспешные “арьергардные бои” русизма против превосходящего по силам противника, которому было бы “лучше подчиниться”... Всё это “слова, слова, слова”. И. Я. Фроянов – один из главных интеллектуалов России, носитель духа её классической традиции самоуправления и возрождения на собственной цивилизующей основе. Чувствуя органическую принадлежность к этому “самому, самому главному” на Руси, он знал цену себе, соратникам и противостоящему легиону деятелей, чуждых России Вечной, и поэтому вёл себя как *власть имущий*. Его внутренние качества и дар жертвенного служения Отечеству давали на это право.

Нас не должно смущать, что политические верхи России почти всегда в Новое время либо с опозданием внимали национальной культурной элите, либо вообще не воспринимали творческие импульсы и “смыслы”, исходящие от этого соборного носителя “пушкинско-достоевского” духа национального возрождения. Главное в том, что этот дух живой *Русской альтернативы* ложно-радикальному модерну, до сих пор настоятельно требующий своего политического воплощения, был и является важнейшим культурным “мегафактом” нашей истории последних веков. Его всё большим утверждением мы обязаны и И. Я. Фроянову.

Знакомство с обозреваемым мемориальным сборником позволяет почувствовать и весьма тревожную кадровую проблему высшей школы и вообще – академической сферы России, часто даже не вполне сознаваемую. В 1950–1970-е годы наступала эпоха нового безвременья. Оно было следствием начавшейся после смерти Сталина “дерусификации” политического курса страны, “шедшего вместе” с ложью пресловутых “конвергенции” и “мирного

сосуществования государств с различным социально-экономическим строем". На эти сконструированные идеологемы сделал ставку Запад с его "богомерзкими народами" на новом этапе своей извечной вражды по отношению к Руси-России. Беда была в том, что данное прозападное ошибочное "воззрение" было некритично принято многими нашими обществоведами и позднесоветской политической элитой. Вновь стал навязываться исключительно "социологизаторский" подход при выявлении природы современных международных конфликтов, выдававшихся за проявление "борьбы капитализма и социализма". Народные характеры с их качественными отличиями как фактор мирового противоборства вновь переставали браться в расчёт¹⁹.

Как следствие, на влиятельные посты в академической и культурной сферах стали в возрастающем числе проникать персоны, сочувствовавшие прозападной направленности "нового курса" и, соответственно, "команде", группировавшейся вокруг Ю. В. Андропова. Посему был "закономерно" вознесён космополит М. С. Горбачёв со своим главным "прорабом перестройки" русофобом А. Н. Яковлевым. Ряд авторов воспоминаний мемориального сборника прямо свидетельствуют, что И. Я. Фроянов быстро уловил антироссийскую подоплёку происходящей деградации элиты, выдав упомянутое исследование "Погружение в бездну..."

В обществе всё взаимосвязано. Ползучий космополитический ментальный переворот, шедший в политических верхах страны во второй половине XX века, с неизбежностью вёл к "смене вех" в постановке целей "общественным" наукам. Естественно, на вершины руководства гуманитарными академическими направлениями выдвигались лица соответствующие "новому курсу". Так, при Л. И. Брежневле главой "исторического цеха" в глазах власти стал "историк Великого Октября" академик И. И. Минц (1896–1991), специалист по истории КПСС; а общее "академическое" настроение в духе проамериканской "конвергенции" доверили выражать академику Г. А. Арбатову (1923–2010; Л. И. Брежнев в близком кругу величал его "моим социал-демократом"). Под этого рода деятелей создавались целые академические учреждения, вроде *Института США и Канады*, не говоря уже об *Институте системного анализа АН СССР* с академиком Д. М. Гвишиани во главе (1928–2003; зять А. Н. Косыгина). Сей институт действовал в тандеме с аналогичным австрийским (!) учреждением в Вене.

Эти **новые** исследовательские учреждения, как и им подобные, были нацелены не на интеллектуальную защиту Великой России, а на обоснование **плавной сдачи суверенных государственных позиций** с якобы назревшим слиянием СССР в одну "цивилизованную" общность с "прогрессивным человечеством" (читай – с США и Западом). Естественно, ни о каком первостепенном учёте русско-российских национальных интересов речи не шло. Поэтому, кстати говоря, верховная власть конструктивно не отреагировала на тревожное письмо М. А. Шолохова конца 1970-х годов об отсутствии должной государственной поддержке Русской культуры, что грозит большой бедой²⁰.

Естественно, и в сфере "историописания" и "историовления", если можно так выразиться, государством стали почитаться деятели, примыкавшие к названному кругу "дутых" авторитетов. Все они поднялись на научный Олимп противоестественным путём протектирования сверху в соответствии с духом "чужеземного идеологизма" **в рамках родственной марксизму системы западного либерализма**. Так, по приказу И. И. Минца с его "вертикалью" в 1970-е годы началось преследование учёных, выявлявших важную роль *политического масонства России* в истории XX века. Неудобные партийному историку специалисты доказали, что Февральская революция 1917 года в своей основе была следствием подрывной активности "межпартийного" масонства, а не "классовых противоречий" в духе "методологии" ленинизма (по И. И. Минцу).

Доктору наук Н. Н. Яковлеву (не путать с предателем-однофамильцем), автору нашумевшего "масоноведческого" исследования "1 августа 1914 г."²¹, пришлось даже прибегнуть к защите всесильного главы КГБ Ю. Андропова. Последний по ведомственным причинам не дал расправиться с этим "невыездным" историком, ведшим исследовательскую работу и по линии КГБ²². Хуже пришлось питерскому доктору наук В. И. Старцеву. Его заставили уйти с должности научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР за плодотворные занятия актуальной "масонской темой",

без которой, повторяю, ничего нельзя понять в природе революционного процесса 1917 года²³.

Ползучее наступление западничества, перераставшего в 1970–1980-е годы в откровенный *западнизм* (термин А. А. Зиновьева), завершилось русофобскими “перестройкой” М. Горбачева и “постперестройкой” Б. Ельцина с соответствующей кадровой политикой, потребовавшей “бить” по национально-ориентированным кадрам. Начался тот цикл кадровых перемен, который и вознёс наверх деятелей типа англоманки Л. А. Вербицкой, а та, в свою очередь, стала вершить кадровый произвол на факультетах, нарушая принципы университетского самоуправления. К сожалению, этот объективно антинациональный цикл в жизни высшей школы и академической гуманитарной сферы, очевидный (при его начале) уже при Л. И. Брежнев, до сих пор не завершён. Поэтому во главе ряда университетов и академических институтов и сегодня подчас видим менеджеров-русофобов, равнодушных к прошлому Отечества, либо тех, кто молчаливо их поощряет.

Достаточно взглянуть на фигуру нынешнего “главного историка России” академика А. О. Чубарьяна, специалиста по “ленинской внешней политике”, наследника “партийных” лавров И. Минца, “главного” официоз-историографа СССР. Выражаясь метким словом русского поэта-эпика Юрия Кузнецова, можно заключить, что это “люди близкого круга”, в том числе и по тематике их ангажированно-идеологизированных “исследований”. Им всегда был ненавистен *русизм* – оптимальное сердечно-интеллектуальное настроение русских классиков – Карамзина и Пушкина, Достоевского и академика Платонова, Шолохова и проф. Фроянова и т. д. И – о “советско-постсоветское” чудо! – именно этого рода “национально-кастрированные”²⁴ персоны были и продолжают быть официальными главами “исторического цеха” России. Беда ещё и в том, что при них давно сложилась соответствующая “вертикаль власти” в “гуманитаристике”, так сказать, “от Москвы до самых до окраин”.

И. И. Минц был “историком Великого Октября”, а продолжатель его дела А. О. Чубарьян прославился изучением “ленинской внешней политики”. Встаёт “сарьяновский” вопрос: “А где русские?” (армянский художник ещё в 1960-е годы заметил странную стеснительность официальных кругов СССР вести себя по-русски)²⁵. В итоге видим лидеров гуманитарно-академической сферы, “переформатированных” в русофобском духе. Такова картина и в Калининграде, где в ведущем университете региона (БФУ имени И. Канта) главными историками-грантократами состоят доктор-профессора, никогда не специализировавшиеся на Отечественной истории. Это Ю. В. Костяшов и Г. В. Кретинин, создатели пространного прогерманского курса школьного краеведения (с 6 по 10 класс), написанного под немецкую диктовку под водительством “соросо-ориентированного” ректора университета²⁶.

Чтение “фрояновского” мемориального сборника подтолкнуло к размышлениям на кадровую тему. Заметим ещё в этой связи, что официальными “историческими авторитетами” нас заставляют почитать не историков России, а так называемых “всеобщников” или “зарубежников”, то есть исследователей истории чужих стран и народов. Хотя в России – суверенной великой стране с суверенной же историей – пристало вершить дела с ориентацией на саму себя. Так, в дореволюционные времена естественное первенство было у историков-русистов – Ломоносова, Татищева, Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Платонова. Равно и в “национально-большевистское” сталинское время – у Грекова, Тихомирова, Черепнина, Мавродина. Противоестественное вознесение наверх в период начавшейся “государственной недостаточности” дутых авторитетов – “историко-партийного” И. И. Минца вчера и “всеобщника” с космополитическим уклоном А. О. Чубарьяна сегодня – это признак неолыбшевистско-западнистской хронической болезни нашего общества, которая, наконец, должна быть вылечена.

Общеизвестно русофобское, по сути, современное заявление (2019) А. О. Чубарьяна, в котором тот отверг необходимость “национальной идеи” для России, очевидно, под предлогом пресловутого плюрализма, сочинённого на безбожном Западе для нашего ментального разоружения. Этот сознательный антирусский крен был замечен информанством РЕГНУМ²⁷. Известно и аналогичное по направленности изъятие симпатии А. О. Чубарьяна антинаучному калининградско-сепаратистскому “балтийскому” движению, являющемуся составной частью антирусского “балтийского проекта”

стран НАТО. Прогерманские радители настаивают на существовании некоей отдельной “Балтийской цивилизации”, куда якобы “исторически” входит и наш регион наряду с Германией, Швецией и Польшей и т. п. Для проталкивания этого духа сепаратизма в массы был учреждён *Институт Балтийской цивилизации (ИБИ)* с опорой на заглавную роль А. О. Чубарьяна и на некий фонд “Янтарный мост”. Для внедрения в умы всей этой “балтийской” сепаратистской заманки в 2010-е годы стали проводиться конференции и т. п. мероприятия, посвящённые названной измышленной “проблеме” опять-таки с опорой на А. О. Чубарьяна²⁸.

Между тем, “моментом истины” стали саморазоблачительные слова А. О. Чубарьяна, сказанные им при открытии калининградской конференции, посвящённой вымышленной “Балтийской цивилизации”, никогда не существовавшей. Журналист, прикрепленный к БФУ имени И. Канта в тот период, когда ещё не требовалось изображать патриотизм, откровенно передавал сказанное этим авторитетным столичным “филосепаратистом”:

“Благодаря развитию процессов регионализации *формирование наднациональных, макрорегиональных идентичностей* становится приоритетной темой обществоведческих исследований. Об этом, открывая мероприятие, говорил *модератор конференции* – директор Института всеобщей истории РАН, академик Александр Чубарьян”.

Наблюдая картину противоестественного вознесения на историко-административные верхи такого рода персон, породнившихся с *чужеземным идеологизмом* вместо искомого *русизма*, становится неудивительным и всё происходящее “этажом ниже”, на бывших университетских “истфаках”. Часто их возглавляют люди, равнодушные к истории Отечества. В этом контексте становятся понятными причины устранения И. Я. Фроянова с руководящих должностей истфака ЛГУ–СПбГУ, о чём много сказано в обозреваемом сборнике воспоминаний. Как точно выразил потаённые цели участников антифрояновской кампании проф. М. Ф. Польшов, антипатриоты, сориентированные на Запад, решили “захватить исторический факультет, изгнать преданных России доцентов и профессоров и начать готовить кадры в соответствии с их идеологией и подходами”.

Хорошо, что сегодня недопустимость “обезрусивания” нашего “исторического цеха” всё больше понимается государством и обществом. Это, возможно, послужит залогом будущей положительной перестройки управления делом организации исторической науки и процессом “историописания”. Хотелось бы быстрее увидеть создание исторического и философско-социологического *Института русской профессуры* (под началом признанных патриотов отечества), призванного готовить честных доцентов и профессоров университетов, душой и сердцем породнённых с Вечной Россией и Русской цивилизацией. Уверен, что этой положительной перспективе и служит мемориальный сборник, посвящённый И. Я. Фроянову.

Его авторы, по сути, свидетельствуют о наступлении времени вызова, требующего самоопределения России в большом и малом, как в необходимости национально-ориентированной “доориентации” её политического курса, так и в оздоровительной перестройке системы народного просвещения на началах русско-российского синтеза, то есть в объединении всего лучшего, явленного во все времена отечественной истории. Материалы сборника свидетельствуют, что И. Я. Фроянов всю свою творческую жизнь посвятил достижению этих целей. Согласимся в этой связи с доц. Д. А. Котляровым (в студенчестве бывшим учеником ученика мэтра), заметившим, что в годы учёбы, благодаря работам И. Я. Фроянова, его завораживала идея русской исторической самобытности.

Сделать предстоит колоссально много, но величие целей оправдано их насущностью. Залог успеха состоит в наличии целого ряда русских университетских и академических исторических школ. Их лидеры формировались под началом выдающегося русского историка И. Я. Фроянова и ряда его коллег-патриотов того же патриотического извода и послевоенного поколения. Имею в виду А. Г. Кузьмина, Э. М. Щагина, М. М. Громыко, Г. П. Жидкова и др.

Государство должно, наконец, понять, что исторические факультеты и академические институты должны возглавляться специалистами, знающими родную историю, углубляющими эти знания с пониманием отечественной исторической самобытности в духе классической традиции, восходящей

к Ломоносову, Татищеву, Карамзину и Пушкину. Одновременно должны быть безусловно отставлены от руководства “историческим цехом” многочисленные компрадоры от исторической науки (“грантовые историки”) вместе с курирующими их соглашателями на вузовских управленческих должностях. Ведь сегодня дошло до того, что иной глава университетских историков ничтоже сумняшеся заявляет, что он, “конечно, . . . не был увлечён древней историей России. . .”, но на руководящий пост назначен. Встаёт вопрос: “А что же вы, дорогой специалист по нерусской истории, делаете во главе исторической когорты видного вуза России? И почему под вашим началом укрепляют свои позиции историки-русофобы, издающие свои сочинения на западные деньги?”

Ведь именно этого рода деятели подчас захватывают право руководства профильными научными журналами. Они же организуют исторические конференции, на которых русская история подвергается изрядному поношению, где привлекаются руководителями секций (!) зарубежные историки из ФРГ, Финляндии, Латвии, Эстонии. . . Эти чужестранцы при одобрении наших компрадоров, находящихся на высших академических должностях, внедряют антинаучные и антироссийские положения, например, что значение Куликовской битвы преувеличено, что Русь Московская никогда не являлась составной частью Европейской христианской цивилизации. . .

Вот и на грандиозном “бюджетном” Историческом форуме, проведённом на когда-то “фрояновском” истфаке Санкт-Петербургского университета, участники, полагавшие, что услышат выступление И. Я. Фроянова, были разочарованы. Ещё здравствующего тогда мэтра русской науки прозападные организаторы масштабной суперконференции не удостоили приглашения в число докладчиков. А ведь в его честь должна была быть учреждена “фрояновская” секция Форума, посвящённая истории Древней Руси. Ан нет, соорудили в противовес “наполеоновскую” секцию из сверхмалого числа докладчиков, зато в духе пиетета к чуждому нам “гению Франции”. Её возглавил “учёный наполеоник”, доцент, обласканный за границей (в частности, орденосеца “Почётного легиона”), убивший свою аспирантку вскоре после завершения работы Форума. Так на наших глазах произошло столкновение ещё неустрашенной в рядах университетского начальства *русской правды* с убийственной во всех смыслах *западной ложью*.

В следующем, 2020 году И. Я. Фроянов и ушёл в вечность, сделав своё дело, вдогонку написав труд “Нашествие на Русскую историю”.

Этот объёмный (тысячестраничный с лишним) фолиант по историографии, повествующий о ползучем, ещё не прекращённом захвате нашей академической исторической науки вненациональными элементами, космополитами и прямыми агентами влияния Запада, примеры чего многие лицезрели на вышеупомянутом мероприятии 2019 года в СПбГУ. Ещё раз убеждаешься в правоте свидетельств о том, что в человеческой жизни нет ничего случайного. Мэтр, по сути, отреагировал на происходящую инфильтрацию исторической лжи в отечественную высшую школу и академическую среду, к сожалению, основательно затронувшую и его *alma mater*. Уверен, что это “историографическое” повреждение, с которым так дерзновенно боролся И. Я. Фроянов и которое не могло не коснуться его университета, побудило мастера написать данное сочинение. Как точно заметил проф. Н. А. Беркович, данный опус мэтра по праву является его “историографическим и нравственным завещанием”.

Материалы мемориального сборника свидетельствуют, что И. Я. Фроянов был в своей земной жизни той своевременной личностью, тем необходимым “возбуждающимся” человеком, без которого не стоит ни село, ни город, ни страна. Он стал одним из мощных личных воплощений *Русской цивилизующей альтернативы* безбожному западному модерну и в этой связи – продолжателем национально-ориентированной светской культурной миссии, начатой Ломоносовым и Фонвизиным, движимой затем Карамзиным, Пушкиным, Достоевским, живой до сих пор благодаря Леонову, Шолохову, Свиридову, Белову и Шукшину. Мэтр – из этой главной нашей когорты русских гениев, которые в течение трёхсот лет неутомимо прорывались и прорываются своим “жгущим глаголом” к сознанию и чувствам правящего “озападного” политического класса Отечества в надежде давно назревшего прекращения противоестественной для здоровья России подражательности Западу. Чтение сборника наталкивает и на эту мысль.

Следовательно, великий урок Фроянова таков: если победим внутреннюю измену своей души – историческую, философскую²⁹ и т. д., то достигнем и всех прочих практических побед, включая военные. Этому учит личный дерзновенный этос И. Я. Фроянова, сделавший стояние за Русскую правду главным делом жизни, понимая, что *побеждённые не побеждают*. Если сознание иного (властвующего) российского учёного или политика пленено *западничеством* (безбожно-ментальным, финансовым, антикультурным, бессемейным, содомитским и т. д.), то такой специалист и политик не может одержать никакой жизненной победы. На деле он её и не желает, даже если не сознаёт до конца своей криптоизмены, мня себя и патриотом, и представителем “прогрессивного человечества”.

Подражательность всегда вторична или даже третична. Побеждает же всегда дух национальной самобытности, одним из носителей которого был Игорь Яковлевич Фроянов, честь ему и слава, а нам – урок!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поддержим преследуемых русских патриотов – учёных Калининградского университета. Обращение участников Санкт-Петербургского Патриотического Форума // Русский Вестник, 2005, 18 октября.

² “Протестное мнение учёных-патриотов КГУ <...> оставили без всякого внимания”. Мнение редакции // Янтарный Край (газета, Калининград) 27.05.2005. – № 44; Шульгин В. Н. 1) Может ли “Иммануил Кант” быть нашим знаменем? Нам нужно руководствоваться своей – русской – правдой // Портал “Русская линия” (27.05.2005) – URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=103275> (дата обращения 10.02.2023); 2) Новый немецкий флаг нашего университета. Переименование Калининградского университета – первый шаг к утрате российского суверенитета (1.06.2005) // Там же. – (дата обращения 10.02.2023).

³ С. Н. Бабурин, д. юр. н., политик; Т. В. Беликова, к. и. н.; Ю. П. Белов, публицист; Беркович Н. А., д. философ. н.; Василик В. В., д. и. н.; Л. В. Выскочков, д. и. н.; П. И. Гайденок, д. и. н.; А. Б. Головкин, д. и. н.; Е. Б. Грузнова, к. и. н.; А. Х. Даудов, д. и. н.; Дегтярёв А. Я., д. и. н.; С. В. Козловский, к. и. н.; Д. А. Котлярёв, к. и. н.; П. П. Котов, к. и. н.; Д. М. Котышев, к. и. н.; Ю. В. Кривошеев, д. и. н.; А. Б. Мазуров, д. и. н.; А. И. Молчанов, д. и. н.; С. А. Никонов, д. и. н.; С. С. Пашин, д. и. н.; А. В. Петров, д. и. н.; П. П. Петухов, публицист; М. Ф. Польшин, д. и. н.; В. В. Пузанов, д. и. н.; Д. В. Пузанов, к. и. н.; Р. Н. Росенко, к. и. н.; Ю. К. Руденко, д. филолог. н.; И. Ю. Тюменцев, д. и. н.; М. Ф. Флоринский, д. и. н.; В. И. Фокин, д. и. н.; В. Г. Халин, д. эконом. н.

⁴ Ср.: Фроянов И. Я. 1) Крещение Руси (1988); 2) О Ладогe, Новгороде и Киве (2004); 3) Врата адавы не одолеют Церковь (2004) // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. – СПб: “Астерион”, 2008. С. 58–59, 68–69; 167, 169–178. В статье “Крещение Руси” (1988) читаем сочувственное цитирование идеологизированного М. Н. Покровского: “Православная Церковь, конечно, всячески раздувала значение <...> так называемого “Крещения Руси”, но <...> перемена была чисто внешняя...” (с. 58–59). Читаем и вывод, созвучный Покровскому: “Таким образом, Крещение Руси <...> нельзя считать прогрессивным событием, поскольку христианство вводилось не для утверждения новых, исторически прогрессивных институтов, а для сохранения старых родоплеменных порядков...” (с. 69). В ходе “катастрофы” (см. указанные статьи) историк пересмотрел “антикарамзинскую” (с. 58) оценку Крещения. Он отказался от бездуховного социологизма, характерного для раннего космополитического большевизма, воздав должное народному устою – византийско-русской симфонии христианских властей – Царской, гражданской и Церковной, религиозной, – учреждённых на Руси Св. Владимиром: “Православная Церковь вне государства, конечно, может существовать, <...> но это ущербное состояние – так же, как и государство, оторванное от церковной, духовной, православной пуповины...” (с. 167). Историк по праву заключает: “На основании симфонии Церкви и государства было создано православное царство Святая Русь, образ которой всё чаще возникает в нашей исторической памяти, являя немало поучительного и достойного подражания” (с. 170; курсив мой. – В. Ш.).

- ⁵ Фроянов И. Я. Врата адавы не одолеют Церковь (2004) // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. – СПб: “Астерион”, 2008. С. 174.
- ⁶ Историк писал в духе Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина: “...с Петра <...> идёт раскол русского общества на знать, привилегированную, замыкающуюся уже в иной культуре, и народные массы. И это расхождение <...> привело к революционным потрясениям”. И далее: Царь “был более склонен к протестантизму. Симфония Церкви и государства, <...> которая существовала до Петра, <...> была разрушена. И это поставило в какое-то положение одиночества русскую Церковь – и государство”. – См.: Фроянов И. Я. О Ладогe, Новгороде, Киеве (2004) // Он же. Молитва за Россию... С. 166–167.
- ⁷ Этой проблеме много внимания уделили русские гении, в частности, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев и др.
- ⁸ В день Рождества Христова 25 декабря 800 года Папа Римский Лев III повелел королю Франков (“Великому”) стать отдельным императором Запада, отделившись от законной Христианской Империи (Царства) Второго Рима – Константинополя, что не могло не привести к вековой вражде Запада Европы по отношению к её Востоку.
- ⁹ Курсив автора.
- ¹⁰ Пушкин А. С. Второй том “Истории Русского народа” [Н. И.] Полевого // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 7. – М.: Наука, 1964. С. 142, 144.
- ¹¹ Пушкин А. С. Письмо к П. Я. Чаадаеву // Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. – М.: Наука, 1964. С. 875.
- ¹² Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. – СПб: Русская коллекция, 2020. С. 260–383.
- ¹³ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю... С. 383.
- ¹⁴ Курсив автора.
- ¹⁵ Курсив автора.
- ¹⁶ См. Пушкин А. С. О народном воспитании (1826) // Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. – М.: Наука, 1964. С. 43. *Примечание.* Это аналитическая записка, написанная по запросу царя Николая I, с актуальной посегодняя мыслью о недопустимости рецепции “чужеземного идеологизма” в народном просвещении и необходимости для верховной русской власти опираться на собственные устои и самобытность отечества, памятуя о цивилизующей “разнице духа народов”.
- ¹⁷ См., напр.: Кузьмин А. Г. Мародёры на дорогах истории / Предисл. С. В. Перевезенцева. – М.: Русская панорама, 2005; Семанов С. Н. Россия без русских. – М.: Алгоритм, 2006; Кожинов В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. – М.: Молодая гвардия, 1990.
- ¹⁸ Год создания сепаратной империи Запада, искусственно сконструированной под эгидой папы Льва III из Рима ветхого и короля франков Карла, вставшей во враждебное отношение к нашему Царьграду – Константинополю, законной Империи Второго Рима, прародительницы Третьего Рима – Москвы.
- ¹⁹ Из-за отрицания “духа народности” в политике игнорировались основные причины конфликтности как *греховные страсти*, прежде всего, *зависть* “богомерзких народов” к России, вылившаяся в давнюю романо-германскую политику *Натиска на Восток*. “Богомерзкие народы” – это выражение Ф. И. Тютчева. См.: Тютчев Ф. И. Теперь тебе не до стихов (1854) // Собр. соч. в 2-х томах. Т. 1. – М.: “Правда”, 1980. С. 139.
- ²⁰ Шолохов М. А. Письмо Л. И. Брежневу 4 марта 1978 г. // <https://kpss-ru.livejournal.com/131218.html>?
- ²¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. – М.: Молодая гвардия, 1974.
- ²² Н. Н. Яковлев работал и по проблематике обеспечения государственной безопасности, в частности, изучал подрывную работу США против России. См. его нашумевший труд “ЦРУ против СССР”.
- ²³ См.: Старцев В. И. Предисловие // За кулисами видимой власти. – М.: Молодая гвардия, 1984. С. 3–14.
- ²⁴ Меткое выражение М. Н. Любомудрова, одного из патриархов современного Русского возрождения.
- ²⁵ См. Битов А. Уроки Армении // Битов А. Семь путешествий. Л.: Советский писатель, 1976.

- ²⁶ См. Шабаяева Т. Н. Родная память и чужое наследие // Литературная газета. 2015. № 14; Шульгин В. Н. Прогерманская тенденциозность школьного курса краеведения “История Западной России” // Вопросы национализма. 2021. № 33. С. 210–221
- ²⁷ Академик Чубарьян: в России не будет национальной идеи // РЕГНУМ, 4 декабря 2019 – URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3090551.html> (дата обращения 7.02.2023).
- ²⁸ См., напр.: 1) Чубарьян А. О. Существует ли Балтийская цивилизация? – URL: <http://www.igh.ru/smi/224/> (дата обращения 10.02.2016); 2) В Москве прошла историческая конференция, посвящённая вопросам Балтийского соседства. Конференция показательно называлась “Балтийская цивилизация: исторические традиции, современные тенденции и перспективы развития”. Заглавную роль с российской стороны играли А. О. Чубарьян и ректор БФУ им. И. Канта А. П. Клемешев.
- ²⁹ В университетах продолжается вполне подражательное изучение в основном немецкой философии (“классической” по внедрённой чужой идеологеме), как и во времена Николая II. Русская мысль вставлена в программу в качестве одной лишь частной темы, хотя должно быть прямо наоборот, как доказывал ещё И. В. Киреевский.

Редакция журнала поздравляет нашего автора — видного политического и государственного деятеля, крупного хозяйственника, Государственного советника Республики Саха (Якутия) Вячеслава Анатольевича Штырова с 70-летним юбилеем!

“Национальная идеология не может быть продуктом какой-то серии абстрактных научных трудов или теософских размышлений. Она должна родиться в ходе практической работы, движения общества к определённым целям, преодоления трудностей в ходе этого движения. Тогда результаты и эффективность разных конкретных решений дадут возможность и научного, и обыденно-житейского их осмысления и обобщения в качестве элементов новой идеологии. В этой связи во главу угла можно поставить национальную идею. Достижение поставленных ею целей и будет тем путём, проходя который можно выработать национальную идеологию”.

Читайте статью Вячеслава Штырова
“Национальная идея: есть ли у России будущее без неё?”
на стр. 150.

Дорогие читатели!

Во втором полугодии 2023 года журнал «Наш современник» планирует опубликовать:

- прозу Пётра АЛЁШКИНА “Тамбовские волки”;
- повесть Владимира КРУПИНА “Ловцы человек”;
- продолжение романа Анатолия САЛУЦКОГО “От войны до войны”;
- повесть Валерия ИВАНОВА-ТАГАНСКОГО “Мы там нужны”;
- повесть Валентина АНОЦКОГО “Лунатики дня”;
- повесть Михаила ФЁДОРОВА “Дело схимонаха Луки”;
- роман Натальи СОКОЛОВОЙ “Шумы, помехи и высотные частоты”;
- повествование Андрея РУБАНОВА “Ледяная тетрадь”;
- рассказы Эвелины АЗАЕВОЙ, Ахмедхана ЗИРИХГЕРАНА, Ирины ИВАНЦОВОЙ, Николая КОКУХИНА, Яны МАРКОВОЙ, Валерия ПЕТКОВА, Валерия РЫЖЕНКО, Михаила СОРОКИНА, Юрия СУПРУНОВА, Валерия ХАЙРЮЗОВА, Кирилла ЧАСОВСКИХ, Вячеслава ЯДАГАНОВА и многих других;
- стихи Евгения ЧЕПУРНЫХ, Марины КОТОВОЙ, Надежды МИРОШНИЧЕНКО, Константина ШАКАРЯНА, Елизаветы МАРТЫНОВОЙ, Марии ЗНОБИЩЕВОЙ, Марины АХМЕДОВОЙ, Анатолия АВРУТИНА, Андрея ПОПОВА, Тихона СИНИЦЫНА;
- очерки и статьи Михаила ДЕЛЯГИНА, Сергея КАРА-МУРЗЫ, Геннадия СИДОРОВНИНА;
- окончание книги Сергея КУНЯЕВА о Вадиме Кожинове для серии “ЖЗЛ”;
- критические статьи Владимира ЛИЧУТИНА, Вячеслава ЛЮТОГО, Сергея ПЕТУНИНА, Михаила ГУНДАРИНА, Петра ТКАЧЕНКО, Евгения ЧЕБАЛИНА, Андрея ВОРОНЦОВА;
- материалы, посвящённые памяти Александра КАЗИНЦЕВА;
- материалы к юбилеям Бориса МОЖАЕВА и Игоря ШКЛЯРЕВСКОГО.

Дорогие друзья!

Не забудьте подписаться на журнал “Наш современник”.